
VE RI TAS

РУССКІЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ИЗДАНІЕ

А. ЛЮБАВСКАГО.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ «ТОВАРИЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ, № 5.
1868.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая книга, состоящая почти исключительно изъ дѣлъ, разрѣшенныхъ военнымъ генералъ-аудиторіатомъ (доселѣ нигдѣ не напечатанныхъ),—какъ мы надѣемся, не будетъ лишена интереса для дѣятелей новыхъ военно-судебныхъ учрежденій и для всѣхъ лицъ, занимающихся изученіемъ замѣчательныхъ случаевъ изъ отечественной уголовной практики.

Для удобства читателей мы представимъ характеристику нѣкоторыхъ изъ нынѣ напечатанныхъ процессовъ. Генералъ-маіоръ Бюрно (въ 1848 г.) покинулъ занимаемую имъ въ тылу Шамиля позицію при селеніи Борчъ на томъ основаніи, (какъ онъ выразился въ своемъ донесеніи), что замѣтилъ «глубокое уныніе» въ офицерахъ ввѣреннаго ему отряда; впослѣдствіи же самъ опровергъ справедливость этого объясненія. — Генералъ-маіоръ Кохановичъ сдалъ въ 1855 г. крѣпость Кинбурнъ англо-французамъ, не собравъ военнаго совѣта для обсужденія вопроса объ оборонѣ крѣпости, оставилъ во время осады безъ употребленія до 20 орудій, самъ вышелъ изъ крѣпости къ парламентерамъ, а во время нахожденія въ плѣну обратился къ французскому правительству съ недостойною просьбою: вознаградить его за вещи, утраченныя въ Кинбурнѣ. — Генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ подложно представилъ къ наградамъ за мужество, оказанное, будто-бы, въ сраженіи съ горцами при селеніи Бирикей (1844 г.) четырехъ офицеровъ, которые не участвовали въ семъ сраженіи. Генералъ-маіоръ Патковскій утаилъ побѣгъ 33 нижнихъ чиновъ изъ ввѣреннаго ему полка, (расположеннаго на границѣ съ Пруссіею),—дабы не навлечь начальству и самому се-

бѣ непріятности».—Генералъ-маіоръ Леманъ на ученьѣ, за неимѣніемъ палокъ, — изъ служебнаго рвенія (какъ онъ самъ объяснилъ), жестоко наказалъ шомполами двухъ горнистовъ.—Наконецъ генералъ-лейтенанты Мандрыка и Тришатный и губернаторъ Булдаковъ (стр. 307), желая открыть виновныхъ въ кражѣ денегъ изъ кладовой симбирскаго уѣзднаго казначейства, самовольно вмѣшались въ распоряженія слѣдственной коммисіи и вымогали отъ подсудимыхъ сознаніе посредствомъ пытокъ, — именно подвергали ихъ тѣлесному наказанію и кормили соленою рыбою, не давая пить. Вслѣдствіе этого въ кражѣ денегъ сознались лица, которыя (какъ оказалось впослѣдствіи) вовсе въ ней не участвовали, а одинъ изъ подсудимыхъ двукратно покушался на самоубійство.

Изъ дѣлъ о дуеляхъ особенно любопытны процессы: а) маіора Щедро, вызвавшаго на дуель незнакомаго ему Артемовскаго-Гулака вслѣдствіе ссоры въ трактирѣ, и б) поручиковъ Станишевскаго и Пожидаева, дуель которыхъ не имѣла никакого результата подобно тому, какъ она была лишена достаточнаго повода.

Дѣло о систематическомъ и послѣдовательномъ расхищеніи тайн. сов. Политковскимъ (петербургскимъ Монте-Кристо, какъ называли его въ обществѣ) съ 1834 по 1853 г. болѣе *милліона ста тысячъ* руб. сер. изъ инвалиднаго капитала обнаружило невѣроятныя упущенія въ отчетности, въ ревизованіи и храненіи казенныхъ суммъ, которыя были допущены предсѣдателемъ и членами комитета «18 августа 1814 года», ревизовавшими въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ эти суммы по *фальшивымъ вѣдомостямъ*, такъ что только случаю нужно приписать, что не было растрачено бо́льшее количество денегъ. Въ сравненіи съ этимъ дѣломъ расхищеніе командиромъ тульскаго оружейнаго завода ген.-маіоромъ Лазаревичемъ казеннаго имущества (имъ самимъ впослѣдствіи пополненнаго) является менѣе важнымъ.

Поступокъ прапорщика Мельницкаго, отдавшаго свою шубу въ уплату карточнаго долга и потомъ объявившаго, что шуба была у него насильно отнята дворянами на большой дорогѣ, совершенно совпадаетъ съ дѣломъ кн. Николая Кольцова-Мосальскаго, который обвинилъ полковника Офрейна, (требовавшаго отъ

него уплаты проигранныхъ 500 р. с.) въ похищеніи у него часовъ (Т. II, стр. 125).

Дѣла о контрабандѣ разъясняютъ: 1) что весьма часто контрабанда—водворяется при помощи пограничной стражи содержимой правительствомъ именно съ тою цѣлью, чтобы препятствовать ея ввозу, причемъ контрабандисты требуютъ заложника изъ казаковъ стражи въ обезпеченіе ея пропуска и провожатыхъ изъ той же стражи (дѣла Юліуса и Ананьева); 2) что начальники стражи, будучи поставлены въ необходимость отпускать послѣ поимки контрабанды тайныхъ доносителей, (только для вида участвующихъ въ контрабандѣ и содѣйствующихъ ея поимкѣ), не всегда могутъ съ точностью соблюдать формальности, предписанныя таможенными правилами, (дѣло Шенгелидзева); 3) что вслучаѣ убійства стражникомъ лица, способствующаго контрабандѣ—это дѣяніе должно быть отнесено къ необходимой оборонѣ (дѣло Жеромкина).

Дѣла: Василія Гессе, Волгина и Данила Луженко представляются однородными, ибо всѣ эти лица присвоили непринадлежащее имъ имя и званіе, причемъ первый двукратно принялъ православіе и троекратно вступилъ въ бракъ при живыхъ женахъ, второй на основаніи подложныхъ документовъ приступивъ къ собиранію статистическихъ свѣдѣній въ воронежской губ., наказывалъ крестьянъ розгами и вымогалъ у нихъ деньги, а третій (бѣглый унтеръ-офицеръ), составивъ себѣ фальшивые документы на званіе штабсъ-капитана, дерзнулъ подать просьбу объ опредѣленіи его въ должность городничаго.

Дѣла объ оскорбленіяхъ представляются весьма разнообразными: такъ чиновникъ IX класса Матвѣевъ ударилъ въ церкви дѣйств. ст. сов. Писарева,—который требовалъ, чтобы онъ отошелъ на другое мѣсто, ибо на немъ оборванная шинель; прапорщикъ Сонцевъ оскорбилъ полковника Гриббе, будучи въ пьяномъ видѣ; еврей Шкабло сорвалъ эполетъ съ плеча подпоручика Ефремова, который ругался надъ предметами еврейскаго богослуженія и обѣщалъ наказать Шкабло (безъ всякой вины съ его стороны) такъ, что его на простынѣ отнесутъ въ лазаретъ; фельдфебель Максимъ Тищенко нанесъ два удара по лицу капитану Горбунову, (принимавшемуся въ этотъ день бить

его шесть разъ); подпоручикъ Левицкій учинилъ въ пьяномъ видѣ драку съ каптенармусомъ Комаровымъ и его тещею.

Дѣло о нижнихъ чинахъ жиздринской инвалидной команды представляетъ случай нарушенія военной дисциплины, ибо упомянутые нижніе чины объявили, что они не желаютъ принять назначеннаго имъ въ начальники капитана Дмитріева, который (будто-бы) отличается жестокостью.

Наконецъ изъ дѣлъ о убійствахъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія: штабсъ-капитанъ Матвѣевъ наказывалъ рядоваго Кабаненко розгами, палками и ударами штыка, (который при этомъ сломался), до тѣхъ поръ пока Кабаненко не умеръ; нѣсколько арестантовъ курскаго тюремнаго замка убили смотрителя послѣдняго Безика за то, что онъ воспретилъ имъ имѣть доступъ въ отдѣленіе арестантокъ и продолжать съ ними любовную связь, что дозволялъ прежній смотритель Кременецкій; три арестанта виленскаго тюремнаго замка убили смотрителя онаго Марамыгина за то, что послѣдній наносилъ нѣкоторымъ изъ нихъ побои; колл. ассессоръ Петровъ и мичманъ Ирецкій совершили, находясь въ опьяненіи, покушеніе на убійство — первый своей жены по причинѣ, оставшейся нераскрытою, а послѣдній —товарища вслѣдствіе взаимныхъ оскорбленій; прапорщикъ Соболевъ и юнкеръ Баранцевъ учинили убійство четырехъ лицъ: первый при пособіи своего крѣпостнаго человѣка съ цѣлью ограбленія сигарочнаго магазина, а послѣдній для отнятія у проѣзжаго купца Гибетьуллина шкатулки съ деньгами.

Въ заключеніе мы присовокупимъ, что считали бы цѣль сборника «русскіе уголовные процессы» вполнѣ достигнутою, если бы наглядно убѣдили читателей въ справедливости выраженной нами (въ предисловіи къ I Т.) мысли, что и отечественная уголовная практика прежнихъ годовъ, (съ которою мы старались ознакомить русскую публику), представляетъ не менѣе интереса, нежели практика иностранныхъ государствъ, гдѣ существуетъ множество сборниковъ для напечатанія наиболѣе замѣчательныхъ уголовныхъ дѣлъ.

РУССКІЕ УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Дѣло о генералъ-маіорѣ Бюрно, сужденномъ за покинутіе позиціи при селеніи «Борчъ» — во время нападенія Шамиля (1848 г.), и за ложныя донесенія по сему предмету. *)

Въ началѣ сентября 1848 года, Шамиль, съ весьма значительнымъ числомъ Лезгинъ, вторгнулся въ самурскій округъ, занялъ главныя селенія Рутульскаго и Ахтинскаго обществъ и обложилъ «Ахтинское укрѣпленіе», угрожая нападеніемъ нухинскому уѣзду.

Въ это время генералъ-маіоръ Бюрно находился въ окрестностяхъ селенія «Борчъ», въ 70-ти верстахъ отъ осажденнаго форта, съ отрядомъ, разработывавшимъ новую дорогу по Шинскому ущелью. Отрядъ его состоялъ изъ 1-го баталіона мингрельскаго и 4-го баталіона тифлискаго егерскихъ полковъ, 100 че-

---

*) Мы не сомнѣваемся, что настоящее дѣло, равно и послѣдующее, будутъ интересны не для однихъ военныхъ, но и для всѣхъ русскихъ, которымъ дорога честь русскаго оружія. Ознакомленіе съ этими дѣлами наглядно убѣдитъ читающую публику, что малодушіе и робость, (составляющіе столь рѣдкое явленіе въ нашихъ войскахъ), навлекаютъ на виновныхъ не только нареканіе общественнаго мнѣнія, но и преслѣдованіе по всей строгости законовъ уголовныхъ. Русскіе же военачальники, ознаменовавшіе себя покореніемъ Кавказа и геройскою защитою Севастополя, не могутъ потерять въ глазахъ общества только потому, что въ средѣ ихъ оказались отдѣльныя личности, лишенныя распорядительности и энергіи.

Прим. изд.

ловѣкъ саперъ, команды съ ракетами и около 150 человѣкъ милиціи.

На этой позиціи, (какъ призналъ главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ), генералъ-маіоръ Бюрно обеспечивалъ Елисуйскія земли и нухинскій уѣздъ и прикрывалъ: дорогу въ Шинское ущелье и сообщенія чрезъ Кимское ущелье въ Нуху и чрезъ Хачмазское ущелье въ селенія участка того же названія, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ возможность угрожать тылу и флангу непріятеля по дорогамъ, ведущимъ въ Рутулъ и Цахуръ.

При первомъ извѣстіи о такомъ вторженіи, вечеромъ 6 сентября генералъ-маіоръ Бюрно немедленно собралъ въ одно мѣсто отрядъ свой, расположенный въ Ахтычайскомъ ущельѣ, и, оставивъ инструменты, порохъ, денежную сумму и всѣ тяжести около селенія Хновъ, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 4-го баталіона тифлискаго егерскаго полка,—самъ, съ однимъ баталіономъ мингрельскаго и двумя ротами тифлискаго егерскихъ полковъ, занялъ позицію при селеніи «*Борчъ*», въ продолженіи нѣсколькихъ дней занимался укрѣпленіемъ оной и дѣлалъ распоряженіе о перевозкѣ баталіонныхъ тяжестей. 9-го же сентября, узнавъ, что непріятельскіе отряды заняли селеніе Рутулъ, и что Даніель-Бекъ овладѣлъ самурскимъ округомъ съ мюридами, число коихъ простиралось до 10 т. человѣкъ, г.-м. Бюрно донесъ о семъ какъ начальнику главнаго штаба войскъ, на Кавказѣ расположенныхъ, такъ и бывшему начальнику лезгинскаго отряда генералъ-лейтенанту Шварцу; причемъ, объясняя о важности этой позиціи, присовокупилъ, что онъ не оставитъ оной и будетъ оборонять даже въ такомъ случаѣ, если бы пришлось защищаться съ однимъ баталіономъ, ибо отступленіе въ эти минуты имѣло бы видъ бѣгства. Важность же этого пункта, (какъ генералъ-маіоръ Бюрно писалъ въ своемъ донесеніи) заключалась въ томъ, что онъ обезпечивалъ Елисуйскія земли и нухинскій уѣздъ и имѣлъ возможность въ одинъ день марша явиться по Кебехскому ущелью къ Елису и Цахуру.

Но чрезъ три дня послѣ такого донесенія, именно 12 сентября, генералъ-маіоръ Бюрно оставилъ означенную позицію и отступилъ за гору Салаватъ въ Шинское ущелье, открывъ такимъ образомъ непріятелю, (какъ призналъ генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ), всѣ упомянутыя сообщенія въ нухинскій уѣздъ и

давъ Шамилю возможность дѣйствовать внизъ по Самуру, безъ всякого опасенія за тылъ свой.

Донося о такомъ отступленіи, генералъ-маіоръ Бюрно писалъ: что въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ замѣчалъ *«глубокое уныніе»* въ офицерахъ ввѣреннаго ему отряда, что нѣкоторые изъ нихъ обратились къ нему съ просьбою объ отступленіи, представляя основаніемъ то, что позиція, занимаемая ими—всего въ тысячу штыковъ, безъ орудій, безъ лошадей и палатокъ,—можетъ подвергнуть ихъ неминуемой гибели; что онъ, Бюрно, созывалъ отдѣльно двухъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ и всѣ единогласно подали мнѣніе объ отступленіи, и что принужденный уступить мнѣнію всѣхъ, онъ, не безъ глубокаго сожалѣнія, оставилъ Борчинскую позицію, угрожавшую непріятелю, останавливавшую всѣ его замыслы въ отношеніи Ахтовъ и отнимавшую у него надежду на вторженіе въ нухинскій уѣздъ.

По первомъ извѣстіи объ этомъ отступленіи 13-го числа, бывшій начальникъ лезгинской линіи генералъ-лейтенантъ Шварцъ, — которому генералъ-маіоръ Бюрно былъ подчиненъ на случай вторженія непріятеля въ этотъ край,—послалъ на подкрѣпленіе отряда Бюрно двѣ роты тифлискаго егерскаго полка и два горныя орудія, и отъ 15-го числа предложилъ ему занять прежнюю позицію у Борча, чтобы прикрыть нухинскій уѣздъ и способствовать наступательному движенію, которое лезгинскій отрядъ долженъ былъ предпринять.

Подкрѣпленіе это прибыло на Салаватъ 16 сентября; въ тотъ же день вступилъ въ селеніе Курагъ дагестанскій отрядъ, спѣшившій на помощь осажденнаго Ахтинскаго укрѣпленія; но генералъ-маіоръ Бюрно, (какъ онъ самъ объяснилъ въ рапортѣ отъ 17-го числа), получивъ извѣстіе объ усиленіи непріятеля въ самурскомъ округѣ и о блокадѣ Ахтинскаго укрѣпленія, не счелъ нужнымъ предпринимать наступательнаго движенія въ Борчъ, изъ опасеній за нухинскій уѣздъ и потому, что это движеніе, по мнѣнію его, не доставило бы никакихъ успѣховъ, пока дагестанскій отрядъ не появится со стороны Ахтовъ.

Такое бездѣйствіе генералъ-маіора Бюрно со ввѣреннымъ ему отрядомъ, (по мнѣнію князя Воронцова), имѣло вліяніе на предпріятія лезгинскаго отряда, который ожидалъ вновь занятія селенія Борчъ, чтобы двинуться въ тылъ скопищъ Шамиля. На-

конецъ, когда 21 сентября генералъ-лейтенантъ Шварцъ вторично предписалъ генералъ-маіору Бюрно слѣдовать къ селенію Борчъ, то Бюрно 24 числа двинулся къ оному, но, какъ самъ онъ доносилъ: «къ сожалѣнію, прибылъ уже поздно», потому что непріятель былъ разбитъ и, преслѣдуемый отрядомъ генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго, бѣжалъ въ Казикумыхское ханство и Нагорный Дагестанъ.

Между тѣмъ главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, получивъ вышеизложенное донесеніе генералъ-маіора Бюрно отъ 13 сентября, предписалъ: произвести слѣдствіе противу показанной имъ, Бюрно, причины объ оставленіи позиціи при сел. Борчъ по упадку воинскаго духа въ баталіонныхъ командирахъ и офицерахъ,—признавая, что обвиненіе это весьма важно и обидно для русской арміи и въ особенности для означенныхъ баталіоновъ, которые неоднократно доказали храбрость свою въ бояхъ.

По произведенному слѣдствію означенное донесеніе генералъ-маіора Бюрно не подтвердилось, и кромѣ того на Бюрно возникло обвиненіе: во 1-хъ въ оставленіи, безъ нужды, позиціи у с. Борчъ, — подъ предлогомъ совѣтовъ и мнѣнія подчиненныхъ, и во 2-хъ въ неисполненіи предложенія генералъ-лейтенанта Шварца о занятіи вновь означенной позиціи. А потому генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ подвергнулъ Бюрно военному суду.

При производствѣ слѣдствія и въ военномъ судѣ генералъ-маіоръ *Бюрно* въ оправданіе свое объ отступленіи отъ Борчинской позиціи къ горѣ Салавату, представилъ слѣдующія обстоятельства: 1) что ночью съ 9 на 10 сентября выпалъ въ горахъ снѣгъ, прекратившій сообщенія въ Елисуйскія земли и нухинскій уѣздъ, исключая одной только дороги чрезъ вершины Салавата; а какъ онъ опасался, чтобы снѣгъ не прекратилъ и этого единственнаго сообщенія, то рѣшился занять позицію по ту сторону означенной горы, съ цѣлію обезпечить такимъ образомъ Елисуйскія земли и нухинскій уѣздъ; 2) что 11 числа онъ, Бюрно, узналъ чрезъ лазутчиковъ и изъ письма начальника самурскаго округа о прибытіи Шамиля въ Рутулъ съ подкрѣпленіемъ и о довершившемся возстаніи во всемъ самурскомъ округѣ; 3) что въ тотъ же день собранная при отрядѣ его, Бюрно, ахтычайская милиція разбѣжалась, а чрезъ это онъ долженъ былъ усомниться

въ расположеніи жителей всей Ахтычайской долины и опасаться, чтобы они не бросились на сообщеніе его съ нухинскимъ уѣздомъ; 4) что Борчинскіе жители, которыхъ дурное расположеніе обнаружилось уже въ то время, когда онъ перевозилъ инженерный паркъ изъ Ахтычайскаго ущелья, могли угнать лошадей своихъ и оставить его такимъ образомъ безъ средствъ къ перевозкѣ тяжестей, ибо подъемныя лошади баталіоновъ, по совершенному недостатку въ подножномъ кормѣ, находились отдѣльно и не могли прибыть скоро, а потому, чтобы сохранить инженерный паркъ и всѣ тяжести, онъ, Бюрно, счелъ необходимымъ приблизиться къ подошвѣ Салавата, тѣмъ болѣе, что на этой позиціи препятствовалъ непріятелю пройти въ нухинскій уѣздъ и Елисуйскія земли; 5) что при отрядѣ его не имѣлось орудій, у одного же баталіона не было даже патронныхъ ящиковъ; 6) что въ баталіонахъ со дня отступленія оставалось продовольствія въ тифлисскомъ на три, а въ мингрельскомъ на два дня и 7) что командовавшіе тогда баталіонами маіоры Карякинъ и Грекуловъ подали рапорты, прося о дозволеніи отправиться изъ отряда: первый въ штабъ-квартиру полка, и послѣдній въ госпиталь, а такое отсутствіе двухъ баталіонныхъ командировъ могло увеличить трудность положенія отряда. При такихъ обстоятельствахъ, понимая трудность отступленія, если бы непріятель рѣшился атаковать отрядъ превосходными силами, онъ Бюрно, пригласилъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ, бывшихъ въ отрядѣ, большею частію старыхъ офицеровъ, давно-испытанныхъ въ храбрости и мужествѣ, для частнаго совѣщанія съ ними на счетъ угрожающей опасности. При этомъ всѣ они на словахъ полагали мнѣніемъ своимъ отступленіе за Салаватъ, какъ единственное средство для сохраненія чести оружія и обезпеченія всѣхъ имѣвшихся при отрядѣ тяжестей. Послѣ же нихъ онъ, Бюрно, пригласилъ еще двухъ баталіонныхъ командировъ для совѣщанія, и они, также сознавая необходимость отступленія, содѣйствовали его распоряженіямъ по этому предмету. Онъ, Бюрно, съ прискорбіемъ и сожалѣніемъ повторяетъ, что вынужденъ былъ соображаться съ понятіями храбрыхъ своихъ товарищей, замѣтивъ, что упорство его оставаться на той позиціи, по ихъ мнѣнію, не могло бы принести никакого результата, потому что безъ орудій и безъ подъемныхъ лошадей при-

шлось бы на его долю одно только оборонительное положеніе, тогда какъ непріятель могъ бы отрѣзать отряду сообщеніе въ Салаватъ и пріостановить такимъ образомъ подвозку провіанта и дровъ. Впрочемъ, рѣшась на отступленіе, онъ, Бюрно, имѣлъ въ виду, укрѣпивъ Борчинскую позицію, предпринять наступательное движеніе при первомъ удобномъ случаѣ.

Кромѣ того подсудимый *Бюрно* въ военномъ судѣ объяснилъ, что важность, приписываемая позиціи у *сел.* Борчъ, и основанная на его же собственныхъ донесеніяхъ, совершенно измѣнилась послѣдовавшими событіями. При новыхъ обстоятельствахъ возникла необходимость, чтобы состоявшій въ вѣдѣніи его отрядъ, прикрывая Ахтычайскую долину, былъ въ состояніи прикрывать въ то же время нухинскій уѣздъ и Елисуйскія земли; а чтобы достигнуть этой цѣли нужно было, покуда еще не были приняты мѣры для защиты плоскости, занять среднюю позицію, съ которой можно было бы дѣйствовать во всѣ угрожаемыя стороны. Знаніе же мѣстности, основанное на 4-хъ лѣтнемъ пребываніи на Кавказѣ, вполнѣ убѣдило его, что для этого не было лучшей позиціи, кромѣ той, которую онъ занялъ у подошвы Салавата, ибо она отстоитъ на равномъ разстояніи какъ отъ Нухи, такъ и отъ Рутула, именно въ 45 верстахъ.

Далѣе генералъ-маіоръ Бюрно противъ употребленнаго имъ въ донесеніи отъ 13 сентября выраженія, — что имъ замѣчено «глубокое уныніе» въ офицерахъ,—объяснилъ, что онъ въ означенномъ донесеніи излагалъ объ уныніи офицеровъ не въ томъ смыслѣ, чтобы оно происходило отъ малодушія или упадка воинскаго духа, но уныніе это являлось весьма естественнымъ образомъ по мѣрѣ полученія такихъ извѣстій, которыя, съ каждою минутою, казалось, прибавляли новыя трудности къ водворенію порядка и спокойствія во взволнованномъ краѣ. Слово уныніе онъ, генералъ Бюрно, принимаетъ въ смыслѣ французскаго слова abattement за чувство огорченія, въ смыслѣ, тѣмъ болѣе похвальномъ, что оно происходило отъ сознанія невозможности остановить вторженіе непріятеля тѣми средствами, какія имѣлись въ его распоряженіи, и при видѣ необходимости оставаться въ оборонительномъ положеніи, когда обстоятельства съ каждою минутою становились труднѣе, и наконецъ отъ того, что для поддержанія спокойствія въ нухинскомъ уѣздѣ пред-

стояла необходимость оставить позицію у селенія Борчъ. Если же изъ означеннаго рапорта его выведено заключеніе, что онъ сомнѣвался въ храбрости ввѣреннаго ему отряда, то это произошло отъ неточности и неисправности въ выраженіи, при поспѣшности, съ которою составлялось донесеніе его и при заботахъ, въ которыхъ онъ тогда находился; но за священный долгъ поставляетъ себѣ сказать, что словомъ «уныніе» онъ и въ мысли не имѣлъ помрачить честь кого либо изъ офицеровъ ввѣреннаго ему отряда и обвинить въ малодушіи или потерѣ воинскаго духа, ибо въ храбрости ихъ онъ не сомнѣвался.

По собраннымъ противъ объясненія генералъ-маіора Бюрно свѣдѣніямъ оказалось слѣдующее:

1) Ночью съ 9-го на 10-е сентября точно выпалъ въ горахъ большой снѣгъ. Это подтвердилось отзывомъ нухинскаго уѣзднаго начальника, который удостовѣрялъ, что отъ выпавшаго снѣга на горахъ, сопредѣльныхъ съ нухинскимъ уѣздомъ, сообщеніе съ симъ уѣздомъ, чрезъ ущелья, было довольно затруднительно. Равнымъ образомъ 4-е человѣка борчинскихъ жителей, подъ присягою, подтвердили, что выпавшій съ 9-го на 10-е сентября, — т. е. за два дня до отступленія отряда генералъ-маіора Бюрно съ позиціи, — въ горахъ большой снѣгъ, закрылъ всѣ дороги, ведущія въ нухинскій уѣздъ, и что хотя, спустя нѣсколько времени послѣ того, можно было имѣть сообщеніе по другимъ ущельямъ, но съ большимъ затрудненіемъ, по случаю глубокихъ снѣговъ.

2) Начальникъ самурскаго округа 10-го сентября доносилъ, что въ укрѣпленіи Ахтычайскомъ находится только 100 человѣкъ, готовыхъ драться; изъ остальныхъ же одни только думаютъ о томъ, какъ бы покориться начальнику мюридовъ, а другіе, не видя приближенія русскихъ войскъ для прикрытія ихъ долины, по своей трусости, передались Шамилю.

3) При отрядѣ генералъ-маіора Бюрно дѣйствительно не было горныхъ орудій, а находились только 60-ть трехъ фунтовыхъ ракетъ стараго заготовленія, которыя, по произведеннымъ опытамъ, оказались совершенно негодными къ употребленію, ибо разрывались весьма близко отъ станка и принимали направленіе совершенно противное. Объ этомъ генералъ-маіоръ Бюрно при самомъ началѣ вторженія Шамиля доносилъ по командѣ, и хотя тогда же разрѣшено было отпустить ему 100 новыхъ ракетъ, но

оныя въ то время, когда Бюрно занималъ ту позицію, не были доставлены къ отряду.

4) Подъемныхъ лошадей при отрядѣ не было, а онѣ находились отдѣльно отъ баталіоновъ; продовольствія же для нижнихъ чиновъ, при отступленіи отъ Борчинской позиціи, состояло въ тифлискомъ баталіонѣ на три, а въ мингрельскомъ на два дня.

и 5) Командиръ 4-го баталіона тифлискаго егерскаго полка маіоръ Карякинъ, наканунѣ отступленія, 11-го числа подавалъ рапортъ о дозволеніи ему отправиться въ штабъ-квартиру полка, сдѣлавъ это по поводу нанесеннаго ему генералъ-маіоромъ Бюрно на словахъ оскорбленія тѣмъ, что Бюрно, не принявъ представленія его Карякина о неудобствахъ въ устройствѣ одного редута, сказалъ, что онъ мѣшаетъ ему своими мелочными препятствіями. Вскорѣ же послѣ этого и командиръ 1-го баталіона мингрельскаго егерскаго полка маіоръ Грекуловъ также подалъ рапортъ о болѣзни, испрашивая дозволенія отправиться въ госпиталь. Впрочемъ оба они послѣ подачи рапортовъ остались при своихъ баталіонахъ и командовали ими при отступленіи; по прибытіи же отряда на Салаватъ, маіоръ Грекуловъ 14-го числа подалъ донесеніе о выздоровленіи, а рапортъ маіора Карякина, какъ объяснилъ генералъ-маіоръ Бюрно, изъ уваженія, что онъ рѣшился остаться при баталіонѣ, былъ ему возвращенъ.

Къ подтвержденію объясненія генералъ-маіора Бюрно, что послѣдовавшія событія измѣнили важность Борчинской позиціи, никакихъ данныхъ не обнаружено; напротивъ генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ призналъ, что удержаніе этой позиціи имѣло бы большое вліяніе на исходъ вторженія Шамиля.

Противу донесенія генералъ-маіора Бюрно о томъ, будто офицеры и баталіонные командиры были собираемы для совѣщанія и подавали мнѣнія объ отступленіи,—ротные командиры, въ числѣ 8-ми человѣкъ, отозвались: что хотя 11-го сентября, въ 10-ть часовъ вечера, они были потребованы въ палатку генералъ-маіора Бюрно, но вовсе не подавали мнѣнія объ отступленіи, а когда Бюрно, объявивъ имъ, что они находятся въ опасности потому, что Ахты заняты непріятелемъ, и что Шамиль прибылъ въ Рутулъ съ большимъ числомъ мюридовъ, — спросилъ ихъ мнѣнія, отступить ли имъ или оставаться на позиціи? — то они отвѣчали, что готовы исполнять все, что имъ

будетъ приказано: отступить, остаться или двинуться впередъ; послѣ чего получили приказаніе быть готовыми къ отступленію *).

Бывшіе въ отрядѣ баталіонные командиры: маіоры Грекуловъ и Карякинъ отозвались, что они на совѣщаніи, происходившемъ у генерала Бюрно съ ротными командирами, не находились; а хотя чрезъ нѣсколько времени послѣ ухода ротныхъ командировъ были потребованы къ нему, но не для выслушанія мнѣнія, а для полученія приказанія о порядкѣ отступленія.

Впослѣдствіи самъ генералъ-маіоръ Бюрно отозвался, что онъ считалъ лишнимъ призывать баталіонныхъ командировъ для отобранія отъ нихъ мнѣнія объ отступленіи, потому что они еще прежде того подали рапорты, испрашивая о дозволеніи отправиться: одинъ въ штабъ-квартиру полка, и другой, по болѣзни, въ госпиталь,—а пригласилъ ихъ только для того, чтобы переговорить о принятіи мѣръ къ перевозкѣ тяжестей, находившихся при баталіонахъ, неимѣвшихъ подъемныхъ лошадей. Равно ротные командиры были призываемы имъ не для военнаго совѣта, а для разузнанія ихъ мнѣній по предмету отступленія, и какъ никто изъ нихъ не протестовалъ противъ отступательнаго движенія, то онъ Бюрно имѣлъ право сказать, что сообразовался съ ихъ мнѣніемъ.

На вопросъ же: кто именно изъ офицеровъ обращался съ просьбою объ отступленіи?—генералъ-маіоръ Бюрно отозвался, что онъ именъ ихъ не помнитъ и находитъ невозможнымъ повторять то, что ротными командирами говорено было ему частнымъ образомъ, ибо, не имѣя тогда никакихъ поводовъ къ предположенію, что его будутъ спрашивать по этому предмету, не предвидѣлъ необходимости составлять памятную записку словъ ихъ; но со всею совѣстливостію сознаетъ, что все сказанное ими тогда проистекало отъ духа преданности; другихъ же поводовъ къ тому не замѣтилъ.

Что касается до открывавшагося по слѣдственному дѣлу обвиненія на генералъ-маіора Бюрно въ неисполненіи предложенія генералъ-лейтенанта Шварца о занятіи вновь оставленной имъ при селеніи Борчъ позиціи, то обстоятельство это, по производ-

*) Генералъ-адъютантъ князь Воронцовъ засвидѣтельствовалъ, что офицеры эти отличные и многіе испытанной храбрости въ дѣлахъ.

ству военнаго суда, не подтвердилось: самъ генералъ-маіоръ Бюрно, утверждая, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія дѣйствовать вопреки приказаніямъ генералъ-лейтенанта Шварца и во вредъ предположеннымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ его во флангъ и тылъ непріятелю, отозвался, что генералъ Шварцъ въ предписаніи своемъ не предложилъ ему Бюрно настоятельно, чтобы онъ занялъ позицію у селенія Борчъ, а выразилъ только желаніе свое объ этомъ; чѣмъ самымъ предоставлялъ ему право донести предварительно о положеніи дѣлъ въ краѣ и, согласно онымъ, испросить надлежащія наставленія по предмету дальнѣйшихъ дѣйствій. Поэтому онъ, Бюрно, просилъ генералъ-лейтенанта Шварца повременить движеніемъ, пока отрядъ князя Аргутинскаго не предприметъ дѣйствій со стороны Ахты, ибо въ такомъ только случаѣ отрядъ его, Бюрно, направляясь къ Рутулу, могъ бы содѣйствовать въ предпріятіяхъ дагестанскому отряду. Такимъ дѣйствіемъ онъ, Бюрно, не только не нарушилъ, по мнѣнію его, предложенія генералъ-лейтенанта Шварца, но еще вполнѣ подчинялъ себя распоряженіямъ его. Притомъ, если бы генералъ-лейтенантъ Шварцъ, въ означенномъ отзывѣ его видѣлъ ослушаніе, противное порядку службы, то безъ сомнѣнія, устранивъ его отъ командованія отрядомъ, отозвалъ бы войска въ свое вѣдѣніе, на что имѣлъ полное право; равнымъ образомъ, если бы бытность его, Бюрно, на позиціи у горы Салаватъ приносила вредъ предполагаемымъ дѣйствіямъ генералъ-лейтенанта Шварца и препятствовала рѣшительнымъ движеніямъ его во флангъ и тылъ непріятелю, то онъ также не оставилъ бы его, Бюрно, безъ упрека; напротивъ генералъ-лейтенантъ Шварцъ ничего не говорилъ ему объ этомъ предметѣ. Когда вскорѣ послѣ того, 21-го сентября, генералъ-лейтенантъ Шварцъ, рѣшившись двинуться въ горы, снова предложилъ ему, Бюрно, занять Борчинскую позицію, то онъ, принявъ и это предложеніе за *условное*, въ отвѣтъ на оное донесъ, что считаетъ опаснымъ оставить одинъ баталіонъ у горы Салавата, тогда какъ безъ этого нельзя было обойтись, потому что непріятель, по взятіи Ахтинскаго укрѣпленія, имѣлъ замыселъ обратиться чрезъ Шинское ущелье въ Нуху *)

*) Изъ формулярнаго списка генералъ-маіора *Бюрно* видно, что онъ участвовалъ въ компаніяхъ 1828 и 1829 годовъ противу Турокъ и въ 1831

Противу такого объясненія генералъ-маіора Бюрно относительно дѣйствій его во время вторженія Шамиля въ самурскій округъ, генералъ-лейтенантъ *Шварцъ*, на запросъ военнаго суда, не представилъ никакихъ опроверженій, отзываясь, что онъ въ предписаніи о занятіи Борчинской позиціи не могъ настоятельно требовать этаго, какъ по могущимъ произойти неудобствамъ въ исполненіи такого предписанія, такъ и потому, чтобы этимъ не подвергнуть себя отвѣтственности чрезъ неисполненіе отдѣльнымъ частнымъ начальникомъ предпринимаемыхъ имъ, по мѣстности края и обстоятельствамъ дѣлъ, собственныхъ распоряженій, требующихъ безотлагательнаго и своевременнаго исполненія. Притомъ и самая военная репутація генерала Бюрно поставила его, генералъ-лейтенанта Шварца, въ обязанность не стѣснять его въ дѣйствіяхъ по ближайшему усмотрѣнію.

Сверхъ того къ дѣлу сему признаны прикосновенными бывшіе командирами баталіоновъ: мингрельскаго егерскаго полка маіоръ Грекуловъ и тифлискаго егерскаго маіоръ Карякинъ въ томъ, что они, во время нахожденія отряда на Борчинской позиціи противъ непріятеля, подали рапорты, первый, — объ отправленіи его, будто бы по болѣзни, въ госпиталь, а послѣдній, — объ отъѣздѣ въ штабъ-квартиру полка по поводу личной обиды, нанесенной ему генералъ-маіоромъ Бюрно.

Въ доказательство о своей болѣзни маіоръ Грекуловъ сослался на состоявшаго тогда при отрядѣ лекаря Богданова, который отозвался, что Грекуловъ дѣйствительно 11-го сентября жаловался на ломоту во всемъ тѣлѣ, на боль головы и на сильное стѣсненіе въ груди и что онъ, Богдановъ, считая леченіе его при отрядѣ недостаточнымъ, совѣтовалъ ему отправиться въ госпиталь *).

году противу польскихъ мятежниковъ, а съ 1844 года состоялъ при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ. Въ первую компанію онъ награжденъ чиномъ подполковника и орденами: Св. Владиміра 4-й степ. и Св. Анны 3-й и 2-й степени за отличіе въ сраженіи и за взятіе съ малыми отрядами города Василиска и крѣпости Агатополя; во вторую компанію онъ употреблялся для устройства переправъ, а въ бытность на Кавказѣ находился во многихъ экспедиціяхъ, и за отличіе при осадѣ Салты получилъ орденъ св. Анны 1-й степени.

*) Маіоръ Грекуловъ, (какъ видно изъ сообщенія генералъ-адъютанта князя Воронцова), вскорѣ послѣ означеннаго поступка, какъ несогласнаго съ духомъ войскъ, вынужденъ былъ подать въ отставку и получилъ оную.

Маіоръ же Карякинъ, принося чистосердечное раскаяніе въ подачѣ означеннаго рапорта, поставлялъ причиною этого: нанесенное ему генералъ-маіоромъ Бюрно обидное для службы и званія его оскорбленіе; но въ чемъ оно состояло, не объяснилъ, отзываясь, что какъ генералъ Бюрно не обвиняетъ никого изъ офицеровъ отряда въ постыдномъ малодушіи, проявившемся будто бы между ними, то и онъ Карякинъ забываетъ обо всемъ.

По соображеніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, *генералъ-аудиторіатъ* призналъ подсудимаго генералъ-маіора *Бюрно* виновнымъ: во 1-хъ, въ томъ, что онъ при вторженіи Шамиля въ самурскій округъ, въ сентябрѣ 1848 года, отступивъ съ бывшимъ подъ командою его отрядомъ отъ занимаемой имъ весьма важной позиціи у селенія Борчъ, не объяснилъ въ донесеніи своемъ начальству настоящихъ причинъ, побудившихъ его къ оставленію этой позиціи, а представлялъ поводомъ отступленія уныніе, замѣченное будто бы имъ въ офицерахъ ввѣреннаго ему отряда, тогда какъ справедливость этого донесенія ничѣмъ не подтвердилась, и самъ онъ впослѣдствіи отозвался, что нисколько не сомнѣвался въ мужествѣ и храбрости офицеровъ. Объясненіе генералъ-маіора Бюрно, что слово «уныніе» онъ не принималъ въ смыслѣ упадка воинскаго духа, а относилъ оное къ чувству огорченія, происходившаго отъ невозможности остановить вторженіе непріятеля, нельзя признать удовлетворительнымъ, потому что въ означенномъ донесеніи его не было показано другаго повода къ отступленію, кромѣ унынія, просьбъ и мнѣнія подчиненныхъ; притомъ употребленіе этого слова въ офиціальномъ рапортѣ и при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя Бюрно описывалъ въ ономъ, не представляетъ другаго значенія, какъ упадокъ воинскаго духа. Во 2-хъ, что въ томъ же донесеніи генералъ-маіоръ Бюрно неосновательно объяснялъ, что по предмету отступленія отъ селенія Борчъ онъ соображался съ единогласнымъ мнѣніемъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ; ибо по дѣлу открыто, что баталіонные командиры были призываемы послѣ уже того, какъ рѣшено было отступленіе, и то не для совѣщанія, а для отдачи имъ приказанія о принятіи мѣръ къ перевозкѣ тяжестей; ротные же командиры, хотя были призываемы, но и они положительнаго мнѣнія на счетъ отступленія не давали, напротивъ единодушно изъявили готовность идти, куда будетъ приказано. Въ

3-хъ, что при подачѣ командиромъ 4-го баталіона тифлискаго егерскаго полка маіоромъ Карякинымъ рапорта объ оставленіи ввѣреннаго ему баталіона по поводу нанесеннаго ему оскорбленія, подсудимый Бюрно оказалъ послабленіе тѣмъ, что оставилъ поступокъ этотъ безъ взысканія и возвратилъ даже поданный Карякинымъ рапортъ, не доведя о томъ до свѣдѣнія начальства. Что касается до обвиненія генералъ-маіора Бюрно въ оставленіи, безъ нужды, означенной позиціи у селенія Борчъ, то генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что показанныя имъ при слѣдствіи и въ судѣ причины, по важности своей, дѣйствительно могли побудить его къ отступленію съ этой позиціи. Оказанныя же имъ прежде многократныя отличія въ военныхъ дѣйствіяхъ представляютъ ручательство, что онъ оставилъ эту позицію не иначе, какъ съ убѣжденіемъ въ невозможности удержать оную безъ видимой опасности, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, признавая важность Борчинской позиціи, первоначально предполагалъ защищать оную, и въ этою цѣлію въ продолженіе нѣсколькихъ дней дѣлалъ укрѣпленія и принималъ возможныя мѣры къ обезпеченію отряда и состоящихъ при ономъ тяжестей. Равнымъ образомъ къ обвиненію его, Бюрно, въ неисполненіи предложенія генералъ-лейтенанта Шварца, чтобы онъ, для лучшаго прикрытія г. Нухи, занялъ вновь позицію при селеніи Борчъ, не представляется никакихъ основаній. Въ предложеніи этомъ не заключалось положительнаго указанія о занятіи позиціи, а упоминалось о томъ условно, съ предоставленіемъ права располагать дѣйствіями по обстоятельствамъ края. И самъ генералъ-лейтенантъ Шварцъ отозвался, что онъ не могъ дать положительнаго предложенія, чтобы не стѣснить генерала Бюрно въ его дѣйствіяхъ по ближайшему усмотрѣнію. Потому генералъ-аудиторіатъ *полагалъ*: подсудимаго генералъ-маіора Бюрно за необъясненіе въ донесеніи начальству настоящихъ причинъ оставленія позиціи при селеніи Борчъ и употребленіе при томъ неумѣстныхъ выраженій на счетъ подчиненныхъ офицеровъ, чѣмъ подавалъ поводъ къ невыгодному о нихъ заключенію, а также за послабленіе при подачѣ бывшимъ подъ командою его баталіоннымъ командиромъ рапорта объ оставленіи ввѣренной ему части, подъ предлогомъ личнаго оскорбленія,—арестовать на три мѣсяца, съ содержаніемъ въ крѣпости на гауптвахтѣ, и потомъ, согласно

съ мнѣніемъ генералъ-адъютанта князя Воронцова, перевести на службу въ другое мѣсто внѣ кавказскаго края, съ тѣмъ однакожъ, чтобы бытность подъ судомъ не лишала его правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ. По предмету же оставленія имъ позиціи у селенія Борчъ и неисполненія предложенія генералъ-лейтенанта Шварца о занятіи вновь этой позиціи, какъ противу перваго изъ сихъ обвиненій представляются достаточныя причины, побудившія его къ отступленію отъ позиціи, а въ послѣднемъ случаѣ оправдываетъ его и самъ генералъ-лейтенантъ Шварцъ,—на основаніи 86 и 87-й статей 1 книги V части свода военныхъ постановленій его, Бюрно, отъ всякого обвиненія освободить. — Состоявшіе въ отрядѣ генералъ-маіора Бюрно баталіонными командирами, маіоры *Карякинъ* и *Грекуловъ*, оказались виновными въ подачѣ, вопреки порядка службы и прямыхъ ихъ обязанностей, рапортовъ: первымъ объ отъѣздѣ въ штабъ-квартиру полка по поводу личной обиды, нанесенной ему генералъ-маіоромъ Бюрно, а послѣднимъ объ отправленіи его, будто бы по болѣзни, въ госпиталь въ то время, когда отряду угрожала опасность, — тѣмъ они показали дурной примѣръ своимъ подчиненнымъ. Какъ маіоръ Карякинъ состоитъ нынѣ подъ судомъ по другому уголовному дѣлу, то настоящій поступокъ его передать въ учрежденную надъ нимъ коммисію для совокупнаго разсмотрѣнія и постановленія общаго рѣшенія. Маіора же Грекулова, который по поводу означеннаго поступка уволенъ уже въ отставку, арестовать съ содержаніемъ на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы штрафъ сей не лишалъ его правъ и преимуществъ, службою пріобрѣтенныхъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «генералъ-маіора Бюрно уволить отъ службы, а въ прочемъ быть по сему. Николай. Гатчина. 13 октября 1849 г.»

Дѣло о генералъ-маіорѣ Кохановичѣ и подполковникѣ Полисановѣ, преданныхъ суду за сдачу непріятелю крѣпости «Кинбурнъ» (1855 г.) и за упущенія по службѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1855 года бывшій комендантомъ въ крѣпости Кинбурнѣ генералъ-маіоръ Кохановичъ сдался съ бывшимъ въ этой крѣпости гарнизономъ въ плѣнъ англо-французскимъ войскамъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года, когда Кохановичъ и прочіе чины кинбурнскаго гарнизона возвращены изъ плѣна, учреждена была, по Высочайшему повелѣнію, въ г. Николаевѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Лихачева коммисія для изслѣдованія: въ какой мѣрѣ основательны причины, побудившія генералъ-маіора Кохановича къ сдачѣ крѣпости. Этой же коммисіи вмѣнено въ обязанность сдѣлать заключеніе объ офицерахъ кинбурнскаго гарнизона, если они окажутся виновными въ неточномъ исполненіи своихъ обязанностей во время осады и бомбардированія крѣпости.

По произведенному означенною коммисіею изслѣдованію оказалось: въ 1854 году, по случаю войны съ Англо-Французами и Турками, крѣпость Кинбурнъ вооружена была по военному положенію 88 орудіями разныхъ калибровъ, и сдѣланы были главнокомандовавшимъ войсками въ Крыму генералъ-адъютантомъ княземъ Меншиковымъ надлежащія распоряженія къ оборонѣ крѣпости отъ непріятелей. Гарнизонъ этой крѣпости состоялъ, кромѣ коменданта генералъ-маіора Кохановича, изъ 37-ми штабъ и оберъ-офицеровъ и 1427 нижнихъ чиновъ. Недостатка въ продовольственныхъ и огнестрѣльныхъ припасахъ не было.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1855 года, когда непріятельскій флотъ, окруживъ кинбурнскую крѣпость съ моря, успѣлъ высадить десантныхъ войскъ до 6000 человѣкъ, генералъ-маіоръ Кохановичъ хотя сдѣлалъ распоряженіе къ оборонѣ крѣпости, но не собралъ, на основаніи 72 и 73 ст. инструкціи комендантамъ, военнаго совѣта для обсужденія: какимъ образомъ оборонять крѣпость, не принялъ надлежащихъ мѣръ къ наблюденію за движеніемъ непріятеля посредствомъ выставленія въ лиманѣ секретовъ и

не приказалъ своевременно сжечь на форштатѣ всѣ зданія и дрова. Во время непріятельскаго бомбардированія по крѣпости, Кохановичъ не сдѣлалъ распоряженія о надлежащемъ размѣщеніи всѣхъ бывшихъ въ крѣпости орудій, отъ чего до 20-ти орудій безполезно поставлены были на прикрытомъ пути одесскаго фронта, въ казематахъ 7-го бастіона и на лиманскомъ форштатѣ, а 10-ть мортиръ вовсе не были поставлены; не назначилъ изъ гарнизона старшихъ офицеровъ начальниками отдѣльныхъ фортовъ, послѣдствіемъ чего было то, что артиллерійскіе офицеры командовали независимо одинъ отъ другаго. Самъ Кохановичъ во время обороны не былъ на фортахъ, но находился въ одномъ изъ крѣпостныхъ казематовъ. Когда же непріятель, сосредоточивъ противъ крѣпости до 60-ти разныхъ судовъ и высадивъ артиллерію, сдѣлалъ бомбардированіемъ значительныя въ крѣпости поврежденія, и когда было подбито до 42-хъ нашихъ орудій, а изъ чиновъ гарнизона ранено до 100 и убито до 30 человѣкъ, Кохановичъ приказалъ прекратить огонь, не собравъ, на основаніи 90 ст. инструкціи комендантамъ, военнаго совѣта для обсужденія: слѣдуетъ ли продолжать оборону; когда же непріятель выслалъ парламентеровъ для переговоровъ о сдачѣ крѣпости, Кохановичъ, въ противность 94-й ст. означенной инструкціи, вышелъ самъ изъ крѣпости и потомъ, не смотря на увѣреніе инженеръ-штабсъ капитана Седергольма, что крѣпость еще можно защищать, принялъ предложенныя непріятелемъ условія и сдался въ плѣнъ со всѣмъ гарнизономъ, тогда какъ крѣпость не выдержала еще трехъ приступовъ на проходимой бреши. Во время нахожденія въ плѣну, Кохановичъ обращался съ просьбою къ французскому правительству о вознагражденіи его за вещи, оставленныя въ Кинбурнѣ и потомъ утраченныя *).

Въ оправданіе свое генералъ-маіоръ *Кохановичъ* при слѣдствіи показалъ, что военнаго совѣта относительно обороны крѣпости составляемо не было по внезапному появленію и нападенію непріятеля, что у входа въ лиманъ не выставлено секретовъ на рыбачьихъ лодкахъ потому, что объ этомъ не было упомянуто въ предписаніи главнокомандовавшаго крымскою арміею, гене-

---

*) Не можемъ не замѣтить, на сколько подобная просьба, обращенная къ враждебному правительству, несовмѣстна съ званіемъ русскаго генерала. *Прим. изд.*

ралъ-адъютанта князя Меншикова, да и у кинбурнскихъ жителей не было надежныхъ лодокъ. Распоряженіе о вооруженіи крѣпости и назначеніи артиллерійскихъ офицеровъ на бастіоны зависѣло отъ артиллерійскаго начальства, а для наблюденія за командовавшими на бастіонахъ офицерами не было Кохановичемъ назначено старшихъ офицеровъ потому, что роты прибывали въ крѣпость незадолго до появленія непріятельскаго флота, и Кохановичъ не могъ въ короткое время узнать офицеровъ, и потому назначеніе старшихъ офицеровъ предоставилъ командиру баталіона и начальнику кинбурнскаго артиллерійскаго гарнизона. Когда же замѣчено было, что непріятель высадилъ войска съ цѣлію аттаковать крѣпость съ сухаго пути, Кохановичъ приказалъ сжечь форштатъ и бывшіе тамъ дрова, но этого не успѣли окончательно исполнить. Военнаго совѣта о томъ, продолжать ли оборону крѣпости или сдаться на капитуляцію, составляемо не было, какъ по краткости даннаго непріятелемъ срока на принятіе предложенныхъ имъ условій, такъ и потому, что крѣпость была разрушена и окружена со всѣхъ сторонъ; внутри крѣпости былъ пожаръ, а пробитыми брешами можно было считать: разрушенныя херсонскія ворота, валъ и разбитыя съ морской стороны амбразуры. Тогда общее мнѣніе было сдаться на капитуляцію, и Кохановичъ считалъ невозможнымъ съ малымъ гарнизономъ пробиться чрезъ многочисленное непріятельское войско и потому опрашивалъ мнѣнія штабъ и оберъ-офицеровъ, и всѣ они, кромѣ штабсъ-капитана Седергольма, единогласно говорили, что должно принять предложенныя непріятелемъ условія, а штабсъ-капитанъ Седергольмъ хотя объявилъ, что можно взорвать крѣпость, но Кохановичъ принялъ это за необдуманное увлеченіе Седергольма. Огня на батареяхъ Кохановичъ не приказывалъ прекращать, а велѣлъ только свести прислугу съ 4-го бастіона, гдѣ было болѣе подбитыхъ орудій, и прислуга безполезно была поражаема, а когда были сбиты орудія на 2 и 3-мъ бастіонахъ, то огонь совершенно прекратился потому, что нѣсколько орудій малаго калибра не могли продолжать огонь противъ 700 или 800 орудій непріятельскихъ и это болѣе извѣстно подполковнику Полисанову, какъ артиллеристу. Кохановичъ вышелъ изъ крѣпости къ парламентерамъ для переговора

потому только, чтобы не дать имъ замѣтить, въ какомъ положеніи была крѣпость.

Напротивъ того подполковникъ *Полисановъ* и *прочіе* штабъ- и оберъ-офицеры показали, что всѣ распоряженія по крѣпости дѣлались Кохановичемъ, что мнѣній относительно обороны и сдачи крѣпости Коханович отъ офицеровъ не требовалъ, а самъ приказалъ прекратить огонь всей крѣпостной артиллеріи почти за два часа до сдачи крѣпости. Это штабъ- и оберъ-офицеры подтвердили и на очной ставкѣ съ генералъ-маіоромъ Кохановичемъ; но онъ остался при прежнемъ показаніи *).

Со стороны бывшаго начальникомъ кинбурнскаго артиллерійскаго гарнизона подполковника Полисанова, какъ открыто по слѣдствію, допущены при оборонѣ крѣпости, упущенія по должности, заключающіяся въ томъ: что Полисановъ не употребилъ всѣхъ бывшихъ въ крѣпости орудій для обороны противъ непріятеля, не наблюдалъ лично за ходомъ обороны и былъ не на бастіонахъ, а въ одномъ изъ казематовъ, куда нѣкоторые артиллерійскіе офицеры приходили уже къ Полисанову для полученія отъ него приказаній.

Въ оправданіе этихъ упущеній Полисановъ показалъ, что орудія не всѣ были поставлены на бастіонахъ потому, что не успѣли нѣкоторыя изъ нихъ вооружить и онъ Полисановъ во время бомбардированія распоряжался самъ на разныхъ пунктахъ, а на какихъ, не помнитъ; но нижніе чины объяснили, что Полисановъ во время бомбардированія былъ въ казематѣ вмѣстѣ съ комендантомъ. Слѣдственная же коммисія обнаружила, что отъ недостаточной распорядительности Полисанова осталось 10-ть мортиръ и при нихъ значительное количество бомбъ безъ всякого употребленія во время обороны крѣпости.

Что же касается до дѣйствій прочихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ бывшаго кинбурнскаго гарнизона во время обороны крѣпости Кинбурна отъ непріятеля, то всѣ они, какъ оказалось по слѣдствію, исполняли возложенныя на нихъ обязанности по долгу службы и присяги.

Въ особенности изъ нихъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, от-

*) Поврежденія въ крѣпости предъ ея сдачею не были, какъ удостовѣряетъ слѣдственная коммисія, столь значительны, какъ показываетъ Кохановичъ въ своемъ оправданіи.

личили себя примѣрною неустрашимостью и дѣятельностію штабсъ-капитаны Седергольмъ, Емельяновъ, поручики Прохоровъ, Чемодановъ и прапорщики Боярскій, Сакенъ и Шатовъ.

По докладу Государю Императору обстоятельствъ, обнаруженныхъ слѣдственною коммисіею, Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: предать генералъ-маіора Кохановича военному суду, а о подполковникѣ Полисановѣ сдѣлать этому суду заключеніе. Прочихъ чиновъ кинбурнскаго гарнизона, которые во время обороны крѣпости исполняли обязанности по долгу службы и присяги, Высочайше повелѣно освободить отъ суда и отвѣтственности; а объ отличіяхъ штабсъ-капитана Седергольма сообщить на обсужденіе кавалерской думы Св. Георгія и по полученіи отвѣта, войти съ докладомъ о награжденіи и остальныхъ офицеровъ, которые отличили себя во время обороны крѣпости примѣрною неустрашимостію и дѣятельностію. Распоряженіе по этому предмету предоставлено сдѣлать исправляющему должность дежурнаго генерала главнаго штаба Его Императорскаго Величества.

Въ военномъ судѣ генералъ-маіоръ *Кохановичъ*, подтверждая показаніе, данное имъ при слѣдствіи, добавилъ: что онъ по внезапному нападенію непріятеля, хотя не собиралъ военнаго совѣта для разсужденія объ оборонѣ и сдачѣ крѣпости, но дѣлалъ по этому предмету совѣщаніе со всѣми офицерами гарнизона; что распоряженія по вооруженію крѣпости и дѣйствія изъ орудій предоставилъ начальнику артиллерійскаго гарнизона подполковнику Полисанову; что стрѣльба съ батарей прекращалась постепенно и по мѣрѣ подбитыхъ орудій. Между тѣмъ Кохановичъ, убѣдясь изъ разговора съ штабъ- и оберъ-офицерами, что невозможно продолжать оборону противъ 700 или 800 орудій, рѣшился для спасенія гарнизона сдать крѣпость, выговоривъ сколь возможно выгодныя условія капитуляціи, и вышелъ съ другими офицерами къ парламентеру, дабы скрыть разрушенное состояніе крѣпости. Въ бытность же въ плѣну, обращался къ французскому правительству съ просьбою о вознагражденіи за утраченныя въ Кинбурнѣ его вещи, потому что на основаніи капитуляціи частная собственность должна была быть оставлена неприкосновенною.

Подполковникъ *Полисановъ*, тоже подтверждая показаніе свое при слѣдствіи, объяснилъ, что во время обороны крѣпости онъ былъ на разныхъ батареяхъ и дѣйствовалъ изъ всѣхъ орудій, изъ коихъ можно нанести вредъ непріятелю, но какъ въ крѣпости не было запасныхъ лафетовъ и платформъ, то объ этомъ неоднократно докладывалъ генералъ-маіору Кохановичу, однакожъ не получилъ на этотъ предметъ никакихъ отъ него приказаній. Со стороны же его, Полисанова, если и сдѣланы какія либо упущенія, то это послѣдовало единственно отъ разстроеннаго на службѣ здоровья и полученной во время обороны крѣпости Кинбурна сильной контузіи въ ногу. Повергая все это всемилостивѣйшему воззрѣнію Государя Императора, Полисановъ присовокупилъ, что онъ за годъ до осады обращался къ начальству объ увольненіи его по болѣзни отъ службы, но эта просьба оставлена безъ послѣдствій.

Отъ генералъ-маіора Кохановича объясненія по содержанію отзыва подполковника Полисанова не отобрано, потому что Кохановичъ вскорѣ послѣ дачи военному суду отвѣтовъ умеръ 23-го мая 1857 года.—Относительно отзыва подполковника Полисанова о болѣзни его и контузіи по дѣлу видно, что онъ, какъ удостовѣряютъ свидѣтельствовавшіе его медики, точно одержимъ общимъ худосочіемъ, ревматизмомъ и глухотою; что по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и хроническихъ недуговъ къ службѣ военной неспособенъ; что при оборонѣ крѣпости Кинбурна контуженъ въ ногу, и что прежде этого Полисановъ 1-го января 1855 года обращался къ бывшему начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера генералъ-адъютанту Безаку съ частнымъ письмомъ объ исходатайствованіи ему, Полисанову, увольненія отъ службы по разстроенному здоровью, усиливавшейся глухотѣ и утраченному зрѣнію. Но какъ послѣ этого письма не поступало отъ Полисанова формальнаго объ увольненіи отъ службы прошенія, то онъ и оставленъ въ крѣпости Кинбурнѣ начальникомъ артиллерійскаго гарнизона.

Болѣе никакихъ по сему дѣлу свѣдѣній собираемо не было, и никто изъ бывшихъ при оборонѣ крѣпости Кинбурна офицеровъ передопрашиваемъ военнымъ судомъ не былъ, потому что генералъ-маіоръ Кохановичъ, (какъ сказано въ опредѣленіи воен-

наго суда), въ отвѣтахъ своихъ изложилъ тѣ же самыя обстоятельства, которыя были въ виду слѣдственной коммисіи *).

Военный судъ, признавъ подсудимаго генералъ-маіора Кохановича виновнымъ въ отступленіи отъ инструкціи комендантамъ крѣпостей въ военное время и въ самовольной сдачѣ крѣпости,

---

*) Изъ формулярныхъ списковъ подсудимыхъ видно, что *генералъ-маіору Кохановичу* было 59 лѣтъ, въ службѣ онъ былъ съ 1813 года по день своей смерти 23 мая 1857 года. Имѣлъ ордена: св. Станислава 1-й степени, св. Георгія 4-й степени за 25-ти лѣтнюю безпорочную службу, св. Владиміра 3-й степени, св. Анны 3-й степени, и знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ. Былъ въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ противъ Французовъ въ 1813 году. Въ 1830 году, во время народнаго возмущенія въ царствѣ польскомъ, Кохановичъ, командуя въ чинѣ ротмистра пѣшимъ резервомъ лейбъ-гвардіи гродненскаго гусарскаго полка, расположеннымъ въ кр. Модлинѣ (нынѣ Новогеоргіевскъ), приказалъ запереть крѣпостныя ворота и далъ посланнымъ коммисарамъ для обезоруженія россійскаго гарнизона отзывъ, что безъ особаго повелѣнія отъ своего начальства не сдастъ крѣпости, а въ случаѣ насилія со стороны поляковъ взорветъ пороховой магазинъ и погребетъ себя вмѣстѣ съ гарнизономъ подъ развалинами крѣпости. Всѣ нужныя къ взрыву приготовленія были уже Кохановичемъ сдѣланы, а когда чрезъ нѣсколько дней дозволенъ былъ русскимъ войскамъ свободный проходъ съ оружіемъ въ Россію, Кохановичъ прибылъ съ своимъ эскадрономъ въ предѣлы Россіи. За означенную неустрашимую твердость и благоразумную распорядительность объявлено Кохановичу Высочайшее благоволеніе. Въ 1849 году Кохановичъ былъ въ сраженіи противъ Венгровъ подъ г. Дебречиномъ и за оказанную въ этомъ дѣлѣ храбрость и мужество, всемилостивѣйше награжденъ золотою саблею, съ надписью за храбрость; въ 1850 году Кохановичъ назначенъ кинбурнскимъ комендантомъ; въ штрафахъ не былъ. Послѣ смерти Кохановича остались: вдова, сынъ и двѣ дочери, у Кохановича было 200 десятинъ земли въ тверской губерніи и въ г. Бѣжецкѣ каменный домъ.

Подполковникъ Потчаковъ 57 лѣтъ, въ службѣ съ 1817 года, подполковникомъ съ 1-го іюля 1845 года, имѣетъ ордена: св. Станислава 2-й ст. съ Императорскою короною; св. Георгія 4-й степени за 25 лѣтнюю безпорочную службу, св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, св. Анны 3-й степени съ бантомъ, золотую полусаблю съ надписью за храбрость, медали за персидскую и турецкую войну и знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ. Былъ въ походахъ: въ 1827 году противъ Персовъ, въ 1828 и 1829 г. противъ Турокъ, въ 1831 и 1832 г. противъ Кавказскихъ Горцевъ, назначенъ начальникомъ кинбурнскаго артиллерійскаго гарнизона 15 декабря 1851 года, а въ іюнѣ 1856 года прикомандированъ къ севастопольскому артиллерійскому гарнизону, въ штрафахъ не былъ. Женатъ, имѣетъ сына и дочь.

что̀ почитается измѣною, опредѣлилъ: что если бы Кохановичъ былъ живъ, то подлежалъ бы смертной казни. Упущенія подполковника Полисанова военный судъ предоставилъ усмотрѣнію высшаго начальства.

Николаевскій военный губернаторъ, контръ-адмиралъ свиты Его Императорскаго Величества Бутаковъ, признавая приговоръ военнаго суда въ отношеніи генералъ-маіора Кохановича правильнымъ, принималъ во вниманіе: 1) что когда непріятельскія суда съ значительною артиллеріею прорвались въ днѣпровскій лиманъ, цѣль защиты крѣпости утратила въ нѣкоторой степени свою цѣну въ стратегическомъ отношеніи; 2) что при средствахъ, несоразмѣрныхъ съ непріятельскими силами, крѣпость была не въ состояніи держаться и могла быть взорвана дѣйствіемъ бомбъ, тогда какъ нашъ гарнизонъ могъ наносить непріятелю только слабый вредъ, и 3) что энергію генералъ-маіора Кохановича и подполковника Полисанова, продолжавшихъ прежде службу безпорочно, могло ослабить крайнее положеніе крѣпости, (окруженной со всѣхъ сторонъ превосходными силами непріятеля), безъ надежды на помощь. Посему контръ-адмиралъ Бутаковъ полагая, что вина Кохановича и Полисанова заслуживаетъ снисхожденія, повергалъ участь Полисанова и положеніе семейства генералъ-маіора Кохановича, находящагося въ самомъ бѣдномъ состояніи, милостивому воззрѣнію Государя Императора.

Генералъ-аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, нашелъ, что *генералъ-маіоръ Кохановичъ*, во время войны съ Турками и Англо-Французами, состоя въ должности коменданта Кинбурнской крѣпости, не исполнилъ въ точности правилъ, изложенныхъ въ инструкціи комендантамъ крѣпостей въ военное время и именно: не собралъ, при появленіи непріятеля, военнаго совѣта для обсужденія, какимъ образомъ оборонять крѣпость, не приказалъ своевременно сжечь на форштатѣ всѣ зданія и дрова, не принялъ надлежащихъ мѣръ къ наблюденію за движеніями непріятеля, не назначилъ старшихъ изъ гарнизона офицеровъ начальниками фортовъ и, не сдѣлавъ распоряженія о размѣщеніи всѣхъ бывшихъ въ крѣпости орудій на такихъ пунктахъ, въ которыхъ бы они могли болѣе наносить вреда непріятелю, предоставилъ это усмотрѣнію начальника артиллерійскаго гарнизона, подпол-

комика Полисанова, а самъ во время бомбардированія оставался въ одномъ изъ казематовъ. Когда же послѣ усиленнаго со стороны непріятеля бомбардированія, сдѣланы были въ крѣпости значительныя поврежденія, Кохановичъ, не собравъ военнаго совѣта для рѣшенія: можетъ ли еще обороняться крѣпость, самовольно приказалъ прекратить стрѣльбу изъ орудій, самъ вышелъ изъ крѣпости къ высланнымъ непріятелемъ парламентерамъ и потомъ сдался въ плѣнъ со всѣмъ гарнизономъ, тогда какъ оный не выдержалъ трехъ приступовъ на проходимой бреши, а инженеръ штабсъ-капитанъ Седергольмъ увѣрялъ, что крѣпость можетъ еще защищаться. — Во время нахожденія въ плѣну, Кохановичъ подъ неосновательнымъ предлогомъ просилъ французское правительство о вознагражденіи за оставленныя въ Кинбурнѣ собственныя его вещи. Въ оправданіе свое Кохановичъ показалъ, что означенныя нарушенія инструкціи для комендантовъ сдѣлалъ по внезапному нападенію непріятеля, а сдался въ плѣнъ, видя совершенную невозможность обороняться противъ весьма значительныхъ силъ непріятеля. Военныхъ совѣтовъ о томъ, какимъ образомъ оборонять крѣпость и можетъ ли она еще защищаться, Кохановичемъ собираемо не было, но онъ дѣлалъ совѣщаніе со всѣми офицерами гарнизона о мѣрахъ къ оборонѣ крѣпости и приказалъ прекратить огонь тогда, когда штабъ- и оберъ-офицеры, кромѣ одного инженеръ штабсъ-капитана Седергольма, согласились принять предложенныя непріятелемъ условія капитуляціи. Самъ Кохановичъ вышелъ изъ крѣпости къ непріятельскимъ парламентерамъ для того, чтобы не дать имъ замѣтить, въ какомъ положеніи была крѣпость, а въ бытность въ плѣну просилъ французское правительство о вознагражденіи за свои вещи потому, что это было въ числѣ условій капитуляціи. Такой отзывъ Кохановича не заслуживаетъ уваженія потому, что сколь бы ни было внезапно появленіе непріятеля и сколь бы ни были значительны силы его, Кохановичъ, по точной силѣ данной комендантамъ въ военное время инструкціи, долженъ былъ выполнить всѣ предписанныя въ законѣ правила и не сдаваться въ плѣнъ до тѣхъ поръ, пока не было сдѣлано непріятелемъ трехъ приступовъ на проходимой бреши. Впрочемъ, чтобъ Кохановичъ сдѣлалъ отступленія отъ инструкціи съ какимъ либо преступнымъ намѣреніемъ, того по слѣд-

ствію и суду не открыто, и по существу дѣла усматривается только недостатокъ распорядительности и энергіи, съ которой слѣдовало бы Кохановичу дѣйствовать противъ непріятеля. Кромѣ того по дѣлу видно, что по значительнымъ непріятельскимъ силамъ, которыя окружили кинбурнскую крѣпость съ моря и суши, и малочисленности нашего гарнизона, крѣпость эта могла быть, какъ полагаетъ и николаевскій военный губернаторъ, совершенно разрушена въ случаѣ продолжительной обороны нашего гарнизона.—Въ отношеніи прикосновеннаго къ дѣлу о генералъ-маіорѣ Кохановичѣ, подполковника *Полисанова*, по слѣдствію и суду оказалось, что онъ, бывъ начальникомъ кинбурнскаго артиллерійскаго гарнизона, не употребилъ всѣхъ бывшихъ въ крѣпости орудій для обороны противъ непріятеля, не наблюдалъ лично за ходомъ обороны, а былъ въ одномъ изъ казематовъ крѣпости. Послѣдствіемъ такихъ упущеній Полисанова, какъ открыто по слѣдствію, было то, что 10 мортиръ и при нихъ значительное число бомбъ осталось во время обороны безъ всякого употребленія. Въ оправданіе свое Полисановъ показалъ, что если и сдѣланы имъ какія либо упущенія во время обороны, то это послѣдовало отъ разстроеннаго его здоровья и полученной во время обороны кинбурнской крѣпости контузіи въ ногу; за всѣмъ тѣмъ Полисановъ дѣйствовалъ изъ всѣхъ орудій, изъ которыхъ можно было нанести вредъ непріятелю, и былъ самъ на разныхъ батареяхъ, а о томъ, что не было въ крѣпости запасныхъ лафетовъ, докладывалъ неоднократно генералъ-маіору Кохановичу. Въ какой степени это справедливо, по случаю смерти генералъ-маіора Кохановича, военнымъ судомъ не открыто, а нижніе чины бывшаго кинбургскаго гарнизона при слѣдствіи показали, что Полисановъ, во время обороны крѣпости, былъ въ одномъ изъ казематовъ вмѣстѣ съ Кохановичемъ. Показаніе же Полисанова о разстроенномъ его здоровьѣ и полученной контузіи, подтвердилось, и обнаружено, что онъ одержимъ худосочіемъ, ревматизмомъ и глухотою и что задолго до нападенія непріятеля Полисановъ просилъ частнымъ письмомъ генералъ-адъютанта Безака объ исходатайствованіи ему увольненія отъ службы по разстроенному здоровью, но просьба эта оставлена безъ последствій потому, что Полисановъ не подавалъ формальнаго объ увольненіи отъ службы прошенія.—По соображеніи означенныхъ

обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ призналъ виновными: подсудимаго генералъ-маіора Кохановича — въ отступленіяхъ отъ инструкціи комендантамъ крѣпостей въ военное время и въ самовольной сдачѣ крѣпости непріятелю, когда гарнизонъ не выдержалъ трехъ приступовъ на проходимой бреши, а прикосновеннаго къ дѣлу подполковника Полисанова,—въ упущеніяхъ по службѣ и нераспорядительности во время обороны кинбурнской крѣпости отъ непріятеля. За означенные поступки генералъ-маіоръ Кохановичъ, если бы былъ живъ, подлежалъ, (по силѣ 89 ст. инструкціи комендантамъ крѣпостей въ военное время, 21 ст. и примѣч. ко 2-му п. 565 ст. 1 кн. воен. угол. устава), наказанію, опредѣленному за измѣну, т. е. лишенію чиновъ, правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу; а подполковника Полисанова, за упущенія его, слѣдовало бы по силѣ 229 и 273 ст. означеннаго устава, уволить отъ службы безъ преимуществъ за прежнюю безпорочную службу.—Но опредѣливъ генералъ-маіору Кохановичу и подполковнику Полисанову наказаніе по законамъ, генералъ-аудиторіатъ счелъ долгомъ повергнуть на Всемилостивѣйшее возрѣніе Государя Императора службу Кохановича въ продолженіи 44 лѣтъ и Полисанова 40 лѣтъ, оказанныя ими прежде отличія въ сраженіяхъ и то: 1) что незаконные поступки произошли не по злонамѣренности, но только отъ недостаточной энергіи и распорядительности; 2) что Полисановъ во время обороны былъ одержимъ болѣзнями и сверхъ того контуженъ еще въ ногу; 3) что Полисановъ еще прежде ходатайствовалъ объ увольненіи его отъ службы по совершенно разстроенному здоровью; 4) что при значительныхъ непріятельскихъ силахъ, дѣйствовавшихъ противъ кинбурнской крѣпости, она, въ случаѣ продолжительной обороны гарнизона, могла быть совершенно разрушена, а гарнизонъ совершенно уничтоженъ безъ пользы, и 5) что Полисановъ, при семейномъ его положеніи, не имѣетъ никакого состоянія, а семейство генералъ-маіора Кохановича, какъ удостовѣряетъ николаевскій военный губернаторъ, также находится въ бѣдности. Посему генералъ-аудиторіатъ, согласно съ мнѣніемъ николаевскаго военнаго губернатора контръ-адмирала Свиты Его Императорскаго Величества Бутакова, повергая участь подполковника Полисанова и положеніе семейства генералъ-маіора Кохановича Монаршему

милосердію, всеподданнѣйше ходатайствовалъ: о замѣнѣ опредѣленнаго Полисанову наказанія тѣмъ, чтобы его уволить отъ службы, не лишая правъ и преимуществъ, прежнею безпорочною службою пріобрѣтенныхъ.

Заключеніе это 9 января 1858 г. Высочайше утверждено, но съ тѣмъ, чтобы семейству генералъ-маіора Кохановича пенсіи не назначать, а выдать въ видѣ Монаршей милости, въ единовременное оному пособіе, годовой окладъ производившагося ему жалованья 860 руб. сер. изъ государственнаго казначейства; Полисанову же не предоставлять права на преимущества при отставкѣ.

О генералъ-лейтенантѣ Ренненкампфѣ, сужденномъ за подложное представленіе къ наградамъ четырехъ офицеровъ.

Въ январѣ 1844 года, во время общаго возмущенія въ Нагорномъ и Центральномъ Дагестанѣ, генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ съ отрядомъ войскъ бывшей подъ начальствомъ его дивизіи, разбивъ 13 числа при селеніи Бирикей скопища Горцевъ, представилъ о награжденіи отличившихся въ семъ дѣлѣ мужествомъ и храбростію офицеровъ, и въ числѣ ихъ помѣстилъ состоявшихъ въ штабѣ дивизіи: старшаго адъютанта, пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича эриванскаго полка штабсъ-капитана Савича, исправлявшаго должность оберъ-вагенмейстера мингрельскаго егерскаго полка поручика Мельникова, состоявшаго въ должности адъютанта при немъ апшеронскаго пѣхотнаго полка подпоручика Орлова и пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича эриванскаго полка прапорщика Ренненкампфа, который также состоялъ при генералъ-лейтенантѣ Ренненкампфѣ. — По такому представленію, штабсъ-капитанъ Савичъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, а поручикъ Мельниковъ, подпоручикъ Орловъ и прапорщикъ Ренненкампфъ произведены въ слѣдующіе чины.

По дошедшимъ вскорѣ послѣ сего свѣдѣніямъ, что всѣ означенные четыре офицера въ дѣлѣ при сел. Бирикей вовсе не уча-

ствовали, поручено было бывшему командиромъ кавказскаго корпуса генералъ-адъютанту Нейдгарту сдѣлать о семъ строгое розысканіе.

Генералъ Ренненкампфъ на вопросъ генералъ-адъютанта Нейдгарта лично и въ особомъ письмѣ къ нему самъ признался, что упомянутые офицеры точно въ семъ дѣлѣ не участвовали и въ самый день неожиданнаго дѣла подъ Бирикей находились въ Кубѣ и Дербентѣ по дѣламъ службы, что онъ, Ренненкампфъ, не предвидя другаго случая наградить постоянные труды ихъ и усердную службу, рѣшился помѣстить ихъ въ представленіи за дѣло подъ Бирикей потому, что они во все время находились при отрядѣ и всѣ порученія его исполняли съ ревностію и самоотверженіемъ. — Къ сему генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ присовокупилъ, что взвѣсивъ всю необдуманность своего поступка и чувствуя, сколько онъ виновенъ, просилъ: исходатайствовать ему у Его Императорскаго Величества прощеніе, принявъ въ уваженіе, что онъ служитъ 33-и года безпорочно, что обремененный семействомъ, не имѣетъ никакого состоянія и безъ службы существовать не можетъ.

По докладу о семъ военнаго министра, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: отрѣшивъ генералъ-лейтенанта Ренненкампфа отъ командованія дивизіею, какъ потерявшаго уже къ себѣ довѣріе, предать его за означенный фальшивый поступокъ, въ примѣръ другимъ, военному суду; неправильно воспользовавшихся наградами офицеровъ лишить оныхъ, и всѣ сіи обстоятельства сдѣлать гласными съ объявленіемъ по отдѣльному кавказскому корпусу, съ строгимъ притомъ внушеніемъ, чтобы впредь начальство его, при удостоеніи лицъ къ наградамъ, руководствовалось одними истинными заслугами, воздерживаясь всемѣрно отъ всякихъ пристрастныхъ представленій.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Его Величество изволилъ предоставить генералъ-адъютанту Нейдгарту, если означенные офицеры ревностною службою и отличіемъ вообще въ дѣлахъ противъ Горцевъ обращаютъ на себя особенное вниманіе, о возвращеніи имъ наградъ войти съ особымъ представленіемъ.

Вслѣдствіе сего генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, свидѣтельствуя, что штабсъ-капитанъ Савичъ, поручикъ Мельниковъ, под-

поручикъ Орловъ и прапорщикъ Ренненкампфъ, неоднократно участвуя въ дѣлахъ противъ непріятеля, отличались храбростію, ревностнымъ исполненіемъ своей обязанности, ходатайствовалъ: о возвращеніи первому изъ нихъ ордена Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, а троимъ послѣднимъ снятыхъ съ нихъ чиновъ.

Его Величество, основываясь на такомъ засвидѣтельствованіи и личномъ удостовѣреніи генералъ-адъютанта Нейдгарта, Всемилостивѣйше соизволилъ: возвратить означеннымъ офицерамъ награды съ тѣмъ, что какъ офицеры сіи оказались непричастными къ неправильному представленію ихъ начальства, то лишеніе ихъ наградъ по тому представленію, не считать имъ препятствіемъ на права и преимущества, прежнею службою пріобрѣтенныя.

Вмѣстѣ съ испрошеніемъ наградъ офицерамъ, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ ходатайствовалъ за самого генерала Ренненкампфа, повергая на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Величества, что дѣло при селеніи Бирикей имѣло важныя послѣдствія, ибо въ то время, когда бо́льшая часть Дагестана была въ огнѣ, генералъ Ренненкампфъ съ горстью войскъ разбилъ на голову огромное скопище Горцевъ и этимъ спасъ не только все прибрежье Каспійскаго моря, но и погасилъ пламя возмущенія, которое, въ случаѣ неудачи съ нашей стороны, разлилось бы по всему Южному Дагестану и могло бы не остановиться ни въ Кубѣ, ни въ татарскихъ провинціяхъ. Зная столько лѣтъ этого генерала, какъ человѣка неукоризненнаго, съ душою благородною, и которому упрекомъ можетъ служить развѣ одна чрезмѣрная доброта его сердца, онъ, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, признавалъ, что поступокъ Ренненкампфа одѣланъ неумышленно, и потому ходатайствовалъ: о помилованіи Ренненкампфа, вмѣнивъ ему въ наказаніе потерю дивизіи и оглашеніе его поступка; въ уваженіе же 35-ти лѣтней безпорочной службы и бѣднаго состоянія оставить ему по чину содержаніе, безъ котораго онъ будетъ въ совершенной нищетѣ.

На такое ходатайство — Его Императорскому Величеству благоугодно было отозваться, что однажды данное Высочайшее повелѣніе о преданіи Ренненкампфа военному суду, Его Величество отмѣнить не соизволилъ, но что по окончаніи суда отъ Его Величества будетъ зависѣть смягчить наказаніе, которое ему судомъ опредѣлено будетъ.

Подсудимый генералъ-лейтенантъ Реиненкампфъ въ военномъ судѣ показалъ, что офицеры штаба его, во время происходившаго при с. Бирикей дѣла съ Горцами, дѣйствительно при отрядѣ не были, такъ какъ нападеніе непріятеля на него было внезапно; изъ нихъ штабсъ-капитанъ Савичъ употребленъ былъ въ Кубѣ по дѣламъ, имѣющимъ непосредственную связь съ дѣйствіями отряда; оберъ-вагенмейстеръ Мельниковъ занятъ былъ въ Кубѣ дѣлами, нетерпѣвшими отлагательства; Ренненкампфъ былъ посланъ туда же для способствованія вооруженію рекрутъ, а адъютантъ Орловъ былъ командированъ для наблюденія за жителями въ Табасарань, готовую поколебаться отъ вредныхъ внушеній. Прежде же того, во время служенія при немъ, Ренненкампфъ, изъ нихъ Савичъ и Орловъ въ 1842 году находились съ нимъ въ Нагорномъ Дагестанѣ и въ Аваріи, и во время проѣздовъ по опаснымъ отъ Горцевъ мѣстамъ оказали истинную неустрашимость и самоотверженіе. Оба они и еще бывшій тогда прапорщикъ Ренненкампфъ находились при немъ въ Каракайтагѣ и Нагорномъ Табасаранѣ для избранія мѣста подъ штабъ-квартиру пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала графа Паскевича эриванскаго полка и потомъ при обозрѣніи Казикумыкскаго ханства для составленія проектовъ и смѣтъ на предполагаемыя къ постройкѣ укрѣпленія. Исполненіе сего требовало большихъ трудовъ и самоотверженія, потому что всѣ эти мѣста угрожаемы были ежеминутною опасностію отъ Горцевъ, почти кочующихъ тамъ для разбоя. Въ томъ же году Савичъ и Ренненкампфъ находились при немъ во время движеній отряда въ Казикумыкскомъ ханствѣ и въ Аваріи, и бывъ посылаемы поодиначкѣ, они, при очевидной опасности, съ полнымъ успѣхомъ исполняли возлагаемыя на нихъ разныя порученія. Въ 1843 году во время приведенія г. Кубы въ оборонительное состояніе, всѣ они четверо, имѣя, по порученію его, надзоръ за работами, своею дѣятельностію и неустрашимостію окончили дѣло въ самое короткое время. Въ томъ же 1843 году они были при немъ во время движенія въ Казикумыкъ, вольномъ Табасарани и въ Аваріи, и когда генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, дѣйствовавшій на лѣвомъ берегу Кой-су-бу въ Аваріи, затруднялся выйти оттуда, то онъ Ренненкампфъ, укрѣпивъ Темиръ-ханъ-Шуру, удерживалъ порывы непріятеля, обезпечилъ продовольствіемъ и снарядами отрядъ

фонъ-Клугенау и, съ двумя ротами двинувшись къ нему на сообщеніе, чрезъ рѣку Аварскую Кой-су въ виду непріятеля, и чрезъ Бѣлоканское ущеліе, взялъ крѣпость Бѣлоканы и тѣмъ облегчилъ обратное движеніе отряда фонъ-Клугенау. Въ движеніяхъ сихъ и частыхъ сшибкахъ съ непріятелями, храбрость и дѣятельность состоявшихъ при немъ офицеровъ постоянно отличали ихъ. Видя многократные опыты неограниченнаго ихъ усердія и готовность жертвовать собою, онъ священнымъ долгомъ почелъ обратить на нихъ Высочайшую милость Его Величества. Желаніе вѣрнѣйшаго въ томъ успѣха заставило его, воспользовавшись важнымъ происшествіемъ, каково сраженіе при с. Бирикей, какъ во всѣхъ предшествовавшихъ оному дѣлахъ особенно отличившихся, помѣстить ихъ въ списокъ вмѣстѣ съ прочими офицерами и нижними чинами, всего до 90-и человѣкъ. Въ пользу ихъ онъ не похищалъ трудовъ, другими подъятыхъ, не приписалъ имъ чужаго подвига, и не по родству или особому къ нимъ личному расположенію онъ сдѣлалъ объ нихъ представленіе, потому что родители одного только прапорщика Ренненкампфа были пріятелями его родителей и скорѣе должны быть почитаемы за однофамильцевъ, чѣмъ даже за отдаленныхъ родственниковъ; всѣ же они пользовались его вниманіемъ единственно лишь по усердію къ службѣ, въ которой они были неутомимы, и если онъ подвергается справедливому наказанію за нарушеніе установленнаго порядка, то принимаетъ это несчастіе съ сокрушеніемъ, но безъ укоризнъ совѣсти.

Офицеры, неправильно представленные подсудимымъ къ наградѣ за дѣло подъ Бирикей, показали, что въ тотъ день, когда происходило означенное дѣло, изъ нихъ штабсъ-капитаны Савичъ и Мельниковъ и подпоручикъ Ренненкампфъ находились въ Кубѣ, куда они были командированы: первый для учиненія распоряженій о немедленномъ отправленіи зимней одежды и продовольствія для освобожденныхъ изъ крѣп. Зирянъ двухъ баталіоновъ пѣхотнаго фельдмаршала князя варшавскаго полка, находившихся въ составѣ отряда подполковника Пассека, Мельниковъ для управленія дѣлами дивизіоннаго штаба, а Ренненкампфъ для споспѣшествованія вооруженію рекрутъ; поручикъ же Орловъ находился въ Табасаранѣ для наблюденія за расположеніемъ и духомъ на-

рода и для успокоенія жителей увѣщаніями. Всѣ они возвратились къ отряду на третій день послѣ сраженія при с. Бирикей.

На запросъ военнаго суда о правильности показанія подсудимаго въ отношеніи происходившихъ въ означенныхъ имъ мѣстахъ сраженій, въ которыхъ упомянутые офицеры могли оказать отличія, начальникъ главнаго штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся, генералъ-лейтенантъ Гурко, подтвердивъ отзывъ подсудимаго въ дѣйствительности описанныхъ имъ военныхъ дѣйствій, увѣдомилъ, что въ 1842, 1843 и 1844 г.г., при всеобщемъ возмущеніи въ Дагестанѣ, тамъ безпрестанно происходили встрѣчи съ непріятелемъ, и при незначительности средствъ нашихъ къ защитѣ, многіе офицеры весьма часто имѣли случаи отличиться и дѣйствительно отличались, хотя о томъ и не было упоминаемо въ донесеніяхъ частныхъ начальниковъ. Такимъ же образомъ хотя изъ дѣлъ не видно, чтобы офицеры дивизіоннаго штаба 19-й дивизіи участвовали съ генераломъ Ренненкампфомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, но какъ онъ чрезъ нихъ долженъ былъ дѣлать свои распоряженія, а во время самыхъ дѣйствій отдавать чрезъ нихъ же всѣ приказанія, то весьма вѣроятно, что они, находясь при немъ, имѣли случаи оказать отличія.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго генералъ лейтенанта Ренненкампфа виновнымъ въ томъ, что онъ послѣ происходившаго 13-го января 1844 года, во время возмущенія въ Дагестанѣ, сраженія при селеніи Бирикей, въ представленіи своемъ о наградѣ отличившихся въ семъ дѣлѣ помѣстилъ, въ числѣ прочихъ, четырехъ офицеровъ дивизіоннаго своего штаба: старшаго адъютанта штабсъ-капитана Савича, исправлявшаго должность оберъ-вагенмейстера поручика Мельникова, адъютанта своего подпоручика Орлова и состоявшаго при немъ пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя варшавскаго графа Паскевича эриванскаго полка прапорщика Ренненкампфа, тогда какъ они въ означенномъ сраженіи не только не участвовали, но даже не были при отрядѣ, а находились въ командировкѣ по дѣламъ службы въ Кубѣ и Табасаранѣ. По такому его представленію штабсъ-капитанъ Савичъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а остальные трое произведены въ слѣдующіе чины. Въ оправданіе такого поступка подсудимый генералъ-лейтенантъ

Ренненкампфъ объяснилъ, что офицеры сіи, въ продолженіе двух-годичнаго командованія его дивизіею на Кавказѣ, находясь при немъ и участвуя съ нимъ въ движеніяхъ по опаснымъ мѣстамъ и во всѣхъ дѣлахъ противъ Горцевъ, постоянно отличали себя неутомимою дѣятельностью, мужествомъ и храбростью и онъ, по совѣсти и званію своему, счелъ долгомъ представить ихъ въ наградѣ, истинно ими заслуженной, и одно только желаніе вѣрнѣйшаго въ томъ успѣха, безъ всякого впрочемъ къ нимъ пристрастія, побудило его, при столь важномъ событіи, каково дѣло при селеніи Бирикей, помѣстить ихъ въ спискѣ отличившихся въ семъ сраженіи, въ которомъ они не были случайно лишь потому, что нападеніе непріятеля было неожиданное. О томъ, что означенные офицеры дѣйствительно участвовали съ подсудимымъ Ренненкампфомъ въ дѣлахъ противъ Горцевъ и отличались при томъ храбростью и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, засвидѣтельствовалъ и бывшій корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, вслѣдствіе чего Всемилостивѣйше возвращены имъ тѣ награды, которыхъ они, по неправильности перваго представленія, были лишены. При всемъ томъ, сколько бы ни уважительны были заслуги тѣхъ офицеровъ, генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ испрашивать имъ наградъ за дѣло подъ селеніемъ Бирикей, въ которомъ они вовсе не были; допустивъ же такое противузаконное дѣйствіе, онъ вовлекъ себя въ лживый поступокъ, сколько предосудительный въ лицѣ начальствующаго дивизіею, столько же нетерпимый въ службѣ по вредному примѣру для подчиненныхъ. А потому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго генералъ-лейтенанта Ренненкампфа, за означенный противузаконный поступокъ, по точной силѣ св. воен. постан. части 2-й книги 2-й ст. 8 и части 5 кн. 1 ст. 532, лишивъ чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые до выслуги. Его Императорское Величество, вслѣдствіе ходатайства генералъ-адъютанта Нейдгарта о всемилостивѣйшемъ прощеніи Ренненкампфа за необдуманный его поступокъ, благоизволилъ отозваться, что по окончаніи надъ нимъ суда, отъ милосердія Его Величества будетъ зависѣть смягченіе наказанія,

какое ему судомъ опредѣлено будетъ.—Генералъ-аудиторіатъ съ своей стороны къ такому смягченію опредѣленнаго Ренненкампфу по законамъ наказанія долгомъ счелъ всеподданнѣйше представить, что сколько ни законопротивенъ поступокъ Ренненкампфа, но онъ произошелъ отъ необдуманности, а не отъ какого либо пристрастія къ представленнымъ имъ офицерамъ или изъ преступныхъ корыстныхъ побужденій. Прежняя 35-ти лѣтняя служба генерала Ренненкампфа не запятнана ни малѣйшимъ проступкомъ,—напротивъ представляетъ безпрерывный рядъ отличій, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ противъ непріятеля въ отечественную войну, потомъ въ войнахъ съ Персіею въ 1826, 1827 и 1828 г., съ Турціею въ 1828 и 1829 годахъ и противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году; наконецъ командуя 19-ю пѣхотною дивизіею на Кавказѣ, какъ въ 1842, такъ преимущественно въ 1843 и потомъ въ 1845 годахъ при всеобщемъ возмущеніи въ Дагестанѣ безпрерывно находился въ борьбѣ съ непріятелемъ, а въ сраженіи подъ селеніемъ Бирикей, съ малымъ отрядомъ разбивъ на голову огромное скопище Горцевъ, какъ засвидѣтельствовалъ бывшій корпусный командиръ, потушилъ возмущеніе, которое, въ случаѣ неудачи съ нашей стороны, разлилось бы по всему южному Дагестану, и могло не остановиться ни въ Кубѣ, ни въ татарскихъ провинціяхъ. Въ мирное время, онъ, Ренненкампфъ, былъ употребляемъ съ пользою къ важнымъ порученіямъ по службѣ, а именно: въ 1816 г. при посольствѣ въ Персію съ генераломъ отъ артиллеріи Ермоловымъ, отъ котораго имѣлъ сверхъ того особое секретное порученіе; въ 1828 г. при опредѣленіи государственной границы между Россіею и Персіею; въ 1829 г. главнымъ приставомъ при чрезвычайномъ персидскомъ посольствѣ; въ 1831 г. военнымъ коммисаромъ со стороны россійскаго, австрійскаго и прусскаго дворовъ въ Краковѣ и начальникомъ отряда войскъ, составлявшаго гарнизонъ того города; а въ 1832 г. чрезвычайнымъ военнымъ коммисаромъ при австрійскомъ дворѣ для ликвидаціи. Такая отличная служба подсудимаго Ренненкампфа обращала на него всегда особенное вниманіе высшаго начальства, по засвидѣтельствованію коего онъ удостоился награжденія многими чинами за отличіе и Всемилостивѣйше пожалованъ

орденами: св. Владиміра 2, 3 и 4 ст. съ бантомъ, св. Анны 4 ст., 2 ст. съ алмазными украшеніями и 1 ст. съ Императорскою короною; кромѣ того награжденъ былъ иностранными орденами: австрійскимъ Желѣзной короны 1-й ст., прусскими: За заслуги и Краснаго орла 2-й ст. со звѣздою, французскимъ Почетнаго Легіона, датскимъ Данеброка 1 ст. и персидскимъ Льва и Солнца 1 и 2 ст. съ алмазами. Настоящее положеніе Ренненкампфа тоже не можетъ не обратить вниманія къ его участи, ибо онъ сверхъ несчастія, его постигшаго, находится съ семействомъ въ крайне бѣдномъ положеніи и, какъ самъ онъ объясняетъ, не имѣетъ никакихъ средствъ содержать себя безъ службы.

На подлинномъ докладѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: «единственно въ уваженіе прежней службы, замѣнить приговоръ суда отставленіемъ отъ службы. Николай. Венеція. 13 (25) декабря 1845 г.».

Дѣло о разрытіи могилъ и поврежденіи памятниковъ иностранныхъ воиновъ въ Крыму.

Въ 1856 году Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть объявить великобританскимъ уполномоченнымъ, что ходатайство ихъ: «чтобы могиламъ и памятникамъ иностранныхъ воиновъ, павшихъ подъ Севастополемъ и въ другихъ мѣстахъ Имперіи, оказано было должное уваженіе» —будетъ свято исполнено.

Объ исполненіи сего Высочайшаго повелѣнія тогда же сдѣлано было надлежащее распоряженіе *).

*) Въ дополненіе къ сему дѣлу считаемъ не лишнимъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія: въ лондонскихъ газетахъ «Times» и «Daily News» отъ 21 сентября (3 октября) 1867 г. помѣщено письмо англійскаго генеральнаго консула въ Одессѣ относительно присмотра за *англійскимъ кладбищемъ* въ Севастополѣ. Консулъ говоритъ, что онъ со времени назначенія его (въ 1858 г.) англійскимъ генеральнымъ консуломъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, считалъ своею обязанностью заботиться о неприкосновенности могилъ англійскихъ воиновъ, павшихъ въ крымскую войну, и въ этомъ случаѣ считаетъ своею обязанностью принести благодарность б. новороссійскому генералъ-губернатору графу Строганову, принявшему всѣ зависящія отъ него мѣры для присмотра за англійскимъ кладбищемъ, неприкосновенность котораго (какъ говоритъ консулъ) лучше всего обезпечена уваженіемъ, оказываемымъ русскимъ народомъ кладбищамъ. Но для того, чтобы вполнѣ успокоить чувства англичанъ относительно дорогихъ для нихъ покойниковъ, консулъ нашелъ необходимымъ войти въ соглашеніе съ монахами георгіевскаго монастыря, (расположеннаго между Севастополемъ и

Впослѣдствіи, уполномоченные французскаго и англійскаго правительствъ увѣдомили министерство иностранныхъ дѣлъ, будто бы нѣкоторые памятники въ Крыму повреждены и могилы вскрыты умышленно съ святотатственною цѣлію; вслѣдствіе сего, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, командированъ былъ для производства по сему предмету изслѣдованія флигель-адъютантъ князь Голицынъ.

По слѣдствію оказалось, что сообщенныя иностранными правительствами свѣдѣнія о поврежденіи могилъ воиновъ союзныхъ армій въ Крыму отчасти подтвердились; но притомъ произведеннымъ изслѣдованіемъ обнаружено, что по бо̀льшей части замѣченныя повреждения зависѣли отъ вліянія времени и перемѣны погоды на памятники, воздвигнутые на-скоро изъ мѣстнаго, непрочнаго камня, и что только въ трехъ случаяхъ могилы эти сдѣлались предметомъ умышленнаго нарушенія, а именно:

1) Могила близь деревни Кадыкой.

2) Могила англійскаго капитана Паттона въ Балаклавѣ близь церкви св. апостоловъ Петра и Павла, и

3) Могила англійскихъ сержантовъ Роберта Вейера и Джона Кифа близь 3-го бастіона севастопольскихъ укрѣпленій.

Въ *первомъ* случаѣ оказалась разрытою могила одного генерала, но гробъ остался неприкосновеннымъ, вѣроятно потому, что преступники бѣжали, увидѣвъ подходящихъ къ кладбищу людей. Къ сожалѣнію виновники въ этомъ святотатственномъ покушеніи, ограбить могилу, не отысканы.

Второй случай, разрытіе могилы капитана Паттона, происходилъ при совершенно другихъ обстоятельствахъ, вполнѣ обнаруженныхъ слѣдствіемъ, а именно: предсѣдатель учрежденной въ Севастополѣ генеральной коммисіи вице-адмиралъ Вукотичъ и членъ коммисіи контръ-адмиралъ Варницкій, заключили отъ имени коммисіи условіе съ купцомъ Вакье на предоставленіе ему права отыскивать металлы (зарытые будто бы союзными арміями въ разныхъ мѣстахъ занимаемой ими позиціи прежде оставленія Крыма), съ тѣмъ, чтобы одна треть изъ всего най-

---

Балаклавою), и предложилъ имъ за извѣстное вознагражденіе имѣть надзоръ за кладбищемъ; почтенные монахи охотно согласились взять на себя наблюденіе за могилами англійскихъ воиновъ, но отъ вознагражденія отказались; смотрителемъ кладбища назначенъ англійскій консулъ въ Керчи. (Голосъ за 1867 г. № 266). *Прим. изд.*

деннаго принадлежала казнѣ; присемъ Вакье предоставлено было право производить розыски, за исключеніемъ севастопольской бухты, въ землѣ и водѣ на всемъ пространствѣ отъ Севастополя до Балаклавы включительно. Наблюденіе за этими поисками поручено было состоящему при севастопольской полиціи капитанъ-лейтенанту Бертье-де-ла-Гарди, и о распоряженіи этомъ въ то же время увѣдомлены: завѣдывающій морскою частію контръ-адмиралъ Бутаковъ, начальникъ таврической губерніи и командиръ балаклавскаго греческаго баталіона.—Поиски производились въ теченіи трехъ дней подъ руководствомъ посланныхъ отъ купца Вакье сыновей его и *иностранцевъ* Курдона и Сиріака, но оказались безуспѣшными и въ дальнѣйшемъ ходѣ пріостановлены самою генеральною коммисіею.

Работы производились на кладбищѣ близь церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Балаклавѣ и преимущественно около памятника, поставленнаго англійскому капитану Паттону; присемъ находились: капитанъ-лейтенантъ Бертье-де-ла-Гарди и командированный за депутата отъ командира балаклавскаго греческаго баталіона прапорщикъ Ксирихи. Въ первые два дня распоряжался работами иностранецъ Курдонъ, а въ послѣдній день французскій подданный Сиріакъ; причемъ, когда памятникъ капитана Паттона, бывъ обрытъ со всѣхъ сторонъ, обрушился, то Сиріакъ, увѣряя, что въ могилѣ этой скрыты металлы, требовалъ, чтобы рыли далѣе, и когда показался гробъ, то, съ разразрѣшенія капитанъ-лейтенанта Бертье-де-ла-Гарди, Сиріакъ спускался въ могилу, просверливалъ гробъ буравомъ, и потомъ отбивъ кусокъ отъ крышки киркою, тогда только удостовѣрился въ ошибочности своихъ предположеній. Впрочемъ дальнѣйшіе поиски были немедленно пріостановлены, и командиръ балаклавскаго греческаго баталіона полковникъ Манто донесъ объ этомъ происшествіи новороссійскому генералъ-губернатору, не упоминая, что при поискахъ коснулись могилы капитана Паттона.

Наконецъ *третье* событіе, обнаруженное произведеннымъ слѣдствіемъ, было похищеніе надгробной плиты съ могилы англійскихъ сержантовъ: Роберта Вейера и Джона Кифа, въ которомъ подверглись обвиненію крѣпостные люди отставнаго капитана 2-го ранга Кокораки: Василій Степановъ и Василій Михайловъ.

Въ преступленіи этомъ означенные люди хотя и не сознались,

объясняя, что нашли означенную плиту на дорогѣ, но изобличены показаніями бывшихъ дозорными на кладбищѣ рядовыхъ Крячко и Гробаренко.

Впослѣдствіи новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ сообщилъ, что Курдонъ и Сиріакъ, отосланные по распоряженію князя Голицына въ Одессу подъ присмотръ полиціи, не имѣютъ тамъ никакихъ средствъ къ существованію, и для предупрежденія непріязненныхъ столкновеній съ французскимъ правительствомъ, полагалъ: назначить имъ какое либо денежное вознагражденіе и выслать заграницу.

Сообразивъ вышеизложенное, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что по дѣйствующимъ законамъ святотатствомъ почитается разрытіе могилъ съ цѣлью ограбленія мертвыхъ тѣлъ, или для поруганія надъ оными, или же для какихъ либо суевѣрныхъ дѣйствій, за что и полагаются строгія уголовныя наказанія (ст. 256 улож. о наказ. уголовн. и исправительныхъ). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда разрытіе могилы учинено по шалости или въ пьянствѣ, виновные подвергаются только исправительному наказанію, именно заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года (таже ст.). Но ни одинъ изъ этихъ видовъ преступленія не можетъ быть примѣненъ къ разсматриваемому нынѣ случаю разрытія могилы капитана Паттона, которое производилось хотя и предумышленно, но не съ преступною цѣлію. Тѣмъ не мѣнѣе должностныя лица, допустившія разрытіе могилы и поврежденіе гроба, не могутъ быть совершенно изъяты отъ отвѣтственности, сколько потому, что имъ не могло не быть извѣстно сообщенное къ исполненію всѣмъ мѣстнымъ властямъ Высочайшее повелѣніе о наблюденіи за неприкосновенностью могилъ иностранныхъ воиновъ, столько и потому, что ихъ должно было руководить въ этомъ случаѣ общее всѣмъ *религіозное чувство* уваженія къ праху воиновъ, павшихъ благородною смертью на полѣ битвы.—По обстоятельствамъ дѣла непосредственными виновниками въ этомъ оказываются: 1) капитанъ-лейтенантъ Бертье-де-ла-Гарди, подъ главнымъ наблюденіемъ котораго производилась развѣдка, и присутствовавшій при разрытіи могилы за депутата прапорщикъ балаклавскаго греческаго баталіона Ксирихи. Но при опредѣленіи мѣры отвѣтственности ихъ, нельзя не принять во вниманіе, что

оба офицера эти не были снабжены отъ ихъ начальства подробною инструкціею о порядкѣ производства поисковъ, и что притомъ изъ нихъ Бертье-де-ла-Гарди, какъ самъ онъ объясняетъ, бывъ вполнѣ убѣжденъ увѣреніями Вакье и его товарищей, что подъ надгробнымъ памятникомъ скрыты металлы, увлекся въ этомъ случаѣ усердіемъ къ соблюденію выгодъ казны.—2) Предсѣдатель учрежденной въ Севастополѣ генеральной коммисіи вице-адмиралъ Вукотичъ и членъ той коммисіи контръ-адмиралъ Варницкій въ томъ: а) что не испросивъ разрѣшенія начальства, заключили съ купцомъ Вакье условіе на розыски металловъ, распространивъ притомъ право розысковъ на такія мѣста, которыя не были въ завѣдываніи морскаго начальства; б) что они при составленіи условія дѣйствовали въ своемъ лицѣ отъ имени всей комисіи; в) что не снабдили капитанъ-лейтенанта Бертье-де-ла-Гарди подробною инструкціею о порядкѣ производства розысканій, и въ условіи съ Вакье не оговорили неприкосновенности кладбищъ, которыми покрыта почти вся мѣстность между Севастополемъ и Балаклавою.—3) Командиръ балаклавскаго греческаго баталіона полковникъ Манто, получивъ увѣдомленіе генеральной комисіи о заключенномъ съ купцомъ Вакье контрактѣ, хотя и не могъ воспрепятствовать производству поисковъ, при которыхъ самъ по болѣзни не присутствовалъ, но обязанъ былъ донести о томъ непосредственному своему начальству со всею подробностію. Между-тѣмъ полковникъ Манто въ донесеніи новороссійскому генералъ-губернатору не упомянулъ о томъ, что розыски производились на кладбищѣ и что притомъ была обыскана могила капитана Паттона. — 4) Что касается до купца Вакье, сыновей его и французскихъ подданныхъ Курдона и Сиріака, то изъ числа ихъ только одинъ послѣдній принималъ непосредственное участіе въ поврежденіи гроба капитана Паттона; но какъ онъ дѣйствовалъ съ согласія офицера, назначеннаго отъ правительства для наблюденія за ходомъ развѣдокъ, то обстоятельство это не можетъ быть вмѣнено ему въ вину.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Ему обстоятельствъ дѣла сего, Высочайше повелѣть соизволилъ:

«1) Вице-адмиралу Вукотичу и контръ-адмиралу Варницкому сдѣлать строгое замѣчаніе за превышеніе власти, оставивъ на ихъ отвѣтственности всѣ убытки, которые понесетъ казна отъ неправильно совершеннаго ими съ купцомъ Вакье условія.

2) Капитанъ-лейтенанту Бертье-де-ла-Гарди, за небрежность при исполненіи возложеннаго на него порученія, и прапорщику Ксирихи, бывшему депутатомъ при произведенныхъ розыскахъ въ Балаклавѣ о скрытыхъ будто бы тамъ металлахъ, за допущеніе разрытія при этомъ случаѣ могилы капитана Паттона, сдѣлать строгій выговоръ.

3) Командиру балаклавскаго греческаго пѣхотнаго батальона полковнику Манто, за недонесеніе непосредственному своему начальству о разрытіи могилы при означенныхъ розыскахъ—сдѣлать замѣчаніе.

4) Купца Вакье, сыновей его, и французскихъ подданныхъ Курдона и Сиріака, такъ какъ всѣ они дѣйствовали въ предѣлахъ условія, заключеннаго ими съ генеральною коммисіею, оставить свободными отъ всякой отвѣтственности, предоставивъ притомъ купцу Вакье, въ подкрѣпленіе иска о вознагражденіи за понесенные отъ уничтоженія условія убытки, представить ясныя доказательства. Что же касается до Курдона и Сиріака, не состоящихъ въ подданствѣ Россіи, то они не имѣютъ никакого права на вознагражденіе отъ правительства и могутъ отыскивать понесенные ими убытки съ купца Вакье, съ которымъ заключили условіе. Впрочемъ ежели генералъ-адъютантъ графъ Строгановъ, во избѣжаніе непріязненныхъ столкновеній съ французскимъ правительствомъ, признаетъ возможнымъ окончить это дѣло выдачею имъ незначительной суммы, то поручить ему выдать имъ деньги изъ находящихся въ распоряженіи его экстраординарныхъ суммъ, съ возмѣщеніемъ оныхъ на счетъ виновныхъ и съ тѣмъ, чтобы иностранцевъ этихъ выслать заграницу и воспретить имъ въѣздъ въ Россію.

5) Обстоятельство объ увозѣ крѣпостными людьми отставнаго капитана 2-го ранга Кокораки съ кладбища къ дому его надгробной плиты, передать на законное разсмотрѣніе уголовнаго суда».

Дѣло о дуели между штабсъ-ротмистрами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка: княземъ Яшвилемъ и княземъ Долгоруковымъ.

Между штабсъ-ротмистрами лейбъ-гвардіи гусарскаго полка княземъ Яшвилемъ и княземъ Долгоруковымъ произошла 21 іюня 1842 г. въ 7-мь часовъ вечера дуель близь деревни Кемпе-

деревой (ораніенбаумскаго уѣзда, красносельскаго удѣльнаго вѣдомства), причемъ кн. Долгоруковъ былъ убитъ.

Поводомъ къ сей дуели были слѣдующія обстоятельства: Долгоруковъ и Яшвиль обѣдали въ этотъ день въ означенной деревнѣ въ квартирѣ ротмистра Ломоносова, вмѣстѣ съ полковникомъ Герсдорфомъ и другими офицерами. Во время обѣда, при разговорѣ о театрѣ, офицеры, шутя, упрекали штабсъ-ротмистра князя Яшвиля въ томъ, что онъ волочится за актрисами, а князь Долгоруковъ сказалъ, что князь Яшвиль смѣшонъ въ этомъ случаѣ. — Князь Яшвиль отвѣчалъ, что смѣшонъ онъ или нѣтъ, но не позволитъ никому смѣяться надъ собою.—На это князь Долгоруковъ возразилъ, что Яшвиль не можетъ запретить надъ собою смѣяться, и что онъ, Долгоруковъ, терпѣть не можетъ людей, которые стращаютъ. — Послѣ сего, полковникъ Герсдорфъ, замѣтивъ, что разговоръ началъ дѣлаться серьёзнымъ, и желая прекратить оный, воспретилъ говорить о театрѣ, вслѣдствіе чего всѣ начали разговаривать о другихъ предметахъ. По окончаніи обѣда, когда обѣдавшіе офицеры пили кофе, кн. Яшвиль ушелъ въ свою квартиру, а вслѣдъ за нимъ пошелъ туда же и кн. Долгоруковъ.— Вскорѣ оба они возвратились, и Долгоруковъ игралъ съ офицерами, а Яшвиль въ игрѣ не участвовалъ. — Притомъ оба они разговаривали между собою совершенно покойно, что и подало поводъ полковнику Герсдорфу и бывшимъ тамъ офицерамъ заключить, что Яшвиль и Долгоруковъ помирились. Затѣмъ, когда нѣкоторые офицеры остались въ квартирѣ ротмистра Ломоносова, а полковникъ Герсдорфъ ушелъ на свою квартиру, Яшвиль и Долгоруковъ также удалились. Чрезъ нѣсколько времени Яшвиль, возвратясь, объявилъ ротмистру Ломоносову, что онъ стрѣлялся съ Долгоруковымъ, и что послѣдній убитъ.

Все это объяснили въ показаніяхъ своихъ какъ полковникъ Герсдорфъ, такъ и обѣдавшіе съ нимъ 7-мь офицеровъ, прибавляя къ тому, что Яшвиль и Долгоруковъ прежде того были между собою весьма дружны.

Самъ князь Яшвиль о разговорѣ во время обѣда показалъ тоже самое, съ нѣкоторыми только измѣненіями, какъ то: Долгоруковъ, при разговорѣ о театрѣ, сказалъ, что смѣшно въ лѣта его, кн. Яшвиля, дурачиться. Онъ, Яшвиль, отвѣчалъ, что никогда не дурачился, и никто этого сказать объ немъ не можетъ.

На это Долгоруковъ возразилъ, что онъ говорилъ это ему уже нѣсколько разъ; а онъ, Яшвиль, отвѣтилъ, что никому не позволитъ этого говорить. Тѣмъ разговоръ и кончился, только Долгоруковъ сказалъ еще, что не любитъ тѣхъ людей, которые берутъ на себя заставлять другихъ молчать.

Что происходило между княземъ Яшвилемъ и княземъ Долгоруковымъ послѣ обѣда въ квартирѣ перваго изъ нихъ,—того никто изъ постороннихъ не слышалъ, потому что тамъ никого тогда не было, кромѣ крѣпостнаго человѣка Яшвиля (Ивана Афанасьева), но и этотъ человѣкъ не понималъ ихъ разговора, потому-что они говорили между собою по французски. *)—Самъ же кн. Яшвиль объясвилъ, что Долгоруковъ, пришедши къ нему, спросилъ его, обиженъ ли онъ? Яшвиль отвѣчалъ, что не обиженъ, когда видитъ его у себя на квартирѣ. — Долгоруковъ продолжалъ, что пришелъ не извиняться, а сказать, что онъ, Яшвиль, можетъ требовать отъ него удовлетворенія за обиду, то есть стрѣляться съ нимъ. Зная характеръ Долгорукова, онъ, Яшвиль, не могъ отказаться отъ предложенія, и они условились стрѣляться того же дня въ 7-мь часовъ вечера пистолетами Долгорукова, безъ секундантовъ, не желая никого вмѣшивать въ это дѣло.

Самая дуель, по объясненію кн. Яшвиля, происходила слѣдующимъ образомъ: въ 7-мь часовъ вечера онъ сошелся съ Долгоруковымъ подъ горой ниже дер. Кемпелевой, и оба вошли вмѣстѣ въ лѣсъ, зарядили пистолеты, принесенные Долгоруковымъ, и положили подъ платье; потомъ каждый изъ нихъ вынулъ для себя пистолетъ и разошлись одинъ отъ другаго на 12-ть шаговъ. Долгоруковъ предложилъ стрѣлять первому Яшвилю. Сей послѣдній, (какъ показалъ), не хотѣлъ первый стрѣлять и предлагалъ это Долгорукову, но послѣ вторичнаго его требованія, выстрѣлилъ и ранилъ его въ грудь, отчего Долгоруковъ мгновенно умеръ. Послѣ сего Яшвиль позвалъ гусаръ, чистившихъ невдалекѣ отъ того мѣста лошадей, и велѣлъ имъ отнести тѣло Долгорукова въ деревню, а самъ, пришедши туда, объявилъ ротмистру Ломоносову.

Гусары, принесшіе тѣло кн. Долгорукова, показали, что они тотчасъ послѣ выстрѣла, услышали голосъ князя Яшвиля и, при-

*) Иванъ Афанасьевъ показалъ, что кн. Долгоруковъ пробылъ у Яшвиля не болѣе трехъ минутъ.

бѣжавъ къ нему, нашли кн. Долгорукова уже мертвымъ, и что тамъ никого, кромѣ Яшвиля, не было.

При освидѣтельствованіи тѣла штабсъ-ротмистра князя Долгорукова ораніенбаумскимъ уѣзднымъ докторомъ оказалось у него на правой сторонѣ ниже ключицы въ грудной кости круглая сквозная рана, соотвѣтственная величиною пулѣ, выпутой изъ заряженнаго пистолета; другой же пистолетъ былъ безъ заряда. Пуля осталась въ грудной полости безъ вылета. Такъ какъ при малѣйшемъ давленіи груди ротъ наполнялся черною жидкою кровью, то медикъ заключилъ, что у кн. Долгорукова легкія были разорваны пулею и кровь наполняетъ грудную полость, отчего ему и послѣдовала мгновенная смерть.

Генералъ-аудиторіатъ по симъ обстоятельствамъ нашелъ подсудимаго штабсъ-ротмистра князя Яшвиля, по суду и собственному сознанію, виновнымъ въ томъ, что онъ 21 іюня, во время обѣда съ полковникомъ Герсдорфомъ и другими офицерами въ дер. Кемпелевой въ квартирѣ ротмистра Ломоносова, поссорившись съ штабсъ-ротмистромъ княземъ Долгоруковымъ, вышелъ съ нимъ того же числа на дуель и, по предложенію Долгорукова, выстрѣливъ первый, убилъ его. Посему генералъ-аудиторіатъ, на основаніи свода военныхъ постановленій военно-уголовнаго устава кн. 1-й стат. 392,393 и 395-й, полагалъ: подсудимаго штабсъ-ротмистра князя Яшвиля, лишивъ чиновъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ, сослать въ Сибирь въ каторжную работу.—Но опредѣливъ мѣру наказанія подсудимому на основаніи законовъ, генералъ-аудиторіатъ долгомъ счелъ представить на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества: во первыхъ, засвидѣтельствованіе начальства объ отлично-усердной службѣ штабсъ-ротмистра князя Яшвиля; во вторыхъ, что поводъ къ неудовольствію, послужившему причиной дуели, поданъ былъ, сколько видно изъ отзывовъ обѣдавшихъ съ нимъ офицеровъ, княземъ Долгоруковымъ, который дозволилъ себѣ въ присутствіи многихъ неосторожно насмѣхаться надъ кн. Яшвилемъ; и въ третьихъ, что кн. Яшвиль, ушедши послѣ обѣда въ свою квартиру, готовъ былъ, (какъ въ отвѣтахъ объясняетъ), простить князю Долгорукову, но сей, пришедши къ нему, самъ предложилъ ему въ удовлетвореніе дуель и употребилъ при оной свои пистолеты. По симъ уваженіямъ

генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: повергнувъ участь подсудимаго Милосердому воззрѣнію Его Императорскаго Величества, всеподданнѣйше ходатайствовать: о замѣнѣ заслуженнаго имъ наказанія тѣмъ, чтобы его, лишивъ чиновъ, написать въ рядовые впредь до отличной выслуги, безъ лишенія княжескаго и дворянскаго достоинствъ, и употребивъ на службу по распоряженію инспекторскаго департамента, предать церковному покаянію по назначенію духовнаго начальства.

На подлинномъ докладѣ генералъ-аудиторіата, послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «въ рядовые до отличной противъ непріятеля выслуги; полковнику Герсдорфу, какъ отличному и всѣми уважаемому офицеру, должно было не пренебрегать происшедшимъ за обѣдомъ, призвать къ себѣ обоихъ ссорившихся офицеровъ, и требовать по званію своему немедленнаго примиренія, тѣмъ болѣе, что все дѣло было столь ничтожно, что болѣе походило на ребячьи шалости, чѣмъ на поступки благородныхъ офицеровъ; когда же присутствуютъ при томъ старшіе офицеры, ихъ долгъ, неприличій не терпѣть, и не медля прекращать, предвидя послѣдствія. Николай. Петергофъ 2-го іюля 1842 года».

Дѣло о дуели между поручикомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка Римскимъ-Корсаковымъ и отставнымъ поручикомъ того же полка Козловымъ.

19-го апрѣля 1857 года тверскій гражданскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бакунинъ, всеподданнѣйше донесъ Государю Императору, что 18-го того апрѣля, въ пять часовъ по полудни, въ г. Тверь прибыли изъ Москвы по николаевской желѣзной дорогѣ: поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка Римскій-Корсаковъ, того же полка отставной поручикъ Козловъ, лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка поручикъ Загряжскій 1, лейбъ-драгунскаго московскаго Его Величества полка прапорщикъ князь Вяземскій 1, отставной гвардіи капитанъ Козловъ и младшій ординаторъ московской екатериненской больницы Новацкій. Всѣ эти лица первоначально остановились въ тверской почтовой гостинницѣ, а потомъ изъ нихъ первые четверо тотчасъ же наняли двѣ тройки лошадей съ ямскими таран-

тасами и уѣхали изъ Твери по тракту къ Москвѣ: Римскій-Корсаковъ съ княземъ Вяземскимъ, а Козловъ съ поручикомъ Загряжскимъ. Затѣмъ, отъѣхавъ отъ Твери около 6-ти верстъ, они вышли изъ экипажей и отправились въ находящійся при дорогѣ лѣсъ; чрезъ нѣсколько времени бывшіе при экипажахъ ямщики услышали выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ лѣсу былъ вынесенъ раненый поручикъ Римскій-Корсаковъ и привезенъ обратно въ тверскую гостинницу.—Изъ распросовъ оказалось, что Корсаковъ имѣлъ дуель съ поручикомъ Козловымъ, по вызову послѣдняго, для чего они и отправились изъ Москвы въ Тверь 18-го апрѣля, причемъ секундантомъ у Корсакова былъ прапорщикъ князь Вяземскій, а у Козлова поручикъ Загряжскій. При этомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бакунинъ, донося о сдѣланномъ распоряженіи—къ производству о происшествіи слѣдствія, присовокупилъ, что состояніе здоровья поручика Корсакова не представляетъ опасности, и что онъ раненъ въ правый бокъ пулею, которая остановилась между ребрами и вынута докторомъ Новацкимъ, прибывшимъ изъ Москвы съ отставнымъ капитаномъ Козловымъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Его Величеству докладу этого донесенія, 21-го того же апрѣля Высочайше повелѣть соизволилъ: предать всѣхъ виновныхъ суду арестованными, при одномъ изъ полковъ гвардіи.

Вслѣдствіе этого преданы военному суду при кавалергардскомъ Ея Величества полку какъ поручики: Римскій-Корсаковъ и Козловъ, между которыми произошла дуель, такъ и бывшіе при нихъ секундантами: поручикъ Загряжскій и прапорщикъ князь Вяземскій.

Между тѣмъ всѣ эти офицеры, задержанные въ г. Твери тотчасъ послѣ происшествія, были немедленно допрошены какъ о причинѣ дуели, такъ и о степени участія, какое каждый изъ нихъ принималъ въ этомъ преступленіи.—Поручикъ *Козловъ* показалъ, что дуель между нимъ и Корсаковымъ произошла вслѣдствіе личнаго неудовольствія, по поводу разглашенія Корсаковымъ о немъ, Козловѣ, оскорбительныхъ и вредныхъ для репутаціи слуховъ.—Изъ прочихъ офицеровъ поручики: Корсаковъ и Загряжскій не объяснили въ подробности причинъ поединка и показали, что онъ произошелъ вслѣдствіе личныхъ между Коз-

ловымъ и Корсаковымъ неудовольствій, а прапорщикъ князь Вяземскій отозвался о причинѣ дуели незнаніемъ.

Подробности же самаго происшествія поручики Корсаковъ, Козловъ, Загряжскій и прапорщикъ князь Вяземскій объяснили совершенно согласно съ изложеннымъ донесеніемъ тверскаго гражданскаго губернатора, прибавивъ что первый вызовъ на дуель былъ сдѣланъ Римскому-Корсакову поручикомъ Козловымъ, — чрезъ отца послѣдняго, отставнаго гвардіи капитана Козлова. Когда вызовъ этотъ былъ принятъ Корсаковымъ, то дуелисты, назначивъ чрезъ секундантовъ своихъ (поручика Загряжскаго и прапорщика князя Вяземскаго) мѣсто для дуели близь г. Твери, отправились изъ Москвы въ экипажахъ, въ которыхъ ѣхали: Козловъ съ секундантомъ своимъ поручикомъ Загряжскимъ до Подсолнечной станціи николаевской желѣзной дороги, а Корсаковъ одинъ до Химской станціи той же дороги. Съ этихъ же станцій они 18 апрѣля отправились въ Тверь по желѣзной дорогѣ въ одно время съ прапорщикомъ княземъ Вяземскимъ, отцомъ поручика Козлова и докторомъ Новацкимъ, которые выѣхали по этой дорогѣ изъ самой Москвы. Затѣмъ по прибытіи изъ Твери на вольнонаемныхъ лошадяхъ въ лѣсъ по тракту къ г. Москвѣ, Корсаковъ и Козловъ сами избрали мѣсто дуели, а поручикъ Загряжскій, назначивъ между ними пространство въ 18-ть шаговъ, подалъ имъ знакъ сходиться и на разстояніи 8 шаговъ стрѣлять изъ пистолетовъ. Присемъ поручикъ Козловъ первый сдѣлалъ выстрѣлъ, вслѣдствіе котораго Корсаковъ, раненый въ бокъ, чрезъ нѣсколько секундъ упалъ и по вынутіи пули докторомъ Новацкимъ, немедленно привезеннымъ изъ г. Твери, доставленъ въ тверскую почтовую гостинницу.

При этомъ изъ упомянутыхъ офицеровъ поручикъ Загряжскій и прапорщикъ князь Вяземскій присовокупили, что предъ дуелью они старались примирить Корсакова и Козлова, которые не исполнили ихъ предложенія.—Поручикъ Козловъ отозвался, что такъ какъ Корсаковъ отказался отъ извиненій, которыхъ онъ вправѣ былъ требовать отъ него, то ни отецъ его, Козлова, ни кто другой не старались прекратить между ними неудовольствія. Поручикъ же Корсаковъ ничего не объяснилъ объ этомъ при слѣдствіи.

Въ военномъ судѣ поручики Козловъ, Римскій-Корсаковъ,

Загряжскій и прапорщикъ князь Вяземскій подтвердили показанія свои, данныя при слѣдствіи, а *Козловъ* присовокупилъ, что оскорбительные слухи, которые разглашалъ о немъ поручикъ Римскій-Корсаковъ, были основаны на словахъ отставнаго поручика Булатова. Хотя по требованію его, Козлова, Булатовъ письменно отрекся отъ своихъ словъ *), но потомъ вторично началъ поддерживать туже клевету, а Корсаковъ, основываясь на словахъ Булатова, позволилъ себѣ явно говорить объ этомъ, почему онъ Козловъ былъ поставленъ въ необходимость вызвать Корсакова на дуель. Кромѣ отца его, Козлова, никто не зналъ о намѣреніи его относительно дуели и никто не совѣтовалъ сдѣлать Корсакову означенный вызовъ.

Отецъ поручика Козлова, отставной гвардіи капитанъ Козловъ, въ первомъ показаніи своемъ описавъ согласно съ показаніями подсудимыхъ поѣздку ихъ изъ Москвы въ Тверь 18 апрѣля для этой дуели, объяснилъ: что дуель произошла вслѣдствіе личныхъ неудовольствій, бывшихъ между сыномъ его и поручикомъ Римскимъ-Корсаковымъ, что показатель дѣйствительно зналъ о намѣреніи сына выйти на дуель и по собственному убѣжденію въ необходимости ея—не принялъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію, и что при самой дуели, происшедшей близь г. Твери, онъ, Козловъ, не былъ, но вмѣстѣ съ докторомъ Новацкимъ, котораго привезъ съ собою изъ Москвы по желѣзной дорогѣ для поданія помощи въ случаѣ несчастія, оставался въ тверской почтовой гостинницѣ, куда прiѣхалъ вслѣдствіе опасеній на счетъ сына, съ которымъ желалъ находиться вмѣстѣ. Сынъ же и прочіе офицеры не отправились изъ самой Москвы по желѣзной дорогѣ, а выѣхали къ ней уже на послѣдующихъ станціяхъ для того, чтобы избѣжать препятствій къ выходу на дуель, такъ какъ происшедшее между ними неудовольствіе было извѣстно въ кругу общихъ ихъ знакомыхъ.-При *второмъ* же допросѣ, капитанъ Козловъ, отмѣнивъ первое показаніе свое о непринятіи никакихъ мѣръ

*) Подъ дѣломъ имѣется росписка (писанная на французскомъ языкѣ), поручика Д. Булатова, что онъ не говорилъ Корсакову ничего обиднаго о Козловѣ, въ чемъ и даетъ честное слово; впослѣдствіи же Булатовъ снова показалъ, что хотя и выдалъ росписку, но она несправедлива. — Генералъ-аудиторіатъ, въ своемъ рѣшеніи, признавъ относительно Булатова, что поступокъ его, состоящій въ томъ, что онъ въ роспискѣ отрекся отъ своихъ словъ *«предосудительный въ общественномъ мнѣніи»* нельзя по закону отнести къ уголовнымъ преступленіямъ. *Прим. изд.*

къ предупрежденію дуели сына своего съ поручикомъ Корсаковымъ, объяснилъ, что онъ употреблялъ всѣ усилія для отвращенія дуели, но наконецъ не имѣя успѣха въ своемъ предпріятіи, нашелъ, что поединокъ необходимъ. Вызовъ Корсакову былъ сдѣланъ за оскорбленіе чести сына его, Козлова, распространеніемъ о немъ клеветы, основанной на словахъ Булатова. Имѣя всѣ доказательства къ опроверженію этой клеветы, онъ, Козловъ, сначала и не помышлялъ о развязкѣ этого дѣла посредствомъ поединка. Но видя сына въ невозможности выйти предъ полковымъ командиромъ изъ ложнаго положенія, въ которое былъ поставленъ, Козловъ нашелъ поединокъ единственнымъ способомъ возстановить честь сына, оклеветанную Корсаковымъ, и для сего пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ г. Тверь. Присемъ для собственнаго спокойствія и желая имѣть по близости врача для поданія помощи въ случаѣ опасности, Козловъ взялъ съ собою изъ Москвы доктора Новацкаго, котораго пригласилъ письмомъ подъ другимъ вымышленнымъ предлогомъ, для того, чтобы избѣжать со стороны его отказа при объясненіи настоящей причины поѣздки.

Спрошенный противъ показанія капитана Козлова, младшій ординаторъ московской екатериненской больницы *Новацкій* отозвался, что не только причина дуели, но и самая дуель ему извѣстны не были. Узналъ же онъ о ней уже послѣ отъ капитана Козлова, когда представилась необходимостъ въ хирургическомъ пособіи одному изъ дуелистовъ, и когда съ мѣста дуели былъ присланъ за нимъ въ тверскую почтовую гостинницу тарантасъ. Онъ, Новацкій, прибывъ на мѣсто дуели, нашелъ поручика Римскаго-Корсакова раненымъ пулею въ правый бокъ, близь передняго конца одного изъ ложныхъ реберъ, и какъ пуля, проскользнувъ мимо ребра, остановиласъ, то Новацкій посредствомъ разрѣза вынулъ пулю изъ раны и наложилъ повязку, останавливающую кровотеченіе. Послѣ того Корсаковъ былъ перевезенъ въ гостинницу, а оттуда по распоряженію начальства въ Петербургъ, и хотя рана, по свойству своему, принадлежала къ весьма серьёзнымъ, но при постоянномъ леченіи Новацкаго, совершенно зажила и кромѣ слабой боли на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ каналу раны, она ничѣмъ не обнаруживается. Къ сему Новацкій присовокупилъ, что никого изъ лицъ, участво-

вавшихъ въ дуели, онъ до происшествія не зналъ и пріѣхалъ въ г. Тверь по приглашенію отставнаго капитана Козлова, который наканунѣ поѣздки просилъ его отправиться съ нимъ въ Тверь для поданія хирургическаго пособія свояченицѣ его г-жѣ Перхуровой. При семъ не заставъ Новацкаго на квартирѣ, Козловъ оставилъ ему записку по этому предмету, а потомъ, найдя его въ екатериненской больницѣ, снова повторилъ лично означенную просьбу, вслѣдствіе которой онъ Новацкій 18 апрѣля, испросивъ 4-хъ дневный отпускъ, отправился въ Тверь и узналъ отъ Козлова настоящую цѣль приглашенія уже тогда, когда съ мѣста дуели былъ присланъ за нимъ тарантасъ.

По соображеніи означенныхъ обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимыхъ поручиковъ: Козлова, Римскаго-Корсакова, Загряжскаго и прапорщика князя Вяземскаго виновными: первыхъ двухъ-въ выходѣ на поединокъ, а послѣднихъ—въ бытности секундантами при поединкѣ Козлова и Корсакова. За означенныя преступленія изъ подсудимыхъ Козловъ и Корсаковъ, по точной силѣ 390 и 400 ст. 1 книги военно-уголовнаго устава, подлежатъ лишенію чиновъ и правъ состоянія, а поручикъ Загряжскій и прапорщикъ князь Вяземскій, на основаніи 404 и 412 ст. означенной книги, подлежатъ аресту съ содержаніемъ на гауптвахтѣ или разжалованію въ рядовые до выслуги. Генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь приведенными законами, полагалъ: 1) подсудимыхъ поручиковъ Козлова и Римскаго-Корсакова, лишивъ чиновъ, правъ состоянія, а Корсакова—ордена св. Анны 3-й степени съ мечами и знака отличія военнаго ордена, назначить на службу рядовыми по распоряженію инспекторскаго департамента, а подсудимыхъ поручика Загряжскаго и прапорщика князя Вяземскаго, вмѣнивъ имъ въ наказаніе бытность подъ судомъ и содержаніе подъ арестомъ, выдержать еще подъ арестомъ на гауптвахтѣ: Загряжскаго — два, а князя Вяземскаго — три мѣсяца. Опредѣливъ подсудимымъ Козлову и Корсакову наказаніе по всей строгости законовъ и вникая въ ближайшія причины поединка и въ предшествовавшія оному обстоятельства, генералъ-аудиторіатъ повергалъ на Всемилостивѣйшее Государя Императора воззрѣніе: относительно поручика Козлова, что хотя онъ первый подалъ поводъ къ происшедшему поединку, но притомъ нельзя

не принять во вниманіе, какъ юношескій возрастъ его, такъ и то, что онъ, считая поединокъ единственнымъ средствомъ оправдать себя въ мнѣніи общества и сослуживцевъ, послѣ распространившихся о немъ невыгодныхъ слуховъ, былъ поддерживаемъ въ этомъ убѣжденіи совѣтами своего отца. Не менѣе того заслуживаетъ снисхожденія и поручикъ Римскій-Корсаковъ, который по ложному, но болѣе или менѣе принятому понятію о чести, бывъ поставленъ въ затруднительное положеніе, — отказаться отъ поединка послѣ полученнаго имъ отъ Козлова вызова, сверхъ того, обращаетъ на себя вниманіе какъ отличными отзывами о немъ начальствующихъ лицъ, такъ и собственными заслугами и неустрашимостію въ военное время, По симъ уваженіямъ генералъ-аудиторіатъ всеподданнѣйше ходатайствовалъ: о замѣнѣ опредѣленнаго подсудимымъ Козлову и Корсакову наказанія тѣмъ, чтобы обоихъ ихъ, не лишая правъ состоянія, разжаловать въ рядовые до отличной выслуги, лишивъ изъ нихъ Корсакова ордена св. Анны 3-й степени и знака отличія военнаго ордена.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «поручика Римскаго-Корсакова перевести тѣмъ же чиномъ въ армію, поручика Козлова опредѣлить на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ, а въ прочемъ быть по сему. Г. Штутгартъ. 13 (25) сентября 1857 г.»

О поединкѣ, происходившемъ между поручиками: Станишевскимъ и Пожидаевымъ.

10 августа 1860 г. было прислано по городской почтѣ начальнику николаевской академіи генеральнаго штаба генералъ-маіору Баумгартену анонимное письмо, которымъ извѣщали его, что 11 августа произойдетъ дуель на пистолетахъ между состоящими при академіи поручиками: Станишевскимъ и Пожидаевымъ.

Письмо это, за отсутствіемъ генералъ-маіора Баумгартена, было принято 11 августа адъютантомъ академіи гвардіи пору-

чикомъ Квитницкимъ, который, прочитавъ оное, утромъ 11 числа въ канцеляріи академіи и получивъ отъ находившагося въ канцеляріи поручика Пожидаева отвѣтъ, что дуэль уже состоялась, доложилъ о томъ начальнику академіи,—вслѣдствіе чего было произведено слѣдствіе и по окончаніи онаго Пожидаевъ и Станишевскій преданы военному суду.

На допросахъ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ *Станишевскій* объяснялъ, что поводомъ къ дуэли была непріятность, сдѣланная ему поручикомъ Пожидаевымъ по слѣдующему обстоятельству: въ іюлѣ 1860 г. (какъ видно по дѣлу во время съемки въ валдайскомъ уѣздѣ), онъ встрѣтился съ поручикомъ Пожидаевымъ, причемъ у нихъ завязался разговоръ на счетъ жившаго вмѣстѣ съ нимъ, Станишевскимъ, поручика Косича—о томъ, что̀ дѣлаетъ сей послѣдній? На такой вопросъ Пожидаева показатель отвѣчалъ, что Косичъ занимается. Тогда Пожидаевъ сказалъ, что онъ вѣроятно разчитываетъ на первый разрядъ. На это онъ, Станишевскій, замѣтилъ, что Косичъ долженъ кончить курсъ по 1-му разряду, какъ человѣкъ дѣльный и занимающійся серьезно. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Пожидаевъ пріѣхалъ въ квартиру его, Станишевскаго, и Косича, и во время разговора сталъ дѣлать оскорбительные намеки, но такъ какъ показатель не подалъ къ этому никакого повода, то и не хотѣлъ принимать ихъ на свой счетъ, пока Пожидаевъ не сказалъ ему: «благодарю васъ, вы передали мой разговоръ». Тогда онъ, Станишевскій, спросилъ Пожидаева, на какомъ основаніи онъ дѣлаетъ такое оскорбительное замѣчаніе и, не получивъ объясненія, вызвалъ его на дуэль. На другой день онъ написалъ Пожидаеву письмо, предлагая ему извиниться, на что̀ получилъ отъ Пожидаева письменный отвѣтъ съ просьбою отложить объясненіе до пріѣзда въ Петербургъ; послѣ сего Пожидаевъ уѣхалъ въ Петербургъ, куда вскорѣ отправился и онъ, Станишевскій, и по пріѣздѣ снова писалъ Пожидаеву, требуя извиненія. На это послѣднее письмо Пожидаевъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ нужнымъ извиняться и пришлетъ своего секунданта. Во время объясненія съ секундантами, Пожидаевъ сказалъ, что онъ не помнитъ, говорилъ ли ту фразу, за которую отъ него требуютъ объясненія; на замѣчаніе же его, Станишевскаго, что онъ готовъ этимъ окончить, не требуя объясненія за то, что̀ забыто, По-

жидаевъ отвѣчалъ, что хотя онъ не помнитъ, говорилъ ли означенныя слова, но могъ ихъ сказать и считалъ бы страннымъ, если бъ онъ, Станишевскій, удовольствовался этимъ. Послѣ этого Пожидаевъ былъ имъ окончательно вызванъ.

Поручикъ Пожидаевъ, показавъ совершенно согласно съ Станишевскимъ относительно общаго разговора ихъ о поручикѣ Косичѣ,—объяснилъ, что когда онъ заѣхалъ къ Станишевскому и Косичу, то замѣтилъ, что отношенія послѣдняго къ нему измѣнились. Заключивъ изъ этого, что разговоръ его со Станишевскимъ, дурно понятый послѣднимъ, былъ вѣроятно дурно переданъ Косичу, онъ объ этомъ нѣсколько разъ замѣчалъ Станишевскому, который при прощаньи спросилъ его, на какомъ основаніи были сдѣланы имъ замѣчанія во время разговора, и получивъ отвѣтъ, что онъ, Пожидаевъ, имѣетъ на это свои причины,—потребовалъ удовлетворенія. На другой день, получивъ отъ Станишевскаго письмо съ требованіемъ извиненія, показатель просилъ его письмомъ же отложить объясненіе до пріѣзда въ Петербургъ. По прибытіи ихъ Петербургъ онъ, Пожидаевъ, отправился къ Станишевскому и объявилъ, что извиняться не намѣренъ, а затѣмъ послалъ къ нему своего секунданта, подпоручика Шарнгорста; Станишевскій при объясненіи сказалъ послѣднему, будто показатель, во время разговора въ квартирѣ Косича, поблагодарилъ Станишевскаго за то, что онъ передалъ Косичу бывшій о немъ между ними разговоръ. Когда же показатель отвѣчалъ Станишевскому чрезъ своего секунданта, что этого не помнитъ, то Станишевскій сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ не видитъ причины для поединка. На это показатель возразилъ, что все-таки остается при томъ убѣжденіи, что Станишевскій передалъ Косичу дурно понятыя имъ слова его, и поэтому не видитъ причинъ, по которымъ бы дуэль могла разстроиться. Послѣ того, не смотря на всѣ старанія секундантовъ, — поединокъ состоялся.

Бывшіе секундантами поединка: со стороны Станишевскаго поручикъ конно-артиллерійской облегченной № 7 батареи Косичъ, и со стороны Пожидаева подпоручикъ л.-гв. гатчинскаго пѣхотнаго полка Шарнгорстъ, объяснили:

Поручикъ Косичъ, — что причиною дуели была сдѣланная Пожидаевымъ Станишевскому непріятность по поводу разговора

ихъ между собою относительно показателя. Разговоръ этотъ былъ переданъ ему Станишевскимъ и, какъ весьма обыкновенный и незначущій, не могъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій для отношеній его, Косича, къ Пожидаеву, чему доказательствомъ можетъ служить то, что онъ Косичъ послѣ того уже подарилъ Пожидаеву, по его просьбѣ, свой портретъ. Не смотря на это, Пожидаеву показалось, что взаимныя отношенія ихъ перемѣнились къ худшему. Это предположеніе подало Пожидаеву поводъ сказать Станишевскому съ сарказмомъ: «а вы, вѣроятно, передали Косичу нашъ разговоръ, благодарю васъ за это!» Кромѣ того Пожидаевъ во время разговора дѣлалъ Станишевскому оскорбительные намеки. Онъ, Косичъ, принялъ посредничество въ поединкѣ, во-первыхъ, потому что зная хорошо причины несогласія, надѣялся не допустить противниковъ до дуели, употребивъ всѣ средства къ примиренію; во-вторыхъ, потому что если бы противники имѣли дуель безъ секундантовъ, то подверглись бы большей отвѣтственности. По званію посредника, онъ, Косичъ, и Шарнгорстъ употребили всѣ мѣры къ примиренію Станишевскаго съ Пожидаевымъ, но всѣ убѣжденія остались безъ успѣха.

Шарнгорстъ — что поводомъ къ дуели были оскорбительныя слова, сказанныя Пожидаевымъ Станишевскому, и что хотя показатель принималъ всѣ мѣры къ примиренію противниковъ, но эти мѣры не имѣли успѣха.

Относительно условій поединка и послѣдствій онаго какъ подсудимые (Станишевскій и Пожидаевъ), такъ и секунданты (Косичъ и Шарнгорстъ) объяснили совершенно согласно, что эти условія были опредѣлены секундантами и были слѣдующія: оружіе — пистолеты; стрѣляться на 15 шагахъ, по одному выстрѣлу, по командѣ секундантовъ: «три»; осѣчка должна была считаться за выстрѣлъ, вслѣдствіе чего секунданты взяли только по одной пулѣ. Поединокъ произошелъ 11 августа, въ 5 часу утра, въ лѣсу, находящемся между Колпиномъ и Московскою Славянскою слободкою, куда они пріѣхали въ наемныхъ каретахъ. Оба противника сдѣлали по одному выстрѣлу и оба дали промахи, послѣ чего секунданты объявили условія дуели выполненными, и поединокъ кончился совершеннымъ примиреніемъ Станишевскаго и Пожидаева.

Его Императорское Высочество главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, принимая во вниманіе, что происшедшій между поручиками Станишевскимъ и Пожидаевымъ поединокъ никакихъ вредныхъ послѣдствій, кромѣ нарушенія закона, по себѣ не оставилъ, счелъ долгомъ просить: участь этихъ подсудимыхъ и Его всеподданнѣйшее ходатайство о дарованіи имъ облегченія въ мѣрѣ взысканія за учиненный ими проступокъ, повергнуть Монаршему милосердію. Что же касается до прикосновенныхъ къ этому дѣлу поручика Косича и подпоручика Шарнгорста, оказывающихся виновными въ томъ, что они были у означенныхъ офицеровъ при поединкѣ секундантами и, не успѣвъ достигнуть примиренія, допустили ихъ до поединка, не объявивъ о томъ начальству, то, имѣя въ виду, что отъ сего поединка ни малѣйшаго вреда противникамъ не послѣдовало, Его Императорское Высочество полагалъ: поручика Косича и подпоручика Шарнгорста выдержать подъ арестомъ на гауптвахтѣ три мѣсяца и штрафъ этотъ внести въ формулярные о службѣ ихъ списки.

По соображеніи изложенныхъ обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ призналъ виновными: 1) поручиковъ Станишевскаго и Пожидаева въ выходѣ, по вызову перваго изъ нихъ, на поединокъ, не имѣвшій впрочемъ никакихъ послѣдствій, и 2) поручика Косича и подпоручика Шарнгорста въ участіи въ поединкѣ въ качествѣ секундантовъ, причемъ, хотя они и принимали мѣры къ примиренію противниковъ, но, не успѣвъ въ томъ, допустили ихъ до поединка, не объявивъ начальству. За такія преступленія генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь точнымъ смысломъ 399, 400 и 404 ст. 1 кн. воен. угол. уст., полагалъ: поручиковъ Станишевскаго и Пожидаева, лишивъ чиновъ, дворянскаго достоинства, а Станишевскаго, сверхъ того ордена св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость», — разжаловать въ рядовые, съ назначеніемъ на службу по распоряженію инспекторскаго департамента. Поручика же Косича и подпоручика Шарнгорста предать военному суду.—Но опредѣливъ подсудимымъ наказаніе по всей строгости законовъ и принимая затѣмъ во вниманіе: чистосердечное сознаніе ихъ въ преступленіи, ходатайство о нихъ Его Императорскаго Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, а равно и то, что поединокъ не имѣлъ

никакихъ вредныхъ послѣдствій, и произошелъ единственно подъ вліяніемъ хотя ложныхъ, но вкоренившихся въ нравы наши убѣжденій о необходимости омывать кровью частныя оскорбленія, не подлежащія по существу своему преслѣдованію закона,— повергнуть обстоятельства эти на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества и всеподданнѣйше ходатайствовать: о замѣнѣ заслуженнаго Станишевскимъ и Пожидаевымъ по закону наказанія тѣмъ, чтобы выдержать ихъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца каждаго, и удержаннаго у нихъ во время суда половиннаго жалованья имъ не возвращать. Затѣмъ, обращаясь къ секундантамъ поручику Косичу и подпоручику Шарнгорсту, мѣра взысканія съ коихъ какъ съ участниковъ преступленія, примѣняясь къ постепенности наказаній, установленной законами (ст. 129 улож. о наказ. угол. и испр.), можетъ быть опредѣлена одною или двумя степенями ниже противъ главныхъ виновниковъ,— повергнуть и ихъ участь Монаршему милосердію Его Императорскаго Величества и всеподданнѣйше ходатайствовать: о замѣнѣ заслуженнаго Косичемъ и Шарнгорстомъ наказанія тѣмъ, чтобы, не предавая ихъ военному суду, арестовать на гауптвахтѣ на одинъ мѣсяцъ каждаго, и на основаніи 1499 ст. II ч. I кн. св. воен. пост. (по 5 продолж.), внести это оштрафованіе въ формулярные о службѣ ихъ списки.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему, въ С.-Петербургѣ, 15 февраля 1861 г.»

О дуели поручика Заурбека Канужева съ поручикомъ Медвѣдевымъ.

Командиръ лубенскаго гусарскаго полка полковникъ баронъ Медемъ 2 донесъ начальству, что прикомандированный къ ввѣренному ему полку поручикъ изъ Горцевъ Канужевъ, явясь къ нему 23 апрѣля 1862 года, объявилъ, что того же числа въ 5 часу по полудни онъ убилъ на дуели близь г. Бѣлгорода на выгонѣ поручика Медвѣдева 1-го изъ пистолета пулею, и что при дуели этой, происходившей безъ секундантовъ, находились: родной

братъ убитаго корнетъ Медвѣдевъ 2 и по приглашенію поручика Кануржева, старшій лекарь надворный совѣтникъ Линдеманъ.

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ убитаго поручика Медвѣдева, оказалась у него на лбу круглая, проницающая въ черепъ рана, изъ которой вытекла часть мозга, такая же рана была и на затылкѣ; рана произошла отъ удара пулею въ лобъ на вылетъ. Такъ-какъ причина смерти очевидна и извѣстна товарищамъ убитаго, то тѣло предано землѣ безъ дальнѣйшаго медицинскаго изслѣдованія.

На допросахъ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ подсудимые показали:

Поручикъ Кануржевъ,—что 23 апрѣля утромъ, выйдя въ кителѣ изъ своей квартиры, (занимаемой имъ въ домѣ бѣлгородскаго мѣщанина Воробьева съ тремя братьями Бартоломеями, офицерами лубенскаго же гусарскаго полка), онъ зашелъ къ командиру 1 эскадрона означеннаго полка маіору Буймистрову поздравить его съ эскадроннымъ праздникомъ; у него онъ засталъ уже нѣсколькихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и въ числѣ ихъ поручика Медвѣдева 1 и младшаго полковаго лекаря Скобликова. Оставшись у Буймистрова обѣдать, онъ, Кануржевъ, послѣ обѣда вышелъ вмѣстѣ съ прочими офицерами на галлерею слушать эскадронныхъ пѣсенниковъ, пѣвшихъ на дворѣ; спустя затѣмъ нѣсколько времени, онъ пошелъ за папироскою въ столовую залу, гдѣ никого, кромѣ поручика Медвѣдева 1, не было. По входѣ его, Кануржева, въ залу, Медвѣдевъ безъ всякой побудительной причины, бывъ впрочемъ совершенно въ трезвомъ видѣ, обратился къ нему, Кануржеву, съ насмѣшками, колкостями и оскорбительными словами, на которыя онъ первоначально не обратилъ никакого вниманія, стараясь показать, будто ихъ не слышитъ; но когда Медвѣдевъ усилилъ дерзость выраженій, коихъ съ точностію онъ, Кануржевъ, въ настоящее время не припомнитъ, а знаетъ однако, что смыслъ ихъ заключался въ укорѣ его, Кануржева, въ черкескомъ происхожденіи, въ поношеніи черкесовъ вообще и въ особенности его, Кануржева, то онъ просилъ Медвѣдева оставить его въ покоѣ и объяснить ему причину, за что онъ его оскорбляетъ и чего наконецъ отъ него желаетъ? Сказавъ на это: «вотъ я чего желаю», Медвѣдевъ въ то же время ударилъ его рукою въ лицо. Тогда Кануржевъ, возра-

вивъ, что за подобное оскорбленіе чести они должны раздѣлаться благороднымъ образомъ, предлагалъ оставить это до завтра, но Медвѣдевъ, требуя немедленно отправиться стрѣляться, назвалъ при этомъ его трусомъ; поэтому онъ, Кануржевъ, вынужденъ былъ согласиться на требованіе Медвѣдева, и они тотчасъ же, не объявивъ никому о происшедшей между ними непріятности, ушли отъ Буймистрова вмѣстѣ. Не заходя никуда, они прямо отправились въ квартиру Медвѣдева, и встрѣтивъ на дорогѣ шедшаго по улицѣ лекаря Линдемана, объявили ему, что они идутъ стрѣляться, и просили его, какъ медика, слѣдовать за ними для поданія въ случаѣ надобности медицинскаго пособія. Послѣ сего они всѣ трое вошли въ квартиру Медвѣдева, гдѣ застали брата Медвѣдева 1, корнета Медвѣдева 2; послѣднему поручикъ Медвѣдевъ сказалъ, что онъ идетъ стрѣляться и затѣмъ, взявъ свои два пистолета, вышелъ изъ квартиры вмѣстѣ съ нимъ, Канужевымъ, и Линдеманомъ, не смотря на просьбы своего брата оставить дуель. Что же именно Медвѣдевъ 1, по входѣ въ квартиру свою, говорилъ съ братомъ своимъ, онъ, Канужевъ, бывъ тогда въ тревожномъ состояніи и занятъ своимъ положеніемъ, не обратилъ на то вниманія; помнитъ только то, что когда корнетъ Медвѣдевъ хотѣлъ идти изъ квартиры съ ними на мѣсто дуели, то братъ его не пускалъ. Отправившись изъ квартиры Медвѣдевыхъ, они (Канужевъ, Медвѣдевъ 1 и Линдеманъ) пошли прямо по улицѣ, называемой Михайловскою, ведущей за городъ къ кирпичному заводу. Во все время (послѣ встрѣчи его и до мѣста дуели) Линдеманъ уговаривалъ оставить или по крайней мѣрѣ отложить на нѣкоторое время дуель, но Медвѣдевъ 1 не соглашался на то, и выйдя за городъ въ поле, отстоящее отъ квартиры Медвѣдевыхъ на 400 саженей, остановился невдалекѣ отъ упомянутаго кирпичнаго завода. Здѣсь безъ всякого предварительнаго условія о дуели, Медвѣдевъ, подавъ ему, Канужеву, одинъ изъ принесенныхъ имъ своихъ пистолетовъ и зарядъ, сказалъ ему: «заряжай, будемъ стрѣляться по моей командѣ, по слову три», и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ заряжать самъ другой пистолетъ для себя. Въ это время подошелъ къ нимъ Медвѣдевъ 2-й, котораго со времени выхода ихъ изъ квартиры, они не видѣли, и началъ умолять брата оставить дуель; Линдеманъ тоже уговаривалъ его, но Медвѣдевъ 1, не соглашаясь на это и отой-

дя отъ него, Канужева, быть можетъ, шаговъ на восемь, просилъ Линдемана и брата своего отойти въ сторону, а его, Канужева, приготовиться къ выстрѣлу, наведя самъ на него бывшій въ рукахъ его пистолетъ. Когда онъ, Канужевъ, сдѣлалъ тоже, то Медвѣдевъ 1 скомандовалъ: разъ, два, три; послѣ слова «три» выстрѣлы послѣдовали по командѣ одновременно, и Медвѣдевъ 1-й былъ имъ, Канужевымъ, убитъ пулею въ лобъ на вылетъ. Бросивъ на мѣстѣ дуели пистолетъ, онъ, Канужевъ, отправился къ полковому командиру и доложилъ ему о случившемся, послѣ чего въ тоже время онъ былъ арестованъ и посаженъ на полковую гауптвахту. Къ этому Канужевъ присовокупилъ, что къ дуели ихъ никто не подстрекалъ и объ оной никто, до времени послѣдованія оной, (кромѣ брата убитаго имъ Медвѣдева 1 и лекаря Линдемана) не зналъ; условія, чтобы дуель окончилась непремѣнно смертію, не было, и намѣренія убить Медвѣдева, онъ, Канужевъ, не имѣлъ, а все это произошло въ взволнованномъ его состояніи, проистекшемъ отъ нанесеннаго ему Медвѣдевымъ тяжкаго оскорбленія его чести,—внезапно и случайно. Прежде сего-до дуели онъ, Канужевъ, съ Медвѣдевымъ 1 никакихъ особенныхъ непріятностей не имѣлъ, но зная его придирчивый и насмѣшливый характеръ, всегда старался избѣгать съ нимъ столкновенія.

Корнетъ *Медвѣдевъ 2-й* объяснилъ, что онъ у маіора Буймистрова 23 апрѣля не былъ, а обѣдалъ въ этотъ день дома одинъ, что братъ его поручикъ Медвѣдевъ 1, возвратившись около пяти часовъ по полудни домой вмѣстѣ съ поручикомъ Канужевымъ и лекаремъ Линдеманомъ, (всѣ они были тогда совершенно въ трезвомъ видѣ), объявилъ ему, что онъ у маіора Буймистрова поссорился съ Канужевымъ, и идетъ съ нимъ стрѣляться. Сперва онъ, Медвѣдевъ 2, принялъ было это за шутку, но убѣдясь потомъ, что у нихъ идетъ дѣло серьезное, спросилъ брата «кто же у него секундантомъ», и когда тотъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ секунданта, то онъ возразилъ ему: «въ такомъ случаѣ я буду твоимъ секундантомъ». Сказалъ же это съ цѣлію имѣть болѣе возможности удержать ихъ отъ дуели, но братъ отвергнулъ это, не позволяя ему даже идти съ нимъ; тогда онъ по выходѣ изъ квартиры: брата, Канужева и Линдемана, не бывъ въ состояніи дать знать о сказанной дуели командиру полка,

квартировавшему отъ нихъ, Медвѣдевыхъ, въ 37 саженяхъ, по родственному чувству къ брату вышелъ минуты черезъ три не болѣе вслѣдъ за ними и шелъ сзади шагахъ въ 60, такъ, чтобы его не замѣтилъ братъ, котораго онъ въ такую критическую минуту не въ состояніи былъ оставить; а дать знать кому либо о дуели не находилъ возможности, ибо на пути слѣдованія ихъ никого вблизи изъ полковыхъ лицъ не было. Когда затѣмъ братъ и шедшіе вмѣстѣ съ нимъ Канужевъ и Линдеманъ остановились на полѣ за городомъ около кирпичнаго сарая, и первые двое начали заряжать пистолеты, то онъ, подойдя къ нимъ, умолялъ брата, вмѣстѣ съ Линдеманомъ, оставить дуель.—О происходившемъ послѣ того, корнетъ Медвѣдевъ 2 объяснилъ согласно показанію поручика Канужева, добавивъ, что когда братъ его упалъ послѣ сдѣланныхъ ими, Канужевымъ и братомъ, выстрѣловъ, то онъ, Медвѣдевъ 2-й, полагая, что братъ его еще находится въ живыхъ, отправился просить младшаго полковаго лекаря Скобликова о поданіи ему помощи, но не заставъ его дома и узнавъ отъ деньщика его Гордѣенки, что Скобликовъ у маіора Буймистрова, велѣлъ ему заложить лошадь, а самъ между-тѣмъ занесъ на свою квартиру, находившуюся отъ квартиры Скобликова не въ дальнемъ разстояніи, тѣ два пистолета, которыми братъ и Канужевъ стрѣлялись, и которые онъ взялъ съ собою послѣ дуели. Возвратившись послѣ того на квартиру Скобликова, онъ, Медвѣдевъ 2, сѣлъ въ приготовленный экипажъ и поѣхалъ къ Буймистрову, откуда взявъ Скобликова, прибылъ съ нимъ на мѣсто дуели, гдѣ нашли брата уже мертвымъ. Причины ссоры Канужева съ братомъ его, онъ не знаетъ, такъ-какъ братъ ему объ этомъ не объявлялъ; равно ему неизвѣстно, были ли какія между ними условія дуели. До происшедшаго поединка, сколько ему извѣстно, между братомъ его и поручикомъ Канужевымъ были несогласія, но за что именно, онъ не знаетъ.

Старшій лекарь бѣлорусскаго гусарскаго полка Линдеманъ показалъ, что 23 апрѣля, въ пятомъ часу, послѣ обѣда, онъ встрѣтился съ поручиками Медвѣдевымъ 1 и Канужевымъ на улицѣ около квартиры перваго изъ нихъ, причемъ Канужевъ, подойдя къ нему, объявилъ, что онъ идетъ стрѣляться съ поручикомъ Медвѣдевымъ за оскорбленіе имъ чести, и просилъ его, Линдемана, слѣдовать за ними для поданія медицинской помощи, если

встрѣтится въ оной кому либо изъ нихъ надобность. Канужевъ говорилъ съ нимъ скоро, отрывисто и неровно. Видя при этомъ, что онъ былъ въ весьма тревожномъ состояніи, а Медвѣдевъ 1 въ слишкомъ раздраженномъ, и обративъ все свое вниманіе на то, чтобы какими бы то ни было средствами воспрепятствовать имъ стрѣляться, онъ, Линдеманъ, не могъ замѣтить, происходило ли ненормальное состояніе ихъ отъ внутренней тревоги, или оттого, что они были не въ трезвомъ видѣ. Не имѣя возможности дать знать о намѣреніи ихъ командиру полка, (который впрочемъ въ то время, какъ ему извѣстно было, не находился дома), онъ пошелъ за ними, въ надеждѣ убѣдить ихъ оставить дуель, а если невозможно этого, то по крайней мѣрѣ уговорить ихъ отложить дуель до другаго дня, расчитывая тѣмъ временемъ дать знать, кому нужно, о принятіи нужныхъ мѣръ противу дуели. На убѣжденія его Канужевъ согласился отложить дуель, а Медвѣдевъ 1 требовалъ непремѣнно стрѣляться тотчасъ же, почему показатель вслѣдъ за ними зашелъ на квартиру Медвѣдева, который взялъ тамъ два пистолета.—О томъ, что происходило дальше, Линдеманъ показалъ совершенно согласно съ поручикомъ Канужевымъ и корнетомъ Медвѣдевымъ 2, присовокупивъ, что когда показатель вошелъ въ квартиру Медвѣдевыхъ, то все оглядывался, не идетъ ли кто либо по улицѣ, чтобы дать знать кому слѣдуетъ, (хотя чрезъ посторонняго человѣка), о предположенной дуели; но не видя никого и бывъ потому тогда въ весьма тревожномъ состояніи отъ невозможности воспрепятствовать дуели, онъ, Линдеманъ, не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, что въ первый моментъ видѣлъ ли онъ кого нибудь въ комнатѣ, кромѣ Медвѣдева 1 и Канужева опомнившись же отъ произведеннаго на него сильнаго впечатлѣнія, онъ увидѣлъ корнета Медвѣдева, который также уговаривалъ брата оставить дуель, и видя всѣ свои убѣжденія напрасными, сказалъ ему: «въ такомъ случаѣ буду секундантомъ», но Медвѣдевъ 1 не хотѣлъ этого и требовалъ, чтобы братъ оставался дома. Медвѣдевъ 2, вѣроятно, не желая раздражать брата, безъ того уже крайне встревоженнаго, изъ дому вышелъ нѣсколько позже ихъ, потому что показатель опять увидѣлъ корнета Медвѣдева 2 только на мѣстѣ дуели. Пистолетъ и зарядъ подалъ на мѣстѣ дуели Канужеву Медвѣдевъ 1; когда Медвѣ-

довъ 1 упалъ отъ выстрѣла на землю, то онъ, Линдеманъ, бросился къ нему, и нашелъ его лежащимъ на землѣ съ простреленною головою; послѣ чего видя, что присутствіе его долѣе безполезно, тотчасъ донесъ лично о случившемся командиру полка съ объясненіемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Отъ встрѣчи показателя съ поручиками Медвѣдевымъ 1 и Канужевымъ до случившейся между ними дуели, прошло не болѣе 15 или 20 минутъ, вслѣдствіе чего онъ, Линдеманъ, и не могъ известить начальство ранѣе. На эскадронномъ праздникѣ у маіора Буймистрова показатель не былъ, а потому причина ссоры Канужева съ Медвѣдевымъ 1 ему неизвѣстна; были ли между ними до того какія либо несогласія, онъ объ этомъ ни отъ кого не слыхалъ.

Спрошенные безъ присяги маіоръ *Буймистровъ*, и бывшіе у него 23 апрѣля на обѣдѣ 17 человѣкъ офицеровъ въ отношеніи времени прибытія къ Буймистрову поручиковъ Канужева и Медвѣдева 1 показали различно—одни, что кто изъ нихъ пришелъ прежде и кто послѣ, они не замѣтили; другіе, что Медвѣдевъ пришелъ прежде Канужева *), а третьи, что Канужевъ прежде Медвѣдева 1; (самъ же Канужевъ, какъ нами изложено выше, показалъ, что онъ пришелъ послѣ Медвѣдева 1); что никто изъ нихъ ни передъ обѣдомъ, ни во время, ни послѣ онаго, не замѣтилъ неудовольствій между Канужевымъ и Медвѣдевымъ 1, и что было поводомъ дуели, никому изъ нихъ неизвѣстно; въ бытность у маіора Буймистрова Канужева и Медвѣдева 1, никто не видалъ, чтобы они были въ нетрезвомъ видѣ, а равно и того какъ они ушли отъ Буймистрова, кромѣ одного штабсъ-ротмистра Черторыжскаго, который, какъ показываетъ, видѣлъ, что Канужевъ съ Медвѣдевымъ 1 уходили изъ двора квартиры маіора Буймистрова, взявшись подъ руки.—Объ отношеніяхъ Канужева и Медвѣдева 1, до происшедшей между ними дуели, помянутыя лица

*) Разногласіе это военнымъ судомъ не приведено въ ясность очными ставками потому, (какъ видно изъ постановленія коммисіи военнаго суда) что обстоятельство это признано неимѣющимъ важности для сущности дѣла, а между-тѣмъ для дачи очныхъ ставокъ нужно было вызывать многихъ лицъ къ суду, на что потребовались бы неминуемо издержки, которыя должны были бы быть обращены на счетъ казны по неимѣнію у подсудимыхъ никакой собственности.

отозвались незнаніемъ, причемъ присовокупили: одни, что между Медвѣдевымъ и Канужевымъ недружелюбныхъ отношеній не замѣчали, а другіе, что Медвѣдевъ и Канужевъ были въ хорошихъ отношеніяхъ.

Слуги маіора Буймистрова, въ числѣ пяти человѣкъ, подъ присягою объяснили, что 23 апрѣля ни до обѣда, ни послѣ онаго не замѣчали поручиковъ Канужева и Медвѣдева 1 ссорившимися и причины происшедшей между ними дуели не знаютъ. Изъ нихъ деньщикъ Ковбаска присовокупилъ, что онъ видѣлъ, какъ послѣ обѣда поручики Медвѣдевъ и Канужевъ выходили изъ комнаты на дворъ къ пѣсенникамъ порознь и вмѣстѣ, и тѣ подымали ихъ на ура, но никакой ссоры между ними, а равно несогласія замѣтно не было и оба они были трезвы.

Относительно подыманія Канужева и Медвѣдева 1 пѣсенниками на ура, маіоръ Буймистровъ и бывшіе у него на обѣдѣ офицеры отозвались, что дѣйствительно пѣсенники послѣ обѣда подымали многихъ офицеровъ на ура въ благодарность за посѣщеніе ихъ праздника, какъ это заведено въ эскадронныхъ обычаяхъ, но подымали ли Канужева и Медвѣдева 1, они, не обращая на это вниманія, не замѣтили.

Казенный деньщикъ убитаго на дуели поручика Медвѣдева 1, Бабейко подъ присягою показалъ, что 23 апрѣля, оставаясь въ селѣ Болховцѣ, при вещахъ барина его, онъ не былъ въ г. Бѣлгородѣ, а потому ничего по настоящему дѣлу объяснить не можетъ. Показаніе деньщика Бабейко подтвердилъ подъ присягою состоящій при корнетѣ Медвѣдевѣ 2 деньщикъ Калиновскій, съ добавленіемъ, что по случаю полковаго сбора въ г. Бѣлгородѣ корнетъ Медвѣдевъ имѣлъ одну квартиру съ братомъ своимъ поручикомъ Медвѣдевымъ 1, и онъ, Калиновскій, при нихъ находился одинъ; въ какихъ отношеніяхъ были между собою Канужевъ и Медвѣдевъ 1, ему неизвѣстно; знаетъ только, что во время квартированія Медвѣдевыхъ въ Бѣлгородѣ поручикъ Канужевъ ни разу у нихъ не былъ. 23 апрѣля, въ 10 или 11 часовъ утра, Медвѣдевы, вставъ, напились чаю и въ часъ или въ два пополудни, какъ онъ, Калиновскій, полагаетъ, ушли изъ квартиры; потомъ чрезъ часъ Медвѣдевъ 2 возвратился одинъ домой, пославъ его, Калиновскаго, въ трактиръ за обѣдомъ, и пообѣдавши легъ на кровать, не раздѣваясь, что̀ было, какъ онъ

полагаетъ, въ три часа, а онъ, Калиновскій, убравшись, пошелъ на полковую штабную кухню, отстоящую отъ ихъ квартиры въ полуворотъ, за угольями на самоваръ; возвратившись оттуда домой, когда уже садилось солнце, онъ никого дома не засталъ. Вскорѣ послѣ того пришелъ Медвѣдевъ 2, а спустя затѣмъ нѣсколько времени былъ привезенъ поручикъ Медвѣдевъ 1 мертвый, который, (какъ узналъ онъ, Калиновскій, впослѣдствіи), былъ убитъ поручикомъ Канужевымъ на дуели за городомъ возлѣ кирпичнаго завода; за что же была у нихъ дуель, ему неизвѣстно.

Изъ прочихъ лицъ, спрошенныхъ по настоящему дѣлу, показали подъ присягою: деньщикъ подсудимаго поручика Кануже- ва Совѣтовъ,—что 23 апрѣля по уходѣ барина его изъ квартиры, часу въ первомъ, онъ отправился на базаръ, а оттуда къ знакомымъ своимъ и возвратился домой уже часа въ четыре. Вскорѣ за нимъ пришелъ баринъ его совершенно трезвый, приказалъ подать ему переодѣться, и надѣвъ кафтанъ вмѣсто кителя, ушелъ, но куда, ему, Совѣтову, не говорилъ; затѣмъ уже вечеромъ приказано было ему принести барскія вещи на гауптвахту. О дуели онъ узналъ вечеромъ, когда перевозили тѣло поручика Медвѣдева 1 въ его квартиру, но причины дуели онъ не знаетъ. Деньщикъ лекаря Линдемана Вахтеровъ,—что онъ о происшедшей дуели между поручиками Медвѣдевымъ 1 и Кануживымъ ничего не знаетъ. Квартировавшіе въ одномъ домѣ съ подсудимымъ поручикомъ Кануживымъ, три брата Бартоломеи, два изъ нихъ поручики и одинъ корнетъ,—что они 23 апрѣля у маіора Буймистрова не были и о причинѣ происшедшей дуели между Кануживымъ и Медвѣдевымъ 1 не знаютъ, и Кануживъ имъ о томъ не говорилъ; въ какихъ отношеніяхъ находился Кануживъ къ Медвѣдеву 1, имъ неизвѣстно, знаютъ однако, что Кануживъ къ Медвѣдеву 1, а сей послѣдній къ Канужеву не ходили; при взаимной же встрѣчѣ ихъ между собою, у товарищей и на службѣ, было замѣтно, что они были другъ съ другомъ вѣжливы. Хозяева квартиръ: маіора Буймистрова, поручика Канужева и братьевъ Медвѣдевыхъ,—что имъ причины дуели, происшедшей между Кануживымъ и Медвѣдевымъ 1, неизвѣстны.

О характерахъ и образѣ жизни убитаго на дуели поручика Медвѣдева 1, роднаго брата его корнета Медвѣдева 2-го

и подсудимаго поручика Кануженва,—10 человѣкъ офицеровъ лубенскаго гусарскаго полка подъ присягою показали, что всѣ три помянутые офицера образа жизни были хорошаго. Характера же: Медвѣдевъ 1 желчнаго, придирчиваго и насмѣшливаго; Медвѣдевъ 2 очень кроткаго и правилъ самыхъ честныхъ и благородныхъ, и Кануженвъ кроткаго и уживчиваго.

Командиръ 5 резервнаго эскадрона вышеозначеннаго полка подполковникъ баронъ Остенъ-Сакенъ отозвался, что сколько ему извѣстно, между поручиками Медвѣдевымъ и Кануженвымъ никакой вражды не было; въ образѣ жизни убитый поручикъ Медвѣдевъ 1 былъ аккуратный и добропорядочный, но характера иногда злобнаго и придирчиваго противъ своихъ товарищей. Командиръ того же полка полковникъ баронъ Медемъ 2 увѣдомилъ, что подсудимые поручикъ Кануженвъ и корнетъ Медвѣдевъ 2 нравственныхъ качествъ хорошихъ и къ службѣ очень усердны.

По соображеніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго поручика Кануженва виновнымъ въ вызовѣ поручика Медвѣдева на дуель и убійствѣ его на оной, на основаніи воен. угол. уст. кн. 1 ст. 385 и 403 и улож. о наказ. угол. и испр. ст. 2004, полагалъ: по лишеніи его чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ. Но опредѣливъ подсудимому мѣру наказанія по закону, генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь неоднократными примѣрами, въ которыхъ при подобныхъ случаяхъ строгость приведенныхъ законовъ была смягчаема, и имѣя въ виду, что Кануженвъ, вызывая Медвѣдева на дуель, за оскорбленіе симъ послѣднимъ его чести нанесеніемъ удара рукою по лицу, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ укоренившагося въ нравахъ нашихъ убѣжденія, что тяжкія личныя оскорбленія должны быть омываемы кровью, и что Кануженвъ, не смотря на столь тяжкое оскорбленіе, соглашался на убѣжденія доктора Линдемана объ отсрочкѣ дуели до слѣдующаго дня, полагалъ: повергнуть на благоусмотрѣніе Государя Императора всеподданнѣйшее ходатайство объ освобожденіи Кануженва отъ опредѣленнаго ему по закону уголовнаго наказанія и затѣмъ сверхъ содержанія подъ арестомъ болѣе 6 мѣсяцевъ во время производства дѣла, выдержать Кануженва еще въ крѣпости въ казематѣ четыре мѣсяца.—Засимъ въ отношеніи корнета Медвѣдева 2, ге-

нералъ-аудиторіатъ призналъ, что подсудимый сей не находился при поединкѣ въ качествѣ секунданта, но явился туда по участію къ брату и принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры убѣжденія, чтобы отклонить брата своего отъ поединка, имѣвшаго для него столь печальный исходъ. Къ тому же не зная мѣста, которое назначено было для дуели, Медвѣдевъ 2 не могъ своевременно объявить о томъ начальству или полиціи. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) подсудимаго корнета Медвѣдева 2 отъ всякой отвѣтственности по настоящему дѣлу освободить. 2) Прикосновеннаго къ дѣлу надворнаго совѣтника Линдемана, который также убѣждалъ Медвѣдева 1 оставить дуель, какъ медика, согласно примѣч. къ 2058 ст. улож. о наказ. угол. и испр. оставить безъ преслѣдованія.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему. Царское село 7 ноября 1862 года.»

О маіорѣ Іосифѣ Щедро, сужденномъ за вызовъ на дуель поручика Артемовскаго-Гулака.

7-го апрѣля 1860 г. въ 6 часу по полудни, задержанъ былъ полиціею маіоръ Щедро, вмѣстѣ съ отставнымъ поручикомъ Штромомъ, въ то время, когда они отправлялись на мѣсто дуели, которая предположена была между маіоромъ Щедро и отставнымъ поручикомъ Артемовскимъ-Гулакомъ. При этомъ былъ отобранъ отъ нихъ ящикъ съ двумя пистолетами и боевыми снарядами; маіоръ Щедро, по доставленіи къ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру, немедленно былъ отправленъ къ коменданту и тогда же арестованъ.

О задержаніи маіора Щедро того же 7-и апрѣля с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ увѣдомилъ директора 2-го кадетскаго корпуса, но какимъ способомъ дошло до свѣдѣнія полиціи о предположенной дуели, изъ дѣла не видно,

По окончаніи слѣдствія по этому, предмету, маіоръ Щедро былъ преданъ военному суду при с.-петербургскомъ ордонансъ-

гаузѣ, причемъ, согласно приказанію Его Императорскаго Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, вмѣнено было военно-судной Комисіи въ обязанность, списавъ копіи съ тѣхъ бумагъ слѣдственнаго дѣла, кои окажутся необходимыми для опредѣленія степени вины подсудимаго, препроводить подлинное слѣдственное дѣло во 2 департаментъ с.-петербургской управы благочинія для скорѣйшаго обсужденія поступковъ, прикосновенныхъ къ дѣлу гражданскихъ лицъ: отставныхъ поручиковъ Артемовскаго-Гулака, Штрома и студента Императорскаго с.-петербургскаго университета Николаева, изъ коихъ послѣдніе двое вызвались быть при дуели секундантами.

На допросѣ при слѣдствіи маіоръ *Щедро*, сознаваясь въ вызовѣ на дуель отставнаго поручика Артемовскаго-Гулака, представилъ черновой рапортъ на имя с.-петербурскаго коменданта, въ которомъ онъ въ подробности изложилъ слѣдующее:

«30 марта 1860 года, въ среду, на страстной недѣлѣ, часу въ 7 вечера, я зашелъ въ старо-палкинскій трактиръ и встрѣтилъ тамъ знакомаго помѣщика, кажется курской губерніи, котораго, хотя часто прежде видѣлъ, но знаю его только подъ именемъ Михаила Федосѣевича; помѣщикъ этотъ пригласилъ меня пить чай, вмѣстѣ съ однимъ молодымъ купцомъ, котораго я по фамиліи тоже не знаю. Когда такимъ образомъ мы, сидя въ отдѣльной комнатѣ, пили чай и вели между собою разговоръ, вошли въ ту же комнату три молодыхъ человѣка и, подойдя прямо къ намъ, поздоровались и вступили въ разговоръ съ упомянутымъ помѣщикомъ. Въ это время я, продолжая начатую бесѣду съ купцомъ, не вступалъ въ объясненія съ пришедшими молодыми людьми, однако слышалъ, какъ помѣщикъ спросилъ ихъ: «давно ли они были *тамъ*.» Но гдѣ именно и о чемъ собственно шла рѣчь, я и до сихъ поръ не знаю. На вопросъ этотъ кто-то изъ пришедшихъ отозвался, что «они съ тѣхъ поръ *тамъ* ни разу не были». Тогда помѣщикъ предложилъ отправиться туда тотчасъ, говоря, что готовъ имъ сопутствовать. Но одинъ изъ пришедшихъ на это отозвался, что они туда сегодня ѣхать не намѣрены, а закусятъ и отправятся въ другое новое мѣстечко, гдѣ просто объяденье. — Гдѣ же это? спросилъ помѣщикъ. Въ портерной лавкѣ, въ Перинномъ переулкѣ, отвѣтилъ тотъ же молодой человѣкъ. Согласившись и туда съ ними ѣхать, помѣщикъ обратился ко

мнѣ, прося меня отправиться вмѣстѣ съ ними, но какъ я подобнаго рода заведеній не посѣщалъ, то отказался отъ приглашенія, отвѣтивъ иронически: «не съ моимъ рыломъ съ вами господа туда соваться.» Когда же помѣщикъ снова повторилъ мнѣ свое приглашеніе, прося сдѣлать компанію и изъ любопытства посмотрѣть рѣдкую новость, то я отказавшись вторично, прибавилъ тѣмъ же ироническимъ тономъ: «и мы видали виды, вы думаете, что нашему брату въ диковину какія-либо флюндры.» Послѣ этихъ словъ, означенный молодой человѣкъ, какъ послѣ оказалось отставной поручикъ Артемовскій-Гулакъ, сказалъ: «такъ послѣ этого вашу жену можно назвать стервой.» Отъ такого выраженія я встрепенулся, но удержалъ себя, и вскорѣ поручикъ Артемовскій-Гулакъ съ товарищами своими ушли въ другую комнату. Допивъ начатый стаканъ чая, я отправился въ другую комнату и отыскавъ тамъ поручика Артемовскаго-Гулака, спросилъ: кто онъ такой и гдѣ живетъ? Когда же тотъ въ свою очередь спросилъ меня, къ чему я хочу это знать, то я, напомнивъ ему предшествовавшій разговоръ въ другой комнатѣ, спросилъ его: гдѣ онъ видѣлъ мою жену, и какія имѣлъ причины назвать ее стервой, такъ какъ она не пріѣзжала еще и въ С.-Петербургъ? «Отстаньте пожалуста», возразилъ, совершенно не стѣсняясь, поручикъ Артемовскій-Гулакъ, «я хочу ѣсть, — велика важность, что я сказалъ. . . . . «Врешь мерзавецъ» крикнулъ тогда я, ... Въ это время посѣтители изъ обѣихъ комнатъ ушли, только за дверьми остался слуга и на другой сторонѣ стола стояли пришедшіе съ Артемовскимъ-Гулакомъ молодые люди. «Ну такъ жалуйтесь на меня или если хотите, пользуясь вашими штабъ-офицерскими эполетами, можете разсказать о томъ, что я сказалъ: велика бѣда, это пословица.» На такія слова я замѣтилъ, что жаловаться на него я не намѣренъ, а управлюсь съ нимъ, и при этомъ подступилъ къ нему столь близко, что если бы онъ не отшатнулся въ уголъ дивана и не успѣлъ вымолвить, что онъ поручикъ, то я не ручаюсь, что бы могло произойти, ибо терпѣніе мое истощилось, а единственная правая рука моя была уже готова поднесть Артемовскому-Гулаку въ знакъ памяти то, что на всю жизнь осталось бы ему завѣтомъ нашей встрѣчи. Но услышавъ, что имѣю дѣло съ поручикомъ, я вновь потребовалъ отъ него адреса, а когда Артемовскій-Гулакъ хотѣлъ

уйти, то я, загородивъ ему дорогу, произнесъ: «адресъ или....» и не договоривъ слова, сдѣлалъ рукою жестъ, послѣ котораго Артемовскій-Гулакъ сказалъ мнѣ: «а вы кто такой»; въ отвѣтъ на это я бросилъ ему на столъ свою визитную карточку, вмѣстѣ съ лоскуткомъ бумаги, на которомъ Артемовскій-Гулакъ написалъ свой адресъ. По этому адресу отставной поручикъ Штромъ, изъявившій готовность быть моимъ секундантомъ, ѣздилъ къ поручику Артемовскому-Гулаку и вручилъ ему письмо, въ которомъ я вызывалъ Артемовскаго-Гулака на дуэль, предоставляя ему первый выстрѣлъ, хотя бы по жребію онъ доставался мнѣ *). Но поручикъ Артемовскій-Гулакъ подъ разными предлогами уклонялся отъ требуемаго удовлетворенія, а 2-го апрѣля, въ субботу на страстной недѣлѣ, вмѣсто того, чтобы явиться на избранное секундантами мѣсто, пріѣхалъ съ поручикомъ Штромомъ ко мнѣ просить извиненія, оправдываясь тѣмъ, что онъ былъ пьянъ и не видитъ, что могло быть въ его выраженіяхъ относительно моей жены оскорбительнаго, такъ-какъ онъ ея вовсе не знаетъ, и никогда прежде не видѣлъ и потому не могъ имѣть ни малѣйшаго повода питатъ къ ней какое либо неудовольствіе. Такія слова поставили меня въ совершенное недоумѣніе, считать ли ихъ за насмѣшку, или же предположить, что поручику Артемовскому-Гулаку совершенно чужды правила приличія и чести, и какъ по понятіямъ моимъ всякое примиреніе въ подобномъ случаѣ казалось неумѣстнымъ, и съ моей стороны вызовъ былъ сдѣланъ не необдуманно, то я сказалъ Артемовскому-Гулаку, въ присутствіи Штрома и нѣкоторыхъ другихъ, случайно находившихся при этомъ лицъ, что снявши голову, по волосамъ не плачутъ, и что ничего болѣе сдѣлать и сказать ему не могу. Такъ какъ въ тотъ вечеръ было уже поздно, а на другой день былъ праздникъ свѣтлаго воскресенія, то тутъ же рѣшили покончить дѣло вовторникъ на святой недѣлѣ, т. е. 5-го апрѣля, но поручикъ Артемовскій-Гулакъ просилъ отложить дуэль до среды, а потомъ, во вторникъ пріѣхалъ ко мнѣ опять и просилъ отложить поединокъ еще на сутки. Между тѣмъ исторія эта сдѣлалась гласною и дошла до свѣдѣнія начальства, ибо, какъ я впослѣдствіи узналъ,

*) Въ представленномъ къ дѣлу письмѣ маіора Щедро къ поручику Артемовскому-Гулаку значится: «первый выстрѣлъ предоставляю Вамъ.»

*

за мною по распоряженію оберъ-полицiймейстера слѣдили переодѣтые полицейскіе агенты, и когда я въ условленный день, 7-го апрѣля, отправился къ мѣсту дуэли, вмѣстѣ съ поручикомъ Штромомъ, то за заставою насъ настигли полицейскіе офицеры и, остановивъ экипажъ, отвезли обратно въ городъ и представили къ оберъ-полицiймейстеру».

Къ этому маіоръ Щедро на допросѣ при слѣдствіи добавилъ, что когда онъ послѣ происшествія пріѣхалъ къ поручику Штрому и объяснивъ ему все дѣло, просилъ быть его секундантомъ, то поручикъ Штромъ принялъ предложеніе и согласился поѣхать для объясненій къ поручику Артемовскому-Гулаку. Но какія тогда со стороны Штрома были сдѣланы предложенія, онъ Щедро подробно не помнитъ, и только знаетъ, что когда Штромъ разставаясь, спросилъ его на счетъ извиненій, то онъ Щедро отвѣтилъ: «никакихъ.» Условія дуэли и избраніе мѣста поединка были вполнѣ предоставлены секундантамъ, и онъ объ этомъ вовсе не заботился. Время же было назначено 4 часа по полудни. Пистолеты были куплены имъ самимъ Щедро, потому что секунданты объ этомъ не позаботились, и когда уже пришлось отправляться, то оказалось, что пистолетовъ нѣтъ, почему онъ, вмѣстѣ съ поручикомъ Штромомъ, заѣхалъ къ оружейному мастеру и купилъ пистолеты. Со стороны обоихъ секундантовъ были приложены всѣ старанія склонить его Щедро къ примиренію, но это не отъ него зависѣло.

Поручикъ *Артемовскій-Гулакъ* при слѣдствіи показалъ, что 30 марта, вечеромъ, заѣхалъ онъ со студентомъ Николаевымъ въ трактиръ Палкина поужинать, и когда они проходили вторую залу, то Николаевъ предложилъ познакомить его съ однимъ господиномъ. Послѣ минутнаго разговора, ему Артемовскому-Гулаку было предложено поѣхать къ какой то дамѣ, но онъ отъ этого отказался, отговариваясь усталостью, и прибавивъ, что знаетъ другую особу, которую находитъ весьма красивою. На эти слова, сидѣвшій противъ нихъ, совершенно незнакомый ему и Николаеву маіоръ Щедро, безъ всякого съ ихъ стороны повода сказалъ: «я удивляюсь глупости ѣздить къ такимъ стервамъ.» Подобная дерзкая выходка со стороны человѣка, вовсе незнакомаго, сильно оскорбила его Артемовскаю-Гулака, и желая дать почувствовать маіору всю неумѣстность его выходки, онъ

ему отвѣтилъ, что «этимъ именемъ заочно можно было бы назвать и его жену.» Говоря это, онъ хотѣлъ дать ему замѣтить, что такъ какъ Щедро его Артемовскаю-Гулака не зналъ, то очень легко могло случиться, что женщина, о которой онъ такъ дерзко отозвался, могла быть въ очень близкихъ съ нимъ отношеніяхъ. Послѣ этого онъ Артемовскій-Гулакъ вышелъ въ другую комнату и потребовалъ себѣ ужинъ. Немного погодя, пришелъ маіоръ Щедро съ требованіемъ объясненій и удовлетворенія за оскорбленіе его жены. Онъ Артемовскій-Гулакъ старался убѣдить маіора въ томъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія оскорблять его жены, ибо встрѣтивъ его, Щедро, въ первый разъ, не могъ предположить даже, чтобы онъ былъ женатъ и что онъ Артемовскій-Гулакъ можетъ считать себя болѣе оскорбленнымъ дерзкою выходкою Щедро, которая была причиною сказанныхъ имъ Артемовскимъ-Гулакомъ словъ. Однако не смотря на все, маіоръ Щедро настаивалъ на томъ, что онъ Артемовскій-Гулакъ намѣренно оскорбилъ его жену. Видя неотвязчивость Щедро, онъ наконецъ сказалъ ему, «знаете ли вы русскую пословицу»...... я же не имѣлъ вовсе намѣренія оскорбить вашу жену, а вы вломились въ амбицію, совершенно непонятную для меня»; затѣмъ онъ Артемовскій-Гулакъ вынужденъ былъ напомнить Щедро, что онъ, удаляясь отъ главнаго предмета объясненій, затѣваетъ вовсе неумѣстный для трактира разговоръ и что, если онъ не перестанетъ, то онъ Артемовскій-Гулакъ сочтетъ его придирчивость за желаніе вовлечь его Артемовскаго-Гулака въ непріятность. Студентъ Николаевъ и столпившіеся зрители старались убѣдить маіора Щедро въ томъ, что онъ неправъ и что лучше покончить дѣло миролюбиво, но онъ отвѣтилъ на это вызовомъ его Артемовскаго-Гулака на дуель. Черезъ день, дѣйствительно пріѣхалъ къ нему поручикъ Штромъ въ качествѣ секунданта маіора Щедро и привезъ отъ него письменный вызовъ. Прочитавъ невѣжливое письмо, онъ Артемовскій Гулакъ рѣшительно отказался отъ вызова и объявилъ поручику Штрому, что не принимаетъ вызова; поручикъ Штромъ, выслушавъ отъ него и студента Николаева разсказъ о происшествіи, нашелъ, что приведенныя причины не могутъ служить достаточнымъ поводомъ къ дуели, и обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобы покончить дѣло миролюбиво. Затѣмъ поручикъ Штромъ возвратился отъ ма-

іора Щедро съ отвѣтомъ, что тотъ согласенъ съ нимъ въ томъ, что не зная вовсе жены его, Щедро, онъ не могъ оскорбить его и что слѣдовательно вся сущность обиды заключается, по мнѣнію Щедро, въ неумѣстности произнесеннаго имъ Артемовскимъ выраженія. Затѣмъ убѣжденный доводами поручика Штрома и принимая въ уваженіе заслуги и лѣта маіора Щедро и наконецъ то обстоятельство, что Щедро оказался дѣйствительно женатымъ, онъ Артемовскій рѣшился отправиться къ нему, вмѣстѣ съ Штромомъ; но они застали Щедро съ прежними идеями о важности нанесеннаго ему оскорбленія, причемъ онъ объявилъ, что извиненій никакихъ быть не можетъ. На это онъ Артемовскій отвѣтилъ, что пріѣхалъ къ нему вовсе не за тѣмъ, чтобы просить извиненія, ибо чувствуетъ себя рѣшительно невиннымъ, но чтобы убѣдить его маіора Щедро въ томъ, что неумѣстное выраженіе со стороны его Артемовскаго было только отвѣтомъ на дерзость, произнесенную самимъ Щедро, и потому, если онъ согласенъ взять назадъ высказанное имъ, то и онъ Артемовскій возьметъ назадъ свои слова, но что онъ Артемовскій не отказывается отъ сдѣланнаго ему вызова, уступая въ этомъ случаѣ принятому обычаю, хотя не скрываетъ, что долженъ будетъ стрѣляться за причину, не оправдывающую по его мнѣнію дуели.—Дуель была назначена сначала на среду на св. недѣли, но потомъ по просьбѣ его Артемовскаго отложена на четвергъ. Секундантомъ его былъ студентъ Николаевъ, который съ своей стороны также ѣздилъ нѣсколько разъ къ маіору Щедро, но привезъ отъ него предложеніе безусловнаго извиненія при многихъ свидѣтеляхъ въ оскорбленіи его жены, на что онъ Артемовскій согласиться не могъ и потому поѣхалъ 7-го апрѣля на мѣсто дуели, гдѣ вмѣстѣ съ секундантомъ былъ задержанъ полиціею и доставленъ для отправленія подъ арестъ въ квартиру плацъ-адъютанта, здѣсь встрѣтился съ маіоромъ Щедро, который старался вызвать его Артемовскаго на новую непріятность, ибо упрекалъ его въ трусости и въ томъ, что будто бы онъ Артемовскій далъ знать анонимнымъ письмомъ оберъ-полиціймейстеру о предположенной дуели.

Поручикъ *Штромъ* при слѣдствіи показалъ, что маіоръ Щедро, пріѣхавъ къ нему 1-го апрѣля и разсказавъ ему о случившемся съ нимъ въ трактирѣ Палкина, просилъ его съѣздить къ по-

ручику Артемовскому и потребовать удовлетворенія. Вслѣдствіе этого онъ Штромъ поѣхалъ къ Артемовскому и успѣлъ убѣдить его отправиться къ маіору извиниться передъ нимъ въ неумышленной обидѣ, но маіоръ Щедро не принялъ извиненія и по уходѣ Артемовскаго, сказалъ ему Штрому, что онъ можетъ принять извиненіе не иначе, какъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, такъ какъ обида нанесена ему въ публичномъ мѣстѣ. Эти слова онъ, Штромъ, передалъ секунданту Артемовскаго студенту Николаеву, который объявилъ потомъ Штрому и маіору Щедро, что Артемовскій несогласенъ на предложеніе Щедро. Затѣмъ онъ Штромъ поѣхалъ съ маіоромъ Щедро на мѣсто дуели, на Поклонную гору, полагая тамъ помирить противниковъ, но на дорогѣ былъ арестованъ вмѣстѣ съ маіоромъ Щедро. Пистолеты были взяты маіоромъ Щедро у оружейнаго мастера Вишневскаго подъ предлогомъ стрѣльбы въ цѣль. Къ сему поручикъ Штромъ присовокупилъ, что онъ согласился быть секундантомъ у Щедро только въ такомъ случаѣ, если причиною дуели будетъ обида, нанесенная женѣ Щедро, потому что другой причины для этого по его мнѣнію не было и что когда, по арестованіи, ихъ привезли къ коменданту, то маіоръ Щедро, при входѣ туда поручика Артемовскаго, дѣйствительно сказалъ ему, что должно быть онъ донесъ о дуели.

Студентъ с.-петербургскаго университета *Николаевъ*, показывая согласно съ поручикомъ Артемовскимъ относительно подробностей происшествія въ трактирѣ Палкина, объяснилъ, что во время этого происшествія, Артемовскій былъ совершенно въ трезвомъ видѣ, и что принявъ приглашеніе Артемовскаго быть его секундантомъ, онъ Николаевъ ѣздилъ три раза къ маіору Щедро и все, что только могъ, сдѣлалъ для примиренія противниковъ, но маіоръ Щедро упорно требовалъ, чтобы поручикъ Артемовскій извинился предъ нимъ въ присутствіи его товарищей, на что тотъ не соглашался, требуя, съ своей стороны, чтобы маіоръ Щедро сознался въ неумѣстномъ вмѣшательствѣ своемъ въ разговоръ. Затѣмъ онъ Николаевъ отправился, въ качествѣ секунданта, вмѣстѣ съ Артемовскимъ на мѣсто дуели, гдѣ они и были задержаны. Условія дуели были предоставлены ему, вмѣстѣ съ другимъ секундантомъ поручикомъ Штромомъ, и состояли въ томъ, чтобы отъ каждаго изъ противниковъ было по одному

выстрѣлу; разстоянія же, на которомъ слѣдовало стрѣлять, не было опредѣлено.

На очныхъ ставкахъ, данныхъ маіору Щедро съ поручикомъ Артемовскимъ и студентомъ Николаевымъ, всѣ они остались при своихъ показаніяхъ, причемъ маіоръ Щедро объяснилъ, что по доставленіи его къ коменданту, онъ точно высказалъ подозрѣніе на поручика Артемовскаго въ томъ, что онъ донесъ о предполагавшейся дуели, въ чемъ и теперь онъ увѣренъ. Артемовскій же и Николаевъ присовокупили, что третее лицо, бывшее съ ними въ трактирѣ, былъ коллежскій регистраторъ Стояновъ.

Коллежскій регистраторъ *Стояновъ*, спрошенный подъ присягою, показалъ, что онъ дѣйствительно былъ 30 марта съ поручикомъ Артемовскимъ и студентомъ Николаевымъ въ трактирѣ Палкина, но всѣхъ обстоятельствъ случившейся тамъ при немъ ссоры хорошо не помнитъ и только слышалъ, что разговоръ зашелъ о какой то дѣвушкѣ, которую Артемовскій называлъ хорошенькою. Тогда маіоръ Щедро, спросивъ, не въ Перинной ли линіи она живетъ, сказалъ, что удивляется глупости ѣздить къ такимъ стервамъ. Что далѣе было говорено въ той комнатѣ, онъ Стояновъ не помнитъ, а когда съ товарищами своими пришелъ ужинать въ другую комнату, то вскорѣ за ними явился маіоръ Щедро и, подойдя къ Артемовскому, сказалъ, что тотъ назвалъ стервой его жену, но что́ они говорили, далѣе, онъ Стояновъ не слышалъ.

Дворянинъ Михаилъ Федосѣевъ *Стебловскій*, бывшій въ трактирѣ съ маіоромъ Щедро, подъ присягою показалъ, что когда онъ сидѣлъ въ трактирѣ съ маіоромъ Щедро, и купеческимъ сыномъ Дмитріевымъ, то къ нему Стебловскому подошелъ тогда знакомый ему студентъ Николаевъ, который при разговорѣ съ нимъ звалъ его ѣхать къ хорошенькимъ женщинамъ. Въ то время маіоръ Щедро сказалъ: «стоитъ ли идти къ какой либо дряни», а пришедшій съ студентомъ Николаевымъ, поручикъ Артемовскій отвѣтилъ маіору: «послѣ этого можно назвать стервой жену вашу», и затѣмъ ушелъ; что́ происходило въ другой комнатѣ, тому онъ Стебловскій свидѣтелемъ не былъ.

Мологскій купеческій сынъ *Михайло Дмитріевъ* подъ присягою показалъ, что въ бытность его въ трактирѣ съ вышеупомянутыми лицами, о чемъ именно былъ между ними разговоръ,

онъ не помнитъ и слышалъ только, что упоминалось о какихъ то женщинахъ, причемъ маіоръ Щедро, обращаясь къ дворянину Стебловскому, употребилъ выраженія: «флендры» или «стервы», точно не помнитъ. Поручикъ же Артемовскій сказалъ, что этимъ именемъ можно назвать его жену, и затѣмъ ушелъ въ другую комнату, а что происходило тамъ, онъ Дмитріевъ не видѣлъ.

Трактирный служитель, государственный крестьянинъ *Щанинковъ*, подъ присягою показалъ, что онъ не помнитъ никакой ссоры, бывшей въ трактирѣ между маіоромъ Щедро и поручикомъ Артемовскимъ, а потому и объяснить по этому дѣлу ничего не можетъ.

Актеръ Императорскихъ театровъ *Василій Васильевъ*, находившійся въ квартирѣ маіора Щедро въ то время, когда пріѣзжалъ къ нему поручикъ Артемовскій-Гулакъ, подъ присягою показалъ, что Артемовскій при немъ пріѣзжалъ къ маіору Щедро вмѣстѣ съ поручикомъ Штромомъ, и послѣдній предложилъ маіору Щедро отъ имени Артемовскаго извиненіе, говоря, что онъ былъ въ нетрезвомъ видѣ въ гостинницѣ, не видѣлъ никогда жены маіора и не знаетъ даже, женатъ ли онъ. Но маіоръ Щедро не принялъ извиненія, считая нанесенную ему Артемовскимъ обиду кровною. Болѣе объясненій между ними не было, и они уѣхали.

На допросѣ въ военномъ судѣ подсудимый маіоръ *Щедро* вполнѣ подтвердилъ показанія свои, данныя при слѣдствіи, присовокупивъ, что онъ повода къ вызову на дуэль поручика Артемовскаго не искалъ, а относительно причинъ, по которымъ онъ не могъ согласиться на примиреніе, пояснилъ, что онъ даже и теперь того мнѣнія, что лучше пожертвовать въ подобномъ случаѣ собою, чѣмъ оставить ненаказанною выходку поручика Артемовскаго тѣмъ болѣе, что этотъ примѣръ могъ послужить урокомъ и для другихъ подобныхъ ему наглецовъ.

Его Императорское Высочество главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, принимая во вниманіе: отличныя заслуги и храбрость подсудимаго маіора Щедро, полученныя имъ въ сраженіяхъ раны, доведшія его до тяжкаго увѣчья, и раздражительность характера, происходящую отъ постояннаго болѣзненнаго его положенія, а также и то, что отъ проступка его никакихъ

вредныхъ послѣдствій не произошло, и самый поединокъ въ исполненіе приведенъ не былъ, просилъ генералъ-аудиторіатъ: участь подсудимаго маіора Щедро и всеподданнѣйшее Его Высочества ходатайство о дарованіи маіору Щедро облегченія въ мѣрѣ взысканія за вызовъ отставнаго поручика Артемовскаго-Гулака на поединокъ, повергнуть Монаршему милосердію.

Генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго маіора Щедро виновнымъ въ вызовѣ на дуель отставнаго поручика Артемовскаго Гулака, полагалъ: маіора Щедро на точномъ основаніи 999 ст. 1 кн. военно-уголовнаго устава лишивъ чиновъ, орденовъ: св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, Св. Анны 2-й степ. и 3 степ. съ бантомъ, золотой полусабли съ надписью «за храбрость» и дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые, назначивъ на службу по распоряженію инспекторскаго департамента. Но при этомъ генералъ-аудиторіатъ принялъ во вниманіе: во 1-хъ, прежнюю отличную службу подсудимаго маіора Щедро, во 2-хъ, оказанныя имъ заслуги и храбрость въ дѣлахъ съ непріятелемъ и полученныя въ сраженіяхъ тяжкія раны и увѣчья, доведшія его до постояннаго болѣзненнаго состоянія и раздражительности характера, вслѣдствіе чего онъ не могъ хладнокровно принять сказаннаго, хотя и неумышленно, обиднаго выраженія, относившагося къ лицу его жены, и въ 3-хъ что сдѣланный имъ вызовъ на дуель не имѣлъ никакихъ вредныхъ послѣдствій и самый поединокъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Имѣя въ виду эти обстоятельства, а также ходатайство Его Императорскаго Высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній объ оказаніи подсудимому маіору Щедро снисхожденія и руководствуясь 111 ст. 1 книги военно-уголовнаго устава, генералъ-аудиторіатъ повергнулъ участь подсудимаго Монаршему милосердію Его Императорскаго Величества и всеподданнѣйше ходатайствовалъ о томъ, чтобы не подвергая маіора Щедро опредѣленному по закону взысканію, вмѣнить ему въ наказаніе бытность подъ судомъ и обратить по прежнему на службу съ тѣмъ, чтобы бытность подъ судомъ не считать ему препятствіемъ къ полученію наградъ и преимуществъ по службѣ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества

конфирмація: «Быть по сему. Въ С.-Петербургѣ, 9-го февраля 1861 г.»

Дѣло объ утонувшихъ на лиманѣ рѣки Амура 4 матросахъ и о погибели вельбота.

9-го іюля 1864 года съ винтовой лодки «Моржъ», стоявшей въ лиманѣ рѣки Амура, въ 5-мъ часу по полудни посланы были катеръ и вельботъ, для промѣра мѣста между лодкою и островомъ Лангеромъ, съ цѣлію узнать: есть ли еще другой форватеръ изъ лимана въ Охотское море. На катерѣ было 12 человѣкъ гребцовъ, на вельботѣ 5 гребцовъ и 1 лотовый; шлюпками этими командовали корпуса флотскихъ штурмановъ прапорщики Климковъ и Гертнеръ, изъ которыхъ первый командовалъ катеромъ, а второй вельботомъ. Погода была ясная, довольно свѣжій вѣтеръ отъ S былъ совершенно достаточнымъ для того, чтобы шлюпки могли безопасно и успѣшно производить свои работы. Катеръ и вельботъ были въ такомъ грузу, какой былъ необходимъ для безопасности ихъ плаванія при свѣжемъ вѣтрѣ.

Вскорѣ обѣ шлюпки, имѣя очень хорошій ходъ, скрылись изъ виду отъ лодки. Затѣмъ вельботъ пересѣкъ на W каналъ, на которомъ стояла лодка, и вышелъ на 5-ти футовую глубину. Въ то же время катеръ шелъ немного впереди на вѣтрѣ у вельбота. Сильное теченіе до 3-хъ узловъ было также отъ S.

Выйдя на означенную 5-ти футовую банку, вельботъ встрѣтилъ бурунъ и сильную толчею, отчего онъ наполнился мгновенно водой по банки. Тотчасъ же былъ спущенъ фокъ и начата отливка воды, но эти старанія спастись остались безуспѣшны, ибо за первою волною стали вливаться волны одна за другою и вскорѣ вельботъ пошелъ ко дну. Вѣроятно бывшій на вельботѣ дрекъ упалъ на дно и задержалъ вельботъ на мѣстѣ, отчего вельботъ перевернулся и всплылъ килемъ вверхъ.

Бывшіе на вельботѣ прапорщикъ Гертнеръ и одинъ матросъ захватились за киль вельбота и держались до тѣхъ поръ, пока не были спасены подошедшимъ на помощь катеромъ, одинъ матросъ плавалъ на веслѣ и былъ тоже спасенъ, четыре же остальные матроса потонули. Вельботъ и бывшія на немъ вещи

спасены не были, потому что и катеръ при волненіи заливало водой.

Съ лодки «Моржъ» случай этотъ виденъ не былъ; вслѣдствіе же долгаго отсутствія обѣихъ шлюпокъ, на лодкѣ вечеромъ и ночью сожжено было нѣсколько фальшфейеровъ. Катеръ вернулся къ лодкѣ 11 числа утромъ и на немъ привезены были прапорщикъ Гертнеръ и два спасенные матроса.

Всѣ сіи обстоятельства подтверждены шханечнымъ журналомъ, донесеніемъ прапорщика Гертнера, показаніями безъ присяги двухъ спасенныхъ матросовъ съ вельбота и трехъ гребцовъ съ катера, а равно присяжными показаніями остальныхъ 9 катерныхъ гребцовъ. Убытокъ казны, происшедшій отъ погибели вельбота и находившихся на немъ вещей, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ, коихъ цѣны неизвѣстны конторѣ надъ портами Восточнаго океана, простирается на 393 р. 35 $^1/_4$ к. с.

Сообразивъ эти обстоятельства, морской генералъ-аудиторіатъ, согласно съ мнѣніемъ командира портовъ Восточнаго океана, не находя никого виновнымъ въ погибели четырехъ матросовъ, вельбота и бывшихъ на немъ вещей, опредѣлилъ: 1-е, дѣло объ утонувшихъ четырехъ матросахъ зачислить оконченнымъ и 2-е, предоставить командиру портовъ Восточнаго океана, на основаніи 27 § общаго образованія управленія портами, распорядиться о принятіи вышеозначеннаго убытка на счетъ казны.

Дѣло о постановкѣ на камень и затопленіи броненосной лодки «Смерчь».

Броненосная лодка «Смерчь», состоя въ компаніи 1865 года въ отрядѣ шхерныхъ судовъ, 23-го іюля того года, идя Барезундскимъ проливомъ при штилѣ и имѣя ходу отъ 2$^1/_2$ до 3 узловъ, взошла въ узкости, между островами Снаргольмъ и Стонгольмъ, на камень; отъ удара же о него образовалась въ подводной ея части сквозная щель длиною около 1$^1/_2$ сажени, вслѣдствіе чего лодка наполнилась водою и легла кормою и лѣвымъ бокомъ на дно на 24 ф. глубинѣ, имѣя крену до 25°, а посъ

остался на 7 ф. глубинѣ на камнѣ. При этомъ несчастномъ случаѣ никто не погибъ.—Впослѣдствіи «Смерчь» принятыми мѣрами поднятъ (20 августа) и приведенъ въ Кронштадтъ.

Въ объясненіе причины постановки лодки на камень, командиръ ея капитанъ-лейтенантъ Корниловъ 1-й приводилъ, что лодка не послушала руля,—что предъ тѣмъ, какъ она взошла на камень, приходилось въ короткое время руль перекладывать, а въ такихъ условіяхъ лодка, (очень чувствительная при большомъ ходѣ прямымъ курсомъ), начинаетъ качаться. Объясненіе командира, что лодка не послушала руля, подтвердилось показаніями офицеровъ и рулеваго. При этомъ слѣдствіемъ обнаружено, что означеннаго числа, послѣ того, какъ руль былъ положенъ послѣдній разъ (право на бортъ) и лодка не послушала его, немедленно была остановлена лѣвая машина, но узкость и крутость прохода помѣшали ей произвесть ожидаемое дѣйствіе. На лодкѣ находился лоцманъ, взятый минутъ за 8-мъ до происшествія, а приказанія рулевымъ отдавалъ самъ командиръ, такъ-какъ лоцману не былъ знакомъ способъ управленія судами посредствомъ машинъ и притомъ, какъ объяснилъ старшій офицеръ лейтенантъ Валицкій, лоцмана показываютъ знаками класть руль, что являлось неудобнымъ въ настоящемъ плаваніи, когда лодкѣ нужно было поворачивать круто и приходилось прибѣгать ко всѣмъ средствамъ поворотливости.

На спросъ слѣдственной коммисіи: почему, когда лодка не послушала руля, не былъ данъ задній ходъ лѣвой машинѣ, а затѣмъ, почему не былъ отданъ якорь на панеръ?—капитанъ-лейтенантъ Корниловъ отозвался, что лодка на ходу, получая задній ходъ одного винта, бросается такъ быстро, что ½ круга дѣлаетъ менѣе, чѣмъ въ минуту, (это онъ знаетъ по опыту), а потому она въ этомъ случаѣ навѣрно была бы на противоположномъ берегу; между тѣмъ, какъ при остановкѣ только лѣваго винта была надежда, что лодка пройдетъ, тѣмъ болѣе, что для безопаснаго прохода ей нужно было перекатиться не болѣе 5 футъ; что сдаваться слишкомъ влѣво было опасно, ибо слѣдовалъ снова поворотъ вправо; что лоцмана всегда въ этомъ мѣстѣ придерживаются къ правому островку, и что рифъ не имѣлъ знака и это затрудняло опредѣлить точку опасности; якорь же отдать было нельзя, потому что видѣлась возможность и была надежда

пройти помощію остановки лѣваго винта, а тѣмъ болѣе по крутости и короткости разстояній. Послѣ удара лодки о камень, носовое, рулевое и смежное съ нимъ отдѣленія стали быстро наполняться водою; двери непроницаемой переборки были немедленно заперты, и какъ переборка, такъ и дверь пропускали воду весьма незначительно, но вода бѣжала въ лодку въ большомъ количествѣ чрезъ вентиляторныя трубы, не имѣвшія клинкетовъ; также были приведены въ дѣйствіе всѣ помпы, но тѣмъ не менѣе судно затонулось.

По отношенію къ тому обстоятельству, что у вентиляторныхъ трубъ лодки не было клинкетовъ, обнаружено, что для постройки ея была принята образцомъ датская лодка «Рольфъ-Краке» и что на «Смерчѣ» при концахъ сказанныхъ трубъ въ носовомъ отдѣленіи имѣлись клапаны или задвижки для прекращенія теченія воздуха. Кораблестроительный техническій комитетъ отозвался, что если бъ эти клапаны были закрыты, то, не смотря на отсутствіе клинкетовъ, наполненіе другихъ отдѣленій водою не послѣдовало бы такъ быстро. Но въ моментъ происшествія съ лодкою «Смерчь» клапаны эти находились открытыми для освѣженія трюма воздухомъ, и хотя капитанъ-лейтенантомъ Корниловымъ было тогда-же приказано закрыть ихъ, но по случаю быстраго наполненія лодки водою исполнить это приказаніе было невозможно.

По соображеніи изложенныхъ обстоятельствъ, морской генералъ-аудиторіатъ пришелъ къ тому заключенію, что причиною постановки броненосной лодки «Смерчь» на камень была главнѣйше недостаточность еще навыка въ управленіи судами сего рода въ мало-знакомыхъ шхерныхъ мѣстахъ, но что независимо отъ сего, командиромъ лодки были дѣлаемы въ ея плаваніи всѣ зависящія отъ него распоряженія, и какъ съ его стороны, такъ и со стороны команды никакихъ упущеній, въ смыслѣ небрежности или нераспорядительности, не замѣчается. За неустройство клинкетовъ у вентиляторныхъ трубъ лодки, также нѣтъ основанія привлекать кого-либо къ отвѣтственности въ виду того, что постройка броненосныхъ судовъ составляетъ новое дѣло въ нашемъ флотѣ, и притомъ «Смерчь» строился по образцу иностранной лодки. Хотя же изъ отзыва кораблестроительнаго техническаго комитета усматривается, что если бы имѣв-

шіеся на лодкѣ при концахъ вентиляторныхъ трубъ въ носовомъ отдѣленіи клапаны, или задвижки для прекращенія теченія воздуха, были закрыты, то наполненіе другихъ отдѣленій водою не послѣдовало бы такъ быстро, какъ было въ дѣйствительности, но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно отзыву того же комитета и командира лодки, оказывается, что въ моментъ происшествія съ лодкою означенные клапаны находились открытыми для необходимаго освѣженія трюма, а закрыть ихъ потомъ уже было невозможно по случаю быстраго наполненія лодки водою и очевидно предстоявшей опасности для жизни людей, которые были бы посланы закрыть ихъ. По симъ соображеніямъ морской генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) командира броненосной лодки «Смерчь» капитанъ-лейтенанта Корнилова 1-го и никого другаго по дѣлу сему къ отвѣтственности не привлекать, а казенный отъ происшествія съ лодкою убытокъ, значущійся по дѣлу въ 28,208 руб. 26 к. принять на счетъ казны; и 2) предоставить флота генералъ-аудитору сообщить объ окончательномъ рѣшеніи по сему дѣлу инспекторскому департаменту для распоряженія согласно примѣч. къ 641 ст. 2-й книги свода морскихъ уголовныхъ постановл. по 1-му продолж. относительно удовлетворенія лицъ, потерявшихъ при крушеніи имущества.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата Высочайше утверждено въ 29 день августа 1866 года.

О генералъ-маіорѣ Патковскомъ, сужденномъ за утайку побѣга 33 нижнихъ чиновъ.

Во время командованія генералъ-маіора Патковскаго симбирскимъ егерскимъ полкомъ, изъ числа бѣжавшихъ изъ полка съ декабря мѣсяца 1842 по 9 марта 1843 года нижнихъ чиновъ, не было выключено по спискамъ 33 человѣка, именно въ декабрѣ 1842 года—одинъ, въ январѣ 1843 г.—восемь, въ февралѣ—двадцать и въ мартѣ по 9 число—четыре. Въ числѣ сихъ бѣжавшихъ было 19 рядовыхъ, 12 рекрутъ изъ *польскихъ* уроженцевъ, поступившихъ на службу въ 1842 году, и два деньщика; изъ

нихъ семь человѣкъ подвергались прежде штрафамъ за побѣги, воровство и пьянство, а прочіе большею частію были неблагонадежнаго поведенія.

О побѣгахъ этихъ нижнихъ чиновъ сдѣланы были отъ ротныхъ командировъ и другихъ частей начальниковъ своевременно донесенія; но генералъ-маіоръ Патковскій, не выключая ихъ изъ списочнаго состоянія полка, показывалъ по мѣсячнымъ отчетамъ на лицо, и получалъ на нихъ провіантъ и порціи винную и мясную.

Такіе поступки генералъ-маіора Патковскаго были обнаружены въ началѣ марта 1843 года начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантомъ Берниковымъ, который тогда же предписалъ произвести о семъ слѣдствіе; присемъ открылось, что кромѣ тѣхъ нижнихъ чиновъ, въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ, бѣжало еще 7 человѣкъ, изъ коихъ три также были выключены Патковскимъ несвоевременно, и что подобныя несвоевременыя выключки были дѣланы и прежде, именно двое рядовыхъ и одинъ рекрутъ выключены послѣ полученія о побѣгѣ ихъ рапортовъ, одинъ спустя 4 мясяца и 9 дней, другой 3 мѣсяца два дня, и третій одинъ мѣсяцъ; за все же время невыключки ихъ получалось отъ казны содержаніе, а на двухъ было вытребовано и жалованье.

Впрочемъ требованное на всѣхъ вообще невыключенныхъ бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ продовольствіе, стоившее по изчисленію 79 руб. 66 коп. серебромъ, отпускалось сполна въ роты и впослѣдствіи все показано къ зачету.

При производствѣ слѣдствія, а потомъ и по преданіи военному суду генералъ-маіоръ *Патковскій* объяснилъ, что означенные нижніе чины не были выключены изъ списковъ полка въ надеждѣ, что они, отлучившись по одному и по два, легко могли быть пойманы земскою полиціею и кордонною стражею, о чемъ онъ заблаговременно дѣлалъ сношенія; когда же надежда на скорую поимку сихъ дезертировъ не сбылась, то онъ Патковскій не рѣшался уже ихъ выключать всѣхъ вдругъ, дабы не навлечь начальству и самому себѣ непріятности, полагая, что со временемъ дезертирство уменьшится, и тогда удобнѣе будетъ исключить ихъ изъ списковъ. Къ сему генералъ-маіоръ Патковскій присовокупилъ, что по обнаружившимся непомѣрнымъ

побѣгамъ изъ полка, онъ, желая открыть тому причину, въ концѣ февраля и въ первыхъ числахъ марта мѣсяца, объѣзжалъ нѣкоторыя части полка и, удостовѣрясь, что поводовъ къ побѣгамъ со стороны начальствующихъ не было, при возвращеніи изъ сей поѣздки тогда же предположилъ и даже заготовилъ донесеніе о семъ, съ просьбою о произведеніи по этому предмету слѣдствія, но былъ предупрежденъ открытіемъ сего со стороны дивизіоннаго начальника *).

Показаніе генералъ-маіора Патковскаго, что причинъ къ побѣгамъ со стороны начальствующихъ *не* было, подтвердили ротные и баталіонные командиры, которые основываясь на томъ, что бѣжавшіе большею частію были штрафованные и неблагонадежнаго поведенія, относили побѣги ихъ къ испорченной нравственности и къ удобству по близости мѣста переходить за границу въ Пруссію.

По собраннымъ же къ дѣлу особымъ свѣдѣніямъ обнаружено, что въ то время, по случаю прекращенія съ Пруссіею картельной конвенціи о взаимной передачѣ бѣглыхъ, были вообще значительные побѣги какъ въ войскахъ, расположенныхъ на границѣ, такъ равно въ пограничной стражѣ и даже между жителями близкихъ къ границѣ мѣстъ; побѣги сіи происходили отъ подговоровъ прусскихъ подданныхъ, которые употребляли къ тому разныя обольщенія.

Къ дѣлу сему были признаны прикосновенными:

1) Бывшій адъютантомъ того полка поручикъ Свибловъ въ томъ, что онъ зная о сокрытіи полковымъ командиромъ по отчетамъ бѣжавшихъ, не доносилъ о томъ начальству, и скрѣплялъ отчеты, по коимъ дезертиры показывались на лицо; и

2) Исправлявшій должность казначея подпоручикъ Чижовъ въ томъ, что онъ въ декабрѣ 1842 года, получивъ изъ дивизіоннаго дежурства предписаніе дивизіоннаго начальника о зачисленіи въ полкъ одного рекрута, удерживалъ оное (до побѣга того рекрута) при казначейскихъ дѣлахъ, не передавъ къ исполненію по строевой части, чрезъ что тотъ рекрутъ, оставался незачисленнымъ въ полку.

*) За прежнее время командованія Патковскимъ симбирскимъ полкомъ бѣжавшихъ было въ 1841 году—15-ть и въ 1842 году—11-ть человѣкъ.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго генералъ-маіора Патковскаго виновнымъ въ томъ, что онъ, желая скрыть предъ начальствомъ внезапно увеличившееся число побѣговъ нижнихъ чиновъ изъ ввѣреннаго ему полка, не выключилъ въ свое время изъ числа бѣжавшихъ въ февралѣ и въ началѣ марта 1843 года болѣе 30 человѣкъ, и показывая ихъ ложно по полковымъ отчетамъ на лицо, требовалъ на нихъ отъ казны содержаніе, которое впрочемъ отпускалось въ роты и показано уже къ зачету; притомъ Патковскій и въ предшествовавшихъ мѣсяцахъ, нѣкоторыхъ бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ, по тѣмъ же причинамъ, не выключалъ изъ списковъ въ свое время. Въ такихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ самъ Патковскій сознался, объясняя, что дѣлалъ это въ надеждѣ на скорую поимку бѣжавшихъ, а когда надежда на такую поимку не сбылась, то не рѣшался ихъ выключать вдругъ, дабы не навлечь себѣ и начальству непріятности, полагая, что со временемъ побѣги уменьшатся и тогда удобнѣе будетъ исключить бѣжавшихъ. А потому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго генералъ-маіора Патковскаго, за означенные противозаконные поступки, на основаніи свода воен. постан. части 5-й, книги 1, ст. 311 и 532 лишивъ чиновъ, орденовъ и дворянскаго достоинства, записать въ рядовые. Опредѣливъ подсудимому мѣру наказанія, законами установленную, генералъ-аудиторіатъ долгомъ счелъ предоставить на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества: во 1-хъ прежнюю безпорочную и долговременную 38 лѣтнюю службу подсудимаго, бытность его въ походахъ и дѣлахъ противу непріятеля; во 2-хъ содержаніе его по сему дѣлу подъ арестомъ съ 22 марта 1843 г.; въ 3-хъ, что требованіе на бѣжавшихъ содержанія было дѣлано не изъ видовъ корысти, а единственно по причинѣ невыключки ихъ; и въ 4-хъ что прежде того, во время командованія имъ полкомъ, бѣжавшихъ было весьма незначительное число, именно въ 1841 г. 15 и 1842 г. 11 человѣкъ, а настоящее увеличеніе побѣговъ могло послѣдовать единственно отъ близкаго расположенія полка къ прусской границѣ, за которую бѣжавшіе удобно могли переходить, по подговорамъ прусскихъ подданныхъ. По симъ уваженіямъ генералъ-аудиторіатъ осмѣливался повергнуть участь подсудимаго генералъ-маіора Патковскаго на Всемилостивѣйшее

воззрѣніе Его Императорскаго Величества и всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи опредѣленнаго ему по законамъ наказанія, замѣнивъ оное тѣмъ, чтобы Патковскому, вмѣнивъ въ наказаніе бытность подъ судомъ и содержаніе съ 22 марта 1843 года подъ арестомъ, записать штрафъ сей въ указъ объ его отставкѣ; сверхъ того взыскать съ Патковскаго за вытребованные имъ на бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ предметы продовольствія, кромѣ показанныхъ уже къ зачету, въ другой разъ 79 руб. 66 коп. и употребленныя по сему дѣлу на прогоны деньги, а удержанную у него во время производства суда половинную часть пенсіи, какъ неоправдавшемуся, ему не возвращать, разрѣшивъ однакожъ производство оной на будущее время. Прикосновенныхъ къ дѣлу: бывшаго полковаго адъютанта симбирскаго егерскаго полка поручика Свиблова за то, что онъ, зная о сокрытіи по отчетамъ бѣжавшихъ нижнихъ чиновъ, не доносилъ о томъ начальству и самъ скрѣплялъ тѣ отчеты, и исправлявшаго должность полковаго казначея подпоручика Чижова, за удержаніе при казначейскихъ дѣлахъ предписанія дивизіоннаго начальника о зачисленіи въ полкъ одного рекрута, который чрезъ это оставался въ полку незачисленнымъ, арестовать: Свиблова на двѣ недѣли, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, а Чижова на трое сутокъ, съ исправленіемъ должности, съ тѣмъ однако, чтобы оштрафованіе это не лишало обоихъ ихъ правъ и преимуществъ, службою пріобрѣтенныхъ.

На подлинномъ докладѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Быть по сему, но мундира не возвращать. Николай. С.-Петербургъ. 20 апрѣля 1844 г.»

О генералъ-маіорѣ Леманѣ, сужденномъ за наказаніе двухъ горнистовъ шомполами и держаніе у себя безсмѣннаго ординарца.

Генералъ-маіоръ Леманъ, 6-го марта 1843 года, находясь на ученьи 4-го кадреннаго баталіона пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка, наказалъ двухъ горнистовъ: Матвѣя Тимофѣева и Павла Петрова шомполами; а 31-го числа того же марта мѣсяца

на квартирѣ его въ м. Бердичевѣ, во время бытности самого его въ г. Кіевѣ, застрѣлился унтеръ-офицеръ пѣхотнаго принца Прусскаго полка: Ефимъ Савинъ, бывшій у него на ординарцахъ. О первомъ случаѣ никакого изысканія въ свое время сдѣлано не было, а о самоубійствѣ унтеръ-офицера Савина тогда же произведено мѣстною полиціею слѣдствіе, но причины самоубійства не открыто.

Впослѣдствіи по поводу наказанія одного изъ упомянутыхъ горнистовъ, Петрова, равно и самоубійства унтеръ-офицера Савина получено было шефомъ жандармовъ свѣдѣніе, что генералъ-маіоръ Леманъ, бывъ недоволенъ этимъ горнистомъ на ученьѣ, приказалъ бить его шомполами до того, что онъ тотчасъ же былъ отправленъ въ лазаретъ; а унтеръ-офицеръ Савинъ находился при генералъ-маіорѣ Леманѣ на безсмѣнныхъ ординарцахъ, и опасаясь наказанія за пропавшіе съ квартиры Лемана, въ отсутствіе его, топоръ и простыню, застрѣлился изъ ружья.

Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу о сихъ происшествіяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: произвесть по онымъ строжайшее изслѣдованіе.

Главнокомандующій дѣйствующею арміею, поручивъ это изслѣдованіе начальнику 12 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Бушену, вслѣдъ затѣмъ предписалъ: генералъ-маіора Лемана, какъ лишившагося уже по означеннымъ поступкамъ довѣрія начальства, удалить отъ командованія какъ бригадою, такъ и дивизіею, которою онъ тогда временно командовалъ по случаю отсутствія дивизіоннаго начальника,—а по окончаніи изслѣдованія приказомъ по арміи 23-го августа того же года предалъ его военному суду при кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ.

По производствѣ слѣдствія открыто:

1) *О самоубійствѣ унтеръ-офицера Савина.*

Пѣхотный принца Прусскаго полкъ, въ которомъ состоялъ этотъ унтеръ-офицеръ, расположенъ былъ въ м. Бердичевѣ, гдѣ находился и бригадный штабъ 1 бригады 2 пѣхотной дивизіи. 18 ноября 1842 года, когда полкъ этотъ выступалъ въ г. Кіевъ для содержанія карауловъ, и въ м. Бердичевѣ оставлено было только необходимое число людей для карауловъ, генералъ-маіоръ Леманъ приказалъ назначить къ себѣ унтеръ-офицера

на ординарцы какъ для относа бумагъ, такъ и для другихъ посылокъ по службѣ, и этотъ ординарецъ оставался при немъ безсмѣнно. Впослѣдствіи, 28 января 1843 года, генералъ-маіоръ Леманъ, выѣхавъ изъ м. Бердичева въ г. Кіевъ на короткое время для смотра кадреннаго баталіона того полка, долженъ былъ остаться тамъ на неопредѣленное время: по случаю ожидаемаго пріѣзда туда генералъ-маіора Бентковскаго, осматривавшаго, по порученію главнокомандующаго дѣйствующею арміею, полки 1 пѣхотнаго корпуса, и въ ожиданіи прибытія корпуснаго командира, такъ что возвратился 3 апрѣля. Между тѣмъ упомянутый полкъ прибылъ изъ Кіева въ м. Бердичевъ 15 марта, но унтеръ-офицеръ Савинъ смѣненъ не былъ, и ночью на 31 число того мѣсяца, въ квартирѣ генералъ-маіора Лемана, застрѣлился. По произведенному изслѣдованію — того, чтобы онъ посягнулъ на самоубійство изъ страха по случаю пропавшихъ изъ квартиры генералъ-маіора Лемана простыни и топора (какъ доведено было до свѣдѣнія шефа жандармовъ), равно и другой побудительной причины къ самоубійству не открыто; не обнаружено и того, чтобы унтеръ-офицеръ Савинъ былъ употребляемъ генералъ-маіоромъ Леманомъ по хозяйству или по другимъ собственнымъ дѣламъ его.

2) *О наказаніи шомполами горнистовъ пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка: Тимофѣева и Петрова.*

Горнисты Тимофѣевъ и Петровъ (какъ показали безъ присяги 3 унтеръ-офицера, исполнявшіе надъ ними наказаніе, и бывшій при томъ баталіоный горнистъ), наказаны шомполами по приказанію генералъ-маіора Лемана 6 марта 1843 года за то, что во время застрѣльщичьяго ученья не могли выигрывать сигнальныхъ номеровъ, (передаваемыхъ баталіоннымъ горнистомъ), будто бы по бывшему тогда холодному времени. Сперва наказанъ былъ Тимофѣевъ, а потомъ Петровъ, и каждому изъ нихъ дано тогда по 50 ударовъ. Послѣ того Петрову снова приказывали нѣсколько разъ играть и всякій разъ онъ былъ наказанъ шомполами, потому что также не могъ выиграть сигнала. Такимъ образомъ принимались наказывать его до 15 разъ безъ счета ударовъ, и когда начали наказывать его въ послѣдній разъ, онъ, не могши далѣе переносить, упалъ и въ безчувственномъ положеніи отнесенъ лазаретными служителями въ лазаретъ. Къ сему двое

изъ сихъ унтеръ-офицеровъ, Черноскудовъ и Ананьевъ, присовокупили, что генералъ-маіоръ Леманъ, распустя людей съ ученья, осматривалъ горниста Петрова, и они видѣли у него тѣло отъ ляшекъ до поясницы совершенно отъ побоевъ почернѣвшимъ.

24 человѣка рядовыхъ, допрошенные подъ присягою, подтвердили, что горнисты Тимофѣевъ и Петровъ наказаны были по приказанію генералъ-маіора Лемана точно такъ, какъ показали упомянутые три унтеръ-офицера и баталіонный горнистъ; но сколько дано каждому изъ нихъ ударовъ, они не знаютъ, только Петровъ наказываемъ былъ долго до тѣхъ поръ, пока не упалъ отъ изнеможенія; Тимофѣеву же дано немного ударовъ.

Согласно съ сими 24 человѣками показали безъ присяги, какъ остальные нижніе чины 4 кадреннаго баталіона въ числѣ болѣе 300 человѣкъ, бывшіе тогда на ученьи, такъ и другой изъ наказанныхъ горнистовъ, *Тимофѣевъ*, который объяснилъ, что онъ не помнитъ, сколько дано ему ударовъ, но что онъ отъ наказанія боленъ не былъ и совершенно здоровъ. Горнистъ *Петровъ* показалъ, что онъ, по случаю холоднаго времени, не могъ хорошо выигрывать номеровъ застрѣльщичьяго ученья, и за это по приказанію генералъ-маіора Лемана принимались наказывать его шомполами нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока онъ обезсиливъ, упалъ, послѣ чего и отнесенъ былъ въ полковой лазаретъ.

Командиръ полка полковникъ Павловъ, на сдѣланный ему по сему предмету вопросъ, отвѣчалъ безъ присяги, что горнисты Петровъ и Тимофѣевъ по приказанію генералъ-маіора Лемана были наказаны шомполами: первый такъ сильно, что упалъ и былъ отнесенъ въ полковой околодокъ, а послѣднему дано незначительное число ударовъ.

Бывшіе на ученьи 6 марта 1843 года офицеры 4 кадреннаго баталіона пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка, всего 13 человѣкъ, подъ присягою утвердили, что горнисты Тимофѣевъ и Петровъ были наказаны шомполами по приказанію генералъ-маіора Лемана за то, что не выигрывали сигнальнаго номера, но сколько каждому дано ударовъ и сколько разъ принимались наказывать Петрова, того изъ нихъ никто не замѣтилъ, только нѣкоторые изъ нихъ объяснили, что Тимофѣеву сдѣлано наказаніе незначительное.

Самъ генералъ-маіоръ *Леманъ*, подтверждая, что 6 марта 1843 года наказалъ горнистовъ Петрова и Тимофѣева шомполами, объяснилъ, что послѣ многихъ безпорядковъ, найденныхъ имъ тогда на ученьѣ, оно остановилось наконецъ потому, что горнисты не могли надувать рожковъ своихъ и передавать сигналовъ застрѣльщикамъ. Не видя исполненія, онъ потребовалъ къ себѣ горнистовъ и приказалъ подать палокъ, но какъ палокъ не было, то онъ, не могши оставаться равнодушнымъ, приказалъ наказать ихъ шомполами. При этомъ одному изъ нихъ дано не 50, но всего ударовъ 15 шомполами; другой получилъ бы не более, но какъ онъ генералъ-маіоръ Леманъ, узнавъ, что Петровъ старый горнистъ, приказалъ ему трубить, а онъ кривилъ губами и ни одного тона не подавалъ, тогда-какъ штабъ-горнистъ трубилъ свободно, то онъ, Леманъ, приказалъ еще дать Петрову нѣсколько ударовъ. Полагая, что можетъ быть горнъ неисправенъ, онъ генералъ-маіоръ Леманъ велѣлъ штабъ-горнисту трубить на горнѣ Петрова, а Петрову на горнѣ штабъ-горниста, и когда штабъ-горнистъ опять легко и свободно подалъ сигналъ, а Петровъ и на перемѣнномъ рогѣ сигнала не подавалъ, то онъ генералъ-маіоръ Леманъ велѣлъ дать ему еще нѣсколько ударовъ, такъ что всего понесъ онъ не болѣе 45 или 50 ударовъ.

При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ держаться слѣдующаго порядка: укажемъ каждое изъ приведенныхъ генераломъ Леманомъ въ свое оправданіе обстоятельствъ, а затѣмъ представимъ по сему предмету то, что обнаружено слѣдствіемъ.

Доказывая, что *наказаніе, которому подвергались горнисты не было жестокимъ*, генералъ-маіоръ Леманъ объяснилъ, *во первыхъ*, что онъ перестал наказывать горниста Петрова не тогда, когда онъ упалъ; что по прекращеніи наказанія, Петровъ отошелъ въ сторону и уже подойдя къ лѣвому флангу баталіона, опустился на руки въ то время, когда онъ, генералъ-маіоръ Леманъ, приказалъ отправить его на гауптвахту.

Изъ числа бывшихъ тогда на ученьѣ офицеровъ, 12 человѣкъ подъ присягою засвидѣтельствовали, что горнистъ Петровъ упалъ дѣйствительно не на мѣстѣ наказанія и не тогда, когда его наказывали, но по прекращеніи наказанія, когда отошелъ оттуда.

Притомъ четверо изъ нихъ объяснили, что Петровъ упалъ, когда генералъ-маіоръ Леманъ приказалъ отправить его на гауптвахту.

Во вторыхъ, генералъ-маіоръ Леманъ отозвался, что онъ по окончаніи ученья, вмѣстѣ съ командиромъ полка осматривалъ Петрова и нашелъ, что онъ наказанъ не жестоко.

Формальнаго освидѣтельствованія горнисту Петрову тотчасъ послѣ его наказанія сдѣлано не было, а баталіонный лекарь пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка, Вернеръ, который принялъ тогда въ лазаретъ Петрова, удостовѣрилъ, что нашелъ его не въ безчувственномъ состояніи, но съ значительными припадками удушья и стѣсненія въ груди; знаки отъ наказанія шомполами были у него на сѣдалищѣ и задней части обѣихъ ляшекъ, умѣренно опухшіе и покрыты синцами безъ всякихъ другихъ поврежденій. Для предупрежденія воспаленія на тѣхъ мѣстахъ, а болѣе по значительному удушью и стѣсненію въ груди, сдѣлано Петрову кровопусканіе изъ груди и приложены примочки къ посинѣвшимъ мѣстамъ.

Въ третьихъ, генералъ-маіоръ Леманъ доказывалъ умѣренность наказанія, произведеннаго горнисту Петрову, тѣмъ, что онъ не былъ отправленъ въ госпиталь, а находился въ лазаретномъ околодкѣ, въ коемъ ничего не было устроено для больныхъ, и слабыхъ тамъ вовсе не держали, и что на 4 день послѣ наказанія, т. е. 10 марта, узнавъ, что распускаютъ слухи, будто горнистъ Петровъ отъ наказанія умеръ, онъ, Леманъ, приглашалъ начальника штаба 1 пѣхотнаго корпуса генералъ-маіора Желтухина осмотрѣть Петрова въ околодкѣ, но тамъ его уже не нашли. По отзыву полковаго командира, Петровъ выписанъ уже былъ изъ околодка. Посему приказано было послать за нимъ, и когда онъ былъ присланъ, то при осмотрѣ его оказалась у него только нѣкоторая оставшаяся желтизна на верхней части ляшекъ. Послѣ того горнистъ Петровъ находился всегда на службѣ и былъ на всѣхъ смотрахъ совершенно здоровый.

Слѣдствіемъ было раскрыто, что горнистъ Петровъ отправленъ былъ по наказаніи не въ госпиталь, а въ лазаретный околодокъ, ибо лазарета, по недавнему прибытію въ г. Кіевъ полка, устроено не было. Когда Петровъ выписанъ изъ околодка, объ этомъ собранныя свѣдѣнія разнорѣчатъ, а именно: баталіонный лекарь сперва отозвался, что горнистъ Петровъ переведенъ

былъ изъ этого околодка въ другой, въ коемъ помѣщались выздоравливающіе, 15 марта; 9 же апрѣля, какъ совершенно выздоровѣвшій, отправленъ въ роту; но потомъ лекарь показалъ, что Петровъ отправленъ въ роту 29 марта, и что прежнее донесеніе его о семъ сдѣлано по ошибкѣ.—Самъ горнистъ Петровъ объяснилъ, что выписанъ изъ околодка 19 марта.—Поручикъ Волчанскій, который былъ дежурнымъ по полку 10 и 14 марта, объяснилъ, что представлялъ Петрова для осмотра генералъ-маіору Желтухину, какъ припоминаетъ, 15 марта, въ день смѣны.—Генералъ-маіоръ Желтухинъ подтвердилъ, что по приглашенію генералъ-маіора Лемана, прибывъ въ лазаретный околодокъ, не нашелъ въ немъ Петрова, который, по отзыву полковаго командира, былъ уже выписанъ, и осмотрѣвъ Петрова, по приходѣ его туда, замѣтилъ въ немъ видъ почти здоровый, но па ляшкахъ все еще были довольно синіе знаки, а выше чернота проходила, обращаясь въ желтый цвѣтъ. Сначала генералъ-маіоръ Желтухинъ утвердилъ, что это было 15 марта, а потомъ отозвался, что не упомнитъ, когда именно осматривалъ горниста Петрова, и что прежде объяснилъ о семъ утвердительно на основаніи отзыва поручика Волчанскаго, но какъ этотъ офицеръ былъ дежурнымъ и 10 марта, то донесеніе его о семъ, можетъ быть, сдѣлано ошибочно отъ запамятованія.

Напротивъ генералъ-маіоръ Леманъ, доказывая, что онъ и генералъ-маіоръ Желтухинъ осматривали горниста Петрова 10 марта, объяснилъ, что это было въ тотъ день, когда генералъ-маіоръ Желтухинъ осматривалъ ординарцовъ, которые приготовляемы были къ пріѣзду генералъ-маіора Бентковскаго, ревизовавшаго, по распоряженію главнокомандующаго дѣйствующею арміею, полки 1 пѣхотнаго корпуса.

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что означенные ординарцы осматриваемы были генералъ-маіоромъ Желтухинымъ 10 марта.

Пользовавшій горниста Петрова медикъ, судя по скорому и совершенному выздоровленію его, заключилъ, что сдѣланное ему наказаніе не будетъ имѣть никакихъ худыхъ послѣдствій для его здоровья; а полковой командиръ увѣдомилъ отъ 18 іюня 1843 года, что горнистъ Петровъ находится въ ротѣ и совершенно здоровъ.

Что же касается до степени холода 6 марта 1843 г., когда наказаны были горнисты Тимофѣевъ и Петровъ, то изъ метеорологическихъ наблюденій въ Кіевѣ видно, что того числа въ 7 часовъ утра былъ сѣверо-западный умѣренный вѣтеръ и 3 градуса мороза, а въ два часа пополудни, когда по показанію генералъ-маіора Лемана производилось ученье, западный сильный вѣтеръ и болѣе градуса тепла. Офицеры же, бывшіе на ученьи, показали, что тогда было довольно холодно, и во время наказанія горнистовъ баталіонъ стоялъ безъ ружей и грѣлся.

Въ четвертыхъ, генералъ-маіоръ Леманъ, доказывая невинность свою въ жестокости наказанія, представлялъ въ подтвержденіе сего то, что командуя 9 лѣтъ бригадою, никакихъ безпорядковъ въ оной не допускалъ, самъ строго наблюдалъ, чтобы несоразмѣрныя наказанія никѣмъ дѣланы не были, и въ теченіи сего времени въ первый разъ произвелъ наказаніе.

Въ отношеніи сего изъ дѣла видно, что жалобъ на генералъ-маіора Лемана о жестокомъ его обращеніи съ подчиненными, какъ удостовѣряетъ командующій 2 пѣхотною дивизіею, не было; а приказомъ по арміи отъ 30 апрѣля 1843 года—полки бывшей въ командѣ генералъ-маіора Лемана бригады, по малому числу больныхъ, умершихъ и бѣжавшихъ, отнесены къ 1 разряду. Въ формулярномъ же о службѣ генералъ-маіора Лемана спискѣ значится, что эти полки находимы были при смотрахъ въ отличномъ во всѣхъ частяхъ устройствѣ.

Наконецъ *въ пятыхъ*, генералъ-маіоръ Леманъ, излагая требованія начальства и ту отвѣтственность, которая лежала на немъ собственно за 4 кадренный баталіонъ, въ объясненіяхъ своихъ показалъ, что бывъ во многихъ сраженіяхъ, достигнувъ степени генерала, командуя съ похвалою почти 10 лѣтъ одною бригадою и въ послѣднее время дивизіею, прослуживъ слишкомъ 30 лѣтъ,—онъ сроднился съ воинскою субординаціею, знаетъ сколь опасны и вредны слѣдствія малѣйшаго послабленія по службѣ; онъ свидѣтельствуется всею 32 лѣтнею службою своею, что наказаніе горнистовъ шомполами сдѣлано было не по какой либо особой жестокости или злобѣ: возложенная на него строгая отвѣтственность за исправность ввѣренныхъ ему частей того требовала. Если онъ увлекся желаніемъ видѣть части въ томъ блестящемъ состояніи, въ которомъ имѣлъ счастіе представлять

ихъ на смотрахъ, и за что удостоился даже личныхъ благоволеній Государя Императора, и если, погорячившись, вмѣсто палокъ, которыхъ въ то время не случилось, велѣлъ дать нѣсколько шомполовъ единственно для того, чтобы не уронить порядка службы и заставить каждаго исполнять свои обязанности,—то въ сей неосторожности, вынужденной крайностію обстоятельствъ, въ коихъ неотлагательною строгостію должно было показать примѣръ, онъ генералъ-маіоръ Леманъ признаетъ себя виновнымъ, и въ такомъ невольномъ проступкѣ, сдѣланномъ въ порывѣ усердія къ службѣ, полагается на безпредѣльное милосердіе Его Императорскаго Величества, повергая вмѣстѣ съ симъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Величества, что посвятивъ себя на службу, онъ жертвовалъ всѣмъ своимъ благосостояніемъ, покидалъ семью, переносилъ потерю дѣтей, не обращалъ никакого вниманія на утрату собственнаго здоровья, на дальніе тягостные переходы, сопряженные съ большими издержками, весь отдался службѣ, чтобы ревностію и усердіемъ заслужить вниманіе Его Императорскаго Величества; отъ службы ожидалъ всѣхъ благъ, на нее полагалъ всѣ свои надежды, въ ней единственно поставлялъ всю цѣль своего существованія, все упованіе въ будущемъ для себя и несчастнаго семейства, и все это потерялъ въ драгоцѣнномъ мнѣніи Его Императорскаго Величества; по отрѣшеніи же отъ командованія бригадою, вслѣдствіе переѣзда съ семействомъ въ С.-Петербургъ (и оттуда, по преданіи военному суду въ Кіевъ, оставивъ семейство въ С.-Петербургѣ), разстроилъ послѣднее здоровье и состояніе, и дошелъ до крайности *).

Генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи обстоятельствъ сего дѣла, нашелъ подсудимаго генералъ-маіора Лемана виновнымъ: Во 1-хъ въ томъ, что онъ, въ бытность командиромъ 1 бригады 2 пѣхотной дивизіи, при выступленіи 18 ноября 1842 г.

*) Случай о наказаніи генералъ-маіоромъ Леманомъ шомполами горнистовъ доведенъ былъ до свѣдѣнія и бывшаго командира 1 пѣхотнаго корпуса, впослѣдствіи умершаго генералъ-адъютанта Красовскаго, который, (какъ начальникъ корпуснаго штаба удостовѣрилъ), сперва полагалъ сдѣлать формальное донесеніе о семъ, но снисходя къ искреннѣйшему раскаянію генералъ-маіора Лемана и принимая въ соображеніе слишкомъ 30-ти лѣтнюю службу его не безъ военныхъ заслугъ, большое семейство и лишеніе всѣхъ средствъ къ существованію его безъ службы—оставилъ это дѣло, сдѣлавъ ему строгое наставленіе.

пѣхотнаго, принца Прусскаго полка, изъ м. Бердичева, гдѣ находился и бригадный штабъ, приказалъ назначить къ себѣ ординарца унтеръ-офицера Савина и держалъ его безсмѣнно до отъѣзда своего въ Кіевъ, до 28 января 1843 г., а при отъѣздѣ туда не сдѣлалъ распоряженія объ отправленіи его къ своему мѣсту, и унтеръ-офицеръ Савинъ, оставаясь въ квартирѣ его въ м. Бердичевѣ, 31 марта того года, въ отсутствіе его, застрѣлился. Генералъ-маіоръ Леманъ отзывается, что онъ назначилъ къ себѣ того ординарца по необходимости для посылокъ съ бумагами и по другимъ надобностямъ службы, не смѣнялъ его по малому числу оставленныхъ отъ полка въ м. Бердичевѣ нижнихъ чиновъ, а не отправилъ его при отъѣздѣ своемъ въ январѣ 1843 года въ г. Кіевъ потому, что отъѣзжалъ туда на короткое время и долженъ былъ остаться тамъ по 3 апрѣля, по случаю ожидаемаго пріѣзда, назначеннаго отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею инспектора для осмотра полковъ 1 пѣхотнаго корпуса; но все это не оправдываетъ генералъ-маіора Лемана, потому что держаніе безсмѣнно ординарца противно установленнымъ правиламъ службы, въ особенности не слѣдовало Леману оставлять его въ квартирѣ своей безъ всякой надобности и надзора по отъѣздѣ въ Кіевъ. Впрочемъ, чтобы унтеръ-офицеръ Савинъ былъ употребляемъ генералъ-маіоромъ Леманомъ по собственнымъ дѣламъ его, того не открыто, равно не обнаружено и причины самоубійства. Хотя же впослѣдствіи въ дошедшемъ до шефа жандармовъ свѣдѣніи сказано, что Савинъ застрѣлился отъ страха по случаю пропавшихъ съ квартиры генералъ-маіора Лемана простыни и топора, но это по производству слѣдствія и суда не подтвердилось.—Во 2-хъ, въ наказаніи, вопреки существующаго воспрещенія, шомполами двухъ горнистовъ пѣхотнаго принца Карла Прусскаго полка—Тимофѣева и Петрова, по слѣдующему случаю: производя 6 марта 1843 г. ученье 4 кадренному баталіону того полка, и замѣтивъ, между другими безпорядками, что горнисты, будто отъ холода, не могли надувать рожковъ своихъ и передавать сигналовъ, отъ чего ученье остановилось, генералъ-маіоръ Леманъ хотѣлъ наказать ихъ палками, но какъ палокъ не было, то въ порывѣ негодованія приказалъ наказать ихъ шомполами. Притомъ узнавъ, что изъ нихъ Петровъ старый горнистъ, заставлялъ его снова играть, и по-

дозрѣвая, что онъ по упрямству показывалъ видъ, будто не могъ надуть горна, ибо штабъ-горнистъ въ то же время и на своемъ горнѣ и на горнѣ Петрова трубилъ легко и свободно, а Петровъ и на горнѣ штабъ-горниста не подавалъ ни одного тона, Леманъ приказывалъ еще нѣсколько разъ наказывать Петрова. Сколько каждый изъ горнистовъ получилъ тогда ударовъ, въ точности не открыто, но первому изъ нихъ, Тимофѣеву, по удостовѣренію бывшихъ на ученьѣ офицеровъ, дано незначительное число ударовъ и, какъ генералъ-маіоръ Леманъ утверждаетъ, не болѣе 15-ти, а Петрову, по собственному признанію Лемана, до 45-ти или 50-ти; впрочемъ наказаніе это никакихъ вредныхъ послѣдствій на здоровье ихъ не имѣло. Хотя же горнистъ Петровъ, послѣ наказанія, отойдя къ лѣвому флангу, когда генералъ-маіоръ Леманъ приказалъ посадить его на гауптвахту, упалъ и отправленъ былъ въ лазаретный околодокъ, но чрезъ нѣсколько дней выписанъ оттуда въ роту, совершенно здоровый. Посему генералъ аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго генералъ-маіора Лемана за держаніе безсмѣннаго ординарца и употребленіе шомполовъ при наказаніи горнистовъ, арестовать на одинъ мѣсяцъ, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, и взыскать съ него употребленныя при производствѣ дѣла прогонныя и суточныя для членовъ суда деньги. Но опредѣливъ сію мѣру наказанія соразмѣрно винѣ генералъ-маіора Лемана, представить на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества, что генералъ-маіоръ Леманъ при наказаніи горнистовъ употребилъ вмѣсто палокъ, коихъ не было, шомпола, не изъ жестокости, но въ порывѣ досады изъ рвенія къ службѣ, и что вредныхъ послѣдствій на здоровье ихъ отъ того наказанія не произошло; что жестокаго обращенія генералъ-маіора Лемана съ подчиненными, по удостовѣренію начальства, прежде не было, напротивъ попеченіе его о нижнихъ чинахъ и вообще по ввѣренной ему части доказываетъ то, что полки бывшей въ командѣ его бригады, по малому числу бѣжавшихъ, умершихъ и больныхъ, приказомъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею 30 апрѣля 1843 года отнесены къ 1 разряду, и при смотрахъ находимы были въ отличномъ во всѣхъ частяхъ устройствѣ; что вообще 32 лѣтняя служба генералъ-маіора Лемана ознаменована отличіями какъ въ мирное время, такъ и въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, и что онъ,

потерявъ по сему дѣлу службу, въ которой имѣлъ единственную надежду, лишился половиннаго жалованья и столовыхъ денегъ по званію бригаднаго командира, и находясь болѣе года подъ слѣдствіемъ и судомъ, при большомъ семействѣ и совершенно недостаточномъ состояніи, подвергся крайности. По симъ уваженіямъ генералъ-аудоторіатъ повергнулъ участь генералъ-маіора Лемана на Всемилостивѣйше воззрѣніе Его Императорскаго Величества съ испрошеніемъ Высочайшаго Его Величества соизволенія, чтобъ не подвергая его аресту, вмѣнить ему въ наказаніе бытность подъ судомъ и удаленіе отъ командованія бригадою, и опредѣлить на службу по благоусмотрѣнію Его Величества, а издержанныя при производствѣ дѣла деньги, по совершенно недостаточному состоянію его, Лемана, принять на счетъ казны.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата, послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Уволить отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ, а въ прочемъ быть по сему. Николай. Петергофъ. 17 августа 1844 года.»

О расхищеніи казеннаго имущества командиромъ тульскаго оружейнаго завода генералъ-маіоромъ Лазаревичемъ.

Генералъ-маіоръ Лазаревичъ, по должности командира тульскаго оружейнаго завода, преданъ былъ суду за противозаконныя его дѣйствія — при перевозкѣ въ заводъ коммерческимъ способомъ желѣза и по распоряженію, казеннымъ и общественнымъ имуществомъ оружейниковъ, заводскими людьми и лошадьми.

По *первому* изъ этихъ обвиненій обнаружено было слѣдствіемъ, что генералъ-маіоръ Лазаревичъ, поручая чиновникамъ завода перевозку коммерческимъ способомъ изъ Алексина въ Тулу принимаемаго отъ горнаго вѣдомства желѣза, самъ дѣйствовалъ по этимъ операціямъ подъ именемъ чиновниковъ, представляя самъ себѣ денежные расчеты. Такимъ образомъ поручена была перевозка желѣза въ 1844 г. капитану Калакуцкому болѣе 160 т. п. и въ 1846 г. губернскому секретарю Захаво болѣе 80 тыс. пуд.

Генералъ-маіоръ Лазаревичъ представилъ въ свое оправданіе, что онъ распоряженіе и отвѣтственность по тѣмъ операціямъ взялъ на себя потому только, что чиновники, предполагая невозможнымъ нанять возчиковъ по утвержденной цѣнѣ, не хотѣли взять на себя этихъ порученій.

Сверхъ того обнаружено, что операція, порученная капитану Калацкому, исполнена была неисправно: ибо изъ принятаго въ Алексинѣ желѣза не доставлено въ заводъ до 80 пуд.; но Лазаревичъ оставилъ это въ безгласности, признавъ, какъ впослѣдствіи отозвался, что вѣсъ въ желѣзѣ уменьшился отъ обивки, при перевозкѣ, ржавчины; однакожъ обстоятельство это не было въ свое время разсмотрѣно надлежащимъ порядкомъ, и Лазаревичъ, какъ самъ же объяснилъ, пополнилъ недостатокъ желѣза, употребивъ на то оставшіяся отъ операціи деньги.

Подобная неисправность обнаружена и при перевозкѣ желѣза въ 1846 году чиновникомъ Воробьевымъ, которымъ изъ числа принятаго въ Алексинѣ до 100 т. пуд. желѣза, не доставлено въ заводъ 68 пуд. 5 фунт. Генералъ-маіоръ Лазаревичъ и этотъ случай оставилъ безъ преслѣдованія (по тому же убѣжденію, какъ отозвался, что вѣсъ въ желѣзѣ могъ уменьшиться отъ обивки, при перевозкѣ, ржавчины) и приказалъ старшему смотрителю магазина титулярному совѣтнику Іерусалимовскому записать это недостававшее количество желѣза въ приходъ и выдать Воробьеву полную квитанцію, принявъ на себя пополненіе недостатка въ желѣзѣ, которое однакожъ не было пополнено до начала слѣдствія, какъ это видно изъ показанія смотрителя магазиновъ и собственнаго объясненія генералъ-маіора Лазаревича, отозвавшагося, что если это желѣзо не было пополнено въ свое время, то, вѣроятно, потому, что нельзя было скоро отыскать желѣза такого качества.

Относительно *распоряженія казеннымъ имуществомъ* открыто слѣдующее:

1) Генералъ-маіоръ Лазаревичъ, вопреки законнаго порядка, приказывалъ смотрителю магазиновъ, — словесно и записками, отпускать изъ магазиновъ казенные вещи, матеріалы и припасы, не объясняя, для чего они нужны; вслѣдствіе сего эти предметы оставались невыписанными въ расходъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ весьма значительномъ количествѣ. Смотритель ма-

газиновъ и вахтеры, завѣдывавшіе магазинами, заявили подозрѣніе, что генералъ-маіоръ Лазаревичъ требовалъ такимъ образомъ въ отпускъ изъ магазиновъ казенное имущество для своихъ надобностей, потому что за означенными предметами пріѣзжали люди его.

Это подтвердилось и тѣмъ еще, что Лазаревичъ, во время слѣдствія, прислалъ въ одинъ изъ магазиновъ на пополненіе недостатковъ: желѣза 343 пуда 38 ф. и гвоздей 35 пуд. 15 фунтовъ, купленные у купца Лопаткина.

Лазаревичъ, хотя не сознался въ употребленіи казеннаго имущества въ свою пользу, но не доказавъ, на что именно употреблены многіе вытребованные имъ такимъ образомъ казенные матеріалы, отозвался, что часть ихъ была взята имъ произвольно для разныхъ работъ, произведенныхъ при занимаемомъ имъ казенномъ домѣ для большаго удобства, и что для пополненія взятыхъ на эти работы матеріаловъ, присланы имъ въ заводъ желѣзо и гвозди.

Нижніе чины состоящей при оружейномъ заводѣ пожарной команды и находившіеся при заводѣ чернорабочіе подъ присягою показали, что весьма часто возили съ оружейнаго завода на винокуренный заводъ жены генералъ-маіора Лазаревича, въ 7-ми верстахъ отъ г. Тулы,—лѣсъ, желѣзо, чугунъ и другія вещи.

Генералъ-маіоръ Лазаревичъ не сознался въ отправленіи на винокуренный заводъ никакихъ казенныхъ вещей, утверждая, что перевезенныя туда вещи были его собственныя, купленныя въ г. Тулѣ; но когда слѣдователи обнаружили, что на чугунный заводъ оружейника Щербакова, гдѣ отливаемы были чугунныя колонны для винокуреннаго завода, чугунъ привезенъ былъ частію изъ магазина оружейнаго завода, то Лазаревичъ сознался, что небольшое количество чугуна для этихъ издѣлій взялъ заимообразно изъ казенныхъ запасовъ и впослѣдствіи возвратилъ.

При сдачѣ оружейнаго завода все казенное имущество Лазаревичемъ сдано въ полномъ количествѣ безъ всякихъ недостатковъ.

2) Подобнымъ образомъ генералъ-маіоръ Лазаревичъ (какъ раскрыто слѣдователями) распоряжался казеннымъ сѣномъ, которое употреблялъ не только для собственныхъ лошадей и коровъ при оружейномъ заводѣ, но и перевозилъ въ имѣніе жены своей, с. Прудное, при которомъ устроенъ винокуренный за-

водъ. Обстоятельство это подтвердили нижніе чины и заводскіе рабочіе. Самъ генералъ-маіоръ Лазаревичъ сознался, что казенное сѣно бралъ съ луговъ и отправлялъ въ с. Прудное не болѣе двухъ стоговъ ежегодно въ замѣнъ собственнаго своего сѣна, которое было покупаемо и заготовляемо имъ для своихъ лошадей и коровъ и употреблялось въ кормъ казеннымъ лошадямъ; равно Лазаревичъ не отвергъ и того, что казенное сѣно перевозимо было въ имѣніе жены его изъ оружейнаго завода частями, отзываясь только, что это сѣно было негодное для корма и отвозилось туда взамѣнъ привозимой оттуда для казенныхъ лошадей соломы.

Сверхъ того лѣтомъ 1846 г. Лазаревичъ принималъ на себя участіе въ кошеніи казеннаго сѣна подъ видомъ подрядчика, и 27 возовъ сѣна отправилъ прямо съ луговъ въ с. Прудное, въ чемъ и самъ сознался, присовокупивъ, что взялъ это сѣно по тому случаю, что на наемъ рабочихъ для сѣнокошенія далъ 50 руб. собственныхъ денегъ исправлявшему тогда должность полиціймейстера коллежскому секретарю Бабынину, по недостатку отпущенныхъ ему на этотъ предметъ казенныхъ денегъ.

Но слѣдствіемъ открыто, что для сѣнокошенія подряженъ былъ правленіемъ оружейнаго завода оружейникъ Морозовъ за 105 р. который однакожъ къ кошенію и уборкѣ сѣна вовсе не приступалъ: все это сдѣлалъ Бабынинъ посредствомъ своихъ рабочихъ, а правленію оружейнаго завода донесъ, что будто сѣно скошено и убрано Морозовымъ, который вслѣдствіе сего и получилъ слѣдовавшія по условію за кошеніе сѣна деньги, а потомъ передалъ ихъ Бабынину.

3) Дрова, заготовляемыя для оружейнаго завода, употребляемы были также произвольно: генералъ-маіоръ Лазаревичъ, которому на отопленіе занимаемаго имъ казеннаго дома отпускаемы были деньги, бралъ для себя казенныя дрова и раздавалъ заводскимъ чиновникамъ по своему усмотрѣнію. Онъ отозвался, что чиновникамъ давалъ казенныя дрова въ пособіе по недостаточному ихъ состоянію, какъ это дѣлали и бывшіе прежде него командиры завода, а для себя бралъ казенныя дрова, когда не доставало купленныхъ на отпускаемыя ему деньги, потому что занимаемый имъ домъ, вслѣдствіе сырости, по недавней отстройкѣ, требовалъ усиленной топки; притомъ же двѣ комнаты въ томъ домѣ отданы были имъ для оспопрививанія дѣтямъ оружейниковъ, по не-

имѣнію другаго удобнаго помѣщенія, и на отопленіе этихъ комнатъ особыхъ дровъ не отпускалось.— Показаніе Лазаревича, что въ комнатахъ тѣхъ дѣйствительно производилось оспопрививаніе постоянно съ 1846 г., и что онѣ отапливались казенными дровами, потвердило и правленіе оружейнаго завода, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснило, что дрова на отопленіе этихъ комнатъ въ расходъ по документамъ не выводились и отпускаемы были безъ вѣдома правленія.

Въ отношеніи произвольныхъ распоряженій генералъ-маіора Лазаревича *общественнымъ имуществомъ* оружейниковъ приведено въ извѣстность слѣдующее:

1) Генералъ-маіоръ Лазаревичъ въ 1844 г. разрѣшилъ продать по вѣтхости общественные провіантскіе деревянные балаганы, не сдѣлавъ предварительно распоряженія объ освидѣтельствованіи балагановъ надлежащимъ порядкомъ и не испросивъ разрѣшенія артиллерійскаго департамента. Такимъ образомъ балаганы эти, на постройку которыхъ въ 1841 г. употреблено было 1015 р. и на исправленіе въ 1843 г. 148 р. 80 к., проданы за 78 р. 50 к. и вслѣдъ затѣмъ перекуплены у оружейника Морозова самимъ Лазаревичемъ и перевезены на винокуренный заводъ. Лазаревичъ, подтверждая это при слѣдствіи, самъ призналъ такое распоряженіе свое неблаговиднымъ и отнесъ оное къ неосторожности своей.

2) По положенію военнаго совѣта, въ мартѣ 1845 г. опредѣлено было отпустить въ пособіе бѣднѣйшимъ оружейникамъ, для издѣлій ихъ, 10 т. пуд. кусковаго желѣза съ тѣмъ, чтобы оно продавалось имъ по казенной цѣнѣ на дѣйствительныя надобности для работъ и чтобы строго воспрещено было обращать желѣзо сіе въ продажу; но это назначенное правительствомъ пособіе оружейникамъ не достигло своей цѣли: желѣзо для этого назначено было изъ числа находившагося въ заводѣ брака и какъ оно оказалось къ употребленію негоднымъ, то генералъ-маіоръ Лазаревичъ, опасаясь, какъ самъ объяснилъ, предоставить объ этомъ начальству, приказалъ продать желѣзо, а деньги большею частію обратилъ на пополненіе числившейся на оружейникахъ нѣкоторыхъ цѣховъ недоимки, такъ-что многіе оружейники никакого пособія отъ этого желѣза не получили.

3) Въ отчетности объ общественной суммѣ оружейниковъ допущены были такіе же безпорядки, какъ и въ казенномъ иму-

ществѣ оружейнаго завода: деньги расходовались по словеснымъ приказаніямъ генералъ-маіора Лазаревича, но въ расходъ своевременно записываемы не были, такъ что 1192 р. 73 к., израсходованные въ 1844 г., не были показаны по документамъ въ расходъ до 1847 г., потому только, что по недостатку общественной суммы заимствованы были изъ другихъ суммъ.

Важныя злоупотребленія обнаружены и относительно употребленія генералъ-маіоромъ Лазаревичемъ заводскихъ *чернорабочихъ* и *техническихъ мастеровъ*, равно и казенныхъ *лошадей—въ работы*.

1) Заводскіе чернорабочіе употребляемы были для перевозки на казенныхъ заводскихъ лошадяхъ изъ Тулы въ имѣніе жены генералъ-маіора Лазаревича лѣса и другихъ предметовъ; сверхъ того на казенныхъ лошадяхъ Лазаревичъ ѣздилъ туда и съ семействомъ своимъ и съ посторонними лицами, въ чемъ и самъ сознался, отзываясь, что чрезъ это лошади, по недальному разстоянію имѣнія отъ Тулы, ни изнуряемы, ни отъ работъ отвлекаемы не были.

2) Механическіе мастера употребляемы были въ работы для винокуреннаго завода жены генералъ-маіора Лазаревича и въ мастерскихъ оружейнаго завода и посылаемы были для этого на винокуренный заводъ. Числа мастеровъ и количества произведенныхъ ими работъ для генералъ-маіора Лазаревича, по дѣлу вполнѣ не открыто; а на винокуренный заводъ посылаемо было въ разное время 8-мъ мастеровъ, изъ которыхъ одни, по показанію ихъ, получали нѣкоторую плату, другіе не получили ничего, но претензій никто не объявилъ, потому что имъ за время бытности ихъ на частныхъ работахъ отпускалось казенное жалованье. Въ работѣ на винокуренномъ заводѣ одни изъ нихъ, по показаніямъ ихъ, находились отъ 3-хъ дней до 2-хъ недѣль, а другіе въ числѣ 3-хъ показали, что они были тамъ на работѣ въ разное время долго, и хотя опредѣлить дней не могутъ, но примѣрно считаютъ: одинъ до 200 дней, а послѣдніе оба до 2-хъ мѣсяцовъ каждый. О томъ что эти люди посылаемы были на винокуренный заводъ по приказанію Лазаревича, подтвердилъ и помощникъ заводскаго механика; но самъ генералъ-маіоръ Лазаревичъ не сознался въ употребленіи такимъ образомъ техническихъ мастеровъ въ работы свои, отзываясь, что для работъ на винокуренномъ заводѣ нани-

малъ только двухъ мастеровъ на короткое время и платилъ имъ деньги по условію, а о прочихъ отозвался незнаніемъ, показавъ, что они вѣроятно нанимаемы были механикомъ Грейсономъ, который состоялъ тогда при оружейномъ заводѣ и, по порученію Лазаревича, занимался устройствомъ винокуреннаго завода, а впослѣдствіи умеръ.

Кромѣ заводскихъ рабочихъ и мастеровыхъ, генералъ-маіоръ Лазаревичъ употреблялъ въ 1845 и 1846 годахъ старшаго унтеръ-офицера подвижной инвалидной роты, при оружейномъ заводѣ состоящей, Евдокима Алешина, для найма рабочихъ на винокуренный заводъ и для расчета съ ними, для чего Алешинъ, какъ самъ объяснилъ и ротный его командиръ подтвердилъ, отправлялся изъ Тулы на винокуренный заводъ по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, но платы за это никакой не получилъ. Лазаревичъ отозвался, что Алешинъ, считая труды свои маловажными, самъ отказался отъ предложеннаго ему вознагражденія, и Алешинъ подтвердилъ это.

Сообразивъ всѣ сіи обстоятельства генералъ-аудиторіатъ нашелъ генералъ-маіора Лазаревича виновнымъ: въ принятіи на себя перевозки желѣза на коммерческомъ правѣ подъ именемъ чиновниковъ, изъ корыстныхъ видовъ; въ противозаконномъ распоряженіи казеннымъ имуществомъ, которое безотчетно бралъ и употреблялъ въ свою пользу подъ видомъ займа и подъ другими предлогами; въ разрѣшеніи продажи общественныхъ провіантскихъ балагановъ подъ видомъ вѣтхости ихъ, безъ надлежащаго освидѣтельствованія и разрѣшенія начальства, за ничтожную сумму въ сравненіи съ стоимостію ихъ обществу, и въ неблаговидной покупкѣ потомъ этихъ же самыхъ балагановъ для винокуреннаго завода жены своей; въ самовольной продажѣ 10 т. пуд. кусковаго желѣза, отпущеннаго по положенію военнаго совѣта въ пособіе бѣднѣйшимъ оружейникамъ, и въ произвольномъ распоряженіи этими деньгами; въ допущеніи расходованія общественныхъ суммъ оружейниковъ безъ должной отчетности и въ употребленіи—заводскихъ чернорабочихъ, мастеровъ и казенныхъ лошадей въ собственныя работы съ отвлеченіемъ отъ казенныхъ работъ, а унтеръ офицера Алешина для найма на винокуренный заводъ рабочихъ и для расчетовъ съ ними,—въ продолженіи двухъ лѣтъ безъ всякого вознагражденія.

Поэтому генералъ-аудиторіатъ полагалъ:

Генералъ-маіора Лазаревича за вышеизложенныя преступленія, на основаніи 321, 323, 347, 370, 371, 373, 504 и 543 ст. 1 кн. воен. уголов. устава, разжаловать въ рядовые съ лишеніемъ орденовъ, знака отличія безпорочной службы и дворянскаго достоинства.

Но опредѣливъ подсудимому Лазаревичу мѣру наказанія по закону,—генералъ-аудиторіатъ представилъ на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Его Императорскаго Величества прежнюю долговременную и безпорочную его службу, бытность его въ походахъ въ 1813 и 1814 г., и то, что всѣ недостатки, какіе только были по оружейному заводу въ казенномъ имуществѣ, пополнены имъ, и при сдачѣ имъ завода никакихъ уже недостатковъ не оказалось. По симъ уваженіямъ и имѣя въ виду преклонныя лѣта Лазаревича (63 г.), и то, что онъ долгое время находился подъ судомъ и домашнимъ арестомъ, генералъ-аудиторіатъ всеподданнѣйше ходатайствовалъ: о замѣнѣ опредѣленнаго Лазаревичу наказанія по закону тѣмъ, чтобы его, не лишая чиновъ, орденовъ, знака отличія безпорочной службы и дворянскаго достоинства, считать исключеннымъ изъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь въ оную не определять.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему. Царское Село. 2-го октября 1858 г.»

Дѣло о расхищеніи директоромъ канцеляріи «комитета 18 августа 1814 г.»—тайнымъ совѣтникомъ Политковскимъ—болѣе милліона ста тысячъ руб. сер. изъ инвалиднаго капитала *).

Настоящее дѣло составляетъ одну изъ нашихъ «causes célèbres» какъ по громадности суммы, подвергнутой расхищенію

*) Мы изложили это дѣло по возможности въ сжатомъ видѣ, стараясь въ тоже время не упустить ни одного обстоятельства, которое могло бы имѣть вліяніе на его разрѣшеніе или на разъясненіе читателямъ той обстановки, среди которой совершено было самое преступленіе. *Прим. изд.*

(более 1,000,000 р. с.), такъ и по тѣмъ невѣроятнымъ и, можно сказать, баснословнымъ упущеніямъ въ отчетности, въ ревизованіи и храненіи казенныхъ суммъ, которыя были допущены предсѣдателемъ и членами «комитета 18 августа 1814 года», вслѣдствіе чего хищничество казенныхъ денегъ, производимое тайн. сов. Политковскимъ систематически и послѣдовательно съ 1834 г. по 1853 г. въ сообществѣ съ чиновниками канцеляріи, не только не было открыто тѣми лицами, на которыхъ законъ возлагалъ ревизованіе суммъ инвалиднаго капитала, но могло бы продолжаться еще неопредѣленное время и достичь еще громаднѣйшихъ размѣровъ, если бы подсудимые сами не объявили о своемъ преступленіи, по смерти главнаго преступника: тайнаго совѣтника Политковскаго. Послѣдній же избѣгнулъ заслуженнаго наказанія и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, достигнувъ высшихъ степеней отличія на поприщѣ государственной службы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни, проведенной въ самой безумной роскоши.

3-го февраля 1853 года, въ 4 часа по полудни, начальникъ счетнаго отдѣленія «комитета 18 августа 1814 года», коллежскій совѣтникъ Таракановъ, явясь въ квартиру предсѣдателя того комитета генерала У—а, объявилъ ему о растратѣ умершимъ директоромъ означенной канцеляріи, *тайнымъ совѣтникомъ Политковскимъ*, комитетскихъ денегъ, всего 952,500 р. серебромъ. — Утромъ, на другой послѣ того день, генералъ У—ъ довелъ объ этомъ, чрезъ управляющаго военнымъ министерствомъ, до свѣдѣнія Государя Императора.

Его Императорское Величество, въ тотъ же день (4 февраля), Высочайше повелѣть соизволилъ: «строжайшее изслѣдованіе о весьма важныхъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по веденію отчетности и движенію суммъ въ капиталахъ того комитета возложить: на членовъ государственнаго совѣта генералъ-адъютантовъ Анненкова 2-го и Игнатьева 1-го, предсѣдателя комитета военной отчетности тайнаго совѣтника Христіани и членовъ сего комитета».

Коммисія эта въ 12 часовъ утра того же 4 числа приступила къ исполненію возложеннаго на нее порученія. *Первоначальныя распоряженія ея были слѣдующія*: а) къ сундуку, въ

которомъ хранятся комитетскія суммы и денежные документы, кромѣ находившихся на немъ печатей комитета и генерала У—а, приложена печать предсѣдательствующаго въ коммисіи и поставленъ часовой, котораго до того времени при томъ сундукѣ *не* было; б) въ конторкахъ Политковскаго и казначея комитета Рыбкина, находящихся въ канцеляріи комитета, произведенъ осмотръ. Присемъ у Политковскаго ничего замѣчательнаго не оказалось, а у Рыбкина между прочимъ найденъ: конвертъ, запечатанный печатью Политковскаго и надписанный собственною его рукою на имя Николая Павловича Тараканова (начальника счетнаго отдѣленія). По вскрытіи сего конверта въ немъ оказалась собственноручная записка Политковскаго, слѣдующаго содержанія: «*симъ свидѣтельствую, что въ разное время взято «мною заимообразно отъ Ивана Ѳедоровича Рыбкина 930 т. «руб. сереб. — 8 іюля 1851 года*».

Засимъ коммисія для *дальнѣйшаго* исполненія возложенныхъ на нее обязанностей приступила къ розысканіямъ обнаруживающихся по комитету *безпорядковъ* посредствомъ: осмотра комитетскихъ книгъ и вѣдомостей, разсмотрѣнія бумагъ, опечатанныхъ въ квартирахъ подсудимыхъ, и снятія съ подсудимыхъ и со всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ подробныхъ допросовъ.

I. При *осмотрѣ книгъ и вѣдомостей* коммисія имѣла въ виду: обнаружить, какимъ способомъ могъ быть допущенъ недостатокъ казенныхъ суммъ при ежемѣсячномъ ихъ свидѣтельствованіи и опредѣлить сей недостатокъ, хотя приблизительно.

Къ достиженію первой цѣли привело коммисію сличеніе книгъ и составляемыхъ по нимъ вѣдомостей, на усмотрѣніе Его Величества подносимыхъ, съ тѣми вѣдомостями, которыя были представляемы къ ежемѣсячному свидѣтельствованію комитета. Въ сихъ послѣднихъ вѣдомостяхъ, противъ первыхъ и противъ книгъ оказалась разница. Послѣдующія розысканія коммисіи, (какъ будетъ указано ниже), доказали, что къ ежемѣсячному свидѣтельству вѣдомости были представляемы *фальшивыя*.

II. Чтобы опредѣлить цифру растраченныхъ комитетскихъ суммъ, оказалось необходимымъ исчислить: во первыхъ, сколько должно было состоять капиталовъ въ комитетѣ къ 1 января

1853 года *), и во вторыхъ, сколько ихъ было въ дѣйствительности къ этому времени?

Изысканія коммисіи по сему предмету привели къ слѣдующимъ результатамъ:

1) По вѣдомостямъ всего должно было состоять суммъ къ 1-му января 1853 года—4,826,286 р. 40 к. и 20 червонцевъ **).

* Коммисія (какъ видно изъ дѣла) ограничилась исчисленіемъ капиталовъ къ 1-му января 1853 года по той причинѣ, что послѣдняя вѣдомость комитета, всеподданнѣйше представленная Государю Императору, заключала въ себѣ исчисленіе суммъ комитета къ этому времени, и что къ тому же числу подана была канцеляріею комитета послѣдняя *фальшивая* вѣдомость при освидѣтельствованіи членами комитета капиталовъ, оставшихся отъ 1852 года.

**) Въ подробности этотъ расчетъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ книги 1853 года перенесено было остаточныхъ отъ 1852 года, суммъ, всего (безъ раздѣленія наличныхъ денегъ отъ билетовъ кредитныхъ установленій и безъ причисленія процентовъ на сіи послѣдніе) серебромъ 3,176,990 р. 9¾ к. и червонцевъ 20. Въ имѣющейся же особой вѣдомости о билетахъ кредитныхъ установленій значилось, что къ 1-му января 1853 года хранилось въ комитетѣ означенныхъ билетовъ только на сумму 2,272,358 р. 16 к., слѣдовательно остальное показанное количество 904,631 р. 93¾ к., червонцевъ 20, необходимо почитать за наличныя деньги. Сверхъ того, какъ комитетъ при перенесеніи остатковъ въ книги не причислилъ къ билетамъ кредитныхъ установленій наросшихъ на нихъ процентовъ, то коммисія, исчисливъ проценты по подлиннымъ билетамъ, нашла, что къ 1-му января 1853 года наросло таковыхъ процентовъ 312,400 р. 23¼ к. Такимъ образомъ на основаніи упомянутыхъ вѣдомостей въ книги комитета за 1853 годъ перенесено было остатковъ отъ 1852 года: въ билетахъ кредитныхъ установленій 2.272,358 р. 16 к., процентовъ на нихъ 312,400 р. 23¼ к., наличныхъ денегъ 904,631 р. 93¾ к., червонцевъ 20. Итого: серебромъ 3,489,390 р. 33 к., червонцевъ 20.—б) Къ этому слѣдуетъ присоединить: билеты кредитныхъ учрежденій, принадлежащіе комитету, но по установленному порядку хранящіеся въ коммисаріатскомъ департаментѣ и не показываемые по книгамъ комитета, всего по отзыву департамента на сумму 964,662 р. 85½ к. Процентовъ, наросшихъ на оные по 1 января 1853 г., примѣрно, какъ объяснилъ о томъ департаментъ, 254,638 р. 9 к.; всего 4,708,691 р. 27½ к.—в) Сверхъ того, для полнаго счета капиталовъ комитета къ 1-му января 1853 года, должно присовокупить: 1) высланные въ 1851 году изъ канцеляріи военнаго министерства для измайловской военной богадѣльни, но незаписанные въ приходъ по казначейскимъ книгамъ комитета 60,000 р.; 2) отчисленные въ разное время изъ инвалиднаго капитала на покрытіе передержекъ по чесменской и измайловской военнымъ богадѣльнямъ, но непоступившіе въ капиталы сихъ заведеній 57,595 р. 12½ к. Съ которыми и должно было состоять въ комитетѣ къ 1-му января 1853 года — 4,826,286 р. 40 к., червонцевъ 20.

2) *Въ дѣйствительности было суммъ къ 1 января 1853 г.— 3,821,384 р. 66½ к. с. и 20 червонцевъ* *).

Такимъ образомъ по первоначальному вычисленію коммисіи было обнаружено, что противъ 4,826,286 р. 40 к., которые должны были состоять къ 1-му января 1853 года, *недостаетъ 1,004,901 р. 73¾ к.*

Между-тѣмъ отчетность по комитету ведена была съ такими упущеніями, что не смотря на вышеупомянутую растрату денегъ, въ вѣдомости, всеподданнѣйше представленной отъ комитета Государю Императору при докладѣ 13 января 1853 года о количествѣ суммъ комитета, состоящихъ къ 1-му января того года, показано, что всего оставалось 5,126,843 р. 54¼ к. и червонцевъ 20, тогда-какъ въ дѣйствительности къ 1-му января 1853 года должно было состоять въ комитетѣ — только 4,826,286 р. 40 к. и червонцевъ 20, слѣдовательно менѣе противъ вѣдомости, представленной Его Императорскому Величеству,— на 300,557 р. 14¼ к. **).

---

*) Вотъ въ подробности этотъ расчетъ: а) къ свидѣтельству за декабрь мѣсяцъ 1852 г. представлено было казначеемъ: въ билетахъ кредитныхъ установленій, хранящихся въ комитетѣ 2.272,358 р. 16 к., наличныхъ денегъ 17,325 р. 32½ к., червонцевъ 20. Итого серебромъ 2.289,683 р. 48½ к., червонцевъ 20. б) На вышеозначенные билеты слѣдовало присовокупить процентовъ, какъ о томъ объяснено выше, 312,400 р. 23¼ к. Слѣдовательно къ свидѣтельству представлено было 2.602,083 р. 71¾ к. червонцевъ 20. А присоединивъ сюда билеты кредитныхъ установленій, хранящіеся въ коммисаріатскомъ департаментѣ, которые хотя къ свидѣтельству представлены не были, но по отзыву департамента дѣйствительно въ немъ находились, именно: капитальной суммы 964,662 р. 85½ к. процентовъ 254,638 р. 9 к.—составитъ всего капитала, бывшаго на лицо къ 1 января 1853 г. 3.821,384 р. 66¼ к., червонцевъ 20.

**) Разница эта, какъ раскрыто слѣдственной коммисіею, происходила отъ слѣдующихъ причинъ: 1) въ вѣдомости, представленной Государю Императору, включены въ общую сумму долги, которые имѣлъ комитетъ на постороннихъ лицахъ и на чесменской и измайловской военныхъ богадѣльняхъ; въ счетъ же коммисіи долги сіи не вошли, ибо они не могли значиться по шнуровымъ книгамъ. Такихъ долговъ состояло къ 1-му января 1853 года 232,835 р. 7 к., и 2) отъ исчисленія процентовъ комитетомъ примѣрно, тогда какъ коммисія дѣлала исчисленіе съ самою строгою точностію. Разница отъ этого простиралась до 67,722 р. 7¼ к. Итого 300,557 р. 14¼ к.

Но и опредѣленная слѣдственною коммисіею *сумма растраты* различествовала съ первоначальными показаніями прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Они показали, (какъ мы укажемъ ниже), что недостатокъ комитетскихъ суммъ составляетъ 1.120,000 р. По изысканіямъ же коммисіи, недоставало 1.004,901 р. 73³/₄ к. Слѣдовательно менѣе противъ показаній подсудимыхъ на 115,098 р. 26¹/₄ к.

Для разъясненія сей, разности коммисія снова повѣрила расчетъ свой, и для большаго убѣжденія въ вѣрности онаго потребовала повѣрки сего расчета въ ея присутствіи отъ самихъ прикосновенныхъ къ дѣлу чиновниковъ. Послѣдніе, при формальномъ допросѣ, объяснили, что хотя означенный расчетъ, опредѣляющій сумму недостатка въ 1,004,901 рубль 73¹/₄ копѣйки, совершенно вѣренъ, но показывая недостатокъ комитетскихъ суммъ въ 1.120,000 рублей, они подсудимые имѣли еще въ виду слѣдующія суммы, не входившія въ расчетъ коммисіи: а) полученные изъ кредитныхъ установленій по размѣненнымъ въ 1847 году билетамъ общаго инвалиднаго капитала на сумму 228,571 рубль 42³/₄ коп. проценты 102,515 рублей 82 копѣйки, которые по книгамъ въ приходъ (будто бы) не записаны, и б) по билету экономическаго капитала на сумму 10,000 рублей, размѣненному въ 1852 году, проценты 1,128 рублей 46 копѣекъ, также въ приходъ по книгамъ (будто бы) не записанные. — Коммисія, провѣривъ это показаніе съ подлинными книгами и удостовѣрившись изъ нихъ, что обѣ процентныя суммы дѣйствительно по казначейскимъ книгамъ въ приходъ не записаны, присоединила означенныя двѣ суммы къ прежде исчисленному ею недостатку, и такимъ образомъ составился слѣдующій расчетъ объ общемъ недостаткѣ къ 1-му января 1853 года:

Первоначально исчислено было	1.004,901 р.	73³/₄ к.
Присоединено	103,644 »	28 »
Общій итогъ растраты	1,108,546 р.	1³/₄ к.

На допросахъ прикосновенныя къ дѣлу лица объяснили слѣдующее:

Казначей Рыбкинъ: «3-го февраля 1853 года былъ я, съ начальникомъ счетнаго отдѣленія Таракановымъ, у предсѣдателя комитета генерала У—а для открытія безпорядковъ директора Политковскаго, допущенныхъ прежнимъ начальникомъ отдѣленія Василье-

вымъ и бухгалтеромъ Горбуновымъ. Это было въ 4 часа пополудни. Въ 4 часу поѣхалъ я въ домъ дворянскаго собранія, чтобы видѣться съ Таракановымъ; подъѣзжая къ подъѣзду, встрѣтилъ меня Таракановъ, выходящій изъ собранія, и сказалъ мнѣ: поѣдемъ къ предсѣдателю объявить о суммѣ, забранной директоромъ, и пригласилъ вмѣстѣ съ собою ѣхать. По прибытіи къ квартирѣ генерала У—а, я остался у подъѣзда, а Таракановъ пошелъ въ домъ, и, по выходѣ изъ дома, сказавъ мнѣ, что объяснилъ уже предсѣдателю о растратѣ суммы, пригласилъ меня ѣхать къ бухгалтеру Путвинскому. Мы застали Путвинскаго за обѣдомъ съ его семействомъ и пошли съ нимъ въ другую комнату, гдѣ Таракановъ сказалъ Путвинскому о сдѣланномъ имъ предсѣдателю объявленіи. Погоревавъ вмѣстѣ объ этой бѣдѣ, я отъ Путвинскаго поѣхалъ домой, гдѣ нашелъ одно свое семейство: весь вечеръ и слѣдующее утро до прихода въ комитетъ я оставался дома и ни съ кѣмъ изъ посторонних не видался. Содержаніе записки Политковскаго, найденной въ моей конторкѣ въ запечатанномъ конвертѣ, было мнѣ извѣстно. Политковскій бралъ всегда казенныя деньги чрезъ меня изъ суммъ комитетскихъ, всего же къ 1853 году перебрано директоромъ казенныхъ суммъ до 1.120,000 р. серебромъ; разность этой суммы съ исчисленнымъ коммисіею въ недостаткѣ 1.004,000 р. сер. происходитъ вѣроятно отъ того, что по вѣдомостямъ веденъ неправильный счетъ. Разсчетъ коммисіи объ исчисленномъ ею недостаткѣ въ 1.004,000 р., совершенно вѣренъ; но, слѣдуетъ присоединить къ этой суммѣ полученные по билетамъ проценты: а., въ 1847 году 102,515 р. и б., въ 1852 году 1,128 р. 46 к. Политковскій бралъ у меня деньги не по письменнымъ требованіямъ, а всегда лично, при начальникѣ счетнаго отдѣленія, подъ особыя каждый разъ росписки, которыя хранились въ казенномъ денежномъ сундукѣ, обще съ комитетскими деньгами. Вмѣсто сихъ росписокъ Политковскій въ 1851 году выдалъ мнѣ упомянутую общую, которая найдена коммисіею въ моей конторкѣ. Послѣ этой общей росписки, хотя я и давалъ Политковскому деньги, но безъ всякихъ уже росписокъ; но что Политковскій бралъ казенныя суммы, въ томъ свидѣтель начальникъ счетнаго отдѣленія. Въ числѣ захваченныхъ денегъ Политковскій, будучи еще начальникомъ 1-го отдѣленія канцеляріи комитета въ 1834 году, взялъ

у меня заимообразно 26,200 р. ассигнац. возвратилъ изъ оныхъ 21,700 р. асс.; затѣмъ остались невозвращенными 4,500 р. ассигнаціями. По поступленіи же Политковскаго въ должность правителя, а потомъ директора канцеляріи, Политковскій продолжалъ забирать чрезъ меня казенныя суммы уже гораздо въ большемъ размѣрѣ, и именно: въ 1835 году взялъ онъ у меня 51,000 р. ассигн. Въ 1836 году 98,500 р., возвращено мнѣ 75,500 р., затѣмъ осталось невозвращенныхъ 23,000 р. Въ 1837 году взято у меня Политковскимъ 79,500 р. Въ 1838 году забрано было Политковскимъ въ разное время по частямъ, а не вдругъ, 33,000 р. ассигнац. Также и въ четыре лѣтніе мѣсяца 1852 года Политковскій взялъ у меня 42,000 р. сер., по частямъ; изъ нихъ только въ іюнѣ взялъ 7,000 р. разомъ. Хотя я и просилъ Политковскаго дать мнѣ о взятыхъ деньгахъ росписки, но Политковскій, таковыхъ не давая, говорилъ, что эти деньги пополнитъ тогда, когда получитъ отъ Яковлева долгъ. Росписокъ сихъ мы, Рыбкинъ и Таракановъ, не могли допроситься отъ Политковскаго до самой его смерти. Когда я, (вступивъ въ комитетъ на службу въ 1833 году чиновникомъ по счетной части и впослѣдствіи, именно 4 февраля 1834 года, въ должность казначея), замѣтилъ при составленіи вѣдомости о наличной суммѣ, что сумма невѣрна, то на вопросъ о томъ бывшему начальнику счетнаго отдѣленія Васильеву и бухгалтеру Горбунову, получилъ отъ нихъ отвѣтъ: что они знаютъ эту разность. Еще до поступленія Политковскаго въ должность правителя канцеляріи, захваты казенныхъ денегъ были. Захваченныя деньги передавались мною Политковскому, бывшему въ то время начальникомъ 1-го отдѣленія, чрезъ начальника счетнаго отдѣленія Васильева. Недостающія деньги показывались комитету фальшиво въ вѣдомостяхъ — въ числѣ процентовъ, наросшихъ на комитетскіе билеты кредитныхъ учрежденій. Прежнему правителю дѣлъ Волкову (бывшему до Политковскаго) о захватѣ казенныхъ денегъ извѣстно не было. Въ случаѣ пріема или вынутія значительныхъ суммъ, ходилъ со мною на гауптвахту въ комитетскій сундукъ одинъ только бывшій членъ комитета Пезаровіусъ. Кромѣ же случаевъ поступленія или отдачи значительныхъ суммъ, никто изъ членовъ комитета въ повѣрку не входилъ, а съ поступленіемъ Политковскаго въ должность правителя канцеляріи, распоряжался всѣмъ со мною быв-

шій начальникъ счетнаго отдѣленія Васильевъ. Съ 1837 года упомянутая растрата суммъ увеличивалась болѣе и болве, а по отчетамъ и вѣдомостямъ показывалась фальшиво по приказанію Политковскаго; всего же къ 1853 году перебрано директоромъ, какъ выше сказано, до 1.120,000 р. сер. Начальникъ счетнаго отдѣленія, бухгалтеръ и я, мы не открывали сего донынѣ отъ страха. По той же причинѣ боязни я оставилъ въ безгласности ту запечатанную записку, которую Политковскій выдалъ мнѣ въ 1851 году. Политковскій въ казенный сундукъ никогда не ходилъ, а бралъ изъ онаго деньги чрезъ меня. Ключь и печать отъ казеннаго сундука съ деньгами были у меня, и я ходилъ въ сундукъ, вынималъ и клалъ деньги одинъ съ дежурнымъ счетчикомъ. Политковскій требовалъ отъ меня деньги всегда лично при начальникѣ счетнаго отдѣленія; выдаваемыя Политковскому деньги были скрыты отъ комитета и по мѣсячнымъ вѣдомостямъ исключались изъ суммъ, поступавшихъ въ то время въ комитетъ. При мѣсячномъ свидѣтельствѣ, когда я открывалъ сундукъ, изъ членовъ комитета никто къ сундуку не подходилъ; вынувъ сумму и билеты изъ сундука, я клалъ ихъ на столъ. Когда я просилъ директора о пополненіи взятыхъ имъ денегъ, Политковскій говорилъ мнѣ: «подожди, я получу съ Яковлева долгъ, тогда пополню». Съ 1835 года я велъ тетрадь, въ которую вписывалъ выданныя мною Политковскому заимообразно изъ комитетскихъ суммъ деньги. Эта тетрадь въ листъ, была безъ шнура, печати и номеровки листовъ, безъ обертки и заголовка, въ нее вшито было 24 листа. Она была разграфлена такъ: въ одной графѣ означались годъ и мѣсяцъ, въ другой число, въ третьей было вписываемо моею рукою одно только слово: «взято»; въ четвертой я прописывалъ сумму, взятую Политковскимъ. Разграфленныхъ такимъ образомъ полулистовъ было болѣе 20; въ концѣ каждой страницы были подводимы итоги; общій итогъ, составленный мною 28 декабря 1852 года, простиралося до 1,120,000 р. сер. Тетрадь эту видѣли Таракановъ и Путвинскій; имъ сдѣлалось о ней извѣстнымъ съ 1849 года. Путвинскій видѣлъ въ послѣдній разъ эту тетрадь 31 декабря 1852 года въ канцеляріи комитета, подойдя къ моей конторкѣ, (которая была открыта и гдѣ сверху лежала та тетрадь съ перевернутымъ тѣмъ полулистомъ, на коемъ былъ подведенъ общій итогъ). Путвинскій въ это время

тетради въ руки не бралъ, а неосмотрѣвъ на общій итогъ, отошелъ отъ меня. Означенная тетрадь заведена мною по приказанію Политковскаго, и сожжена мною въ каминѣ, въ присутственной комнатѣ комитета, причемъ свидѣтелей никого не было. Она постоянно хранилась въ моей конторкѣ. Надежды мои на пополненіе извѣстнымъ капиталистомъ Яковлевымъ забранныхъ Политковскимъ казенныхъ денегъ, основывались на вышеприведенномъ удостовѣреніи самого Политковскаго и на словахъ Тараканова, что онъ видѣлъ у директора письмо Яковлева. Самому мнѣ Политковскій письма Яковлева не показывалъ и содержанія онаго не объяснялъ; о содержаніи этого письма и Таракановъ мнѣ не передавалъ. Я никогда Яковлева не видалъ и ни о какихъ отношеніяхъ между Политковскимъ и Яковлевымъ мнѣ извѣстно не было. Сколько именно Яковлевъ былъ долженъ Политковскому, я не знаю, и сколько обѣщалъ Политковскому денегъ, ни отъ кого никогда не слыхалъ. Общее нарушеніе порядка по дѣлопроизводству и счетоводству комитета заключалось въ томъ, что по вѣдомостямъ счетъ былъ веденъ неправильный; полученные изъ кредитныхъ установленій на капиталы комитета проценты по билетамъ не были записываемы по книгамъ на приходъ и мнѣ не было даваемо никакихъ предписаній, напримѣръ: о сочтенныхъ мною обще съ Таракановымъ и Путвинскимъ процентахъ (къ составленію общаго итога, признаваемаго нами недостатка суммъ до 1.120,000 р. сер.) въ 1847 году — 102,515 р. 82 к. и въ 1852 году — 1,128 р. 46 к. Главный же безпорядокъ, извѣстный мнѣ, относился собственно до ввѣренной мнѣ части, т. е. вклада, храненія и выниманія казенныхъ суммъ. Выше объяснено, что ключъ и печать отъ денежнаго сундука были на моихъ рукахъ, что я ходилъ въ сундукъ, вынималъ и клалъ деньги одинъ только со счетчикомъ; что при мѣсячныхъ свидѣтельствахъ, когда я открывалъ сундукъ, никто изъ членовъ комитета къ сундуку не подходилъ и я, вынувъ сумму и билеты изъ сундука, клалъ ихъ на столъ; вообще по этой части, съ самаго поступленія моего въ комитетъ на службу, порядка никакого не было и какъ при Политковскомъ, такъ и при бывшемъ правителѣ дѣлъ Волковѣ, я ходилъ въ казенный сундукъ одинъ съ дежурнымъ счетчикомъ. Деньги при полученіи въ комитетъ всегда клались въ тотъ же день въ сундукъ и за-

писывались приходомъ въ кассный журналъ; отчетность же о всѣхъ вообще суммахъ составлялась не мною, а въ отдѣленіи. Отношенія въ кредитныя учрежденія о выдачѣ капиталовъ и процентовъ подписывались или отъ имени комитета однимъ изъ членовъ онаго, или отъ канцеляріи директоромъ, смотря по тому, отъ комитета или канцеляріи внесенъ былъ тотъ капиталъ, который требовался обратно. Проценты и капиталы по билетамъ получалъ всегда я. Отъ Политковскаго получилъ я въ разное время всего до 47,000 р. сер., и полученныя мною деньги хранятся въ билетахъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта, всѣ на имя неизвѣстнаго, внесенные въ разное время. Билеты сіи хранятся въ бѣломъ, небольшомъ ящикѣ у двоюродной сестры моей жены, дочери губернскаго секретаря Ѳедотова, Анны Семеновой, живущей въ Галерной улицѣ, въ домѣ генеральши Лизогубъ, при дѣтяхъ; сколько именно билетовъ и за какими номерами, не помню; сверхъ билетовъ хранятся въ томъ же ящикѣ кредитными билетами до 1,000 р. и собственныхъ моихъ денегъ полуимперіаловъ до 100 штукъ, которые я отлагалъ изъ получаемаго жалованья. Кромѣ объявленныхъ денегъ, находящихся у Ѳедотовой, ни я, ни жена моя не имѣемъ никакихъ другихъ способовъ и средствъ къ уплатѣ падающаго на меня взысканія».

Начальникъ счетнаго отдѣленія Таракановъ объяснилъ: «3 февраля, въ 4 часа по полудни, у предсѣдателя я былъ одинъ, но ѣздилъ къ нему вмѣстѣ съ казначеемъ, съ которымъ встрѣтился при выходѣ изъ дворянскаго собранія. Я объявилъ генералу У—у о растратѣ Политковскимъ денегъ; объяснялъ ему о неправильности свидѣтельствъ, дававшихъ Политковскому возможность растрачивать казенныя суммы. Съ тѣмъ вмѣстѣ я говорилъ генералу У—у, что эти безпорядки были только до вступленія моего въ должность начальника отдѣленія; но эти послѣднія слова, какъ сказанныя необдуманно, въ страхѣ за будущее, несправедливы. Болѣе же сего, что я говорилъ, не помню. Растраченная сумма простирается до 1.120,000 р. сер., но генералу У—у я доложилъ о растратѣ 950,000 рубл. Растрата Политковскимъ казенныхъ суммъ сдѣлана въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и даже съ самаго назначенія его директоромъ, но не вдругъ, а каждогодно. Растрата сдѣлалась мнѣ извѣстною въ 1849 году, при повѣркѣ книгъ и предписаній казначею. Къ рас-

крытію этихъ растратъ способствовали частные счеты, оставшіеся послѣ моихъ предмѣстниковъ: статскаго совѣтника Васильева и коллежскаго совѣтника Горбунова (умершихъ), найденные въ ихъ бумагахъ. Прежде 3 февраля я не докладывалъ бывшему предсѣдателю о растратѣ, не говорилъ объ ней никому изъ служащихъ въ комитетѣ и никто объ ней не зналъ, кромѣ меня, казначея Рыбкина и бухгалтера Путвинскаго. Записка въ захватѣ 930,000 р., найденная въ конторкѣ казначея, выдана Политковскимъ вслѣдствіе неоднократныхъ моихъ требованій. Требованія сіи дѣлалъ я наединѣ, въ кабинетѣ. Такія же требованія дѣлаемы были и Рыбкинымъ. Кромѣ представленныхъ записокъ, я не имѣю никакихъ счетовъ, которые могли бы служить доказательствомъ, что Политковскій дѣйствительно взялъ непоказанную въ запискѣ, сверхъ 930,000 р., казенную сумму; не смотря на всѣ старанія, я не могъ получить росписки въ суммѣ, полученной Политковскимъ въ послѣднее время, послѣ захвата 930,000 р. удостовѣреннаго роспискою. Не объявлялъ я прежде о безпорядкахъ, потому что жалѣлъ Политковскаго, имѣя въ виду сдѣланное имъ при принятіи мною должности, (отъ которой я отказывался), клятвенное обѣщаніе о пополненіи всего. Я повѣрилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что Политковскій не подвергнетъ меня отвѣтственности за свой проступокъ. При свидѣтельствѣ суммъ я никогда не бывалъ, былъ при томъ одинъ казначей, а докладывалъ самъ Политковскій. По какимъ правиламъ къ свидѣтельству суммъ требовались комитетомъ не книги, а вѣдомости, я не знаю, и кѣмъ введенъ этотъ порядокъ, мнѣ неизвѣстно. Подробной записки о растраченной суммѣ я никогда не имѣлъ и не дѣлалъ. Однажды дѣлалъ я для Политковскаго выписку о взятой имъ суммѣ изъ тетради казначея. Эта выписка оставлена была Политковскимъ у себя. Кромѣ сего подобныхъ счетовъ я не велъ, и потому сколько и когда именно выдавалось Политковскому денегъ, мнѣ неизвѣстно, тѣмъ болѣе что многія изъ таковыхъ выдачъ были дѣлаемы въ небытность мою въ комитетѣ по болѣзни и другимъ обстоятельствамъ. При неоднократныхъ и настоятельныхъ требованіяхъ пополненія захваченныхъ суммъ, Политковскій клятвенно завѣрялъ мнѣ, что исполнитъ сіе при полученіи долга отъ Яковлева. Отношенія свои къ Яковлеву, Политковскій объявилъ мнѣ, при тре-

бованіи уплаты и показывалъ письмо Яковлева, въ которомъ было сказано, что тотъ не можетъ прислать денегъ. Никакихъ сношеній Политковскаго съ Яковлевымъ чрезъ меня не происходило, никакихъ между ними порученій ни письменныхъ, ни изустныхъ, касающихся до денежныхъ расчетовъ, я не исполнялъ. Титулярнаго совѣтника Яковлева вовсе не знаю, и никогда его не видалъ. О письмѣ Яковлева я сказалъ Рыбкину и Путвинскому. Показывалъ ли имъ это письмо Политковскій, я не знаю. По увѣренію Политковскаго, я говорилъ Путвинскому, что Яковлевъ долженъ директору канцеляріи два милліона рублей серебромъ. Это увѣреніе Политковскаго дано было мнѣ при чтеніи помянутаго письма. — Злоупотребленія не открывались при свидѣтельствованіяхъ суммъ комитетомъ по той причинѣ, что комитетъ *не требовалъ книгъ*, а только представлялась оному особая вѣдомость, составляемая казначеемъ. Дѣйствительный недостатокъ можетъ обнаружиться ясно, если взявъ книги, отдѣлить билеты отъ наличной суммы. Ключъ отъ сундука и печать, коею оный былъ запечатанъ, находились у казначея. Вынималъ и клалъ деньги одинъ казначей, а съ какого времени этотъ порядокъ заведенъ, я не знаю. Касательно передачи отъ Политковскаго денегъ вдовѣ бывшаго бухгалтера Горбунова, я помню, что Политковскій отдалъ мнѣ въ своей квартирѣ 500 р., приказавъ отвезти къ означенной вдовѣ. По смерти Горбунова, Политковскій былъ самъ у нея, обѣщалъ не оставлять ее въ нуждахъ и обезпечить своего крестника (сына Горбунова). Кромѣ того Политковскій посылалъ ей нѣсколько разъ отъ 100 до 500 р. сер., исходатайствовалъ разрѣшеніе комитета о выдачѣ ей ежегодной суммы, причитающейся за воспитаніе во 2-й гимназіи 2-хъ сыновей. Сколько мнѣ извѣстно, Политковскій обѣщался обезпечить 15,000 р. сер. вдову Горбунову и сдѣлалъ сіе обѣщаніе, какъ я полагаю, изъ опасенія, чтобы Горбуновъ (вышедшій до смерти своей въ отставку) не открылъ его распоряженій денежными суммами комитета. Отъ Политковскаго я денегъ никогда не получалъ, а жилъ тѣмъ небольшимъ состояніемъ, которое имѣлъ отъ отца.»

Старшій бухгалтеръ Путвинскій показалъ слѣдующее: «узнавъ о смерти Политковскаго, я просилъ начальника счетнаго отдѣленія довести до свѣдѣнія предсѣдателя о растратѣ суммъ; на-

чальникъ отдѣленія отвѣчалъ, что самъ имѣетъ это намѣреніе. 3 февраля 1853 г., съ 10 часовъ утра до 4 по полудни, я находился, вмѣстѣ съ начальникомъ отдѣленія Таракановымъ и столоначальникомъ Острогорскимъ, въ домѣ дворянскаго собранія для повѣрки вещей лотереи аллегри; во 2 или въ 3 часу прибылъ туда начальникъ отдѣленія Вороновскій и объявилъ Тараканову, что предсѣдатель комитета приказалъ ему прибыть къ себѣ къ 4 часамъ по полудни, куда онъ и отправился, а я поѣхалъ домой. Въ 5 часовъ, или въ началѣ 6, Таракановъ и Рыбкинъ пріѣхали ко мнѣ во время моего обѣда. Я вышелъ съ ними въ другую комнату, гдѣ Таракановъ сказалъ мнѣ, что вслѣдствіе моего съ нимъ разговора, онъ объявилъ предсѣдателю о недостаткѣ суммъ. О растратѣ суммъ мнѣ сдѣлалось извѣстно въ 1849 году, когда, за выбытіемъ старшаго бухгалтера, назначенъ я былъ исправлять его должность. Составляя отчетъ за 1848 годъ для государственнаго контроля, я убѣдился, что долженъ быть недостатокъ, и совѣщался объ этомъ съ начальникомъ счетнаго отдѣленія; тогда мы вновь перевѣрили книги и бухгалтерскіе счеты. Это повело къ тому, что наличная сумма въ дѣйствительномъ ея остаткѣ отдѣлена была отъ билетовъ, но сколько оной хранилось у казначея, мнѣ не было извѣстно, а показывалось по вѣдомостямъ менѣе. Я просилъ начальника счетнаго отдѣленія принять свои мѣры, но тотъ отвѣчалъ, что говорилъ объ этомъ директору, который бралъ у казначея деньги, и директоръ просилъ обождать, обѣщаясь въ скорости пополнить, имѣя возможность получить долгъ съ Яковлева. При составленіи отчета за 1849 годъ, Политковскій не приказалъ мнѣ показывать въ числѣ наличной суммы процентовъ. По книгамъ же и по бухгалтерскимъ счетамъ она значится. Обстоятельство это дало мнѣ право заключить, что директоръ дѣйствительно заимствуетъ у казначея деньги. Ключъ и печать отъ сундука хранились у казначея Рыбкина. Для вклада и вынимація казенныхъ денегъ, ходилъ онъ одинъ со счетчикомъ канцеляріи. Порядокъ этотъ я засталъ при поступленіи моемъ на службу въ 1840 г. въ канцелярію комитета. Во все продолженіе службы моей въ канцеляріи не случилось ни разу, чтобы Политковскій требовалъ у казначея Рыбкина деньги при мнѣ. Взята ли была Политковскимъ (кромѣ 930 тыс. руб., въ которыхъ онъ выдалъ ро-

списку), остальная недостающая сумма, доказательствъ представить я не могу. Требованія Политковскаго у казначея денегъ производились совершенно безъ моего вѣдома, и сколько казначей выдавалъ, оставалось для меня вовсе неизвѣстнымъ. Котораго именно числа видѣлъ я тетрадь, веденную казначеемъ Рыбкинымъ о суммахъ, взятыхъ Политковскимъ, и хранившуюся въ конторѣ Рыбкина, припомнить не могу; послѣдній же разъ я видѣлъ эту тетрадь у себя въ квартирѣ 13 января. Тетрадь эта сшита была въ листъ, болѣе нежели изъ дести, безъ шнура, печати и нумеровки листовъ, заголовка никакого не имѣлось, листы разграфлены были такъ: въ 1-й графѣ означались годъ, мѣсяцъ и число, во 2-й собственною рукою казначея «взято», въ 3-й цифра взятой суммы. Итоги были подводимы Рыбкинымъ послѣ каждой выдачи. Гдѣ нынѣ находится эта тетрадь, мнѣ неизвѣстно. Тетрадь эта постоянно хранилась въ конторкѣ Рыбкина, находящейся въ канцеляріи. Общій итогъ означенной тетради простирался до 1.120,000 руб. сер. По какое же дѣйствительно число былъ подведенъ итогъ, положительно не знаю. Она велась Рыбкинымъ по распоряженію Политковскаго, который о всякой выдачѣ ему денегъ справлялся въ той тетрадѣ. О долгѣ Яковлева Политковскому до 2-хъ мил. руб. сер., мнѣ первоначально сообщилъ начальникъ отдѣленія Таракановъ, передавая мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Политковскій обнадежилъ его въ скоромъ времени уплатить весь свой долгъ въ казну. Отношенія Политковскаго къ Яковлеву мнѣ совершенно неизвѣстны. Я слышалъ только отъ Тараканова, что онъ видѣлъ у Политковскаго записки Яковлева. Содержаніе этихъ записокъ мнѣ неизвѣстно, но какъ рѣчь шла въ то время о деньгахъ, то я и полагалъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ относящееся къ долгу. Самъ же я никогда не читалъ переписки Яковлева съ Политковскимъ, и было ли о ней извѣстно кому либо въ комитетѣ — не знаю. Всѣ суммы, получаемыя казначеемъ, какъ изъ кредитныхъ установленій, такъ и изъ другихъ мѣстъ, вписывались въ его журналъ. Записаны ли въ приходъ по отношенію заемнаго банка 11,128 р. 46 к. сер., найденному въ бумагахъ Политковскаго, мнѣ неизвѣстно. Изъ канцеляріи комитета нѣкоторые подлинные документы были взяты мною для свѣдѣнія и повѣрки исчисленныхъ мною процентовъ. Почему нѣкоторыя подлинныя бумаги кре-

дитныхъ установленій объ отпускѣ суммъ хранились у Политковскаго и чѣмъ онъ руководствовался, оставляя ихъ у себя, мнѣ неизвѣстно, какъ и то были ли онѣ доложены комитету. Знаю только, что бумаги подобнаго содержанія вообще комитету не докладывались. Согласно правиламъ кредитныхъ установленій отношенія о выдачѣ капиталовъ и процентовъ подписывались: или отъ имени комитета однимъ изъ членовъ онаго, или отъ канцеляріи бывшимъ директоромъ Политковскимъ, смотря по тому, отъ комитета или канцеляріи внесенъ былъ тотъ капиталъ, который обратно требовался. Полученіе по билетамъ капиталовъ и процентовъ довѣрялось казначею. Денегъ отъ Политковскаго я не получалъ, исключая для передачи вдовѣ чиновника Васильева (бывшаго начальника отдѣленія въ канцеляріи комитета), получавшей по 50 р. сер. въ мѣсяцъ, и, какъ мнѣ извѣстно отъ самой вдовы Васильевой, деньги эти составляли обѣщанное отъ Политковскаго пособіе, впредь до выхода дочери ея въ замужество.»

Два начальника отдѣленія канцеляріи комитета: статскіе совѣтники *Вейдель* и *Вороновскій*, экзекуторъ коллежскій ассесоръ *Александровъ* и всѣ прочіе чиновники той канцеляріи единогласно показали,—что имъ о злоупотребленіяхъ и растратѣ по капиталамъ комитета до 4 февраля 1853 года извѣстно не было.

Помощникъ казначея канцеляріи комитета коллежскій секретарь *Петровъ*, экзекуторъ каллежскій ассесоръ *Александровъ* и бухгалтеръ надворный совѣтникъ *Старковъ*, объяснивъ подробно порядокъ, соблюдаемый въ той канцеляріи на счетъ отправленія и пріема казенныхъ денегъ, удостовѣрили, что они не замѣчали, чтобы порядокъ, установленный закономъ для сего, былъ когда либо нарушаемъ въ комитетѣ.

Счетчики той канцеляріи *Дмитріевъ* и *Ѳедоровъ* показали, что они ничего не вѣдали о расхищеніи комитетскихъ суммъ. Казначей всегда ходилъ въ денежный сундукъ съ однимъ изъ нихъ. Бралъ ли казначей 3 или 4 февраля изъ сундука значительныя суммы, бывшій въ это время съ нимъ счетчикъ Ѳедоровъ не замѣтилъ. Дмитріевъ добавилъ, что въ послѣднихъ числахъ января получилъ отъ казначея двѣ тетради, чтобы положить гдѣ нибудь въ отдѣленіи, но онъ вложилъ ихъ въ столикъ, рядомъ съ конторкою казначея. Будучи послѣ того посланъ для

перевозки вещей въ домъ дворянскаго собранія по устройству лотереи въ пользу инвалидовъ, онъ, по возвращеніи оттуда послѣ 5 февраля, тетрадей тѣхъ въ столикѣ не нашелъ и полагалъ, что онѣ взяты казначеемъ.

Фельдфебель команды нижнихъ чиновъ, состоящихъ при комитетѣ, *Диненко* объявилъ также, что о недостачѣ казенныхъ суммъ ему ничего не было извѣстно, и что съ казначеемъ ходили въ денежный сундукъ счетчики; онъ же при этомъ никогда не былъ.

Вдова бывшаго начальника отдѣленія, статская совѣтница *Марья Васильева*, показала: что въ 1840 году мужъ ея далъ Политковскому, безъ всякого документа въ займы 10 тыс. руб. ассигнаціями. Послѣ смерти мужа ея, съ 1849 по 1853 годъ, Политковскій въ уплату вышеозначенной суммы, имъ взятой, присылалъ къ ней съ чиновникомъ Путвинскимъ раза три или четыре въ годъ, деньги, не болѣе 50 рублей въ каждый разъ. Сверхъ того съ половины 1851 года по ноябрь 1852 года Политковскій платилъ за квартиру, нанимаемую Васильевою, по 350 руб. сер. въ годъ. Деньги за квартиру Политковскій отдавалъ не ей, а управляющему домомъ Жадимировскаго (2 части, 1 квартала) Ѳедору Яковлеву. Кромѣ сего никакихъ отъ Политковскаго суммъ она Васильева не получала. При жизни мужа ея, Политковскій нисколько не уплатилъ изъ взятой отъ него суммы (10 тыс. руб. ассиг.), а она получила разновременно въ счетъ сей суммы 1 тыс. руб. сер. О растратѣ Политковскимъ казенныхъ суммъ ей Васильевой совершенно неизвѣстно и отъ мужа своего она никогда объ этомъ не слыхала.

Вдова бывшаго бухгалтера коллежскаго совѣтника Горбунова, *Катерина Горбунова*, объяснила: что послѣ кончины мужа, послѣдововшей 24 іюля 1849 года отъ холеры, она получала въ разное время по 200, по 250 и не болѣе 500 руб. отъ Политковскаго. Всего получила до 2,450 руб. сер. Изъ какихъ денегъ производились ей эти выдачи, она не знаетъ, и получая, думала что Политковскій выдаетъ ихъ изъ собственныхъ. При кончинѣ своей, мужъ ея сказывалъ ей, что Политковскій обѣщалъ ему дать 15 тыс. руб. сер. Политковскій подтвердилъ ей это увѣреніе при гробѣ мужа. Причины этой денежной выдачи она не знаетъ; извѣстно ей только, что съ этой суммы Политковскій

считалъ 600 руб. процентовъ, которые съ пенсіономъ мужа составили бы полный окладъ комитетскаго жалованья.

Проживающая при дѣтяхъ генеральши Лизогубъ, *дочь губернскаго секретаря Анна Ѳедотова* показала: что родная сестра жены Рыбкина принесла къ ней въ ея комнату безъ свидѣтелей бѣлый ящикъ, (взятый отъ нея впослѣдствіи коммисіею), и просила его поберечь. Какого именно числа сіе было, не помнитъ; что̀ въ этомъ ящикѣ находилось, не знаетъ; ключа къ оному не имѣла. Какъ прежде, такъ и теперь никакихъ вещей и денегъ, Рыбкину принадлежащихъ, не имѣетъ. При полученіи ящика она Ѳедотова не знала о смерти Политковскаго, никакихъ подозрѣній не имѣла, и не почитала за важность поберечь собственность своихъ родныхъ. Прежде сего Рыбкины никакихъ денегъ, документовъ и вещей ей не давали; теперь таковыхъ, имъ принадлежащихъ, не имѣетъ.

Родная сестра Рыбкиной, двоюродная сестра вышеупомянутой Анны Ѳедотовой, дочь титулярнаго совѣтника *Александра Ѳедотова* отозвалась, что недѣли за три передъ симъ, (но когда именно не помнитъ), Рыбкина, у которой она проживаетъ, отдала ей бѣлый ящикъ и сказавъ, что оный заключаетъ билеты, приказала отнести на сохраненіе къ вышеупомянутой Аннѣ Ѳедотовой. Сколько билетовъ было въ ящикѣ и были ли въ ономъ деньги, ей неизвѣстно. Ключа отъ ящика не получала и, гдѣ оный находится, не знаетъ. Отдавая Аннѣ Ѳедотовой ящикъ, она сказала ей только, что сестра прислала ей этотъ ящикъ на сохраненіе, не объявляя, что̀ въ ономъ находится.

Не замѣтивъ при осмотрѣ кабинета Политковскаго цѣнныхъ вещей, коммисія спрашивала пристава исполнительныхъ дѣлъ с.-петербургской полиціи той части, гдѣ квартировалъ Политковскій: не извѣстно ли ему чего о вывозѣ или передачѣ кому какихъ либо цѣнныхъ вещей изъ квартиры Политковскаго? Приставъ Лукомскій отозвался, что свѣдѣнія сего въ виду нѣтъ, но что объ этомъ долженъ знать бывшій дворецкимъ у Политковскаго, мѣщанинъ Егоръ, выбывшій съ тѣломъ умершаго Политковскаго въ мышкинскій уѣздъ.

Спрошенные между тѣмъ наличные люди, находившіеся въ услуженіи у Политковскаго, показали:

Мѣщанинъ Иванъ Николаевъ,—что еще за недѣлю или ранѣе до кончины Политковскаго, ежедневно, по нѣсколько разъ были выносимы изъ квартиры Политковскаго, по распоряженію его племянника чиновника Александра Политковскаго и дворецкаго Егора Яурова, вещи и отвозимы кучерами Иваномъ Аѳанасьевымъ, Авдѣемъ Павловымъ и Алексѣемъ Назаровымъ.

Крестьянинъ Иванъ Аѳанасьевъ,—что наканунѣ своей смерти Политковскій городскія сани съ лошадью оставилъ у адъютанта; большой коммодъ съ бѣльемъ вечеромъ въ день смерти Политковскаго перенесенъ къ теткѣ Политковскаго госпожѣ Степановой.

Крестьянинъ Авдѣй Павловъ,—что въ день смерти Политковскаго племянникъ его Александръ Политковскій увезъ въ свою квартиру два узла съ вещами.

Крестьянинъ Алексѣй Назаровъ,—что за нѣсколько дней до смерти Политковскаго отвезъ два узла съ вещами въ квартиру племянника Политковскаго; за день же или за два передъ его смертію, двухмѣстная карета, съ двумя лошадьми, оставлены у г. Волкова — владѣльца дома въ Большой Конюшенной улицѣ, а полу-коляска съ двумя лошадьми взяты братомъ жены Политковскаго Маркеловымъ.

Независимо отъ показаній означенныхъ людей, полученъ коммисіею по городской почтѣ отъ неизвѣстнаго 16 февраля доносъ, что разная мебель, зеркала и столовые часы, послѣ смерти Политковскаго были перевезены по ночамъ къ экзекутору комитета, коллежскому ассесору Александрову и вскорѣ отъ него, неизвѣстно куда, отправлены. Экзекуторъ *Александровъ* въ дополненіе прежнихъ своихъ показаній объявилъ, что вдова Политковская, по случаю отъѣзда ея для сопровожденія тѣла мужа, просила его, Александрова, взять на сохраненіе бронзовые часы, которые и были имъ взяты. Въ тотъ же день, въ небытность его въ квартирѣ, Политковская прислала къ нему еще зеркало, деревянную балюстраду съ рѣшеткою и письменный столъ. Опасаясь за принятіе сихъ вещей отвѣтственности, онъ, по совѣту начальника отдѣленія Вороновскаго, на другой же день возвратилъ тѣ вещи Политковской съ сторожемъ Кондратьемъ

Кандовымъ *). *Вороновскій* показалъ, что дѣйствительно совѣтовалъ Александрову возвратить означенныя вещи.

Засимъ показали: *Кандовъ*—что топилъ печи и подметалъ комнаты у Политковскаго. Послѣ смерти Политковскаго отвозилъ съ кучеромъ Алексѣемъ занавѣски съ двухъ комнатъ и сопровождалъ: карету къ г. Волкову, двухъ лошадей—къ г-жѣ Бальяни; зеркало, бюро, мозаиковый столъ, занавѣски съ кабинета г. Политковской, нѣсколько лампъ стѣнныхъ и два столика—къ г. Шелеховой; ройяль къ г-жѣ Боде, обучавшей музыкѣ дочь Политковскаго. Кромѣ того изъ квартиры Александрова отвозилъ къ Политковской, а отъ нея къ г-жѣ Степановой принадлежащіе Политковскимъ: столовые часы, зеркало, деревянную горку съ рѣшеткою и столъ. Болѣе о переноскѣ или вывозѣ вещей Политковскаго, какъ и о захватѣ имъ казенныхъ суммъ, ничего не знаетъ.

Маховичъ и *Дмитріевъ*—что находясь на дачѣ Политковскаго, занимались: первый, перепискою бумагъ, второй, подметалъ садъ и топилъ печи. О передачѣ кому либо денегъ, вещей или документовъ Политковскаго и о захватѣ имъ казенныхъ суммъ, ничего не вѣдали.

Спрошенный, по найденнымъ въ бумагахъ Политковскаго письмамъ, извѣстный капиталистъ *титулярный совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ* далъ слѣдующее письменное объясненіе: «Сколько помнитъ года четыре тому назадъ Политковскій, на словахъ, просилъ ссудить ему на нѣкоторое время билеты государственнаго казначейства (серіи) для размѣна, т. е. что онъ чрезъ нѣсколько дней доставитъ ему деньги вмѣсто билетовъ, которые ему нужны на весьма короткое время для представленія въ комитетъ, въ чемъ онъ на другой же день, на словахъ, ему отказалъ. Одинъ только разъ давалъ онъ Политковскому, при выходѣ его дочери въ замужество, въ займы 80 тыс. рублей, но и тѣхъ Политковскій ему не уплатилъ. У Политковскаго взаймы денегъ никогда не бралъ, былъ однакожъ долженъ ему по картамъ лѣтъ десять тому назадъ около ста

*) Сторожъ «комитета 18 августа 1814 года» Кандовъ, постоянно, съ 1841 года проживалъ у Политковскаго. У него же постоянно жили на дачахъ: съ 1839 по 1850 годъ писарь Маховичъ и съ 1841 по 1850 годъ счетчикъ Дмитріевъ.

или нѣсколько болѣе тысячъ рублей серебромъ, безсрочно, съ платою по восьми процентовъ. Сумма эта давно выплачена, но не Политковскому, а по переводу тайному совѣтнику Петру Дмитріевичу Норову. Болѣе никакихъ переводовъ Политковскимъ денегъ, а также покупокъ имъ на чужое имя имѣній, кромѣ дома, купленнаго имъ въ приданое дочери, и никакихъ обстоятельствъ, показывающихъ или наводящихъ сомнѣніе на захватъ Политковскимъ казенныхъ суммъ—не знаетъ. Касательно показанія чиновниковъ, соучастниковъ Политковскаго въ расхищеніи казенныхъ суммъ, будто бы они были обнадежены въ пополненіи тѣхъ суммъ письмомъ его, Яковлева, которое одинъ изъ нихъ видѣлъ, онъ Яковлевъ утверждаетъ, что показаніе это ложно, и что онъ никогда подобнаго письма не писалъ.»

При этомъ объясненіи Яковлевъ представилъ: а) письмо Политковскаго 28 ноября 1848 года, коимъ онъ просилъ Яковлева поручиться въ уплатѣ займа у доктора Габерзанга на годъ 35 тыс. руб., крайне нужныхъ ему Политковскому по случаю выхода дочери его въ замужество; б) письмо Габерзанга 29 ноября 1848 года, чтобы Яковлевъ увѣдомилъ его о поручительствѣ за Политковскаго; в) росписку Политковскаго 2 декабря 1848 года, что занятые имъ у доктора Франка 45 тыс. рублей и у статскаго совѣтника Габерзанга 40 тыс. рублей, за поручительствомъ Яковлева, будутъ уплачены въ срокъ; г) двѣ сохранныя росписки, данныя Яковлеву Политковскимъ 4 августа 1844 года и 14 января 1850 года, въ томъ, что Политковскій получилъ отъ Яковлева на сохраненіе 40 тыс. рублей, впредь до востребованія, — и д) три векселя, данные Политковскимъ 20 іюля 1848 года, въ займѣ у статскаго совѣтника Франка 45 тыс. рублей серебромъ, за поручительствомъ Яковлева, которые имъ и уплачены.

Окончивъ допросы прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, слѣдственная коммисія предъявила «комитету 18 августа 1814 года» слѣдующія, усмотрѣнныя ею, *отступленія комитета отъ законнаго порядка*, очевидно способствовавшія растратѣ казенныхъ суммъ: а) въ большей части шнуровыхъ книгъ не было ни ежемѣсячныхъ, ни годовыхъ свидѣтельствъ и подписей, и не смотря на отзывъ, сдѣланный въ 1849 году государственному контролю предсѣдателемъ комитета, что требуемое свидѣтельство бу-

детъ установлено съ 1850 года, не оказалось онаго въ книгахъ 1850, 1851 и 1852 годовъ, и даже въ семъ послѣднемъ году самые итоги подведены карандашемъ. б) Казначей, имѣя ключъ отъ денежнаго сундука и печать комитета на своихъ рукахъ, ходилъ въ сундукъ одинъ, безъ всякого надзора. в) Комитетъ производилъ срочныя повѣрки не по шнуровымъ книгамъ и документамъ, а по вѣдомостямъ, *фальшиво* составленнымъ. Эти вѣдомости не согласовались ни съ шнуровыми книгами, ни съ вѣдомостями, представляемыми Государю Императору. Онѣ были составлены каждый разъ, по личному усмотрѣнію директора канцеляріи, соображаясь съ дѣйствительнымъ состояніемъ капиталовъ, остававшихся за произведенною уже растратою казенныхъ суммъ. Изъ сего очевидно, что члены комитета, повѣряя *со всею добросовѣстностію* билеты и наличныя суммы по одной вѣдомости, представляемой директоромъ, не замѣчали растраты комитетскихъ суммъ, которая между тѣмъ годъ отъ году увеличивалась.

На это комитетъ отозвался, что упомянутыя замѣчанія, сдѣланныя коммисіею о допущенныхъ отступленіяхъ отъ правилъ счетоводства и вкравшихся злоупотребленіяхъ,—комитетъ признаетъ совершенно справедливыми, и не дозволяя себѣ никакихъ оправданій, пріемлетъ долгомъ объяснить только слѣдующее: довѣренность, постоянно оказываемая бывшему директору канцеляріи тайному совѣтнику Политковскому*) всѣми председательствовавшими и членами какъ прежнихъ, такъ и нынѣшняго со-

*) Мы считаемъ не безъинтереснымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о личности главнаго преступника: тайный совѣтникъ *Политковскій* происходилъ изъ дворянъ, воспитывался въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ. По окончаніи въ ономъ курса наукъ, въ 1821 году опредѣленъ въ цензурный комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ и былъ производитель дѣлъ того комитета. Въ 1828 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1829 г., назначенъ состоять при бывшемъ главномъ штабѣ по военному поселенію. Въ 1831 г. поступилъ начальникомъ 1-го отдѣленія канцеляріи «комитета 18 августа 1814 года». Въ іюнѣ 1835 г. назначенъ правителемъ канцеляріи того комитета. Въ 1836 году пожалованъ каммергеромъ. Въ 1839 году, по вновь утвержденному штату «комитета 18 августа 1814 года», наименованъ директоромъ канцеляріи комитета. Имѣлъ ордена: св. Анны 1-й ст., св. Станислава 1-й ст. и св. Владиміра 3-й ст. и знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ.

става, равно неопытность председателя и членовъ въ формахъ, установленныхъ для отчетовъ,—вовлекли ихъ въ упущенія, которыя были всегда прикрываемы ложными и хитрыми представленіями Политковскаго; наконецъ, что настоящій составъ комитета въ точности руководствовался заведеннымъ издавна порядкомъ, и особенно соблюдавшимся последнимъ председателемъ генералъ-адъютантомъ Хр—имъ. — Таковой отзывъ комитета всеподданнѣйше представленъ былъ въ подлинникѣ Государю Императору.

При допросѣ въ военномъ судѣ, изъ подсудимыхъ, *Путвинскій* показалъ, что въ 1850 году, при повѣркѣ капиталовъ комитета вмѣстѣ съ Таракановымъ и Рыбкинымъ, они нашли по книгамъ излишніе 50 тыс. р. с. По повѣркѣ оказалось, что излишекъ этотъ заключался въ закладномъ актѣ въ 50 т. р. на имѣніе графа Юндзилы, представленномъ генераломъ де-Ласси на обезпеченіе такой же суммы, пожертвованной имъ въ 1814 году въ пользу инвалидовъ. Путвинскій, вмѣстѣ съ Таракановымъ и Рыбкинымъ, воспользовались означенною суммою, раздѣливъ ее по равной части такъ, что на долю каждаго пришлось до 15 т. р. с. Деньги эти они получали съ 1850 года отъ Рыбкина изъ общихъ комитетскихъ суммъ; а когда въ 1851 году означенные 50 т. р. были присланы въ комитетъ изъ государственнаго казначейства, то закладной актъ на имѣніе графа Юндзилы, не записанный нигдѣ по отчетамъ комитета, а считавшійся до того времени въ числѣ билетовъ кредитныхъ учрежденій, въ декабрѣ 1852 года былъ выписанъ ими, по приказанію Политковскаго въ расходъ, какъ документъ, по которому произведена уплата. О такомъ раздѣлѣ 50 т. р. с. они не объявляли Политковскому и хотя актъ былъ выписанъ въ расходъ по приказанію его, но Путвинскій полагаетъ, что о раздѣлѣ ими 50 т. р. с. ему не было извѣстно. Къ сему Путвинскій присовокупилъ, что полученныя отъ раздѣла означенной суммы деньги онъ всѣ прожилъ и что о поступкѣ этомъ онъ умолчалъ въ слѣдственной коммисіи изъ страха и боязни отвѣтственности.

Подсудимые *Таракановъ* и *Рыбкинъ* при первомъ допросѣ въ военномъ судѣ не сознались въ раздѣлѣ означенной суммы. При второмъ же допросѣ они подтвердили показаніе Путвинскаго о раздѣлѣ 50 т. р. с., пожертвованныхъ въ пользу инвалидовъ ге-

нераломъ де-Ласси, объяснивъ, что отъ этого раздѣла каждый изъ нихъ дѣйствительно получилъ около 15 т. р. с., и что деньги эти они получали отъ Рыбкина съ 1850 года изъ общихъ комитетскихъ суммъ, безъ вѣдома Политковскаго; по полученіи же въ 1851 г. означенныхъ 50 т. р. с. изъ главнаго казначейства, актъ на имѣніе графа Юндзилы, коимъ сумма эта была обезпечена генераломъ де-Ласси, они вывели въ расходъ, какъ документъ, по которому произведена уплата. При этомъ изъ нихъ Таракановъ присовокупилъ, что полученные отъ раздѣла 15 т. р. с., онъ частію прожилъ, а частію употребилъ на поправку собственнаго дома, и что прежде онъ не объявилъ объ этомъ изъ страха, а болѣе по заблужденію. Подсудимый же Рыбкинъ объяснилъ, что деньги, полученныя отъ раздѣла 50 т. руб, заключаются въ числѣ 47 т. руб., отобранныхъ отъ него при слѣдствіи.

По разсмотрѣніи дѣлъ комитета «18 августа 1814 года», оказалось, что въ 1814 году генералъ отъ-инфантеріи де-Ласси дѣйствительно пожертвовалъ въ пользу изувѣченныхъ воиновъ 50 т. руб. сер, и въ обезпеченіе этой суммы представилъ закладной актъ на имѣніе графа Юндзилы. Актъ этотъ, хранясь въ комитетѣ въ числѣ билетовъ кредитныхъ учрежденій, не былъ записанъ по кассовой денежной книгѣ въ приходъ, какъ документъ, не представляющій денежныхъ знаковъ. Но когда имѣніе графа Юндзилы, находившееся въ гродненской губерніи, было продано, и полученыя въ комитетѣ изъ главнаго казначейства 50,304 р. 94 к., въ 1851 году были записаны въ приходъ по книгѣ инвалиднаго капитала, то 31 декабря 1852 года актъ на имѣніе графа Юндзилы по книгѣ о томъ же капиталѣ выписанъ въ расходъ какъ документъ, по которому причитавшіяся деньги были уже получены. Статья эта членами комитета не подписана.

Сверхъ того подсудимый *Путвинскій* при допросѣ въ военномъ судѣ показалъ, что въ исходѣ 1848 года, еще до назначенія его старшимъ бухгалтеромъ, бывшій директоръ канцеляріи Политковскій пригласилъ его къ себѣ на квартиру, подъ предлогомъ повѣрки документовъ, съ книгою инвалиднаго капитала за 1847 годъ. Въ продолженіе этого занятія Политковскій дѣлалъ отмѣтки противъ нѣкоторыхъ статей, а по окончаніи повѣрки,

оказавъ ему, что изъ книги необходимо исключить отмѣченныя статьи, просилъ принять это на себя. Такъ-какъ Политковскій не объяснилъ причины, почему нужно было исключить означенныя статьи, то онъ Путвинскій, не предполагая тутъ никакого злоупотребленія, согласился сдѣлать эту переправку и такимъ образомъ исключилъ изъ книги инвалиднаго капитала за 1847 годъ: *по приходу* — статьи о деньгахъ, полученныхъ комитетомъ изъ опекунскаго совѣта по двумъ билетамъ въ 228 т. р. с., съ процентами болѣе 330 т. р., и по *расходу* — статьи о 75 т. р. с., внесенныхъ комитетомъ въ два раза въ заемный банкъ. Это исключеніе онъ Путвинскій сдѣлалъ посредствомъ переписки въ книгѣ двухъ или трехъ листовъ, а какъ книга была за шнуромъ и печатью и скрѣплена по листамъ бывшимъ начальникомъ отдѣленія Васильевымъ, то листы Путвинскій вшилъ новые, которые скрѣпилъ Васильевъ, а печать комитета приложилъ вновь самъ Политковскій. Впослѣдствіи, когда показатель вступилъ въ должность старшаго бухгалтера и узналъ о недостаткѣ въ комитетѣ наличной суммы, онъ постигъ, что исключеніе означенныхъ статей имѣло цѣлію сокрытіе предъ контролемъ состоянія въ комитетѣ наличной суммы. Такимъ образомъ, опасаясь отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ, онъ Путвинскій умолчалъ о растраченныхъ Политковскимъ деньгахъ, надѣясь вполнѣ, что тотъ пополнитъ эту сумму. Объ исключеніи статей изъ книги инвалиднаго капитала за 1847 годъ показатель никому не говорилъ, но полагаетъ, что объ этомъ не безъизвѣстно было бухгалтеру Горбунову.

Подсудимые Таракановъ и Рыбкинъ, на вопросъ объ исключеніи Путвинскимъ статей изъ книги инвалиднаго капитала за 1847 годъ, отозвались незнаніемъ.

Учрежденная же при государственномъ контролѣ для повѣрки книгъ комитета коммисія, въ которую были препровождены книги комитета, подтвердила показаніе Путвинскаго, что по книгѣ инвалиднаго капитала за 1847 годъ дѣйствительно не показано въ приходѣ полученныхъ комитетомъ изъ с.-петербургскаго опекунскаго совѣта по двумъ билетамъ капитала 228,571 руб. $42^3/_4$ к. с. и процентовъ 102,515 руб. 82 к. с. и не выведено въ расходъ отосланныхъ въ заемный банкъ 75 т. р. с. При этомъ коммисія объяснила, что какъ шнуры въ книгахъ

припечатаны печатью комитета, находившеюся въ рукахъ чиновниковъ, коими были совершены злоупотребленія, то въ настоящее время коммисія удостовѣрить не можетъ, дѣйствительно ли были перемѣнены листы въ книгѣ инвалиднаго капитала; но нельзя не обратить вниманія на то, что скрѣпа начальника отдѣленія Васильева по тѣмъ листамъ, кои могли быть подмѣнены, представляетъ нѣкоторое различіе противъ скрѣпы его на другихъ листахъ.

Самъ статскій совѣтникъ Васильевъ, равно бывшій старшимъ бухгалтеромъ въ канцеляріи комитета коллежскій совѣтникъ Горбуновъ, по случаю смерти, послѣдовавшей въ 1849 году, по сему предмету не спрошены. Но подсудимые Таракановъ и Путвинскій, при производствѣ слѣдствія, въ доказательство того, что Васильевъ и Горбуновъ дѣйствительно знали о растратѣ Политковскимъ комитетскихъ денегъ представили найденные ими при разборѣ бумагъ, оставшихся послѣ Васильева и Горбунова, счеты ихъ о похищенныхъ Политковскимъ деньгахъ. Счетъ *Васильева*, писанный собственною его рукою и представленный Таракановымъ, былъ принятъ Высочайше учрежденною слѣдственною коммисіею къ соображенію и по этому счету коммисія заключила, что къ 1-му января 1848 года Политковскимъ растрачено комитетскихъ денегъ 438,571 руб. 42$^3/_4$ коп.

Счетъ *Горбунова,* представленный подсудимымъ Путвинскимъ, по неясности и неопредѣлительности его, не принятъ къ соображенію при производствѣ дѣла. Но при разсмотрѣніи бумагъ, опечатанныхъ въ квартирѣ тайнаго совѣтника Политковскаго, въ нихъ найдено письмо къ нему вдовы Горбуновой отъ 1 января 1852 года, въ которомъ она между прочимъ просила Политковскаго объ уплатѣ ей 15 т. р. с., обѣщанныхъ Политковскимъ ея мужу, присовокупляя, что этимъ благодѣяніемъ онъ осчастливитъ ее съ сиротами, а мужъ ея благословитъ его изъ за гроба, куда свела его преждевременно скорбь о будущности семейства.

По какому случаю Политковскій обѣщалъ дать Горбунову 15 т. р. с., вдова Горбунова отозвалась незнаніемъ, объяснивъ, что въ счетъ этой суммы она въ разное время получила отъ Политковскаго до 2,450 р. с. и что Политковскій съ означенныхъ

15 т. р. считалъ 600 р. процентовъ, которые съ пенсіономъ мужа составили бы полный окладъ комитетскаго жалованья.

Кромѣ того по сему дѣлу допрошены: вдова тайнаго совѣтника Политковскаго и племянникъ его, коллежскій секретарь Политковскій, обвиненные въ томъ, что послѣ смерти Политковскаго вывезли изъ квартиры его многія вещи, изъ которыхъ однѣ отдали въ закладъ въ ссудную казну и въ компанію для храненія и залога громоздскихъ движимостей въ С.-Петербургѣ, а другія отдали на сохраненіе разнымъ лицамъ, проживающимъ въ С.-Петербургѣ.

При допросѣ полиціею *г-жа Политковская* объяснила, что нѣкоторыя вещи, оставшіяся послѣ мужа, она заложила потому, что нуждалась въ деньгахъ при погребеніи тѣла Политковскаго, а другія вещи, заключавшіяся въ экипажахъ и бѣльѣ, отдала на сохраненіе разнымъ лицамъ, проживающимъ въ С.-Петербургѣ потому, что при отправленіи изъ С.-Петербурга для погребенія тѣла мужа въ ярославскую губернію, опасалась оставить ихъ въ своей квартирѣ, въ которой находилась одна наемная прислуга.

Племянникъ же Политковскаго коллежскій секретарь Политковскій, сознаваясь въ принятіи отъ вдовы Политковской нѣкоторыхъ вещей для отдачи въ закладъ въ с.-петербургскую ссудную казну и въ компанію для храненія и залога громоздскихъ движимостей, объяснилъ, что принималъ отъ Политковской вещи вслѣдствіе ея просьбы. —

На пополненіе растраты казенныхъ суммъ отобрано у прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ слѣдующее имущество: 1) у тайнаго совѣтника Политковскаго заемное письмо и росписки въ занятыхъ у него деньгахъ на 1,301 руб. сер.; 2) у жены бывшаго при домѣ Политковскаго дворецкимъ, мѣщанки Яуровой, (по подозрѣнію въ принадлежности ихъ Политковскому), наличныхъ денегъ и банковыхъ билетовъ на 3,691 руб. сер. *); 3) у бывшаго казначея Рыбкина—денегъ и банковыхъ билетовъ на 47,130 р.

*) Во время производства этого дѣла мѣщанка Яурова обратилась съ просьбою къ военному министру: о возвращеніи ей какъ означенныхъ денегъ и билетовъ, такъ равно отобранныхъ отъ нея по подзрѣнію въ принадлежности Политковскому разныхъ вещей. Яурова объяснила, что означенные деньги, билеты и вещи принадлежатъ ей.

сер. и особо изчисленныхъ слѣдственною коммисіею на банковые билеты его процентовъ 5,779 р. 79 коп. сер. и 4) у жены коллежскаго совѣтника Тараканова наличныхъ денегъ и документовъ въ занятыхъ у ней деньгахъ на 2,900 р. Всего отъ означенныхъ лицъ отобрано денегъ и документовъ на 60,801 р. 79 коп. сер.

Кромѣ того при производствѣ слѣдствія было отобрано: 1) отъ разныхъ лицъ—принадлежащіе Политковскому экипажи, столовое бѣлье, одежда его и пара лошадей; 2) у вдовы Политковскаго—два билета компаніи для залога и храненія громоздкихъ движимостей на заложенныя ею вещи; 3) у дочери Политковскаго—пять билетовъ ссудной казны на заложенныя отъ нея вещи, данныя въ приданое отъ родителей; и 4) у мѣщанки Яуровой—разныя золотыя, серебряныя, фарфоровыя и другія вещи, по подозрѣнію въ принадлежности оныхъ Политковскому.

Въ отношеніи означенныхъ вещей послѣдовало Высочайшее повелѣніе: чтобы изъ нихъ всѣ тѣ, кои окажутся безспорно принадлежащими Политковскому или женѣ его, равно и данныя дочери его въ приданое, продать съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги отослать въ комитетъ для обращенія въ кредитныя установленія.

Сверхъ того, по Высочайшему повелѣнію, предписано наложить запрещеніе на всѣ движимыя и недвижимыя имѣнія какъ тайнаго совѣтника Политковскаго и подсудимыхъ Тараканова, Рыбкина и Путвинскаго и женъ ихъ, такъ равно на имѣнія служившихъ въ комитетѣ и впослѣдствіи умершихъ статскаго совѣтника Васильева и коллежскаго совѣтника Горбунова. Вслѣдствіе сего у вдовы статскаго совѣтника Васильева описано разное движимое имущество на 74 р. 84 коп. сереб., а изъ назначенной ей по смерти мужа пенсіи вычитается половина. Какое же оказалось имѣніе у прочихъ поименованныхъ лицъ, по дѣлу свѣдѣній нѣтъ, кромѣ вышеозначенныхъ вещей, кои уже отобраны, и двухъ домовъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, изъ которыхъ одинъ оказался принадлежащимъ дочери Политковскаго, получившей оный въ приданое, а другой подсудимому коллежскому совѣтнику Тараканову.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, призналъ по сему дѣлу виновными: 1) бывшаго казначеемъ

надворнаго совѣтника Рыбкина, въ участіи съ бывшимъ директоромъ канцеляріи «комитета 18 августа 1814 года» Политковскимъ въ похищеніи комитетскихъ суммъ свыше милліона руб. сер., содѣйствіи ему въ продолженіи 18 лѣтъ къ сокрытію растраты денегъ и сверхъ того въ похищеніи, безъ вѣдома Политковскаго, вмѣстѣ съ подсудимыми: коллежскимъ совѣтникомъ Таракановымъ и титулярнымъ совѣтникомъ Путвинскимъ 50 т. р. сер., пожертвованныхъ въ пользу инвалидовъ. 2) Коллежскаго совѣтника Тараканова и титулярнаго совѣтника Путвинскаго—въ томъ, что они, при вступленіи въ 1849 году въ должности: первый начальника счетнаго отдѣленія, а послѣдній старшаго бухгалтера, узнавъ о растратѣ Политковскимъ и Рыбкинымъ комитетскихъ суммъ, не только не донесли объ этомъ начальству, но содѣйствовали Политковскому чрезъ подлоги скрывать растрату, а потомъ и сами, безъ вѣдома Политковскаго, похитили вмѣстѣ съ Рыбкинымъ 50 т. р. сер. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) подсудимаго надворнаго совѣтника Рыбкина за означенныя преступленія, на основаніи 98, 101, 355, 356, 365, 532 и 534 ст. 1 книги военно-уголовнаго устава, подвергнуть опредѣленному въ 24 ст. того же устава наказанію гражданскою смертію, лишивъ чиновъ, ордена св. Анны 2 степени, Императорскою короною украшеннаго, знака отличія безпорочной службы, всѣхъ правъ состоянія, съ отобраніемъ грамотъ и аттестатовъ и ссылкою въ Сибирь на поселеніе. 2) Подсудимыхъ коллежскаго совѣтника Тараканова и титулярнаго совѣтника Путвинскаго, на основаніи 365 и 532 ст. 1 книги означеннаго устава, лишивъ чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія безпорочной службы и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые безъ выслуги, съ опредѣленіемъ на службу по распоряженію инспекторскаго департамента. 3) Тайный совѣтникъ Политковскій, за похищеніе изъ инвалиднаго капитала болѣе милліона руб. сер., растрату этой суммы и утайку отъ членовъ комитета Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ январѣ 1849 года о непремѣнномъ и точномъ соблюденіи установленныхъ правилъ при ревизіи и храненіи суммъ—на основаніи 304, 305, 365 и 532 ст. 1 кн. 5 части св. воен. пост. и 358 и 362 ст. улож. о наказаніяхъ уголов. и исправ., если бы былъ живъ, подлежалъ бы наказанію гражданскою смертію, т. е. лишенію

чиновъ, орденовъ, знака отличія безпорочной службы и всѣхъ правъ состоянія, и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ. 4) Служившіе въ канцеляріи комитета «18 августа 1814 года»: начальникомъ счетнаго отдѣленія—статскій совѣтникъ Васильевъ и старшимъ бухгалтеромъ — коллежскій совѣтникъ Горбуновъ, въ 1849 году умершіе, за содѣйствіе Политковскому къ сокрытію похищенія комитетскихъ суммъ, на основаніи 365 ст. 1 кн. военно-уголовнаго устава подлежали бы, если бы не умерли, лишенію по суду чиновъ, орденовъ, знаковъ отличія безпорочной службы и дворянскаго достоинства и опредѣленію на службу рядовыми. 5) Поступки прикосновенныхъ къ сему дѣлу жены Политковскаго и племянника его, коллежскаго секретаря Политковскаго, заключающіеся въ томъ, что они послѣ смерти Политковскаго скрыли разныя его вещи, предоставить по принадлежности разсмотрѣнію гражданскаго начальства. 6) Все имущество, которое окажется безспорно принадлежащимъ Политковскому или женѣ его, равно данное въ приданое дочери его, также описанное у подсудимыхъ: Рыбкина, Тараканова и Путвинскаго, равномѣрно имущество женъ ихъ, если онѣ законнымъ порядкомъ не докажутъ, что оно принадлежало имъ до замужества, а не во время онаго пріобрѣтено, обратить на пополненіе растраченныхъ суммъ комитета «18 августа 1814 г.». 7) Какъ при розысканіи принадлежащаго Политковскому имущества были отобраны деньги, ломбардные билеты и вещи у жены дворецкаго Политковкаго, мѣщанки Яуровой, которая объяснила, что тѣ деньги, билеты и вещи ея собственныя, то предоставить Яуровой доказывать это судебнымъ порядкомъ особо отъ настоящаго дѣла. 8) Описанное у вдовъ статскаго совѣтника Васильева и коллежскаго совѣтника Горбунова движимое и недвижимое имущество, которое досталось имъ по наслѣдству послѣ означенныхъ мужей, продать съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги обратить въ капиталъ комитета «18 августа 1814 года».

Съ симъ заключеніемъ представленъ былъ Государю Императору отъ генералъ-аудиторіата всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ въ 5 день ноября 1853 г. послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему».

Прекрасною характеристикою этого дѣла может служить заключеніе коммиссіи, выведенное ею по окончаніи возложеннаго на нее по Высочайшему повелѣнію изслѣдованія:

«Растрата казенных сумм в комитет началась с 1834 г. Рыбкин, будучи тогда казначеем, давал из казенных сумм в займы Политковскому, бывшему в то время начальником 1 отдѣленія, и хотя получил большую часть денег обратно, но и за тот год Политковскій остался должен казенных денег 4500 р. асс. Со времени же поступленія Политковскаго в должность правителя канцеляріи в 1835 году, захваты им казенных сумм продолжались до самой его смерти непрестанно, болѣе и болѣе увеличиваясь. Это доказывается: во 1-х собственным сознаніем Рыбкина во всѣх сих захватах. Во 2-х представленною чиновниками Таракановым и Путвинским собственноручною запискою бывшаго начальника счетнаго отдѣленія комитета,—умершаго в 1849 году Васильева, из которой видно, что по 1848 год исчислялось в растратѣ казенных денег 438,571 р. 42¾ коп. сер. В 3-х показаніями Тараканова и Путвинскаго, что дѣйствительно Политковскій брал постоянно деньги у Рыбкина, и как сознался Тараканов, всякій раз с его вѣдома, за исключеніем только тѣх случаев, когда он был болен или в отсутствіи. В 4-х сознаніем этих трех чиновников, что они нѣсколько раз справлялись о долгѣ Политковкаго в казну с тетрадью, веденною Рыбкиным, и 13 января 1853 года окончательно повѣряли по этой тетради цифру захваченных Политковским сумм, и наконец в 5-х собственноручною роспискою Политковскаго, данною в 1851 году, о захватѣ им 930 т. руб. сер. и счетом его за 1852 год, из коего значится, что он, в одни четыре лѣтніе мѣсяца этого года, взял из таврическаго дворца 42 т. руб. сер.

«Главным виновником растраты комитетских сумм был прежній начальник 1 отдѣленія канцеляріи комитета, впослѣдствіи правитель дѣл и наконец директор сей канцеляріи, тайный совѣтник Политковскій; не только умышленно, но *систематически* и *послѣдовательно*, *продолжал он свои хищническіе захваты*. Политковскій употреблял с одной стороны самые хитрые извороты для того, чтобы поддержать неограни-

ченное къ нему довѣріе бывшихъ председателей и членовъ комитета, а съ другой—все увлеченія служебныхъ наградъ, денежныхъ выдачъ и наконецъ страха отвѣтственности за участіе въ преступленіи, уже совершенномъ, чтобы склонить къ сообществу въ преступныхъ своихъ дѣйствіяхъ и удержать въономъ тѣхъ чиновниковъ канцеляріи, участіе которыхъ было необходимо для исполненія его замысловъ. Такъ напримѣръ, въ отношеніи къ членамъ комитета, Политковскій: а) убѣдивъ ихъ въ затруднительности повѣрки книгъ по непрестанному движенію суммъ и въ удобствѣ повѣрки наличныхъ капиталовъ по особо составляемой канцеляріею выборкѣ, представлялъ къ ежемѣсячнымъ свидѣтельствамъ *фальшивыя вѣдомости*, составляемыя имъ каждый разъ, за вычетомъ уже тѣхъ суммъ, которыя были захвачены; б) отстранивъ мысль о возможности послѣдовательнаго вычисленія процентовъ по билетамъ кредитныхъ учрежденій, онъ представлялъ къ тому свидѣтельству большое число билетовъ, оставляя членовъ комитета о количествѣ наросшихъ по симъ билетамъ *процентовъ* во всегдашней *неизвѣстности*; в) смѣшивая произвольно разные капиталы, въ вѣдѣніи комитета состоящіе, онъ, при поступленіи въ комитетъ новыхъ суммъ, вносилъ въ кредитныя учрежденія въ томъ же самомъ количествѣ деньги, принадлежащія не тому собственно, а другимъ капиталамъ; суммы же, вновь поступившія, записывалъ въ приходъ по одной кассовой книгѣ (собствено бухгалтерской) и, не перенося изъ оной въ подлежащую казначейскую книгу, обращалъ въ свою собственность. — Оставленіе наличныхъ суммъ безъ взноса въ кредитныя установленія, замѣчалъ неоднократно государственный контроль; на смѣшенія суммъ указываетъ дѣло о тѣхъ 57 т. руб. сер., по которому государственнымъ же контролемъ возбуждена была переписка въ 1849 году; въ примѣръ взноса въ кредитныя учрежденія одной суммы вмѣсто другой могутъ быть выставлены тѣ 60 т. р. сер., принадлежащіе измайловской военной богадѣльнѣ, которые 13 декабря 1851 года поступивъ изъ канцеляріи военнаго министерства, были внесены въ кассовую книгу, безъ записки въ приходъ по казначейскимъ книгамъ, а между тѣмъ 18 того же декабря Политковскій представилъ къ подписанію комитета опредѣленіе о взносѣ такой же суммы изъ общаго инвалиднаго капитала, и дѣйствительно внесъ оную

въ заемный банкъ. Члены комитета остались въ увѣренности, что не только деньги, полученныя изъ военнаго министерства внесены по принадлежности, но не потеряно и пяти сутокъ для приращенія капиталовъ, попеченію комитета ввѣренныхъ.

«Состоящихъ подъ его начальствомъ чиновниковъ Политковскій обнадеживалъ въ возможности пополненія растраченныхъ имъ суммъ: роскошною своею жизнію, обширнымъ кругомъ знакомства и связями, значительною игрою въ карты и денежными сдѣлками на большія суммы съ извѣстными богатствомъ своимъ лицами, въ особенности съ титулярнымъ совѣтникомъ Иваномъ Яковлевымъ. Одно изъ писемъ Яковлева Политковскій, не давая Тараканову въ руки, прочелъ ему такъ, что чиновники, причастные къ злоупотребленіямъ, основывали на этомъ письмѣ большія надежды. Между тѣмъ Политковскій непрестанно болѣе и болѣе приковывалъ ихъ къ судьбѣ своей цѣпью совершенныхъ уже преступленій.

«Первымъ сообщникомъ Политковскаго въ расхищеніи казенныхъ суммъ былъ безъ всякого сомнѣнія казначей Рыбкинъ. Онъ рѣшился на преступныя дѣйствія совмѣстно съ Политковскимъ еще въ то время, когда сей послѣдній былъ начальникомъ отдѣленія; слѣдовательно не имѣлъ увлеченія ни наградъ, ни страха. Сверхъ того постоянно, почти 20 лѣтъ сряду, продолжая преступное свое сообщество съ недостойнымъ начальникомъ получалъ отъ него свою долю корысти, изъ коей, какъ полагать можно, нѣкоторую часть прожилъ, но и за всѣмъ тѣмъ коммисія отобрала отъ него переданные уже въ третьи руки послѣ смерти Политковскаго наличными деньгами и билетами кредитныхъ учрежденій, съ наросшими процентами, болѣе 50 т. р. сер. Рыбкинъ велъ счетъ о захватываемыхъ Политковскимъ деньгахъ въ особой тетради и при самой предсмертной болѣзни Политковскаго, когда уже не оставалось ни надежды на пополненіе растраты, ни ожиданія непріятныхъ отношеній къ начальнику, вмѣсто того, чтобы предъявить тетрадь сію высшему начальству, онъ послѣ совѣщанія 13 января 1853 года съ Таракановымъ и Путвинскимъ (имѣвшаго по всей вѣроятности цѣлію условиться, какимъ образомъ сокрыть участіе свое въ преступленіи) — сжегъ эту тетрадь. Доказательствомъ всему вышеизложенному служатъ счеты Политковскаго, и вынужденное отъ

Рыбкина коммисiею сознанiе; наконецъ и отобранная отъ него значительная сумма денегъ.

«Ближайшимъ засимъ участникомъ въ расхищенiи казенныхъ суммъ былъ начальникъ счетнаго отдѣленiя, коллежскiй совѣтникъ Таракановъ. Онъ не только зналъ о захватѣ Политковскимъ казенныхъ денегъ, но съ 1849 года при всякомъ новомъ похищенiи, когда только Таракановъ не былъ въ отсутствiи, Рыбкинъ не иначе выдавалъ деньги, какъ съ вѣдома Тараканова. Самая записка Политковскаго, свидѣтельствовавшая въ 1851 году о захватѣ имъ 930 т. р. оставленная на храненiе Рыбкину въ запечатанномъ конвертѣ, была однако подписана на имя Тараканова.—Умершiй въ 1849 году, бывшiй начальникъ счетнаго отдѣленiя Васильевъ, какъ сiе изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла видно, состоялъ въ одинаковой съ Таракановымъ мѣрѣ участiя въ преступленiи. Деньги передавались отъ Рыбкина Политковскому съ вѣдома Васильева; записка оставшаяся послѣ Васильева о суммѣ захвата по 1848 годъ послужила Тараканову и Путвинскому, (какъ они показываютъ), основанiемъ къ повѣркѣ разсчетовъ о количествѣ захваченныхъ денегъ. — Сверхъ того дознанныя коммисiею: выдача въ прежнее время отъ Политковскаго вдовѣ Васильева неоднократно по 50 р. сер., въ последнее время наемъ для нея квартиры на его счетъ, а также собственное ея сознанiе, что въ уплату будто бы должныхъ ей Политковскимъ, безъ законнаго акта, 10 т. р. асс., она получила отъ него въ разное время до 1 т. р. сер.—служатъ подтвержденiемъ преступнаго сообщества Васильева съ Политковскимъ.

«Старшiй бухгалтеръ канцелярiи комитета *Путвинскiй*, не участвуя непосредственно въ расхищенiи казенныхъ денегъ, очевидно участвовалъ въ сокрытiи расхищенiя. Какъ лице, подчиненное Тараканову, онъ не могъ имѣть равнаго съ Таракановымъ влiянiя на весь ходъ сего преступнаго дѣла; но съ другой стороны, знавъ о недостаткѣ казенныхъ суммъ, не могъ не знать и о способѣ, которымъ оный былъ скрываемъ, т. е. о составленiи къ ежемѣсячнымъ свидѣтельствамъ *фальшивыхъ* вѣдомостей, а Рыбкину и Тараканову постоянно способствовалъ вести счетъ о расхищаемыхъ деньгахъ: такъ и въ послѣднiй разъ, когда преступники разсматривали веденную Рыбкинымъ о захватѣ казенныхъ суммъ тетрадь, они совѣщанiе свое по сему

предмету имѣли съ Путвинскимъ, на его квартирѣ. Не можетъ не быть принято въ особенное вниманіе въ отношеніи какъ къ Тараканову, такъ и къ Путвинскому то обстоятельство, что они при этомъ совѣщаніи, слышавъ отъ Рыбкина о намѣреніи его сжечь тетрадь о захваченныхъ деньгахъ, не остановили его въ исполненіи сего намѣренія. Сомнѣнія нѣтъ, что если бы тетрадь эта была сохранена, то вполнѣ обнаружились бы всѣ обстоятельства, до сего дѣла касающіяся; не осталась бы въ безъизвѣстности ни доля корысти каждаго изъ сообщниковъ, ни время послѣдовательнаго захвата суммъ за весь періодъ завѣдыванія Рыбкинымъ казначейскою частію. Съ истребленіемъ этой тетради, преступники имѣли полную возможность скрыть, сколько денегъ досталось на часть каждому. Мѣра участія умершаго въ 1849 году старшаго бухгалтера *Горбунова* въ сокрытіи расхищенія, какъ сіе по обстоятельствамъ дѣла оказывается, одинакова съ мѣрою участія въ томъ Путвинскаго. Ни составленіе фальшивыхъ вѣдомостей къ ежемѣсячнымъ свидѣтельствамъ, ни веденный Рыбкинымъ счетъ о захваченныхъ деньгахъ не могли не быть извѣстны Горбунову. Вдова Горбунова, какъ сама созналась, получила отъ Политковскаго въ разное время до 2,450 руб. сер., должна была получить всего до 15 т. р. При соображеніи съ другими обстоятельствами дѣла, нельзя полагать, чтобы деньги эти не были со стороны Политковскаго возмездіемъ Горбуновой за сокрытіе мужемъ ея расхищенія казенныхъ суммъ.

«На прочихъ чиновниковъ канцеляріи нѣтъ ни уликъ, ни возбужденныхъ по дѣлу подозрѣній въ участіи по расхищенію казенныхъ суммъ и въ сокрытіи таковаго расхищенія. При производствѣ слѣдствія обнаружилось, что экзекуторъ *Александровъ*, тотчасъ послѣ смерти Политковскаго, принялъ къ себѣ на сохраненіе нѣкоторыя его вещи; но потомъ, обдумавшись и по совѣту начальника 1 отдѣленія Вороновскаго, вещи эти немедленно возвратилъ. Изъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ составѣ канцеляріи комитета и при оной, никого участвовавшаго въ расхищеніи суммъ и въ сокрытіи таковаго расхищенія, а равно въ сокрытіи какихъ либо собственныхъ денегъ и вещей Политковскаго или бумагъ его, слѣдствіемъ не обнаружено.

«Объяснивъ мѣру участія чиновниковъ канцеляріи комитета въ злоупотребленіяхъ и причины, ихъ къ сему побудившія, является

затѣмъ необходимымъ войти въ разсмотрѣніе главной изъ причинъ, ими приводимыхъ, именно—обнадеживанія ихъ Политковскимъ, что онъ пополнитъ растрату *ожидаемыми отъ капиталиста Яковлева деньгами*. Изъ обстоятельствъ дѣла и изъ собственныхъ показаній Яковлева оказывается, что онъ былъ дѣйствительно въ близкихъ сношеніяхъ съ Политковскимъ и, какъ онъ самъ говоритъ, за 10 лѣтъ предъ симъ велъ съ нимъ картежную игру, и по картамъ былъ ему долженъ болѣе 100 т. р. сер, которые впослѣдствіи уплатилъ. При смерти же Политковскаго, уже сей послѣдній былъ долженъ Яковлеву до 172,000 руб. сер. Между-тѣмъ Политковскій не переставалъ обнадеживать чиновниковъ, чрезъ Тараканова, въ пополненіи растраты ожидаемыми отъ Яковлева суммами. Въ бумагахъ Политковскаго найдено черновое его письмо къ Яковлеву, коимъ Политковскій объяснялъ, что ему не достаетъ только 70 т. р. для оборота, на который значительная часть требующейся суммы уже была найдена. Политковскій просилъ Яковлева: ссудить ему означенные 70 т. руб. и въ томъ числѣ дать хотя одинъ билетъ тысячъ въ сорокъ съ тѣмъ, чтобы билетъ былъ срокомъ до 1841 года. При этомъ Политковскій сообщалъ, что билеты государственнаго казначейства имѣютъ въ глазахъ комитета одну силу съ билетами кредитныхъ учрежденій, и что исполненіемъ этой просьбы Яковлевъ его совершенно успокоитъ.—При предъявленіи сихъ обстоятельствъ Яковлеву, онъ отвѣчалъ, что подобнаго письма вовсе не получалъ, но, сколько помнить можетъ, года четыре тому назадъ Политковскій просилъ его на словахъ ссудить ему на нѣкоторое время билеты государственнаго казначейства для размѣна, т. е. что онъ чрезъ нѣсколько дней доставитъ ему деньги вмѣсто означенныхъ билетовъ, которые ему, Политковскому, нужны на весьма короткое время для представленія въ комитетъ; въ чемъ онъ Яковлевъ будто бы Политковскому отказалъ. По соображеніи всего вышеизложеннаго, нельзя не сдѣлать того вывода, что близость сношеній Яковлева и значительность денежныхъ съ нимъ сдѣлокъ Политковскаго, могли съ одной стороны способствовать сему послѣднему въ его преступныхъ изворотахъ, а съ другой и чиновникамъ, причастнымъ къ злоупотребленію, давать нѣкоторую надежду на возможность пополненія захватываемыхъ суммъ.

«При самомъ тщательномъ разсмотрѣніи отобранныхъ отъ лицъ прикосновенныхъ къ преступленію,— должностныхъ бумагъ, денежныхъ счетовъ и частныхъ записокъ, не обнаружено никакихъ сношеній членовъ комитета какъ прежнихъ, такъ и послѣдняго состава, которыя могли бы указать или возбудить подозрѣніе въ какихъ либо денежныхъ сдѣлкахъ, или потворствѣ къ растратѣ казенныхъ суммъ и къ сокрытію таковой растраты. Въ этомъ отношеніи не остается и тѣни какого либо сомнѣнія.

«Обнаруженные слѣдствіемъ упомянутые выше (на стр. 104 и 121) безпорядки по веденію книгъ, по освидѣтельствованію отчетности, по храненію суммъ и по повѣркѣ ихъ — объясняютъ до нѣкоторой степени, какимъ образомъ члены комитета, увлеченные чрезмѣрнымъ къ Политковскому довѣріемъ, перешедшимъ къ нимъ, такъ сказать, въ наслѣдіе отъ ихъ предмѣстниковъ, хотя и повѣряли со всею добросовѣстностію билеты и наличныя суммы, предъявляемыя имъ при ежемѣсячныхъ свидѣтельствахъ, но исполняя сей обрядъ по однѣмъ вѣдомостямъ, фальшиво составленнымъ Политковскимъ, не замѣчали растраты комитетскихъ суммъ; не замѣчали тѣмъ болѣе, что въ вѣдомости сіи, съ умысломъ, не были включаемы наросшіе по билетамъ кредитныхъ учрежденій проценты и билеты, хранящіеся въ коммиссаріатѣ. Между — тѣмъ кромѣ общихъ правилъ, установленныхъ закономъ для счетоводства, храненія казенныхъ суммъ и отчетности по онымъ, при соблюденіи коихъ преступленіе не могло бы совершиться — комитету представлялись въ послѣдніе годы прямыя, особенныя указанія. Указанія сіи налагали на комитетъ непосредственныя обязанности, долженствовавшія неминуемо обнаружить похищеніе: а) 18 февраля 1846 года Высочайше утверждены правила отчетности собственно для комитета «18 августа 1814 года». Правила сіи вошли въ седьмое продолженіе, свода военныхъ постановленій, приложеніемъ къ ст. 682, V кн., IV части. б) 14 января 1849 года, за № 274, бывшимъ военнымъ министромъ объявлено для постояннаго, самаго бдительнаго и неуклоннаго вниманія комитету, — послѣдовавшее по комитету министровъ, (по случаю дѣла Клевенскаго), Высочайшее повелѣніе о непремѣнномъ и точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ, законами постановленныхъ о храненіи и ревизіи въ ка-

зенныхъ мѣстахъ денежныхъ суммъ. в) При перепискѣ, возникшей по разнорѣчію между комитетомъ и государственнымъ контролемъ о 57 т. р., числящихся въ долгу за чесменскою и измайловскою богадѣльнями, и о причинѣ накопленія въ 1846 г., до 280 т. р. сер. наличныхъ суммъ безъ отсылки въ кредитныя установленія, бывшій военный министръ въ предложеніи отъ 22 февраля 1852 года № 1339 объявилъ: «что онъ признаетъ необходимымъ, чтобы сомнѣнія, встрѣченныя контролемъ по отчетности комитета, были въ самоскорѣйшемъ времени положительно разъяснены, и что онъ находится въ обязанности сообщить объ этомъ комитету, дабы, по сличеніи *съ подлинными документами и отчетами*, доставлены были ему всѣ свѣдѣнія по сему предмету». Отвѣтомъ на сіе сообщеніе было представленіе военному министру, 1 марта тогожъ года, генераломъ У—ъ вѣдомости о всѣхъ капиталахъ комитета, за общимъ всѣхъ членовъ подписомъ, удостовѣрявшей цѣлость сихъ капиталовъ, —и наконецъ: г) 11 января 1853 года управляющій военнымъ министерствомъ сообщилъ бывшему предсѣдателю комитета, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ: строго подтвердить, *чтобы на всѣ обороты капиталовъ*, состоящихъ въ вѣдѣніи комитета, также на сбереженіе суммъ, уплату помянутаго долга и совершенно правильное употребленіе денегъ *съ полною законною отчетностію,—обращено было неослабное вниманіе предсѣдателя и членовъ комитета, подъ личною ихъ отвѣтственностію.*»

О маіорѣ Броневскомъ, штабсъ-капитанѣ Степановѣ и помѣщикахъ Похвисневыхъ, (ложно) обвиненныхъ прапорщикомъ Мельницкимъ въ ограбленіи у него шубы *).

Въ ноябрѣ 1844 г. служившій въ охотскомъ егерскомъ полку прапорщикъ Мельницкій донесъ по командѣ, что 26 ноября, часу

*) Этотъ процессъ весьма поучителенъ въ *психологическомъ* отношеніи, съ точки зрѣнія изученія побудительныхъ причинъ къ преступленію, ибо представляетъ поразительное сходство съ другимъ дѣломъ, напечатаннымъ

въ 7 вечера, проѣзжая въ саняхъ на собственной лошади, съ казеннымъ деньщикомъ своимъ Марковымъ, изъ села Радичь, рославльскаго уѣзда, гдѣ онъ квартировалъ съ частію своей роты, къ помѣщицѣ Володкевичевой въ село Узное, отстоящее отъ Радичь не болѣе какъ въ 6-ти верстахъ, онъ замѣтилъ, что на дорогѣ возлѣ постоялаго дома, называемаго Островенскимъ, стояли у крыльца три тройки лошадей, запряженныхъ въ сани, и лишь только онъ отъѣхалъ отъ того дома версты полторы, какъ догнали его на саняхъ тройкою четыре помѣщика, изъ коихъ онъ зналъ только одного, Дмитрія Похвиснева; другой самъ назвался маіоромъ Броневскимъ, а остальныхъ двухъ Похвисневъ рекомендовалъ ему своими родственниками, по фамиліи тоже Похвисневыми. Всѣ эти помѣщики, остановивъ его, Мельницкаго, стали спрашивать его съ ругательствами, гдѣ находится штабсъ-капитанъ одного съ нимъ полка Смирновскій; на отвѣтъ же его, что не знаетъ, грозили бить его Мельницкаго плетьми, если не скажетъ. Посему, видя себя въ опасности, онъ Мельницкій, сбросивъ бывшую на немъ медвѣжью шубу, побѣжалъ въ сторону отъ дороги съ намѣреніемъ скрыться, но помѣщики, догнавъ его, посадили въ свои сани и привезя въ означенный Островенскій постоялый домъ, снова требовали съ ругательствами и угрозами сказать, гдѣ штабсъ-капитанъ Смирновскій, а потомъ стали требовать отъ него письма, что будто онъ продалъ имъ свою шубу и деньги за оную получилъ. Уступая такимъ угрозамъ и видя себя въ совершенной опасности, онъ Мельницкій вынужденъ былъ дать имъ требуемую записку, въ которой на имя помѣщика Дмитрія Похвиснева написалъ, что шубу свою онъ продалъ ему за 365 руб. ассигнаціями и деньги получилъ чрезъ маіора Броневскаго. Послѣ сего означенные помѣщики оставили его Мельницкаго и взявъ еще его кисетъ съ табакомъ,

---

нами во II т. «русскихъ уголовныхъ процессовъ» (о нанесеніи полковникомъ Офрейномъ удара чубукомъ по головѣ князю Кольцову-Мосальскому, стр. 125). Въ томъ и другомъ процессѣ обвинители (Мельницкій и кн. Николай Кольцовъ-Мосальскій) не платятъ проигранныхъ въ карты денегъ, и когда отъ нихъ настоятельно требуютъ уплаты этихъ денегъ, то они, чтобы отмстить за это, обвиняютъ своихъ кредиторовъ: первый въ ограбленіи у него шубы, а второй въ открытомъ похищеніи у него часовъ. Такимъ образомъ два лица, поставленныя въ одно и тоже положеніе, поступаютъ совершенно одинаково. *Прим. изд.*

въ которомъ находился кошелекъ съ однимъ полуимперіаломъ и рублемъ серебра, уѣхали. Въ справедливости сего Мельницкій сослался: на деньщика своего, хозяйку постоялаго дома мѣщанку Куричину и бывшаго въ томъ же домѣ отставнаго солдата Кузьмина, присовокупляя къ сему, что тотчасъ по отъѣздѣ означенныхъ помѣщиковъ, онъ Мельницкій посылалъ деньщика своего Маркова съ увѣдомленіемъ о случившемся съ нимъ происшествіи къ помѣщику села Радичь, Правикову, а потомъ къ помѣщицѣ села Краснополья, Кирѣевой, съ просьбою прислать ему теплую одежду, и сверхъ того объявлялъ о семъ помѣщикамъ Цурикову и Игнатьеву, которые послѣ сего проѣзжали по той дорогѣ и останавливались въ постояломъ домѣ.

При производствѣ слѣдствія деньщикъ Мельницкаго, *Марковъ*, подъ священническимъ увѣщаніемъ подтвердилъ донесеніе Мельницкаго, объяснивъ только, что когда помѣщики привезли Мельницкаго въ Островенскій постоялый домъ и вошли съ нимъ въ комнату, то оттуда его Маркова они выгнали, и онъ слышалъ только громкій между ними разговоръ и требованіе отъ Мельницкаго какой-то записки.

Бывшая во время происшествія за хозяйку въ томъ постояломъ домѣ мѣщанка *Куричина*, спрошенная (по неодобрительному ея поведенію) безъ присяги, подтвердивъ донесеніе прапорщика Мельницкаго въ отношеніи происшествія съ нимъ въ постояломъ домѣ, показала, что тѣ помѣщики прежде пріѣхали въ постоялый дворъ на трехъ тройкахъ, а отсюда на одной тройкѣ поѣхали по дорогѣ къ селу Узкому, но чрезъ полчаса возвратились съ крикомъ и угрозами, требуя отворить двери, и когда жившій въ домѣ отставной солдатъ Кузьминъ отворилъ имъ двери, а она Куричина подала въ комнату огонь, то увидѣла, что вмѣстѣ съ означенными помѣщиками былъ прапорщикъ Мельницкій. Послѣ сего помѣщики выгнали ее изъ комнаты, и она, стоя въ сѣняхъ, слышала, что они требовали у Мельницкаго какой-то росписки, грозя въ противномъ случаѣ бить его плетьми или удушить, но вскорѣ потомъ, оставя Мельницкаго, уѣхали по дорогѣ къ селу Радичамъ.

Жившій въ томъ же постояломъ домѣ отставной солдатъ *Кузьминъ* подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что 26 ноября вечеромъ пріѣзжали въ тотъ домъ на трехъ тройкахъ лошадей

четыре неизвѣстные ему помѣщика, которыхъ онъ узнать не можетъ, и побывъ нѣсколько времени, уѣхали куда то, но вскорѣ возвратились и привезли съ собою офицера, но что съ нимъ дѣлали въ комнатѣ, не знаетъ, потому что туда не входилъ и шуму никакого не слыхалъ. Послѣ сего тѣ помѣщики уѣхали, а офицеръ остался въ постояломъ домѣ, ибо ему не въ чемъ было ѣхать, пока не досталъ теплой одежды, за которою посылалъ куда то деньщика своего.

Помѣщики *Правиковъ*, *Цуриковъ*, *Игнатьевъ* и помѣщица *Кирьева* подтвердили, что Мельницкій сообщалъ имъ о случившемся съ нимъ точно въ такомъ видѣ, какъ онъ доноситъ. Къ сему изъ нихъ Правиковъ присовокупилъ, что послѣ сего происшествія, въ декабрѣ мѣсяцѣ того 1844 г., штабсъ-капитанъ Степановъ, бывъ въ домѣ у него, Правикова, при помѣщикѣ Панютинѣ самъ объявлялъ, что донесеніе прапорщика Мельницкаго справедливо, и что онъ жалѣетъ, что вмѣстѣ съ поручикомъ Похвисневымъ замѣшался въ это дѣло.

Напротивъ того, обвиненные Мельницкимъ помѣщики, не признаваясь ни въ чемъ, объяснили:

Штабсъ-капитанъ *Степановъ* и поручикъ *Похвисневъ*, — что они, находясь въ день происшествія въ гостяхъ у Дмитрія Похвиснева, никуда вечеромъ отъ него не уѣзжали, да и прапорщика Мельницкаго вовсе не знаютъ.

Дмитрій Похвисневъ, — что въ означенный день, т. е. 26 ноября, онъ вовсе не былъ въ Островенскомъ постояломъ домѣ, а находился у себя дома безотлучно, вмѣстѣ съ бывшими у него въ гостяхъ штабсъ-капитаномъ Степановымъ и поручикомъ Похвисневымъ. Вечеромъ же того числа пріѣхалъ къ нему маіоръ Броневскій, и привезъ съ собою присланную отъ прапорщика Мельницкаго шубу, которую Мельницкій при встрѣчѣ съ нимъ въ Островенскомъ постояломъ домѣ, поручилъ отдать ему Похвисневу за должныя ему 365 руб. ассиг., проигранные въ карты въ преферансъ въ бытность въ домѣ у него, Похвиснева, еще въ мартѣ 1844 года, о чемъ онъ Похвисневъ сказывалъ между многими другими лицами, и маіору Броневскому, прося его при свиданіи съ Мельницкимъ напомнить ему о долгѣ и получить деньги, или вмѣсто ихъ шубу, которую Мельницкій самъ же обѣщалъ отдать ему Похвисневу за долгъ.

Маіоръ *Броневскій*, — что 26 ноября вечеромъ, проѣзжая къ подсудимому Дмитрію Похвисневу въ гости, онъ остановился дорогою для отдыха лошадей въ Островенскомъ постоялом̃ъ домѣ, и засталъ тамъ прапорщика Мельницкаго, прежде вовсе ему незнакомаго. Узнавъ изъ разговоровъ съ нимъ его фамилію и зная еще прежде по разсказамъ Дмитрія Похвиснева, что Мельницкій не платитъ ему проигранныхъ въ карты денегъ, показатель спросилъ его о причинѣ такого неплатежа, объявивъ, что разскажетъ объ этомъ его товарищамъ; услыша это Мельницкій самъ предложилъ ему Броневскому отвезти Похвисневу за тотъ проигрышъ свою медвѣжью шубу, которую тутъ же ему и отдалъ; но онъ Броневскій, замѣтивъ тогда разстроенный видъ и неясность въ выраженіяхъ, усумнился въ чистотѣ его намѣренія, предполагая, что онъ можетъ объявить находившимся въ постоялом̃ъ дворѣ разнымъ людямъ, что у него взяли шубу насильно. Потому для отклоненія всякого сомнѣнія показатель предложилъ ему написать къ Похвисневу письмо, что̀ Мельницкій и исполнилъ. Послѣ сего онъ, Броневскій, взявъ письмо и шубу, привезъ ихъ къ Дмитрію Похвисневу, у котораго засталъ Степанова и поручика Похвиснева.

Затѣмъ *всѣ подсудимые* въ опровержение жалобы прапорщика Мельницкаго изъяснили, что объясненіе послѣдняго о нанесеніи ему обиды за то будто бы, что онъ не удовлетворилъ ихъ вопросовъ о штабсъ-капитанѣ Смирновскомъ, котораго они отыскивали, совершенно не основательно, ибо изъ нихъ Броневскій и Дмитрій Похнисневъ, будучи въ хорошемъ знакомствѣ съ этимъ офицеромъ, не имѣли надобности его отыскивать (въ доказательство сего Броневскій представилъ письмо къ нему Смирновскаго, писанное на четвертый день послѣ происшествія, въ которомъ Смирновскій, въ дружескихъ выраженіяхъ приглашалъ Броневскаго пріѣхать къ себѣ). По всей же вѣроятности прапорщикъ Мельницкій, желая скрыть свой проигрышъ и отдачу за него шубы, придумалъ на всѣхъ ихъ жалобу, будто они отняли у него ту шубу, и распустивъ объ этомъ слухи, убѣдилъ хозяйку постоялаго дома мѣщанку Куричину и деньщика своего показать на нихъ; но свидѣтели сіи не могутъ быть признаны достовѣрными потому, что Куричина порочнаго поведенія, и какъ видно, имѣла любовную связь съ Мельницкимъ, ибо маіоръ Бро-

невскій по пріѣздѣ въ постоялый дворъ засталъ ихъ обоихъ на постелѣ, а деньщикъ былъ въ зависимости у своего офицера. Равнымъ образомъ и показаніе отставнаго солдата Кузьмина, что 26 ноября 1844 г. вечеромъ пріѣзжали въ тотъ домъ четыре неизвѣстные ему помѣщика и привезли съ собою офицера тоже не можетъ быть признано за достовѣрное потому, что свидѣтель сей, имѣвшій около 70 лѣтъ, при допросѣ былъ въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что не могъ стоять и вслѣдъ затѣмъ былъ отправленъ въ больницу, гдѣ вскорѣ умеръ. Мѣщанка же Куричина, жившая въ одномъ съ нимъ домѣ, вѣроятно воспользовалась слабоуміемъ больнаго старика, научивъ его, что должно говорить въ подтвержденіе ея показанія. Въ заключеніе подсудимые присовокупили, что если бы даже повѣрить, что выводимый прапорщикомъ Мельницкимъ безумный поступокъ могъ быть допущенъ которымъ—нибудь изъ нихъ, то какимъ же образомъ приняли бы въ томъ нераздѣльное участіе еще три человѣка, которые никогда ни въ чемъ предосудительномъ не замѣчены, и забывъ Бога и честь, рѣшились на грабежъ незначущей шубы, будучи притомъ совершенно обезпечены своимъ состояніемъ.

Шуба Мельницкаго, стоющая по оцѣнкѣ 40 р. серебромъ, отъ Дмитрія Похвиснева отобрана и возвращена по принадлежности.

По симъ объясненіямъ были отобраны слѣдующія показанія:

Дворовые люди Похвиснева *камердинеръ* и *дворецкій* подъ священническимъ увѣщаніемъ показали, что въ мартѣ 1844 года прапорщикъ Мельницкій, гостивъ у помѣщика ихъ нѣсколько дней, точно игралъ съ нимъ въ карты въ преферансъ, и остался въ проигрышѣ 365 рублей ассигнаціями, которыхъ не заплатилъ.

Помѣщикъ рославскаго уѣзда *Володкевичъ* подъ присягою показалъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ, когда Похвисневъ пріѣзжалъ къ нему съ прапорщикомъ Мельницкимъ, то сей послѣдній самъ сознавался тогда, что проигралъ Похвисневу 365 рублей ассигнаціями, причемъ, обѣщая вскорѣ уплатить эти деньги, просилъ: не доводить объ этомъ до свѣдѣнія начальства.

Крѣпостная женщина матери помѣщика Володкевича *Татьяна Фалинова* подъ присягою показала, что въ то время, когда подсудимый Похвисневъ и прапорщикъ Мельницкій были у сына помѣщицы ея, она Фалинова, прислуживая за обѣдомъ, сама

слышала, какъ Похвисневъ разсказывалъ о проигрышѣ ему Мельницкимъ въ карты 300 или 350 руб., а Мельницкій, подтвердивъ это, просилъ подождать этихъ денегъ.

Сверхъ того помѣщикъ *Правиковъ* и штабсъ-капитанъ *Смирновскій* тоже подъ присягою объяснили, что подсудимый Похвисневъ говорилъ имъ, что онъ обыгралъ прапорщика Мельницкаго въ карты, а Смирновскій къ сему присовокупилъ, что Похвисневъ просилъ его при свиданіи съ Мельницкимъ напомнить послѣднему о уплатѣ сего проигрыша.

Показаніе подсудимыхъ штабсъ-капитана Степанова и поручика Похвиснева, о бытности ихъ въ день происшествія въ гостяхъ у Дмитрія Похвиснева и о неотлучкѣ всѣхъ ихъ въ тотъ вечеръ изъ дома Похвиснева,—подтвердили вполнѣ спрошенные подъ священническимъ увѣщаніемъ дворовые ихъ люди девять человѣкъ; равнымъ образомъ и кучеръ маіора Броневскаго крестьянинъ Горчаковъ, подтверждая объясненіе своего помѣщика, отозвался, что когда онъ заѣзжалъ съ Броневскимъ для отдыха въ Островенскій постоялый домъ, то Броневскій пробылъ тамъ около часа и когда вышелъ, то вынесъ съ собою, неизвѣстно ему чью, медвѣжью шубу; въ это время возлѣ постоялаго дома никого болѣе не было и никто не пріѣзжалъ; въ бытность же тамъ онъ Горчаковъ заходилъ въ питейный домъ и спрашивалъ у сидѣльца о дорогѣ къ помѣщику Дмитрію Похвисневу. Это послѣднее обстоятельство подтвердилъ подъ присягою и сидѣлецъ того питейнаго дома мѣщанинъ *Ерошенковъ*, присовокупивъ, что когда онъ выходилъ на улицу указывать дорогу кучеру Броневскаго, то замѣтилъ, что возлѣ Островенскаго постоялаго дома стояла только одна тройка лошадей въ саняхъ.

Останавливавшійся, вечеромъ, въ томъ же постояломъ домѣ купеческій сынъ *Евсигнѣевъ* и работникъ его крестьянинъ *Ивановъ* подъ присягою засвидѣтельствовали, что по пріѣздѣ ихъ туда, они видѣли стоявшую возлѣ крыльца тройку лошадей въ саняхъ съ кучеромъ; кромѣ того тутъ же стояли сани, запряженныя въ одну лошадь, но безъ кучера, шуму же они никакого не слыхали.

При осмотрѣ во время слѣдствія постоялаго дома, гдѣ случилось происшествіе, оказалось, что домъ этотъ находится на большой дорогѣ, возлѣ него въ 18 шагахъ питейный домъ, напротивъ по другую сторону дороги два другіе постоялые дома, а на

разстояніи четверти версты еще постоялый домъ. Но содержатели всѣхъ сихъ домовъ, свидѣтелями происшествія не были и крику или шуму не слыхали.

Справедливости показанія помѣщика Правикова о томъ: «что штабсъ-капитанъ Степановъ въ бытность у него въ домѣ, уже послѣ происшествія, при помѣщикѣ маіорѣ Панютинѣ самъ говорилъ, что жалоба прапорщика Мельницкаго справедлива», *Степановъ* не подтвердилъ, объясняя, что Правиковъ показалъ это единственно по личностямъ къ нему Степанову за то, что онъ ревизуя, по обязанности попечителя хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ рославскомъ уѣздѣ, магазинъ въ имѣніи Правикова, нашелъ тамъ неисправности и поставивъ это Правикову на видъ, требовалъ немедленнаго исправленія. Спрошенный же по ссылкѣ Правикова помѣщикъ маіоръ *Панютинъ* отозвался, что онъ подобнаго разговора Степанова не слыхалъ.

При производствѣ сего дѣла обращено было вниманіе на *достовѣрность* показаній свидѣтелей, указанныхъ Мельницкимъ. При этомъ обнаружено слѣдующее:

1) Мѣщанка *Куричина* по повальному обыску въ поведеніи *не* одобрена. Притомъ въ самомъ показаніи ея оказались довольно важныя противорѣчія, именно: Куричина сначала объяснила, что помянутые помѣщики, пріѣхавъ съ прапорщикомъ Мельницкимъ въ постоялый домъ, стучали сильно въ дверь, грозя выбить ее топоромъ; напротивъ отставной солдатъ Кузьминъ, отворявшій ту дверь, о такихъ угрозахъ ничего не показалъ. Далѣе Куричина объяснила, что она, стоя въ сѣняхъ, слышала, какъ тѣ помѣщики говорили прапорщику Мельницкому, что если онъ не дастъ росписки, то накажутъ его плетьми или удушатъ его. Деньщикъ же Марковъ, стоявшій въ тѣхъ же сѣняхъ, объ этихъ угрозахъ ничего не объяснилъ, отзываясь, что Куричина вмѣстѣ съ нимъ въ сѣняхъ не стояла. Куричина показывала, что по отъѣздѣ помѣщиковъ, прапорщикъ Мельницкій позвалъ къ себѣ въ комнату деньщика Маркова, за которымъ и она также вошла туда; но Марковъ отозвался, что Куричину вовсе не видалъ тогда въ постояломъ домѣ. Наконецъ мѣщанка Куричина объяснила, что о пріѣзжавшихъ въ постоялый домъ помѣщикахъ она объявляла сидѣльцу питейнаго дома мѣщанину Ерошенкову и останавливавшимся въ постояломъ домѣ: купеческому сыну Евсиг-

нёеву и работнику его крестьянину Иванову, но всѣ сіи лица показали, что Куричина не говорила имъ о томъ, и они никого въ постояломъ домѣ не видали.

2) Деньщикъ Мельницкаго рядовой *Марковъ* тоже допустилъ нѣкоторое разнорѣчіе противъ извѣта Мельницкаго и при передопросѣ измѣнилъ первое свое показаніе, а именно: а) Мельницкій писалъ, что всѣ подсудимые помѣщики, догнавъ его на дорогѣ, посадили въ свои сани; напротивъ Марковъ показалъ, что двое изъ тѣхъ помѣщиковъ сидѣли въ саняхъ, ничего не дѣлая. б) Марковъ при первомъ допросѣ (вопреки объясненій прапорщика Мельницкаго) показалъ, что Мельницкій уходилъ отъ тѣхъ помѣщиковъ въ шубѣ, а тогда уже, когда помѣщики схватили его за шубу, онъ убѣжалъ въ одномъ сюртукѣ; впослѣдствіи же измѣнивъ и это показаніе, Марковъ объявилъ, что Мельницкій вовсе не уходилъ отъ помѣщиковъ и они его не догоняли. в) Марковъ въ военномъ судѣ (также несогласно съ объявленіемъ Мельницкаго и отмѣняя свое показаніе, данное при слѣдствіи) объяснилъ, что онъ *не* слышалъ, чтобы встрѣтившіе на дорогѣ прапорщика Мельницкаго помѣщики угрожали убить его и требовали плетей. Но эти помѣщики, получивъ отъ Мельницкаго отвѣтъ: «не знаю гдѣ штабсъ-капитанъ Смирновскій», сказали только Мельницкому: «поѣдемъ же съ нами погулять», когда же Мельницкій отказался отъ этого, говоря, что некогда и что спѣшитъ въ гости, то они сказавъ «успѣешь еще», посадили Мельницкаго въ свои сани. г) Марковъ показалъ, что для написанія письма о продажѣ шубы, подсудимый Дмитрій Похвисневъ посылалъ въ питейный домъ человѣка за чернилами и бумагою; но сидѣлецъ того дома подъ присягою утвердилъ, что кромѣ Маркова никто не приходилъ къ нему за чернилами и бумагою. д) Марковъ показалъ, что онъ объявлялъ сидѣльцу того питейнаго дома, что помѣщики обижаютъ прапорщика Мельницкаго, но сидѣлецъ сего не подтвердилъ. е) Марковъ при указаніи ему при слѣдствіи подсудимыхъ, не узнавъ никого изъ нихъ, объявилъ, что — кажется они пріѣзжали въ постоялый домъ, а въ военномъ судѣ показалъ, что онъ въ числѣ тѣхъ четырехъ помѣщиковъ замѣтилъ только подсудимаго маіора Броневскаго.

3) Отставной солдатъ *Кузьминъ* 63 лѣтъ (какъ раскрыто дополнительнымъ слѣдствіемъ) при приводѣ къ присягѣ 7 декабря

1844 года, дѣйствительно былъ очень боленъ и потому во время допроса сидѣлъ, а на третій послѣ того день поступилъ въ больницу въ горячечномъ состояніи, съ жестокимъ постояннымъ бредомъ, и тамъ же умеръ 20 января 1845 года.

При повальномъ обыскѣ о подсудимыхъ, помѣщики рославльскаго уѣзда и мѣстный предводитель дворянства, отозвались, что маіоръ Броневскій, штабсъ-капитанъ Степановъ и канцелярскій служитель Дмитрій Похвисневъ, поведенія всегда были хорошаго, жалобамъ прежде сего не подвергались и ни въ какихъ противозаконныхъ поступкахъ ими не замѣчены. Напротивъ эти лица какъ по образу жизни своей, такъ и по нравственнымъ свойствамъ, извѣстны за людей честныхъ и безукоризненныхъ и потому пользуются хорошею репутаціею. — Подобные сему отзывы сдѣлали и о подсудимомъ поручикѣ Похвисневѣ помѣщики и предводитель дворянства брянскаго уѣзда; смоленскій же комендантъ засвидѣтельствовалъ, что всѣ подсудимые во время содержанія ихъ подъ арестомъ вели себя хорошо и прилично своему званію.

Сообразивъ всѣ сіи обстоятельства, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что прапорщикъ Мельницкій жаловался на то, что онъ проѣзжая 26 ноября 1844 г., вечеромъ, на собственной лошади съ деньщикомъ, былъ настигнутъ дорогою ѣхавшими на тройкѣ лошадей помѣщиками Броневскимъ, Степановымъ, Александромъ и Дмитріемъ Похвисневыми, которые безъ всякой съ его стороны причины, насильственно и съ угрозами лишить жизни, посадивъ его въ свои сани, привезли въ трактовой постоялый домъ, называемый Островенскимъ, и тамъ съ разными ругательствами, отобравъ у него медвѣжью шубу и кисетъ съ табакомъ, въ которомъ былъ кошелекъ съ полуимперіаломъ и рублемъ серебра, вынудили у него записку, что будто онъ продалъ ту шубу изъ нихъ Дмитрію Похвисневу. Но подсудимые помѣщики ни въ чемъ противъ жалобы прапорщика Мельницкаго не сознались и изъ нихъ трое, именно Степановъ, Александръ и Дмитрій Похвисневы утвердили, что въ день происшествія, во весь вечеръ, они безвыѣздно находились въ домѣ у послѣдняго изъ нихъ, Дмитрія Похвиснева; маіоръ же Броневскій отозвался, что онъ проѣздомъ въ тотъ вечеръ къ Дмитрію Похвисневу, случайно встрѣтилъ въ Островенскомъ постояломъ домѣ Мель-

ницкаго, и зная по прежнимъ разсказамъ Дмитрія Похвиснева, что Мельницкій не платитъ ему проигранныхъ въ карты денегъ 365 руб. ассиг., напомнилъ ему о этомъ долгѣ, и Мельницкій самъ предложилъ ему отвезти къ Похвисневу за тотъ проигрышъ свою шубу, которую тутъ же и отдалъ, а онъ Броневскій, для отклоненія всякого сомнѣнія, взялъ еще отъ него записку къ Похвисневу и потомъ, какъ шубу, такъ и записку доставилъ въ тотъ же вечеръ Дмитрію Похвисневу. Это утвердилъ и самъ Похвисневъ объясняя, что Мельницкій за нѣсколько мѣсяцевъ до происшествія, гостивъ у него въ домѣ, дѣйствительно проигралъ ему въ преферансъ 365 руб. и денегъ сихъ ему не заплатилъ, о чемъ онъ Похвисневъ сказывалъ между многими другими лицами и маіору Броневскому, прося его при свиданіи съ Мельницкимъ напомнить ему о долгѣ и получить деньги, или вмѣсто ихъ шубу, которую Мельницкій самъ же обѣщалъ отдать ему Похвисневу за долгъ. Со стороны прапорщика Мельницкаго въ подтвержденіе его жалобы представлены три свидѣтеля: казенный его деньщикъ Марковъ, хозяйка постоялаго дома мѣщанка Куричина и престарѣлый отставной солдатъ Кузьминъ, жившій за дворника въ томъ домѣ; хотя деньщикъ Марковъ и мѣщанка Куричина подтвердили въ нѣкоторой степени извѣтъ Мельницкаго, первый въ отношеніи происшествія съ нимъ — на дорогѣ, а послѣдняя—въ постояломъ домѣ; но показанія ихъ не имѣютъ силы законныхъ доказательствъ какъ потому, что отобраны безъ присяги, такъ и по той причинѣ, что явно оказываются сомнительными по открывшимся въ нихъ довольно важнымъ противорѣчіямъ; притомъ изъ свидѣтелей Куричина и поведенія порочнаго; третій же свидѣдель отставной солдатъ Кузьминъ утвердилъ только то, что 26 числа вечеромъ пріѣзжали въ постоялый домъ какіе-то четыре помѣщика и привезли съ собою офицера, но ни помѣщиковъ, ни офицера онъ признать не можетъ, и того, что̀ они дѣлали въ комнатѣ, не знаетъ, ибо туда не входилъ и шуму не слыхалъ. Оправданія подсудимыхъ помѣщиковъ тоже не подкрѣпляются законными свидѣтелями, однакожъ дворовые люди изъ нихъ Степанова, Александра и Дмитрія Похвисневыхъ, въ числѣ 9 человѣкъ, подъ священническимъ увѣщаніемъ, согласно отзывамъ самихъ помѣщиковъ, утвердили, что они въ тотъ вечеръ дѣйствительно никуда не выѣзжали, а

кучеръ Броневскаго тоже подтверждая показаніе своего помѣщика, удостовѣрилъ, что въ то время, когда они останавливались въ постояломъ домѣ, тамъ никого не было. Такое показаніе кучера подтверждается показаніями подъ присягою: хозяина сосѣдняго постоялаго дома — мѣщанина Карташева, купеческаго сына Евсигнѣева и работника его, заѣзжавшихъ въ тотъ вечеръ въ Островенскій постоялый домъ, и объяснившихъ, что они видѣли близь крыльца этого дома только одну тройку лошадей, а не три тройки, какъ донесъ Мельницкій и показали деньщикъ его и мѣщанка Куричина. Что же касается до игры Мельницкаго съ Дмитріемъ Похвисневымъ въ карты, и проигрыша ему 365 руб., то это не подвержено никакому сомнѣнію, ибо подтверждается свидѣтельскими подъ присягою показаніями двухъ постороннихъ лицъ, помѣщика Володкевича и дворовой женщины (матери сего помѣщика) Татьяны Фалиновой, при которыхъ самъ Мельницкій сознавался и въ игрѣ и въ проигрышѣ. Затѣмъ, хотя съ одной стороны сомнительно вѣрить показаніямъ подсудимыхъ помѣщиковъ, что изъ нихъ никто, кромѣ одного Броневскаго, не встрѣчалъ прапорщика Мельницкаго въ день происшествія и что Мельницкій отдалъ свою шубу за долгъ добровольно безъ всякого вымогательства, рѣшившись остаться по тогдашнему холодному времени безъ верхняго теплаго платья, за которымъ онъ долженъ былъ посылать къ знакомой ему помѣщицѣ, — но съ другой стороны отнюдь нельзя дать вѣроятія и извѣту самого Мельницкаго, что подсудимые отобрали отъ него шубу грабительскимъ образомъ изъ единственнаго желанія воспользоваться его вещью; это доказывается сколько невозможностію совершить такой грабежъ въ виду по близости находящихся стороннихъ людей, которые всегда могли воспрепятствовать совершенію насилія, столько же и несообразностію того, чтобы четыре помѣщика могли покуситься на столь преступный поступокъ для пріобрѣтенія незначительной для нихъ вещи, стоющей по оцѣнкѣ 40 р. с, тогда-какъ каждый изъ нихъ обладаетъ обезпеченнымъ состояніемъ. Притомъ на повальномъ обыскѣ какъ дворяне, такъ и предводители дворянства засвидѣтельствовали, что всѣ подсудимые и по образу жизни своей, и по нравственнымъ свойствамъ извѣстны всѣмъ за людей честныхъ и безукоризненныхъ. Посему находя жа-

лобу прапорщика Мельницкаго въ отношеніи ограбленія его неосновательною, генералъ-аудиторіатъ призналъ однакожь изъ подсудимыхъ Дмитрія Похвиснева и маіора Броневскаго, по собственнымъ ихъ показаніямъ, виновными въ предосудительныхъ для званія дворянъ поступкахъ, ибо изъ нихъ Дмитрій Похвисневъ занимался съ прапорщикомъ Мельницкимъ картежною игрою на довольно значительную сумму, и потомъ отыскивая отъ Мельницкаго незаплаченныя по такой игрѣ деньги, принялъ въ уплату долга шубу его; а маіоръ Броневскій, взявъ на себя порученіе Похвиснева на счетъ упомянутаго отыскиванія платежа, получилъ отъ Мельницкаго вмѣсто денегъ шубу безъ сомнѣнія по настоятельнему требованію, каковой поступокъ свой и самъ Броневскій, считая неблаговиднымъ, для огражденія себя вытребовалъ въ то же время отъ Мельницкаго росписку о продажѣ, будто бы, этой шубы Похвисневу. На семъ основаніи генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) изъ подсудимыхъ отставныхъ штабсъ-капитана Стѐпанова и поручика Александра Похвиснева, неизобличенныхъ законными доказательствами въ участіи въ насильственномъ поступкѣ съ прапорщикомъ Мельницкимъ, отъ суда и ареста освободить; отставнаго же канцелярскаго служителя Дмитрія Похвиснева и отставнаго маіора Броневскаго, перваго за картежную игру съ прапорщикомъ Мельницкимъ и принятіе отъ него въ уплату проигранныхъ имъ денегъ шубы его, а Броневскаго за принятіе на себя порученія въ этомъ предосудительномъ платежѣ, и въ вытребованіи отъ Мельницкаго для сокрытія сего поступка росписки о продажѣ, будто бы, той шубы Похвисневу,—вмѣнивъ имъ въ наказаніе бытность подъ судомъ и содержаніе во время производства слѣдствія и суда около полутора-года подъ арестомъ, выдержать еще подъ арестомъ на гауптвахтѣ Броневскаго, какъ болѣе по званію и лѣтамъ своимъ виновнаго, два мѣсяца, а Похвиснева одинъ мѣсяцъ, и съ нихъ же взыскать по ровной части издержанныя по сему дѣлу на прогоны и суточныя деньги. 2) Прапорщика Мельницкаго, за неосновательное донесеніе о насильственномъ, будто бы, отнятіи у него пудсудимыми шубы и кисета съ табакомъ и деньгами, и сокрытіе о происходившей у него картежной игрѣ съ Дмитріемъ Похвисневымъ и проиграніи ему денегъ, арестовать съ содержаніемъ на гауптвахтѣ на четыре мѣсяца со внесеніемъ штрафа сего въ формулярный его списокъ.

На подлинномъ докладѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Прапорщика Мельницкаго отставить «отъ службы, а въ прочемъ быть по сему. Николай. С.-Петер-«бургъ. 16 января 1847 г.»

О титулярномъ совѣтникѣ Мазилевѣ, сужденномъ за покушеніе получить заложенныя въ ссудной казнѣ вещи безъ вноса за нихъ денегъ.

Титулярный совѣтникъ Мазилевъ, состоя съ января 1842 года помощникомъ кассира въ с.-петербургской экспедиціи ссудной казны и пользуясь, по роду занятій кредитнаго учрежденія, довѣріемъ сослуживцевъ своихъ, 2-го мая 1850 года покусился выкупить заложенныя имъ прежде въ ссудной казнѣ собственныя свои вещи (столовое серебро и золотую булавку съ бриліантомъ), безъ вноса слѣдующихъ за нихъ денегъ 54 рубля серебромъ. — Подлогъ этотъ онъ намѣревался привести въ исполненіе слѣдующимъ образомъ: не предъявляя кассиру билетовъ своихъ, по которымъ слѣдовало вносить ему деньги, онъ подложилъ ихъ тайно къ помощнику директора, занимающемуся выдачею вещей, оставивъ у себя оторванные углы отъ билетовъ съ фальшиво-сдѣланною на нихъ, самимъ имъ, за кассира помѣткою въ полученіи денегъ, и надписью номера билету, — по которымъ производится выдача вещей предъявителю. Но когда вещи были уже вынесены, то при подачѣ имъ угловъ отъ билетовъ для полученія вещей, подлогъ этотъ былъ открытъ, и онъ самъ тогда же въ этомъ признался. При отобраніи отъ него письменнаго объясненія, Мазилевъ открылъ, что онъ не одинъ уже разъ получалъ безденежно, по отдѣленію директора Кузьминскаго, свои вещи, не заплативъ за выкупъ до двухсотъ рублей серебромъ.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ статсъ-секретаремъ Гофманомъ, Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: «Мазилева судить военнымъ судомъ и кончить въ 24 часа, а какъ онъ изобличенъ и самъ письменно сознался, то по окончаніи суда и приговора, отослать въ Свеаборгъ въ арестантскія роты на двадцать лѣтъ».

При допросе въ военномъ судѣ *) Мазилевъ подтвердилъ сознаніе въ означенныхъ поступкахъ и самъ же объяснилъ о средствахъ, какія употреблялъ для учиненія своихъ подлоговъ.

По отзыву управляющаго ссудною казною вещи и деньги сей казны находятся въ цѣлости.

Генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго титулярнаго совѣтника Мазилева виновнымъ: въ покушеніи 2-го мая 1850 года на полученіе изъ ссудной казны выкупаемыхъ своихъ вещей, безъ вноса слѣдующихъ за нихъ въ казну денегъ 54-хъ рублей серебромъ, и въ полученіи, (по собственному его сознанію,) и прежде своихъ вещей также безъ вноса за нихъ денегъ до 200 рублей серебромъ, — полагалъ: Мазилева лишить чиновъ, ордена св. Анны 4-й степени за храбрость, знака отличія безпорочной службы за XX лѣтъ и дворянскаго достоинства и на основаніи послѣдовавшаго уже о немъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія отослать его въ Свеаборгъ въ арестантскія роты на двадцать лѣтъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему. Николай. Варшава. 13 (25) мая 1850».

О кражѣ корнетомъ Тиньковымъ изъ шкатулки казначея Тарнавскаго денегъ.

Корнетъ Тиньковъ, по производствѣ въ офицеры 5-го іюня 1848 года съ переводомъ изъ елисаветградскаго въ новоархангельскій уланскій полкъ, прибывъ въ сей послѣдній 31-го іюля, остановился въ квартирѣ полковаго казначея поручика Тарнавскаго, и игралъ съ Тарнавскимъ и полковымъ адъютантомъ поручикомъ Рѣдькинымъ въ карты на деньги; затѣмъ 2 августа, въ отсутствіе Тарнавскаго, Тиньковъ, открывъ вилкою шкатул-

*) Подсудимый Мазилевъ по выпускѣ въ 1826 году изъ 1-го кадетскаго корпуса, служилъ сперва въ военной службѣ, а потомъ съ 1834 года въ разныхъ вѣдомствахъ по гражданской части, и наконецъ въ январѣ 1842 года опредѣленъ въ с.-петербургскую экспедицію ссудной казны на вакансію помощника кассира. *Прим. изд.*

ку Тарнавскаго, вынулъ изъ нея 280 руб. сер., и какъ въ квартирѣ никого тогда кромѣ Тинькова не было, то и пало на него подозрѣніе въ похищеніи тѣхъ денегъ; но онъ на спросъ брата Тарнавскаго, эскадроннаго командира ротмистра Тарнавскаго, въ кражѣ не сознался; потомъ 19 того же августа признался, что сдѣлалъ похищеніе денегъ по молодости лѣтъ, причемъ возвратилъ 159 руб. 65 коп. объявя, что остальные 120 р. 35 коп. сер., растратилъ; въ число сихъ денегъ пополнено изъ жалованья его 76 руб. 69¾ коп., затѣмъ осталось невозвращенныхъ 43 руб, 65¼ коп. сереб.

Ротмистръ Тарнавскій объ означенномъ происшествіи словесно довелъ до свѣдѣнія полковаго командира полковника Керстича, на спросъ котораго Тиньковъ чистосердечно признался въ кражѣ. Посему полковникъ Керстичъ доложилъ о семъ словесно начальнику 2-й уланской дивизіи генералъ-лейтенанту Гротенгельму а когда поручикъ Тарнавскій подалъ Керстичу 31 августа рапортъ о кражѣ у него Тиньковымъ денегъ, то Керстичъ, 2 сентября предписалъ маіору ввѣреннаго ему полка Павлову произвесть изслѣдованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ арестовалъ Тинькова.

При допросѣ маіоромъ Павловымъ 4 сентября, Тиньковъ объяснилъ, что онъ денегъ у Тарнавскаго не бралъ, а проигралъ ему въ карты, но не заплативъ оныхъ и желая, чтобы его Тинькова уволили отъ службы, онъ взвелъ на себя эту вину и полагалъ, что будетъ уволенъ въ отставку.

Между тѣмъ полковникъ Керстичъ, получивъ предписаніе начальства о назначеніи украинскаго уланскаго полка маіора Домарацкаго для производства изслѣдованія о Тиньковѣ, потребовалъ отъ маіора Павлова начатое имъ слѣдствіе, и видя изъ показанія Тинькова отрицаніе его въ кражѣ денегъ, вытребовалъ его съ гауптвахты къ себѣ, и въ присутствіи маіора Павлова совѣтовалъ ему, какъ неопытному, отвѣчать на вопросы такъ, какъ происходило; посему Тиньковъ просилъ возвратить ему отвѣтъ его для перемѣны; но маіоръ Павловъ, не возвращая того отвѣта, предложилъ ему вновь написанный вопросъ и по полученіи на оный объясненія, первый отвѣтъ Тинькова уничтожилъ. Въ означенномъ второмъ отвѣтѣ Тиньковъ объяснилъ, что онъ точно взялъ изъ шкатулки Тарнавскаго безъ позволенія его деньги, съ намѣреніемъ возвратить ему впослѣдствіи, однакожъ

до 19 августа не имѣлъ случая сказать ему объ этомъ, а означеннаго числа чистосердечно признался Тарнавскому, объяснивъ, что сдѣлалъ сіе необдуманно. Это показаніе Тиньковъ подтвердилъ и на спросъ вновь назначеннаго слѣдователя маіора Домарацкаго.

Въ военномъ судѣ подсудимый показалъ, что по прибытіи въ полкъ, проигралъ Тарнавскому въ штосъ 120 руб. сер., и какъ Тарнавскій побуждалъ его къ непремѣнной уплатѣ означенныхъ денегъ, то онъ, Тиньковъ, не имѣя оныхъ, 2 августа будучи въ нетрезвомъ видѣ, взялъ изъ шкатулки его 280 руб. сер. для уплаты проигрыша, но когда увидѣлъ, что взялъ больше, чѣмъ слѣдовало уплатить, то будучи мучимъ совѣстью, хотя желалъ признаться, но не имѣя присутствія духа, оставилъ деньги у себя; а между тѣмъ 13 августа далъ Тарнавскому въ проигранныхъ 120 руб. сер. росписку; потомъ когда признался въ своемъ преступленіи, далъ ему общую росписку на 240 руб. сер., включивъ въ оную и утраченныя 120 руб. сер.; присемъ Тарнавскій обѣщалъ первую росписку уничтожить.

Поручикъ Тарнавскій отозвался, что онъ игралъ съ Тиньковымъ и Рѣдькинымъ не въ штосъ, а въ преферансъ, и Тиньковъ былъ въ проигрышѣ не болѣе 20 р. сер., росписки на эти деньги показатель не бралъ, а взялъ таковую послѣ уже похищенія у него денегъ отъ Тинькова на сумму 120 руб. 35 коп. сер., эту росписку Тарнавскій представилъ къ дѣлу. Поручикъ Рѣдькинъ, подтверждая показаніе Тарнавскаго о игрѣ съ Тиньковымъ въ преферансъ, а не въ штосъ, объявилъ, что Тиньковъ проигралъ не болѣе 15 руб. сер.

По предъявленіи подсудимому упомянутой росписки его, данной 13 іюля 1848 г., на 421 р. асс. (на сереб. 120 руб. 28⁶/₇ к.), Тиньковъ показалъ, что росписка сія дана Тарнавскому 13 августа, (а мѣсяцъ іюль написанъ въ оной по ошибкѣ), въ тѣхъ деньгахъ, которыя проиграны, но поручикъ Тарнавскій отозвался, что въ этой роспискѣ заключаются растраченныя Тиньковымъ деньги, а не проигранныя, и что другой общей росписки на 240 р. сер., онъ Тарнавскій не получалъ.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ нашелъ подсудимаго корнета Тинькова виновнымъ въ томъ, что онъ, имѣя пребываніе въ квартирѣ полковаго казначея поручика Тарнав-

скаго, 2 августа 1848 года укралъ изъ шкатулки Тарнавскаго, въ небытность его въ той квартирѣ, денегъ 280 руб. сер. Въ этомъ преступленіи подсудимый Тиньковъ призвался, показывая, что онъ играя въ карты съ Тарнавскимъ и съ полковымъ адъютантомъ поручикомъ Рѣдькинымъ въ азартную игру, и проигравъ первому 120 руб. сер., рѣшился на похищеніе у Тарнавскаго денегъ, для уплаты ему проигранныхъ. Но Тарнавскій и Рѣдькинъ отозвались, что они играли съ Тиньковымъ въ преферансъ, а не въ азартную игру, и что онъ Тиньковъ былъ въ проигрышѣ не болѣе 15 или 20 р. сер. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: Тинькова, за игру въ карты на деньги и за кражу у товарища своего 280 р. сер., на основаніи 497 ст. 1 кн. 5 част. свода военныхъ постановленій, лишивъ чиновъ и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые, и опредѣлить на службу по распоряженію инспекторскаго департамента; а на удовлетвореніе поручика Тарнавскаго растраченными подсудимымъ деньгами 43 р. 65¼ к. сер., обратить имущество Тинькова, какое у него окажется.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по этому дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему. Николай. Царское село. 29 сентября 1849».

О прапорщикѣ Гольцѣ, сужденномъ за поддѣлку кредитныхъ билетовъ и растрату денегъ.

Прапорщикъ Гольцъ во время нахожденія на службѣ въ лейбъ-гренадерскомъ эриванскомъ Его Величества полку, расположенномъ въ урочищѣ Манглисъ, подвергся обвиненію въ дѣланіи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, и въ растратѣ казенныхъ и частныхъ денегъ, ввѣренныхъ ему по службѣ.

По *первому* предмету, обвиненіе на подсудимаго возникло вслѣдствіе жалобы полковаго маркитанта Абелова, который 27 августа 1858 года объявилъ командовавшему полкомъ за отсутствіемъ полковаго командира подполковнику Добрынскому, что наканунѣ того дня въ 7 часовъ вечера прапорщикъ Гольцъ раз-

мѣнялъ у него въ духанѣ 50 рублевый кредитный билетъ, который оказался фальшивымъ. Слѣдствія по сему предмету по упущенію подполковника Добрынскаго своевременно произведено не было, а между тѣмъ прапорщикъ Гольцъ въ томъ же августѣ мѣсяцѣ уѣхалъ въ Тифлисъ, и уже 12 сентября, по возвращеніи въ м. Манглисъ полковаго командира генералъ-маіора де-Саже, было сдѣлано распоряженіе о производствѣ по сему предмету слѣдствія, причемъ вмѣнено въ обязанность слѣдственной коммисіи произвести обыскъ въ квартирѣ прапорщика Гольца, которая оставалась подъ надзоромъ деньщика его Невѣдомскаго.

При обыскѣ (произведенномъ впрочемъ, вопреки закону, въ отсутствіе самого Гольца и безъ понятыхъ) найдены — въ книгѣ подъ подушкою на кровати недоконченный фальшивый кредитный билетъ въ 50 р. и въ сундукѣ: кисть для рисованія, кусокъ туши, пузырекъ съ жидкостію, краски синяго и желтаго цвѣта и блюдечко для растиранія красокъ.

При слѣдствіи и въ военномъ судѣ маркитантъ Абеловъ въ разъясненіе жалобы своей показалъ, что 26 августа, въ 7 часовъ вечера, когда онъ находился въ полковомъ духанѣ, пришедшій туда рядовой Іоновъ сказалъ ему, что его зоветъ какой-то офицеръ. Выйдя вслѣдствіе сего на улицу, онъ увидѣлъ прапорщика Гольца, который попросилъ размѣнять ему 50 рублевый кредитный билетъ. Пригласивъ Гольца въ отдѣльную комнату духана, онъ Абеловъ отсчиталъ на 50 руб. мелкихъ кредитныхъ билетовъ и отдалъ ихъ Гольцу, который тогда только вынулъ изъ портмонэ билетъ, и передавъ его, поспѣшно вышелъ. По уходѣ его, онъ Абеловъ, разсмотрѣвъ билетъ, нашелъ его фальшивымъ, а потому побѣжалъ за Гольцемъ въ офицерскій флигель, и узнавъ отъ деньщика его, что онъ только что ушелъ, отправился въ новую канцелярію, гдѣ былъ въ тотъ вечеръ назначенъ балъ. На дорогѣ встрѣтивъ Гольца, шедшимъ съ прапорщикомъ Добровольскимъ, сказалъ ему, что размѣненный имъ билетъ фальшивый и что поэтому онъ проситъ перемѣнить его или возвратить деньги; но Гольцъ отозвался, что никакого билета у него не мѣнялъ. Когда вслѣдъ затѣмъ, онъ Абеловъ доложилъ о происшедшемъ полковому адъютанту подпоручику Девдаріани, то сей послѣдній, по случаю бывшаго въ тотъ вечеръ бала, приказалъ подождать до слѣдующаго дня, а на дру-

гой день послалъ его къ подполковнику Добрынскому. При возвращеніи домой, встрѣтивъ прапорщика Гольца, онъ Абеловъ снова обратился къ нему съ просьбою о возвращеніи денегъ, и когда вслѣдъ за нимъ вошелъ къ нему въ комнату, то Гольцъ, вырвавъ у него изъ рукъ фальшивый билетъ разорвалъ его и измялъ въ рукахъ, а пачку мелкихъ кредитныхъ билетовъ на 50 руб., которую получилъ отъ него наканунѣ, бросилъ ему въ лицо, сказавъ: «на, возьми и ступай, а то я тебя изрублю».

Подсудимый *Гольцъ* показалъ, что 26 августа вечеромъ онъ у маркитанта Абелова въ духанѣ вовсе не былъ, а съ 5 часовъ находился сперва въ билліардной, потомъ сидѣлъ съ офицерами на скамейкѣ подлѣ офицерскаго флигеля, и наконецъ, пройдясь нѣсколько разъ по плацу съ вышедшимъ изъ флигеля прапорщикомъ Балышевымъ, отправился около $6^1/_2$ часовъ къ себѣ въ номеръ переодѣться и минутъ чрезъ 8 зашелъ на верхъ къ прапорщику Балышеву. Посидѣвъ немного, онъ Гольцъ пошелъ на балъ съ прапорщикомъ Добровольскимъ, но возвратился съ нимъ же домой, чтобъ надѣть шашки. На дорогѣ ихъ встрѣтилъ маркитантъ Абеловъ и просилъ его взять обратно фальшивый 50 рублевый кредитный билетъ, будто бы вымѣненный имъ у него, Гольца. Не входя въ объясненіе съ Абеловымъ, онъ Гольцъ сказалъ ему только, чтобы онъ убирался къ чорту. Тогда Абеловъ закричавъ, что пойдетъ жаловаться, побѣжалъ въ домъ, гдѣ назначенъ былъ балъ. Надѣвъ шашку, показатель вернулся въ собраніе, но Абелова уже не засталъ. На слѣдующій день Абеловъ дѣйствительно былъ у него Гольца въ квартирѣ, и снова просилъ о возвращеніи ему денегъ, если билетъ размѣненъ имъ, причемъ однако билета у него въ рукахъ не было и онъ, Гольцъ, не вырывалъ его у него; это можетъ подтвердить бывшій при объясненіи его съ Абеловымъ прапорщикъ Балышевъ. Фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ онъ, Гольцъ, ни отъ кого не принималъ, и самъ поддѣлкою ихъ не занимался, да и не могъ этого дѣлать, какъ потому, что не знаетъ рисовать и не имѣетъ инструмента, такъ и потому, что окна его квартиры выходятъ на переднее крыльцо, гдѣ лѣтомъ часто сидятъ офицеры и чрезъ окна имъ видна была вся его комната; если же фальшивый билетъ найденъ въ его квартирѣ, то оный положенъ какимъ-либо недоброжелателемъ, въ чемъ подозрѣваетъ уча-

ствовавшаго въ обыскѣ аудитора Бухало, который былъ съ показателемъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ; изъ прочихъ вещей, найденныхъ въ его квартирѣ, тушь вовсе не натирается, а двѣ краски подарены ему еще въ училищѣ какимъ-то товарищемъ и валялись съ тѣхъ поръ у него въ сундукѣ; жидкость же въ бутылочкѣ есть не что иное, какъ сапожный лакъ, купленный имъ у какого-то венгерца.

Послѣднее обстоятельство о свойствѣ найденной въ квартирѣ Гольца жидкости подтвердилось физико-химическимъ изслѣдованіемъ этой жидкости, сдѣланнымъ въ тифлиской врачебной управѣ.

Относительно объясненія подсудимаго, что онъ съ 5-ти часовъ до ухода на балъ находился постоянно между товарищами и потому не могъ быть въ духанѣ у маркитанта Абелова, обнаружено изъ показаній спрошенныхъ офицеровъ, что онъ дѣйствительно въ 7 часовъ вечера прогуливался съ 1/4 часа на плацу съ прапорщикомъ Балышевымъ, къ которому зашелъ потомъ въ номеръ, и оттуда отправился съ прапорщикомъ Добровольскимъ на балъ; но гдѣ находился до прогулки и куда именно пошелъ съ плаца, когда разстался съ Балышевымъ, въ показаніяхъ этихъ не объяснено. Деньщикъ же Гольца Невѣдомскій изложилъ, что Гольцъ прежде, нежели отправился на балъ, уходилъ куда-то изъ дому, и вскорѣ возвратился запыхавшись, какъ будто бѣжалъ.

Находившіеся въ духанѣ рядовой *Іоновъ* и работникъ Абелова армянинъ *Абазовъ* отозвались, что приходившаго къ Абелову офицера они въ лицо не замѣтили, хотя вскорѣ по выходѣ того офицера Абеловъ дѣйствительно предъявлялъ изъ нихъ Абазову, что вымѣнялъ фальшивый билетъ и немедленно отправился розыскивать офицера, промѣнявшаго ему оный. — Спрошенный же по ссылкѣ подсудимаго Гольца въ подтвержденіе того, что Абеловъ приходилъ къ нему на другой день послѣ происшествія безъ билета, прапорщикъ *Балышевъ* подъ присягою засвидѣтельствовалъ, что, заставъ маркитанта Абелова у прапорщика Гольца, онъ изъ любопытства просилъ его показать фальшивый билетъ, о чемъ просилъ съ своей стороны и прапорщикъ Гольцъ; но Абеловъ отозвался, что билетъ его дома, въ духанѣ.

Противъ объясненія Гольца, что найденный въ квартирѣ его фальшивый кредитный билетъ подкинутъ къ нему, деньщикъ Гольца Невѣдомскій отозвался, что въ отсутствіе его никто

изъ постороннихъ въ квартиръ его не былъ. Аудиторъ Бухало, на котораго Гольцъ изъявилъ подозрѣніе въ подкинутіи означеннаго билета, не сознался въ этомъ, и къ изобличенію его не только никакихъ доказательствъ не представлено, но бывшіе при обыскѣ подполковникъ Добрынскій и поручикъ Бальтаго удостовѣрили, что билетъ, найденный въ книгѣ, по наружному виду и отсутствію всякихъ сгибовъ, долженъ былъ давно лежать между листами книги, и слѣдовательно не могъ быть подложенъ въ книгу во время обыска аудиторомъ Бухало.

Подсудимый Гольцъ въ подтвержденіе своей невинности изъявилъ готовность принять очистительную присягу *).

Что касается до возникшаго на подсудимаго Гольца обвиненія въ растратѣ казенныхъ и частныхъ денегъ, то изъ дѣла видно что при обыскѣ квартиры Гольца найдены разныя письма и бумаги, по пересмотрѣ которыхъ обнаружилось, что съ прапорщикомъ Гольцемъ, при отправленіи его въ іюнѣ 1857 г. изъ лезгинскаго отряда въ штабъ-квартиру полка, посланы были деньги: 70 руб. отъ командира 1-й стрѣлковой роты для передачи въ 16-ю роту за купленныя въ оной 2 артельныя лошади, и 50 руб. отъ поручика Кимбара для отдачи въ Тифлисѣ на почту съ тѣмъ, чтобы деньги эти отосланы были къ прапорщику Кимбару въ г. Пятигорскъ; но деньги эти не доставлены по принадлежности.

Подсудимый прапорщикъ Гольцъ показалъ, что означенныя деньги во время отлучки его съ какого-то постоялаго двора въ г. Телавѣ, неизвѣстно кѣмъ, похищены изъ конвертовъ.

Слѣдствіемъ же открыто, что Гольцъ по прибытіи въ Манглисъ на запросъ командира 16 роты штабсъ-капитана Каменскаго ложно объявилъ ему, что деньги оставлены имъ въ Тифлисѣ на почтѣ для передачи полковому кореспонденту **).

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) подсудимаго прапорщика Гольца по обвиненію въ дѣланіи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и въ размѣнѣ одного изъ

*) Гольцъ не могъ представить удовлетворительныхъ объясненій, для чего имѣлъ между вещами своими краски и принадлежности для рисованія, тогда-какъ по собственному показанію не умѣлъ вовсе рисовать.

**) Означенныя деньги уплачены были, по распоряженію бывшаго командира полка, изъ офицерской суммы, которая пополнена потомъ изъ жалованья прапорщика Гольца.

нихъ у маркитанта Абелова, на основаніи 3 п. 349 ст. 2 кн. воен. угол. уст., освободить отъ упадающаго на него подозрѣнія въ этихъ преступленіяхъ, такъ какъ онъ изъявилъ готовность въ подтвержденіе невинности своей принять очистительную присягу; за растрату же казенныхъ и частныхъ денегъ, которыя пополнены по обнаруженіи уже злоупотребленія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго по военному вѣдомству въ приказѣ отъ 2 августа 1861 года считать его исключеннымъ изъ службы, съ лишеніемъ чина и знака отличія военнаго ордена, и 2) членамъ слѣдственной коммисіи, за упущеніе въ томъ что, вопреки 131 и 132 ст. 2 кн. воен.-угол. устава, произвели въ квартирѣ прапорщика Гольца обыскъ безъ понятыхъ и въ отсутствіе самого его,—объявить выговоръ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему, С.-Петербургъ, 4 января 1862 г.»

О рядовомъ Севастьянѣ Полянскомъ, сужденномъ за ограбленіе мертвыхъ тѣлъ.

Въ бытность рядоваго Полянскаго на службѣ въ динабургской инвалидной командѣ, 30-го апрѣля 1861 г. дежурный по карауламъ капитанъ Богорецкій донесъ динабургскому коменданту, что въ ночь на это число на солдатскомъ кладбищѣ близь лѣтняго госпиталя пойманъ занимаемымъ тамъ карауломъ рядовой Полянскій съ заступомъ въ рукахъ, которымъ онъ отрывалъ солдатскія могилы, и что у Полянскаго найдены снятые съ труповъ три рубахи, двое подштанниковъ и четыре куска подкладочнаго холста.

Подсудимый Полянскій при слѣдствіи и въ военномъ судѣ, сознавшись въ разрытіи могилъ и ограбленіи мертвыхъ тѣлъ, объяснилъ, что 30-го апрѣля вставши утромъ часу въ 3-мъ, онъ взялъ изъ командной кухни лопату, пошелъ на госпитальное кладбище и разрылъ тамъ двѣ могилы, изъ коихъ въ первой было три гроба, а въ послѣдней одинъ гробъ; открывъ крыши этихъ гробовъ, онъ снялъ съ 4 мертвыхъ тѣлъ, въ нихъ погребенныхъ, холсты, которыми они были покрыты, а съ троихъ рубахи и

штаны, потомъ снова засыпалъ обѣ могилы, и возлѣ послѣдней изъ нихъ зарылъ въ песокъ лопату и узелъ съ ограбленными съ мертвыхъ вещами; но изъ нихъ два куска холста положилъ снаружи близъ могилы; затѣмъ сѣлъ въ сторонѣ отдохнуть, причемъ надѣлъ на себя одни ограбленные штаны, а другіе штаны и рубаху обвернулъ кругомъ тѣла и сталъ вытряхать насыпавшійся въ сапоги песокъ. Въ это время находившійся въ караулѣ при артиллерійскихъ лабазахъ фейерверкеръ гренадерскаго артиллерійскаго летучаго парка Тарасовъ, подойдя къ нему Полянскому, спросилъ: что онъ дѣлаетъ, и получивъ отвѣтъ отъ него, что смѣняетъ бѣлье и хочетъ вымыть оное, Тарасовъ пошелъ отъ него; но пройдя шаговъ 10 и увидѣвъ лежавшіе на землѣ два куска холста, взялъ и понесъ ихъ въ караульный домъ, изъ коего вскорѣ вышли солдаты, и взявъ его, привели въ караульню; тамъ, при осмотрѣ, нашли обвернутыя вокругъ него штаны и рубаху, онъ тутъ же во всемъ сознался, и по указанію его найдены были закопанныя имъ въ пескѣ вещи и лопата. Къ этому Полянскій присовокупилъ, что наканунѣ преступленія онъ былъ очень пьянъ, и не совсѣмъ проспавшись, всталъ рано утромъ и не знаетъ съ чего пришла ему въ голову мысль о разрытіи могилъ; въ преступленіи этомъ съ нимъ никто не участвовалъ, и хотя онъ былъ прежде съ годъ времени *могильщикомъ*, но разграбленіемъ мертвыхъ тѣлъ не занимался *).

При осмотрѣ означенныхъ двухъ могилъ, оказалось, что одна изъ нихъ, въ коей находилось два гроба, **) была повреждена, а другая съ однимъ гробомъ не имѣла поврежденій.

Фейерверкеръ Тарасовъ подъ присягою объяснилъ, что на разсвѣтѣ 30 апрѣля, находясь въ караулѣ за старшаго и обходя лабазы, онъ увидѣлъ, что подсудимый Полянскій сидѣлъ на кладбищѣ на землѣ, вытряхалъ песокъ изъ сапогъ и надѣвалъ на себя лѣтніе штаны. Это, по времени года, показалось ему подозрительнымъ, почему онъ спросилъ Полянскаго, что тутъ дѣлаетъ? Получивъ въ отвѣтъ, «перемѣняю бѣлье и хочу идти на р. Погу-

*) При подсудимомъ, по приводѣ его съ могилы въ караульный домъ, найденъ былъ еще ножикъ безъ черенка. Объ немъ Полянскій отозвался «что таковой былъ при немъ, какъ и у всякого солдата водится ножикъ на всякій случай».

**) По показанію же подсудимаго ихъ было три.

лянку вымыть оное», онъ Тарасовъ, сказалъ ему—зачѣмъ же идти на Погулянку, когда вода есть ближе? Полянскій же отвѣтилъ, что сегодня праздникъ, такъ кстати и выпьетъ тамъ. Послѣ того онъ, Тарасовъ, пошелъ въ караульню, но около могилы нашелъ два куска холста, принесъ ихъ въ караульню, и когда развернулъ холстъ при караульныхъ, то послѣдніе почувствовали смрадный запахъ отъ него и заключили, что холстъ этотъ взятъ изъ могилы, посему онъ, Тарасовъ, послалъ арестовать Полянскаго; по приводѣ Полянскаго въ караульню, они нашли на немъ холстиновую рубаху и нанковые штаны, обвернутые около тѣла. Полянскій повинился имъ въ преступленіи и указалъ, гдѣ была зарыта лопата, которою онъ отрывалъ могилы, а старшій канониръ Андреевъ нашелъ еще зарытые въ песокъ два куска холста, двѣ рубахи и штаны. При Полянскомъ *) оказался также ножикъ безъ черенка.

Согласно съ фейерверкеромъ Тарасовымъ показали подъ присягою еще четверо нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ ту ночь въ караулѣ.

Генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что рядовой Полянскій, состоя на службѣ въ динабургской инвалидной командѣ, ночью на 30 апрѣля 1861 г., прійдя на солдатское кладбище, разрылъ двѣ могилы и ограбилъ съ мертвыхъ тѣлъ холсты, которыми были они покрыты, рубахи и подштаники, а потомъ, зарывъ могилы, намѣревался скрыться съ означенными вещами, но тутъ же былъ взятъ и тогда же сознался въ преступленіи. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго Полянскаго виновнымъ въ разрытіи могилъ и ограбленіи мертвыхъ тѣлъ, за что онъ, на основаніи 165 ст. 1 кн. военно-уголов. устава и 268 ст. уложенія о наказ. уголов. и исправ., подлежитъ наказанію шпицрутенами и ссылкѣ въ каторжную работу; но какъ онъ, по медицинскому освидѣтельствованію, оказался страдающимъ удушьемъ, то генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: не подвергая его тѣлесному наказанію, лишить нашивки на рукавѣ мундира изъ желтой тесьмы за безпорочную службу, медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; ограбленныя съ мертвыхъ тѣлъ вещи уничтожить, а украденную имъ изъ динабургской ин-

*) Рядовой Полянскій 27 лѣтъ, римско-католическаго исповѣданія, происходилъ, изъ поселянъ калишскаго уѣзда, варшавской губерніи.

валидной команды лопату, которою онъ разрывалъ могилы, возвратить по принадлежности.

Объ унтеръ-офицерѣ Антоновѣ, преданномъ суду: за подкинутіе наполненныхъ угрозами двухъ записокъ съ требованіемъ денегъ.

Свеаборгскій плацъ-маіоръ 8-го іюня 1861 года донесъ свеаборгскому коменданту, что 2-го того іюня старшій прикащикъ свеаборгскаго маркитанта Торопова, Никандръ Галочкинъ, представилъ ему записку отъ неизвѣстнаго лица, (помѣченную 2-мъ числомъ мая и поднятую 2-го іюня въ лавкѣ Торопова), въ которой заключались требованія о непремѣнной выдачѣ 200 руб. и угроза истребить въ противномъ случаѣ все имѣніе и весь родъ Торопова.—Посему приказано было плацъ-маіоромъ прикащику Галочкину написать отвѣтъ, безъ приложенія денегъ, спросить о причинѣ просьбы, и положивъ отвѣтъ на назначенное въ запискѣ мѣсто, сторожить, кто именно придетъ за отвѣтомъ; въ помощь для сего назначены были два унтеръ-офицера отъ финляндскаго линейнаго № 6-го баталіона, но когда именно сказанный отвѣтъ былъ взятъ, унтеръ-офицеры эти не досмотрѣли. Затѣмъ 6-го іюня утромъ, при открытіи лавки, въ притворѣ дверей найдена была другая записка, въ которой требовалось непремѣнно выдать 200 руб. и положить деньги на то мѣсто, гдѣ была записка, а если же не будетъ исполнено, то не ожидать хорошаго и лавки будутъ истреблены не только въ крѣпости, но и въ городѣ.—Посему вторично было приказано плацъ-маіоромъ положить на то мѣсто отвѣтъ, и строжайше наблюдать за похитителемъ онаго; для сего ночью на 8-е іюня два обходныхъ унтеръ-офицера, а также прикащики маркитанта Торопова были поставлены для наблюденія; прикащикъ Галочкинъ въ половинѣ 12 часа ночи замѣтилъ проходившаго по дорогѣ, осматриваясь во всѣ стороны, линейнаго унтеръ-офицера, а при дальнѣйшемъ наблюденіи за нимъ усмотрѣлъ, какъ онъ подошелъ къ забору при домѣ купца Синебрюхова и пробрался скрытно до того мѣста, гдѣ лежалъ приготовленный отвѣтъ и ставши на колѣни, сталъ доставать оный такъ, чтобы не видно было его съ другаго угла забора; въ это время Галочкинъ выбѣжалъ для поимки его, но чело-

вѣкъ тотъ пустился бѣжать, однакожъ по данному сигналу о задержаніи его былъ пойманъ. Оказалось, что онъ былъ унтеръ-офицеръ финляндскаго линейнаго № 2-го баталіона Никифоръ Антоновъ. При обыскѣ у Антонова найдено: подъ подушкою въ постели тетрадь, писанная совершенно сходно съ вышеупомянутыми двумя записками, и въ сундукѣ пороху $3^1/_8$ фунта.

При слѣдствіи прикащикъ купца Торопова Галочкинъ подтвердилъ сдѣланное имъ свеаборгскому плацъ-маіору объявленіе о подкинутіи въ лавку купца Торопова двухъ записокъ съ требованіемъ денегъ.

Подсудимый унтеръ-офицеръ Антоновъ при слѣдствіи сознался въ написаніи и подкинутіи означенныхъ записокъ въ лавку купца Торопова, но присовокупилъ, что никакого злаго умысла поджечь чей либо домъ, а въ особенности домъ Торопова, онъ не имѣлъ; если-же выразился въ запискахъ, писанныхъ его рукою, что истребитъ лавку и весь родъ Торопова, то единственно отъ крайне недостаточнаго своего состоянія, для того чтобы *застращать* Торопова и тѣмъ вынудить отъ него деньги; найденный у него порохъ онъ отбиралъ отъ нижнихъ чиновъ, когда они бывали на ученьѣ, и хранилъ у себя для охоты.

Это показаніе подсудимый Антоновъ вполнѣ подтвердилъ и въ военномъ судѣ.

Генералъ-аудиторіатъ по симъ обстоятельствамъ нашелъ, что 2-го іюня 1861 г. въ лавкѣ торгующаго въ г. Свеаборгѣ купца Торопова поднята была подброшенная отъ неизвѣстнаго лица записка, въ которой заключались: требованіе выдать 200 руб. сер. и угроза, вслучаѣ неисполненія этого требованія, истребить все имѣніе и весь родъ Торопова. По объявленіи объ этомъ свеаборгскому плацъ-маіору, приказано было прикащику изъ лавки купца Торопова написать отвѣтъ на означенную записку безъ приложенія денегъ, и положивъ отвѣтъ въ назначенное мѣсто, наблюдать, кѣмъ онъ будетъ взятъ; но по оплошности караульныхъ, взявшій отвѣтъ не былъ пойманъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того 6 іюня въ лавку купца Торопова подкинута была другая записка съ требованіемъ непремѣнно положить на указанное мѣсто 200 руб. съ угрозою истребить въ противномъ случаѣ все имущество Торопова; когда же вторично былъ написанъ отвѣтъ на ту записку и поставлены караульные для наблюденія, кто придетъ

за нимъ, то ночью на 8-е іюня былъ пойманъ приходившій за отвѣтомъ подсудимый унтеръ-офицеръ Антоновъ, у котораго при обыскѣ найдена тетрадь, написанная однимъ почеркомъ съ упомянутыми двумя записками, а въ сундукѣ Антонова отыскано 3 фунта пороху. При слѣдствіи и въ военномъ судѣ подсудимый Антоновъ сознался въ написаніи и подкинутіи означенныхъ двухъ записокъ купцу Торопову, и хотя показалъ, что онъ намѣренъ былъ только вынудить у Торопова денегъ, умысла же на поджигательство не имѣлъ, но какъ въ означенныхъ запискахъ, кромѣ настоятельнаго требованія денегъ, двукратно была выражена угроза истребить все имущество купца Торопова, то генералъ-аудиторіатъ, на точномъ основаніи 2113 статьи уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ опредѣлилъ: подсудимаго Антонова за преступленіе его, лишивъ унтеръ-офицерскаго званія, медали въ память войны 1853 — 1855 годовъ и всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ пять разъ и сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года.

О контрабандѣ, перевезенной евреемъ Юліусомъ на молдавской границѣ при помощи пограничной стражи (кубейской бригады).

Настоящее дѣло заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ-какъ контрабанда водворена была въ Россіи при помощи пограничной стражи, содержимой правительствомъ именно съ цѣлью—препятствовать ввозу контрабанды; главный-же контрабандистъ (еврей Юліусъ) согласился приступить къ перевозкѣ контрабанды лишь получивъ: *заложника* (изъ казаковъ стражи) въ обезпеченіе ея пропуска, и *провожатыхъ* изъ той-же стражи.

Утромъ 8 сентября 1860 г. въ с. Спасскомъ, раздѣляемомъ пограничною чертою между Молдавіей и Россіей, замѣчены были въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщается кордонъ № 75 и находится пропускной пунктъ, слѣды между концами № 129 и 130 двухъ нѣмецкихъ фургоновъ, переѣхавшихъ ночью съ молдавской стороны съ контрабанднымъ товаромъ, какъ заключено было по углубленію слѣдовъ, оставшихся отъ фургоновъ.

По произведенному дознанію обнаружилось, что еврей Юліусъ, занимавшійся, по народной молвѣ, водвореніемъ въ Россіи контрабанды,—въ послѣднее время часто бывалъ у пропускнаго пункта, и разговаривалъ съ объѣздчикомъ кубейской бригады пограничной стражи Никифоровымъ; 4 сентября далъ ему пачку чаю и двѣ бутылки портера, которыя онъ тогда же отнесъ въ квартиру сотника донскаго казачьяго № 20 полка Буланкина, (завѣдывавшаго отрядомъ, за болѣзнію пограничнаго офицера); а за день до происшествія, именно 6-го сентября вечеромъ, къ корчмѣ, находящейся на молдавской сторонѣ с. Спасскаго, прибыли фургоны еврея Юліуса, и самъ онъ ходилъ въ квартиру сотника Буланкина, куда призывали также исправлявщаго должность вахмистра Никифорова.

Кромѣ того оказалось, что подсудимые (*) въ ночь происшествія находились въ караулѣ на пограничныхъ постахъ, а потому и по изложеннымъ обстоятельствамъ на нихъ и возникло обвиненіе въ умышленномъ пропускѣ изъ заграницы контрабанды.

На допросахъ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ, изъ подсудимыхъ объѣздчикъ Никифоровъ и стражникъ Михайленко, сознаваясь въ своемъ преступленіи, объяснили:

Никифоровъ,— что 2-го или 3-го сентября сотникъ Буланкинъ, переговоривъ у пропускнаго пункта съ евреемъ Юліусомъ, объявилъ ему, Никифорову, и уряднику Кирсанову, что Юліусъ проситъ переправить контрабанду, и затѣмъ Буланкинъ самъ согласилъ къ тому подсудимыхъ нижнихъ чиновъ пограничной стражи, казаковъ кордона и состоявшихъ при немъ двухъ драбантовъ. Остальнымъ же стражникамъ объ этомъ ничего не было извѣстно, и изъ нихъ въ особенности остерегались Ваганенко, Клименко, Николаева и Бабаринина, а потому 7-го сентября вечеромъ вниманіе первыхъ двухъ отъ происходившаго отвлекалъ подсудимый Чевтаевъ, заговаривавшій ихъ въ домѣ у безсрочно-отпускнаго рядоваго Делинскаго, гдѣ пилъ съ ними водку, а послѣднихъ двухъ сотникъ Буланкинъ услалъ въ с. Дельжиляры. 4-го сентября онъ, Никифоровъ, дѣйствительно относилъ къ Буланкину ½ фун. чаю и двѣ бутылки портера, переданныя Юліусомъ въ подарокъ Буланкину, а 6-го сентября вмѣстѣ съ урядникомъ Кирсановымъ потребованъ былъ въ квартиру сотника

(*) Подсудимые будутъ поименованы ниже.

драбантомъ его, казакомъ Самохинымъ, гдѣ застали Юліуса и совѣтовались, когда и какъ переправить контрабанду, а потому 7-го сентября поставлены были на посты: на залогъ при концѣ № 129 стражникъ Михайленко и казакъ Чекуновъ, на секретъ при концѣ № 130 вмѣсто Николаева стражникъ Афанасьевъ и казакъ Болдыревъ, а у пропускнаго пункта вмѣсто Бабаринина стражникъ Ольшевскій. Когда всѣ уже находились на своихъ мѣстахъ, а онъ, Никифоровъ, и Кирсановъ оставались въ кордонѣ, то Самохинъ опять далъ имъ знать, что Юліусъ у сотника, куда и они отправились. Тамъ Юліусъ въ обезпеченіе пропуска фургоновъ *потребовалъ заложника*, а потому сотникъ далъ ему казака, и назначилъ *верховыхъ проводниковъ*, и всѣмъ этимъ, а равно и переправою фургоновъ, долженъ былъ распорядиться урядникъ Кирсановъ. При этомъ Юліусъ далъ ему, Никифорову, и Кирсанову по 10 руб. сер., а самъ остался у Буланкина расплатиться съ нимъ, такъ-какъ послѣдній принялъ на себя расчитаться съ стражниками и казаками. Чрезъ нѣсколько времени сотникъ объявилъ показателю, что дѣло слажено, и въ залогъ къ Юліусу пошелъ казакъ Комовъ; провожать поѣхали приказный Барыкинъ и казакъ Мальковъ, а казакъ Тузовъ, тоже знавшій обо всемъ, остался въ кордонѣ. Въ самую же ночь происшествія онъ, Никифоровъ, спалъ въ кордонѣ и только на разсвѣтѣ узналъ отъ Кирсанова, что тотъ переправилъ фургоны.

Михайленко, — что вечеромъ 7 сентября Никифоровъ, назначивъ его на залогъ при концѣ № 129, объявилъ ему, что по желанію сотника Буланкина въ эту ночь Юліусъ будетъ переправлять между залогомъ и секретомъ контрабанду, и началъ склонять его къ тому, объясняя, что ему только слѣдуетъ лежать на залогѣ и не трогаться съ мѣста, за что получитъ 3 рубля серебромъ; Никифоровъ сказалъ притомъ, что о дѣлѣ этомъ знаютъ уже всѣ казаки кордона, а изъ стражниковъ увѣдомлены нѣкоторые. Убѣжденный Никифоровымъ, что онъ ни за что не будетъ отвѣчать, показатель согласился на предложеніе, и въ сумерки отправился на залогъ съ казакомъ Чекуновымъ, куда чрезъ нѣсколько времени пришелъ подсудимый стражникъ Афанасьевъ и спрашивалъ, что имъ говорилъ Никифоровъ, а когда передали ему обо всемъ, то всѣ трое рѣшились не трогаться съ своихъ мѣстъ. Скоро пришелъ

на границу урядникъ Кирсановъ и говорилъ, что Юліусъ требуетъ *заложника* и вооруженныхъ верховыхъ *проводниковъ*, а потомъ показателя искалъ казакъ Самохинъ, чтобы передать ему, что Юліусъ взялъ уже заложника и что проводники поѣхали; возвратясь же съ секрета, Самохинъ сказалъ, что видѣлъ уже урядника. Какъ препровождались фургоны, самъ онъ Михайленко не видѣлъ, потому что съ Чекуновымъ съ своихъ мѣстъ не трогались, но относительно того, какимъ образомъ отстранены были отъ происходившаго остальные стражники, и кто были въ залогѣ и проводниками контрабанды, Михайленко показалъ совершенно согласно съ подсудимымъ Никифоровымъ, объяснивъ, что казакъ Комовъ, бывшій заложникомъ у Юліуса, на другой день происшествія самъ жаловался ему, Михайленко, что очень боялся, и что его едва не потопили товарищи, провожавшіе контрабанду въ самое с. Бургунджи, между тѣмъ какъ условились проводить только за 2 версты, за что впрочемъ Юліусъ обѣщалъ имъ ситцу на рубашки.

Но остальные подсудимые: *Афанасьевъ* и *Ольшевскій* въ участіи въ пропускѣ контрабанды и *Чевтаевъ* въ способствованіи къ тому тѣмъ, что отвлекалъ вниманіе отъ происходившаго стражниковъ, не участвовавшихъ въ этомъ преступленіи, сознанія не сдѣлали *).

Равнымъ образомъ ни въ чемъ не сдѣлали сознанія и *оговоренные* подсудимыми: сотникъ *Буланкинъ*, (какъ главный виновный въ пропускѣ контрабанды изъ корыстныхъ видовъ), и участвовавшіе въ этомъ преступленіи урядникъ *Кирсановъ*, и казаки: бывшій въ ночь происшествія на залогѣ при копцѣ № 129

*) Виновность этихъ лицъ, до нѣкоторой степени, доказывается какъ вышеизложенными показаніями подсудимыхъ Никифорова и Михайленко, такъ и всѣми обстоятельствами дѣла, тѣмъ болѣе что безъ согласія и участія ихъ, въ особенности первыхъ двухъ, какъ стоявшихъ на часахъ на такихъ постахъ, гдѣ единственно могъ быть открытъ пропускъ контрабанды, она не могла быть водворена, и къ тому же самые посты эти заняты были ими, какъ доказано по дѣлу, по предварительному между всѣми подсудимыми соглашенію, съ цѣлью отстранить другихъ двухъ стражниковъ, не участвовавшихъ въ этомъ преступленіи; сверхъ того по дѣлу подтвердилось и то, что подсудимый Чевтаевъ въ вечеръ происшествія дѣйствительно находился въ домѣ безсрочно-отпускнаго рядоваго Делинскаго съ другими двумя стражниками Клименко и Ваганенко, также не участвовавшими въ сговорѣ.

Чекуновъ и на секретѣ при концѣ № 130 *Болдыревъ*, заложникомъ у Юліуса *Комовъ*, проводниками *Мальковъ* и *Барыкинъ*, и знавшіе о сговорѣ на преступленіе казаки: *Тузовъ* и драбанты сотника Буланкина *Скоробогатый* и *Самохинъ*, изъ коихъ притомъ послѣдній оговоренъ, что онъ способствовалъ подсудимымъ, служа передатчикомъ извѣстій.

Сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: 1) подсудимыхъ объѣздчика Феодосія Никифорова и стражника Никиту Михайленко, виновныхъ въ противозаконномъ пропускѣ контрабанды, на основаніи 1627 ст VI т. уст. тамож. и 416 и 959 ст. улож. о нак. угол. и исправ., наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ по одному разу каждаго, и Никифорова, какъ дѣйствовавшаго по собственному сознанію изъ корыстныхъ видовъ, примѣняясь къ 416 ст. ул. о нак. угол. и испр., сослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на два года, а Михайленко перевести въ другой родъ службы, по назначенію инспекторскаго департамента. 2) Подсудимыхъ объѣздчика Тимофея Чевтаева, и стражниковъ Даніила Афанасьева и Петра Ольшевскаго, по обвиненію въ участіи въ пропускѣ контрабанды, согласно 349 ст. II к. воен. угол. уст., оставить въ подозрѣніи, и также перевести въ другой родъ службы по назначенію инспекторскаго департамента, и 3) поступки обвиняемыхъ по сему дѣлу сотника донскаго казачьяго № 20 полка Буланкина, урядника Кирсанова и казаковъ: Чекунова, Болдырева, Комова, Малькова, Барыкина, Тузова и Самохина, для зависящаго распоряженія о преданіи ихъ военному суду, сообщить ихъ начальству.

О капитанѣ пограничной стражи Павлѣ Ананьевѣ и двухъ стражникахъ, обвиненныхъ въ водвореніи контрабанды.

24 мая 1859 года стражники кордона № 79 кубейской бригады пограничной стражи донесли по начальству, что въ предъидущую ночь была задержана на ихъ кордонѣ кантрабанда, состоявшая изъ 4 мѣшковъ чая, и что виновники этого преступ-

ленія были *стражники ихъ же кордона* Юровъ и Макрушинъ, которые, бывъ задержаны съ контрабандою, объявили, что они пронесли ее по приказанію своего начальника капитана Ананьева, служившаго на томъ кордонѣ № 79.

На допросѣ при слѣдствіи стражники, задержавшіе контрабанду: *Родіоновъ* и *Щербаковъ* показали, — что вечеромъ 23 мая, замѣтя издали близь границы двухъ людей съ мѣшками, спускавшихся въ оврагъ, они послѣдовали за ними, и застали своихъ же товарищей Юрова и Макрушина съ контрабанднымъ чаемъ, о чемъ тотчасъ же доложили капитану Ананьеву; но онъ велѣлъ пропустить контрабанду, говоря, что самъ дозволилъ пронести ее; потомъ по прибытіи съ ними на мѣсто, гдѣ захваченъ былъ чай, запрещалъ дѣлать тревогу, и когда они его не послушались и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, на которые сбѣжались стражники и казаки, то Ананьевъ приказывалъ послѣднимъ возвратиться по своимъ мѣстамъ, говоря, что никакой контрабанды нѣтъ. Когда же Родіоновъ указалъ на мѣшки съ чаемъ, то Ананьевъ называлъ ихъ самихъ контрабандистами, и хотѣлъ связать; потомъ, по приносѣ задержаннаго чая на кордонъ, спросилъ гдѣ 4 мѣшокъ, такъ какъ сначала найдено было только три, и когда послѣдній былъ принесенъ туда же, Ананьевъ нѣсколько разъ отгонялъ приставленныхъ къ чаю по распоряженію Родіонова часовыхъ, причемъ называлъ себя хозяиномъ чая, а на другой день уговаривалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ оставить это дѣло безъ послѣдствій.

Но подсудимый капитанъ *Ананьевъ*, не сознаваясь въ участіи въ проносѣ контрабанды, показалъ, что находясь вечеромъ 23-го мая въ гостяхъ у таможеннаго чиновника Калефы, онъ узналъ отъ еврея Абрама Стрѣльца, что въ эту ночь близь кордона № 79, въ оврагѣ, будетъ сложена контрабанда, состоящая изъ 4 мѣшковъ чая, и потому послалъ осмотрѣть таковую стражника Макрушина, приказавъ объ оказавшемся дать ему знать; но вмѣсто Макрушина явился стражникъ Родіоновъ, съ объявленіемъ о задержаніи контрабанды. Прибывъ на мѣсто, онъ Ананьевъ точно запрещалъ Родіонову дѣлать тревогу, надѣясь поймать контрабандистовъ, а собравшимся на выстрѣлы стражникамъ и казакамъ приказывалъ возвратиться по своимъ постамъ потому, что они, сойдя съ секретовъ, оставили границу

безъ надзора. Связать Родіонова и Щербакова приказывалъ за ослушаніе; но часовыхъ, поставленныхъ у задержаннаго чая, не отгонялъ, хозяиномъ чая себя не называлъ, и не склонялъ ни къ чему противозаконному нижнихъ чиновъ.

Напротивъ того *шесть человѣкъ* стражниковъ и казаковъ, изъ числа бывшихъ на тревогѣ, спрошенные *по упущенію* слѣдователя (секретаря канцеляріи кубейскаго таможеннаго округа губернскаго секретаря Францовича) безъ присяги, подтверждая показаніе Родіонова и Щербакова, удостовѣрили, что Ананьевъ дѣйствительно называлъ себя хозяиномъ задержаннаго чая, и отгонялъ поставленныхъ при немъ часовыхъ. Кромѣ того объѣздчикъ *Валентенко* объявилъ, что Ананьевъ предлагалъ ему перенести весь задержанный чай въ его квартиру, и тамъ передѣлить пополамъ съ тѣмъ, чтобы одну половину представить начальству, а другую продать въ общую ихъ пользу, и тоже самое предлагалъ ему и стражникамъ Родіонову и Щербакову на другой день, но они на это не согласились.

Обстоятельство это подтвердили сами *Родіоновъ* и *Щербаковъ*, и еще 3 другіе стражника, спрошенные всѣ, по упущенію слѣдователя, безъ присяги.

Сами подсудимые, стражники *Макрушинъ* и *Юровъ*, сознаваясь при слѣдствіи и въ военномъ судѣ въ проносѣ контрабанднаго чая изъ за границы, показали, что надзиратель Ананьевъ ночью на 24 мая потребовалъ перваго изъ нихъ къ себѣ, и приказалъ, взявъ Юрова, отправиться въ близьлежащій оврагъ, взять тамъ 4 мѣшка съ чаемъ и принести къ нему на квартиру. Получивъ такое приказаніе, они хотя и знали, что оно противозаконно, но, повинуясь Ананьеву какъ своему начальнику, пошли къ оврагу, но там были задержаны стражниками Родіоновымъ и Щербаковымъ. На другой же день послѣ того Ананьевъ предлагалъ имъ бѣжать заграницу, но они не согласились.

Кромѣ того оба подсудимые удостовѣрили, что капитанъ Ананьевъ и прежде неоднократно посылалъ ихъ на молдавскую сторону для проноса тюковъ съ разными контрабандными товарами, за что платилъ имъ деньги, и что къ такому проносу товаровъ изъ заграницы способствовало особенно то, что по распоряженію Ананьева секреты днемъ и ночью ставились всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.

Въ подтвержденіе сего килійскій житель еврей *Мордковичъ* объявилъ таможенному начальству, что, находясь на службѣ на молдавской сторонѣ, онъ слѣдилъ за дѣйствіями русской пограничной стражи, и не разъ замѣчалъ, что по пограничной чертѣ во многихъ мѣстахъ проносилась контрабанда стражниками Макрушинымъ и Юровымъ, при содѣйствіи разныхъ евреевъ и подъ руководствомъ капитана Ананьева, изъ лавки нарочно для того устроенной на молдавской сторонѣ,—въ квартиру Ананьева.

Равно *нижніе чины* кордона № 79 удостовѣрили, что Ананьевъ дежурнаго на кордонѣ обыкновенно отпускалъ на ночь спать, и требовалъ къ себѣ въ случаѣ надобности одного Макрушина, что секреты, дневные и ночные, точно ставились всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, и что въ квартирѣ у Ананьева они неоднократно видѣли молдавскихъ офицеровъ и разныхъ евреевъ съ молдавской стороны, по слухамъ занимавшихся провозомъ контрабанды. Это послѣднее обстоятельство подтверждено показаніями подъ присягою двухъ стражниковъ *Антонова* и *Корнаша*, бывшихъ въ услуженіи у Ананьева, которые кромѣ сего показали, что въ квартирѣ подсудимаго была комната, постоянно запертая и завѣшанная, въ которой, по слухамъ, хранилась контробанда.

Но и противъ сего подсудимый *Ананьевъ* сознанія не сдѣлалъ, утверждая, что все вышеизложенное взведено на него ложно, по злобѣ лицъ, которыя сами занимались контрабандою и видѣли въ немъ Ананьевѣ только препятствіе къ исполненію своихъ замысловъ.

При *обыскѣ* въ квартирѣ подсудимаго, у него найдены разныя матеріи и подозрительныя вещи, о которыхъ онъ отозвался, что онѣ куплены въ Одессѣ его женою. Но объ этомъ дальнѣйшаго разслѣдованія не произведено.

Независимо отъ сего на Ананьева возникли по дѣлу два обвиненія: 1) въ покушеніи пропустить чрезъ границу бѣглыхъ евреевъ и 2) въ употребленіи безплатно въ свои услуги нижнихъ чиновъ.

Первое изъ этихъ обвиненій возникло по объясненію подсудимаго Макрушина, что однажды, въ маѣ 1859 г., во время обхода его по границѣ, Ананьевъ велѣлъ ему провести за карантинную черту тутъ же прибывшихъ семерыхъ бѣглыхъ евреевъ,

и самъ пошелъ впередъ; но бывшій у рогатки на часахъ стражникъ Родіоновъ сдѣлалъ тревогу, и евреи разбѣжались.

Но противъ сего Ананьевъ сознанія не сдѣлалъ, и случилось ли дѣйствительно происшествіе, о которомъ показывалъ Макрушинъ, по дѣлу не разслѣдовано.

Второе обвиненіе возникло по показаніямъ подсудимаго Юрова, и стражниковъ Куликова, Антонова и Корташа, что всѣ они находились у Ананьева, безъ всякого вознагражденія, въ услуженіи, причемъ присовокупили: Куликовъ и Юровъ,—что они казенной службы не несли вовсе, Корташъ —что ходилъ только на ученье, а Антоновъ,—что употреблялся на службу только ночью.

Противъ сего капитанъ *Ананьевъ* показалъ, что онъ нижнимъ чинамъ за услуги ихъ всегда платилъ деньги, а въ услуженіе ихъ взялъ потому, что не могъ найти вольнонаемной прислуги. Но доказательствъ къ сему никакихъ не предоставилъ *).

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ сіи обстоятельства, нашелъ, что капитанъ Павелъ Ананьевъ, (во время производства надъ нимъ военнаго суда *умершій*), и стражники Тимофей Макрушинъ и Павелъ Юровъ были преданы военному суду по обвиненію въ тайномъ провозѣ контрабанды изъ заграницы. Изъ дѣла видно, что ночью на 24 мая 1859 года на кордонѣ пограничной стражи № 79, при которомъ служили всѣ трое подсудимыхъ, были захвачены 4 мѣшка контрабанднаго чая, причемъ стражники, задержавшіе эту контрабанду, объявили, что виновниками въ проносѣ чая чрезъ молдавскую границу были товарищи ихъ, подсудимые Макрушинъ и Юровъ. А сіи послѣдніе, сознавшись въ этомъ преступленіи, на допросахъ показали, что рѣшились на оное по приказанію начальника своего капитана Ананьева, и хотя знали, что дѣйствуютъ противозаконно, но не смѣли ослушаться начальника. При этомъ Юровъ и Макрушинъ присовокупили, что они и прежде неоднократно, по приказанію Ананьева, проносили изъ Молдавіи разную контрабанду, за что получали отъ него оплату. Въ такихъ преступленіяхъ подсудимый Ананьевъ не сознался, утверждая, что они взведены на него ложно по злобѣ

*) Подсудимый капитанъ Ананьевъ, какъ видно изъ его формулярнаго списка, въ службу вступилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, недвижимаго состоянія никакого не имѣлъ; былъ женатъ, и имѣлъ 4-хъ сыновей и 3-хъ дочерей.

лицъ, самихъ занимавшихся провозомъ контрабанды. Но въ подтвержденіе показаній Юрова и Макрушина, по дѣлу обнаружено слѣдующее: 1) два стражника, задержавшіе контрабанду (Родіоновъ и Щербаковъ), показали, что когда они донесли объ этомъ капитану Ананьеву, то онъ объявилъ имъ, что задержанный чай его собственный, и запрещалъ дѣлать тревогу, но когда, не смотря на это, тревога была сдѣлана, то онъ разгонялъ сбѣжавшихся на выстрѣлы казаковъ и стражниковъ, утверждая, что никакой контрабанды нѣтъ, а на другой день уговаривалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ оставить это дѣло безъ послѣдствій. Такое показаніе Родіонова и Щербакова подтвердили вполнѣ 10 человѣкъ другихъ стражниковъ № 79 кордона, спрошенные по упущенію слѣдователя, безъ присяги. Изъ нихъ четверо присовокупили, что Ананьевъ предлагалъ имъ продать въ ихъ пользу половину всего задержаннаго чая. 2) Одинъ еврей съ молдавской стороны (Мордковичъ), объявилъ таможенному начальству, что слѣдя за дѣйствіями русской пограничной стражи, онъ неоднократно замѣчалъ, какъ стражники Юровъ и Макрушинъ проносили контрабанду въ квартиру капитана Ананьева. 3) Два стражника Антоновъ и Корташъ, находившіеся въ услуженіи у подсудимаго, засвидѣтелствовали подъ присягой, что въ квартирѣ у Ананьева была комната, постоянно запертая и завѣшанная, въ которой по слухамъ хранилась контрабанда. И что кромѣ того, въ квартирѣ подсудимаго они часто видѣли молдавскихъ офицеровъ и разныхъ евреевъ съ молдавской стороны, занимавшихся перевозкою контрабанды. Это послѣднее обстоятельство подтвердили безъ присяги и прочіе стражники кордона № 79, присовокупивъ, что къ провозу контрабанды способствовало то, что Ананьевъ ставилъ на границѣ секреты всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. 4) При обыскѣ въ квартирѣ Ананьева найдены подозрительныя вещи, о пріобрѣтеніи которыхъ онъ не могъ дать удовлетворительнаго объясненія.— Кромѣ того на подсудимаго Ананьева возникли по дѣлу обвиненія: 1) въ употребленіи въ собственныя услуги нижнихъ чиновъ, въ чемъ онъ самъ сознался, утверждая только, что всегда платилъ имъ за это деньги, но сами нижніе чины сего не подтвердили, и 2) въ покушеніи пропустить чрезъ границу, за карантинную черту, нѣсколько бѣглыхъ евреевъ. Это послѣднее обвиненіе основано на показаніи подсудимаго Макру-

шина, что однажды въ маѣ 1859 г., во время обхода его по границѣ, Ананьевъ велѣлъ ему провести за карантинную черту тутъ же прибывшихъ семерыхъ бѣглыхъ евреевъ, и самъ пошелъ впередъ; но бывшій у рогатки на часахъ стражникъ Родіоновъ сдѣлалъ тревогу, и евреи разбѣжались. Но противъ сего Ананьевъ сознанія не сдѣлалъ, и случилось ли дѣйствительно происшествіе, о которомъ показывалъ Макрушинъ, по дѣлу не разслѣдовано.—По изложеннымъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго Ананьева вполнѣ изобличеннымъ: въ употребленіи въ собственныя услуги нижнихъ чиновъ, и въ допущеніи, съ корыстными цѣлями, провоза контрабанды изъ за границы,—въ чемъ онъ самъ хотя не сознался, но вполнѣ изобличается вышеизложенными, обнаруженными по дѣлу обстоятельствами. Посему генералъ-аудиторіатъ между прочимъ *полагала*: 1) капитана Павла Ананьева, за преступленія его, слѣдовало бы, *если бы онъ не умеръ*, на основаніи 96 и 348 ст. 1 кн. воен. угол. уст., лишить чиновъ, орденовъ, медали въ память войны 1853 и 1856 г., и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе. 2) Стражникамъ Тимофею Макрушину и Павлу Юрову, виновнымъ по собственному сознанію въ участіи въ провозѣ изъ за границы контрабанды, во вниманіе къ тому, что преступленіе это сдѣлано ими по приказанію ихъ начальника капитана Ананьева, вмѣнить въ наказаніе бытность подъ судомъ, и содержаніе болѣе двухъ лѣтъ подъ арестомъ, и перевести ихъ изъ пограничной стражи въ другой родъ службы, по назначенію инспекторскаго департамента. Кромѣ того изъ нихъ Макрушина, на основаніи 351 ст. II кн. воен. угол. уст., освободить отъ всякой отвѣтственности по обвиненію въ покушеніи пропустить чрезъ границу, за карантинную черту, бѣглыхъ евреевъ, такъ какъ собственное сознаніе его въ этомъ преступленіи, ничѣмъ другимъ не подтверждено. 3) Поступки слѣдователя губернскаго секретаря Францкевича, который допросилъ большую часть свидѣтелей по сему дѣлу безъ всякой причины безъ присяги, передать на разсмотрѣніе гражданскаго начальства.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата въ 1 день февраля 1862 года удостоилось Высочайшаго утвержденія.

О штабсъ-капитанѣ Шенгелидзевѣ, поручикѣ Чижевскомъ и вахмистрѣ Мосенко, сужденныхъ за нарушеніе при поимкѣ контрабанды таможенныхъ правилъ.

Гусятинскаго отряда пограничной стражи рядовые Игнатьевъ и Зубковъ въ ноябрѣ 1857 года, бывъ отпущены вахмистромъ Мосенко изъ Шидловецкаго поста въ м. Чемеровцы на одинъ день, для покупки фуража и съѣстныхъ припасовъ, по прибытіи въ означенное мѣстечко, остались ночевать, а на другой день отправились, по совѣту Игнатьева, въ г. Каменецъ-Подольскъ для принесенія начальству *жалобы* на строгое обращеніе вахмистра Мосенко съ нижними чинами; но Зубковъ съ дороги препровожденъ былъ въ м. Гусятинъ; рядовой же Игнатьевъ, явясь 28 ноября къ командиру каменецъ-подольскаго баталіона внутренней стражи, сдѣлалъ извѣтъ, что вахмистръ Мосенко причиняетъ ему, Игнатьеву, побои за то, что онъ говорилъ, что къ Мосенко ходятъ жиды и носятъ подарки. По доставленіи его въ Радзивиловскую таможню, Игнатьевъ объявилъ, что Мосенко наказалъ его розгами 80 ударами за разглашеніе, что Мосенко беретъ съ евреевъ деньги и подарки, и пропускаетъ контрабандистовъ чрезъ границу.

Вахмистръ *Мосенко* противу сего объяснилъ, что въ 1857 году точно ударялъ объѣздчика Игнатьева два раза рукою по лицу за то, что онъ возвратился изъ разъѣзда въ нетрезвомъ видѣ, и привелъ казенную лошадь въ сильномъ поту, а на замѣчаніе по этому случаю сказалъ ему дерзость; розгами же Игнатьевъ былъ наказанъ по приказанію надзирателя гусятинскаго отряда штабсъ-капитана Шенгелидзева одинъ разъ — 15 и другой разъ — 20 ударами.

Штабсъ-капитанъ *Шенгелидзевъ* подтвердилъ, что Игнатьевъ дѣйствительно былъ два раза наказанъ розгами, въ присутствіи его, Шенгелидзева, за пьянство и небрежный уходъ за казенною лошадью.

Показаніе Игнатьева о пропускѣ вахмистромъ Мосенко контрабандистовъ чрезъ границу и о полученіи отъ нихъ подарковъ,

ничѣмъ не подтвердилось; но при производствѣ по сему предмету изслѣдованія обнаружены нѣкоторыя неправильныя со стороны штабсъ-капитана Шенгелидзева дѣйствія по службѣ, состоящія въ слѣдующемъ:

1) Въ 1857 году, лѣтомъ, были задержаны объѣздчиками на болотистомъ мѣстѣ, называемомъ Млаки, возвращавшіеся изъ Россіи заграницу безъ товаровъ 5 человѣкъ контрабандистовъ, именно два еврея, изъ коихъ одинъ кривой на глазъ, и трое крестьянъ съ 5 лошадьми; но, по предоставленіи ихъ на Шидловецкій постъ, всѣ они были отпущены по приказанію Шенгелидзева, который вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ вахмистру Мосенко дать поимщикамъ по 3 руб. сер. каждому.

Подсудимый *Шенгелидзевъ* показалъ, что по полученіи извѣстія о задержаніи на Шидловецкомъ посту неизвѣстныхъ людей, онъ прибылъ на постъ и засталъ тамъ двухъ евреевъ, изъ коихъ одинъ, кривой на глазъ, былъ его доносчикъ о провозѣ контрабанды; крестьянъ же онъ не видѣлъ. Чтобы скрыть доносчика предъ товарищемъ отъ подозрѣнія, показатель обоихъ ихъ отпустилъ съ лошадьми, согласно журналу совѣта министра финансовъ отъ 2 апрѣля 1851 года, которымъ постановлено, чтобы секретные доносители не были открываемы, во избѣжаніе потери ихъ на будущее время; притомъ онъ Шенгелидзевъ имѣлъ въ виду пользу службы и выгоды государственной казны, ибо возвращающіеся заграницу контрабандисты могутъ болѣе другихъ доносителей способствовать къ задержанію контрабанды; притомъ доносчики, при объявленіяхъ о проходѣ контрабанды, обезпечиваютъ себя условіемъ не задерживать ихъ самихъ въ случаѣ слѣдованія обратно заграницу безъ товаровъ. Объѣздчикамъ, задержавшимъ упомянутыхъ евреевъ съ лошадьми, онъ, Щенгелидзевъ, далъ изъ собственныхъ денегъ по 3 руб. каждому въ поощреніе къ задержанію на будущее время контрабанды. Въ доказательство своихъ благонамѣренныхъ дѣйствій, Шенгелидзевъ представилъ то обстоятельство, что послѣ отпуска означеннаго доносчика съ товаромъ, чрезъ него сдѣланы двѣ поимки, о которыхъ было донесено начальнику округа 10 іюня и въ управленіе округомъ 5 іюля 1857 года. *)

*) Журналомъ совѣта министра финансовъ отъ 2-го апрѣля 1851 года, между прочимъ, постановлено: 1) всѣ случаи въ отношеніи къ доносамъ,

Изъ рапортовъ подсудимаго Шенгелидзева, отъ 10 іюня и 5 іюля 1857 года, а также изъ вѣдомости гусятинской таможни о поимкахъ товаровъ, (какъ оказалось по справкѣ) видно, что Шенгелидзевымъ точно сдѣланы двѣ поимки и представлены въ таможню на сумму 519 р. 88 к. сер.; хотя же въ рапортѣ отъ 10 іюня сказано, что поимка сдѣлана по распоряженію начальника округа, но Шенгелидзевъ утвердилъ, что прежде полученія отъ начальника округа распоряженія объ этой поимкѣ, онъ имѣлъ свѣдѣніе о томъ же отъ доносчика, еврея криваго на глазъ. Это подтверждено тѣмъ, что при назначеніи Шенгелидзеву награды за означенную поимку опредѣлено, чтобы онъ отъ себя удовлетворилъ секретнаго доносителя.

2) Въ то же лѣто, въ двухъ верстахъ отъ границы, около бондаревскаго лѣса, были задержаны объѣздчиками возвращавшіеся изъ Россіи заграницу два еврея и три лошади; одинъ изъ евреевъ былъ кривой на глазъ, и, по представленіи на бондаревскій постъ, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ и бывшія при нихъ лошади были отпущены подсудимымъ Шенгелидзевымъ.

Подсудимый Шенгелидзевъ показалъ, что отпустилъ евреевъ съ лошадьми, для сокрытія бывшаго въ числѣ ихъ секретнаго доносчика—еврея криваго на глазъ.

3) Въ томъ же году близь юзефовскаго поста были отбиты отъ возвращавшихся изъ Россіи заграницу контрабандистовъ, успѣвшихъ скрыться въ лѣсу, двѣ лошади и представлены въ м. Гусятинъ къ подсудимому Шенгелидзеву; но, по приказанію сего послѣдняго, лошади возвращены заграничному еврею Товбицкому (онъ же Шанельный).

возникающіе по контрабанднымъ дѣламъ, слѣдуетъ разрѣшать уставомъ таможеннымъ; 2) сдѣлать распоряженіе, чтобы таможенныя мѣста и лица по задержанію контрабанды дѣйствовали на точномъ основаніи существующихъ постановленій и *предписанія* департамента внѣшней торговли, начальнику Скулянскаго таможеннаго округа отъ 4-го августа 1848 года. Въ *предписаніи* же этомъ, между прочимъ, изложено: «если открытіе и задержаніе контрабанды будетъ производиться по секретнымъ свѣдѣніямъ, то стараться, чтобы доставившія эти свѣдѣнія лица, въ благонадежности которыхъ необходимо удостовѣриться, оставались въ совершенной тайнѣ, дабы не подвергать ихъ притѣсненію контрабандистовъ, и не подавать повода къ неосновательнымъ жалобамъ и домогательствамъ, въ случаѣ безуспѣшнаго по какимъ либо обстоятельствамъ, обыска.»

Подсудимый Шенгелидзевъ показалъ, что отъ еврея Мошко Целерманъ (онъ же Шапельный), бывавшаго на русской границѣ по паспорту, онъ неоднократно получалъ свѣдѣніе о провозѣ контрабанды. Поэтому, когда еврей Мошко, по задержаніи означенныхъ двухъ лошадей, явился къ нему, Шенгелидзеву, съ ходатайствомъ о возвращеніи ихъ землякамъ, у которыхъ контрабандисты нанимаютъ лошадей, то показатель возвратилъ лошадей, потому въ особенности, что Мошко обѣщалъ доставить въ непродолжительномъ времени свѣдѣніе о провозѣ контрабанды, и это обѣщаніе онъ и исполнилъ, ибо чрезъ нѣсколько дней послѣ того, по сообщенному имъ свѣдѣнію, задержано товара проданнаго въ таможнѣ за 340 р. 65 к. сер., о чемъ донесено начальнику округа 14 іюня 1857 года.

Гусятинская таможня уведомила, что австрійскій еврей Целерманъ точно бываетъ въ Россіи по торговымъ оборотамъ, и паспортъ его предъявленъ въ таможню.

Относительно показанія подсудимаго Шенгелидзева о задержаніи контрабанды по указанію еврея Целермана, изъ дѣла видно, что ночью на 14 іюня 1857 года, между бондаревскимъ и шидловецкимъ постами, дѣйствительно были отбиты у двухъ конныхъ контрабандистовъ четыре пака товаровъ, и у двухъ пѣшихъ проносителей — одна пака съ галантерейными товарами и мѣшокъ съ еврейскою постелью; причемъ одни изъ контрабандистовъ, по близости границы, успѣли ускакать, а другіе — скрылись въ лѣсу; но въ рапортахъ своихъ къ начальнику округа и въ гусятинскую таможню отъ 14 іюня, подсудимый Шенгелидзевъ доносилъ, что означенная поимка товаровъ сдѣлана по распоряженію начальника округа.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи обнаружено, что упомянутые 6 пакъ товаровъ задержаны не всѣ вмѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ, именно: четыре паки отбиты объѣздчиками Ткаченко и Галушко въ присутствіи подсудимаго Шенгелидзева, а одна пака съ галантерейными товарами и мѣшокъ съ еврейскою постелью отбиты тремя объѣздчиками Островерховымъ, Синяевымъ и Кощеевымъ.

По отзыву гусятинской таможни—двухъ поимокъ, сдѣланныхъ въ одно и тоже время, соединять въ одну поимку не слѣдуетъ, а каждая изъ нихъ должна быть доставлена въ таможню от-

дѣльно; хотя по этому предмету никакого узаконенія и особаго распоряженія не имѣется, но ведется это отъ времени существованія поимокъ.

Подсудимый Шенгелидзевъ, донося начальству о задержаніи всѣхъ 6 пакъ товаровъ вмѣстѣ, написалъ въ рапортѣ, что въ задержаніи оныхъ, кромѣ его, Шенгелидзева, и упомянутыхъ пяти объѣздчиковъ, участвовали: подпоручикъ Чижевскій, вахмистръ Мосенко, унтеръ-офицеръ Анупко, и объѣздчики: Кораблевъ, Скобышевскій, Божановъ и Забродинъ.

Вслѣдствіе сего донесенія, какъ видно изъ отзывовъ гусятинской таможни и приложенныхъ при оныхъ вѣдомостей, изъ 340 р. 65 коп., вырученныхъ за продажу означенныхъ 6 пакъ товаровъ, выдано въ награду: подсудимому Шенгелидзеву съ тѣмъ, чтобы отъ себя удовлетворилъ секретнаго доносителя 50 р. 84¼ к.; подсудимому Чижевскому 43 р. 58 к.; вахмистру Мосенко и 10 объѣздчикамъ (по 4 р. 62¼ к. с.) 50 р. 84¾ к.; окружному начальнику для уплаты секретному доносителю 24 р.

Подсудимый Шенгелидзевъ, подтверждая, что дѣйствительно 4 паки товаровъ отбиты объѣздчиками Ткаченко и Галушко въ присутствіи его, Шенгелидзева, и что одна пака и мѣшокъ съ еврейскою постелью отбиты объѣздчиками Островерховымъ, Кощеевымъ и Скобышевскимъ, показалъ, что по полученіи отъ еврея Целермана свѣдѣнія о предположеніи контрабандистовъ пройти около бондаревской папирни, онъ сдѣлалъ распоряженіе о занятіи разныхъ пунктовъ для успѣшнаго задержанія контрабандистовъ, именно: объѣздчиковъ Кощеева и Синяева оставилъ на гусятинскомъ посту для наблюденія, чтобы на указанномъ доносчикомъ пунктѣ не могли прокрасться контрабандисты; объѣздчиковъ Скобышевскаго, Кораблева и другихъ, которыхъ не упомнитъ, послалъ на юзефовскій постъ; самъ онъ, Шенгелидзевъ, и объѣздчики Ткаченко и Галушко, караулили на бондаревскомъ посту; поручикъ Чижевскій караулилъ вблизи лежащихъ пунктовъ, между шидловецкимъ и зеленецкимъ постами, и, наконецъ, вахмистръ Мосенко, оставаясь въ участкѣ, имѣлъ строгое наблюденіе на границѣ за нижними чинами. При такомъ расположеніи людей, всѣ они дѣйствовали для одной цѣли, по одному свѣдѣнію, и задержаніе товаровъ произошло въ одно

и тоже время, почему онъ, Шенгелидзевъ, въ донесеніи въ гусятинскую таможню написалъ всѣхъ участниковъ задержанія.

Подсудимый *Чижевскій* подтвердилъ, что онъ, по общему соглашенію съ подсудимымъ Шенгелидзевымъ, находился вблизи того мѣста, гдѣ задержана контрабанда, между шидловецкимъ и зеленецкимъ постами, для наблюденія за контрабандистами; о донесеніи Шенгелидзева объ этой поимкѣ не зналъ; награду за означенную поимку, вѣроятно, получилъ въ числѣ другихъ наградъ; но сколько именно, не помнитъ.

Четверо объѣздчиковъ удостовѣрили, что они находились при подсудимомъ Чижевскомъ и караулили контрабандистовъ.

Объѣздчики Скобышевскій, Кораблевъ, Божановъ и Степаненко объяснили, что для наблюденія за контрабандистами, они находились отъ мѣста задержанія контрабанды: первые двое — въ полуверстѣ, а послѣдніе — въ одной верстѣ, и хотя всѣ они по выстрѣлу прискакали на мѣсто поимки, но тамъ никого не застали; по пріѣздѣ же на постъ узнали, что поимка отправлена въ таможню.

Подсудимый Мосенко по этому предмету отозвался запамятованіемъ.

4) Ночью на 27 іюня 1857 года объѣздчики Забродинъ, Алексѣевъ, Бурда, Ткаченко, Кощеевъ, Синяевъ и Анопка задержали между гусятинскимъ и жельскимъ постами, 4-хъ лошадей съ 9 паками контрабандныхъ товаровъ, провозимыхъ изъ заграницы въ Россію; сами же провозители, соскочивъ съ лошадей, скрылись во рвахъ; послѣ сего задержанныя лошади съ паками товаровъ, были доставлены на жельскій постъ. На другой день прибыли туда два заграничные еврея, Эль, и другой неизвѣстный которые, получивъ, по приказанію подсудимаго Шенгелидзева 3-хъ лошадей и 2 паки съ товарами, отправились изъ поста и проѣхали границу, остальные же 6 пакъ и заплечникъ съ лошадью доставлены въ гусятинскую таможню при рапортѣ отъ 27 того іюня.

Въ рапортѣ этомъ подсудимый Шенгелидзевъ, не упоминая о трехъ лошадяхъ и 2-хъ пакахъ товаровъ, возвращенныхъ евреямъ, писалъ, что представленныя лошадь и товары задержаны упомянутыми объѣздчиками въ присутствіи: его, Шенгелидзева, под-

судимыхъ Чижевскаго и Мосенко, а также объѣздчиковъ Ермакова и Жиромскаго.

Означенные товары, какъ видно изъ отзывовъ гусятинской таможни и приложенныхъ къ онымъ вѣдомостей, проданы за 875 р. 38 к. сер., изъ коихъ, согласно донесенію Шенгелидзева, выдано въ награду: подсудимому Шенгелидзеву, съ тѣмъ, чтобы онъ отъ себя удовлетворилъ доносителя 152 р. 85½ к.; подсудимому Чижевскому 114 р. 64 к.; нижнимъ чинамъ, не бывшимъ при поимкѣ: вахмистру Мосенко 11 р. 46¾ к. и объѣздчикамъ Жиромскому и Ермакову (по 11 р. 46½ к.) 34 р. 39¼ к.; нижнимъ чинамъ, находившимся при поимкѣ 80 р. 23¾ к.; окружному начальнику на уплату доносителю 50 р.

Подсудимый *Чижевскій* показалъ, что хотя на самомъ пунктѣ задержанія упомянутой контрабанды онъ не былъ, но за нѣсколько дней предъ тѣмъ имѣлъ общее съ подсудимымъ Шенгелидзевымъ свѣдѣніе о предположенномъ намѣреніи контрабандистовъ прокрасться чрезъ границу; посему, и по приказанію Шенгелидзева, нѣсколько ночей караулилъ въ мѣстахъ, болѣе удобныхъ къ тайному проѣзду, между бондаревскимъ и шидловецкимъ постами; о возвращеніи же евреямъ задержанныхъ лошадей и 2 пакъ товаровъ и о донесеніи Шенгелидзева въ таможню относительно поимки, онъ Чижевскій не зналъ; равнымъ образомъ не помнитъ, получилъ ли за эту поимку награду.

Противъ этого послѣдняго обстоятельства гусятинская таможня отозвалась, что надзиратели и ихъ помощники всегда ставятся въ извѣстность, за какую именно поимку получаютъ награду.

Подсудимый *Мосенко*, и объѣздчики *Ермаковъ* и *Жиромскій* также показали, что при задержаніи 4 лошадей съ товарами они находились по обязанностямъ своимъ на границѣ, и потому какъ о возвращеніи 3 лошадей и 2 пакъ товаровъ, такъ и о донесеніи Шенгелидзева объ этой поимкѣ, они ничего не знаютъ, потому что донесенія о поимкахъ пишутся всегда самимъ надзирателемъ.

Подсудимый *Шенгелидзевъ* объяснилъ, что 26 іюня еврей кривой на глазъ донесъ ему, что партія контрабандистовъ при бытности его, еврея, будетъ провозить контрабанду въ двухъ или болѣе пунктахъ и что, для отклоненія отъ себя подозрѣнія со

стороны контрабандистовъ, онъ далъ въ ихъ распоряженіе собственную свою лошадь съ товарами и двухъ лошадей товарища своего еврея Эля безъ товаровъ; причемъ просилъ, кромѣ вознагражденія, возвратить ему означенныхъ лошадей по задержаніи товаровъ. Вслѣдствіе сего онъ, Шенгелидзевъ, приказалъ поручику Чижевскому и вахмистру Мосенко имѣть строгій надзоръ на границѣ, и наблюдать ночью въ удобныхъ для прохода контрабандистовъ пунктахъ около бондаревскаго и шидловецкаго постовъ. Между тѣмъ прибывшій ночью служитель еврея Эля указалъ пункты, чрезъ которые контрабандисты должны были проѣхать; на эти пункты онъ, Шенгелидзевъ, выслалъ нижнихъ чиновъ изъ гусятинскаго и жельскаго постовъ; самъ же отправился въ село Жельское, и услышавъ выстрѣлъ, прибылъ на означенный пунктъ, гдѣ и задержана контрабанда. По доставленіи затѣмъ задержанныхъ лошадей и товаровъ на жельскій постъ, явился упомянутый еврей Эль, которому и возвращены по обѣщанію двѣ его собственныя лошади безъ товаровъ, и одна лошадь съ двумя паками товаровъ, принадлежавшая первоначальному доносчику еврею кривому на глазъ. О возвращеніи этихъ двухъ пакъ и 3-хъ лошадей онъ, Шенгелидзевъ, начальству не доносилъ для того, чтобы не открывать доносчиковъ. Въ донесеніи въ гусятинскую таможню онъ помѣстилъ подсудимыхъ Чижевскаго и Мосенко присутствовавшими при задержаніи контрабанды потому, что участіе ихъ въ семъ случаѣ было дѣятельное и давало имъ право на законную награду, ибо въ продолженіи нѣсколькихъ ночей и въ самую ночь поимки находились на пунктахъ, въ которыхъ, какъ предполагалось, контрабандисты могли прорваться; а вахмистръ Мосенко, сверхъ того, имѣлъ надзоръ на границѣ. Къ сему Шенгелидзевъ присовокупилъ, что предписаніями департамента внѣшней торговли, отъ 11 и 12 іюля 1857 г., и отъ 25 января 1858 года, разрѣшаются награды за поимку контрабанды: и не бывшимъ на самомъ пунктѣ задержанія оной *).

Гусятинская таможня увѣдомила, что нижніе чины пограничной стражи и лица другихъ вѣдомствъ, участвуютъ въ наградахъ

*) Въ упомянутыхъ предписаніяхъ сказано только, «чтобы удовлетворять наградою тѣхъ чиновъ пограничной стражи, которые были при задержаніи контрабанды и прибыли на помощь по выстрѣлу».

только тѣ, которые дѣйствительно бываютъ при задержаніи, согласно 1834, 1835 и 1873 ст. т. VI уст. тамож. (изд. 1857 года); не бывшіе же при поимкѣ, награды не получаютъ и получать не должны.

Въ заключеніе своихъ показаній подсудимый *Шенгелидзевъ* объяснилъ, что поимка или задержаніе контрабанды бываетъ двухъ родовъ: поимки случайныя, которыя очень рѣдки, и поимки, большею частію, по доносамъ; вслѣдствіе сего пограничная стража и каждый изъ пограничныхъ офицеровъ, имѣя на основаніи § 78 инструкціи надзирателямъ, постоянною цѣлію пользу службы, выгоды государственной казны и законной торговли, изыскиваютъ всѣ средства къ пріисканію доносчика, для чего прибѣгаютъ къ заграничнымъ контрабандистамъ; доносители эти домогаются, чтобы они оставались въ тайнѣ и просятъ задерживать ихъ самихъ, почему они и задерживаются. Посему, пріобрѣвъ доносчика еврея криваго на глазъ, онъ, Шенгелидзевъ, не могъ открывать его, и при двукратной поимкѣ возвратилъ ему двѣ паки товаровъ и отпустилъ лошадей; притомъ эти двѣ паки товаровъ не водворены въ Россію, а возвращены обратно заграницу, и какъ цѣнность ихъ, сообразно цѣнности другимъ, доставленнымъ въ таможню товарамъ, — 250 руб. изъ коихъ 133 руб 33½ коп. должны были поступить въ казну, а остальные въ награду поимщикамъ, то убытку должно считать 133 руб. 33½ коп.; между тѣмъ, послѣ полученнаго 27 іюня 1857 года отъ еврея криваго на глазъ свѣдѣнія, по его же доносамъ сдѣлано поимокъ на 14,253 руб. 62 коп., а всего во время командованія его гусятинскимъ отрядомъ, съ 17 мая 1857 г. по 11 сентября 1858 г., задержано контрабанды на 17,383 руб. 78 коп. сер.

На запросъ по этому показанію гусятинская таможня увѣдомила, что товары въ таможнѣ цѣнятся не особо по пакамъ, а въ общей разсортировкѣ, и потому нельзя опредѣлить, что стоитъ всякая пака отдѣльно.

О томъ, что поимка контрабанды бываетъ большею частію по доносамъ, и что еврей кривой на глазъ Іось есть доносчикъ, подтвердили подъ присягою многія лица изъ пограничныхъ офицеровъ, окрестные помѣщики и другіе жители м. Гусятина; причемъ присовокупили: пограничные офицеры, что и они неодно-

кратно получали отъ этого еврея доносы, по которымъ задерживали контрабандные товары; окрестные жители,—что самый вѣрный доносчикъ тотъ, который участвуетъ въ провозѣ контрабанды, и какъ чрезъ поимки есть польза казны и поимщикамъ, то пограничная стража не щадитъ ничего для пріисканія доносителей, которыхъ поэтому, въ случаѣ ихъ поимки съ контрабандистами, отпускаютъ обратно заграницу, съ цѣлію получать отъ нихъ доносы.

Гусятинская таможня подтвердила также, что поимки контрабанды большею частію производятся по доносамъ, а безъ доносовъ бываютъ очень рѣдко. Изъ доставленныхъ гусятинскою таможнею вѣдомостей о поимкахъ, видно, что во время командованія подсудимаго Шенгелидзева гусятинскимъ отрядомъ, съ 17 мая 1857 г., по 11 сентября 1858 года, задержано контрабанды: случайной на 148 руб. 10 коп., и по секретнымъ доносамъ на 8,106 руб. 34¼ коп.; сверхъ того задержано чаю 131 п. 39 фун., по оцѣнкѣ на 1,227 руб.; всего задержано контрабанды на 9,481 руб. 44¼ коп. сер.—По такой же вѣдомости гусятинской таможни значится, что предмѣстниками подсудимаго Шенгелидзева въ 1856 г., и по 17 мая 1857 г., пріобрѣтено поимокъ: случайныхъ на 192 руб., 60 коп., и по доносамъ на 4,557 р. 95 к., а всего на 4,750 руб. 55 коп., т. е. менѣе Шенгелидзева на 4,730 руб. 89¼ коп.

Для опредѣленія цѣнности лошадямъ, возвращеннымъ подсудимымъ Шенгелидзевымъ по задержаніи ихъ, военно-судная коммисія спрашивала гусятинскую таможню, сколько именно стоятъ контрабандисткія лошади? На это таможня увѣдомила, что дѣйствительной стоимости контрабандисткимъ лошадямъ, при всемъ приблизительномъ соображеніи вырученныхъ за нихъ разновременно цѣнъ, опредѣлить почти невозможно; ибо съ контрабандою представляются лошади, негодныя для обыкновеннаго употребленія; подобныя лошади продаются отъ 4 до 60 р. сер.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенное, нашелъ, что изъ подсудимыхъ штабсъ-капитанъ Шенгелидзевъ, въ бытность въ 1857 году надзирателемъ гусятинскаго отряда пограничной стражи, отпустилъ заграницу задержанныхъ въ разное время 10 человѣкъ контрабандистовъ съ 13 лошадьми, и двумя паками товаровъ, которые, впрочемъ, не были водворены въ Россіи. Кро-

мъ того Шенгелидзевъ въ донесеніяхъ въ гусятинскую таможню 14 и 27 іюня 1857 года о поимкѣ контрабанды, неправильно показалъ лично присутствовавшими при этихъ поимкахъ: помощника своего поручика Чижевскаго, вахмистра Моеенко и объѣздчиковъ Ермакова и Жиромскаго, которые поэтому и воспользовались положенною за поимки контрабанды наградою, тогда-какъ на самомъ мѣстѣ задержанія контрабанды они не были, и по таможеннымъ правиламъ не имѣли права на награду. По *первому* изъ этихъ обстоятельствъ, въ отношеніи отпуска контрабандистовъ, подсудимый Шенгелидзевъ объяснилъ, что упомянутые контрабандисты, лошади и паки съ товарами отпущены имъ для того, чтобы скрыть бывшихъ въ числѣ контрабандистовъ секретныхъ доносителей, чрезъ которыхъ онъ дѣлалъ значительныя поимки, и что лошади и двѣ паки товаровъ принадлежали тѣмъ же доносителямъ и ихъ товарищамъ, и даны ими въ распоряженіе контрабандистовъ собственно для отклоненія отъ себя подозрѣнія въ участіи въ доносѣ. Хотя по дѣлу положительно обнаружено, что въ числѣ отпущенныхъ контрабандистовъ дѣйствительно находился одинъ еврей, кривой на глазъ, постоянно доставлявшій секретныя свѣдѣнія о контрабандѣ какъ Шенгелидзеву, такъ и другимъ офицерамъ пограничной стражи, и хотя таможенными правилами предоставлено скрывать доносчиковъ, дабы не подвергнуть ихъ преслѣдованію контрабандистовъ и не потерять въ нихъ доносителей на будущее время, но, на основаніи тѣхъ же правилъ, Шенгелидзевъ не могъ освободить ихъ собственною властію, а долженъ былъ представить въ таможню. Впрочемъ по дѣлу не обнаружено никакихъ обстоятельствъ, по которымъ можно было бы заключить, что освобожденіе означенныхъ контрабандистовъ допущено было подсудимымъ Шенгелидзевымъ съ корыстною цѣлію; напротивъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что означенное превышеніе власти и самопроизвольное распоряженіе задержанною контрабандою допущены были имъ съ цѣлію поощренія секретныхъ доносителей и пріобрѣтенія дальнѣйшихъ средствъ къ преслѣдованію и поимкѣ контрабанды, что отчасти подтверждается и тѣмъ, что во время завѣдыванія его гусятинскимъ отрядомъ, получено таможнею дохода отъ конфискаціи контрабанды гораздо болѣе, нежели при предмѣстникахъ его.—Относительно представленія подсудимымъ

Шенгелидзевымъ помощника своего, поручика Чижевскаго, вахмистра Мосенко и объѣздчиковъ Ермакова и Жиромскаго къ наградамъ за поимки контрабанды 14 и 27 іюня 1857 года, въ которыхъ они непосредственно не участвовали, Шенгелидзевъ объяснилъ, что онъ считалъ ихъ имѣвшими право на награду потому, что они поставлены были на разныхъ пунктахъ для поимки одной и той же контрабанды и слѣдовательно дѣйствовали для одной цѣли, по одному свѣдѣнію, и задержаніе товаровъ произошло въ одно и тоже время. Но объясненіе это, по мнѣнію таможеннаго начальства, не заслуживаетъ уваженія, такъ-какъ по существующимъ въ таможенномъ вѣдомствѣ правиламъ, награды назначаются только тѣмъ лицамъ, которыя присутствуютъ на самомъ мѣстѣ задержанія контрабанды. Впрочемъ, при встрѣчающемся недоразумѣніи, не представляется никакого основанія обвинять Шенгелидзева въ умышленно-подложномъ донесеніи по сему предмету, и въ особенности подвергать за это личной отвѣтственности получившихъ награды поручика Чижевскаго, вахмистра Мосенко и другихъ нижнихъ чиновъ, которые, бывъ представлены къ наградѣ, могли считать себя въ правѣ получить оную тѣмъ болѣе, что, бывъ поставлены по распоряженію Шенгелидзева на другихъ постахъ, болѣе или менѣе содѣйствовали успѣху поимки контрабанды. Но притомъ изъ нихъ вахмистръ Мосенко оказывается по сему дѣлу виновнымъ въ нанесеніи побоевъ рукою по лицу объѣздчику Игнатьеву, который вслѣдствіе того сдѣлалъ отлучку въ Каменецъ-Подольскъ для принесенія жалобы начальству.—По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ между прочимъ полагалъ: 1) подсудимаго штабсъ-капитана Шенгелидзева, за вышеизложенныя неправильныя дѣйствія по службѣ, допущенныя имъ впрочемъ безъ корыстныхъ видовъ, на основаніи 229 ст. 1 кн. военно-угол. уст. арестовать на четыре мѣсяца, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ крѣпости, и затѣмъ удержаннаго у него въ казнѣ половиннаго жалованья ему не возвращать. 2) Подсудимаго поручика Чижевскаго, за принятіе не подлежавшей ему по таможеннымъ правиламъ награды за поимку контрабанды, отъ личной отвѣтственности освободить, взыскавъ съ него, однако, неправильно полученныя имъ деньги, въ количествѣ 158 руб. 22 коп., и затѣмъ удержанное у него въ казнѣ половинное жалованье, на основаніи

862 ст. 2 кн. воен. угол. уст., возвратить ему, а также выдать ему и слѣдовавшіе за поимку контрабанднаго чая наградныя деньги, 193 руб $6^{1}/_{2}$ коп., за удержаніемъ изъ оныхъ 158 руб. 22 коп., опредѣленныхъ ко взысканію съ него. 3) Вахмистру Мосенкѣ, за нанесеніе побоевъ объѣздчику Игнатьеву, вмѣнить въ наказаніе содержаніи въ продолженіе болѣе двухъ лѣтъ подъ арестомъ, взыскавъ съ него неправильно полученные въ награду, за поимку контрабанды, при задержаніи которой онъ не присутствовалъ,—16 р. 9 коп., которые пополнить изъ числа удержанныхъ у него и хранящихся въ кіевской конторѣ государственнаго банка, 51 рубля 38 коп., а остальные возвратить ему, Мосенкѣ, по принадлежности.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата удостоилось Высочайшаго утвержденія во 2 день февраля 1861 года.

О стражникѣ пограничной стражи Жеромкинѣ, убившемъ изъ ружья крестьянина Рихка при поимкѣ контрабанды.

23-го августа 1860 года у дер. Немкюль на островѣ Моонъ, стражникомъ лифляндской бригады пограничной стражи Жеромкинымъ и стражникомъ Кузьминымъ, задержаны были двѣ лодки съ 23-мя мѣшками контрабандной соли, и одинъ контрабандистъ крестьянинъ Алексѣй Су; при этомъ Жеромкинъ выстрѣломъ изъ ружья ранилъ въ ногу крестьянскаго судью Матвѣя Рихка который, вслѣдствіе неподанія скорой помощи и большой потери крови, чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

При производствѣ слѣдствія эзельскимъ орднунгсгерихтомъ, родственники Рихка утверждали, что онъ въ провозѣ контрабандной соли не участвовалъ, а находился у себя дома и спалъ; на мѣсто же происшествія прибылъ для защиты тетки своей крестьянки Марьи Рихкъ, посылавшей за нимъ малолѣтнаго своего сына по случаю нанесенія ей стражникомъ Жеромкинымъ жестокихъ побоевъ.

Обнаруженные провозители контрабандной соли, тоже показали, что Рихкъ съ ними не былъ, и что они никакого сопро-

тивленія не оказывали, а по первымъ выстрѣламъ стражниковъ послѣ того, какъ лодки пристали къ берегу, отъ испуга убѣжали на скотный выгонъ, кромѣ Алексѣя Су, бывшаго въ нетрезвомъ видѣ, который и былъ задержанъ.

Равнымъ образомъ, въ показаніи бывшаго съ Жеромкинымъ стражника Кузьмина объяснено, что приставшіе къ берегу контрабандисты, сопротивленія не оказывали и послѣ сдѣланныхъ ими, Кузьминымъ и Жеромкинымъ, двухъ выстрѣловъ разбѣжались; что Жеромкинъ пришедшую въ то время крестьянку Марью Рихкъ, схвативъ за ноги, тащилъ ближе къ ея дому, но, по просьбѣ его, Кузьмина, отпустилъ, и что по прибытіи къ нимъ судьи Рихка, произошелъ между имъ и Жеромкинымъ громкій разговоръ и Жеромкинъ вдругъ выстрѣлилъ изъ ружья, причемъ Рихкъ вскрикнулъ и сѣлъ на землю, а Жеромкинъ закричалъ: «Боже мой, что я сдѣлалъ», и вслѣдъ затѣмъ перевязалъ ему рану.

Все это, (какъ сказано въ актѣ допроса), подтвердилъ и подсудимый Жеромкинъ послѣ нѣкотораго отрицательства, утверждая однако, что судья Рихкъ ударилъ его коломъ по ногѣ, и когда вторично занесъ руку, то онъ Жеромкинъ, выстрѣлилъ въ него, имѣя намѣреніе слегка только ранить, чтобы послѣ узнать его, такъ-какъ считалъ его предводителемъ шайки крестьянъ, имѣвшихъ намѣреніе отнять конфискованную соль.

Впослѣдствіи же, по преданіи военному суду, подсудимый *Жеромкинъ* отозвался, что показанія его при слѣдствіи изложены невѣрно, и что обстоятельства происшествія онъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ: когда къ берегу подошла одна лодка съ контрабандною солью, то при покушеніи стражника Кузьмина задержать ее, контрабандисты, вооруженные кольями, грозили убить ихъ, если будутъ отбивать контрабанду; отъ сего произошелъ общій шумъ и брань, и какъ контрабандистовъ было человѣкъ до 10-ти, то онъ Жеромкинъ и Кузьминъ подали сигналъ выстрѣлами изъ ружей, призывая такимъ образомъ на помощь стражниковъ изъ другихъ пунктовъ, а контрабандисты между тѣмъ побѣжали въ лѣсъ, кромѣ одного изъ нихъ, пьянаго, который тотчасъ былъ связанъ и оставленъ на морскомъ берегу въ банѣ, куда показатель и Кузьминъ перенесли и задержанную соль. По прибытіи же къ тому мѣсту другой лодки, стражникъ

Кузьминъ первый бросился къ ней, а онъ, Жеромкинъ, выстрѣлилъ изъ ружья, требуя этимъ сигналомъ помощи отъ другихъ стражниковъ, но никто изъ нихъ не прибылъ; контрабандисты тоже бѣжали въ лѣсъ; но когда они, Жеромкинъ и Кузьминъ, притянувъ лодку ближе къ берегу, переносили изъ ней контрабандную соль въ баню, то неизвѣстная женщина, выбѣжавъ изъ кустарника, начала кричать по чухонски и останавливала вынось изъ лодки мѣшковъ съ солью; посему Кузьминъ остался при лодкѣ для надзора за нею, а онъ, Жеромкинъ, прошелъ къ банѣ, причемъ женщина, держась за шинель его, не переставала кричать; по крику этому показалось изъ кустарниковъ до 10-ти человѣкъ крестьянъ съ кольями, а одинъ изъ нихъ, махая коломъ, кричалъ: «бей ихъ» и ударилъ его, Жеромкина, вскользь лѣваго уха по плечу, а потомъ замахнулся вторично, чтобы ударить по ногамъ, и попалъ подъ колѣно лѣвой ноги, но затѣмъ колъ остановился на ружьѣ, и онъ, Жеромкинъ, защищая жизнь свою, выстрѣлилъ изъ ружья на угадъ, безъ прицѣла, причемъ крестьянинъ тотъ закричалъ и упалъ на землю, а прочіе крестьяне и женщина съ крикомъ убѣжали въ лѣсъ; послѣ сего онъ портянками своими перевязалъ рану у означеннаго крестьянина, который вслѣдъ затѣмъ былъ унесенъ тремя неизвѣстными ему крестьянами; о семъ показатель тогда же сказалъ товарищу своему, стражнику Кузьмину, и доложилъ пріѣхавшему на мѣсто происшествія надзирателю поста «Куйвисъ» капитану Мазину.

Стражникъ *Кузьминъ* на передопросѣ въ военномъ судѣ тоже объяснилъ, что онъ при слѣдствіи вовсе не показывалъ, что Жеромкинъ тащилъ крестьянку Марью Рихкъ за ноги къ ея дому, и что судья Рихкъ пришелъ одинъ, и былъ раненъ Жеромкинымъ послѣ бывшего между ними громкаго разговора, ибо онъ, Кузьминъ, оставаясь на берегу при лодкѣ, свидѣтелемъ происшествія не былъ, а слышалъ только выстрѣлъ; по прибытіи же его туда, Жеромкинъ сказалъ ему, что контрабандисты, вооруженные кольями, чуть не убили его, но онъ, спасая себя, выстрѣлилъ и одного изъ нихъ ранилъ *).

*) Хотя въ подтвержденіе этихъ показаній не представлено положительныхъ доказательствъ, но и показанія, данныя Жеромкинымъ и Кузьминымъ при слѣдствіи, не представляютъ характера достовѣрности, такъ-какъ они записаны были первоначально на *нѣмецкомъ языкѣ* и уже впослѣд-

Сообразивъ вышеизложенное, генералъ-аудиторіатъ принялъ во вниманіе, что свидѣтельскія показанія объ отсутствіи покушенія со стороны контрабандистовъ къ отбитію контрабанды и о томъ, что при произведеніи выстрѣла въ судью Рихка, сей послѣдній былъ одинъ, а не въ толпѣ крестьянъ, не могутъ имѣть силы доказательства, потому что нѣкоторые изъ свидѣтелей состояли въ родствѣ съ Рихкомъ, а другіе, какъ провозители контрабанды, прикосновенны къ дѣлу и спрошены безъ присяги. Притомъ представляется болѣе вѣроятнымъ показаніе подсудимаго, что онъ защищался отъ нападенія, такъ какъ отъ нанесеннаго ему сильнаго удара, у него оказалось поврежденнымъ лѣвое ухо, на которое онъ и оглохъ. По симъ обстоятельствамъ, признавая подсудимаго Жеромкина виновнымъ въ неосторожномъ лишь употребленіи оружія при оборонѣ отъ контрабандистовъ, генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: вмѣнить подсудимому Жеромкину въ наказаніе содержаніе во время производства суда подъ арестомъ, и подвергнуть его церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Объ уроженцѣ царства польскаго рядовомъ Якубѣ Докулевскомъ, сужденномъ за побѣгъ заграницу *).

Рядовой Докулевскій, (родомъ полякъ) 15 іюня 1854 года бѣжалъ изъ своего баталіона, расположеннаго въ г. Вазѣ (въ Финляндіи), и по розыскамъ въ то время нигдѣ не найденъ.

ствіи переведены на русскій языкъ, не были подписаны подсудимымъ Жеромкинымъ и стражникомъ Кузьминымъ и не засвидѣтельствованы депутатомъ отъ пограничной стражи, по незнанію всѣми ими нѣмецкаго языка. Кромѣ того изъ дѣла не видно, зналъ ли слѣдователь, (записавшій допросы на нѣмецкомъ языкѣ), русскій языкъ на столько, чтобы вполнѣ понимать объясненія упомянутыхъ стражниковъ.

*) Настоящее дѣло весьма назидательно, какъ изображающее картину бѣдствій, ожидающихъ въ западной Европѣ тѣхъ изъ польскихъ уроженцевъ, которые предпочитаютъ службѣ законному правительству—наполненное лишеній, униженій и лживыхъ изворотовъ скитальничество въ странахъ чуждыхъ.

Впослѣдствіи, и именно въ апрѣлѣ 1858 года, Докулевскій былъ задержанъ по неимѣнію письменнаго вида въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Маковскомъ округѣ, и 9 апрѣля на допросѣ въ мѣстномъ окружномъ управленіи, называя себя Карломъ-Лудовикомъ Топольскимъ или иначе Польсономъ, показалъ слѣдующее: онъ родился въ 1829 году въ Краковѣ, на предмѣстьѣ Загржицѣ, № дома не помнитъ, ибо послѣ смерти отца своего Карла, отправился съ матерью Катериною въ г. Позенъ, гдѣ она и умерла. Въ 1844 году пріѣхавшій въ Позенъ изъ Гамбурга на ярмарку сѣдельный мастеръ Фридрихъ Петерсонъ взялъ его съ собою въ Гамбургъ, гдѣ онъ пробылъ 5 лѣтъ, потомъ онъ отправился въ Шлезвигъ-Гольштейнъ, оттуда чрезъ 7 мѣсяцевъ въ Данію, потомъ чрезъ 8 мѣсяцевъ въ Ганноверъ, и наконецъ чрезъ 3 мѣсяца въ Оппельнъ, гдѣ его задержали за бродяжество и посадили на 24 часа въ тюрьму. Здѣсь, получивъ паспортъ, онъ Топольскій долженъ былъ отправиться въ Краковъ и явиться въ полицію, но не предвидя тамъ средствъ къ содержанію себя, скитался въ Австріи до послѣдней поимки.

Чрезъ нѣсколько времени дознано было, что показаніе Докулевскаго о происхожденіи его изъ Кракова — ложно, и онъ 24 апрѣля былъ снова передопрошенъ по этому предмету, но и при этомъ, подтверждая прежнее показаніе, дополнилъ, что отецъ его жилъ въ Краковѣ у еврея Давида, который въ послѣднее время, когда онъ Топольскій содержался подъ арестомъ въ Краковѣ, навѣщалъ его два раза въ присутствіи ключника и смотрителя, и даже далъ ему одинъ рейнскій злотый, говоря, что хотя онъ самого его, Топольскаго, не знаетъ, но хорошо помнитъ родителей его. Въ которомъ костелѣ крестили его, Топольскаго, онъ не знаетъ, но мать сказывала ему, что воспріемниками его были: арендаторъ въ Дембѣ Станиславъ Лещенскій и дѣвица Катерина Коновна, дочь поселянина на Пяскѣ; изъ нихъ Лещенскій около 1847 года переселился въ Прусскую Силезію, а Коновна въ 1856 году умерла. Кромѣ того, еврей Давидъ говорилъ ему, Топольскому, что отца его знали въ Краковѣ докторъ Врублевскій и владѣлецъ фольварка въ Липцѣ Козловскій. Наконецъ Докулевскій показалъ, что при арестованіи его въ Оппельнѣ у него отобраны были бывшія при немъ бумаги: 1) свидѣтельство о бѣдномъ состояніи; 2) свидѣтельство, выданное отъ

Позенской приходской управы въ 1853 году о томъ, что онъ пріобщался и исповѣдывался; 3) паспортъ, выданный ему позенскимъ магистратомъ въ томъ же году, и, наконецъ, 4) ганноверскій паспортъ его за скрѣпою австрійскаго консула.

Когда же всѣ эти показанія Докулевскаго, по сношенію маковскаго окружнаго управленія съ мѣстными начальствами въ Краковѣ и Оппельнѣ, не подтвердились, то Докулевскій 12 мая снова былъ вызванъ означеннымъ управленіемъ къ допросу, но о происхожденіи своемъ показывалъ по прежнему, подтверждая, что бумаги его были отобраны при задержаніи въ Оппельнѣ жандармами, и что съ ними потомъ одѣлалось, онъ не знаетъ.

Затѣмъ Докулевскій, все еще не объявляя своего настоящаго имени, проговорился, что будто бы служилъ въ войскахъ Кошута и участвовалъ въ сраженіи противъ русскихъ подъ Севастополемъ; посему 12 октября онъ вызванъ былъ маковскимъ окружнымъ управленіемъ къ допросу, на которомъ показывалъ слѣдующее: въ 1847 году во время нахожденія его Топольскаго въ Гамбургѣ у сѣдельнаго мастера Петерсона, въ декабрѣ набирали охотниковъ служить въ рядахъ Кошута, и записывалъ ихъ французскій консулъ; такихъ охотниковъ набралось 58 человѣкъ, въ томъ числѣ былъ и онъ, Топольскій. Каждый получилъ отъ означеннаго консула по 40 таллеровъ не въ зачетъ, и по 1/2 талера жалованья, и 15 марта 1848 года всѣ они по желѣзной дорогѣ отправились въ Берлинъ, гдѣ получивъ отъ французскаго консула по 15 таллеровъ каждый, послѣдовали далѣе чрезъ Прагу и Вѣну въ Пестъ. Здѣсь ихъ задержали 3 дня, а потомъ, собравъ всего до 400 человѣкъ охотниковъ, начали перевозить ихъ днемъ и ночью на возахъ на турецкую границу въ Галевъ, распредѣляя по полкамъ, и такимъ образомъ его, Топольскаго, записали въ 4 баталіонъ 6 артиллерійскаго полка, подъ команду полковника Мисѣевскаго и капитана Андржеевскаго. Оттуда вся армія двинулась къ Каменцу, но бывъ отражена русскими, должна была вернуться въ Пестъ; а когда въ маѣ 1849 г., въ большомъ сраженіи вся она была совершенно разбита, то онъ, Топольскій, съ 10 товарищами отправился въ Пруссію, гдѣ хотя ихъ не арестовали, но и не приняли. Послѣ того 10-го октября они чрезъ Саксонію прибыли въ Шлезвигъ-Гольштейнъ, гдѣ ихъ также не хотѣли принять, и намѣревались даже отослать въ

Польшу. Такимъ образомъ, не имѣя средствъ къ жизни, они обратились къ англійскому консулу, который записалъ ихъ въ англійскую армію и на свой счетъ отправилъ ихъ въ Лондонъ, куда они прибыли 16 декабря 1849 года. Здѣсь одѣли ихъ въ матросскій мундиръ, и 3 мѣсяца обучали въ школѣ, а потомъ распредѣлили по мѣстамъ ихъ назначенія. Онъ, Топольскій, попалъ на транспортный корабль Princessa Elisa подъ команду капитана Павла Елбржецкаго; на этомъ кораблѣ онъ служилъ матросомъ по 1853 годъ, потомъ поплылъ въ Черное море, гдѣ участвовалъ въ 4 сраженіяхъ, получилъ 3 раны, и главнѣйшую изъ нихъ подъ Севастополемъ. Отсюда всѣхъ раненыхъ англичанъ и французовъ, вмѣсто Александріи, осажденной русскими, отослали въ Алеппо, гдѣ ихъ набралось около 3000 человѣкъ; тамъ въ больницѣ онъ пролежалъ 10 мѣсяцевъ, и поправясь въ здоровьѣ, не хотѣлъ болѣе возвращаться въ Англію, и потому послалъ въ Лондонъ прошеніе объ отставкѣ и о выдачѣ ему подъемныхъ денегъ, но отставки ему не дали, а выслали только 60 фун. стерлинговъ. Съ этими деньгами онъ, Топольскій, отправился на родину въ Краковъ, не имѣя никакихъ документовъ кромѣ полковой книжки и письма отъ гарнизонной канцеляріи. По прибытіи въ Данію, въ г. Кюбенгорнѣ его, Топольскаго, арестовали, но потомъ дали ему билетъ, съ которымъ онъ путешествовалъ по Ганноверу. Въ Гамбургѣ онъ хотѣлъ было остаться у прежняго своего мастера Петерсона, но какъ послѣдній не могъ достать для него билета на жительство, то онъ пошелъ далѣе; въ Оппельнѣ его арестовали, но снова выпустили, и затѣмъ онъ отправился въ австрійскія владѣнія, гдѣ и былъ задержанъ. Всего онъ, Топольскій, служилъ въ войскахъ Кошута $1\frac{1}{2}$ года, а въ англійской арміи 6 лѣтъ. Отца своего Карла онъ, Топольскій, не зналъ, но отъ матери слышалъ, что онъ служилъ въ бывшей польской арміи и въ 1831 году убитъ въ сраженіи подъ Гроховымъ; мать Викторія, урожденная Дзвонковская, происходила изъ Позена, гдѣ и умерла лѣтъ 5 тому назадъ *). Кромѣ того, была у него сестра Катерина, родившаяся въ Краковѣ, которая вышла замужъ въ Позенѣ за какого то столяра, съ которымъ

---

*) Въ предъидущихъ показаніяхъ Докулевскій называлъ свою мать Катериною.

уѣхала въ Америку, и тетка Елисавета замужемъ за сапожникомъ изъ Позена же, но живы ли онѣ, не знаетъ.

Вслѣдствіе показанія Докулевскаго о своихъ ранахъ, ему было сдѣлано освидѣтельствованіе, по которому оказалось: 1) сверху на желудкѣ бугорокъ величиною съ куриное яйцо, а на немъ поперечный разрѣзъ въ видѣ полумѣсяца, длиною въ 1/2 и шириною въ 1/4 дюйма; въ томъ же направленіи подъ лѣвою лопаткою рубецъ въ дюймъ длины и 1/4 дюйма толщины. Оба эти рубца, по показанію Докулевскаго, произошли будто бы отъ ружейнаго выстрѣла остроконечною пулею подъ Севастополемъ. 2) Ниже лѣваго плеча на лѣвой лопаткѣ рубецъ величиною въ бобъ, косой, твердый, будто бы отъ казачьей пики. Эту рану Докулевскій получилъ, по словамъ его, на Черномъ морѣ при побѣгѣ, и 3) на нижней части правой ляжки съ наружной стороны рубецъ около 3 дюймовъ длины и 1 дюймъ ширины, кривой, причиненный, будто бы, картечною пулею.

Между тѣмъ въ маковскомъ окружномъ управленіи получены были изъ Кракова увѣдомленія: отъ ксендза звѣржинецкаго прихода, что въ метрическихъ книгахъ костела акта о рожденіи въ 1829 году Карла-Людовика Топольскаго или Польсона, сына Карла и Екатерины Топольскихъ, не оказалось; и отъ полицейскаго управленія, что такая фамилія въ Краковѣ вовсе неизвѣстна. Посему, когда Докулевскій былъ вызванъ въ маковское окружное управленіе 22 декабря 1858 года и передопрошенъ снова о своемъ происхожденіи, то измѣнилъ прежде данныя объясненія, и, называясь Людовикомъ Борженцкимъ, уроженцемъ царства польскаго, августовской губерніи, г. Ломжи, показалъ, что отецъ его, Юзефъ, умеръ въ 1849 году, а мать Елисавета, вступившая во 2-й бракъ, живетъ вмѣстѣ съ замужнею его сестрою въ Ломжѣ, въ улицѣ Злотый конь, № 130, въ собственномъ домѣ. Въ 1848 году, еще при жизни отца, когда въ домъ ихъ ночью пришелъ начальникъ для взятія его, Борженцкаго, въ военную службу, къ которой онъ еще прежде былъ признанъ способнымъ, онъ чрезъ окно бѣжалъ въ Свѣнту Лопку (въ Пруссіи) и тамъ у священниковъ занимался работами въ теченіи 3 мѣсяцевъ. Далѣе Докулевскій объяснялъ согласно показанію, отобранному у него 1 октября *).

*) По отзыву бургомистра г. Ломжи тамъ не только неизвѣстна фамилія Борженцкаго, но даже и улицы «Злотый конь» вовсе нѣтъ.

*

Затѣмъ, гдѣ находился Докулевскій весь 1859 годъ и начало 1860 года, въ дѣлѣ свѣдѣній нѣтъ, а видно только, что въ концѣ мая 1860 года онъ былъ доставленъ изъ Австріи чрезъ вольчковицкій передаточный пунктъ къ радомскому коменданту.

Здѣсь на допросѣ въ комендантскомъ управленіи 3 (15) іюня, Докулевскій хотя и объявилъ свою настоящую фамилію и происхожденіе, но по прежнему скрывая свое званіе, показалъ, что онъ въ 1843 году поступилъ въ услуженіе къ частному коммисару Рыдзевскому, проживавшему въ дер. Чостковѣ, августовскаго уѣзда, у котораго прослужилъ $1^1/_2$ года, а потомъ самовольно ушелъ заграницу, и прибывъ въ Пруссію въ г. Олецкъ, съ полученнымъ тамъ легитимаціоннымъ видомъ, отправился вмѣстѣ съ сѣдельнымъ мастеромъ Карломъ Петерсонъ въ г. Гамбургъ, гдѣ прожилъ 11 мѣсяцевъ, а въ 1848 году прибылъ въ Венгрію и поступилъ на службу въ тамошнія мятежническія войска; по окончаніи войны поѣхалъ въ Англію вмѣстѣ съ 8 изъ своихъ товарищей, и въ г. Сотляндѣ поступилъ матросомъ на корабль Princessa Elisa, участвовалъ въ англо-французской войнѣ въ Крыму, потомъ 10 мѣсяцевъ пользовался отъ раны въ м. Тичтаніи въ Турціи, и по выздоровленіи намѣренъ былъ возвратиться въ Англію, но на пути туда, въ г. Ануфорѣ былъ арестованъ и въ 1858 году отправленъ въ Краковъ, гдѣ находился до передачи русскому правительству. Въ русской военной службѣ онъ, Докулевскій, никогда не служилъ потому, что пользовался изъятіемъ отъ оной, каковое сдѣлалъ ему неимѣвшій дѣтей поселянинъ Якубъ Сорока. Прежнія же показанія его ложны, ибо онъ, опасаясь наказанія за участіе въ венгерской и англо-французской войнахъ, не хотѣлъ открыть настоящаго своего происхожденія.

Когда же по секретному дознанію, произведенному на родинѣ Докулевскаго, открылось, что онъ въ 1848 году былъ отданъ въ военную службу, и что слѣдовательно побѣгъ заграницу сдѣланъ былъ имъ изъ рекрутской партіи или изъ полка, то Докулевскій, по распоряженію управляющаго гражданскою частію въ царствѣ польскомъ, генералъ-адъютанта Панютина, былъ преданъ военному суду при новогеоргіевскомъ ордонансъ-гаузѣ.

Затѣмъ Докулевскій на допросѣ въ военно-судной коммисіи, открывъ наконецъ свое званіе, показалъ, что въ октябрѣ 1848

года онъ отданъ былъ въ рекруты и отправленъ въ Финляндію, гдѣ его зачислили въ 3 роту финляндскаго линейнаго № 12 баталіона, расположеннаго въ г. Вазѣ. Изъ этой роты, вслѣдствіе нападковъ фельдфебеля Андреева и ротнаго командира поручика Яновскаго, въ первыхъ же числахъ мая 1853 года онъ, Докулевскій, бѣжалъ, и на финляндскомъ купеческомъ кораблѣ отправился въ Швецію въ г. Юмъ, гдѣ у шведскаго генеральнаго консула Гласа служилъ болѣе года въ лавкѣ. Между-тѣмъ его батальонный командиръ маіоръ князь Акчуринъ, неизвѣстно какъ, узналъ о мѣстѣ его пребыванія, и послалъ русскому консулу въ Юмъ, чтобы его, Докулевскаго, выслали; но хозяинъ его Гласъ, не желая его выдать, снабдилъ его паспортомъ (на имя Людовика Польсона, по польски Топольскаго), съ которымъ онъ въ октябрѣ 1854 года отправился въ г. Эсташонъ, и тамъ у шведскаго генерала Якуба Аксена Дальстрема служилъ кучеромъ до іюня 1856 года. Наскучась этою службою онъ, Докулевскій, ушелъ отъ генерала Дальстрема съ тѣмъ же паспортомъ въ Норвегію въ г. Троніемъ, оттуда чрезъ недѣлю отправился въ Бергезъ и наконецъ въ Христіанію. Здѣсь нанялся къ купцу Петерсону на корабль матросомъ, и путешествовалъ по торговымъ дѣламъ на короблѣ въ Англію, Америку, Калифорнію и Бразилію. У Петерсона прослужилъ онъ до 1853 года, а въ началѣ того года на пароходѣ переѣхалъ въ г. Гамбургъ, гдѣ по случаю болѣзни пролежалъ въ госпиталѣ около двухъ недѣль. По выздоровленіи, въ началѣ весны отправился было въ Лейпцигъ для заработковъ, но на пути въ г. Ануфоръ въ трактирѣ повздорилъ съ прусскими жандармами, которые отобрали у него паспортъ, выданный, какъ выше упомянуто, въ Юмѣ шведскимъ консуломъ, а какъ онъ Докулевскій показанъ былъ происходящимъ изъ г. Кракова, то представили его австрійскому консулу, который, оставя у себя его паспортъ, далъ отъ себя письменный видъ для прохода въ Краковъ съ тѣмъ, чтобы онъ на пути нигдѣ не останавливался. Съ этимъ видомъ въ апрѣлѣ 1858 года онъ, Докулевскій, пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ г. Оппельнъ, и какъ отсюда онъ намѣревался ѣхать не въ Краковъ, а въ Варшаву, то былъ задержанъ жандармами. Въ Оппельнѣ отобрали отъ него помянутый видъ и выдали другой, въ которомъ обозначили, чтобы онъ на 10 день прибылъ въ Краковъ, но не доходя 4-хъ миль до

этого города, онъ, Докулевскій, задержанъ былъ въ дер. Жарнувкѣ поселянами, которые представили его въ Краковъ. Отсюда, по отобраніи показанія, два раза посылали его въ гмину Маково, гдѣ онъ потомъ два года просидѣлъ подъ арестомъ, давая все ложныя о себѣ показанія; наконецъ открылъ настоящую свою фамилію и мѣсто происхожденія, вслѣдствіе чего и былъ доставленъ въ Радомъ, но и здѣсь все еще не открывалъ своего воинскаго званія въ надеждѣ выпутаться. Ни предъ побѣгомъ изъ баталіона, ни во время самаго побѣга никакого преступленія онъ не сдѣлалъ, а снесъ только казенныя аммуничныя вещи: шинель, лѣтніе панталоны, сапоги, рубаху, галстукъ и фуражку. Знаки ранъ у него произошли отъ ударовъ ножемъ, нанесенныхъ ему еще въ 1852 году рядовымъ одного съ нимъ баталіона и роты Иваномъ Агаповымъ, во время содержанія ихъ и еще двухъ рядовыхъ того же баталіона подъ арестомъ на гауптвахтѣ за доносъ. Это случилось такимъ образомъ: по случаю сильнаго пожара въ Вазѣ ихъ полубаталіонъ отправили на квартиру въ м. Гамле-Карлеби; дорогою означенные арестанты хотѣли было бѣжать, но онъ, Докулевскій, объявилъ о намѣреніи ихъ ротному командиру своему поручику Яновскому, за что Иванъ Агаповъ, по приходѣ ихъ въ Гамле-Карлеби, ночью на гауптвахтѣ и нанесъ ему, Докулевскому, ножемъ означенныя раны. Все это было извѣстно какъ поручику Яновскому, такъ и баталіонному командиру. Такимъ образомъ и объясненія его о полученныхъ будто бы въ сраженіяхъ ранахъ, совершенно ложны, такъ какъ онъ ни въ венгерской, ни въ англо-французской войнѣ въ Крыму не участвовалъ.

По сношенію коммисіи военнаго суда съ командиромъ финляндскаго линейнаго № 12 баталіона (что нынѣ 10) маіоромъ Петровскимъ, сей послѣдній увѣдомилъ, что дѣйствительно рядовой Якубъ Докулевскій бѣжалъ изъ баталіона, но не въ маѣ 1853, а 15 іюня 1854 года, и что рядовой Агаповъ (не Иванъ, а Аристархъ), нанесъ Докулевскому ножемъ раны, за что по тѣлесномъ наказаніи, сосланъ былъ въ арестантскія роты. При семъ маіоръ Петровскій представилъ въ копіи донесеніе бывшаго ротнаго командира подсудимаго о побѣгѣ послѣдняго; изъ донесенія сего видно, что Докулевскій бѣжалъ безъ всякой побудительной причины, такъ-какъ ему ни отъ кого притѣсненій

дѣлаемо не было, а снесъ бывшія на немъ казенныя аммуничныя вещи; поведенія онъ былъ постоянно неблагонадежнаго, но преступленія никакого не сдѣлалъ.

По изложеннымъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго виновнымъ: въ побѣгѣ изъ службы заграницу въ военное время, бродяжничествѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и ложныхъ на допросахъ показаніяхъ, опредѣлилъ: рядоваго Якуба Докулевскаго за преступленія его, примѣняясь къ 265 ст. I кн. военно-уголовнаго устава, отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на шесть лѣтъ; отъ тѣлеснаго же наказанія, коему бы онъ подлежалъ по закону, избавить, на основаніи приказа по военному вѣдомству отъ 8 сентября 1856 г. за № 205.

О евреѣ Василіѣ Гессе, сужденномъ: за побѣгъ изъ арестантскихъ ротъ, перемѣну фамиліи, троеженство, и двукратное принятіе православія.

Василій Гессе, происходя изъ евреевъ и проживая въ г. Витебскѣ съ 1818 года, назывался Хаимъ Шліомовичъ Сандлеръ и былъ женатъ на еврейкѣ Сурѣ, а въ 1827 году въ городѣ Кіевѣ обращенъ былъ, согласно его желанію, въ православную вѣру и крещенъ вмѣстѣ съ своею женою; при семъ названы онъ Василіемъ, а жена его Меланьею Гессе. Подъ этимъ названіемъ они въ 1832 году приписаны были въ мѣщане христіанскаго общества г. Витебска; но въ 1833 г. Гессе, оставя въ Витебскѣ свое семейство, отлучился одинъ въ С.-Петербургъ, и здѣсь, отъ живой жены, женился на другой — Любови Константиновой Соиме. Вслѣдствіе сего надъ нимъ, по прошенію первой жены его, произведено было въ с.-петербургской духовной консисторіи въ 1834 году дѣло, и Гессе, по смерти уже второй жены, присужденъ былъ къ семилѣтней церковной эпитиміи съ тѣмъ, чтобы притомъ обращенъ былъ по прежнему къ совмѣстному сожитію съ первою его женою.—Такое постановленіе консисторіи осталось неприведеннымъ въ исполненіе потому: во первыхъ, что Гессе въ 1836 г., по рѣшенію с.-петербургской палаты уголов-

наго суда, за кражу у чиновника X класса Раевскаго шинели наказанъ чрезъ полицейскихъ служителей 25 ударами розогъ, и какъ обращавшій притомъ сильное на себя подозрѣніе и въ учиненіи другихъ кражъ, высланъ былъ изъ С.-Петербурга на мѣсто родины въ витебскую губернію подъ надзоръ тамошняго мѣщанскаго общества, съ воспрещеніемъ ему отлучаться оттуда въ столицу; и во вторыхъ, ибо Гессе, въ 1838 году за учиненную въ г. Витебскѣ кражу двухъ лошадей, по наказаніи плетьми 15 ударами, сосланъ былъ въ Севастополь для помѣщенія въ арестантскія роты, а оттуда переслань былъ въ Измаилъ; потомъ въ февралѣ 1839 года поступилъ въ килійскую крѣпостную арестантскую роту, а въ маѣ 1840 г. съ работы сдѣлалъ побѣгъ.

Послѣ этого Гессе въ г. Кіевѣ, назвавшись уроженцемъ изъ м. Колышъ евреемъ Мееромъ Демировскимъ, вдовымъ, по поданному отъ него прошенію, безъ представленія о себѣ документовъ, вновь окрещенъ съ обращеніемъ въ православную вѣру и названъ Петромъ; при этомъ крещеніи онъ подъ названіемъ Петра Демировскаго получилъ изъ кіевскаго губернскаго правленія 4 декабря 1841 г. билетъ на 8 мѣсяцевъ для избранія себѣ рода жизни, а въ 1842 году въ г. Стародубѣ вступилъ въ третій бракъ съ тамошнею мѣщанкою Прасковьею Бекеною, съ которою потомъ прибылъ въ С.-Петербургъ и приписался здѣсь къ цеху портнаго мастерства; но въ 1847 г. былъ исключенъ изъ онаго за отсутствіемъ его изъ столицы, а въ 1848 году вновь приписанъ къ тому же цеху.

Въ августѣ 1849 года, по объявленію с.-петербургскаго купца Токаревича, что Гессе называется Демировскимъ ложно, произведено было с.-петербургскою полиціею слѣдствіе, и какъ по оному объявленіе Токаревича подтвердилось, то Гессе сначала былъ подвергнутъ уголовному суду, а потомъ когда обнаружено было, что Гессе сдѣлалъ побѣгъ изъ арестантскихъ ротъ, его предали *военному* суду.

При слѣдствіи и въ военномъ судѣ Гессе отозвался, что онъ уроженецъ хотя витебской губерніи, но мѣщаниномъ г. Витебска никогда не былъ; Васильемъ Гессе не назывался и въ арестантскія роты ссылаемъ не былъ, а состоялъ въ мѣщанскомъ обществѣ суражскаго уѣзда въ м. Колышѣ, гдѣ онъ родился и

числился по послѣдней ревизіи подъ именемъ Меера Демировскаго; отца своего онъ не помнитъ, а по смерти матери, оставшись 13 лѣтъ, находился на воспитаніи у еврея Лейзера; потомъ, по смерти уже сего послѣдняго, отлучась съ мѣста родины, проживалъ въ разныхъ мѣстахъ безъ вида и наконецъ, прибывъ въ г. Кіевъ, тамъ въ 1841 году обратился въ православную вѣру и при св. крещеніи наименованъ Петромъ Петровымъ по фамиліи Демировскимъ; подъ этимъ названіемъ точно въ 1842 г. женился на стародубской мѣщанкѣ Прасковьѣ Бекеной, и въ 1843 году, по выданному ему изъ кіевскаго губернскаго правленія билету для избранія рода жизни, прибывъ въ С.-Петербургъ, приписался здѣсь къ ремесленному цеху, съ 1845 по 1848 годъ проживалъ въ Москвѣ, и затѣмъ оттуда вновь перешелъ въ С.-Петербургъ, поступивъ по прежнему въ цехъ портнаго мастерства.

Напротивъ того, слѣдствіемъ и военнымъ судомъ открыто слѣдующее:

1) Мѣщанина еврея Меера, по фамиліи Демировскаго, не только въ м. Колышѣ, но и во всемъ суражскомъ уѣздѣ не оказалось, а спрошенные въ м. Колышѣ 12 евреевъ, изъ старожиловъ, подъ присягою отозвались, что въ колышскомъ еврейскомъ обществѣ состоялъ одинъ только Мееръ Коломаровъ, а не Демировскій, и не воспитанникъ еврея Лейзера, а шуринъ его, но и тотъ еще въ 1830 году выбылъ въ кіевскую губернію, оттуда въ 1834 году пріѣзжалъ въ Колышъ одинъ только разъ для подачи ревизской о семействѣ своемъ сказки, и затѣмъ, какъ болѣе уже туда не являлся, то и исключенъ вовсе изъ общества ихъ.

2) Во время проживанія подсудимаго Гессе въ С.-Петербургѣ подъ названіемъ витебскаго мѣщанина, онъ былъ женатъ на Любови Сомме, какъ это удостовѣрили подъ присягою пять свидѣтелей, которые знали Гессе въ то время *).

*) На этихъ свидѣтелей Гессе, послѣ уже отобранія отъ нихъ присяжныхъ показаній, объявилъ подозрѣніе въ стачкѣ съ доносителемъ Токаревичемъ, называя ихъ людьми развратнаго поведенія (чего прежде до приведенія ихъ къ присягѣ вовсе не показывалъ) и присовокупилъ, что Токаревичъ, имѣя любовную связь съ женою его, принялъ рѣшительное намѣреніе оклеветать его въ небываломъ; но изъ дѣла видно, что жена Гессе подавала нѣсколько просьбъ въ защиту его, и стараясь оправдывать его, просила объ освобожденіи отъ ареста.

3) Первая жена Гессе, Меланья Александрова, показала, что вышла за Гессе замужъ въ Витебскѣ, имѣя отъ роду 14 лѣтъ, когда оба они были въ еврейскомъ законѣ; что послѣ свадьбы изъ Витебска отправились они въ Кіевъ, тамъ чрезъ годъ времени обращены были въ православную вѣру, и названы при крещеніи: мужъ ея Васильемъ Гессе, а она Меланьею; подъ этимъ названіемъ, чрезъ полгода, возвратились въ Витебскъ и приписаны были къ мѣщанскому христіанскому обществу. Проживъ же тамъ съ нею не болѣе пяти лѣтъ, мужъ ея бросилъ ее, оставя съ дѣтьми въ Витебскѣ, а самъ уѣхалъ въ С. Петербургъ и здѣсь женился на другой женѣ. По этому случаю она приносила на него въ С.-Петербургъ жалобы, по которымъ производилось дѣло въ духовной консисторіи, а когда между тѣмъ мужъ ея подвергся ссылкѣ за преступленіе, то она просила о расторженіи съ нимъ брака.

4) Въ отношеніи вступленія Гессе во вторый бракъ съ дочерью гофъ-фурьера Сомме, Любовью, и жалобъ первой его жены, по дѣлу видно: что Гессе былъ обвѣнчанъ во 2-й разъ въ Троицкой церкви (л.-гв. въ измайловскомъ полку), 30 марта 1833 г.; что потомъ, по прошенію первой жены Гессе, Меланьи Александровой, о незаконномъ вступленіи его во второй бракъ при живой женѣ, дѣйствительно производилось въ 1834 г. дѣло въ с.-петербургской духовной консисторіи, по которому обнаружено было, что онъ состоялъ въ первомъ бракѣ съ просительницею еще до 1827 года, будучи въ еврейскомъ законѣ, когда они назывались мужъ Хаимъ Шліомовичъ Сандлеръ, а жена его Сурою; по принятіи же ими въ 1827 г. православной вѣры, оставались неразлучными, и даже въ 1834 г. по 8-й народной переписи числились въ мѣщанскомъ сословіи г. Витебска. Посему, на основаніи сихъ удостовѣреній и за смертію уже второй жены его, постановленіемъ консисторіи, опредѣлено было: обратить ихъ по прежнему къ совмѣстному сожитію, и съ тѣмъ вмѣстѣ, виновнаго изъ нихъ мужа Гессе, подвергнуть семилѣтней церковной эпитиміи. Это постановленіе, хотя было объявлено женѣ Гессе въ свое время, но осталось неприведеннымъ въ исполненіе потому, что (какъ нами указано выше) Гессе за кражу, по наказаніи при полиціи плетьми, высланъ былъ на мѣсто родины въ витебскую губернію, съ воспрещеніемъ от-

лучиться оттуда въ столицу; а въ 1838 году за кражу двухъ лошадей Гессе наказанъ былъ плетьми 15 ударами и отправленъ въ арестантскія роты *).

5) До обращенія—изъ евреевъ въ православную вѣру, Гессе съ 1818 года числился мѣщаниномъ г. Витебска, а потомъ по принятіи православія приписанъ былъ въ мѣщане съ семействомъ своимъ: женою Меланьею Александровою и двумя сыновьями.

6) Комендантъ килійской крѣпости подтвердилъ, что арестантъ Гессе точно состоялъ въ тамошней арестантской ротѣ съ 11 февраля 1839 г., и что онъ 24 мая 1840 г. бѣжалъ съ работы.

7) Кіевская духовная консисторія сообщила, что съ разрѣшенія бывшаго митрополита кіевскаго и галицкаго Евгенія въ г. Кіевѣ точно были крещены въ 1827 году витебскіе уроженцы еврей Хаимъ Шліомовичъ Сандлеръ и жена его Сура, изъ коихъ первый названъ Васильемъ, а жена его Меланьею Гессе. При этомъ крещеніи воспріемниками были кіевскій полиціймейстеръ Александръ Гессе и купеческая жена Ходунова; а въ 1841 г. съ разрѣшенія митрополита Филарета окрещенъ также одинъ еврей, называвшійся уроженцемъ витебской губерніи, суражскаго уѣзда изъ м. Колышъ, Меєръ Демировскій, который показалъ себя тогда вдовымъ, и который при крещеніи нареченъ Петромъ; документовъ же о себѣ онъ при прошеніи своемъ никакихъ не представлялъ.

8) Кромѣ того къ изобличенію подсудимаго въ сокрытіи настоящаго званія своего и въ упорномъ запирательствѣ его, что онъ дѣйствительно есть тотъ самый Гессе, который бѣжалъ изъ килійской крѣпостной арестантской роты, представлены доказательствомъ: а) примѣты подсудимаго, объясненныя свидѣтелями; б) отзывы присутственныхъ мѣстъ, въ коихъ производились дѣла о немъ; в) статейный списокъ отъ килійской крѣпостной арестантской роты и г) сличеніе почерка руки его, Демировскаго, съ подписью Гессе какъ подъ допросами его по дѣ-

*) Изъ отзыва оберъ-священника арміи и флота видно, что отъ него о наложеніи семилѣтней церковной эпитиміи на преступника Гессе сообщено было килійскому коменданту въ 1844 г., (т. е. послѣ уже того, какъ Гессе бѣжалъ изъ крѣпости), а потому она и не могла быть выполнена надъ нимъ.

дамъ надъ нимъ производившимся, такъ и въ прошеніяхъ и подписяхъ его при крещеніяхъ въ православную вѣру имъ представленныхъ, въ особенности же изобличенъ онъ тѣмъ, что его знали не только въ Витебскѣ и С.-Петербургѣ, но даже и въ крѣпости Киліи; что онъ какъ прежде, при именованіи себя Гессе, такъ и послѣ, подъ названіемъ Демировскаго, скрывая лысую голову свою, носилъ парикъ.

9) Для удостовѣренія, былъ ли Гессе наказанъ плетьми за воровство, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Витебскѣ, онъ былъ свидѣтельствованъ сначала въ физикатѣ, но тамъ знаковъ не было открыто, а по переосвидѣтельствованіи его въ присутствіи коммисіи военнаго суда штабъ-лекаремъ Франковскимъ, оказалось, что на заднихъ частяхъ тулувища Гессе находятся ниже поясницы бѣлосовитные знаки, подобные тѣмъ, которые остаются послѣ заживленія изъязвленій, образовавшихся вслѣдствіе тѣлеснаго наказанія; присемъ Франковскій удостовѣрилъ, что подсудимый Гессе въ настоящее время можетъ перенести тѣлесное наказаніе и къ крѣпостнымъ работамъ годенъ.

10) Во время производства суда Гессе, замѣтивъ, что преступленіе его начинаетъ явно раскрываться по дѣламъ, въ разныхъ мѣстахъ о немъ прежде производившимся, принялъ рѣшительное намѣреніе уклоняться отъ дачи суду отвѣтовъ; требовалъ, чтобы коммисія представила его къ шефу жандармовъ для какихъ-то переговоровъ, которыхъ въ судѣ открыть, будто бы, не можетъ; предварялъ судей, что онъ безъ жандармскаго полковника Станкевича никакихъ отвѣтовъ въ судѣ давать не будетъ и потомъ дозволилъ себѣ рѣшительно сказать, чтобы коммисія его не требовала въ судъ до того времени, пока не представитъ ему возможности видѣть шефа жандармовъ и съ нимъ объясниться о своей невинности; а какъ Гессе было объявлено, что онъ прежде при производствѣ слѣдствія былъ уже спрашиванъ полковникомъ Станкевичемъ, но тогда кромѣ голословныхъ своихъ показаній ничего особеннаго къ оправданію своему не представилъ, а только жаловался на несправедливый, будто бы, оговоръ его купцемъ Токаревичемъ, и любовную его связь съ женою его, Гессе, чего доказать не могъ,—то Гессе, по окончаніи надъ нимъ дѣла, отказался выслушать составленную изъ онаго выписку и наконецъ, по объявленіи уже ему сентенціи, въ августѣ мѣсяцѣ

1854 г. жалуясь бывшему военному генералъ-губернатору, что будто бы, коммисія военнаго суда, не истребовавъ дополнительныхъ по показаніямъ его справокъ къ дѣлу, постановила неправильный приговоръ надъ нимъ и не объявила ему онаго, просилъ, чтобы его вытребовать лично туда, куда дѣло представлено; но означенная просьба оставлена безъ уваженія.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенное, призналъ подсудимаго арестанта Гессе виновнымъ: въ побѣгѣ изъ арестантскихъ ротъ, перемѣнѣ своего имени и фамиліи, во вступленіи во 2 и 3 бракъ, когда была жива его первая жена, въ двукратномъ принятіи православной вѣры: сначала подъ названіемъ Хаима Сандлера, а потомъ Меера Демировскаго, въ ложныхъ при слѣдствіи показаніяхъ, и упорствѣ въ дачѣ отвѣтовъ военному суду. Посему генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: подсудимаго арестанта Гессе, за означенныя преступленія, на основаніи военно-уголовнаго устава кн. 1 ст. 257, 533 и 534, наказать шпицрутенами чрезъ двѣсти человѣкъ два раза и потомъ по назначенію инженернаго начальства отослать въ арестантскія роты въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ, съ содержаніемъ въ оковахъ; опредѣленіе же степени отвѣтственности подсудимому Гессе за принятіе въ другой разъ православной вѣры и вступленіе во 2 и 3 бракъ при живой женѣ — предоставить, на основаніи 440 и 441 того же устава, духовному вѣдомству.

О рядовомъ Николаѣ Волгинѣ, виновномъ въ подложномъ присвоеніи непринадлежащаго ему званія, наказаніи розгами крестьянъ, кражѣ и выдачѣ обязательства жениться.

Николай Волгинъ, (происходящій изъ дворянъ), поступившій въ военную службу въ 1851 году по приговору правительствующаго сената за подложные поступки, безъ лишенія правъ состоянія,—во время служенія въ модлинскомъ пѣхотномъ полку 8-го августа 1857 г. былъ уволенъ въ отпускъ на два мѣсяца,

но по прошествіи этого срока, не явился на службу и составивъ себѣ фальшивые документы на имя юнкера генеральнаго штаба Оленко, командированнаго будто бы начальствомъ въ разныя губерніи для военно-статистическихъ описаній, проживалъ подъ этимъ именемъ въ воронежской губерніи до мая 1858 года, а въ это время былъ взятъ: по поводу возникшихъ на него жалобъ въ притѣсненіи государственныхъ крестьянъ въ коротоякскомъ уѣздѣ съ вымогательствомъ отъ нихъ денегъ, и по жалобѣ помѣщика того же уѣзда Константина Бѣлозерскаго въ обольщеніи и насильственномъ увозѣ *двухъ его дочерей.*

Послѣдняя изъ сихъ жалобъ по изслѣдованію не подтвердилась, причемъ обнаружено, что Волгинъ, проживая въ коротоякскомъ уѣздѣ подъ именемъ юнкера генеральнаго штаба *Оленко,* во время знакомства съ помѣщикомъ Бѣлозерскимъ, убѣдилъ старшую дочь его Александру уѣхать изъ дома родителей и обвѣнчаться съ нимъ, на что дѣвица эта, по собственному ея показанію, сама согласилась и пріѣхала къ Волгину, который переночевавъ съ нею въ своей квартирѣ, на другой день привезъ ее обратно къ родителямъ, и по требованію ихъ далъ письменное обязательство на бракъ съ ихъ дочерью, которая послѣ того вторично уѣхала съ Волгинымъ и проживала съ нимъ три недѣли.

Въ продолженіе этого времени младшая дочь Бѣлозерскаго дѣвица *Марья*, вмѣстѣ съ сестрою своею, также пріѣхала къ подсудимому Волгину, который между тѣмъ успѣвъ достать данное имъ обязательство на бракъ съ Александрою Бѣлозерскою, перемѣнилъ въ ономъ имя Александры на имя сестры ея Марьи, и отославъ первую домой, оставилъ у себя младшую сестру, которая и была взята впослѣдствіи при арестованіи Волгина.

При этомъ дѣвица Марья Бѣлозерская, сознаваясь въ любовной связи съ Волгинымъ, показала, что она и сестра ея уѣзжали къ нему, съ согласія на то своихъ родителей, и что она оставалась у Волгина, повѣривъ обѣщанію его жениться на ней.

Самъ Волгинъ, сознаваясь въ выдачѣ помѣщику Бѣлозерскому обязательства на бракъ съ старшею его дочерью Александрою, и въ перемѣнѣ потомъ въ обязательствѣ имени Александры на имя младшей сестры ея Марьи, показалъ, что дѣвицы Бѣлозерскія пріѣзжали къ нему по добровольному ихъ согласію, чѣмъ

онъ Волгинъ воспользовался, узнавъ о свободномъ ихъ поведеніи.

Относительно жалобъ крестьянъ о притѣсненіи ихъ Волгинымъ и вымогательствѣ у нихъ денегъ, слѣдствіемъ обнаружено, что подсудимый Волгинъ, проживая въ коротоякскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, имѣлъ при себѣ фальшиво-составленные имъ самимъ и впослѣдствіи найденные при немъ слѣдующіе документы: а) предписаніе отъ начальника Высочайше утвержденной коммисіи генералъ-маіора Волкова на имя состоящаго при той коммисіи юнкера генеральнаго штаба Оленко о немедленномъ отправленіи для составленія статистическихъ свѣдѣній, и б) открытый листъ, за подписью новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, на имя того же Оленко, объ исполненіи градскими и сельскими полиціями всѣхъ его законныхъ требованій, и о содѣйствіи ему къ успѣшному выполненію возложенной на него обязанности по составленію статистическихъ свѣдѣній въ губерніяхъ херсонской, полтавской, харьковской и воронежской.

Дѣйствуя по этимъ документамъ, подсудимый Волгинъ подъ именемъ юнкера Оленко подалъ въ коротоякскомъ уѣздѣ рапортъ окружному начальнику государственныхъ имуществъ, который далъ предписаніе волостнымъ правленіямъ ввѣреннаго ему округа: исполнять всѣ законныя требованія Волгина и командировалъ къ нему для содѣйствія засѣдателя одного изъ волостныхъ правленій.

Послѣ того подсудимый Волгинъ въ мартѣ 1858 г., прибывъ въ село Старое Уколово, чрезъ засѣдателя расховецкаго волостнаго правленія Карамышева потребовалъ отъ всѣхъ хозяевъ мукомольныхъ мельницъ по 1 руб. 30 коп. асснг. съ каждаго; когда же крестьяне не согласились на эту плату и по принужденію засѣдателя обѣщали собрать по 20 коп. сереб. съ каждаго, то подсудимый Волгинъ, явясь самъ къ крестьянамъ, настоятельно требовалъ собрать назначенную плату, причемъ нанесъ крестьянину Петру Валяеву, которому былъ порученъ сборъ денегъ, сильные побои и велѣвъ привязать его къ столбу, наказалъ плетью.

Подсудимый *Волгинъ*, сознаваясь въ написаніи вышеупомянутыхъ фальшивыхъ документовъ на имя юнкера Оленко,—въ вы-

могательствѣ отъ крестьянъ денегъ, хотя не сдѣлалъ сознанія, но совершеніе имъ этого преступленія удостовѣрено показаніемъ 22-хъ крестьянъ села Стараго Уколова, подтвердившихъ, что засѣдатель волостнаго правленія Карамышевъ требовалъ отъ всѣхъ хозяевъ мукомольныхъ мельницъ по 1 руб. 30 коп. ас. съ каждаго въ пользу Волгина, но они собрали только по 20 коп. сереб. О нанесеніи же побоевъ крестьянину Валяеву вполнѣ подтвердили подъ присягою 26 человѣкъ крестьянъ, бывшихъ свидѣтелями этого случая, а изъ даннаго Валяеву отъ сельскаго старшины свидѣтельства видно, что по осмотру Валяева, оказались у него знаки отъ жестокихъ побоевъ.

Сверхъ того обнаружено, что подсудимый Волгинъ отобралъ отъ крестьянъ Василія и Лаврентія Вислогузовыхъ актъ на владѣемую ими землю, котораго не возвратилъ, (впослѣдствіи этотъ документъ оказался утраченнымъ), и самовольно наказалъ розгами крестьянина Григорія Смехнева.—Въ отобраніи акта на землю у крестьянъ Вислогузовыхъ подсудимый Волгинъ самъ сознался, объяснивъ, что актъ нуженъ былъ ему для внесенія земли въ статистическое описаніе и что онъ вѣроятно потерялъ его; въ наказаніи же крестьянина Смехнева, Волгинъ не признался, отзываясь, что онъ только велѣлъ посадить Смехнева въ сельскую расправу за то, что крестьянинъ этотъ отказался дать ему свѣдѣніе о количествѣ платы по производству имъ кузнечнаго мастерства.—Засѣдатель волостнаго правленія, сельскій старшина и трое десятскихъ, (посредствомъ которыхъ произведено было наказаніе крестьянина Смехнева), засвидѣтельствовали, что сей послѣдній точно былъ наказанъ розгами 50 ударами по приказанію подсудимаго Волгина.

При этомъ Смехневъ сверхъ того жаловался, что засѣдатель Карамышевъ и сельскій старшина Федяевъ предъ наказаніемъ его требовали съ него, неизвѣстно за что, уплаты 20 руб. сер., причемъ Федяевъ причинилъ ему побои, и что во время наказанія у него отобрали 10 руб сер. Но Карамышевъ и Федяевъ противъ оговора крестьянина Смехнева не признались.

Кромѣ сего, подсудимый рядовой Волгинъ былъ уличенъ: а) въ тайномъ увозѣ у помѣщика коротоякскаго уѣзда Шафаростова тарантаса, который и былъ найденъ и отобранъ у Волгина при поимкѣ его; б) въ побѣгѣ изъ главной гауптвахты въ г Во-

ронежъ, гдѣ онъ содержался послѣ первоначальной поимки его подъ именемъ юнкера Оленко, и в) въ другомъ побѣгѣ изъ полиціи города Острогожска, куда онъ былъ отправленъ изъ г. Воронежа къ слѣдователю.

По соображеніи означенныхъ обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго рядоваго Николая Волгина виновнымъ: въ неявкѣ на службу изъ дозволеннаго ему отпуска, въ написаніи фальшивыхъ документовъ на имя юнкера генеральнаго штаба Оленко, командированнаго (будто бы) для составленія военно-статистическихъ описаній въ разныхъ губерніяхъ, и укрывательствѣ подъ этимъ именемъ до самой поимки его; въ выдачѣ отъ имени того же Оленко помѣщику коротоякскаго уѣзда Константину Бѣлозерскому письменнаго обязательства на бракъ съ старшею дочерью Бѣлозерскаго Александрою, и въ перемѣнѣ потомъ въ обязательствѣ имени Александры на имя младшей сестры ея Маріи, (которую онъ согласилъ на любовную съ нимъ связь посредствомъ ложнаго обѣщанія жениться на ней); въ двухъ побѣгахъ во время производства слѣдствія изъ воронежской главной гауптвахты и изъ острогожской городской полиціи; въ тайномъ увозѣ у помѣщика Шафаростова тарантаса, что по закону почитается воровствомъ—кражею, и наконецъ въ противозаконныхъ распоряженіяхъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ и вымогательствѣ отъ нихъ денегъ, съ причиненіемъ имъ побоевъ. Послѣднее изъ сихъ преступленій по точной силѣ 345 ст. 1 кн. воен. уголов. уст. и 420 ст. улож. о наказаніяхъ уголов. и исправ. признается высшею степенью лихоимства, за которое виновные подлежатъ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжную работу; на основаніи же 1944 ст. уложенія виновные въ незаконномъ присвоеніи себѣ какого либо званія, съ намѣреніемъ чрезъ то совершить болѣе или менѣе важный обманъ, подлежатъ отвѣтственности согласно правиламъ, постановленнымъ о совокупности преступленій, причемъ, по силѣ 165 ст. уложенія подвергаются наказанію, опредѣленному за тягчайшее изъ содѣянныхъ ими преступленій. Руководствуясь приведенными законами и имѣя въ виду совокупность многихъ преступленій, сдѣланныхъ подсудимымъ Волгинымъ, генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго рядоваго, Николая Волгина, на основаніи 348 ст. 1 кн. военно уголовнаго

устава и 165, 421 и 1944 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, согласно съ мнѣніемъ командующаго 5-мъ армейскимъ корпусомъ, лишить дворянскаго достоинства, имѣемой имъ бронзовой медали въ память войны 1853—1856 годовъ, и всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ. По настоящему дѣлу обвиняются: а) исп. д. окружнаго начальника коротоякскаго уѣзда Новицкій въ допущеніи подсудимаго Волгина, именовавшагося юнкеромъ генеральнаго штаба Оленко, до незаконныхъ притѣсненій государственныхъ крестьянъ и вымогательства отъ нихъ денегъ; б) засѣдатель расховецкаго волостнаго правленія Василій Карамышевъ въ содѣйствіи Волгину въ лихоимствѣ, в) государственный крестьянинъ Иванъ Масленниковъ и деревенскій старшина Семенъ Федяевъ: первый въ причиненіи побоевъ крестьянину Петру Валяеву, а второй въ нанесеніи побоевъ крестьянину Григорію Смехневу и вымогательствѣ у него денегъ, и г) писецъ острогожской городской полиціи Пашкевичъ въ выпускѣ изъ полиціи подсудимаго Волгина и въ побѣгѣ съ нимъ. Поступки всѣхъ означенныхъ лицъ, генералъ-аудиторіатъ полагалъ передать на разсмотрѣніе по принадлежности ихъ начальства, которому предоставить вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить взысканіе съ виновныхъ всѣхъ употребленныхъ при производствѣ настоящаго дѣла денежныхъ издержекъ, сколько таковыхъ будутъ слѣдовать. Отобранный же отъ подсудимаго Волгина тарантасъ, похищенный у помѣщика Шафаростова и хранящійся въ воронежской полиціи, возвратить Шафаростову по принадлежности. Сверхъ того оказалось, что Волгинъ, происходящій изъ дворянъ, былъ преданъ суду по предписанію командира воронежскаго баталіона внутренней стражи полковника Юрасова, въ превышеніе предоставленной сему послѣднему власти, безъ доклада о томъ по начальству. За такое упущеніе генералъ-аудиторіатъ заключилъ: полковнику Юрасову объявить замѣчаніе.»

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему. Царское село. 20 октября 1861 г.».

Объ унтеръ-офицерѣ Данилѣ Луженко, преданномъ суду за присвоеніе непринадлежащаго ему званія, двоеженство и подлоги.

Въ мартѣ 1851 г. передана была въ военное министерство просьба отставнаго изъ самурскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитана *Богушевскаго*—объ опредѣленіи его въ должность городничаго.

При разсмотрѣніи въ инспекторскомъ департаментѣ представленнаго при просьбѣ дубликата указа объ отставкѣ оказалось въ немъ нѣкоторое несходство съ прохожденіемъ службы того Богушевскаго, который дѣйствительно служилъ въ самурскомъ пѣхотномъ полку и въ 1849 г. уволенъ былъ въ отставку. Это обстоятельство и самыя подписи на дубликатѣ подъ руку начальника главнаго штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся, и дежурнаго штабъ-офицера, возродили сомнѣніе въ подложности документа. — Посему означенный проситель, по вытребованіи его дежурнымъ генераломъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, былъ уличенъ въ подлогѣ, однако настоящаго своего званія не объявилъ. Будучи отправленъ потомъ въ III отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для надлежащаго о немъ разслѣдованія, онъ при допросѣ тамъ (послѣ продолжительнаго убѣжденія) сознался, что онъ бѣглый унтеръ-офицеръ тенгинскаго пѣхотнаго полка Данило Луженко, причемъ собственноручно написалъ о себѣ показаніе, объяснивъ между прочимъ, что онъ содержался подъ ложнымъ именемъ въ полтавскомъ тюремномъ замкѣ, но оттуда вторично бѣжалъ.

По повѣркѣ этого показанія со свѣдѣніями, имѣвшимися въ инспекторскомъ департаментѣ, подтвердилось, что дѣйствительно служившій въ тенгинскомъ пѣхотномъ полку унтеръ-офицеръ Луженко бѣжалъ 11 августа 1844 г. изъ Темиръ-Ханъ-Шуринской гауптвахты, гдѣ содержался за похищеніе денегъ изъ чемодана, и что потомъ онъ сдѣлалъ другой побѣгъ изъ полтавскаго тюремнаго замка, въ коемъ содержался подъ ложнымъ именемъ подпоручика Душенкевича за полученіе по фальшивому документу значительной денежной суммы изъ уѣздныхъ казначействъ черниговской губерніи.

*

При осмотрѣ квартиры, которую занималъ подсудимый въ Петербургѣ до арестованія его, оказалось у него наличныхъ денегъ 541 р. $8^1/_2$ к. сер. и разнаго рода вещи, какъ то бѣлье, носильное платье и другія, всего по оцѣнкѣ на 208 р. 62 к. и между прочимъ: двѣ пряжки, одна въ большомъ видѣ, а другая въ миніатюрѣ, каждая съ орденами: св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ, св. Анны 3 ст. съ бантомъ, знакъ отличія военнаго ордена, бронзовая медаль за 1812 годъ, и отдѣльно орденъ св. Владиміра 4 ст. кромѣ того у него оказалось 7 фальшивыхъ печатей, и разныя бумаги. Изъ печатей одна вырѣзана на оловѣ на имя главнаго штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, а прочія шесть на 4-хъ аспидныхъ кусочкахъ, на имя могилевскаго и самурскаго пѣхотныхъ, и украинскаго егерскаго полковъ, черниговскаго губернскаго правленія, конотопской градской думы и остерскаго уѣзднаго суда.—Бумаги же заключались въ слѣдующемъ: 1) нѣсколько черновыхъ просьбъ на Высочайшее имя отъ штабсъ-капитана Богушевскаго объ опредѣленіи его на службу, въ коихъ онъ объяснялъ между прочимъ, что былъ во многихъ экспедиціяхъ на Кавказѣ, получилъ раны и находился въ плѣну у горцевъ; 2 просьба на Высочайшее имя отъ 2-го мая 1850 года съ жалобою на полковницу Богушевскую о неправильномъ присвоеніи ею имѣнія, оставшагося по смерти ея мужа, котораго здѣсь онъ Луженко называетъ отцемъ своимъ, а ее Богушевскую своею матерью; 3) нѣсколько тетрадей и сочиненій Луженки, не заключающихъ въ себѣ ничего противозаконнаго, и 4) письма жены къ нему, въ которыхъ впрочемъ ничего относящагося къ дѣлу не оказалось, и, по содержанію писемъ, предполагать должно, что о настоящемъ званіи Луженки, она вовсе не знала.

По всеподданнѣйшему докладу Государю Императору обо всѣхъ преступленіяхъ Луженки, изложенныхъ въ упомянутомъ собственноручномъ его показаніи, о найденныхъ въ имуществѣ его типографскихъ принадлежностяхъ и фальшивыхъ печатяхъ, служившихъ ему для составленія подложныхъ документовъ,—Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: предать его военному суду при с.-петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ съ тѣмъ, чтобы судъ, по важности преступленій, не требовалъ никакихъ другихъ доказательствъ, а ограничился бы исключительно сознаніемъ этого дезертира, выраженнымъ въ его показаніи, и окончилъ бы суд-

ное дѣло въ самомъ непродолжительномъ времени, и чтобы самый приговоръ надъ нимъ былъ приведенъ въ исполненіе въ образцовомъ пѣхотномъ полку.

Въ показаніи, данномъ въ III отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, подсудимый Луженко, относя къ причинамъ всѣхъ его преступленій несчастное свое происхожденіе, изложилъ, что онъ прижитъ генераломъ Че—вымъ съ казачкой Ириной, которая по смерти Че — ва оставшись безъ покровителя и не имѣя родныхъ, вынуждена была выйти замужъ за крестьянина принадлежащаго помѣщику полтавской губерніи статскому совѣтнику Тишевскому—Антона Луженка, и вскорѣ умерла. Ему Луженкѣ было тогда не болѣе 7-ми лѣтъ. Семейство Тишевскаго приняло его подъ свое покровительство, но въ 1831 году Тишевскіе, кромѣ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, одинъ за другимъ перемерли, и онъ остался безъ призрѣнія. Въ слѣдующемъ 1832 году, когда ему было уже 13 лѣтъ, проѣзжавшій чрезъ Полтаву иностранный купецъ Эдуардъ Блюмъ взялъ его и возилъ съ собою по разнымъ мѣстамъ западной Европы въ продолженіи 6-ти лѣтъ. Наконецъ въ 1838 году, когда Блюмъ прибылъ съ нимъ въ Варшаву, онъ Луженко явился къ тамошнему коменданту съ тѣмъ, чтобы отправилъ его на родину. Вслѣдствіе сего онъ былъ отосланъ въ Полтаву, гдѣ приписавшись въ сословіе малороссійскихъ казаковъ, поступилъ къ купцу Ворожейкину и занимался у него продажею въ лавкѣ. Ворожейкинъ такъ полюбилъ его, что когда онъ Луженко пожелалъ опредѣлиться въ военную службу, то онъ не соглашался отпустить, его и по злобѣ за то, что рѣшился оставить его, сталъ обвинять его въ разныхъ кражахъ. По поводу сего, его Луженко предали суду и приговорили къ отдачѣ въ солдаты. Первоначально въ августѣ 1839 г. онъ Луженко опредѣленъ былъ въ херсонскій гарнизонный баталіонъ, а въ 1840 г. по ходатайству генералъ-маіора Катаржи переведенъ въ черноморскій линейный № 3 баталіонъ, изъ коего въ началѣ 1841 года, по ходатайству командира тенгинскаго пѣхотнаго полка полковника Хлюпина, замѣтившаго его способности, былъ переведенъ въ сей полкъ, и по производствѣ въ сентябрѣ 1842 г. въ унтеръ-офицеры, былъ командированъ во вновь сформированный на лѣвомъ флангѣ конный и воловій транспорты, для письмоводства. Оттуда въ 1844 г. онъ Луженко взялъ

отпускъ на одинъ мѣсяцъ въ Черноморію для свиданія съ невѣстою. На обратномъ пути, при проѣздѣ чрезъ Ставрополь, ему сдѣлано было порученіе дежурнымъ штабъ-офицеромъ подполковникомъ Кусановымъ: доставить находившемуся въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ генералу Гурко посылку съ деньгами. По прибытіи въ г. Кизляръ, такъ какъ ему должно было слѣдовать непріятельскою землею, назначенъ ему былъ, для охраненія суммъ, особый караулъ изъ линейныхъ казаковъ. Въ укрѣпленіи Кази-Юртъ онъ Луженко просилъ тамошняго военнаго начальника подполковника Ковалевскаго принять отъ него означенныя суммы, но Ковалевскій приказалъ сложить чемоданы у гауптвахты на плацъ-формѣ, подъ охраненіемъ того же караула и подъ надзоромъ его Луженки. Полагаясь на часовыхъ, онъ Луженко отлучился по своимъ надобностямъ на короткое время. Часовые же казаки, воспользовавшись этимъ, подрѣзали одинъ чемоданъ и вынули значительное количество денегъ, уничтоживъ и документы, при коихъ посылались деньги. По осмотрѣ имъ Луженко чемодановъ, зло это было обнаружено, и деньги отъ казаковъ тотчасъ отобраны. Не смотря на это, онъ Луженко вмѣстѣ съ казаками былъ арестованъ, и доставленъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а въ іюлѣ мѣсяцѣ 1844 г. послѣдовало предписаніе отъ командующаго войсками, чтобы и казаковъ, и его Луженко отправить въ г. Кизляръ для преданія суду. Предвидя, что по этому случаю, если бы даже его оправдали, онъ долженъ потерять прежнее къ себѣ довѣріе и расположеніе людей, онъ рѣшился бѣжать. Добравшись посредствомъ составленнаго имъ проходнаго документа до г. Таганрога и предположивъ, для достиженія новаго счастія, приписать себѣ порядочный чинъ, онъ нашелъ тамъ возможность сдѣлать себѣ документы на чинъ подпоручика, приписавъ къ этому одну только фамилію: «Душенкевичъ».—Подъ этимъ именемъ въ сентябрѣ 1844 года онъ прибылъ въ г. Нѣжинъ, черниговской губерніи, и ознакомившись съ обществомъ, чтобы не остаться вѣчнымъ странникомъ, рѣшился жениться, такъ какъ женитьба, по его мнѣнію, составляетъ одно изъ тѣхъ средствъ, которое или устроиваетъ судьбу человѣка, или содѣлываетъ его болѣе несчастнымъ. Онъ женился на дочери небогатаго дворянина Ермошенки, Анастасьѣ, и съ нею прижилъ сына, коему нынѣ должно быть 5 лѣтъ. Во время пребыванія своего въ Нѣжинѣ, онъ Луженко пользовал-

ся общимъ уваженіемъ, и, имѣя на рукахъ своихъ большія суммы, по случаю неоднократнаго исправленія должности письмоводителя въ полиціи, и избранія опекуномъ надъ дѣтьми и имѣніемъ вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Хорошкевичевой, никогда ничѣмъ не воспользовался, а это доказываетъ, что онъ честенъ въ душѣ, и что его обвиняли въ кражахъ несправедливо. Впрочемъ, терпя крайнія нужды въ содержаніи себя съ семействомъ, онъ занимался составленіемъ фальшивыхъ документовъ и по онымъ получилъ изъ нѣкоторыхъ ближайшихъ уѣздныхъ казначействъ, въ видѣ пенсіона, денежное пособіе, всего 3,500 р. сер., которыхъ однако, по излишней любви къ ближнему, не могъ сохранить, а почти все роздалъ нуждавшимся подъ вѣрные документы въ долги. Между-тѣмъ чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ сего, преступленіе это обнаружилось, и онъ былъ посаженъ въ черниговскій тюремный замокъ, изъ коего впослѣдствіи въ январѣ 1849 г. перевели его въ полтавскій тюремный замокъ, но оттуда 6 сентября того же года онъ Луженко бѣжалъ, пользуясь случаемъ, предоставленнымъ ему служителемъ замка Харченко. Онъ рѣшился на этотъ побѣгъ съ намѣреніемъ добраться въ Петербургъ. Опасаясь преслѣдованія, онъ Луженко не пошелъ по пути къ Петербургу, а отправился въ Одессу, и пробывъ тамъ не болѣе 20-ти дней, пошелъ далѣе по направленію къ Москвѣ. Чтобы не сблизиться съ черниговскою и полтавскою губерніями, онъ дѣлалъ большой кругъ, но по пріѣздѣ въ Курскъ, мучимый желаніемъ провѣдать, что сдѣлалось съ его злополучнымъ семействомъ, рѣшился ѣхать въ г. Нѣжинъ, и узнавъ на дорогѣ отъ двухъ встрѣтившихся ему нѣжинскихъ мѣщанъ, что жена его умерла, отправился въ Тамбовъ. До этого времени онъ путешествовалъ подъ вымышленною фамиліею Жуковскаго, въ званіи отставнаго юнкера. Приближаясь къ Москвѣ, почелъ необходимымъ увеличить внѣшнія достоинства, и прочитавъ въ Русскомъ Инвалидѣ, что Высочайшимъ приказомъ 1 декабря 1849 года, уволенъ отъ службы штабсъ-капитанъ Богушевскій за болѣзнію съ мундиромъ, онъ Луженко принялъ этотъ чинъ и фамилію, и составилъ формулярный списокъ, а для свободнаго проѣзда билетъ отъ командира самурскаго пѣхотнаго полка, который, по составленіи здѣсь въ Петербургѣ указа объ отставкѣ, уничтоженъ. Съ этимъ онъ прибылъ 9 марта 1850 года въ Москву.

Здѣсь не имѣя средствъ къ содержанію себя, и будучи увѣренъ, что первая жена его не существуетъ, онъ Луженко вынужденъ былъ поправить свое состояніе женитьбой, какъ однимъ изъ легчайшихъ средствъ. Добрые люди посодѣйствовали ему въ этомъ, и 2 іюля того же 1850 г. онъ женился на дочери квартальнаго надзирателя московской полиціи титулярнаго совѣтника Осипова, дѣвицѣ Елисаветѣ, которая къ крайнему несчастію беременна уже 5-ть мѣсяцевъ. Какъ родители жены его желали, чтобы онъ вступилъ на службу, то чрезъ полгода послѣ брака онъ отправился съ рекомендательными письмами въ Петербургъ искать себѣ мѣста. Онъ Луженко убѣжденъ, что ежели бы резолюція объ опредѣленіи его въ должность городничаго состоялась, то онъ бы доказалъ на этомъ мѣстѣ свое усердіе и способности, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ столько, сколько и другіе, ибо хотя преступленія его велики, но они прилѣпились къ нему по обстоятельствамъ и не вошли еще въ привычку и законъ, а потому находя въ своихъ чувствахъ нѣкоторыя достоинства, онъ думаетъ быть еще полезнымъ, лишь бы только сначала стать на точку благополучія. Въ заключеніе пудсудимый Луженко написалъ: «исповѣдуя съ чистымъ раскаяніемъ всѣ свои погрѣшенія предъ Всевышнимъ, и сознаваясь по истинѣ во всѣхъ моихъ преступленіяхъ предъ престоломъ моего Государя, я съ сей минуты чувствую гораздо въ лучшемъ расположеніи моей души, нежели былъ до настоящаго времени. Одно только сердце страдаетъ за будущее положеніе близкаго ко мнѣ семейства. Но уповаю на милосердіе Монарха, и человѣческое великодушіе его судей, что обсуживая горькую мою участь на основаніи и душевныхъ законовъ, примутъ въ соображеніе и причины, возводившія меня отъ одного къ другому преступленію, и доставятъ мнѣ еще случай по должномъ наказаніи начать вновь службу солдатомъ, именемъ коего, обязуюсь дорожить по гробъ».

Это показаніе подсудимый Луженко подтвердилъ и въ военномъ судѣ, добавивъ: 1) что въ 1843 году послѣдовалъ съ нимъ на Кавказѣ одинъ несчастный случай, именно: въ глубокую осень, переѣзжая рѣку Терекъ верхомъ на лошади, провалился съ нею подъ ледъ и это паденіе, равно нахожденіе подъ льдомъ болѣе получаса, произвело тягостныя болѣзни: разбитіе груди, совершенное разслабленіе всѣхъ

нервовъ, удушье съ открывающимся часто кровохарканіемъ, необъяснимый во всемъ тѣлѣ припадокъ, приписываемый по заключенію медиковъ къ параличной раздражительности позвоночнаго столба; съ тѣмъ вмѣстѣ болѣзнь сія обнаруживаетъ во всемъ тѣлѣ страшную ломоту и корчи. Кромѣ того онъ Луженко отъ природы и въ особенности при настоящемъ его положеніи подверженъ частому и сильному приливу крови къ головѣ. Нынѣ всѣ эти болѣзни развились до высочайшей степени такъ, что во время хотя и краткаго, но довольно сугубаго въ оковахъ содержанія подъ стражею, съ нимъ Луженко послѣдоволо три апоплексическихъ удара, противу которыхъ были приняты медицинскія пособія докторомъ ордонасъ-гауза Франковскимъ. Лѣвая рука его параличемъ приведена въ безчувственность, съ праваго уха онъ начинаетъ ощущать глухоту, и открывается глазная боль. О дѣйствительности существованія сихъ болѣзней, онъ Луженко, просилъ удостовѣриться посредствомъ медицинскаго испытанія не для того, чтобы онъ хотѣлъ избавиться отъ заслуженнаго наказанія, котораго ожидаетъ безропотно, но напротивъ доказать справедливость жалобы своей на отягощеніе его означенными болѣзнями. 2) Изъ объявленнаго ему военно-судною коммисіею предписанія комендаита о преданіи его военному суду видно, что онъ Луженко бѣжалъ будто бы изъ темиръ-ханъ-шуринской гауптвахты, гдѣ содержался за подрѣзаніе чемодана съ казенными деньгами, а какъ въ данномъ имъ письменномъ показаніи онъ чистосердечно, съ христіанскимъ раскаяніемъ, сознался во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, и этотъ предметъ подробно оговоренъ имъ, то проситъ коммисію обратить на это вниманіе, ибо въ настоящемъ видѣ, оно невинно можетъ усугубить его участь, такъ какъ онъ бѣжалъ не съ гауптвахты, а изъ квартиры, и чемодана не подрѣзывалъ, деньги же похищены изъ него часовыми казаками, какъ объяснено въ первомъ его показаніи. 3) Что касается до отобранныхъ отъ него разнаго рода вещей, то онъ Луженко объясняетъ, что всѣ эти вещи, а также оказавшіяся при немъ наличныя деньги 550 р. сер. принадлежатъ его женѣ, Елисаветѣ Осиповой, приживающей въ Москвѣ при родителяхъ, и 4) изъ семи найденныхъ при немъ Луженко фальшивыхъ печатей разныхъ казенныхъ управленій, шесть онъ получилъ отъ служителя пол-

тавскаго тюремнаго замка Харченки, а печать штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса сдѣлалъ самъ.

По отобраніи означеннаго показанія, коммисія военнаго суда, основываясь на вышеизложенномъ Высочайшемъ повелѣніи, постановила: дѣло привести къ окончанію, не собирая никакихъ справокъ по послѣднему показанію подсудимаго; для удостовѣренія же, можетъ ли онъ Луженко по состоянію здровья вынести тѣлесное наказаніе и способенъ ли къ крѣпостнымъ работамъ, къ которымъ долженъ быть приговоренъ, отослать въ 1-й военно-сухопутный госпиталь.

По освидѣтельствованіи его въ семъ госпиталѣ, какъ изъяснено въ медицинскомъ свидѣтельствѣ, оказалось, что Луженко тѣлосложенія не изнуреннаго, съ покраснѣвшими вѣками праваго глаза; хотя и жаловался на бывшее у него кровохарканіе и приливъ крови къ головѣ, но въ настоящее время послѣ выслушанія груди найдено, что легкія вездѣ свободно проницаемы воздухомъ. Касательно приливовъ крови къ головѣ, при неимѣніи признаковъ, подтверждающихъ таковое страданіе, кромѣ толстой и короткой шеи, полагать нужно, что оно значительнаго вліянія на здоровье его не имѣетъ, а потому заключено, что настоящее состояніе здоровья Луженки не препятствуетъ ему перенести умѣренное тѣлесное наказаніе и быть годнымъ къ крѣпостнымъ работамъ.

По прочтеніи выписки изъ военно-суднаго дѣла, подсудимый Луженко объявилъ, что его свидѣтельствовали въ госпиталѣ весьма поверхностно, тогда-какъ онъ дѣйствительно одержимъ описанными въ показаніи его болѣзнями, и просилъ: о вторичномъ и болѣе аккуратномъ переосвидѣтельствованіи.

Коммисія военнаго суда положила: оставить такую просьбу подсудимаго безъ исполненія, такъ какъ за сдѣланнымъ освидѣтельствованіемъ просьба эта не заслуживаетъ никакого вниманія.

Сообразивъ вышеизложенное, генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго Луженко виновнымъ: въ первомъ побѣгѣ изъ службы и второмъ изъ тюремнаго замка; въ принятіи на себя чужихъ фамилій, съ наименованіемъ сперва подпоручикомъ, а потомъ штабсъ-капитаномъ; въ составленіи фальшивыхъ печатей и документовъ, и въ подложныхъ поступкахъ при вступленіи въ бракъ, а потому опредѣлилъ: 1) Луженко за изъясненныя преступленія лишить унтеръ-офицерскаго званія, и какъ по медицин-

скому свидѣтельству оказалось, что онъ, по состоянію здоровья, можетъ перенести только умѣренное наказаніе, то наказать его шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ три раза, исполнивъ наказаніе это, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія, при образцовомъ пѣхотномъ полку, и потомъ отослать его въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ. 2) Обстоятельство о двукратномъ вступленіи Луженко въ бракъ съ дочерьми дворянина Ермошенки и титулярнаго совѣтника Осипова, и объ опредѣленіи правъ ихъ, на основаніи св. воен. пост. части V кн. 1. ст. 441, предоставить на разсмотрѣніе гражданскаго и духовнаго начальствъ съ тѣмъ, чтобы съ лицами, свидѣтельствовавшими, при послѣднемъ бракѣ подсудимаго, о неимѣніи никакихъ законныхъ препятствій къ этому браку, было поступлено по законамъ. Равнымъ образомъ предоставить гражданскому начальству сдѣлать розысканіе о полученіи подсудимымъ Луженко, по фальшивымъ документамъ, денегъ изъ уѣздныхъ казначействъ черниговской губерніи. 3) Оказавшіяся при подсудимомъ вещи оцѣненныя въ 208 р. 62 к. сер. продать съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги, вмѣстѣ съ отобранными отъ него Луженко наличными 551 р. 8½ к. сер., отослать въ государственныя кредитныя установленія для приращенія процентами, и билетъ, который будетъ выданъ на принятую сумму, препроводить къ тому же гражданскому начальству съ тѣмъ, что если по дѣлу не откроется участниковъ въ подлогѣ подсудимаго, а также неправильныхъ дѣйствій со стороны лицъ, выдавшихъ деньги по фальшивымъ требованіямъ, то билетъ тотъ обратить на пополненіе денегъ, полученныхъ Луженко изъ уѣздныхъ казначействъ; въ противномъ же случаѣ предоставить гражданскому начальству о принадлежности этихъ денегъ сдѣлать законное постановленіе.

О рядовомъ Осанкинѣ, учинившемъ: три побѣга изъ службы, кражи и поджигательство.

Рядовой Осанкинъ, сдѣлавъ второй побѣгъ изъ сибирскаго уланскаго полка, 22 сентября 1842 года поступилъ подъ име-

немъ бродяги Ивана Данилова въ бобруйскія арестантскія роты; затѣмъ бывъ переведенъ въ кіевскія арестантскія роты, объявилъ о настоящемъ своемъ званіи, почему за ложное его показаніе и за второй побѣгъ былъ наказанъ шпицрутенами и отправленъ въ г. Казань для опредѣленія на службу въ 4 округъ внутренней стражи. Слѣдуя же по сему назначенію, Осанкинъ 11 мая 1844 года бѣжалъ въ третій разъ, и снеся бывшія на немъ казенныя аммуничныя вещи, ихъ растратилъ; а 23 іюля 1845 года, придя въ переяславскій уѣздъ, владимірской губерніи къ содержателю постоялаго двора мѣщанину Макарову, былъ тамъ задержанъ дворникомъ Григоріемъ Андреевымъ, и представленъ въ переяславскій земскій судъ.

Между тѣмъ за день до поимки Осанкина, именно 22 іюля, сотскій села Константиновскаго, александровскаго уѣзда, Яковъ Филиповъ донесъ становому приставу, что ночью съ 16 на 17 число того мѣсяца въ деревнѣ Бабошиной произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣло четыре крестьянскихъ амбара съ хлѣбомъ и разнымъ имуществомъ, и что сначала загорѣлось строеніе крестьянина Щербакова.

Крестьяне, у коихъ сгорѣли означенныя строенія, показали:

Романъ *Щербаковъ*, — что о случившемся у него пожарѣ онъ узналъ отъ пробудившейся жены своей, и когда выбѣжалъ на дворъ, то увидѣлъ, что амбаръ его и сарай объяты уже пламенемъ, которое тотчасъ же распространилось и на другія сосѣднія три амбара и два сарая, принадлежащіе крестьянамъ Дементію Александрову, Семену Федорову и Филипу Михайлову, и вскорѣ всѣ сіи строенія съ хранившимся въ нихъ хлѣбомъ и имуществомъ сгорѣли до основанія. Къ сему Щербаковъ присовокупилъ, что онъ понесъ отъ сего пожара убытку на 115 р. серебромъ, и что онъ имѣетъ подозрѣніе въ умышленномъ поджогѣ его строеній на пойманнаго изъ побѣга дезертира Кузьму Осанкина, который (какъ онъ Щербаковъ полагаетъ), сдѣлалъ это преступленіе по злобѣ за то, что незадолго до пожара онъ Щербаковъ нашелъ въ лѣсу и взялъ къ себѣ спрятанныя Осанкинымъ краденыя имъ разныя вещи и припасы; вскорѣ послѣ сего Осанкинъ, встрѣтясь въ лѣсу съ крестьянкою Агафьею Михайловою, просилъ ее объявить показателю, что если онъ не возвратитъ тѣхъ вещей и припасовъ и не положитъ ихъ на преж-

нее место, то ждалъ бы беды *); притомъ поймавшій Осанкина изъ побега дворникъ Андреевъ сказывалъ показателю, что онъ Осанкинъ, даже самъ сознался ему въ поджогѣ упомянутыхъ строеній.

Согласно съ Щербаковымъ показали жена его Марья Федорова и крестьянка Агафья Михайлова: на счетъ случившагося пожара и подозрѣнія въ поджогѣ на дезертира Осанкина. Крестьяне Дементій Александровъ, Семенъ Федоровъ, и Филиппъ Михайловъ объяснили, что отъ поджога строеній крестьянина Щербакова, въ чемъ они также подозрѣваютъ дезертира Осанкина по причинамъ въ показаніи Щербакова изложеннымъ, сгорѣло у нихъ: у перваго амбаръ и сарай съ хлѣбомъ и имуществомъ всего на сумму 140 руб. сереб.; у втораго амбаръ съ хлѣбомъ и имуществомъ на 110 руб., и у третьяго амбаръ и сарай съ хлѣбомъ и имуществомъ на 100 р., а всего на 465 руб. сер.

Подсудимый Осанкинъ какъ при слѣдствіи, такъ и въ военномъ судѣ показалъ, что по сдѣланіи имъ послѣдняго побѣга, придя въ село Константиновское, онъ познакомился тамъ съ крестьяниномъ Григоріемъ Андреевымъ, содержащимъ постоялый дворъ; потомъ ушелъ въ лѣсъ, вырылъ землянку, и скрываясь въ оной, занимался кражею у разныхъ жителей имущества, которое и доставлялъ къ означенному Андрееву, а нѣкоторое хранилъ у себя въ лѣсу; весною же 1845 года, когда онъ Осанкинъ однажды ушелъ изъ лѣса, оставивъ въ немъ нѣкоторыя краденыя вещи и припасы, то крестьянинъ Щербаковъ, найдя таковыя, унесъ къ себѣ въ домъ, за что онъ Осанкинъ, возымѣвъ къ нему злобу, пошелъ ночью на 17 іюля къ его жилищу и поджогъ у него амбаръ; послѣ сего спустя недѣлю времени, пришелъ къ крестьянину Андрееву получить съ него деньги за переданное ему краденое имущество, но Андреевъ, не отдавая ему денегъ, поссорился съ нимъ и послалъ его къ содержателю другаго постоялаго двора Макарову, сказавъ, что деньги принесетъ къ нему. По приходѣ же его Осанкина туда, онъ былъ взятъ означеннымъ Андреевымъ и представленъ къ сотскому;

*) Вещи эти и припасы были слѣдующія: старый нагольный овчинный полушубокъ, меду около 4 фунтовъ, мѣдная ситка для вынутія изъ ульевъ меду, и деревянное ведро,—и по изысканію оказались украденными у крестьянина сельца Сахарова Ивана Евдокимова, которому и возвращены.

къ сему Осанкинъ присовокупилъ, что въ одно время онъ укралъ въ д. Бородиной живаго барана и отнесъ его къ тому же крестьянину Андрееву, что кромѣ сего крестьянина, онъ Осанкинъ имѣлъ знакомство съ крестьянами села Константиновскаго Ефимомъ Ивановымъ, Алексѣемъ Бубновымъ, братомъ его Сергѣемъ и отцомъ ихъ Иваномъ, которые также принимали отъ него разное краденое имущество.

Крестьяне деревень: Окуловой,—Василій Лукьяновъ, Сергѣй Васильевъ, и Бородиной—Григорій Семеновъ и Сергѣй Григорьевъ показали, что у нихъ дѣйствительно были украдены неизвѣстно кѣмъ въ разное время нѣкоторыя незначительныя вещи и припасы на сумму 11 р. 60 коп. сереб.

Оговоренные Осанкинымъ крестьяне — въ взведенныхъ на нихъ поступкахъ не признались и по обыску у нихъ, ничего подозрительнаго не оказалось. Спрошенные же на повальномъ обыскѣ крестьяне, 26 человѣкъ, одобряя ихъ въ поведеніи, засвидѣтельствовали, что они ни въ чемъ предосудительномъ замѣчены не были.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: подсудимаго рядоваго Осанкина за третій изъ службы побѣгъ, сносъ и утрату казенныхъ вещей, кражи и за умышленное поджигательство крестьянскихъ строеній съ имуществомъ, наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ два раза, и лишивъ воинскаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу.

Объ оскорбленіи въ церкви чиновникомъ IX класса Матвѣевымъ дѣйств. ст. совѣт. Писарева *).

Олонецкій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Писаревъ 22 августа 1850 года во всеподданнѣйшемъ

*) Не можемъ не замѣтить, что со стороны дѣйств. ст. сов. Писарева, какъ губернатора, было весьма неблагоразумно снизойти въ церкви до личныхъ объясненій съ чиновникомъ Матвѣевымъ, который былъ извѣстенъ въ губерніи своими буйными поступками. Но это конечно нисколько не уменьшаетъ вины Матвѣева. *Прим. изд.*

донесенiи на Высочайшее имя изложилъ, что того числа, прибывъ въ петрозаводскiй соборъ на торжественное молебствiе по случаю дня коронованiя Его Императорскаго Величества, онъ замѣтилъ, что впереди всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, бывшихъ въ парадной формѣ, стоялъ въ противность закону находящiйся подъ судомъ въ олонецкой уголовной палатѣ отставной чиновникъ IX класса Матвѣевъ въ оборванной шинели. Наклонившись къ Матвѣеву, онъ напомнилъ ему тихо, что ему не должно стоять впереди всѣхъ; Матвѣевъ же, отвѣтивъ, что предъ Богомъ всѣ равны, тотчасъ ушелъ въ алтарь придѣла; а по окончанiи молебствiя, когда онъ Писаревъ шелъ прикладываться къ Св. кресту, Матвѣевъ, вдругъ совершенно неожиданно, бросился къ нему и ударилъ его по воротнику мундира, въ виду архiепископа и всѣхъ бывшихъ на молебствiи. Послѣ сего при выходѣ изъ церкви Матвѣевъ былъ въ тоже время арестованъ. Къ сему дѣйствительный статскiй совѣтникъ Писаревъ присовокупилъ, что Матвѣевъ прежде сего въ 1844 году за нанесенiе удара въ публичномъ мѣстѣ полицейскому чиновнику при отправленiи имъ службы, и сдѣланное при томъ буйство, былъ преданъ суду, и по рѣшенiю правительствующаго сената наказанъ; потомъ до прiѣзда его Писарева въ олонецкую губернiю, Матвѣевъ, бывъ опредѣленъ на службу въ пудожское уѣздное казначейство, прибилъ тамошняго бухгалтера и снова преданъ суду; во время же производства суда подвергся слѣдствiю за буйство и оскорбленiе олонецкаго полицiймейстера, но объ этомъ дѣла еще не окончены.

По всеподданнѣйшему докладу такого донесенiя, Государь Императоръ, въ 28 день августа Высочайше повелѣть соизволилъ: «чиновника Матвѣева судить военнымъ судомъ и окончить судъ въ 24 часа».

Между-тѣмъ до воспослѣдованiя такого Высочайшаго повелѣнiя, дѣйствительный статскiй совѣтникъ Писаревъ поручилъ штабъ-офицеру корпуса жандармовъ олонецкой губернiи подполковнику князю Мышецкому, бывшему очевидцемъ происшествiя, вмѣстѣ съ чиновникомъ особыхъ порученiй при губернаторѣ и уѣзднымъ стряпчимъ произвесть о поступкѣ Матвѣева слѣдствiе, для чего препроводилъ къ нему копiю со всеподданнѣйшаго донесенiя своего о происшествiи.

При началѣ производства слѣдствія, была доставлена въ коммисію копія съ донесенія о происшествіи священно-служителей олонецкаго каѳедральнаго собора, отъ 24 августа, олонецкому и петрозаводскому архіепископу. Въ этомъ донесеніи изложено: «что 22 августа, во время отправленія архіерейскимъ служеніемъ литургіи, чиновникъ Матвѣевъ, войдя въ соборъ въ поношенной, запачканной и изорванной шинели, сталъ по правую сторону рѣшетки подлѣ главной колоны, впереди всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Потомъ, когда съ каѳедры священно-служитель началъ произносить слово, а въ среднемъ большомъ алтарѣ священно-дѣйствовавшіе приступали къ пріобщенію Св. тайнъ, Матвѣевъ, вбѣжавъ въ правый малый алтарь, говорилъ, что ему нужно архіерея, а на возраженіе причетниковъ, что священно-служившіе приступаютъ къ пріобщенію Св. даровъ, Матвѣевъ сталъ спрашивать протоіерея, но получивъ отвѣтъ, что онъ говоритъ проповѣдь, поспѣшно вышелъ изъ алтаря и сталъ еще выше подлѣ рѣшетки, у самаго иконостаса. При окончаніи же молебствія, когда провозглашалось многолѣтіе Императорской фамиліи, и архіепископъ осѣнялъ Св. крестомъ, Матвѣевъ внезапно подойдя къ губернатору, нанесъ ему правою рукою ударъ, а потомъ, отскочивъ, сталъ протискиваться между стоявшими въ церкви и громко говоря, что въ церкви всѣ равны, старался первый приложиться ко кресту; но архіепископъ, не подавъ ему креста, сказалъ: «есть, милостивый государь, старше васъ». Засимъ губернаторъ подошелъ ко кресту послѣ всѣхъ служащихъ, а Матвѣевъ взятъ полиціею».

При освидѣтельствованіи подсудимаго Матвѣева въ тотъ же день, когда было происшествіе, въ присутствіи слѣдователей, исправляющаго должность инспектора врачебной управы и двухъ медиковъ, признано, что онъ былъ совершенно въ здравомъ разсудкѣ и на вопросы отвѣчалъ удовлетворительно.

По осмотру платья, бывшаго на подсудимомъ Матвѣевѣ во время происшествія, оказалось, что онъ тогда одѣтъ былъ въ шинели свѣтлосѣраго цвѣта, вицъ—мундирѣ съ темнозеленымъ воротникомъ и съ мѣдными разныхъ гербовъ пуговицами, въ черныхъ панталонахъ и въ старыхъ башмакахъ, со штиблетами, и что всѣ эти вещи были ветхи, грязны, и изорванны *).

*) Платье это отъ подсудимаго Матвѣева было отобрано, и ему дана арестантская одежда.

При допросѣ слѣдователями, подсудимый Матвѣевъ объяснилъ, что онъ пришелъ въ церковь въ то время, когда еще тамъ никого не было, и сталъ подъ образами, гдѣ мѣсто было свободно, но не впереди. Во время литургіи губернаторъ стоялъ впереди и увидѣвъ его, Матвѣева, сказалъ: «что въ будни вы можете стоять здѣсь, а въ праздничный день, во время собранія, приказываю вамъ удалиться». Какъ такое приказаніе было противно церковному уставу, то онъ Матвѣевъ не исполнилъ сего и отвѣчалъ, что онъ здѣсь на своемъ мѣстѣ и съ него никуда не сойдетъ. Когда же губернаторъ приказалъ полиціймейстеру по окончаніи обѣдни взять его Матвѣева въ полицію, то онъ пошелъ въ алтарь къ протоіерею, для принесенія жалобы на несправедливыя приказанія губернатора; но, узнавъ отъ дьячка, что протоіерей приготовляется къ проповѣди, сталъ возлѣ иконостаса въ ожиданіи, когда можно будетъ объясниться съ протоіеремъ, при чемъ ему никто не говорилъ, чтобы онъ сошелъ съ того мѣста. Намѣренія къ нанесенію губернатору удара, онъ, Матвѣевъ, вовсе не обдумывалъ, а рѣшился на это въ одну минуту, послѣ оскорбительнаго приказанія губернатора, противнаго церковному уставу, христіанству и здравому разсудку, ибо если бы онъ, Матвѣевъ, дѣйствительно стоялъ впереди губернатора, то напоминаніе объ этомъ зависѣло бы отъ духовнаго начальства, такъ-какъ это было въ храмѣ Божіемъ, а не въ залѣ губернатора. Къ сему подсудимый Матвѣевъ присовокупилъ, что платье на немъ было во время происшествія не такъ худо, какъ написано въ свидѣтельствѣ, и притомъ за это никто не имѣетъ права взыскивать, ибо оно собственное его, Матвѣева, и что къ означенному поступку онъ никѣмъ научаемъ не былъ, и сдѣлалъ его въ здравомъ разсудкѣ; другихъ же побудительныхъ причинъ такого поступка онъ не считаетъ нужнымъ объяснить.

Кромѣ того подсудимому Матвѣеву былъ предложенъ вопросъ: случалось ли ему прежде видѣть гражданскаго губернатора, и обращаться къ нему съ просьбами о чемъ либо? На это Матвѣевъ объяснилъ, что съ ноября 1848 года, по пріѣздѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Писарева въ г. Пудогу, онъ, Матвѣевъ, въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, явился къ нему съ жалобою, на неправильное отрѣшеніе его отъ должности журналиста въ тамошнемъ уѣздномъ казначействѣ, но отъ лакея получилъ

отвѣтъ, что губернаторъ, послѣ дороги, хочетъ отдохнуть и будетъ принимать на слѣдующій день въ 10 часовъ утра; однакожъ на другой день въ 10 часовъ губернаторъ уѣхалъ осматривать присутственныя мѣста, а по возвращеніи въ квартиру, хотя онъ Матвѣевъ неоднократно приходилъ туда, но получалъ отказы подъ предлогами, что губернаторъ или кушаетъ или отдыхаетъ. Наконецъ въ 8 ч. вечера онъ, Матвѣевъ, былъ допущенъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику Писареву, гдѣ находились тогда земскій исправникъ и городничій, и просилъ его о немедленномъ разсмотрѣніи въ губернскомъ правленіи слѣдственнаго дѣла о неправильномъ удаленіи его отъ должности, но губернаторъ приказалъ только записать просьбу и онъ, Матвѣевъ, никакого удовлетворенія по ней не получилъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда губернатора, пудожскій городничій, призвавъ его къ себѣ, объявилъ, что губернаторъ приказалъ продать его имущество по совершенно неправильной претензіи мѣщанки Пекеевой, требовавшей съ него лишнихъ 4 р. сер. и посему имущество его Матвѣева дѣйствительно было продано; хотя же въ декабрѣ 1848 года онъ Матвѣевъ посылалъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику Писареву прошеніе по почтѣ на неправильную продажу городничимъ имущества, но не получилъ никакого увѣдомленія. Потомъ, по прибытіи въ Петрозаводскъ, онъ нѣсколько разъ являлся въ квартиру губернатора съ жалобою объ обидѣ, нанесенной ему Матвѣеву петрозаводскимъ полиціймейстеромъ, и просьбою о дозволеніи ему на нѣкоторое время, по бѣдности, проживать при полиціи, но не былъ допущенъ къ нему, потому что до 3 часовъ онъ или завтракалъ, или принималъ разныхъ лицъ, а потомъ человѣкъ отказывалъ до слѣдующаго дня подъ предлогомъ, что губернаторъ идетъ прогуливаться.

Послѣ отобранія отъ Матвѣева первоначальнаго показанія, слѣдователи для разъясненія онаго предлагали Матвѣеву дополнительные вопросы, и на нѣкоторые изъ нихъ онъ далъ надлежащія объясненія; но на вопросъ относительно причинъ, побудившихъ его къ означенному поступку противу губернатора, Матвѣевъ, (какъ видно изъ опредѣленія слѣдователей) отозвался, что на это не дастъ никакого отвѣта, и не смотря на убѣжденія слѣдователей оставался при своемъ упорствѣ, причемъ употреблялъ выраженія: «что ему все равно, что онъ былъ въ здравомъ умѣ,

знаетъ, что ему будетъ, и что онъ далъ отвѣты и болѣе не даетъ.» На повторенныя же убѣжденія, Матвѣевъ возразилъ: «что разъ уже сказалъ и потому болѣе ничего не хочетъ отвѣчать». Послѣ того ему предложено было сдѣлать рукоприкладство подъ данными имъ показаніями, но онъ и отъ этого отказался, повторяя тѣ же слова.

Изъ бывшихъ 22 августа въ соборѣ во время литургіи лицъ, директоръ петрозаводской гимназіи статскій совѣтникъ Іорданъ на запросъ слѣдователей относительно происшествія, подъ присягою объяснилъ, что подсудимый Матвѣевъ, бывшій въ разорванной шинели, дѣйствительно сначала стоялъ впереди у рѣшетки и губернаторъ подойдя къ нему, что-то сказалъ ему; послѣ сего Матвѣевъ, отвѣтивъ что то, ушелъ въ алтарь, а по выходѣ оттуда, сталъ еще выше подъ образами; по окончаніи же молебствія, когда губернаторъ подходилъ ко кресту, Матвѣевъ нанесъ ему ударъ. Согласно съ этимъ объяснили подъ присягою: предсѣдатель казенной палаты статскій совѣтникъ Андреевскій, совѣтникъ той же палаты надворый совѣтникъ Фоминъ, совѣтникъ палаты государственныхъ имуществъ статскій совѣтникъ Крыцинъ, и коллежскій ассесоръ Самойловъ.

Къ сему присовокупили:

Статскій совѣтникъ Андреевскій,—что когда Матвѣевъ стоялъ впереди всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, то губернаторъ замѣтилъ ему объ этомъ снисходительно и весьма учтиво, но Матвѣевъ отвѣчалъ на это какою то дерзостію.

Надворный совѣтникъ *Фоминъ*,—что Матвѣевъ, послѣ нанесенія губернатору удара, поправивъ на себѣ шинель, произнесъ: «меня нельзя взять и въ церкви дѣлать дерзости, я самъ выйду».

Коллежскій ассесоръ *Самойловъ*,—что по окончаніи молебствія, когда всѣ готовились идти ко кресту, онъ услышалъ раздавшійся ударъ, а потомъ увидѣлъ губернатора, *почти лишеннаго чувства*, прислонившагося къ рѣшеткѣ у столба, а подсудимый Матвѣевъ при этомъ стоялъ противъ него въ азартномъ видѣ, съ отмахнувшеюся рукою, и притомъ произнесъ: «меня никто не можетъ взять изъ церкви».

Командиръ петрозаводской жандармской команды капитанъ *Гороховъ* и поручикъ той команды *Васильевъ*, также спрошенные подъ присягою, относительно начала происшествія отозвались

неизвѣстностью, объясняя: *первый*, что во время молебствія онъ увидѣлъ, что подсудимый Матвѣевъ, неизвѣстно для чего, пошелъ сначала въ алтарь, а по выходѣ оттуда, сталъ впереди всѣхъ у желѣзной рѣшетки; по окончаніи же молебствія, онъ Гороховъ услышалъ ударъ, но кѣмъ и кому онъ былъ нанесенъ, не зналъ потому, что стоялъ въ отдаленности, а узналъ объ этомъ уже послѣ; и *второй*, — что по окончаніи молебствія, онъ, бывъ не помнитъ съ кѣмъ, занятъ разговоромъ о подсудимомъ Матвѣевѣ, (который, еще задолго до окончанія молебствія, выйдя изъ алтаря, сталъ у самыхъ перилъ амвона), не замѣтилъ его поступка.

Хозяинъ квартиры, въ которой проживалъ подсудимый въ последнее время, петрозаводскій мѣщанинъ Евсей Поповскій и жена его подъ присягою показали, что во время квартированія у нихъ Матвѣева, къ нему никто не приходилъ, и они никакихъ связей его и знакомства съ кѣмъ либо не замѣчали *).

Противу показанія подсудимаго Матвѣева о неправильномъ отрѣшеніи его отъ должности журналиста пудожскаго уѣзднаго казначейства, и о неправильной же продажѣ городничимъ его имущества, о чемъ будто бы онъ приносилъ жалобу гражданскому губернатору,—исправляющій должность олонецкаго вице-губернатора статскій совѣтникъ Менченковъ отозвался, что Матвѣевъ удаленъ отъ должности журналиста по опредѣленію губернскаго правленія отъ 14 іюля 1848 года за буйственные поступки въ казначействѣ, о чемъ произведено особое слѣдствіе и передано въ палату уголовнаго суда; равно имущество Матвѣева было описано и продано также по опредѣленію губернскаго правленія, отъ 21 января 1849 года, на удовлетвореніе признанной самимъ Матвѣевымъ претензіи мѣщанки Пекеевой о неуплатѣ имъ 4 руб. сереб. за квартированіе въ домѣ ея.

Противу же показанія подсудимаго Матвѣева о томъ: «что его никогда не допускали къ гражданскому губернатору съ просьбами, подъ разными предлогами», въ журнальномъ постановленіи слѣдователей отъ 26 августа 1850 года сказано: что изъ числа слѣдователей подполковникъ корпуса жандармовъ князь Мышицкій, въ присутствіи подсудимаго Матвѣева, объяснилъ, что дѣй-

*) Слѣдственная коммисія, основываясь на томъ, что къ Матвѣеву никто не ходилъ и что онъ знакомства ни съ кѣмъ не имѣетъ, повальнаго обыска о поведеніи его не дѣлала (?).

ствительный статскій совѣтникъ Писаревъ, сколько ему Мышицкому извѣстно изъ ежедневныхъ опытовъ, принималъ всегда всѣхъ безъ изъятія, и никто не уходилъ отъ него безъ удовлетворительнаго отвѣта, и что не было примѣра, чтобы кто изъ прислуги его осмѣливался кому бы то ни было говорить, что губернаторъ не принимаетъ, о чемъ имѣется строгое наблюденіе.

Сверхъ того подсудимый Матвѣевъ, при производствѣ слѣдствія, бывъ спрошенъ: не имѣетъ ли противъ вышепоименованныхъ свидѣтелей какого либо подозрѣнія, вмѣсто надлежащаго отзыва, съ дерзостію размахивая руками, закричалъ: «сдѣлайте что хотите, для меня все равно, я ничего знать не хочу», и эти слова повторилъ нѣсколько разъ. Хотя же ему сдѣлано при этомъ внушеніе со стороны слѣдователей, но онъ и во время прочтенія священникомъ формы присяги, не переставалъ кричать и повторять тѣ же выраженія и не подписалъ присяжнаго листа.

По преданіи военному суду, подсудимый Матвѣевъ объяснилъ, что 22 августа онъ съ другими прихожанами пришелъ въ соборъ въ 10 часу, когда еще народу было мало, и остановился не впереди, а на правой сторонѣ у рѣшетки, близь образа, гдѣ стоялъ постоянно. Предъ окончаніемъ *) обѣдни, пріѣхалъ губернаторъ и сталъ на свободномъ мѣстѣ впереди всѣхъ; чрезъ нѣсколько же времени, замѣтивъ его Матвѣева, подозвалъ къ себѣ, и сказалъ: «въ будни можете стоять здѣсь, а въ праздничный день, во время собранія, приказываю вамъ удалиться». Чувствуя, что такое приказаніе сколько несправедливо, столько же противно церкви и христіанству, потому что онъ, бывая во многихъ храмахъ, при торжественныхъ церковныхъ обрядахъ, случайно иногда стоялъ впереди высшаго начальства, но никогда не получалъ подобныхъ приказаній, онъ отвѣчалъ губернатору, что стоитъ здѣсь на своемъ мѣстѣ и никуда съ онаго не пойдетъ. Послѣ этого губернаторъ, въ злобѣ на него Матвѣева, подозвалъ полиціймейстера князя Хованскаго и приказалъ, чтобы по окончаніи обѣдни, взять его въ полицію Не сомнѣваясь въ исполненіи этого приказанія, и изъ неоднократныхъ, дѣланныхъ съ нимъ противозаконныхъ поступковъ губернскаго начальства, ожидая и

---

*) Обстоятельство о времени пріѣзда губернатора въ церковь не разъяснено. *Прим. изд.*

при этомъ случаѣ несправедливости со стороны его, онъ Матвѣевъ, чтобы оправдать себя, пошелъ въ алтарь для объясненія о семъ съ протоіереемъ; но какъ тотъ приготовлялся къ проповѣди, то онъ Матвѣевъ, выйдя изъ алтаря, остановился у рѣшетки, гдѣ стояли нѣсколько гимназистовъ и лицъ женскаго пола. Чрезъ нѣсколько времени, когда духовенство стало прикладываться ко кресту, полиціймейстеръ князь Хованскій знаками началъ подзывать его Матвѣева къ себѣ, и въ это время губернаторъ Писаревъ, будучи въ злобѣ на него, въ противность церковнымъ уставамъ сбирался приложиться ко кресту. При этомъ онъ Матвѣевъ, имѣя въ виду, что послѣ отданнаго губернаторомъ приказанія ему въ будущемъ ничего нельзя ожидать хорошаго, и что онъ 7 годъ томится въ олонецкой губерніи напрасно подъ судомъ, подошелъ къ губернатору и, сказавъ ему: «вы не приложитесь ко кресту», ударилъ его въ лѣвую щеку; однакоже губернаторъ приложился ко кресту, а за нимъ и онъ Матвѣевъ. Послѣ этого онъ, Матвѣевъ, былъ схваченъ и отведенъ въ полицію, гдѣ, въ присутствіи жандармскаго штабъ-офицера князя Мышицкаго, губернскаго прокурора Шеломова и другихъ лицъ, въ противность законамъ о содержащихся подъ стражею, отъ него отобрали собственное его платье, и одѣвъ въ каторжное, отправили подъ конвоемъ въ тюрьму. Къ сему подсудимый Матвѣевъ присовокупилъ, что хотя въ церкви онъ былъ въ старомъ платьѣ, но приличномъ гражданскому чиновнику, а лучшаго, по бѣдности и малому содержанію, онъ не могъ имѣть.

Кромѣ того по дѣлу видно, что Матвѣевъ и прежде сего состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за буйственные поступки, именно:

1) Въ іюнѣ 1844 года, во время фейерверка въ саду въ г. Петрозаводскѣ, частный приставъ полиціи, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ зрителей вышли впередъ и мѣшали другимъ, просилъ отодвинуться, что и было всѣми исполнено, но Матвѣевъ остался по прежнему впереди и на убѣжденія пристава и городничаго посторониться, съ грубостію отвѣчалъ, что ничего не хочетъ знать, что онъ заплатилъ деньги, и чтобы подали ему стулъ; когда же, по окончаніи фейерверка, по приказанію управлявшаго губерніею, частный приставъ просилъ его Матвѣева идти въ полицію, то онъ замахнулся на него съ намѣреніемъ ударить по

щекъ, но былъ удержанъ. Послѣ того онъ нанесъ побои городовому унтеръ-офицеру и двумъ полицейскимъ рядовымъ, а по доставленіи въ полицію, назвалъ стряпчаго «свиньей» и произносилъ разныя оскорбительныя выраженія на счетъ начальствующихъ въ губерніи лицъ. Дѣло это было разсмотрѣно правительствующимъ сенатомъ, который рѣшеніемъ своимъ 31 января 1846 г., опредѣлилъ: Матвѣеву вмѣнить въ наказаніе долговременное содержаніе подъ арестомъ, и кромѣ того выдержать въ смирительномъ домѣ полгода, съ оставленіемъ потомъ въ теченіи года подъ надзоромъ полиціи.

2) 14 января 1849 года подсудимый Матвѣевъ, состоя на службѣ въ пудожскомъ уѣздномъ казначействѣ, былъ преданъ суду въ олонецкой уголовной палатѣ, за обруганіе исправлявшаго должность бухгалтера Петрова, нанесеніе ему удара по лицу, и произведеніе въ казначействѣ шума; причемъ не смотря на приказаніе казначея, не оставилъ этого; когда же казначей пригласилъ въ казначейство лицъ, участвовавшихъ при повѣркѣ денежной казны, то Матвѣевъ и при нихъ оправдывался съ крикомъ и съ азартностію, перебивая распросы о происходившемъ и произнося дерзкія и неприличныя слова.

3) Въ апрѣлѣ того же года подсудимый Матвѣевъ, проживая въ г. Петрозаводскѣ, принесъ тамошнему полиціймейстеру князю Хованскому жалобу на петрозаводскаго мѣщанина Алексѣя Петрова, который будто бы отказывалъ ему въ квартирѣ. Но какъ по розысканію оказалось, что Матвѣевъ не платилъ мѣщанину Петрову денегъ за квартиру, то князь Хованскій объявилъ Матвѣеву, что Петровъ имѣетъ полное право отказывать ему въ семъ; подсудимый же Матвѣевъ сказалъ, что князь Хованскій защищаетъ мѣщанина Петрова потому, что онъ рыночный староста и беретъ съ мужиковъ взятки.

Объ этихъ поступкахъ подсудимаго Матвѣева произведено было слѣдствіе, и передано въ олонецкую уголовную палату; но оба тѣ дѣла объ немъ еще не были окончены *).

*) Изъ формулярнаго списка видно, что подсудимый чиновникъ IX класса Матвѣевъ, 37 лѣтъ отъ роду, происходитъ изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей; въ службу вступилъ канцеляристомъ въ департаментъ государственнаго казначейства 14 апрѣля 1827 года. По увольненіи изъ означеннаго департамента, опредѣленъ младшимъ контролеромъ при главномъ управленіи

При обыскѣ въ квартирѣ Матвѣева, послѣ оказанной имъ губернатору дерзости, найдены три полулиста сочиненія его, заключающія въ себѣ порицанія россійскаго правительства. А во время производства суда, въ камерѣ тюремнаго замка, въ коей Матвѣевъ содержался, были замѣчены полиціймейстеромъ написанныя Матвѣевымъ углемъ на печкѣ два полустишія, оскорбительныя для правительства.

Упомянутыя бумаги не были препровождены на разсмотрѣніе военнаго суда, но, по распоряженію военнаго министра, переданы генералъ-аудитору съ тѣмъ, чтобы, не присоединяя ихъ къ дѣлу, имѣть въ виду при постановленіи о Матвѣевѣ окончательнаго приговора, какъ обстоятельство, долженствующее усугубить наказаніе, къ какому онъ будетъ присужденъ.

Подсудимый Матвѣевъ о дерзкихъ выраженіяхъ, употребленныхъ въ тѣхъ бумагахъ, при производствѣ *не* былъ спрошенъ, но, по разсмотрѣніи въ присутствіи генералъ-аудиторіата, онѣ оказались дѣйствительно заключающими въ себѣ дерзкія выраженія противъ правительства. По сличеніи же генералъ-аудиторіатомъ тѣхъ бумагъ съ почеркомъ руки подсудимаго, найдено, что оныя точно писаны имъ Матвѣевымъ.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимый чиновникъ IX класса Матвѣевъ,—отставленный отъ службы за нерадѣніе и состоявшій подъ судомъ въ олонецкой палатѣ уголовнаго суда за буйственные поступки, 22 августа въ день коронованія Его Императорскаго Величества пришелъ въ петрозаводскій соборъ въ оборванной шинели, и остановился впереди всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, бывшихъ въ парадной формѣ, а когда олонецкій гражданскій губернаторъ

черноморскаго флота въ сентябрѣ 1834 года; оттуда, за болѣзнію, уволенъ въ отставку въ мартѣ 1840 г.; а въ сентябрѣ 1841 г. вновь поступилъ канцелярскимъ служителемъ въ департаментъ государственнаго казначейства. По прослуженіи двухъ лѣтъ уволенъ оттуда для опредѣленія къ другимъ дѣламъ и чрезъ полгода поступилъ въ олонецкую казенную палату. Изъ этой палаты въ февралѣ 1845 г. уволенъ и въ сентябрѣ 1847 года поступилъ въ олонецкое уѣздное казначейство, гдѣ впослѣдствіи назначенъ былъ журналистомъ. Во время служенія въ черноморскомъ флотѣ, въ 1836 году, за отлично-усердную службу, съ разрѣшенія министра, дозволено Матвѣеву носить на мундирѣ золотое шитье чиновниковъ морскаго вѣдомства, а въ 1839 году Всемилостивѣйше награжденъ 1000 руб.

дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ, Писаревъ, по прибытіи въ церковь, замѣтилъ Матвѣеву тихо, что онъ тамъ стоять не долженъ, то Матвѣевъ съ дерзостію отвѣчалъ, что онъ стоитъ на своемъ мѣстѣ и никуда съ него не сойдетъ. Потомъ чрезъ нѣсколько времени, онъ, удалившись оттуда, вошелъ въ правый малый алтарь, гдѣ не было богослуженія, и домогался сперва о допущеніи его къ архіепископу, коимъ въ тотъ день совершалась литургія въ среднемъ большомъ алтарѣ, а послѣ къ соборному протоіерею; когда же не былъ къ нимъ допущенъ, вышедъ изъ алтаря, остановился у самаго иконостаса, а по окончаніи молебствія, во время провозглашенія многолѣтія Императорской фамиліи и осѣненія архіепископомъ св. крестомъ, онъ Матвѣевъ, приблизясь къ губернатору, шедшему приложиться къ св. кресту, ударилъ его рукою по воротнику мундира, въ виду архіепископа и многихъ бывшихъ въ церкви военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Такія преступныя дѣйствія подсудимаго Матвѣева вполнѣ подтверждаются показаніями подъ присягою многихъ лицъ, и самъ онъ Матвѣевъ, при изслѣдованіи и въ военномъ судѣ, признался въ томъ, объясняя: что ударилъ губернатора по лѣвой щекѣ за то, что онъ приказалъ ему удалиться съ мѣста, а за неисполненіе сего велѣлъ взять его въ полицію, и что другихъ побудительныхъ къ тому причинъ не считаетъ нужнымъ объяснять. При требованіи же отъ него Матвѣева слѣдственною коммисіею поясненій по сему дѣлу, онъ оказывалъ упорство въ дачѣ отвѣтовъ по нѣкоторымъ предметамъ, отказался отъ подписанія своихъ показаній и произносилъ въ присутствіи слѣдственной коммисіи дерзкія выраженія, что онъ ничего знать не хочетъ и болѣе ничего не покажетъ. Сверхъ того при обыскѣ въ квартирѣ Матвѣева, послѣ ареста его, найдены три полулиста сочиненія его, написанныя его рукою и заключающія въ себѣ дерзкое порицаніе правительства. Во время же производства военнаго суда, оказались въ городской тюрьмѣ, гдѣ Матвѣевъ содержался, два полустишія, написанныя имъ на печкѣ углемъ, также дерзкія и оскорбительныя для правительства. Прежде сего Матвѣевъ состоялъ, въ 1844 году, подъ уголовнымъ судомъ за буйство и нанесеніе удара въ публичномъ мѣстѣ полицейскому чиновнику при отправленіи службы за что, по рѣшенію правительствующаго сената, по вмѣненіи ему Матвѣеву

въ наказаніе долговременнаго содержанія подъ арестомъ, выдержанъ полгода въ смирительномъ домѣ, съ оставленіемъ въ теченіи года подъ надзоромъ полиціи. Потомъ, находясь на службѣ въ пудожскомъ уѣздномъ казначействѣ, ударилъ тамошняго бухгалтера, произвелъ буйство въ казначействѣ и оказалъ ослушаніе противъ казначея, а наконецъ, во время производства о семъ суда, подвергся слѣдствію за оскорбленіе олонецкаго полицiймейстера. По соображеніи всѣхъ таковыхъ обстоятельствъ, генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго Матвѣева виновнымъ: въ дерзости и оскорбленіи олонецкаго гражданскаго губернатора, сдѣланныхъ въ храмѣ божіемъ, въ торжественный день коронованія Его Императорскаго Величества, при окончаніи молебствія въ присутствіи архіепископа и многихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, и въ помѣщеніи въ сочиненіи своемъ дерзкихъ словъ противъ правительства. Принимая въ соображеніе совокупность всѣхъ сихъ преступленій и имѣя въ виду прежніе дерзкіе и буйственные поступки подсудимаго Матвѣева, равно и оказанную имъ дерзость на словахъ въ присутствіи слѣдственной коммисіи, генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго Матвѣева подлежащимъ строжайшему наказанію, а потому полагалъ: Матвѣева, на основаніи ст. 101, 164, 171, 174 и 237 свода военныхъ постановленій, части 5 книги, 1 устава военно-уголовнаго, лишить чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія и, по переломленіи надъ головою его чрезъ палача шпаги, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему дѣлу генералъ-аудиторіата, послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему, Николай, Кіевъ, 23 сентября 1850 года».

О рядовомъ Федорѣ Холоденинѣ, сужденномъ за уклоненіе изъ православной вѣры въ іудейство.

Холоденинъ (онъ же Петровъ), происходя изъ помѣщичьихъ крестьянъ самарской губерніи, бузулукскаго уѣзда, и бывъ рожденъ отъ православныхъ родителей и обвѣнчанъ по об-

ряду православной церкви, отступилъ отъ православія въ іудейство. Вслѣдствіе сего Холоденинъ, по желанію помѣщика, въ ноябрѣ 1853 года сданъ былъ въ рекруты.

Состоя послѣ того въ глуховскомъ кирасирскомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны полку, Холоденинъ присоединился къ православной церкви, и далъ подписку въ томъ, что онъ навсегда останется православнымъ; по увольненіи же въ отпускъ на родину, гдѣ находились жена его и прижитые съ нею два сына, крещенные по обряду православной вѣры, Холоденинъ опять совратился въ іудейство, и не смотря на сдѣланныя ему священникомъ увѣщанія, объявилъ, что обратиться въ православіе не желаетъ Вмѣстѣ съ симъ священникъ, увѣщевавшій подсудимаго Холоденина, донесъ, что жена подсудимаго, увлекаясь примѣромъ мужа, также исповѣдуетъ іудейскую вѣру, равнымъ образомъ и дѣти ихъ, два сына, воспитываются въ іудействѣ.

При производствѣ слѣдствія рядовой *Холоденинъ*, подтверждая все вышеизложенное, показалъ, что онъ отступилъ отъ православія въ іудейство по совѣту умершаго крестьянина Парфена Иванова, послѣ чего хотя былъ убѣждаемъ вновь обратиться въ православіе, и въ бытность на службѣ далъ подписку въ томъ, что онъ навсегда останется православнымъ, но въ душѣ по прежнему оставался іудеемъ, и въ настоящее время православнымъ быть не желаетъ; что же касается жены, то онъ въ іудейство ея не совращалъ и она исповѣдуетъ эту вѣру по собственному своему желанію, а два сына его: Степанъ 10-ти и Тимофѣй 8-ми лѣтъ, хотя были крещены по правиламъ православной церкви, но по прибытіи его Холоденина на родину, по желанію его, также стали исповѣдывать іудейскую вѣру. Такое показаніе подсудимый Холоденинъ подтвердилъ и по преданіи военному суду.

Жена его показала, что она обратилась въ іудейство по убѣжденію упомянутаго крестьянина Парфена Иванова, который вмѣстѣ съ мужемъ ея читали ей книги Вѣтхаго Завѣта; въ настоящее же время она согласна вновь присоединиться къ православной церкви, если мужъ ея тоже обратится въ православную вѣру, а безъ него сдѣлать этого не желаетъ.

Сыновья Холоденина отозвались, что они точно исповѣдуютъ

іудейскую вѣру, и были ли когда нибудь православными, не знаютъ.

Жители села Павловки, въ которомъ проживалъ подсудимый Холоденинъ по увольненіи въ отпускъ, въ числѣ 14-ти человѣкъ подъ присягою удостовѣрили, что по слухамъ Холоденинъ и жена его совратились въ іудейство дѣйствительно по убѣжденію умершаго крестьянина одного съ ними села Парфена Иванова; въ поведеніи же не одобрить ихъ не могутъ, ибо никакихъ предосудительныхъ поступковъ за ними не замѣчали.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенное, нашелъ, что подсудимый рядовой Холоденинъ, происходя изъ помѣщичьихъ крестьянъ самарской губерніи, бузулукскаго уѣзда, въ бытность еще въ крестьянскомъ званіи, два раза уклонялся изъ православной вѣры въ іудейство; по поступленіи же въ военную службу, вслѣдствіе духовнаго увѣщанія, хотя вновь обратился въ православіе и далъ подписку, что онъ навсегда останется православнымъ; но по увольненіи въ отпускъ на родину, гдѣ находились жена его и прижитые съ нею два сына, вновь сталъ исповѣдывать іудейскую вѣру, и не смотря на сдѣланныя ему новыя увѣщанія, въ православіе не обратился и объявилъ, что православнымъ быть не желаетъ; при этомъ обнаружено, что жена его также исповѣдуетъ іудейскую вѣру, равно и два малолѣтніе сына ихъ, крещенные по обряду православной вѣры, воспитываются въ іудействѣ по желанію на то Холоденина. При слѣдствіи и въ военномъ судѣ подсудимый Холоденинъ, подтвердивъ все вышеизложенное, остался непреклоннымъ въ своемъ заблужденіи, объявивъ, что онъ православнымъ быть не желаетъ. Посему генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго рядоваго Холоденина виновнымъ въ отступленіи въ третій разъ отъ православной вѣры въ іудейство, и совращеніи къ тому двухъ малолѣтнихъ своихъ сыновей, полагалъ, что Холоденинъ, по точному смыслу 146 ст. I книги военно-уголовнаго устава (изд. 1859 г.) и 200 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, подлежитъ, по наказаніи шпицрутенами, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что подсудимый вовлеченъ въ преступленіе по невѣжеству, и совратилъ въ іудейство дѣтей подъ вліяніемъ религіознаго за-

блужденія, генералъ-аудиторіатъ долгомъ счелъ повергнуть участь подсудимаго, Монаршему милосердію Государя Императора и всеподданнѣйше ходатайствовать: о смягченіи ему строгаго наказанія, опредѣленнаго по закону тѣмъ, чтобы подсудимаго Холоденина вмѣсто ссылки въ каторжную работу, лишивъ всѣхъ правъ состоянія и не подвергая тѣлесному наказанію, сослать на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири съ тѣмъ, чтобы на мѣстѣ ссылки заключить его въ монастырь по распоряженію мѣстнаго духовнаго начальства, и стараться кроткими убѣжденіями обратить его въ православіе. Затѣмъ относительно жены Холоденина и двухъ его сыновей, которые вмѣстѣ съ нимъ отступили отъ православія въ іудейство, передать настоящее дѣло на разсмотрѣніе гражданскаго начальства.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата удостоилось 18 мая 1861 года Высочайшаго утвержденія.

О подпоручикѣ Максимовѣ и о нижнихъ чинахъ жиздринской инвалидной команды, объявившихъ о нежеланіи принять, назначеннаго имъ въ начальники, капитана Дмитріева.

Командовавшій калужскимъ гарнизоннымъ баталіономъ маіоръ Казакъ, при инспектированіи въ ноябрѣ 1843 года жиздринской инвалидной команды, состоявшей подъ начальствомъ подпоручика Максимова, найдя оную въ гораздо худшемъ противъ прежняго состояніи, призналъ за полезное удалить отъ оной подпоручика Максимова съ назначеніемъ его на службу при баталіонѣ, а для завѣдыванія командою въ февралѣ 1844 года командировалъ мещовской инвалидной команды капитана Дмитріева.

Подпоручикъ Максимовъ, узнавъ о новомъ назначеніи и желая, (какъ обнаружено слѣдствіемъ), удержать за собою, по прежнему, жиздринскую инвалидную команду, сталъ разсѣевать между нижними чинами слухи, что капитанъ Дмитріевъ жестокъ въ обращеніи, и употребляетъ нижнихъ чиновъ въ собственныя услуги, что онъ былъ посылаемъ для принятія командъ насиль-

ской, козельской и медынской, но там нижніе чины его не приняли, и что чинамъ жиздринской команды тоже не слѣдуетъ принимать его, не опасаясь никакого за это наказанія.

Кромѣ самого Максимова, тоже самое внушали людямъ, бывшій до него начальникомъ команды отставной капитанъ Яковлевъ, и еще нѣкоторые изъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, преимущественно же унтеръ-офицеръ Семеновъ и рядовой Захаровъ, особенно преданные Максимову за оказываемыя имъ послабленія по службѣ, — и успѣли наконецъ до того, что всѣ вообще нижніе чины команды рѣшились не принимать Дмитріева.

Между-тѣмъ капитанъ Дмитріевъ 16 февраля прибылъ въ Жиздру, и тогда же чрезъ вѣстоваго потребовалъ къ себѣ подпоручика Максимова, но Максимовъ на первыя его два требованія къ нему не явился, а наконецъ хотя и пришелъ къ Дмитріеву, но въ ненадлежащей формѣ: въ сюртукѣ и фуражкѣ, и, не отдавъ ему должнаго почтенія, тотчасъ же послѣ сдѣланнаго Дмитріевымъ замѣчанія о такомъ безпорядкѣ, ушелъ отъ него. Какъ въ это время команда говѣла, то капитанъ Дмитріевъ отложилъ пріемъ оной до 21 февраля, отдавъ приказаніе старшему унтеръ-офицеру Кузьмину представить ему тогда людей въ полной походной аммуниціи.

Въ назначенный для пріема день, подпоручикъ Максимовъ приказалъ собраться командѣ у сборной командной избы, и явился къ капитану Дмитріеву съ докладомъ о готовности команды по прежнему не въ формѣ, безъ полусабли, въ сюртукѣ, шинели и фуражкѣ, а Дмитріевъ, не обративъ вниманія на такое отступленіе отъ порядка, и самъ отправился къ командѣ тоже не въ формѣ. Между тѣмъ Максимовъ пошелъ впередъ, и приказалъ нижнимъ чинамъ ранцы снять, а ружья поставить въ сѣняхъ сборни. Въ тоже время онъ снова склонялъ людей, чтобъ они не принимали капитана Дмитріева, увѣряя по прежнему, что они за это наказаны не будутъ. По прибытіи капитана Дмитріева къ командѣ, Максимовъ, снявъ съ себя предъ командою фуражку и указывая нижнимъ чинамъ на Дмитріева, сказалъ: «вотъ вамъ ребята, новый начальникъ, а я уже вамъ не гожусь.» Когда же Дмитріевъ поздоровался съ командою, то нѣкоторые съ лѣваго фланга закричали: «здравія желаемъ», но съ праваго, а потомъ и всѣ вообще закричали, что не желаютъ имѣть его

своимъ начальникомъ; присемъ первый закричалъ рядовой Захаровъ. Послѣ этого подпоручикъ Максимовъ скомандовалъ нижнимъ чинамъ идти по квартирамъ, но капитанъ Дмитріевъ, приказавъ оставить команду въ сборѣ, самъ тотчасъ же отправился объявить о семъ городничему, а Максимовъ между-тѣмъ, ободряя людей въ упорствѣ, послалъ одного унтеръ-офицера въ острогъ сказать бывшимъ тамъ въ караулѣ рядовымъ, чтобъ и они, въ случаѣ прибытія туда Дмитріева, не изъявляли желанія къ принятію его. Послѣ этого капитанъ Дмитріевъ прибылъ къ командѣ уже съ городничимъ подпоручикомъ Павловскимъ и частнымъ приставомъ, и когда городничій, убѣждая нижнихъ чиновъ къ послушанію, напомнилъ, что они за ослушаніе будутъ строго наказаны, то Максимовъ въ услышаніе всей команды возразилъ: «неправда, за это ничего не будетъ.» Въ тоже время замѣтивъ, что прибывшій съ городничимъ почетный смотритель жиздринскаго училища отставной поручикъ Домогацкій тоже обратился къ нижнимъ чинамъ съ убѣжденіемъ о повиновеніи законной власти, Максимовъ, подойдя къ нему, съ азартомъ сказалъ, что это не его дѣло, и чтобы онъ отошелъ прочь. Нижніе же чины, за всѣми убѣжденіями городничаго, оставаясь непреклонными, отвѣчали, что капитана Дмитріева начальникомъ имѣть не желаютъ. По такому упорству ихъ, городничій приказалъ Максимову распустить людей, и привести ихъ для вторичнаго увѣщанія послѣ обѣда къ корпусу присутственныхъ мѣстъ, а Максимовъ, распустивъ людей, всѣхъ унтеръ-офицеровъ и нѣкоторыхъ изъ рядовыхъ зазвалъ къ себѣ на квартиру, и тамъ благодаря за то, что они отказались принять капитана Дмитріева, поилъ ихъ водкою. Послѣ того, когда команда была приведена къ корпусу присутственныхъ мѣстъ, и городничій, вмѣстѣ съ уѣзднымъ стряпчимъ и духовникомъ нижнихъ чиновъ священникомъ Протасовымъ, снова увѣщевали людей къ повиновенію, и желающихъ служить съ Дмитріевымъ вызывали впередъ, то подпоручикъ Максимовъ, съ своей стороны дѣлая имъ знаки, ободрялъ нижнихъ чиновъ, чтобы они не робѣли, а стояли бы за одно; поэтому нижніе чины точно такъ, какъ и прежде, на всѣ увѣщанія отвѣчали, что Дмитріева имѣть начальникомъ не желаютъ. При этомъ случаѣ городничій Павловскій, замѣтивъ, что изъ нижнихъ чиновъ первый началъ и болѣе другихъ

говорилъ рядовой Наумовъ, приказалъ позвать его въ полицію съ тою цѣлію, чтобы, убѣдивъ его къ послушанію, примѣромъ его подѣйствовать на другихъ, и Наумовъ поэтому вышелъ было изъ фронта, но подпоручикъ Максимовъ воротилъ его и распустилъ команду.

Въ тотъ же день капитанъ Дмитріевъ, оставя возмутившуюся команду, уѣхалъ въ Калугу и донесъ о происшествіи командовавшему баталіономъ маіору Казаку, который для открытія причинъ такого безпорядка и водворенія въ командѣ должной дисциплины, самъ отправился въ Жиздру, но по прибытіи туда 23 февраля, не сдѣлавъ предварительно никакого распоряженія объ арестованіи и удаленіи отъ команды Максимова и объ открытіи главныхъ виновниковъ возмущенія, обратился лишь къ нижнимъ чинамъ съ внушеніями о строгости военныхъ законовъ за неповиновеніе начальству, и (какъ нѣкоторые утверждаютъ), упрашивалъ даже нижнихъ чиновъ принять Дмитріева хотя на короткое время; однако нижніе чины остались непреклонными въ своемъ заблужденіи, объявляя впрочемъ, что они готовы и всегда охотно желаютъ имѣть у себя начальникомъ, кого угодно изъ офицеровъ, кромѣ капитана Дмитріева, который будто бы непомѣрно строгъ. Маіоръ Казакъ, видя безуспѣшность своихъ увѣщаній, не употребилъ при этомъ никакихъ мѣръ строгости по предоставленной ему власти и, оставивъ команду въ прежнемъ духѣ непокорности, самъ уѣхалъ въ Калугу, а оттуда послалъ на смѣну Максимова подпоручика Минстера и одного унтеръ-офицера для исправленія должности старшаго, — и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ слѣдствія.

Между тѣмъ подпоручикъ Максимовъ, по отъѣздѣ маіора Казака изъ Жиздры, въ тотъ же день призвавъ къ себѣ на квартиру унтеръ-офицеровъ и нѣкоторыхъ рядовыхъ, въ другой разъ поилъ ихъ водкою за то, что они отказались принять капитана Дмитріева; однакожъ по прибытіи подпоручика Минстера, команду ему сдалъ.

Въ началѣ производства слѣдствія, нижніе чины о непосредственномъ участіи подпоручика Максимова въ безпорядкахъ скрывали, утаивая съ тѣмъ вмѣстѣ и сообщниковъ его въ возмущеніи команды; но унтеръ-офицеръ *Федотъ Филиповъ* первый указалъ на одного изъ зачинщиковъ неповиновенія, унтеръ-офи-

цера Афонасія *Семенова*, а потомъ уже и нѣкоторые изъ числа рядовыхъ стали открывать ихъ, въ особенности же рядовой Федоръ *Петровъ*, который, назвавъ всѣхъ главнѣйшихъ зачинщиковъ, объяснилъ и самыя дѣйствія ихъ но возбужденію въ другихъ непокорности. Такимъ образомъ обнаружены съ одной стороны изложенныя нами обстоятельства оказаннаго командою неповиновенія, а съ другой дознано также и то, что распущенныя между нижними чинами слухи о строгости и жестокости капитана Дмитріева въ обращеніи, были совершенно ложны.

По всеподданнѣйшему докладу Его Императорскому Величеству объ открывшихся по слѣдствію обстоятельствахъ, Его Величество, вмѣстѣ съ преданіемъ подпоручика Максимова и вышепоименованныхъ нижнихъ чиновъ военному суду, Высочайше повелѣть соизволилъ: «чтобы по исполеніи надъ подсудимыми и прикосновенными нижними чинами присужденнаго имъ наказанія на мѣстѣ преступленія, всѣхъ прочихъ затѣмъ нижнихъ чиновъ команды распредѣлить въ другія части по распоряженію командующаго отдѣльнымъ корпусомъ внутренной стражи; капитана Дмитріева оставить начальникомъ жиздринской команды, какая укомплектована будетъ, но безъ новаго проступка удаленію отъ службы не подвергать, а чрезъ нѣкоторое время перевесть въ другой баталіонъ внутренней стражи подъ команду старшаго, и не ввѣрять ему отдѣльной части, впредь до заглажденія усердною службою проступка, сдѣланнаго имъ при пріемѣ жиздринской команды и обнаружившаго въ немъ нѣкоторую слабость и нераспорядительность; командира же калужскаго гарнизоннаго баталіона маіора Казака, отрѣшивъ отъ командованія баталіономъ, выдержать одинъ мѣсяцъ въ казематѣ и потомъ, какъ слабаго и неспособнаго командовать отдѣльною частію, уволить отъ службы; а окружному генералу 6-го округа внутренней стражи генералъ-маіору Мердеру, за незаботливость къ приведенію калужскаго баталіона и частей онаго въ должный порядокъ, хотя объ этомъ ему было своевременно подтверждаемо, сдѣлать строгій выговоръ; отставнаго же полковника Чивилева, бывшаго помощникомъ окружнаго генерала, и которому генералъ-маіоръ Мердеръ поручалъ исправленіе баталіона и инвалидныхъ командъ, но онъ того не исполнилъ, а донесъ, что все исправно,—арестовать на недѣлю, съ содержаніемъ на гауптвах-

тѣ, но оштрафованій сихъ въ формулярный списокъ Мердера, и въ указъ объ отставкѣ Чивилева не вносить.

Подсудимый подпоручикъ *Максимовъ* при слѣдствіи и въ военномъ судѣ признался только въ томъ, что онъ явился для сдачи команды Дмитріеву не въ надлежащей формѣ; что при оказанномъ нижними чинами ослушаніи, онъ не принималъ никакихъ мѣръ къ водворенію порядка, почитая это въ присутствіи старшихъ излишнимъ, и что онъ точно два раза въ квартирѣ своей поилъ водкою унтеръ-офицеровъ и нѣкоторыхъ рядовыхъ, отзываясь впрочемъ, что дѣлалъ это безъ всякой особенной цѣли; въ подговорѣ же нижнихъ чиновъ къ ослушанію и другихъ вышеизложенныхъ поступкахъ своихъ, клонившихся къ возбужденію непокорности и упорства въ нижнихъ чинахъ, Максимовъ не признался.

Затѣмъ слѣдователями и судомъ привлечены къ дѣлу сему слѣдующіе унтеръ-офицеры:

1) Старшій унтеръ-офицеръ Иванъ *Кузьминъ* — за то, что зная о подговорѣ Максимовымъ команды, не только не принялъ никакихъ мѣръ къ предупрежденію безпорядковъ, но еще съ своей стороны поддерживалъ солдатъ въ упорствѣ, и въ числѣ прочихъ самъ не изъявилъ желанія служить съ капитаномъ Дмитріевымъ; хотя городничій и уѣздный стряпчій, при вторичномъ увѣщаніи команды у корпуса присутственныхъ мѣстъ, особенно обращались къ нему, чтобы онъ отдѣлился отъ прочихъ и уговорилъ бы команду къ повиновенію, но онъ какъ при семъ случаѣ, такъ и при убѣжденіи самого командовавшаго баталіономъ маіора Казака остался непреклоннымъ въ своемъ упорствѣ, а по отъѣздѣ маіора Казака изъ Жиздры, онъ Кузьминъ въ числѣ прочихъ былъ у подпоручика Максимова и пилъ у него вино, которымъ Максимовъ подчивалъ въ благодарность за то, что команда отказалась принять капитана Дмитріева.

2) Унтеръ-офицеръ Афанасій *Семеновъ* — за то, что онъ, (какъ нами указано выше) съ особеннымъ стараніемъ содѣйствуя подпоручику Максимову, первый и преимущественно предъ другими подговаривалъ рядовыхъ, чтобы не принимать капитана Дмитріева, ложно увѣряя, что будто Дмитріевъ раззорилъ мещовскую команду, гдѣ онъ былъ прежде начальникомъ; что потомъ онъ былъ назначаемъ еще въ четыре команды, но его будто бы

не принимали. Въ день же, назначенный Дмитріевымъ для принятія команды, Семеновъ, совѣтуя по прежнему рядовымъ, чтобы они не принимали Дмитріева, подговаривалъ еще и рядоваго Захарова внушать тоже самое командѣ. Когда же послѣ оказаннаго командою неповиновенія, прибылъ къ оной и сталъ увѣщевать людей къ послушанію городничій Цавловскій, то Семеновъ, находясь въ сборнѣ пьяный, кричалъ оттуда рядовымъ, что не надобно принимать капитана Дмитріева. Наконецъ Семеновъ два раза съ другими унтеръ-офицерами и рядовыми, былъ въ квартирѣ у подпоручика Максимова и пилъ тамъ у него вино, купленное имъ въ благодарность за то, что команда не приняла Дмитріева.

Кромѣ того во время производства суда подсудимый Семеновъ оказалъ упорство въ томъ, что безъ всякой причины не подписалъ данной ему съ нижними чинами очной ставки, и съ грубостію отказался отъ выслушанія составленной изъ дѣла выписки и рукоприкладства подъ оною.

3) Унтеръ-офицеры: Федоръ *Егоровъ*, Антипъ *Федоровъ*, Василій *Тимофѣевъ*, Герасимъ *Ивановъ*, Федотъ *Филиповъ* и Алексѣй *Сѣдаковъ* обвинены въ томъ, что они, слѣдуя внушеніямъ подпоручика Максимова и главнѣйшихъ его сообщниковъ, 21 февраля, когда команда находилась у сборни въ ожиданіи прибытія капитана Дмитріева, всѣ вообще говорили рядовымъ, чтобы не принимать послѣдняго начальникомъ, и въ то время, когда капитанъ Дмитріевъ прибылъ къ командѣ, они вмѣстѣ съ прочими рядовыми, тоже кричали, что не желаютъ имѣть его своимъ начальникомъ; а одинъ изъ нихъ, Антипъ Федоровъ, по отъѣздѣ Дмитріева за городничимъ, ходилъ по приказанію подпоручика Максимова въ городовой острогъ и передалъ бывшимъ тамъ въ караулѣ рядовымъ приказаніе Максимова, чтобы и они въ случаѣ прибытія туда капитана Дмитріева, не принимали его. При двукратномъ увѣщаніи команды, никто изъ сихъ подсудимыхъ не обратился къ своему долгу и по вызову городничимъ и стряпчимъ желанія служить съ Дмитріевымъ, не изъявили, и остались въ своемъ упорствѣ послѣ увѣщанія самого командовавшаго баталіономъ маіора Казака. Всѣ они также были у подпоручика Максимова на квартирѣ и пили у него вино.

Изъ числа сихъ подсудимыхъ унтеръ-офицеръ *Сѣдаковъ*, послѣ оказаннаго командою неповиновенія, еще до прибытія въ Жиздру маіора Казака, отъ имени всей команды написалъ письмо, къ находящемуся въ калужской губерніи штабъ-офицеру корпуса жандармовъ маіору Аликдаренкѣ, въ которомъ извѣщая о происшествіи и прося защиты командѣ, между прочимъ съ дерзостію выражался на счетъ дѣланныхъ командѣ городничимъ увѣщаній, называя оныя противозаконными; по окончаніи же производствомъ военнаго суда, и по прочтеніи выписки изъ дѣла, Сѣдаковъ не далъ рукоприкладства подъ предлогомъ, что будто бы не помѣщены въ выпискѣ нѣкоторыя обстоятельства, тогда какъ все содержаніе дѣла въ выпискѣ изложено было вполнѣ.

Изъ рядовыхъ были обвинены:

1) Андрей Захаровъ въ томъ, что онъ одинъ изъ первыхъ сталъ подговаривать товарищей своихъ, чтобы не принимать капитана Дмитріева, потому будто бы, что онъ очень строгъ; когда же утромъ 21 февраля Дмитріевъ пришелъ къ командѣ, собранной у сборни, то Захаровъ, выпивъ предъ тѣмъ для смѣлости водки, первый закричалъ, что не желаетъ имѣть Дмитріева начальникомъ и уже за нимъ крикъ этотъ былъ повторенъ всею командою, а по прибытіи къ командѣ городничаго Павловскаго, Захаровъ, выйдя изъ фронта и проходя заднею шеренгою, снова подтверждалъ людямъ, чтобы не принимать Дмитріева, ободряя колебавшихся послѣдовать его внушеніямъ; рядоваго же Мутьянова за то, что онъ не кричалъ, а стоялъ молча, толкнулъ въ шею.

2) Рядовой Ефимъ Наумовъ въ томъ, что онъ въ числѣ другихъ, разсѣевая между нижними чинами ложные слухи, будто бы капитанъ Дмитріевъ жестокъ въ обращеніи и билъ при немъ безвинно одного рядоваго, имѣющаго знакъ отличія св. Анны, тоже подговаривалъ людей, чтобы не принимать капитана Дмитріева, а по прибытіи его къ командѣ, въ числѣ первыхъ закричалъ, что не желаетъ имѣть его своимъ начальникомъ; при увѣщаніи же команды городничимъ, на представляемый имъ примѣръ строгости съ возмутившимися нижними чинами л. гв. семеновскаго полка, Наумовъ началъ возражать, что то было дѣло противозаконное, а они только не желаютъ имѣть Дмитріева

своимъ начальникомъ; когда же по этому поводу городничій приказалъ позвать Наумова въ полицію, то онъ хотя сначала и пошелъ туда, но послушавшись подпоручика Максимова, возвратился во фронтъ.

3) Подсудимый рядовой Степанъ Алексѣевъ—въ томъ, что онъ кромѣ участія въ общемъ ослушаніи, ложно разглашалъ между рядовыми, что будто бы Дмитріевъ былъ назначенъ въ Мещовскъ, но его тамъ не приняли, и что баталіонные писаря въ бытность его по службѣ въ Каширѣ совѣтовали не принимать Дмитріева; причемъ Алексѣевъ самъ вызывался, что онъ первый закричитъ о нежеланіи имѣть Дмитріева начальникомъ.

4) Рядовые: Сидоръ Григорьевъ, Тихонъ Васильевъ, Дмитрій Фроловъ и Степанъ Осколкинъ, — въ томъ, что они, кромѣ участія въ общемъ неповиновеніи, распространяли между нижними чинами ложные слухи, будто бы Дмитріевъ, когда они въ разное время приходили въ Мещовскъ въ конвоѣ за арестантами и по другимъ надобностямъ службы, билъ ихъ безвинно, а рядоваго Фролова наказалъ палками двумястами ударами, подъ предлогомъ неисправностей въ порученномъ имъ дѣлѣ; о чемъ всѣ они утверждали и при производствѣ слѣдствія, но къ подтвержденію такихъ извѣтовъ они не представили никакихъ доказательствъ, даже въ свое время не приносили о томъ жалобъ ни начальнику команды подпоручику Максимову, ни при инспекторскихъ смотрахъ.

5) Рядовые: Ефимъ Красовскій, Трофимъ Кузьминъ и Сергѣй Даниловъ въ томъ, что они, какъ по дѣлу видно, кромѣ участія въ общемъ неповиновеніи, были въ числѣ особенно преданныхъ подпоручику Максимову, и содѣйствовавшихъ ему въ замыслѣ, ибо послѣ оказаннаго командою ослушанія, подпоручикъ Максимовъ призывалъ ихъ вмѣстѣ съ унтеръ-офицерами къ себѣ на квартиру, и тамъ за то, что они не приняли капитана Дмитріева, поилъ ихъ водкою.

6) Такое же точно обвиненіе возникло при слѣдствіи еще на рядовыхъ: Пахома Янку и Якова Шиповалова по поводу показанія подсудимаго унтеръ-офицера Иванова и рядоваго Красовскаго, что Янко и Шиповаловъ 21 февраля тоже были у Максимова, и пили у него вино, но сами сіи рядовые объ этомъ не спроше-

ны, и особой вины ихъ, кромѣ участія въ неповиновеніи, по дѣлу не открыто.

7) Кромѣ означенныхъ нижнихъ чиновъ, подозрѣвался въ числѣ зачинщиковъ и рядовой Галактіонъ Черняевъ, потому, что онъ, какъ доносилъ слѣдователь, былъ грубъ въ своихъ отвѣтахъ; но по изслѣдованію никакой особой вины его по предмету оказаннаго командою неповиновенія, кромѣ участія въ томъ вмѣстѣ съ прочими, не открыто, и въ чемъ состояла грубость его предъ слѣдователемъ, не розыскано. Хотя же и было подозрѣніе, что будто бы онъ былъ съ другими у подпоручика Максимова въ квартирѣ и пилъ вино, однакожъ ни самъ Черняевъ объ этомъ не сознался, ни прочіе, бывшіе тамъ, нижніе чины въ томъ его необвиняли.

Наконецъ къ дѣлу сему оказался прикосновеннымъ отставной *капитанъ Яковлевъ*, бывшій прежде около 11-ти лѣтъ начальникомъ сей команды. Онъ обвиненъ въ томъ, что бывъ въ тѣсной дружбѣ съ подсудимымъ подпоручикомъ Максимовымъ, въ день оказаннаго командою 21 февраля неповиновенія предъ капитаномъ Дмитріевымъ, войдя въ сборню, завѣрялъ нижнихъ чиновъ, что имъ ничего не будетъ, если они не примутъ Дмитріева, и къ большему убѣжденію солдатъ, сказалъ еще: «не я буду капитанъ Яковлевъ, если вамъ за это что̀ будетъ; ручаюсь вамъ въ томъ своею головою.» Это Яковлевъ подтверждалъ и въ то время, когда команда собралась къ корпусу присутственныхъ мѣстъ, для вторичнаго увѣщанія городничимъ, присовокупляя при томъ, что онъ Яковлевъ былъ у городничаго и стряпчаго, которые хотя и увѣряютъ, что худо будетъ командѣ, но это все неправда.

Въ этихъ поступкахъ капитанъ Яковлевъ, хотя не признался, но это удостовѣрили показанія многихъ нижнихъ чиновъ, а самъ онъ далъ по дѣлу разнорѣчивыя объясненія.

Генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, нашелъ, что главнымъ виновникомъ оказаннаго жиздринскою инвалидною командою неповиновенія, при назначеніи начальникомъ команды капитана Дмитріева, былъ подсудимый подпоручикъ *Максимовъ*, который, желая удержать команду за собою, самъ лично и чрезъ посредство особо преданныхъ ему нижнихъ чиновъ, а также бывшаго съ нимъ въ тѣсной дружбѣ отставнаго капитана Яковлева, распустивъ ложные слухи, что

будто бы Дмитріевъ жестокъ въ обращеніи, склонилъ людей, чтобы они отказались принять Дмитріева, убѣдивъ ихъ, что за это они не подвергнутся никакому наказанію, и такими внушеніями успѣлъ до того, что нижніе чины, по прибытіи капитана Дмитріева къ командѣ, въ явное нарушеніе порядка службы и воинской дисциплины, съ дерзостію закричали ему, что не желаютъ имѣть его своимъ начальникомъ, и потомъ, за всѣми увѣщаніями мѣстнаго гражданскаго начальства и самого баталіоннаго командира, остались непреклонными въ своемъ преступномъ упорствѣ. Хотя же подсудимый Максимовъ въ такихъ противозаконныхъ поступкахъ не сдѣлалъ предъ судомъ точнаго признанія, но достаточно изобличается въ нихъ: показаніями нижнихъ чиновъ, донесеніемъ капитана Дмитріева и удостовѣреніями жиздринскаго городничаго, частнаго пристава, уѣзднаго стряпчаго и отставнаго поручика Домогацкаго, (изъ коихъ послѣдніе были очевидными свидѣтелями, какъ онъ Максимовъ, при двукратномъ увѣщаніи нижнихъ чиновъ, усиливался поддержать въ нихъ духъ непокорности), а наконецъ и собственными своими отзывами, что онъ не только не принималъ никакихъ мѣръ къ водворенію порядка, но еще послѣ оказаннаго командою неповиновенія два раза призывалъ въ свою квартиру унтеръ-офицеровъ и нѣкоторыхъ рядовыхъ, и поилъ ихъ тамъ водкою. При всемъ томъ и подсудимые унтеръ-офицеры, не менѣе Максимова виновны въ преступномъ ослушаніи противъ начальства, ибо видя ясно противозаконную цѣль внушеній подпоручика Максимова, не только не приняли никакихъ мѣръ къ удержанію порядка въ командѣ, но сами, изъявивъ согласіе на непринятіе капитана Дмитріева, участвовали въ дерзкомъ отзывѣ предъ Дмитріевымъ, что не желаютъ имѣть его начальникомъ, и потомъ, не взирая на всѣ убѣжденія мѣстнаго гражданскаго начальства и самого баталіоннаго командира, не только не обратились къ своему долгу, но постоянно оставаясь непреклонными, вовлекли примѣромъ своимъ всѣхъ прочихъ нижнихъ чиновъ въ заблужденіе. Изъ нихъ въ особенности виновны унтеръ-офицеры Кузьминъ и Семеновъ, изъ коихъ первый, будучи старшимъ въ командѣ, вмѣсто того, чтобы, по званію и обязанности своей, обратить къ порядку прочихъ нижнихъ чиновъ, самъ поддерживалъ солдатъ въ упорствѣ, а Семеновъ съ особеннымъ усиліемъ содѣйствуя Макси-

мову, первый и преимущественно предъ другими подговаривалъ людей не принимать капитана Дмитріева, да и при самомъ производствѣ суда оказалъ дерзость и упорство, отказавшись безъ всякой причины отъ подписанія очныхъ ставокъ и выписки. Изъ рядовыхъ же, состоящихъ подъ судомъ, болѣе прочихъ оказались виновными: Андрей Захаровъ, Ефимъ Наумовъ и Степанъ Алексѣевъ, которые наравнѣ съ зачинщиками содѣйствовали подпоручику Максимову въ подговорѣ людей къ неповиновенію и сами первые закричали, что не желаютъ имѣть капитана Дмитріева начальникомъ. А потому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) подсудимаго подпоручика Максимова, за изъясненные противозаконные поступки и вкорененіе между нижними чинами непокорности и ослушанія законной власти, вовлекшихъ ихъ въ гибельныя послѣдствія, на основаніи свода военныхъ постановленій части 5-и, кн. 1-и ст. 14, 191, 192 и 233, лишивъ чиновъ, дворянскаго достоинства и знака отличія св. Анны, отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на пять лѣтъ. 2) Изъ подсудимыхъ нижнихъ чиновъ, бывшаго старшимъ въ командѣ унтеръ-офицера Ивана Кузьмина и младшаго унтеръ-офицера Афанасья Семенова, какъ главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ неповиновенія, примѣромъ и преступными дѣйствіями своими вовлекшихъ и прочихъ нижнихъ чиновъ въ преступленіе, лишивъ унтеръ-офицерскаго званія, знаковъ отличія св. Анны и нашивокъ за прежнюю службу, а Кузьмина сверхъ того знака отличія военнаго ордена, и двухъ серебряныхъ медалей за персидскую и турецкую войну, отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ. 3) Подсудимаго унтеръ-офицера Алексѣя Сѣдакова, оказавшагося виновнымъ преимущественно предъ прочими нижепоименованными унтеръ-офицерами въ неповиновеніи, ибо онъ послѣ оказаннаго командою непослушанія, писалъ письмо къ маіору корпуса жандармовъ Аландаренкѣ, съ дерзкими выраженіями на счетъ городничаго, и сверхъ того при производствѣ суда оказалъ новую дерзость и неповиновеніе неподписаніемъ составленной изъ дѣла выписки, —лишивъ унтеръ-офицерскаго званія и одной нашивки, наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ два раза, и отправить въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ. 4) Подсудимыхъ унтеръ-офицеровъ

Антипа Федорова, Федора Егорова, Василья Тимофѣева, Герасима Иванова и Федота Филипова, виновныхъ въ меньшей степени противу предшествующихъ унтеръ-офицеровъ потому, что они лично сами въ подговорѣ нижнихъ чиновъ не участвовали, и вовлечены были въ преступленіе главными зачинщиками неповиновенія и сильною настойчивостію бывшаго ихъ начальника подпоручика Максимова и отставнаго капитана Яковлева, разжаловать всѣхъ ихъ въ рядовые, и изъ нихъ Федорова, Егорова и Тимофѣева, лишивъ знаковъ отличія св. Анны и нашивокъ, отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на шесть лѣтъ, а Иванова, по лишеніи нашивки, наказать шпицрутенами прогнавъ чрезъ пятьсотъ человѣкъ два раза, и тоже отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на пять лѣтъ; Филипова же во уваженіе того, что онъ при первомъ допросѣ, признавшись откровенно въ преступленіи, открылъ главнаго зачинщика, не подвергая тѣлесному наказанію, по разжалованіи въ рядовые оставить на службѣ съ переводомъ въ другую команду. 5) Подсудимыхъ рядовыхъ Андрея Захарова, Ефима Наумова и Степана Алексѣева, оказавшихся, по преступнымъ дѣйствіямъ своимъ къ возбужденію въ командѣ духа непокорности, виновными въ равной степени съ двумя первыми зачинщиками, унтеръ-офицерами Кузьминымъ и Стапановымъ, лишивъ изъ нихъ Захарова нашивки на рукавѣ, а Наумова серебряной медали за взятіе приступомъ Варшавы, и польскаго знака отличія за военныя достоинства 5-й степени, наказать шпицрутенами, прогнавъ изъ нихъ Захарова, (какъ немогущаго по удостовѣренію медика, за старостію и слабостію перенести тяжкаго тѣлеснаго наказнія), чрезъ пятьсотъ человѣкъ два раза, а Наумова и Алексѣева, чрезъ тысячу человѣкъ по два раза, и потомъ всѣхъ трехъ отослать въ арестантскія роты въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ. 6) Изъ прочихъ нижнихъ чиновъ жиздринской команды, рядовыхъ: Сидора Григорьева, Тихона Васильева, Дмитрія Фролова и Степана Осколкина, которые кромѣ непосредственнаго участія въ оказанномъ командою неповиновеніи, изобличены еще въ распространеніи ложныхъ слуховъ о жестокомъ будто бы обращеніи капитана Дмитріева и въ ложномъ оговорѣ его въономъ, лишить изъ нихъ Григорьева знака отличія св. Анны и трехъ нашивокъ, а Васильева, Фролова и Осколкина наказать шпицрутенами, прогнавъ

чрезъ пятьсотъ человѣкъ по три раза, и потомъ какъ ихъ, такъ и Григорьева, отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на четыре года. 7) Рядовыхъ Трофима Кузьмина, Ефима Красовскаго и Сергѣя Данилова, какъ принимавшихъ дѣятельнѣйшее въ сравнененіи съ прочими рядовыми участіе въ безпорядкахъ, доказывающееся тѣмъ, что подпоручикъ Максимовъ въ благодарность за то, что команда отказалась принять Дмитріева, поилъ ихъ водкою, лишить изъ нихъ Кузьмина знака отличія св. Анны и трехъ нашивокъ, а Данилова и Красовскаго, по лишеніи перваго изъ нихъ нашивки, наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ пятьсотъ человѣкъ по одному разу, и потомъ какъ ихъ, такъ и Кузьмина, отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на четыре года. 8) Рядоваго Галактіона Черняева, оказавшагося виновнымъ въ грубости предъ слѣдователемъ при отобраніи отъ него допроса, въ особенномъ же участіи въ безпорядкахъ неизобличеннаго, лишивъ нашивки, наказать розгами стапятидесятью ударами, и потомъ перевести въ другую команду. 9) Всѣмъ означеннымъ нижнимъ чинамъ, согласно Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, исполнить наказаніе на мѣстѣ преступленія предъ командою, вовлеченною ими въ гибельныя послѣдствія. 10) Остальныхъ затѣмъ нижнихъ чиновъ жиздринской инвалидной команды, участвовашихъ въ происшедшемъ безпорядкѣ, въ томъ числѣ рядовыхъ Пахома Янку и Якова Шиповалова, которые въ особенномъ содѣйствіи главнымъ зачинщикамъ достаточно не уличены, во вниманіе къ тому, что они вовлечены были въ преступленіе чрезъ внушенія своего начальника подпоручика Максимова и сообщниковъ его, примѣромъ старшихъ, наказанію не подвергать, но на основаніи того же Высочайшаго повелѣнія перевести въ другія инвалидныя команды 6-го округа, не подвергая такому переводу только рядоваго Федора Петрова, по уваженію того, что онъ при первомъ же допросѣ объявилъ слѣдователю обо всѣхъ главныхъ зачинщикахъ безпорядковъ, а также рядовыхъ Трофима Попова, Ефима Степанова и Василья Никитина, которые въ возмущеніи не участвовали, потому, что первый совершенно слѣпъ и во фронтѣ тогда не былъ, а двое послѣдніе по незнанію русскаго языка и малоумію, не могли понимать происходившаго. 11) Сформированіе вновь жиздринской инвалидной команды изъ нижнихъ чиновъ другихъ инвалидныхъ командъ и гарнизонныхъ

баталіоновъ возложить на командующаго отдѣльнымъ корпусомъ. 12) Отставнаго капитана Яковлева, за содѣйствіе подсудимому подпоручику Максимову въ распространеніи между нижними чинами непокорности законнымъ властямъ, предать военному суду при калужскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, и 13) какъ въ отношеніи капитана Дмитріева и маіора Казака, по производству военнаго суда не открыто никакихъ другихъ упущеній по происшедшему въ жиздринской командѣ безпорядку, кромѣ тѣхъ, которыя обнаружены слѣдствіемъ и были уже представлены на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, то, за сдѣланнымъ объ нихъ по Высочайшему Его Величества повелѣнію распоряженіемъ, дальнѣйшей личной отвѣтственности ихъ, Дмитріева и Казака, не подвергать; но по неимѣнію у подсудимаго никакого состоянія взыскать съ нихъ употребленныя по сему дѣлу прогонныя и суточныя деньги по мѣрѣ ихъ жалованья.

Съ симъ заключеніемъ поднесенъ былъ Государю Императору отъ генералъ-аудиторіата всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ въ 18 день октября послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему».

О прапорщикѣ Сонцевѣ, обвиненномъ въ буйныхъ и дерзкихъ поступкахъ противъ полковника Гриббе и въ оскорбленіи часоваго.

Прапорщикъ Сонцевъ, по производствѣ въ 1840 году въ офицеры изъ кадетъ 1 московскаго кадетскаго корпуса, поступилъ на службу въ московскій гарнизонный баталіонъ, и въ продолженіи 6 лѣтъ, за неисполненіе обязанности по службѣ и неприличные поступки, подвергался тринадцать разъ оштрафованіямъ, какъ то: арестамъ, нарядамъ въ не очередь въ караулъ и въ другія должности, а въ 1842 году былъ назначенъ ему четырехмѣсячный срокъ для исправленія въ поведеніи, но онъ не исправился; посему баталіонный командиръ полковникъ Гриббе въ 1845 году отмѣтилъ его по кондуитному списку въ прав-

ственности сомнительнымъ. Однакожъ, эту невыгодную аттестацію бывшій окружный генералъ 6 округа внутренней стражи, генералъ-маіоръ Мердеръ предписалъ полковнику Гриббе замѣнить другою, одобрительною, въ надеждѣ на исправленіе Сонцева. Полковникъ Гриббе, исполнивъ предписаніе генералъ-маіора Мердера, вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ ему, что Сонцевъ по поведенію своему не заслуживалъ бы одобрительной аттестаціи, ибо не предвидится въ немъ надежды къ исправленію.

Потомъ въ томъ же году полковникъ Гриббе въ представленномъ имъ спискѣ о производствѣ офицеровъ московскаго баталіона въ слѣдующіе чины за выслугу лѣтъ, сдѣлалъ о прапорщикѣ Сонцевѣ отмѣтку, что онъ, по неблагонадежности, представленъ къ увольненію отъ службы. Но какъ этого представленія не было получено въ штабѣ корпуса внутренней стражи, а между тѣмъ отецъ Сонцева просилъ командовавшаго тогда корпусомъ, бывшаго генералъ-лейтенанта Трипатнаго, о снисхожденіи къ поступкамъ его сына, удостовѣряя, что онъ раскаялся и надѣется служить хорошо, то начальникъ штаба, по приказанію генералъ-лейтенанта Трипатнаго, требовалъ свѣдѣній отъ генералъ-маіора Мердера, о поведеніи прапорщика Сонцева, равно и о томъ: почему не прислано представленія объ увольненіи его отъ службы? На это генералъ-маіоръ Мердеръ отозвался, что Сонцевъ замѣченъ довольно усерднымъ по службѣ, и въ исправленіи нравственности подаетъ надежду; но за всѣмъ тѣмъ, онъ генералъ-маіоръ Мердеръ, предписалъ полковнику Гриббе назначить Сонцеву для исправленія въ поведеніи еще двухмѣсячный срокъ съ тѣмъ, что если онъ въ теченіи этого времени будетъ замѣченъ въ дурной нравственности, то сдѣлать представленіе объ исключеніи его изъ службы. Послѣ сего прапорщикъ Сонцевъ, по представленію начальства, Высочайшимъ приказомъ 17 марта 1846 года, уволенъ отъ службы.

Между тѣмъ вступившій 6 того марта въ караулъ въ московскій тюремный замокъ поручикъ Цвѣтковъ донесъ баталіонному командиру полковнику Гриббе, что прапорщикъ Сонцевъ, при смѣнѣ имъ Цвѣтковымъ съ караула, не сдавъ ему двухъ паръ кенегъ, и не росписавшись въ постовой книгѣ въ исправной сдачѣ караула, отправился въ казармы, а вслѣдъ засимъ бывшій того числа дежурнымъ по баталіону штабсъ-капитанъ

Бѣлавинцовъ объявилъ полковнику Гриббе о жалобѣ содержателя мелочной лавки, при баталіонныхъ казармахъ состоящей, крестьянина Балясникова, что Сонцевъ сдѣлалъ буйство въ лавкѣ, намѣреваясь причинить побои Балясникову за недачу ему Сонцеву въ долгъ четверти фунта курительнаго табаку.

Полковникъ Гриббе донесъ начальству, что Сонцевъ, бывъ тогда же доставленъ къ нему въ нетрезвомъ видѣ, на опросъ о безпорядкѣ въ караулѣ и буйствѣ въ лавкѣ, съ усмѣшкою отвѣтилъ: «что это вздоръ»; а на объявленный ему арестъ, съ азартомъ отозвался, что полусабли не отдастъ. Когда же онъ, Гриббе, приказалъ штабсъ-капитану Бѣлавинцову отвести его подъ арестъ въ канцелярію, то Сонцевъ бросился къ нему, Гриббе, съ намѣреніемъ оказать противу его дерзость, однакожь былъ отъ того удержанъ Бѣлавинцовымъ, и находившимся на ординарцахъ унтеръ-офицеромъ Михайловымъ, и отведенъ въ канцелярію; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ Гриббе приказалъ собрать въ канцелярію квартирующихъ въ казармахъ офицеровъ, дабы они лично могли видѣть, въ какомъ положеніи находился Сонцевъ; эти офицеры, прибывъ изъ канцеляріи къ нему Гриббе въ квартиру, объявили, что они нашли Сонцева въ буйномъ состояніи, и что онъ при писаряхъ, ругая его, Гриббе, неприличными словами, угрожалъ разбить весь караулъ, если оставятъ его на ночь въ канцеляріи, и не отправятъ на гауптвахту. Потомъ, когда было объявлено ему приказаніе его, Гриббе, чтобы остался въ канцеляріи до слѣдующаго утра, то Сонцевъ, оттолкнувъ отъ себя часоваго, и нанеся ему рукою ударъ по лицу, вбѣжалъ въ квартиру его Гриббе и вновь хотѣлъ на него броситься; но какъ не былъ къ тому допущенъ офицерами, то сталъ произносить о немъ Гриббе разныя оскорбительныя слова, сказавъ, что онъ изъ квартиры его, Гриббе, не выйдетъ; послѣ сего Сонцевъ былъ отведенъ въ занимаемую имъ въ казармахъ квартиру подъ надзоръ часовыхъ; но какъ и тамъ отозвался, что при часовыхъ не останется, а разломаетъ окно и выскочитъ, то былъ тогда же отправленъ для содержанія подъ арестомъ на гауптвахту.

Подсудимый *Сонцевъ*, не сознаваясь въ буйствѣ въ лавкѣ, въ ослушаніи и дерзости противу полковника Гриббе, показалъ, что онъ нетрезвымъ не былъ, а по прибытіи къ полковнику Гриббе въ квартиру, хотя не согласился на объявленный ему

арестъ въ канцеляріи, сказавъ, что тамъ могутъ содержаться подъ арестомъ только писаря, но въ то же время отдалъ свою полусаблю безъ сопротивленія, и по вторичному приказанію согласился идти въ канцелярію съ тѣмъ, чтобы тотчасъ былъ отправленъ на гауптвахту; но когда распоряженія объ отправленіи его не сдѣлано, то онъ безъ всякого сопротивленія со стороны часоваго отправился къ полковнику Гриббе, и просилъ объ отправленіи на гауптвахту, не произнося никакихъ оскорбленій къ лицу Гриббе, и не имѣлъ намѣренія къ дерзости противу его.

Напротивъ *4 офицера* и *нижніе чины*, болѣе 20 человѣкъ, вполнѣ утвердили (безъ присяги) донесеніе полковника Гриббе, поясняя: штабсъ-капитанъ Бѣлавинцовъ и унтеръ-офицеръ Михайловъ,—что Сонцевъ, бывъ приведенъ въ квартиру къ Гриббе въ нетрезвомъ видѣ, объяснялся съ нимъ грубо и при объявленіи ему ареста, не отдавая полусабли, требовалъ, чтобы отправили его въ ордонансъ-гаузъ, и что онъ Сонцевъ безъ сего не выйдетъ изъ квартиры Гриббе; при настоятельномъ же приказаніи Гриббе, чтобы отвести его въ канцелярію и поставить часоваго, Сонцевъ бросился на полковника Гриббе, который успѣлъ уйти и затворить за собою двери, а они Бѣлавинцовъ и Михайловъ, схватили Сонцева, ломившагося въ двери комнаты, въ коей находился Гриббе и отвели въ канцелярію.

Бывшіе тогда въ канцеляріи и въ квартирѣ Гриббе капитанъ Мурахинъ, штабсъ-капитаны: Миклашевскій, Ивановъ и поручикъ Михайловъ, равно нижніе чины объяснили, что Сонцевъ, будучи весьма въ нетрезвомъ видѣ, и находясь въ канцеляріи подъ надзоромъ, поносилъ баталіоннаго командира разными ругательными словами, и съ крикомъ настаивалъ, чтобы отправили его, Сонцева, на гауптвахту; потомъ, по уходѣ офицеровъ къ баталіонному командиру, оттолкнувъ отъ дверей часоваго и нанеся ему ударъ по лицу за сопротивленіе, бросился въ квартиру полковника Гриббе, гдѣ онъ, Сонцевъ, какъ утвердили 3 офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ, въ азартѣ намѣревался вбѣжать въ кабинетъ къ Гриббе, но бывъ остановленъ офицерами, произносилъ крикъ, что онъ не выйдетъ изъ квартиры до тѣхъ поръ, пока не будетъ отправленъ на гауптвахту, понося также полковника Гриббе разными ругательствами, въ особенности въ то время, когда по приказанію Гриббе были потребо-

ваны нижніе чины, и силою вывели его изъ квартиры Гриббе; равно и по приводѣ Сонцева въ занимаемую имъ квартиру, онъ кричалъ, что разобьетъ караулъ, или выскочитъ въ окно, какъ удостовѣрили о семъ, штабсъ-капитанъ Бѣлавинцовъ и четыре человѣка рядовыхъ.

Относительно буйства Сонцева въ *мелочной лавкѣ*, содержатель оной крестьянинъ *Балясниковъ* показалъ, что Сонцевъ за недачу ему въ долгъ табаку четверть фунта, началъ кричать и бранить его, Балясникова, а потомъ въ азартѣ схватилъ деревянную мѣру, въ четверть четверика съ желѣзными обручами, и намѣревался ударить оною Балясникова, но въ то самое время пришедшій въ лавку, по предварительному чрезъ посланнаго мальчика приглашенію, штабсъ-капитанъ Бѣлавинцовъ, удержалъ Сонцева и вывелъ изъ лавки. Это показаніе Балясникова вполнѣ утвердилъ и штабсъ-капитанъ Бѣлавинцовъ.

Что же касается до донесенія поручика Цвѣткова о неcдачѣ ему Сонцевымъ двухъ паръ кенегъ, то оное опровергнуто смѣннымъ рапортомъ, посланнымъ въ ордонансъ-гаузъ за подписомъ самаго Цвѣткова вмѣстѣ съ смотрителемъ замка маіоромъ Ларіоновымъ и прапорщикомъ Сонцевымъ, въ которомъ ни о какой неисправности не упомянуто, равно и показаніями подъ присягою двухъ унтеръ-офицеровъ стараго и новаго карауловъ о исправной сдачѣ Сонцевымъ караула.

Генералъ-аудиторіатъ по симъ обстоятельствамъ нашелъ, что прапорщикъ Сонцевъ со времени опредѣленія въ 1840 году на службу изъ московскаго кадетскаго корпуса въ московскій гарнизонный баталіонъ, за неисполненіе обязанности своей и разные неприличные поступки подвергался 13 разъ оштрафованіямъ, и хотя два раза былъ назначенъ ему срокъ на исправленіе, но онъ не воздержался, а вечеромъ 6 марта 1846 года учинилъ буйство въ мелочной лавкѣ, намѣреваясь нанести побои содержателю оной крестьянину Балясникову за недачу ему въ долгъ четверть фунта табаку; когда же по жалобѣ Балясникова Сонцевъ былъ отысканъ и представленъ къ баталіонному командиру полковнику Гриббе въ нетрезвомъ видѣ, и когда Гриббе приказалъ бывшему дежурнымъ по баталіону штабсъ-капитану Бѣлавинцову отвести Сонцева въ баталіонную канцелярію подъ арестъ, то онъ съ грубостію отозвался, что полусабли

не отдастъ, пока не будетъ отправленъ въ ордонансъ-гаузъ на гауптвахту, а при повтореніи того приказанія, въ азартъ бросился на полковника Гриббе; однакожъ Бѣлавинцовъ и бывшій у Гриббе на ординарцахъ унтеръ-офицеръ Михайловъ успѣли схватить его, и отвели въ канцелярію подъ надзоръ часоваго. Тамъ Сонцевъ, понося баталіоннаго командира разными ругательствами, настоятельно требовалъ отправленія на гауптвахту; по объявленіи же ему приказанія Гриббе, чтобы остался до утра, Сонцевъ, нанеся ударъ стоявшему у дверей часовому, убѣжалъ въ квартиру Гриббе, и въ азартѣ хотѣлъ броситься къ нему въ кабинетъ, но бывъ недопущенъ стоявшими въ дверяхъ тремя офицерами, произносилъ крикъ, что не выйдетъ изъ квартиры, если не будетъ отправленъ на гауптвахту, понося также полковника Гриббе ругательствами; посему Сонцевъ былъ взятъ нижними чинами и отведенъ по приказанію Гриббе въ свою квартиру; но какъ и тамъ онъ не прекращалъ буйства, угрожая разбить караулъ или выбить окно и броситься въ оное, то былъ тогда же отправленъ на гауптвахту. Подсудимый Сонцевъ хотя ни въ чемъ не признался, объясняя, что онъ нетрезвымъ не былъ, никакого буйства не дѣлалъ, полковника Гриббе ругательными словами не поносилъ, и намѣренія къ дерзости противъ его не имѣлъ, а только настаивалъ объ отправленіи его на гауптвахту потому, что въ канцеляріи содержатся подъ арестомъ одни только писаря,—но во всѣхъ вышеизложенныхъ поступкахъ достаточно изобличается, какъ показаніями 4 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, болѣе 20 человѣкъ, такъ неприличнымъ вообще поведеніемъ своимъ и другими обстоятельствами дѣла. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго прапорщика Сонцева, за предосудительное поведеніе, буйственные поступки, ослушаніе противу баталіоннаго своего командира, и покушеніе къ причиненію ему дерзости, равно сопротивленіе противу часоваго съ нанесеніемъ ему удара рукою по лицу, на основаніи 230, 235 и 285 ст., 1 кн. 5 част. свода воен. постановленій, лишивъ чина и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые, съ опредѣленіемъ на службу по распоряженію инспекторскаго департамента военнаго министерства.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по этому дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Вели-

чества конфирмація: «Быть по сему Николай. С.-Петербургъ. 27 декабря 1847 г.»

О барабанщикѣ Пейсихѣ Шкабло, сорвавшемъ эполетъ съ плеча подпоручика Ефремова.

Настоящее дѣло наводитъ на самыя тягостныя размышленія; подпоручикъ Ефремовъ, объявившій, что онъ «истребитель жидовъ», «уничтожитъ ихъ праздники и законъ», во время дозволеннаго полковымъ командиромъ отправленія нижними чинами изъ евреевъ богослуженія по ихъ обрядамъ, съ ругательствомъ и непристойными словами разгонялъ ихъ, самъ гасилъ и ломалъ свѣчи, рвалъ съ молившихся одежды. Сверхъ того Ефремовъ нарочно заставлялъ евреевъ заниматься работою въ ихъ праздники, наконецъ одному изъ евреевъ барабанщику Шкабло (безъ всякой вины съ его стороны) объявилъ, что его будетъ сѣчь такъ, что его на простынѣ отнесутъ въ лазаретъ. Этими дѣйствіями Шкабло былъ доведенъ до такого изступленія, что бросился на Ефремова, сорвалъ съ его плеча эполетъ, и не отдалъ послѣдняго съ тою цѣлью (какъ онъ выразился), чтобы поступокъ его не былъ скрытъ передъ начальствомъ, и Ефремовъ не могъ бы по прежнему продолжать свои беззаконныя дѣйствія.

Съ своей стороны мы не можемъ не заклеймить поступокъ подпоручика Ефремова тѣмъ презрѣніемъ, котораго онъ заслуживаетъ, и полагаемъ, что офицеръ, который злоупотребляетъ своею властью начальника, чтобы подвергать поруганію обряды религіи, дозволенной закономъ и правительствомъ,—позоритъ свое званіе, заслуживаетъ полнѣйшаго презрѣнія, самъ подаетъ поводъ къ нарушенію воинской дисциплины, и является ослушникомъ законовъ, установляющихъ свободу вѣроисповѣданій.

Наконецъ дѣло это доказываетъ самымъ нагляднымъ образомъ, что по дѣламъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ военными, не можетъ быть допущено постановленіе рѣшеній только по внутреннему убѣжденію, такъ-какъ нѣтъ сомнѣнія, что присяжные оправдали бы Шкабло, что̀ очевидно послужило бы къ поколебанію воинской дисциплины.

Барабанщикъ Пейсихъ Шкабло, числясь въ барабанной ротѣ 2 учебнаго карабинернаго полка, находился постоянно въ командѣ мастеровыхъ, которою завѣдывалъ подпоручикъ того полка Ефремовъ.

Офицеръ этотъ, 29 сентября 1845 года, во время дозволеннаго отправленія нижними чинами изъ евреевъ богослуженія по ихъ обрядамъ, войдя въ отведенную имъ полковымъ командиромъ моленную, (гдѣ въ обыкновенное время помѣщались мастерскія), съ ругательствомъ и непристойными словами приказывалъ всѣмъ выдти вонъ, а мастеровымъ сѣсть за работу; но видя, что евреи, занятые своимъ богослуженіемъ, не исполняютъ его приказанія, призвалъ до 20 человѣкъ плотниковъ православнаго исповѣданія, и съ помощію ихъ и фельдфебеля команды мастеровыхъ Третьякова выгналъ всѣхъ молившихся вонъ; при семъ самъ Ефремовъ гасилъ и ломалъ свѣчи, рвалъ съ молившихся одежды, сбилъ съ ногъ служившаго за жреца, и столкнулъ съ мѣста кивотъ съ заповѣдями, а наконецъ, ставъ при дверяхъ комнаты, наносилъ побои выходившимъ изъ оной евреямъ; потомъ какъ въ этотъ день, такъ и бывшій затѣмъ 12 октября другой праздникъ, заставилъ мастеровыхъ изъ евреевъ заняться работою, тогда-какъ они въ тѣ дни отъ служебныхъ обязанностей были освобождены; между тѣмъ Ефремовъ за самыя маловажныя неисправности въ работѣ подвергалъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ мастеровыхъ строгимъ наказаніямъ, приговаривая, что онъ «истребитель жидовъ», «уничтожитъ ихъ праздники и законъ». Наконецъ 13 октября Ефремовъ намѣренъ былъ наказать троихъ мастеровыхъ изъ евреевъ, въ томъ числѣ барабанщика Шкабло, за то, что они 12 октября не явились на вечернюю перекличку, (въ чемъ они вовсе не были виновны, потому что обязаны были явиться къ своимъ мѣстамъ утромъ 13 октября, въ особенности же Шкабло, который по назначенію полковаго командира бывъ особо уволенъ на еврейскіе праздники для необходимыхъ при оныхъ распоряженій, долженъ былъ по окончаніи праздниковъ утромъ 13 октября сдать отведенную для моленія комнату полковому квартермистру, а употребляемыя при богослуженіи вещи полковому еврейскому расходчику.)

Шкабло явился къ своей должности въ швальню 13 октября

утромъ рано. Въ 6 часовъ по утру пришелъ туда подпоручикъ Ефремовъ, и началъ наказывать одного изъ тѣхъ мастеровыхъ Мейера Дынина розгами; а между тѣмъ, обратясь къ подсудимому барабанщику Шкабло, сказалъ, что его будетъ сѣчь такъ, что на простынѣ отнесутъ его въ лазаретъ. При такой угрозѣ Шкабло, подойдя къ Ефремову, сталъ просить у него помилованія; и какъ Ефремовъ, повторяя угрозу, началъ еще бить его кулаками по лицу, то въ это время Шкабло мгновенно бросясь на Ефремова, сорвалъ у него съ праваго плеча эполетъ, и убѣжавъ съ нимъ прямо на полковую гауптвахту, объявилъ о своемъ поступкѣ; однако сорваннаго эполета, по требованію дежурнаго по полку и караульнаго офицера, равно и самого полковаго командира, не отдалъ, отзываясь, что добровольно его не отдастъ, а пускай отнимутъ насильно.

Въ учрежденной надъ Шкабло при полку за означенный дерзкій поступокъ, по распоряженію инспектора учебныхъ карабинерныхъ полковъ генералъ-лейтенанта Фролова, военно-судной коммисіи, Шкабло отвѣтовъ не далъ, отзываясь, что при полку судиться не желаетъ; однако же когда по дошедшему свѣдѣнію о неправильныхъ дѣйствіяхъ самого Ефремова, московскій военный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ о семъ слѣдствія при московскомъ ордонансъ-гаузѣ, куда вытребованъ былъ и Шкабло, то онъ на первомъ же допросѣ, признавшись въ дерзкомъ поступкѣ своемъ противъ подпоручика Ефремова, объяснилъ, что беззаконныя дѣйствія Ефремова въ *поруганіи его вѣры*, безвинныя наказанія его единовѣрцевъ и страхъ, сверхъ понесенныхъ отъ Ефремова побоевъ, быть еще жесточе наказану, привели его въ азартъ и самозабвеніе до того, что онъ сорвалъ съ него эполетъ, котораго не отдалъ по требованію полковаго командира *для того, чтобы поступокъ его не былъ скрытъ предъ начальствомъ*, и Ефремовъ не могъ бы по прежнему продолжать свои беззаконныя дѣйствія; но обдумавъ теперь свое преступленіе, онъ Шкабло раскаевается въ ономъ, и умоляетъ объ испрошеніи ему милосердія Государя Императора во уваженіе безпорочной его службы, и того, что онъ вовлеченъ въ преступленіе беззаконными дѣйствіями начальника.

Въ военномъ судѣ при московскомъ ордонансъ-гаузѣ, барабан-

щикъ Шкабло подтвердилъ данныя имъ при слѣдствіи показанія *).

Генералъ-аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, нашелъ, что подсудимый барабанщикъ Шкабло за дерзкій его поступокъ противъ подпоручика Ефремова, съ коего онъ сорвалъ эполетъ, на основаніи законовъ подлежитъ строгому наказанію шпицрутенами и ссылкѣ въ каторжную работу; но принимая въ уваженіе: во первыхъ, что онъ вовлекся въ это преступленіе по поводу противозаконныхъ дѣйствій самого подпоручика Ефремова, оказавшаго пренебреженіе даже къ религіознымъ еврейскимъ обрядамъ, и въ изступленіи отъ угрозъ его жестокимъ безъ вины наказаніемъ, и во вторыхъ, прежнюю его Шкабло службу, хорошее поведеніе, и чистосердечное раскаяніе предъ судомъ въ своемъ поступкѣ, генералъ-аудиторіатъ долгомъ счелъ представивъ о семъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, всеподданнѣйше ходатайствовать: о смягченіи заслуженнаго имъ Шкабло наказанія, замѣнивъ оное тѣмъ, чтобы Шкабло наказать шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ два раза, и вмѣсто каторжной работы отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства въ разрядъ всегдашнихъ арестантовъ.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата 22 августа 1846 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія.

О фельдфебелѣ Максимѣ Тищенко, нанесшемъ два удара по лицу капитану Горбунову.

Лейбъ-гвардіи егерскаго полка фельдфебель Максимъ Тищенко былъ прикомандированъ къ школѣ кантонистовъ того полка для завѣдыванія оною и обученія кантонистовъ фронтовой службѣ. 19 сентября 1843 года, когда полковой казначей капитанъ Горбуновъ, (подъ начальствомъ коего находилась эта школа), осмат-

*) Подпоручикъ Ефремовъ, изобличенный по слѣдствію въ вышеизложенныхъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ показаніями подъ присягою многихъ евреевъ и христіанъ, — преданъ военному суду по Высочайшему повелѣнію при московскомъ ордонансъ-гаузѣ особо отъ сего дѣла. *Прим. изд.*

ривая оную, нашелъ безпорядки и ударилъ за это Тищенку нѣсколько разъ по лицу рукою, — то Тищенко бросился на капитана Горбунова и нанесъ ему два удара по лицу рукою, при бывшихъ тамъ другихъ нижнихъ чинахъ и кантонистахъ. Потомъ, бывъ схваченъ, произнесъ къ капитану Горбунову: «теперь «дѣлайте, что хотите. Вы въ головѣ моей не оставили косточки «не разбитой; погубили вы мое семейство; я пропалъ, и вамъ не «хорошо». Съ тѣмъ вмѣстѣ Тищенко сказалъ еще капитану Горбунову, что не только претерпѣвалъ отъ него побои въ школѣ, но и на квартирѣ, а зимою во время морозовъ, приходя за приказаніемъ и ожидая по нѣскольку часовъ на галлереи, ознабливалъ ноги.

Все это фельдфебель Тищенко подтвердилъ и предъ военнымъ судомъ, объяснивъ, что капитанъ Горбуновъ, прійдя 19 сентября въ школу, принимался бить его *шесть разъ*, а именно: за испорченный на столѣ лакъ, за неисправность шинелей на кантонистахъ, за то, что гимнастическія принадлежности были не на своемъ мѣстѣ, за нечистоту постели у одного кантониста, за безпорядки въ укладкѣ фехтовальнаго инструмента, и наконецъ за разорванный кроватный чехолъ. Отъ послѣднихъ ударовъ, онъ Тищенко совершенно потерялся, и въ такомъ положеніи учинилъ преступленіе.

Бывшій тогда дежурнымъ по школѣ унтеръ-офицеръ Крыловъ подъ присягою подтвердилъ показаніе подсудимаго Тищенка, что нѣсколько разъ капитанъ Горбуновъ принимался бить его Тищенка при осмотрѣ 19 сентября школы.

Находившіеся тогда въ школѣ, унтеръ-офицеры того же полка: Павловъ и Соколовъ показали, что капитанъ Горбуновъ принимался бить фельдфебеля только два раза; а при уликѣ ихъ унтеръ-офицеромъ Крыловымъ, въ несправедливости сего, отозвались запамятованіемъ.

Самъ капитанъ Горбуновъ объяснилъ, что фельдфебель Тищенко, въ настоящемъ году началъ оказывать нерадѣніе въ отношеніи соблюденія чистоты и опрятности въ школѣ, за что онъ Горбуновъ иногда бранилъ его, а иногда и билъ по щекѣ, но очень рѣдко; а 19 сентября, найдя безпорядокъ и неопрятность въ шкафахъ, въ коихъ были кантонистскія вещи и фехтовальныя принадлежности, равно и нечистоту въ школѣ, ударилъ Тищенку

по лицу и объявилъ, что онъ будетъ удаленъ изъ школы, а потомъ за разорванный чехолъ и за отговорку также ударилъ его разъ до 5-ти рукою по лицу. Послѣ того, когда онъ Горбуновъ проходя по школѣ, остановился у окна,—Тищенко мгновенно бросился на него, и нанесъ ему кулакомъ по виску два удара.

Въ отношеніи прежняго обращенія капитана Горбунова съ фельдфебелемъ Тищенкой, показаній свидѣтелей не отобрано, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ унтеръ-офицеровъ: Павлова и Соколова, которые объяснили, что Горбуновъ и прежде за неисправность бранилъ Тищенку, *) а иногда и билъ, но какъ и когда, не припомнятъ.

Командующій отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Кноррингъ полагалъ: 1) подсудимаго фельдфебеля Тищенку, лишивъ имѣющихся у него на рукавѣ мундира нашивокъ и разжаловавъ въ рядовые, наказать шпицрутенами чрезъ тысячу человѣкъ пять разъ, и по выключкѣ изъ военнаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу; 2) капитана Горбунова, во уваженіе постоянно отлично-усердной его службы, арестовать на одинъ мѣсяцъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, а полковому командиру генералъ-маіору барону Соловьеву за допущеніе находиться при школѣ кантонистовъ постоянно строевымъ нижнимъ чинамъ, вопреки существующихъ постановленій, сдѣлать строжайшій выговоръ.

Генералъ-аудиторіатъ, соглашаясь съ мнѣніемъ командующаго отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ, полагалъ: 1) подсудимаго фельдфебеля Тищенку, за нанесеніе начальнику своему капитану Горбунову ударовъ по лицу рукою, на основаніи свода военныхъ постановленій военно-уголовнаго устава кн. 1 ст. 237, лишивъ имѣющихся у него на рукавѣ мундира за безпорочную службу

*) Подсудимый фельдфебель Тищенко 34 лѣтъ отъ роду; въ службѣ состоялъ съ 1827 года, происходилъ изъ солдатскихъ дѣтей бывшаго кіевскаго отдѣленія; былъ унтеръ-офицеромъ съ 1834 года; фельдфебелемъ съ 1837 года; по слабости здоровья былъ смѣщенъ въ 1840 году въ унтеръ-офицеры, а въ 1841 году опять произведенъ въ фельдфебели. Въ штрафахъ не былъ, поведенія по удостовѣренію полковаго командира былъ хорошаго; за 15-ти лѣтнюю службу имѣлъ на лѣвомъ рукавѣ мундира двѣ нашивки.

нашивокъ и унтеръ-офицерскаго званія, наказать шпицрутенами, прогнавъ через тысячу человѣкъ пять разъ, и по выключкѣ изъ военнаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. 2) Капитана Горбунова, который, замѣчая нерадѣніе по службѣ фельдфебеля Тищенка, не доводилъ о томъ до свѣдѣнія полковаго командира, а 19 сентября 1843 года, при осмотрѣ бывшей въ вѣдѣніи Тищенка школы кантонистовъ, взыскивая съ него за найденныя неисправности, наносилъ ему побои по лицу рукою за каждую неисправность, такъ что принимался тогда бить его до 6-ти разъ, чѣмъ и возбудилъ его къ дерзости противъ себя, арестовать на одинъ мѣсяцъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, со внесеніемъ сего штрафа въ формулярный списокъ. 3) Командиру л. гв. егерскаго полка, генералъ-маіору барону Соловьеву, за прикомандированіе къ школѣ кантонистовъ, вопреки 1-го примѣчанія къ ст. 1687 свода военныхъ постановленій части 1, книги 3, вмѣсто инвалидовъ, фельдфебеля Тищенку и другихъ строевыхъ нижнихъ чиновъ,—сдѣлать строгой выговоръ, не лишая его правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ.

14 октября 1843 г. это заключеніе генералъ-аудиторіата удостоилось Высочайшаго утвержденія, съ тѣмъ: «чтобы начальнику дивизіи и бригадному командиру сдѣлано было замѣчаніе за то, что они не знали о происходившемъ лейбъ-гв. въ егерскомъ полку безпорядкѣ, и своевременно не отвратили онаго; но замѣчанія сего въ формулярные ихъ списки не вносить.

О подпоручикѣ Левицкомъ, учинившемъ въ пьяномъ видѣ драку съ каптенармусомъ Комаровымъ и его тещею.

Подпоручикъ Левицкій, состоя на службѣ въ 16 ротѣ 4 резервнаго баталіона модлинскаго пѣхотнаго полка и квартируя въ селѣ Романковѣ, (верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи), 25 декабря 1858 года принялъ къ себѣ толпу жителей, ходившихъ по селу по случаю праздника, въ томъ числѣ исправлявшаго должность фельдфебеля той роты каптенармуса Комарова съ женою и тремя музыкантами, и угощалъ ихъ

виномъ; но когда жена каптенармуса Комарова, уходя оттуда, хотѣла взять съ собою музыкантовъ, то подпоручикъ Левицкій, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, поссорился съ нею, переломилъ смычекъ у одного изъ музыкантовъ и выгналъ всѣхъ изъ квартиры. Чрезъ нѣсколько времени, музыканты опять пришли къ Левицкому, и онъ прибилъ двоихъ изъ нихъ, а потомъ поилъ ихъ водкою и отправился съ ними къ проживавшему въ томъ селѣ отставному чиновнику Борзенко, гдѣ также музыканты играли, а по уходѣ ихъ, Левицкій оставался тамъ до 11 часа вечера, играя въ карты.

Передъ выходомъ Левицкаго отъ Борзенко, между ними произошелъ споръ оттого, какъ видно изъ объясненія Борзенко, что Левицкій искалъ своихъ галошъ, которыхъ у него не было. Въ это время каптенармусъ Комаровъ, проходя по селенію съ другими нижними чинами для наблюденія за порядкомъ, услышалъ шумъ въ квартирѣ чиновника Борзенко, и узнавъ голосъ подпоручика Левицкаго, приказалъ бывшимъ при немъ нижнимъ чинамъ спрятаться, а самъ ожидалъ, что будетъ далѣе. Шумъ кончился въ квартирѣ Борзенко безъ всякихъ послѣдствій, но когда Левицкій вышелъ отъ него, то кто-то ударилъ въ окно квартиры Борзенко и разбилъ два стекла.

Услышавъ трескъ разбитыхъ стеколъ и увидѣвъ выбѣжавшаго со двора подпоручика Левицкаго, каптенармусъ Комаровъ бросился за нимъ и схватилъ его.—При этомъ Левицкій, защищаясь, ударилъ Комарова по головѣ, а Комаровъ началъ бить его. Бывшій съ Комаровымъ унтеръ-офицеръ Стретюкъ, съ помощію другихъ нижнихъ чиновъ, развелъ Левицкаго и Комарова, но они и послѣ того бросались одинъ на другаго, сперва Левицкій, а потомъ Комаровъ; когда же Комаровъ уведенъ былъ нижними чинами съ мѣста происшествія, а Левицкому унтеръ-офицеръ Стретюкъ предложилъ отправиться на свою квартиру, то Левицкій упалъ на землю и кричалъ, что не можетъ идти, потому что его прибилъ фельдфебель. Оставивъ при Левицкомъ одного рядоваго, унтеръ-офицеръ Стретюкъ пошелъ за подводою, чтобы отвезти на ней Левицкаго, но сей послѣдній вдугъ вскочилъ и убѣжалъ въ квартиру Комарова. Въ то время были тамъ только жена и теща Комарова, и двери были заперты; но Левицкій, стуча въ двери, вынудилъ ихъ впустить его въ комнаты, раздѣлся, легъ

на кровать и требовалъ ружья, чтобы застрѣлить себя, крича что его прибилъ фельдфебель.

Между тѣмъ возвратился на квартиру свою и Комаровъ. Увидѣвъ Левицкаго на кровати, онъ ударилъ жену свою за то, что она впустила его въ квартиру, а Левицкій, вставъ, ударилъ Комарова, который и ушелъ послѣ того къ проживавшему въ томъ же селѣ становому приставу съ жалобою на Левицкаго. Въ отсутствіе Комарова, Левицкій причинилъ ударъ по лицу тещѣ Комарова за то, что она его уговаривала, кричалъ съ неистовствомъ, что его прибили, бросался изъ комнаты, крича, что пойдетъ купаться, наконецъ выбѣжалъ изъ квартиры Комарова раздѣтый и ушелъ на свою квартиру, гдѣ также продолжалъ кричать съ неистовствомъ, доколѣ не уснулъ. На другой день Комаровъ съ тещей пришелъ къ Левицкому на квартиру и просилъ у него прощенія, и Левицкій примирился съ нимъ, подалъ ему руку, поцѣловалъ его и тещу, и угощалъ водкою, а послѣ того, по приглашенію ихъ, самъ былъ у нихъ и пилъ тамъ чай и водку.

При производствѣ слѣдствія, всѣ разсказанные нами поступки подпоручика Левицкаго подтверждены показаніями свидѣтелей, а дѣйствительность бывшей между имъ и Комаровымъ драки, подтвердилась оказавшимися у нихъ по медицинскому освидѣтельствованію, причиненными ими другъ другу поврежденіями. Самъ подсудимый утвердилъ, что нанесъ Комарову ударъ, защищая себя, когда Комаровъ напалъ на него; причемъ не отвергая и прочихъ поступковъ своихъ, отозвался только, что послѣ причиненныхъ ему Комаровымъ побоевъ *) сдѣлался такъ боленъ, что не помнитъ происходившаго съ нимъ.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи Левицкаго чрезъ пять дней послѣ происшествія, въ немъ замѣтны были признаки бѣлой горячки, отъ которой онъ и былъ пользованъ.

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ, что подсудимый подпоручикъ Левицкій, состоя на службѣ въ 4 резервномъ баталіонѣ модлинскаго пѣхотнаго полка, 25 декабря

*) Каптенармусъ Комаровъ за причиненіе подпоручику Левицкому побоевъ сужденъ былъ особо, и по рѣшенію генералъ-аудиторіата 26 іюля 1860 года наказанъ шпицрутенами и сосланъ въ каторжную работу на заводахъ на четыре года. *Прим. изд.*

1858 года, бывъ въ нетрезвомъ видѣ, сперва вошелъ въ неприличное званію своему обращеніе съ исправлявшимъ должность фельдфебеля каптенармусомъ Комаровымъ, котораго вмѣстѣ съ женою и другими обывателями угощалъ у себя въ квартирѣ, а потомъ произвелъ ссору и прибилъ бывшихъ у него двухъ музыкантовъ; послѣ того произвелъ шумъ въ квартирѣ отставнаго чиновника Борзенко, у котораго игралъ въ карты, а по выходѣ отъ него, бывъ остановленъ каптенармусомъ Комаровымъ, проходившимъ по улицѣ съ другими нижними чинами для наблюденія за порядкомъ, произвелъ съ нимъ драку, причемъ Комаровъ прибилъ его; затѣмъ, въ виду нижнихъ чиновъ, Левицкій валялся на улицѣ по землѣ, крича, что Комаровъ прибилъ его; послѣ того прибѣжавъ на квартиру Комарова и раздѣвшись, легъ на кровать его, требовалъ ружья, изъявляя намѣреніе застрѣлить себя, снова причинилъ ударъ Комарову, когда онъ возвратился на квартиру свою, прибилъ тещу его, и наконецъ ушелъ оттуда раздѣтый; но на другой день, когда Комаровъ прійдя къ нему, просилъ у него прощенія, Левицкій примирился съ нимъ, и давъ ему руку, поцѣловалъ его и угощалъ водкою, а послѣ того и самъ былъ у Комарова на квартирѣ, гдѣ также пилъ водку и чай. Все это доказано: свидѣтельскими показаніями, а отчасти и собственнымъ показаніемъ подсудимаго, и оказавшимися при медицинскомъ освидѣтельствованіи его и Комарова поврежденіями, доказывающими взаимную ихъ драку. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ, находя подсудимаго подпоручика Левицкаго виновнымъ въ неприличныхъ и унизительныхъ для офицерскаго званія поступкахъ, полагалъ: на основаніи 229 ст. 1-й кн. военно-уголов. устава, считать Левицкаго отставленнымъ отъ службы по суду, что и внести въ указъ объ отставкѣ его.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата 26 января 1861 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Объ унтеръ-офицерѣ Иванѣ Жилиномъ, сужденномъ за двоеженство.

Унтеръ-офицеръ Жилинъ, находясь на службѣ въ бутырскомъ пѣхотномъ полку, вступилъ 14 іюля 1840 г. (какъ видно изъ

выписки изъ метрическихъ книгъ церкви бутырскаго пѣхотнаго полка) въ первый бракъ съ мѣщанкою г. Козельска, дѣвицею Татьяною Ивановою, и съ нею вмѣстѣ проживалъ и по выходѣ въ отставку въ 1845 г. Въ 1856 году, когда Жилинъ вновь поступилъ по призыву добровольно на службу въ бутырскій же пѣхотный полкъ, послѣдовало 6 іюня того года циркулярное распоряженіе инспекторскаго департамента военнаго министерства за № 67, чтобы во всѣхъ полкахъ и командахъ, на всѣхъ нижнихъ чиновъ, на которыхъ почему бы то ни было не имѣлось формулярныхъ списковъ, оные были составлены со словъ самихъ нижнихъ чиновъ, и потомъ повѣряемы чрезъ собраніе надлежащихъ свѣдѣній.

Вслѣдствіе этого унтеръ-офицеръ Жилинъ въ 1857 году, исправляя въ полку должность фельдфебеля 9 роты, въ составленномъ имъ самимъ формулярномъ спискѣ показалъ себя вдовымъ, а 9 октября 1858 г. испросилъ отъ полковаго начальства разрѣшеніе на вступленіе во второй бракъ съ дочерью пономаря саратовскаго уѣзда, села Озерокъ, Астафія Ивановскаго, дѣвицею Анною, съ которою 19 октября 1858 г. былъ повѣнчанъ въ селѣ Озеркахъ.

Затѣмъ 31 числа того же мѣсяца, въ полку полученъ былъ отъ начальника 24 пѣхотной дивизіи запросъ, которымъ, согласно просьбѣ, поданной первою женою унтеръ-офицера Жилина Татьяною Ивановою, требовалось свѣдѣніе: о мѣстѣ нахожденія мужа ея?

По предъявленіи этого запроса Жилину и по заведеніи объ этомъ дѣла, онъ сначала удостовѣрялъ, что первая его жена въ январѣ мѣсяцѣ 1856 года, во время слѣдованія его на вторичную службу, умерла при проходѣ чрезъ омскую область и похоронена имъ въ неизвѣстномъ ему фортѣ. Когда же первая его жена, доставила присланное имъ къ ней собственноручное его письмо отъ 6 ноября 1858 г., въ которомъ онъ, извѣщая объ арестованіи его за подложное вступленіе во второй бракъ, просилъ ее, чтобы она при допросѣ назвалась его сестрою или снохою, и представлялъ, что въ противномъ случаѣ вся служба его пропадетъ, то подсудимый Жилинъ, признавая это письмо собственноручнымъ, объяснилъ, что показалъ себя вдовымъ потому, что оставивъ жену свою въ г. Ишимѣ больною, и не получивъ

потомъ отъ нея на всѣ его письма никакого отвѣта, думалъ, что она умерла, тѣмъ болѣе, что объ этомъ ему сказали неизвѣстные инвалидные солдаты въ г. Ялуторовскѣ.

Въ военномъ судѣ подсудимый Жилинъ подтвердилъ отобранныя отъ него при слѣдствіи показанія, а на сдѣланный ему военнымъ судомъ вопросъ: почему онъ не довелъ до свѣдѣнія начальства о возникшемъ сомнѣніи относительно жизни первой его, жены и не удостовѣрившись, какъ слѣдуетъ, прямо отмѣтилъ себя вдовымъ,—Жилинъ показалъ, что не доложилъ начальству о смерти первой своей жены, (о чемъ узналъ частнымъ образомъ), до основательнаго въ этомъ удостовѣренія, и считая слухъ о смерти первой жены достовѣрнымъ, онъ, Жилинъ, при составленіи формуляра написалъ себя вдовымъ.

Первая жена Жилина подтвердила, что онъ оставилъ ее въ 1855 г. въ г. Ишимѣ дѣйствительно больною, но что на два письма его, писанныя къ ней со времени ихъ разлуки, она отвѣчать не могла, потому что въ нихъ не былъ означенъ адресъ мужа.

Рѣшеніемъ святѣйшаго правительствующаго сvнода отъ 29 іюля 1860 г., по разсмотрѣніи слѣдственнаго дѣла о подсудимомъ Жилинѣ, опредѣлено: бракъ унтеръ-офицера Жилина съ первою его женою Татьяною Ивановою, вслѣдствіе нежеланія послѣдней быть съ Жилинымъ въ сожитіи, расторгнуть, а бракъ его съ Анною Евстафьевою считать недѣйствительнымъ; самого Жилина за вступленіе въ противозаконный бракъ подвергнуть церковному покаянію на семь лѣтъ подъ надзоромъ духовнаго отца его. Солдаткѣ Татьянѣ Ивановой и пономарской дочери Аннѣ Евстафьевой дозволить, если пожелаютъ, вступить въ новыя супружества, а Жилина оставить на всегда безбрачнымъ. Священника же села Озерокъ съ причтомъ, повѣнчавшихъ унтеръ-офицера Жилина на основаніи разрѣшенія военнаго начальства и свидѣтельства поручителей, какъ ни въ чемъ не виновныхъ, отъ всякой отвѣтственности освободить.

Генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго унтеръ-офицера Жилина виновнымъ: въ подложномъ показаніи себя по формулярному списку вдовымъ безъ надлежащаго удостовѣренія въ смерти своей жены, и противозаконнымъ посредствомъ этого подлога вступленіи во второй бракъ, полагалъ: 1) подсудимаго Жилина, на основаніи 60 ст. пункт. 39 и ст. 543 кн. 1 воен.

угол. устава, согласно съ мнѣніемъ командира 6 армейскаго корпуса, лишить унтеръ-офицерскаго званія, серебряной медали съ надписью «за усердіе», двухъ нашивокъ за 15-лѣтнюю безпорочную службу, двухъ золотыхъ нашивокъ за отказъ отъ офицерскаго чина, и за добровольное поступленіе на вторичную службу и соединенныхъ съ этими отличіями правъ и преимуществъ, опредѣлить на службу рядовымъ по распоряженію инспекторскаго департамента. Сверхъ того, согласно рѣшенію святѣйшаго правительствующаго сѵнода, оставивъ подсудимаго Жилина навсегда безбрачнымъ, подвергнуть его за противозаконное вступленіе во второй бракъ при жизни первой жены церковному покаянію на семь лѣтъ подъ надзоромъ духовнаго его отца; и 2) бывшему командиромъ 9 роты бутырскаго пѣхотнаго полка, въ которой состоялъ на службѣ подсудимый Жилинъ, маіору Глоба-Михайловскому, и бывшему адъютантомъ того же полка, впослѣдствіи уволенному отъ службы поручику Прорвичу 2, объявить строгій выговоръ за упущеніе ихъ въ томъ, что не повѣрили составленнаго подсудимымъ Жилинымъ формулярнаго списка, съ имѣвшимися въ полку свѣдѣніями о прежней его службѣ и съ указомъ объ его отставкѣ, чрезъ что допустили сдѣланный Жилинымъ подлогъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему, въ С.-Петербургѣ, 19 января 1861 г.».

О казакѣ Филимонѣ Яковлевѣ, выдавшемъ свою дочь Марину вторично замужъ, при жизни ея перваго мужа.

Наслѣдницкое станичное правленіе 6-го октября 1853 года донесло полковому правленію оренбургскаго казачьяго войска № 4 полка, что отставной казакъ Филимонъ Яковлевъ, будучи женатъ вторымъ бракомъ, имѣлъ отъ первой жены дочь Марину, которую при возвращеніи изъ отпуска въ декабрѣ 1852 года, увезъ отъ мужа безъ письменнаго вида въ Екатерининскій выселокъ, и въ іюлѣ 1853 года выдалъ замужъ за казачьяго сидѣнка Сидора

Евдокимова. Впослѣдствіи-же Марина, по семейнымъ неудовольствіямъ, обнаружила, что до настоящаго замужества она была уже замужемъ за крестьяниномъ села Акташа, Дмитріемъ Абросимовымъ, который и остался на прежнемъ ея жительствѣ.

При слѣдствіи *Марина* показала, что отецъ ея, пріѣхавъ для свиданія съ нею, зимою 1853 года, въ село Акташъ, уговаривалъ ее тайно отправиться съ нимъ въ Екатериненскій выселокъ, обольщая надеждой, что ей тамъ лучше будетъ жить; согласясь на это предложеніе, она Марина условилась въ отцемъ, чтобы онъ уѣхалъ изъ села Акташа одинъ, а чрезъ двѣ недѣли прибылъ за нею ночью въ близь-лежащій лѣсъ, гдѣ она будетъ ждать его: такъ и было сдѣлано. При проѣздѣ съ нею въ Екатерининскій выселокъ глухими дорогами, чрезъ неизвѣстныя ей Маринѣ деревни, отецъ ея каждую ночь ходилъ на кражу лошадей, для чего имѣлся у него и запасный хомутъ, но это сначала не удавалось, а потомъ близь какой-то деревни онъ поймалъ и увелъ съ собою рыжаго жеребца, а не доѣзжая крѣпости Уртазымской захватилъ изъ башкирскаго табуна чалаго мерина. Сверхъ того, во время этого проѣзда, отецъ ея, Марины, склонялъ ее къ прелюбодѣянію съ нимъ, и хотя она отвергала это и бѣгала отъ него, но онъ насильно принудилъ ее совершить съ нимъ преступленіе, а затѣмъ, по прибытіи въ Екатерининскій выселокъ, она имѣла съ нимъ любовную связь уже по собственному согласію до тѣхъ поръ, пока онъ не выдалъ ее въ замужество за сидѣнка Евдокимова. Въ бракъ этотъ она Марина вступила называя себя дѣвицею и скрывая по наущенію отца, законное супружество съ крестьяниномъ Абросимовымъ.

Противу сего подсудимый *Яковлевъ* объяснилъ, что въ бытность его въ отпуску на прежнемъ жительствѣ въ дер. Урсаевой у родной дочери своей крестьянки Ларіоновой, онъ заѣзжалъ и въ село Акташъ къ другой дочери, Маринѣ Абросимовой, которую онъ тайно и увезъ съ собою, такъ какъ житье ей было тамъ худое отъ свекра и свекрови. По возвращеніи домой, онъ Яковлевъ, дѣйствительно называлъ дочь Марину дѣвицей, но въ замужество за Евдокимова она вышла безъ его согласія. Что-же касается до показанія ея о любовной съ нимъ связи и кражѣ лошадей, то это несправедливо; имѣющихся у него лошадей, мерина чалаго, онъ купилъ при возвращеніи изъ отпуска въ дер.

Малеуской, стерлитамакскаго уѣзда, а рыжаго жеребца — въ г. Уфѣ. Въ этомъ показаніи подсудимый Яковлевъ утвердился и на очной ставкѣ съ дочерью Мариною, которая тоже осталась при своемъ объясненіи.

Жена подсудимаго *Ѳекла* отозвалась, что она слышала отъ мужа, что на прежнемъ жительствѣ его отъ первой жены есть у него дочь, но замужняя-ли она или дѣвица, того онъ не говорилъ; означенную дочь онъ привезъ съ собой домой подъ видомъ дѣвицы, и хотѣлъ выдать ее въ замужество за казака Попова, но она вышла за сидѣнка Евдокимова; приведенныя мужемъ ея изъ отпуска двѣ лошади, пріобрѣтены ли имъ покупкою или воровствомъ, она Ѳекла не знаетъ, и въ любовной связи съ дочерью Мариною его не замѣчала.

Согласно съ этимъ показали: сынъ Ѳеклы отъ перваго брака — *Жуковъ* и *жена* его, присовокупивъ, что имъ неизвѣстно, были ли у вотчима ихъ дочери на прежнемъ его жительствѣ.

Наслѣдницкое станичное правленіе отозвалось, что на повѣнчаніе дѣвицы Марины Яковлевой, (оказавшейся впослѣдствіи женою крестьянина Абросимова), съ казачьимъ сидѣнкомъ Евдокимовымъ, выдано было правленіемъ такого содержанія свѣдѣніе: чтобы ихъ сочетать бракомъ, если не окажется съ ихъ стороны законныхъ препятотвій.—Свѣдѣніе это выдано на основаніи объясненія самого Яковлева, что на прежнемъ жительствѣ онъ имѣлъ отъ первой жены дочь Марину, которую привезъ оттуда по случаю смерти матери, и желалъ выдать ее замужъ, а прежде онъ не заявлялъ объ ней въ правленіи. Что-же касается до того, что Марина проживала нѣкоторое время, именно 10-тъ дней, безъ письменнаго вида, то на это обстоятельство не обращено станичнымъ правленіемъ должнаго вниманія потому, что Марина находилась въ домѣ роднаго отца. Означенное свѣдѣніе подписано: урядникомъ Осинскимъ, судьей Серебряковымъ и писаремъ Вьюшковымъ.

На допросахъ урядникъ *Осинскій* пояснилъ, что къ дочери казака Яковлева сватались казаки Поповъ, Гладышевъ и Баевъ, о чемъ извѣстно было всему обществу, но она имъ отказала, а изъявила желаніе выйти замужъ за сидѣнка Евдокимова; изъ снисхожденія къ послѣднему, показатель и выдалъ означенное свѣдѣніе; но предварительно сего расправшивалъ казака Яковлева,

дѣйствительно-ли Марина его дочь и не замужняя; Яковлевъ увѣрялъ, что она точно дѣвица, и рождена отъ него на прежнемъ жительствѣ до поступленія его въ военную службу. Казаки Поповъ, Гладышевъ и Баевъ вполнѣ подтвердили сдѣланную на нихъ урядникомъ Осинскимъ ссылку.

Жители Екатерининскаго выселка, удостовѣряя, что казакъ Яковлевъ, дѣйствительно сваталъ дочь Марину за многихъ изъ своего общества, присовокупили, что Марина носила тогда дѣвичій нарядъ, и что свѣдѣніе къ повѣнчанію ея съ Евдокимовымъ выдано было станичнымъ правленіемъ, преимущественно на основаніи удостовѣренія казака Яковлева. Это послѣднее обстоятельство подтвердилъ и казакъ Евдокимовъ.

Между тѣмъ подсудимый *Яковлевъ*, чрезъ пять дней послѣ дачи перваго показанія, объяснилъ, что на пути изъ дер. Урсаевой онъ купилъ только рыжаго жеребца, а чалаго мерина онъ дѣйствительно укралъ, не доѣзжая верстъ 10-ть до крѣпости Уртазымской, и полагаетъ, что онъ принадлежитъ какому либо башкирцу.—Обѣ означенныя лошади были отобраны отъ Яковлева и оцѣнены рыжій жеребецъ въ 8 р., а чалый меринъ въ 10 р. Изъ нихъ жеребецъ палъ, а меринъ, опознанный башкирцемъ 10-го кантона Клысовымъ, возвращенъ ему по принадлежности.

На повальномъ обыскѣ жители екатерининскаго выселка, въ числѣ 24 человѣкъ, одобривъ поведеніе подсудимаго Яковлева, подъ присягою показали, что онъ, лѣтъ семь тому назадъ, отступилъ отъ православія въ расколъ.

Спрошенный противу сего подсудимый Яковлевъ отозвался, что съ 1830 г. лѣтъ 7 или 8-мь онъ дѣйствительно находился въ расколѣ, но потомъ оставилъ оный и содержитъ православную вѣру.

По преданіи военному суду, подсудимый *Яковлевъ* сначала подтвердилъ показанія свои, данныя при слѣдствіи, но затѣмъ объяснилъ, что первоначальное показаніе его объ увозѣ дочери Марины изъ села Акташа несправедливо, потому что показатель въ означенное село не заѣзжалъ; Марина, сдѣлавъ самовольный побѣгъ изъ дома, нагнала его за деревнею Урсаевой въ 50-ти верстахъ; взялъ-же онъ ее съ собой изъ сожалѣнія, такъ какъ она жаловалась на жестокое обращеніе съ нею свекра и свекрови. По прибытіи въ Екатерининскій выселокъ, онъ называлъ ее дѣвицей

съ тою цѣлію, чтобы не сочли ее за бѣглую, а между тѣмъ имѣлъ намѣреніе отвезти ее обратно къ мужу *), но она, узнавъ объ этомъ, самовольно и безъ его Яковлева согласія во время отлучки его изъ дома на полевыя работы вышла за мужъ за Евдокимова **).

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: 1) подсудимаго Яковлева по обвиненію въ изнасилованіи дочери своей и въ кровосмѣшеніи съ нею, на основаніи 340 ст. 2 кн. воен. угол. уст., отъ отвѣтственности освободить, а за содѣйствіе дочери своей къ побѣгу отъ мужа, и вступленію въ новый бракъ съ сокрытіемъ существованія прежняго, а также за кражу двухъ лошадей,—освободивъ, за силою Всемилостивѣйшаго Манифеста 26-го августа 1856 г. отъ тѣлеснаго наказанія, на основаніи 131 и 2123 ст. улож. о наказ. угол. и испр. лишить имѣющихся у него изъ желтой тесьмы двухъ нашивокъ и всѣхъ правъ состоянія, и сослать въ Сибирь на поселеніе. 2) Поступки бывшаго въ 1853 г. начальникомъ наслѣдницкой станицы урядника Осинскаго и судьи Серебрякова, обвиняемыхъ въ допущеніи дочери подсудимаго Марины, проживать въ домѣ отца безъ письменнаго вида, и въ неправильной выдачѣ на повѣнчаніе ея свѣдѣнія, которое основано ими на одинхъ словахъ подсудимаго, предоставить разсмотрѣнію ихъ начальства.

*) Военно-судная коммисія, находя, что это показаніе о самовольномъ выходѣ крестьянки Марины замужъ безъ согласія (будто-бы) подсудимаго Яковлева, противорѣчитъ отзыву станичнаго правленія, оставило оное безъ разслѣдованія, тѣмъ болѣе, что подсудимый не объявлялъ своевременно о поступкѣ дочери.

**) Дѣло о степени вины Марины Абросимовой разрѣшено было указомъ прав. сената отъ 10-го ноября 1857 года, причемъ Марина признана виновною: 1, въ самовольной отлучкѣ изъ жительства, 2, въ проживаніи безъ письменнаго вида въ Екатерининскомъ выселкѣ и 3, во вступленіи во второй бракъ при жизни перваго мужа. За эти преступленія сенатъ опредѣлилъ: крестьянку Абросимову лишить всѣхъ правъ состоянія, и не подвергая тѣлесному наказанію на основаніи Всемилостивѣйшаго Манифеста 26-го августа 1856 года, сослать на житье въ Сибирь въ мѣста, не столь отдаленныя; въ отношеніи же прелюбодѣянія съ отцемъ, оставить ее въ подозрѣніи. Изъ того же указа сената видно, что дѣло это было въ разсмотрѣніи и *правительствующаго синода*, который съ своей стороны, опредѣлилъ: расторгнуть бракъ Абросимовой съ Евдокимовымъ, а священника Базанова, обвѣнчавшаго ихъ, освободить отъ взысканія за силою Всемилостивѣйшаго Манифеста 27-го марта 1855 года.

О коллеж. секретарѣ Викторѣ Лаговскомъ, сужденномъ за обольщеніе и растлѣніе дѣвицы Губановой.

Коллежскій секретарь Лаговскій, состоя на службѣ въ ставропольскомъ полевомъ провіантскомъ коммисіонерствѣ, въ началѣ 1856 года, квартировалъ съ женою и семействомъ въ домѣ сапожнаго мастера Гладушенко, гдѣ проживалъ также съ семействомъ отставной надворный совѣтникъ Губановъ.

Въ это время, именно 15 февраля 1856 года, чиновникъ Губановъ объявилъ ставропольской полиціи, что 3 того февраля Лаговскій, обольстивъ несовершеннолѣтнюю дочь его Марію 14 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, растлилъ ее въ домѣ мѣщанки Стоякиной, гдѣ нанялъ ей квартиру и гдѣ она проживала до 13 февраля.

При словесномъ допросѣ мѣстнымъ частнымъ приставомъ 16 февраля, дѣвица *Губанова*, подтвердивъ объявленіе своего отца, объяснила: что вечеромъ 3 февраля чиновникъ Лаговскій прислалъ за нею извощика, который привезъ ее въ домъ мѣщанки Стоякиной, гдѣ Лаговскій, ожидавшій ее въ отдѣльной комнатѣ, сначала поговорилъ съ нею, а потомъ упросилъ лечь на кровать, и раздѣвшись до бѣлья, легъ возлѣ нея, и при маломъ ея сопротивленіи растлилъ ее; послѣ чего она Губанова, осталась въ домѣ Стоякиной, куда Лаговскій пріѣзжалъ къ ней еще три раза, и каждый разъ имѣлъ съ нею совокупленіе, по ея согласію.

При медицинскомъ осмотрѣ Губановой, произведенномъ 16 февраля, она дѣйствительно оказалась растлѣнною, но на тѣлѣ ея никакихъ знаковъ насилія не найдено, и свидѣтельствовавшій Губанову врачъ, на основаніи собственныхъ отвѣтовъ Губановой и замѣченныхъ при осмотрѣ ея признаковъ, заключилъ, что она была растлѣна безъ изнасилованія, приблизительно около двухъ недѣль, и послѣ растлѣнія имѣла еще нѣсколько разъ сообщеніе съ мущиною.—Свидѣтельство это признано правильнымъ, по разсмотрѣніи, двумя врачами ставропольскаго военнаго госпиталя, и въ тамошней врачебной управѣ.

Послѣ этого, при формальномъ допросѣ, дѣвица *Губанова*, измѣнивъ первоначальное показаніе свое, объяснила, что позна-

комясь съ семействомъ Лаговскаго, она въ концѣ января мѣсяца гостила у нихъ въ теченіи трехъ дней, и потомъ изъявила желаніе переѣхать къ купчихѣ Леонидовой для обученія ея сына; Лаговскій же, узнавъ объ этомъ, началъ отклонять ее отъ поступленія къ Леонидовой, и обѣщалъ помѣстить ее въ семейство какого-то коммисіонера, а до того предложилъ нанять ей квартиру и прислать за нею экипажъ съ тѣмъ, чтобы она Губанова, когда пріѣдетъ экипажъ, сказала отцу, что отправляется жить къ купчихѣ Леонидовой. Повѣривъ Лаговскому, она согласилась на его предложеніе, и когда онъ вечеромъ 3 февраля прислалъ за нею биржеваго извощика, то она увѣрила отца, что ѣдетъ къ Леонидовой, и поѣхала съ извощикомъ, который привезъ ее въ гостинницу купца Поспѣлова; тамъ встрѣтилъ ее Лаговскій, и приведя въ особую комнату, началъ склонять къ любви, страстно цѣловалъ и въ этомъ жару растлилъ ее, причемъ она Губанова ничего не помнила и не понимала и Лаговскому не сопротивлялась и не кричала. Послѣ того Лаговскій отвезъ ее въ домъ мѣщанки Стоякиной, нанялъ тамъ для нея комнату, и въ слѣдующіе четыре дня пріѣзжалъ къ ней по вечерамъ, и каждый разъ имѣлъ съ нею совокупленіе по ея согласію, а 4 и 6 чиселъ привезъ ей чаю, сахару, ситцу и шерстяной матеріи; послѣ же 7 февраля пересталъ бывать у ней, и хотя она посылала къ нему въ коммисіонерство квартировавшаго въ домѣ Стоякиной рядоваго Леонтьева съ запискою, но не получила никакого отвѣта, и 13-го числа извѣстила отца о своемъ положеніи и созналась ему во всемъ случившемся съ нею.

Мѣщанка *Стоякина*, подтвердивъ безъ присяги показаніе дѣвицы Губановой относительно проживанія послѣдней въ домѣ ея съ 3 по 13 февраля, объяснила, что до этого случая она вовсе не знала Губановой; 3 же февраля вечеромъ, Губанова пріѣхала къ ней на извощикѣ вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ офицеромъ, котораго называла Викторомъ Игнатьевичемъ, и который нанялъ для нея комнату, и потомъ пріѣзжалъ къ ней по вечерамъ четыре раза, и привезъ чаю, сахару, ситцу и шерстяной матеріи, но имѣлъ ли тогда означенный офицеръ любовную связь съ дѣвицею Губановою,—она Стоякина не знаетъ; Губанова же сначала называла его своимъ мужемъ, но впослѣдствіи, при мѣщанкѣ Чувичеловой, созналась, что она дѣвица, что офицера, который ѣздилъ

къ ней, зовутъ Викторомъ Лаговскимъ, въ семействѣ котораго она прежде жила гувернанткою, и что тогда Лаговскій лишилъ ее невинности, о чемъ она отъ стыда никому не говорила.

Это вполнѣ подтвердила мѣщанка *Чувичелова*, объясняя, что Губанова, до сознанія въ связи съ Лаговскимъ, часто говорила о немъ, называя его по имени.

Показанія Стоякиной и Чувичеловой подтвердила впослѣдствіи и сама дѣвица *Губанова*, отзываясь, что говорила имъ, будто бы Лаговскій растлилъ её въ то время, когда она жила въ его домѣ, ложно, ибо Лаговскій дѣйствительно растлилъ ее въ гостинницѣ купца Поспѣлова.

Но подсудимый *Лаговскій*, не сознаваясь въ растлѣніи дѣвицы Губановой, показалъ, что хотя Губанова, въ концѣ января 1856 г., жила нѣсколько дней въ его семействѣ, но онъ ея не соблазнялъ, въ гостинницѣ Поспѣлова, и въ домѣ мѣщанки Стоякиной съ нею не былъ, подарковъ ей никакихъ не дѣлалъ и блудной связи съ нею не имѣлъ. Въ началѣ же февраля мѣсяца, получилъ отъ Губановой чрезъ неизвѣстнаго солдата записку о томъ, чтобы предоставить ей какую либо работу отъ семейства его, Лаговскаго. Такое показаніе Лаговскій подтвердилъ на очной ставкѣ съ дѣвицею Губановою, которая также осталась при своемъ показаніи.

При осмотрѣ Лаговскаго 16 февраля 1856 года, на тѣлѣ его и на бѣльѣ ничего подозрительнаго не замѣчено.

По предъявленіи Лаговскаго мѣщанкѣ Стоякиной, сія послѣдняя отозвалась, что не можетъ признать его за офецера, который ѣздилъ въ ея домъ къ дѣвицѣ Губановой, ибо не разсмотрѣла хорошо означеннаго офицера.

Между тѣмъ дѣвица Губанова указала въ г. Ставрополѣ гостинницу купца Поспѣлова, объясняя, что она была съ Лаговскимъ въ комнатѣ подъ № 10.

Служившій въ означенной гостиницѣ при номерахъ, мѣщанинъ *Красильниковъ*, показалъ подъ присягою, что комната подъ № 10, вечеромъ 3 февраля была дѣйствительно занята какимъ-то офицеромъ и дамою; и что дѣвица Губанова похожа на означенную даму, но Лаговскій ли былъ съ нею въ гостиницѣ — онъ Красильниковъ не знаетъ, и признать Лаговскаго не можетъ. При этомъ Красильниковъ объяснилъ, что 1 февраля къ нему въ го-

стинницу пріѣзжалъ какой-то офицеръ и осмотрѣвъ номера, уѣхалъ; потомъ вечеромъ 3 февраля тотъ же офицеръ вновь пріѣзжалъ въ гостинницу, и занявъ комнату подъ № 10, объявилъ, что будетъ ждать жену, которая должна вскорѣ пріѣхать; черезъ нѣсколько минутъ къ означенному офицеру дѣйствительно пріѣхала дама, похожая на дѣвицу Губанову, и оставалась съ нимъ около получаса; но имѣли ли они въ то время блудную связь— онъ Красильниковъ не знаетъ.

Затѣмъ *отецъ* дѣвицы Губановой объявилъ: что, по розыскамъ его въ г. Ставрополѣ, онъ узналъ, что извощикъ, который возилъ его дочь въ гостинницу, былъ крестьянинъ Абакумовъ, служившій кучеромъ у чиновника провіантской коммисіи Васильева.

При допросѣ извощикъ *Абакумовъ*, подтвердивъ объявленіе чиновника Губанова, подъ присягою показалъ: что въ первыхъ числахъ февраля 1856 года неизвѣстный офицеръ, нанявъ его, приказалъ отыскать въ городѣ свободную комнату, и оставивъ его возлѣ одного дома, сказалъ: «вотъ моя нынѣшняя квартира, а когда найдешъ другую, пріѣзжай и спроси Лаговскаго.» Послѣ этого онъ Абакумовъ, нашелъ комнату въ домѣ мѣщанина Стоякина, и возвратясь къ Лаговскому, поѣхалъ съ нимъ по его приказанію въ гостинницу купца Поспѣлова; откуда Лаговскій опять послалъ его на свою квартиру, и приказалъ спросить въ нижнемъ этажѣ Марью Ивановну *); пріѣхавъ къ квартирѣ Лаговскаго, онъ Абакумовъ встрѣтилъ въ передней какую-то барышню, и узнавъ, что ее зовутъ Марьею Ивановною, объявилъ, что онъ присланъ за нею отъ Лаговскаго; послѣ сего она вышла къ нему изъ дома, и онъ привезъ ее въ гостинницу Поспѣлова, гдѣ Лаговскій встрѣтилъ и повелъ ее въ комнату, а черезъ полчаса вышелъ съ нею и приказавъ ѣхать въ домъ мѣщанки Стоякиной, оставилъ тамъ означенную дѣвицу, и уже одинъ отправился къ себѣ на квартиру. Къ сему извощикъ Абакумовъ добавилъ, что обо всемъ вышеизложенномъ онъ расказывалъ своему хозяину чиновнику Васильеву и его женѣ.

Это подтвердили подъ присягою чиновникъ *Васильевъ* и *жена* его, показавъ: что Абакумовъ дѣйствительно однажды гово-

*) Это имя дѣвицы Губановой.

рилъ имъ, что бывъ нанятъ чиновникомъ Лаговскимъ, онъ возилъ его въ гостинницу Поспѣлова, а потомъ по его приказанію привезъ къ нему дѣвицу Марью Губанову, послѣ чего отвезъ ихъ обоихъ въ домъ мѣщанки Стоякиной.

По предъявленіи крестьянину *Абакумову* дѣвицы Губановой и подсудимаго Лаговскаго, онъ признаЛъ ихъ за тѣхъ самыхъ лицъ, съ коими, по показанію его, ѣздилъ въ гостинницу Поспѣлова и въ домъ мѣщанки Стоякиной. Вмѣстѣ съ тѣмъ Абакумовъ указалъ домъ, гдѣ квартировали подсудимый Лаговскій и чиновникъ Губановъ, объясняя, что изъ этого дома онъ отвозилъ въ гостинницу сначала чиновника Лаговскаго, а потомъ, по порученію его, дѣвицу Марью Губанову.

Засимъ надворный совѣтникъ *Губановъ* вновь увѣдомилъ слѣдователя, что, по сдѣланнымъ имъ розыскамъ, онъ узналъ, что ситецъ и шерстяная матерія, которые Лаговскій, по показанію дочери его Губанова, подарилъ ей 6 февраля, были куплены Лаговскимъ въ лавкѣ казака Пустынникова. При новомъ допросѣ, подсудимый *Лаговскій* показалъ: что означенныя вещи были подарены дѣвицѣ Губановой женою его Лаговскаго не 6-го февраля, а вскорѣ послѣ того, какъ Губанова гостила у нихъ нѣсколько дней; что подтвердила и жена Лаговскаго.

Напротивъ, служившій въ лавкѣ казака Пустынникова прикащикомъ, крестьянинъ Мельниковъ подъ присягою показалъ, что упомянутые ситецъ и шерстяная матерія были проданы имъ чиновнику Лаговскому въ долгъ 6 февраля 1856 года. Это подтвердилось по разсмотрѣніи торговой книги казака Пустынникова, въ коей въ числѣ вещей, проданныхъ 6 февраля, оказались записанными ситецъ и шерстяная матерія, показанные проданными чиновнику Лаговскому.

Подсудимый коллежскій секретарь *Лаговскій*, не сознаваясь въ прелюбодѣйной связи съ дѣвицею Губановою, въ оправданіе свое при слѣдствіи показалъ, что вечеромъ 3 февраля, а также въ другіе вечера, указанные дѣвицею Губановою, онъ не могъ быть вмѣстѣ съ нею, ибо 3 февраля находился съ 5 часовъ вечера въ гостяхъ у коммисіонера Тургенева и былъ съ нимъ въ театрѣ, гдѣ видѣлся съ поручикомъ Галіоти; 4 февраля съ 7 до 12 часовъ игралъ въ карты у титулярнаго совѣтника Филипьева

съ чиновниками Шадурскимъ, Лапшинымъ и Прозрителевымъ; 5 февраля былъ съ своимъ семействомъ въ театрѣ, гдѣ его видѣлъ чиновникъ Бабіевскій; 6 же и 7 февраля, по болѣзни, не выходилъ изъ дома и лечился по совѣту доктора Каленкевича.

Вслѣдствіе этого показанія, коммисіонеръ Тургеневъ, поручикъ Галіоти, чиновники Шадурскій, Лапшинъ и Бабіевскій, спрошенные по отводу чиновника Губанова безъ присяги, подтвердили сдѣланныя на нихъ подсудимымъ Лаговскимъ ссылки; докторъ же Каленкевичъ отозвался, что Лаговскій 6 и 7 февраля былъ дѣйствительно боленъ и не могъ выходить изъ дома.

Во время производства сего дѣла, коллежскій секретарь Лаговскій подвергся еще слѣдующимъ обвиненіямъ:

1) При слѣдствіи по жалобѣ дѣвицы Губановой, служившій въ ставропольскомъ полевомъ провіантскомъ коммисіонерствѣ чиновникъ *Янкевичъ* (нынѣ находящійся въ отставкѣ) представилъ слѣдователю, чрезъ подсудимаго Лаговскаго, отзывъ, что въ концѣ января 1856 года неизвѣстный извощикъ, по порученію его Янкевича привозилъ къ нему для блудодѣянія женщину, которая созналась ему, что она дочь надворнаго совѣтника Губанова Марія, и по бѣдности занимается непотребствомъ для пріобрѣтенія пропитанія.

Этотъ отзывъ Янкевичъ подтвердилъ и на формальномъ допросѣ, но потомъ сознался, что написалъ его ложно по просьбамъ и наущенію чиновника Лаговскаго, который обѣщалъ платить ему за то по 15 рублей въ мѣсяцъ, на что онъ Янкевичъ согласился по крайней бѣдности своей.

Но подсудимый Лаговскій, не сознаваясь въ склоненіи Янкевича къ оклеветанію дѣвицы Губановой, отозвался, что показаніе Янкевича по сему предмету не заслуживаетъ вѣроятія, ибо Янкевичъ весьма дурнаго поведенія.

Въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства, по собраннымъ свѣдѣніямъ обнаружено, что чиновникъ Янкевичъ, при крайне бѣдномъ состояніи, постоянно велъ нетрезвую жизнь; вслѣдствіе сего не имѣлъ необходимой одежды и проживалъ въ одной комнатѣ съ мѣщаниномъ Добежемъ, который принялъ его къ себѣ безъ платы, изъ жалости къ его бѣдному положенію. Сверхъ того изъ настоящаго дѣла видно, что слѣдователь, розыскивая

Янкевича для допроса въ продолженіи трехъ дней, нашелъ его при полиціи впредь до протрезвленія.

и 2) Во время производства настоящаго дѣла, по извѣщенію надворнаго совѣтника Губанова, въ ставропольской полиціи возникло особое дѣло по обвиненію коллежскаго секретаря Лаговскаго въ блудной связи съ проживавшею въ г. Ставрополѣ вольноотпущенною женщиною Давыдовою, которая, какъ показали два извощика г. Ставрополя, была привезена ими къ Лаговскому, по его порученію, вечеромъ 5 іюля 1856 года. Но Лаговскій въ блудной связи съ Давыдовою не сознался, объясняя, что вечеромъ 5 іюля онъ вовсе не былъ дома; женщина же Давыдова при допросѣ показала, что проживая въ г. Ставрополѣ, она постоянно занималась непотребствомъ.

Независимо отъ вышеизложеннаго, при производствѣ сего дѣла, надворный совѣтникъ Губановъ, оговорилъ производившаго слѣдствіе пристава ставропольской полиціи Довбню въ незаконныхъ сношеніяхъ съ подсудимымъ Лаговскимъ, объясняя, что Довбня, 17 февраля 1856 года, при немъ Губановѣ получилъ отъ Лаговскаго, чрезъ писаря Ермолова, какой-то пакетъ и положилъ его къ себѣ въ карманъ, а передъ допросомъ служителя гостинницы купца Поспѣлова, мѣщанина Красильникова, имѣлъ съ нимъ секретный разговоръ.—Это обстоятельство подтвердили при допросахъ какъ писарь Ермоловъ, такъ и мѣщанинъ Красильниковъ, причемъ послѣдній показалъ, что приставъ Довбня, передъ допросомъ, призвавъ его къ себѣ, распрашивалъ объ офицерѣ, который вечеромъ 3 февраля пріѣзжалъ къ нему въ гостинницу съ женщиною, и говорилъ: «смотри, объ этомъ будутъ тебя спрашивать, не говори ничего лишняго.»

Но приставъ Довбня въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ подсудимымъ Лаговскимъ не сознался, объясняя, что съ мѣщаниномъ Красильниковымъ описаннаго имъ разговора не имѣлъ; 17-го же февраля получилъ отъ Лаговскаго его отвѣты.—Но изъ дѣла видно, что 17 февраля 1856 года къ приставу Довбнѣ не поступало отъ Лаговскаго никакихъ отвѣтовъ.

Сверхъ того изъ дѣла видно, что слѣдователь, приставъ Довбня, давая по обстоятетьствамъ дѣла мѣщанину Красильникову и купцу Поспѣлову очную ставку, исполнилъ оную, по болѣзни

Красильникова, въ домъ Поспѣлова, но въ актѣ объяснилъ, что очная ставка дана была въ полицейскомъ управленіи *).

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ, что подсудимый коллежскій секретарь Викторъ Лаговскій, состоя на службѣ въ ставропольскомъ полевомъ провіантскомъ коммисіонерствѣ, проживалъ съ женою и семействомъ въ одномъ домѣ съ семействомъ отставнаго надворнаго совѣтника Губанова, и въ февралѣ 1856 года подвергся обвиненію въ обольщеніи и растлѣніи дочери Губанова, Маріи, имѣвшей 14 лѣтъ и 11 мѣсяцевъ, и въ подкупѣ чиновника Янкевича къ оклеветанію дѣвицы Губановой въ блудной съ нимъ связи.—Обвиненіе въ обольщеніи и растлѣніи дѣвицы Губановой возникло на подсудимаго Лаговскаго вслѣдствіе объявленія о томъ отца Губановой, поданнаго 16 февраля 1856 года, причемъ дѣвица Губанова, на допросъ, показала, что проживая въ одномъ домѣ съ чиновникомъ Лаговскимъ, она познакомилась съ его семействомъ, и въ концѣ января 1856 г. гостила у Лаговскихъ въ теченіи трехъ дней; въ это время она изъявила желаніе поступить къ купчихѣ Леонидовой для обученія ея сына; но Лаговскій началъ отклонять ее отъ этого желанія, и обѣщая доставить ей другое мѣсто, предложилъ нанять ей квартиру и прислать за нею экипажъ, съ тѣмъ, чтобы она Губанова, когда пріѣдетъ экипажъ, увѣрила отца, что отправляется жить къ купчихѣ Леонидовой; согласясь на это предложеніе, она Губанова, вечеромъ 3 февраля, когда Лаговскій прислалъ за нею биржеваго извощика, увѣрила отца, что ѣдетъ къ Леонидовой, и поѣхала съ извощикомъ, который привезъ ее въ гостинницу купца Поспѣлова; тамъ ее встрѣтилъ Лаговскій, и приведя въ отдѣльную комнату, началъ склонять къ любви, страстно цѣловалъ и въ это время растлилъ ее, причемъ она Губанова ничего не помня и не понимая, не сопротивлялась Лаговскому и не кричала; послѣ того Лаговскій отвезъ ее на прежнемъ извощикѣ въ домъ мѣщанки Стоякиной, нанялъ тамъ ей комнату, и пріѣзжалъ къ ней четыре раза по вечерамъ, имѣя каждый разъ съ нею по

*) Коллежскій секретарь Викторъ Лаговскій 35 лѣтъ, происходилъ изъ дворянъ, былъ римско-католическаго вѣроисповѣданія; въ службу вступилъ 4 ноября 1842 года писцомъ 3 разряда въ волынскій земскій судъ, послѣ сего служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ до перехода въ ставропольское полевое коммисіонерство 20 декабря 1852 года.

ея согласію совокупленіе; послѣ же 7 февраля перестал бывать у нея, вслѣдствіе чего она 13 февраля извѣстила о своемъ положеніи отца, и созналась ему во всемъ случившемся. Коллежскій секретарь Лаговскій, ни при слѣдствіи, ни въ военномъ судѣ въ прелюбодѣяніи съ дѣвицею Губановою не сознался, показывая, что хотя онъ былъ знакомъ съ Губановою, и она дѣйствительно нѣсколько дней гостила въ его семействѣ но въ гостинницѣ купца Поспѣлова и въ домѣ мѣщанки Стоякиной съ нею не былъ, и что вечеромъ 3 февраля, а равно въ другіе вечера, указанные дѣвицею Губановою, онъ Лаговскій не могъ быть вмѣстѣ съ нею, ибо 6 и 7 февраля былъ боленъ, и по совѣту доктора Каленкевича не выходилъ изъ дома; въ остальные же три дня, два вечера провелъ въ театрѣ, гдѣ видѣлся съ поручикомъ Галіоти, и чиновниками Бабіевскимъ и Тургеневымъ, а одинъ вечеръ игралъ въ гостяхъ въ карты съ знакомыми чиновниками: Лапшинымъ, Шадурскимъ и Прозрителевымъ. Всѣ поименованныя лица, хотя подтвердили сдѣланныя на нихъ подсудимымъ Лаговскимъ ссылки, но свидѣтели эти спрошены безъ присяги, и потому показанія ихъ не имѣютъ силы законнаго доказательства. Притомъ показанія эти совершенно противорѣчатъ другимъ обстоятельствамъ дѣла, коими положительно доказывается прелюбодѣйная связь подсудимаго Лаговскаго съ дѣвицею Губановою, и бытность его вмѣстѣ съ нею въ гостинницѣ купца Поспѣлова и въ домѣ мѣщанки Стоякиной, какъ показала объ этомъ сама Губанова. Обстоятельства эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) при медицинскомъ освидѣтельствованіи дѣвицы Губановой, произведенномъ 16 февраля 1856 г., она оказалась растлѣнною, при чемъ производившій свидѣтельство врачъ, и согласно съ нимъ два врача ставропольскаго военнаго госпиталя и тамошняя врачебная управа, основываясь на оказавшихся при осмотрѣ Губановой признакахъ, заключили, что Губанова была растлѣна безъ изнасилованія, приблизительно около двухъ недѣль, и послѣ растлѣнія имѣла еще нѣсколько разъ сообщеніе съ мущиною. 2) Отысканный въ г. Ставрополѣ извощикъ крестьянинъ Абакумовъ, возившій дѣвицу Марью Губанову и подсудимаго Лаговскаго въ гостинницу купца Поспѣлова, признавъ Лаговскаго и Губанову за тѣхъ самыхъ лицъ, съ коими онъ ѣздилъ въ гостинницу, подъ присягою показалъ: что въ началѣ февраля 1856 г. Ла-

говскій, нанялъ его и указавъ свою квартиру, приказалъ ему отыскать въ городѣ свободную комнату, и потомъ пріѣхать къ нему; отыскавъ комнату въ домѣ мѣщанки Стоякиной, онъ Абакумовъ немедленно возвратился къ Лаговскому и по его приказанію повезъ его въ гостинницу купца Поспѣлова, откуда Лаговскій вновь послалъ его на свою квартиру, поручивъ спросить въ домѣ Марью Ивановну (имя и отчество дѣвицы Губановой); когда же онъ Абакумовъ встрѣтилъ въ передней дѣвицу Губанову и объявилъ, что онъ присланъ отъ Лаговскаго, то она поѣхала съ нимъ въ гостинницу Поспѣлова, гдѣ Лаговскій пробылъ съ нею полчаса, и отвезъ Губанову въ домъ мѣщанки Стоякиной, а потомъ одинъ отправился съ нимъ Абакумовымъ на свою квартиру. Вмѣстѣ съ симъ Абакумовъ указалъ домъ, въ которомъ квартировали: подсудимый Лаговскій и отецъ дѣвицы Губановой. 3) Хозяева извощика Абакумова, чиновникъ Васильевъ и жена его, бывъ спрошены по ссылкѣ Абакумова, подъ присягою засвидѣтельствовали: что Абакумовъ разсказывалъ имъ, что бывъ нанятъ подсудимымъ Лаговскимъ, возилъ его въ гостинницу купца Поспѣлова, куда, по порученію Лаговскаго, привезъ къ нему дѣвицу Губанову, а потомъ отвезъ ихъ обоихъ въ домъ мѣщанки Стоякиной. 4) Сама дѣвица Марья Губанова указала гостинницу купца Поспѣлова, объявивъ, что была тамъ съ Лаговскимъ въ комнатѣ подъ № 10. Служитель же гостинницы мѣщанинъ Красильниковъ подъ присягою показалъ, что комната подъ № 10 вечеромъ 3 февраля была дѣйствительно занята неизвѣстною дамою и офицеромъ, который называлъ ее женою и пробылъ съ нею въ гостинницѣ около получаса; при этомъ Красильниковъ хотя не могъ признать подсудимаго Лаговскаго за упомянутаго офицера, но объявилъ, что дѣвица Губанова похожа на даму, бывшую съ тѣмъ офицеромъ. 5) Мѣщанка Стоякина, спрошенная по ссылкѣ дѣвицы Губановой, подтвердивъ, что Губанова проживала въ ея домѣ съ 3 по 13 февраля, безъ присяги удостовѣрила, что Губанова пріѣхала къ ней вечеромъ 3 февраля вмѣстѣ съ какимъ-то офицеромъ, который нанялъ для нея комнату, и потомъ четыре раза пріѣзжалъ къ ней по вечерамъ, причемъ Губанова сначала называла его своимъ мужемъ, а потомъ созналась, что она дѣвица, и была растлѣна означеннымъ офицеромъ. Затѣмъ мѣщанка Стоякина, хотя не могла признать Ла-

говскаго, но при допросѣ объяснила его имя, отчество и фамилію, показывая, что этимъ именемъ и фамиліею Губанова называла ѣздившаго къ ней офицера. 6) Квартировавшая въ домѣ мѣщанки Стоякиной, мѣщанка Чувичелова безъ присяги показала: что дѣвица Губанова часто разговаривала съ нею о посѣщавшемъ ее офицерѣ, называя его Викторомъ Игнатьевичемъ Лаговскимъ, и сознавалась, что была имъ растлѣна. И наконецъ 7) дѣвица Губанова показала, что Лаговскій, пріѣзжая къ ней въ домъ мѣщанки Стоякиной, дѣлалъ ей разные подарки, и 4 февраля привезъ чаю и сахару, а 6 числа подарилъ на платье ситцу и шерстяной матеріи. Это подтвердила и мѣщанка Стоякина. Подсудимый же Лаговскій, отказываясь отъ подарка означенныхъ вещей, хотя показалъ, что ситецъ и шерстяная матерія были подарены Губановой его женою въ концѣ января 1856 года, что подтвердила и жена Лаговскаго; но отзывы эти оказались несправедливыми, ибо спрошенный при производствѣ дѣла прикащикъ находящейся въ г. Ставрополѣ лавки казака Пустынникова подъ присягою удостовѣрилъ, что упомянутые ситецъ и матерія были проданы имъ самимъ чиновнику Лаговскому въ долгъ 6 февраля 1856 г., что вполнѣ подтвердилось справкою въ торговой книгѣ лавки Пустынникова, гдѣ упомянутые ситецъ и матерія записаны проданными подсудимому Лаговскому 6 февраля, т. е. въ тотъ самый день, когда они, по показанію дѣвицы Губановой, были привезены ей Лаговскимъ въ домъ мѣщанки Стоякиной.—Относительно обвиненія коллежскаго секретаря Лаговскаго *въ подкупѣ* чиновника Янкевича къ оклеветанію дѣвицы Губановой въ блудной жизни, изъ настоящаго дѣла видно: что, при слѣдствіи по жалобѣ Губановой, Янкевичъ написалъ и передалъ чрезъ Лаговскаго слѣдователю отзывъ, что въ концѣ января 1856 года неизвѣстный извощикъ привозилъ къ нему женщину, которая имѣла съ нимъ блудодѣяніе, и потомъ созналась ему, что она дочь надворнаго совѣтника Губанова, Марія, и по бѣдности занимается непотребствомъ. Впослѣдствіи же Янкевичъ, отказавшись отъ означеннаго отзыва, объявилъ, что написалъ его по наущенію подсудимаго Лаговскаго, который обѣщалъ ему за то платить ежемѣсячно по 15 рублей, на что онъ Янкевичъ согласился по крайней своей бѣдности. Но Лаговскій въ подкупѣ чиновника Янкевича къ ложному оклеветанію дѣвицы Губановой не сознался,

и къ обвиненію его въ томъ, кромѣ одного показанія Янкевича, никакихъ доказательствъ нѣтъ. Притомъ показаніе Янкевича не можетъ заслуживать никакого вѣроятія какъ потому, что извѣтъ его противъ дѣвицы Губановой, по собственному его сознанію, сдѣланъ былъ ложно, такъ и по дурному поведенію Янкевича, причемъ изъ дѣла видно, что онъ ежедневно предавался пьянству. — По соображеніи вышеизложеннаго, генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго коллежскаго секретаря Лаговскаго виновнымъ: въ растлѣніи дочери отставнаго надворнаго совѣтника Губанова дѣвицы Марьи, и продолженіи прелюбодѣйной съ нею связи, въ чемъ самъ Лаговскій хотя не сознался, но совершенно уличается вышеприведенными открытыми по дѣлу обстоятельствами. При этомъ изъ дѣла видно, что подсудимый Лаговскій имѣлъ прелюбодѣйную связь съ дѣвицею Губановою *по собственному согласію* самой Губановой, что вполнѣ доказывается тѣмъ: 1) что Губанова, по предложенію Лаговскаго, добровольно уѣхала изъ дома своего отца, съ присланнымъ отъ Лаговскаго извощикомъ, причемъ, по предварительному уговору съ Лаговскимъ, обманула отца, увѣривъ его, что ѣдетъ на пріисканное мѣсто къ одной знакомой купчихѣ; 2) что дѣвица Губанова сама показала, что Лаговскій растлилъ ее безъ всякого съ ея стороны сопротивленія, и потомъ продолжалъ съ нею блудную связь въ особо нанятой для нея квартирѣ, также съ ея собственнаго согласія, и 3) что при медицинскомъ освидѣтельствованіи дѣвицы Губановой, при коемъ она была найдена растлѣнною въ недавнее время, не оказалось у ней никакихъ знаковъ насилія. Принимая въ соображеніе: 1) что дѣвица Губанова, во время растлѣнія, имѣла около 15 лѣтъ отъ роду; 2) что, на основаніи 2076, 2077 и 2078 ст. уложенія о наказаніяхъ уголов. и исправ., растлѣніе признается уголовнымъ преступленіемъ только тогда, когда оно соединено было съ насиліемъ, или хотя происходило безъ насилія, но учинено было надъ дѣвицею, не достигшею 14-ти лѣтняго возраста; 3) что по дѣлу не представляется никакого основанія къ предположенію, чтобы дѣвица Губанова была увлечена подсудимымъ Лаговскимъ въ преступную связь съ нимъ посредствомъ обольщенія обѣщаніемъ жениться на ней, ибо Лаговскій былъ женатъ, о чемъ было извѣстно и самой Губановой, и 4) что, на основаніи 452 ст. 1 кн. военно-уголов. устава

(изд. 1859 г.), дѣла о прелюбодѣяніи лицъ военнаго вѣдомства подлежатъ разбирательству духовнаго правительства, генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) поступокъ подсудимаго коллежскаго секретаря Лаговскаго, заключающійся въ прелюбодѣйной связи съ дѣвицею Марьею Губановою, передать на разсмотрѣніе духовнаго начальства того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ Лаговскій. По обвиненію же въ подкупѣ чиновника Янкевича къ оклеветанію дѣвицы Марьи Губановой въ развратномъ поведеніи, подсудимаго Лаговскаго, какъ не сознавшагося и законно неуличеннаго въ томъ, по силѣ 340 ст. 2 кн. военно-уголовнаго устава (изд. 1859 г.), никакой отвѣтственности не подвергать, и затѣмъ бытность его подъ судомъ, какъ совершенно оправданному въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, *не* считать препятствіемъ къ полученію преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ; равнымъ образомъ возвратить ему и половинное жалованье, если таковое было у него удержано по день увольненія отъ службы. 2) Хранящіеся въ учрежденной по сему дѣлу военно-судной коммисіи чай, сахаръ, ситцевую и шерстяную матеріи, кои были подарены дѣвицѣ Губановой подсудимымъ Лаговскимъ, предоставить въ распоряженіе сего послѣдняго, какъ его собственность, освободивъ притомъ находящійся въ г. Ставрополѣ домъ Лаговскаго отъ запрещенія, которое было наложено по просьбѣ отца дѣвицы Марьи Губановой на случай обезпеченія участи его дочери, и 3) прикосновенные къ сему дѣлу лица обвиняются: а) служившій въ ставропольскомъ полевомъ провіантскомъ коммисіонерствѣ отставной губернскій секретарь Янкевичъ, въ нетрезвомъ поведеніи и въ подачѣ при слѣдствіи по настоящему дѣлу, ложнаго отзыва о блудной связи съ нимъ дѣвицы Марьи Губановой, б) мѣщанка г. Ставрополя Стоякина въ держаніи у себя на квартирѣ дѣвицы Губановой въ теченіи двухъ недѣль безъ письменнаго вида; в) проживающая въ г. Ставрополѣ вольноотпущенная женщина Давыдова въ распутной, по собственному ея сознанію, жизни; г) бывшій по сему дѣлу слѣдователемъ, приставъ ставропольской полиціи Довбня, въ допущеніи безпорядка при производствѣ слѣдствія, заключающагося въ томъ, что, при дачѣ очной ставки мѣщанину Красильникову съ купцомъ Поспѣловымъ, неправильно написалъ въ актѣ, что очная ставка дана была въ полицейскомъ управленіи, тогда какъ она

происходила въ домѣ Поспѣлова; сверхъ того приставъ Добвня по оговору надворнаго совѣтника Губанова обвиняется въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ подсудимымъ Лаговскимъ, и въ принятіи отъ него подарка, причемъ изъ дѣла видно, что Довбня, во время слѣдствія, принялъ отъ Лаговскаго чрезъ писаря Ермолова какой-то пакетъ, о содержаніи котораго не далъ положительнаго объясненія, а передъ допросомъ мѣщанина Красильникова, предлагалъ ему, какъ показалъ подъ присягою самъ Красильниковъ, не говорить ничего лишняго; и д) дочь надворнаго совѣтника Марья Губанова—въ прелюбодѣйной связи съ подсудимымъ Лаговскимъ. Поступки всѣхъ поименованыхъ лицъ предоставить разсмотрѣнію по принадлежности ихъ начальства.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата 18 мая 1861 г., удостоилось Высочайшаго утвержденія.

О поручикѣ Надратовскомъ, обвиненномъ въ изнасилованіи Агнессы Дмитріевой, въ покушеніи на изнасилованіе дѣвицы Ковригиной и въ подлогѣ.

Вольноотпущенная дѣвица Агнесса Дмитріева ночью на 17 апрѣля 1861 г. встрѣтилась съ поручикомъ Надратовскимъ на улицѣ въ С.-Петербургѣ и, бывъ приглашена имъ въ свою квартиру, провела у него всю ночь.

На другой день, по выходѣ Дмитріевой отъ Надратовскаго, онъ отправился вслѣдъ за нею, и взявъ хозяина квартиры ея, крестьянина Григорьева, представилъ въ полицію, обвиняя его въ составленіи подложныхъ документовъ, что однакожъ ничѣмъ не подтвердилось.—Надратовскій при возникшемъ по этому предмету слѣдствіи показалъ, что онъ слышалъ о составленіи Григорьевымъ подложныхъ документовъ отъ Дмитріевой, а Дмитріева, отвергая эту ссылку, обвинила самого Надратовскаго въ ея изнасилованіи.—По ея показаніямъ, Надратовскій зазвалъ ее въ свою квартиру обманомъ, подъ предлогомъ найма въ горничныя; изнасиловалъ съ помощію бывшаго у него другаго мужчины, который также имѣлъ съ нею насильственное совокупленіе, и ко-

гда она кричала, то они зажимали ей ротъ платками, щипали, били по лицу и рукамъ; а Надратовскій, обнаживъ саблю, угрожалъ даже убить ее, и послѣ изнасилованія вынулъ у нея изъ кармана 8 р.

Это послѣднее показаніе, при допросѣ въ военномъ судѣ, Дмитріева сама измѣнила, отозвавшись, что кто вынулъ у нея деньги, она не видала; равно къ подтвержденію объявленія ея объ изнасилованіи, никакихъ доказательствъ по дѣлу не представлено. Надратовскій и проживавшій съ нимъ на одной квартирѣ въ особой комнатѣ губернскій секретарь Семеновъ (въ которомъ Дмитріева признала сообщника Надратовскаго), въ изнасилованіи ея не сознались; хозяинъ квартиры, жена его и находившаяся у нихъ посторонняя дѣвица, подъ присягою засвидѣтельствовали, что они шуму и драки въ комнатѣ Надратовскаго въ означенную ночь не слыхали, а чиновникъ Семеновъ и въ комнату Надратовскаго въ эту ночь не входилъ, и что сама Дмитріева, уходя отъ Надратовскаго, напилась кофе, но о насиліи никому не говорила.

По медицинскому освидѣтельствованію на другой день послѣ происшествія, хотя у Дмитріевой оказались на груди и другихъ частяхъ тѣла незначительные синеватые знаки, но повидимому не отъ побоевъ, а отъ сильнаго сдавленія пальцами, причемъ обнаружено, что она давно уже предавалась разврату, имѣла на себѣ признаки прежде бывшей у нея любострастной болѣзни, и въ послѣднее время проживала въ домѣ публичныхъ женщинъ.

Во время производства сего дѣла на Надратовскаго возникло новое обвиненіе: моршанская мѣщанка дѣвица Ковригина, временно проживала въ С.-Петербургѣ, ходатайствуя по дѣлу о сложеніи съ отца ея денежнаго взысканія, и въ маѣ 1863 г., по случаю благопріятнаго для нея рѣшенія просьбы, собиралась ѣхать домой въ Моршанскъ. Вечеромъ 30 мая она прежде отъѣзда ходила прощаться съ своими знакомыми, а 31 мая, въ 5 часу утра, найдена на дворѣ дома, гдѣ проживалъ поручикъ Надратовскій, съ знаками сильныхъ ушибовъ, и *переломленными ногами и руками.*—Надратовскій, подъ окномъ квартиры котораго найдена была Ковригина, квартирная его хозяйка, крестьянка Девяткина, и почетный гражданинъ Самсоновъ, (имѣвшій съ Девяткиной блудную связь и ночевавшій у нея въ ту ночь), объ-

явили, что Ковригина у нихъ не была, и что о причинѣ паденія ея и оказавшихся у ней поврежденій, имъ ничего неизвѣстно.

Ковригина, бывъ приведена въ чувство, показала: что поручикъ Надратовскій, котораго она прежде не знала, встрѣтясь съ нею 30 мая вечеромъ на улицѣ и замѣтивъ, что она была озабочена, предложилъ ей помочь совѣтами, для чего пригласилъ ее къ себѣ на квартиру; но сперва завелъ въ садъ, потомъ въ квартиру, и началъ обращаться съ нею свободно, требуя, чтобы она раздѣлась, чѣмъ ясно обнаружилъ намѣреніе свое имѣть съ нею блудную связь; по несогласію же ея на это, домогался разными способами, употреблялъ насиліе, угрожалъ, что непремѣнно достигнетъ своей цѣли, не страшась никакой отвѣтственности. Крестьянка Девяткина, бывшая въ нетрезвомъ видѣ и лежавшая съ Самсоновымъ въ другой комнатѣ, бранила ее за несогласіе на связь съ Надратовскимъ, равно и Самсоновъ, войдя въ комнату Надратовскаго, обращался къ ней съ разными неприличными шутками. Наконецъ, утомленный долговременною борьбою, Надратовскій пошелъ звать къ себѣ на помощь Девяткину и Самсонова и уже отворилъ дверь въ ихъ комнату;—въ это время она Ковригина пришла въ безпамятство, и помнитъ только, какъ падала внизъ. Надратовскій или выбросилъ ее изъ окна или своею дерзостію довелъ ее до безпамятства, такъ что она, спасая честь свою, должна была броситься изъ окна.

На формальномъ слѣдствіи Надратовскій объяснилъ, что онъ, вмѣстѣ съ Девяткиною и Самсоновымъ, сперва согласились скрыть бытность Ковригиной въ его комнатѣ; вслѣдствіе чего Девяткина спрятала оставшіеся тамъ бурнусъ и шляпку Ковригиной, но нынѣ, рѣшась открыть истину, показалъ: что Ковригина, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ вечеромъ 30 мая и войдя за нимъ въ садъ, просила угостить ее пивомъ, для чего онъ и пригласилъ ее въ трактиръ, гдѣ пробылъ съ нею съ часъ, а потомъ, въ сопровожденіи ея, пошелъ на квартиру, и дойдя до воротъ, сталъ съ нею прощаться; но она просила взять ее съ собою, почему онъ и привелъ ее къ себѣ въ квартиру. Войдя въ комнату, Ковригина сняла съ себя бурнусъ и шляпку, и начала разбирать и читать лежавшія на столѣ книги; онъ же не только не дѣлалъ ей никакого насилія, но и не предлагалъ ей имѣть съ нимъ любовную связь, и страдая разстройствомъ желудка, въ

теченіе ночи несколько разъ выходилъ на дворъ, почему и не видалъ, какъ она выпала изъ окна.

Крестьянка Девяткина осталась при прежнемъ своемъ показаніи, а почетный гражданинъ Самсоновъ, подтверждая объясненіе Надратовскаго о бытности Ковригиной въ квартирѣ, показалъ, что онъ слышалъ, какъ Надратовскій въ другой комнатѣ возился съ Ковригиною и на что-то ее уговаривалъ, равнымъ образомъ ночевавшая съ нимъ крестьянка Девяткина, бывшая въ нетрезвомъ видѣ, бранила Ковригину, говоря ей: «зачѣмъ не соглашаешься съ нашимъ бариномъ ночевать»; самъ же онъ разъ входилъ въ комнату Надратовскаго и шутилъ съ Ковригиной, но она просила его оставить ее въ покоѣ, говоря, что пришла не съ нимъ. Послѣ того, уснувъ, онъ былъ разбуженъ крикомъ Девяткиной и Надратовскаго послѣ паденія Ковригиной изъ окна.

Дворникъ дома, въ которомъ проживалъ Надратовскій, показалъ, что Надратовскій въ ночь съ 30 на 31 мая, возвращаясь домой, подошелъ къ воротамъ съ Ковригиной, которая сама спросила у него: «что не приглашаешь?» вслѣдствіе чего Надратовскій и пригласилъ ее войти. Ночью онъ никакого крика въ занимаемой Надратовскимъ квартирѣ не слыхалъ, а въ 5 часу утра, услышавъ стукъ при паденіи Ковригиной изъ окна, нашелъ уже ее лежавшею на дворѣ, причемъ Надратовскій, смотрѣвшій изъ окна, спросилъ его: убилась или нѣтъ?

Трактирные служители показали: что въ бытность Ковригиной съ Надратовскимъ въ трактирѣ, она пива не пила, хотя по требованію Надратовскаго и подана была бутылка пива, и что они не замѣтили, чтобы Ковригина неприлично обращалась съ Надратовскимъ.

По осмотрѣ Надратовскаго, на немъ не найдено никакихъ знаковъ, свидѣтельствующихъ о сопротивленіи Ковригиной. Равнымъ образомъ и платье Ковригиной оказалось не разорваннымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ по собраннымъ свѣдѣніямъ обнаружено, что дѣвица Ковригина, проживая въ С.-Петербургѣ, вела себя скромно, была трудолюбива, религіозна и по освидѣтельствованію послѣ происшествія, найдена не лишенною дѣвства.

По *третьему* возникшему на Надратовскаго обвиненію видно, что онъ былъ отчисленъ въ послѣдній разъ по армейской пѣхотѣ, въ апрѣлѣ 1862 года, изъ московскаго училища военнаго

вѣдомства, и предъ отъѣздомъ изъ этого училища въ мартѣ того года въ отпускъ, получилъ засвидѣтельствованную начальникомъ училища копію съ формулярнаго о службѣ своей списка, написаннаго собственноручно самимъ Надратовскимъ. Эту копію Надратовскій впослѣдствіи представилъ къ слѣдственному дѣлу о покушеніи на изнасилованіе дѣвицы Ковригиной; но при повѣркѣ копіи съ подлиннымъ формуляромъ, оказались въ ней приписки, въ томъ числѣ показана и серебряная медаль за защиту Севастополя, которой онъ не имѣлъ. Надратовскій отозвался, что медаль эту вписалъ въ формуляръ въ то время, когда писалъ копію, т. е. прежде засвидѣтельствованія оной начальникомъ училища, не зная, что медаль ему не слѣдуетъ, и просилъ рапортомъ начальника училища объ исправленіи формуляра по сношеніи съ инспекторскимъ департаментомъ; но подобнаго рапорта отъ Надратовскаго въ дѣлахъ училища не оказалось, и по дѣлу обнаружено, что онъ не имѣлъ никакого права на полученіе медали, потому что на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 26 ноября 1855 года за № 240, медаль эта назначена только тѣмъ, которые находились въ составѣ севастопольскаго гарнизона, въ періодъ времени съ 13 сентября 1854 по 27 августа 1855 г., а Надратовскій опредѣленъ на службу изъ отставки въ сентябрѣ 1854 г. въ гренадерскій Императора Австрійскаго резервный полкъ, который къ составу севастопольскаго гарнизона не принадлежалъ, а въ августѣ 1855 г. переведенъ въ муромскій пѣхотный полкъ, къ которому прибылъ уже 22 мая 1856 г. по окончаніи компаніи.

Генералъ-аудиторіатъ по разсмотрѣніи означенныхъ обстоятельствъ, нашелъ, что возникшее на Надратовскаго обвиненіе въ изнасилованіи вольноотпущенной дѣвицы Дмитріевой по дѣлу ничѣмъ не подтвердилось, и обнаружено только, что онъ имѣлъ съ Дмитріевой блудную связь. Что же касается до дѣвицы Ковригиной, то по дѣлу также остается не доказаннымъ, чтобы Надратовскій покушался ее изнасиловать, такъ какъ по осмотру платье ея оказалось не разорвано, на самомъ Надратовскомъ не найдено знаковъ сопротивленія, она не призывала никого на помощь, и наконецъ даже назвалась ночью въ его квартиру, очевидно, съ намѣреніемъ имѣть съ нимъ любовную связь. Но при семъ нель-

зя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Ковригина, если и рѣшилась пожертвовать своимъ цѣломудріемъ подъ вліяніемъ ли половаго побужденія, или по недостатку денежныхъ средствъ, но войдя въ квартиру Надратовскаго, почувствовала угрызеніе совѣсти, и не могла рѣшиться на совокупленіе съ нимъ. Тѣмъ не менѣе онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, какъ подтверждаетъ и посторонній свидѣтель, неотступно требовалъ отъ нея удовлетворенія своего желанія, вслѣдствіе чего она, терзаемая раскаяніемъ, и не надѣясь найти пособія у бывшихъ притомъ крестьянки Девяткиной и почетнаго гражданина Самсонова, осыпавшихъ ее насмѣшками и бранью, въ припадкѣ отчаянія рѣшилась выброситься въ окно. Дѣйствія Надратовскаго при этомъ случаѣ составляютъ проступокъ, предвидѣнный 2043 ст. улож. о наказан. уголовн. и испр., на основаніи которой: всякій, кто дозволитъ себѣ какое-либо противное ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ, дѣйствіе, послѣдствіемъ котораго, впрочемъ неожиданнымъ, будутъ нанесены кому-либо тяжкія раны или увѣчья, подвергается заключенію въ тюрьмѣ, на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Сверхъ того, согласно 58 ст. 1 кн. военно-уголовн. устава и 63 ст. уложен. о наказан. уголовн. и исправит. Надратовскій обязанъ вознаградить Ковригину за причиненное ей увѣчье, такъ какъ по медицинскому свидѣтельству оказалось, что Ковригина вслѣдствіе паденія лишена употребленія ногъ, и не можетъ снискивать себѣ пропитанія трудами. Наконецъ за подложную приписку въ формулярномъ спискѣ о имѣемой имъ, будто бы, медали за защиту Севастополя, Надратовскій, на основаніи 540 ст. 1 кн, воен. уголовн. устава, подлежитъ лишенію правъ состоянія и разжалованію въ рядовые. Но имѣя въ виду: 1) что означенное преступленіе совершено Надратовскимъ безъ всякой корыстной цѣли, подъ вліяніемъ одного суетнаго тщеславія и не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій; 2) что согласно 542 ст. того же воен. угол. устава, самимъ закономъ предоставлено уменьшать мѣру наказанія за подложные поступки, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не были сопряжены съ послѣдствіями, вредными для частныхъ лицъ или общественнаго порядка, и 3) что Надратовскій до освобожденія его судомъ изъ подъ ареста, содержался около 5 мѣсяцевъ на гауптвахтѣ, генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) отстав-

наго поручика Надратовскаго по обвиненію въ изнасилованіи вольноотпущенной Дмитріевой отъ ответственности освободить; а за склоненіе къ любовной связи мѣщанки Ковригиной, вслѣдствіе чего она, выскочивъ изъ окна, получила тяжкое увѣчье, и за подложную приписку въ формулярномъ спискѣ объ имѣемой будто бы медали за защиту Севастополя,— считать исключеннымъ изъ службы, и воспретивъ ему пребываніе въ столицахъ, учредить за нимъ на мѣстѣ жительства строгій полицейскій надзоръ. 2) Какъ по формулярному списку Надратовскаго не видно, чтобы за нимъ числилось какое-либо имѣніе, то предоставить мѣщанкѣ Ковригиной объ удовлетвореніи ея за увѣчье отыскивать съ Надратовскаго вознагражденія гражданскимъ порядкомъ. 3) Дѣйствія крестьянки Девяткиной и почетнаго гражданина Самсонова, виновныхъ въ блудной связи и въ покушеніи скрыть слѣды происшествія съ Ковригиной, равно какъ и вольноотпущенной Агнессы Дмитріевой, обвиняемой въ развратномъ поведеніи,—предоставить на разсмотрѣніе гражданскаго начальства.

О рядовомъ Порывкинѣ, обвиненномъ въ изнасилованіи и пособничествѣ къ изнасилованію Матрены Курсовой.

Проживающая въ г. Васильковѣ (кіевской губерніи), вдова, солдатка Зиновья Курсова и 14 лѣтняя дочь ея Матрена, 9-го апрѣля 1858 года, явясь въ мѣстную градскую полицію, объявили: что накануне часу въ 12-мъ ночи, солдаты 1 конно-піонернаго дивизіона Волковъ и Агѣевъ, придя къ ихъ дому, требовали отворить дверь, и били окна, а потомъ, когда первая изъ нихъ чрезъ чердакъ вышла изъ дома для объявленія о случившемся сосѣдямъ и въ городскую часть, то Волковъ и Агѣевъ выломали двери и, ворвавшись въ домъ, стащили Матрену Курсову съ печи и изнасиловали ее, причемъ Агѣевъ держалъ, а Волковъ растлилъ ее.

Объявленіе это Курсовы подтвердили и при слѣдствіи, причемъ Матрена Курсова присовокупила, что когда Волковъ раст-

лилъ ее, она пришла въ безпамятство, но чувствовала, что послѣ того и другой солдатъ сдѣлалъ съ нею совокупленіе.

По медицинскому свидѣтельству, произведенному на другой день послѣ происшествія, дѣвочка Матрена Курсова найдена лишенною дѣвства въ недавнее время.

На допросахъ при слѣдствіи рядовые Волковъ и Агѣевъ въ взведенномъ на нихъ преступленіи не сознались, и *Волковъ* объяснилъ, что въ совершеніи этого преступленія онъ подозрѣваетъ рядовыхъ одного съ нимъ дивизіона Гайдымова и Порывкина, такъ какъ въ ночь происшествія Порывкинъ, разбудивъ его, сказалъ, что близъ дома Курсовой мужики бьютъ товарища его Гайдымова, и просилъ идти для защиты его, но когда онъ Волковъ пошелъ къ дому Курсовой, то никого изъ мужиковъ тамъ не нашелъ.

Рядовые *Гайдымовъ* и *Порывкинъ*, на допросахъ при слѣдствіи, сознаваясь въ нападеніи на домъ солдатки Курсовой, и растлѣніи дочери ея Матрены, объяснили, что съ 8 на 9 апрѣля, по увольненіи ихъ изъ музыкантской школы, они отправились въ загородную корчму, выпили тамъ водки, и при возвращеніи на свои квартиры, условились сходить ночью къ солдаткѣ Курсовой, у которой старшая дочь, какъ слышали они, вела блудную жизнь; въ этомъ намѣреніи придя къ дому Курсовой часу въ 12-мъ ночи, начали стучать въ окна. Между тѣмъ по призыву Курсовой прибѣжали къ дому сосѣди, и когда одинъ изъ нихъ, мѣщанинъ Синельниковъ, бросился на нихъ и повалилъ Гайдымова на землю, то Порывкинъ побѣжалъ звать на помощь рядоваго Волкова и потомъ возвратился; но какъ сосѣди Курсовой уже разошлись по домамъ, то они Гайдымовъ и Порывкинъ выбили въ окнахъ стекла и выломавъ въ сѣняхъ двери, вошли въ избу, гдѣ нашли только меньшую дочь Курсовой, сидѣвшую на печи; эту дѣвочку Гайдымовъ, стащивъ съ печи, повалилъ на полъ и изнасиловалъ, а потомъ и Порывкинъ сдѣлалъ съ нею совокупленіе.

Солдатка *Курсова* и дочь ея *Матрена*, по предъявленіи имъ рядовыхъ Гайдымова и Порывкина, отозвались: что рядовыхъ этихъ, до случившагося въ домѣ ихъ происшествія, не видали, знакомы съ ними не были, и дѣйствительно ли эти солдаты сдѣлали нападеніе на ихъ домъ, удостовѣрить не могутъ, пото-

му что въ то время въ страхѣ не замѣтили лица солдатъ; показали же прежде, что нападеніе сдѣлали Волковъ и Агѣевъ потому, что нападавшіе звали Волкова на помощь, и что Волковъ и Агѣевъ прежде заходили къ нимъ въ домъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ происшествія, Матрена Курсова объявила матери своей и утвердила на допросѣ въ присутствіи градской полиціи, что хотя она показала прежде, что по изнасилованіи ея однимъ солдатомъ, и другой сдѣлалъ съ нею совокупленіе, но дала это показаніе необдуманно, бывъ въ то время совершенно больною и перепуганною; по выздоровленіи же, одумавшись, она не можетъ припомнить, чтобы другой солдатъ сдѣлалъ ей насиліе.

Рядовой *Порывкинъ* на передопросѣ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ показалъ, что онъ дѣйствительно съ Матреною Курсовою совокупленія не имѣлъ, а взвелъ это преступленіе на себя изъ сожалѣнія къ Гайдымову, полагая тѣмъ облегчить вину его, и что невинность свою въ этомъ преступленіи готовъ подтвердить присягою.

Рядовой *Гайдымовъ*, подтверждая послѣднее показаніе Порывкина, объяснилъ, что онъ вовсе не видѣлъ, чтобы Порывкинъ имѣлъ послѣ него совокупленіе съ Матреною Курсовою; показалъ же при первоначальномъ допросѣ иначе потому, что этого желалъ самъ Порывкинъ, для облегченія вины его Гайдымова.

По преданіи военному суду, *Порывкинъ* измѣнивъ прежнія показанія, объяснилъ, что вечеромъ съ 8 на 9 апрѣля 1853 года, бывши въ корчмѣ вмѣстѣ съ Гайдымовымъ и выпивъ тамъ водки, онъ не замѣтилъ, какъ Гайдымовъ вышелъ, и подождавъ его немного, пошелъ домой; но проходя мимо дома Курсовой, услышалъ, что во дворѣ онаго Гайдымовъ дрался съ сосѣдями Курсовой; онъ хотѣлъ помочь ему, но побоялся и побѣжалъ за рядовымъ Волковымъ; по возвращеніи же, услышалъ шумъ въ самомъ уже домѣ, въ который войдя, нашелъ Гайдымова *) около печи и увелъ его съ собою.

*) Рядовой Гайдымовъ, за насильственное растлѣніе дѣвочки Курсовой наказанъ по рѣшенію генералъ-аудиторіата шпицрутенами чрезъ сто человѣхъ пять разъ, и по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сосланъ въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

Генералъ-аудиторіатъ, имѣя въ виду, что сама растлѣнная дѣвочка показывала разнорѣчиво: сначала, что съ ней имѣли совокупленіе два солдата, а потомъ, что только одинъ Гайдымовъ,—призналъ подсудимаго Порывкина вполнѣ изобличеннымъ только въ содѣйствіи Гайдымову насильственно ворваться въ домъ Курсовыхъ, и въ допущеніи его въ своемъ присутствіи изнасиловать и растлить 14 лѣтнюю дѣвочку, за что онъ, какъ попуститель преступленія, согласно 137 ст. уложен. о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, долженъ быть наказанъ двумя степенями ниже противъ главнаго виновника, т. е. подлежитъ, по тѣлесномъ наказаніи, лишенію всѣхъ правъ состоянія, и ссылкѣ на поселеніе въ не столь отдаленныя мѣста Сибири. Но примѣняясь къ постепенности наказаній, установленной въ военно-уголовныхъ законахъ, генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: рядоваго Никифора Порывкина наказать шпицрутенами, согласно съ мнѣніемъ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части, чрезъ сто человѣкъ три раза и отослать, вмѣсто ссылки на поселеніе, въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на 4 года.

О рядовомъ Степановѣ, сужденномъ за кровосмѣшеніе.

Рядовой Степановъ, проживая въ безсрочномъ отпуску на своей родинѣ, въ дер. Михайловой, (старицкаго уѣзда, тверской губерніи), 16 мая 1859 года, объявилъ мѣстному становому приставу, что жена его Марѳа Трофимова,—безъ всякого вида убѣжала отъ него потому, что онъ за воровство вещей хотѣлъ наказать ее домашнимъ образомъ.—Чрезъ два дня послѣ сего, именно 18-го мая крестьянинъ той же деревни Иванъ Трофимовъ, явившись къ становому приставу съ незаконнорожденною дочерью подсудимаго, 15-ти лѣтнею дѣвицею *Татьяною*, объявилъ, что когда отъ рядоваго Степанова убѣжала жена, то незаконная ея дочь, а его крестница, сказала ему, что мать ея бѣжала вслѣдствіе нанесенныхъ ей отцомъ побоевъ, и тутъ же открылась, что въ прошлую зиму она лишена невинности отцемъ своимъ подсудимымъ Степановымъ, о чемъ на другой же день говорила мате-

ри и показывала окровавленную рубашку; но та, не вѣря ей, чтобы отецъ могъ рѣшиться на подобный поступокъ, отнесла кровь къ мѣсячному очищенію; послѣ же растлѣнія она неоднократно, въ отсутствіе изъ дома матери, имѣла съ нимъ совокупленіе.

Сама дѣвица Татьяна, подтвердивъ объявленіе Трофимова, дополнила, что лишена невинности отцемъ послѣ праздника Рождества Христова, безъ ея согласія, ночью, во время сна, въ собственномъ домѣ, и никому изъ сосѣдей не говорила объ этомъ изъ опасенія побоевъ отъ отца.

По произведенному 24 декабря 1859 г. медицинскому освидѣтельствованію оказалось, что дѣвица Татьяна растлѣна и имѣла неоднократно совокупленіе. Но по добровольному-ли согласію или насильно она была растлѣна, по неимѣнію знаковъ насилія, изчезнувшихъ отъ давняго времени, опредѣлить невозможно.

На допросъ при слѣдствіи дѣвица *Татьяна* показала, что въ 1858 году, послѣ праздника Рождества Христова, въ какой именно день, она не помнитъ, легла на постель своего отца Степанова, и когда заснула, то отецъ не смотря на сопротивленіе съ ея стороны, растлилъ ее. Послѣ того, по его принужденію, она неоднократно во время отсутствія матери, имѣла съ нимъ совокупленіе. О растлѣніи отцемъ ея, она на другой же день объявила матери, показывая окровавленную рубашку, но та не повѣрила, чтобы отецъ рѣшился на такой поступокъ, и отнесла кровь къ мѣсячному очищенію, а отъ постороннихъ лицъ скрывала до того времени, пока подсудимый, явившись въ домъ крестьянина Яковлева, у котораго она жила въ работницахъ, и приказывая ей идти къ нему въ домъ, ударилъ ее 2 раза палкою; тогда она рѣшилась объявить крестному отцу своему крестьянину Ивану Трофимову.

Противъ обвиненія дочери подсудимый *Степановъ* объяснилъ, что въ 1858 году послѣ зимняго праздника Николая Чудотворца, въ какой именно день не помнитъ, онъ легъ на постель для отдыха, а жена его съ своею сестрою въ то время пряли; незаконная же дочь его Татьяна легла къ нему на постель, и стала соблазнять различными способами. Не имѣя силы превозмочь себя онъ совершилъ съ нею блудодѣяніе безъ всякой для нея боли, почему полагаетъ, что она была уже не невинна; послѣ того нѣсколько разъ онъ имѣлъ съ нею связь, но тогда же жена его узнала объ этомъ и, какъ думаетъ, сама научила свою дочь вовлечь

его въ это преступленіе, чтобы избавиться отъ него, и удобнѣе вести развратную жизнь *).—На очной ставкѣ подсудимый, сознаваясь въ нанесеніи своей дочери двухъ ударовъ крутомъ, (а не палкою), подтвердилъ свое показаніе. Но въ военномъ судѣ, спрошенный подъ священническимъ увѣщаніемъ, подсудимый *Степанаевъ* отрекся отъ сознанія въ блудной связи съ своею дочерью, говоря «что не знаетъ, на какомъ основаніи написано противное въ прежнемъ его показаніи».

Жена подсудимаго *Марфа Трофимова* объяснила, что въ 1858 году послѣ праздника Рождества Христова, какого именно числа не помнитъ, незаконная дочь ея Татьяна легла вмѣстѣ съ подсудимымъ Степановымъ на постель, а она Трофимова легла на печь; сестра же ея Афросинья Трофимова на лавку. Поутру на другой день дочь ея Татьяна, показавъ окровавленную рубашку, сказала, что ночью отецъ ее растлилъ, но она не повѣрила, чтобы мужъ ея могъ рѣшиться на такой поступокъ, а потому въ то время никому не объявляла, а уже послѣ сказала матери своей Пелагеи Андреевой, за что подсудимый и сталъ причинять ей побои, вслѣдствіе которыхъ она бѣжала изъ дома.

Жившая въ домѣ подсудимаго сестра Марѳы Трофимовой *Афросинья*, объяснила, что о блудной связи подсудимаго съ дочерью его, она узнала, когда уже разнесся слухъ объ этомъ по всей деревнѣ; сама же во время проживанія своего въ домѣ подсудимаго этой связи между ними не замѣчала, и изъ домашнихъ ей о томъ никто неговорилъ. Равнымъ образомъ въ ту ночь, когда подсудимымъ сдѣлано было преступленіе, ничего не слыхала, потому что имѣя груднаго ребенка и намучившись съ нимъ, засыпала крѣпко, а также нерѣдко ночевала у своихъ родственниковъ.

Крестьянинъ *Иванъ Трофимовъ*, крестный отецъ дѣвицы Татьяны, и крестьянка *Пелагея Андреева* родная ея бабка, объяснили, что о растлѣніи подсудимымъ Степановымъ своей дочери и блудной связи съ нею, они узнали отъ нея самой по случаю нанесенія ей подсудимымъ ударовъ въ домѣ крестьянина Яковлева.

Однодеревенцы подсудимаго въ числѣ 13-ти человѣкъ подъ при-

*) По метрическому свидѣтельству значится, что Татьяна Иванова родилась 6 января 1843 года, слѣдовательно въ декабрѣ 1858 г. ей было менѣе 14-ти лѣтъ.

сягою показали, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ подсудимый Степановъ, при сборѣ крестьянъ, самъ говорилъ имъ о блудной связи съ дочерью, какую онъ ведетъ по словамъ его вслѣдствіе «хитрой приманки.» Къ этому же добавили, что подсудимый нерѣдко пьянствуетъ и въ это время ссорится, бьетъ жену свою и буйствуетъ въ домѣ. О дочери же подсудимаго отозвались, какъ о дѣвицѣ поведенія честнаго. Тоже показалъ о ней и крестьянинъ Яковлевъ, у котораго она была въ работницахъ.

Тверская духовная консисторія на запросъ командира тверскаго баталіона внутренней стражи,—съ утвержденія архіерея увѣдомила, что родство между подсудимымъ Степановымъ и незаконнорожденною дочерью отъ жены его, состоитъ въ первой степени, а потому преступленіе подсудимаго есть кровосмѣшеніе.

Во время содержанія подъ стражею въ тюремномъ замкѣ, Степановъ въ маѣ 1859 г. подалъ двѣ докладныя записки: одну окружному генералу, а другую корпусному командиру, въ которыхъ жаловался, что обвиненіе его въ растлѣніи дочери, взведенное на него послѣднею, несправедливо, ибо сдѣлано по наущенію жены его, женщины развратнаго поведенія, и первоначальное изслѣдованіе по этому предмету произведено было писаремъ становаго пристава безъ депутата съ военной стороны, пристрастно, по проискамъ родственниковъ и любовника его жены, которая, какъ сама созналась ему послѣ, съ его однодеревенцемъ крестьяниномъ Кузьмою Ивановымъ, везшимъ его къ становому приставу, послала послѣднему письмо съ деньгами 1 р. сер. и кромѣ того когда онъ съ дочерью былъ присланъ въ старицкій земскій судъ для отобранія показаній, она прибывъ туда съ писаремъ становаго пристава, при немъ давала писарю деньги будтобы для передачи столоначальнику съ цѣлію уничтожить дѣло; а когда по окончаніи слѣдствія онъ, по приказанію исправника, возвратился въ свой домъ, то жена тайно отъ него ушла объявить исправнику, что онъ будто бы хвалился, что далъ исправнику 30 коп. сер. и потому освобожденъ; вслѣдствіе чего онъ по вытребованіи въ судъ, былъ съ женою заарестованъ и пять дней моренъ голодомъ. Преданъ же военному суду безъ всякого съ его стороны показанія, и хотя онъ просилъ вновь переслѣдовать дѣло и отобрать отъ него подробное показаніе, но въ томъ и другомъ

ему было отказано аудиторомъ, писавшимъ не то, что онъ говорилъ.

При дополнительномъ изслѣдованіи означеннаго дѣла уѣзднымъ дворянскимъ засѣдателемъ ни одна изъ жалобъ подсудимаго не подтвердилась, и всѣ лица, вторично переспрошенныя, подтвердили прежде данныя ими показанія.

Генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что самъ подсудимый Степановъ, на допросахъ при слѣдствіи и въ военномъ судѣ, не сознаваясь въ насильственномъ растлѣніи дочери своей, отозвался, что имѣлъ только съ нею прелюбодѣйную связь, начавшуюся въ 1858 году около праздника зимняго Николы съ ея согласія и безъ всякой для нея боли, почему и полагаетъ, что она была тогда уже лишена невинности. Виновные въ растлѣніи дѣвицы, не достигшей 14-ти лѣтняго возраста, подлежатъ, на основаніи 2,077 ст. улож. о нак. угол. и испр. тѣлесному наказанію, и по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 8 до 10 лѣтъ, или на заводахъ отъ 4-хъ до 8 лѣтъ. Но, принимая во вниманіе, что подсудимый сознался только въ прелюбодѣйной связи съ своею незаконнорожденною дочерью, и что обвиненіе на него возникло уже черезъ годъ послѣ совершеннаго имъ преступленія, когда по медицинскому свидѣтельству не предстояло возможности опредѣлить съ точностію ни время растлѣнія дѣвицы Татьяны, а потому и возраста въ которомъ она лишена была дѣвства, ни того, было-ли употреблено при этомъ насиліе,—генералъ-аудиторіатъ нашелъ подсудимаго по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла виновнымъ только въ прелюбодѣйной связи съ незаконнорожденной дочерью жены своей, состоящею съ нимъ, по отзыву духовнаго начальства, въ 1-й степени родства, каковое преступленіе должно быть признано кровосмѣшеніемъ. Посему генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: подсудимаго рядоваго Поликарпа Степанова, за кровосмѣшеніе съ незаконнорожденной дочерью своею, на основаніи 456 ст. 1 кн. воен. угол. уст., по лишеніи нашивки за безпорочную 10-ти лѣтнюю службу, наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ три раза, и отослать въ арестантскія роты инженернаго вѣдомства на семь лѣтъ, предавъ его церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.

О штабсъ-капитанѣ Матвѣевѣ, преданномъ суду за нанесеніе рядовому Кабаненкѣ смертельныхъ побоевъ и истязаній.

Въ мартѣ 1848 года, во время расположенія роты софійскаго морскаго полка въ селѣ Курковичѣ (стародубскаго уѣзда, черниговской губерніи), рядовой Кабаненко, находясь въ ротномъ штабѣ для исповѣди и св. причастія, бѣжалъ, но черезъ два дня былъ пойманъ.

Ротный командиръ штабсъ-капитанъ Матвѣевъ, вытребовавъ Кабаненку къ себѣ на квартиру и допрашивая его о причинѣ побѣга, нанесъ ему нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу и головѣ. Когда же Кабаненко сказалъ, что бѣжалъ отъ страха наказанія за потерю зимнихъ панталонъ, то Матвѣевъ, схвативъ его и грозя убить, билъ головою о печь, такъ что проломилъ ему голову и изъ раны полилась кровь.

Не смотря на это, Матвѣевъ отправилъ Кобаненка для наказанія въ манежъ, и велѣлъ собрать туда для этого всѣхъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ ротномъ штабѣ, болѣе 70 человѣкъ.

Въ манежѣ Матвѣевъ снова допрашивалъ Кабаненку о причинѣ побѣга, и когда тотъ повторилъ, что бѣжалъ отъ страха наказанія за потерю панталонъ, то Матвѣевъ приказалъ сперва фельдфебелю, а потомъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ наказывать его. Наказаніе произведено розгами и палками безъ счета. При этомъ самъ Матвѣевъ, взявъ съ ружья штыкъ, билъ имъ Кабаненку по спинѣ такъ сильно, что сломилъ конецъ штыка, а потомъ передавъ штыкъ одному изъ нижнихъ чиновъ, приказалъ и ему бить Кабаненка тѣмъ же штыкомъ.

Послѣ этого Матвѣевъ, приказавъ Кабаненкѣ встать, опять допрашивалъ его о причинѣ побѣга, а когда тотъ отвѣчалъ тоже, что бѣжалъ по случаю потери панталонъ, то Матвѣевъ приказалъ возобновить наказаніе, и нижніе чины наказывали его по прежнему, безъ счета.

Затѣмъ Матвѣевъ, приказалъ отвести Кабаненку на квартиру и бить его дорогою. Не перенося такихъ побоевъ, Кабаненко упалъ; а Матвѣевъ сочтя это за притворство, возвратилъ его

въ манежъ и нанеся ему своеручно по лицу побои, приказалъ снова наказывать его розгами и палками.

Наконецъ Кабаненко, бывъ выведенъ изъ манежа, не могъ идти, а Матвѣевъ, сочтя это за притворство, возвратилъ его въ манежъ, опять нанесъ ему побои по лицу и еще наказалъ его розгами и палками. Послѣ этого Кабаненко не могъ уже встать и перенесенъ нижними чинами на ротный дворъ, гдѣ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ.

Узнавъ о смерти Кабаненки, штабсъ-капитанъ Матвѣевъ приказалъ тереть тѣло его водкою и щетками, въ предположеніи, что онъ въ обморокѣ; но когда эти мѣры остались безполезными, то Матвѣевъ приказалъ отвезти тѣло въ г. Стародубъ, въ полковой лазаретъ и сказать тамъ, что Кабаненко умеръ отъ болѣзни, дорогою.

Между тѣмъ пятисотскій селенія Курковичъ, узнавъ о причинѣ смерти Кабаненки, задержалъ тѣло, когда нижніе чины везли его чрезъ селеніе, и объявилъ объ этомъ своему начальству; а Матвѣевъ донесъ командующему баталіономъ, что Кабаненко будто умеръ отъ болѣзни, что онъ доставленъ въ роту больной и что тѣло его отправлено въ курковскую сельскую расправу.

Все это, какъ въ отношеніи истязанія рядоваго Кабаненки, такъ и другихъ обстоятельствъ смерти его, подтверждено свидѣтельскими показаніями нижнихъ чиновъ и нѣкоторыхъ жителей селенія Курковичъ, бывшихъ очевидцами происходившаго.

По медицинскому освидѣтельствованію тѣла Кабаненки, кромѣ знаковъ на лицѣ отъ причиненныхъ ему побоевъ, оказалась на затылкѣ рана съ проломомъ черепа; а спина, начиная отъ лопатокъ до поясницы, равно и сѣдалищныя мѣста черны и тверды; на нихъ были видны узкія возвышенныя полосы, въ разныхъ направленіяхъ перекрещавшіяся, а болѣе поперегъ спины, сѣдалищныхъ частей и задней поверхности бедръ и голеней до колѣнъ. По заключенію свидѣтельствовавшаго тѣло медика, причиненныя Кабаненкѣ поврежденія, взятыя отдѣльно, не были безусловно смертельны, но въ совокупности неминуемо были гибельны.

При производствѣ слѣдствія чрезъ три дня послѣ происшествія, именно 24 марта, былъ сдѣланъ Матвѣеву слѣдователемъ

вопросъ по обстоятельствамъ дѣла съ тѣмъ, чтобы отвѣтъ былъ доставленъ на слѣдующій день; но Матвѣевъ того же числа отозвался, что по разстроенному здоровью не въ состояніи дать отвѣта къ требуемому времени, и просилъ отсрочки на одни сутки; а послѣ того, не приславъ объясненія, уѣхалъ въ полковой штабъ. Тамъ 2 апрѣля онъ былъ освидѣтельствованъ и найденъ дѣйствительно больнымъ; чрезъ мѣсяцъ 5 мая поступилъ въ кіевскій военный госпиталь и выписанъ оттуда 19 іюня того же 1848 года.

По выпискѣ изъ госпиталя, на вопросъ полковаго командира о причинѣ смерти рядоваго Кабаненки, штабсъ-капитанъ Матвѣевъ отозвался, что онъ 21 марта находился въ болѣзненномъ состояніи и совершенно ничего не помнитъ. Тоже онъ утвердилъ и предъ военнымъ судомъ.

Изъ собранныхъ военнымъ судомъ свѣдѣній о болѣзненномъ состояніи штабсъ-капитана Матвѣева, оказалось слѣдующее:

а) По медицинскому освидѣтельствованію Матвѣева въ г. Стародубѣ 2 апрѣля 1848 года, чрезъ 12 дней послѣ происшествія, полковымъ и городовымъ медиками—онъ, (какъ въ свидѣтельствѣ этихъ медиковъ объяснено), былъ тогда боленъ нервною горячкою. Но эта болѣзнь, какъ впослѣдствіи полковой медикъ объяснилъ, была временная, и прежде Матвѣевъ никогда никакою особенною болѣзнію не страдалъ, слѣдовательно при поступкѣ, сдѣланномъ 21 марта, находился въ естественномъ состояніи здоровья.

б) Нижніе чины, видѣвшіе штабсъ-капитана Матвѣева въ тотъ день, когда онъ билъ рядоваго Кабаненко въ квартирѣ своей и потомъ въ манежѣ, засвидѣтельствовали тоже, что онъ былъ тогда въ здравомъ разсудкѣ.

в) При поступленіи въ кіевскій военный госпиталь 5 мая, Матвѣевъ, какъ госпитальная контора увѣдомила, былъ одержимъ послабляющею горячкой, и во время послабленія болѣзни былъ тихъ, задумчивъ, молчаливъ, иногда плакалъ, а иногда смѣялся; въ другое же время дѣлался раздражителенъ, обидчивъ и вспыльчивъ.

г) Чрезъ два мѣсяца по выпискѣ изъ этого госпиталя, Матвѣевъ поступилъ въ брестъ-литовскій госпиталь, въ коемъ находился два раза: съ 20 сентября 1848 по февраль 1849 года:

а потомъ съ апрѣля по іюнь того же года.—Контора госпиталя увѣдомила, что Матвѣевъ поступилъ въ госпиталь съ меланхоліею, припадки которой часто принимали форму какъ бы помѣшательства. Соображая же весь ходъ болѣзни его, доходившей до умоизступленія, сходствующаго съ сумасшествіемъ, госпитальная контора допускала, что подобный припадокъ могъ быть съ нимъ и прежде.

д) Наконецъ въ августѣ 1850 года Матвѣевъ поступилъ въ рижскій военный госпиталь. По увѣдомленію госпитальной конторы, онъ страдалъ меланхоліею и излишнею нервною раздражительностію.

Впослѣдствіи, по разрѣшенію начальства, Матвѣевъ отданъ на поручительство брату его вслѣдствіе удостовѣренія конторы рижскаго госпиталя, что означенная болѣзнь Матвѣева застарѣлая, и требуетъ леченія не госпитальнаго, а моральнаго.

Сверхъ того по дѣлу обнаружено, что штабсъ-капитанъ Матвѣевъ и прежде наказывалъ жестоко нижнихъ чиновъ, а именно: фельдфебеля Емельянова, унтеръ-офицера Моисѣева и рядоваго Ермакова: первому, по показанію его, дано до *500 ударовъ розгами* за то, что во фронтѣ у одного рядоваго высунулась портянка изъ сапога; втораго, неизвѣстно за что, Матвѣевъ наказалъ розгами такъ жестоко, что онъ пользовался отъ послѣдствій наказанія въ полковомъ лазаретѣ; а рядоваго Ермакова по одному подозрѣнію въ кражѣ у хозяина квартиры конопляей, билъ руками по лицу и замахнулся на него топоромъ; но Ермаковъ успѣлъ уклониться отъ удара, и принесъ жалобу на Матвѣева баталіонному командиру подполковнику Дубачинскому, которымъ не было сдѣлано по этой жалобѣ должнаго распоряженія; Матвѣевъ же, узнавъ, что Ермаковъ жаловался на него, наказалъ его жестоко розгами.

Генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи вышеизложеннаго, нашелъ подсудимаго штабсъ-капитана Матвѣева виновнымъ въ причиненіи рядовому Кабаненкѣ, по поимкѣ его изъ кратковременной отлучки, смертельныхъ побоевъ. Вынуждая его къ открытію причины отлучки, и находя неудовлетворительнымъ сознаніе его, что онъ сдѣлалъ отлучку отъ роты боясь наказанія за потерю панталонъ,—Матвѣевъ, нанеся ему своеручно побои, билъ его еще головою о печь въ квартирѣ своей, произнося

угрозы, что убьетъ его, и проломилъ ему черепъ, а потомъ, не смотря на кровотеченіе изъ раны въ затылкѣ, отослалъ его въ манежъ, гдѣ неоднократно подвергалъ его жестокому наказанію розгами и палками, самъ билъ руками по лицу и штыкомъ по спинѣ, такъ что отломилъ конецъ штыка, а послѣ того приказалъ бить его тѣмъ же штыкомъ одному изъ нижнихъ чиновъ.— Когда Кабаненко отъ этихъ побоевъ ослабѣлъ и не могъ уже идти, то Матвѣевъ снова подвергалъ его наказанію розгами и палками, и продолжалъ бить своеручно, такъ что Кабаненко по прекращеніи наказанія не могъ встать на ноги, и бывъ перенесенъ нижними чинами на ротный дворъ, вскорѣ отъ причиненныхъ ему побоевъ и раны умеръ. Все это доказано свидѣтельскими показаніями, и оказавшимися на тѣлѣ Кабаненки слѣдами нанесенныхъ ему побоевъ. Самъ подсудимый, не отвергая этого происшествія, отозвался, что онъ ничего не помнитъ по причинѣ случившагося съ нимъ тогда припадка. Но изъ обстоятельствъ дѣла видно, что Матвѣевъ, во время происшествія, не имѣлъ никакого болѣзненнаго припадка, который бы сопровождался умопомѣшательствомъ. Это доказывается: а) показаніями нижнихъ чиновъ болѣе 60 человѣкъ, что Матвѣевъ, во время наказанія рядоваго Кабаненка, былъ въ здравомъ разсудкѣ. б) Собственными Матвѣева дѣйствіями при этомъ случаѣ, которыя обнаруживаютъ не сумасшествіе, а одну только раздражительность и жестокость его, которую онъ оказывалъ и прежде при наказаніи нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ. в) Намѣреніемъ скрыть причину смерти Кабаненка, которое было уже приведено въ исполненіе отправленіемъ тѣла въ полковой лазаретъ и приказаніемъ нижнимъ чинамъ, съ которыми оно было отправлено, объявить, что Кабаненко умеръ будто дорогою; самъ же начальству своему донесъ, что будто Кабаненко доставленъ въ роту больной и вскорѣ умеръ. Это обстоятельство обнаруживаетъ: съ одной стороны полное сознаніе Матвѣевымъ преступленія своего, а съ другой обдуманную ложь для избѣжанія наказанія. г) Собственнымъ отзывомъ подсудимаго на сдѣланный ему слѣдователемъ вопросъ по этому дѣлу чрезъ три дня послѣ происшествія: въ этомъ отзывѣ Матвѣевъ не сказалъ, что не помнитъ происшествія отъ случившагося съ нимъ припадка, а только отвѣчалъ, что не можетъ, по причинѣ болѣзни, представить объясненія къ

требуемому времени и просилъ отсрочки, а самъ между тѣмъ уѣхалъ въ полковой штабъ, и потомъ началъ уже утверждать, что будто былъ въ припадкѣ во время происшествія. Хотя же по медицинскому освидѣтельствованію въ полковомъ штабѣ чрезъ 12 дней послѣ происшествія, Матвѣевъ найденъ одержимымъ горячкою, но болѣзнь эта, какъ и свидѣтельствовавшій его полковой медикъ объяснилъ, была временная, а прежде, сколько онъ помнитъ, Матвѣевъ никогда никакою особенною болѣзнію не страдалъ, слѣдовательно и при поступкѣ 21 марта находился въ естественномъ состояніи здоровья. Поэтому ни приключившаяся Матвѣеву горячка, ни замѣченные въ немъ впослѣдствіи во время нахожденія его въ госпиталяхъ припадки меланхоліи, какъ относящіеся къ позднѣйшему времени, не могутъ служить при вышеизложенныхъ доказательствахъ основаніемъ къ заключенію, чтобы онъ, и во время причиненія Кабаненкѣ смертельныхъ побоевъ, былъ въ припадкѣ горячки или меланхоліи. Удостовѣрясь такимъ образомъ, что штабсъ-капитанъ Матвѣевъ во время происшествія не былъ въ припадкѣ умопомѣшательства, генералъ-аудиторіатъ, прежде опредѣленія ему наказанія, вошелъ въ разсмотрѣніе: къ какому роду преступленій должно отнести поступокъ его? Сообразивъ этотъ вопросъ, генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что Матвѣевъ не имѣлъ намѣренія убить рядоваго Кабаненка, потому что къ этому не было никакой побудительной причины; но нельзя отнести преступленіе его и къ неосторожному наказанію начальникомъ подчиненнаго, такъ какъ поступокъ его представляетъ не наказаніе Кабаненки, дозволенное закономъ, но злоупотребленіе власти и безчеловѣчное въ высшей степени истязаніе. Хотя же Матвѣевъ сдѣлалъ это въ раздраженіи, однако не могъ не понимать, что онъ чрезъ такое истязаніе подвергалъ опасности жизнь Кабаненки. На основаніи же 408 ст. 1 кн. военно-уголовнаго устава, нанесеніе ранъ смертельныхъ, въ намѣреніи причинить другому вредъ, почитается покушеніемъ смертоубійства умышленнаго, хотя бы прямаго умысла до совершенія убійства не было. Поэтому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1) штабсъ-капитана Матвѣева, за причиненіе рядовому Кабаненкѣ смерти чрезъ истязаніе по злоупотребленію власти, хотя безъ обдуманнаго намѣренія, въ раздраженіи, однакожь не безъ сознанія, что жизнь его

подвергалась чрезъ это опасности,—согласно 376 и 408 ст. 1 кн. военно-уголовнаго устава и 1926 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, лишивъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ. 2) Командовавшему тогда софійскимъ морскимъ полкомъ, бывшему командиромъ 1 баталіона этого полка, подполковнику Дубачинскому за то, что не имѣлъ достаточнаго наблюденія за обращеніемъ подсудимаго съ нижними чинами, и сверхъ того оставилъ безъ должнаго распоряженія дошедшую до него жалобу одного рядоваго, о безвинномъ наказаніи его Матвѣевымъ, сдѣлать строгій выговоръ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему. Николай. С.-Петербургъ. 25 марта 1854 г.».

О генералъ-лейтенантахъ Мандрыкѣ и Трипатномъ, ст. сов. Кореневѣ, подполк. Врочинскомъ, подполк. Громкау и подпор. Рутковскомъ, виновныхъ въ употребленіи пытокъ при допросѣ подсудимыхъ.

Бывшій совѣтникъ симбирскаго губернскаго правленія (нынѣ совѣтникъ казанскаго губернскаго правленія) статскій совѣтникъ Денисовъ, совѣтникъ симбирской казенной палаты статскій совѣтникъ Кореневъ, бывшій командиръ симбирскаго гарнизоннаго баталіона подполковникъ (нынѣ приставъ исполнительныхъ дѣлъ с.-петербургской полиціи и надворный совѣтникъ) Врочинскій, бывшій помощникъ командира симбирскаго гарнизоннаго баталіона (нынѣ каргопольскій городничій) подполковникъ Громкау и пермскаго гарнизоннаго баталіона подпоручикъ (нынѣ въ отставкѣ штабсъ-капитанъ) Рутковскій,—преданы были военному суду по Высочайшему повелѣнію въ декабрѣ 1853 года за противозаконныя мѣры къ открытію виновныхъ въ кражѣ денегъ изъ кладовой симбирскаго уѣзднаго казначейства.

Обстоятельства этого дѣла состоятъ въ слѣдующемъ:

Въ маѣ 1846 года изъ кладовой симбирскаго уѣзднаго казначейства было похищено принадлежавшихъ тамошнему приказу общественнаго призрѣнія денегъ болѣе 30,000 р. сер. и билетовъ кредитныхъ учрежденій на 166,000 р. сер. которые хранились въ кладовой въ маленькомъ сундучкѣ, стоявшемъ въ особомъ большемъ сундукѣ, и похищены чрезъ разломанное дно этого сундука.

Кража сдѣлана, какъ впослѣдствіи открылось, рядовыми симбирскаго гарнизоннаго баталіона Строевымъ и Грачевымъ, по обдуманному ими прежде умыслу, въ бытность перваго на часахъ при кладовой, ночью на 5 число мая. Кладовую отперли они приготовленными ключами, сняли осторожно печать съ дверей, вошли въ кладовую, разломали дно у большаго сундука, и вынувъ изъ него маленькій сундучекъ съ деньгами и билетами, поставили сундукъ на прежнее мѣсто, такъ что сдѣланнаго въ немъ поврежденія не было видно снаружи; послѣ того заперли кладовую и приложили къ дверямъ ту же печать безъ поврежденія. Украденный сундучекъ съ деньгами и билетами взялъ къ себѣ рядовой Грачевъ, а Строевъ, ставъ по прежнему на часы, оставался тамъ до смѣны, и какъ въ кладовой не было никакихъ поврежденій, то кража оставалась незамѣченною въ продолженіи 3 дней, до 8 мая 1846 года, а въ этотъ день обнаружена казначеемъ приказа, пришедшимъ въ кладовую для вынутія денегъ.

Въ то же время, по распоряженію бывшаго симбирскаго гражданскаго губернатора Булдакова, (впослѣдствіи умершаго), была учреждена слѣдственная коммисія; но какъ не были извѣстны ни виновные, ни время, когда именно сдѣлана кража, потому что казначей приказа въ послѣдній разъ передъ кражею былъ въ кладовой и видѣлъ сундучекъ въ цѣлости 4 мая, то подозрѣніе въ кражѣ пало на нижнихъ чиновъ, стоявшихъ на часахъ у дверей кладовой въ продолженіе времени съ 4 по 8 мая. Поэтому всѣ они, въ томъ числѣ и рядовой Строевъ, были взяты и допрошены, но никто изъ нихъ въ кражѣ не признался, и денегъ по произведеннымъ обыскамъ ни у кого не найдено.

Впослѣдствіи рядовой Строевъ умеръ, а сообщникъ его рядовой Грачевъ, оставаясь на свободѣ, бѣжалъ съ деньгами и боль-

шую часть ихъ передалъ женѣ своей, проживавшей въ нижегородской губерніи, въ княгининскомъ уѣздѣ. По поимкѣ, онъ скрывалъ званіе свое, но потомъ, бывъ уличенъ: въ ложныхъ о себѣ показаніяхъ и найденными при немъ деньгами, сознался въ кражѣ денегъ изъ кладовой казначейства.

Деньги, отданныя Грачевымъ на сохраненіе женѣ, тогда же отысканы у нея въ числѣ болѣе 28,000 р. с. — Растрачено имъ 1,173 р., которые, по Высочайше утвержденному заключенію генералъ-аудиторіата, повелѣно взыскать съ бывшаго во время кражи командиромъ симбирскаго гарнизоннаго баталіона подполковника Добровольскаго, и съ уѣзднаго казначея Нефедьева вслѣдствіе обнаруженныхъ по дѣлу упущеній ихъ: перваго — по гарнизонной службѣ, а послѣдняго — по ненаблюденію за кладовою казначейства.

Билеты не найдены, но сумма по онымъ осталась въ цѣлости, потому что билеты не были размѣнены.

Между тѣмъ, прежде нежели открыты были дѣйствительно виновные въ кражѣ, изслѣдованіе къ обнаруженію ихъ продолжалось по распоряженіямъ бывшаго симбирскаго гражданскаго губернатора.

Для содѣйствія въ этомъ были посланы въ Симбирскъ чиновники изъ С.-Петербурга: отъ корпуса жандармовъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и отъ военнаго министерства; а командовавшій въ то время корпусомъ внутренней стражи, бывшій генералъ-лейтенантъ Тришатный, и окружный генералъ 4 округа внутренней стражи генералъ-лейтенантъ Мандрыка (оба они уже умерли), сами прибыли въ Симбирскъ для содѣйствія къ открытію виновныхъ и приняли личное участіе въ этомъ дѣлѣ.

Но желая открыть виновныхъ, губернаторъ Булдаковъ и генералъ-лейтенанты Тришатный и Мандрыка, нарушили установленный порядокъ для производства слѣдствій, и вынуждали отъ подозрѣнныхъ въ кражѣ нижнихъ чиновъ сознаніе — тѣлесными наказаніями и другими жестокими и недозволенными мѣрами.

Изъ числа этихъ нижнихъ чиновъ первоначально обратилъ на себя особенное подозрѣніе рядовой Васильевъ, стоявшій на часахъ у кладовой ночью на 6 мая, по замѣченному въ немъ замѣшательству и измѣненію въ лицѣ. Его подвергли аресту и кормили соленою рыбою, не давая пить. Вслѣдствіе такого истязанія,

Васильевъ сознался въ кражѣ; но принявъ ее на себя, не могъ указать, гдѣ скрыты или кому переданы украденныя деньги, и дѣлая разнорѣчивыя показанія, оговаривалъ въ сообществѣ съ собою въ кражѣ многихъ лицъ, совершенно невиновныхъ, а наконецъ, бывъ допрошенъ въ присутствіи генералъ-лейтенанта Мандрыки подъ тѣлеснымъ наказаніемъ, показалъ, что въ кражѣ участвовали съ нимъ рядовые Диковъ, Рѣзцовъ и Казанжа.

Эти рядовые, бывъ подвергнуты тѣлесному наказанію по распоряженію Мандрыки, также вынуждены были взвести на себя участіе въ кражѣ, и не зная, гдѣ украденныя деньги, которыя требовались отъ нихъ, также показывали объ этомъ различно, и оговаривали въ сообществѣ другихъ невинныхъ людей.

Отъ истязаній генералъ-лейтенанта Мандрыки, рядовой Рѣзцовъ двукратно покушался на самоубійство; вслѣдствіе чего на этого рядоваго и другаго товарища его, въ предупрежденіе посягательства на собственную жизнь, надѣты были кожаные рукава, какіе надѣваются на сумасшедшихъ. Рядовой Рѣзцовъ, въ отклоненіе истязаній, призналъ найденный у него собственный сундучекъ украденнымъ съ деньгами изъ кладовой казначейства. Этотъ сундучекъ признали дѣйствительно украденнымъ, лица видѣвшія его въ кладовой; но впослѣдствіи сундучекъ, украденный изъ кладовой казначейства, найденъ въ колодезѣ, куда былъ брошенъ рядовымъ Грачевымъ по похищеніи денегъ.

Всѣ эти рядовые, по Высочайше утвержденному заключенію генералъ-аудиторіата, въ декабрѣ 1853 года по открытіи ихъ невинности отъ суда освобождены.

Что касается подсудимыхъ, то изъ нихъ статскій совѣтникъ Денисовъ, статскій совѣтникъ Кореневъ и штабсъ-капитанъ Рутковскій были въ составѣ слѣдственной коммисіи, производившей изысканіе о кражѣ денегъ: первый слѣдователемъ, второй членомъ со стороны казенной палаты, а послѣдній депутатомъ со стороны военной. Они въ употребленіи со стороны своей какихъ либо мѣръ къ вынужденію отъ нижнихъ чиновъ сознанія, не признались. *)

*) Эти лица не исполнили своей обязанности въ отклоненіи вмѣшательства въ дѣло генераловъ, не принадлежавшихъ къ слѣдственной коммисіи, не устранили стѣснительнаго содержанія подозрѣваемыхъ подъ стражею, которые, по распоряженію губернатора Булдакова, были закованы въ руч-

Подсудимый надворный совѣтникъ Врочинскій, бывъ въ чинѣ подполковника назначенъ командиромъ симбирскаго гарнизоннаго баталіона во время производства слѣдствія, прибылъ къ баталіону тогда уже, когда рядовой Васильевъ сдѣлалъ сознаніе въ кражѣ, и поэтому не зналъ о первоначальномъ истязаніи его; но потомъ, по прибытіи въ Симбирскъ генераловъ Тришатнаго и Мандрыки, исполняя ихъ приказанія, подвергалъ подозрѣваемыхъ въ кражѣ нижнихъ чиновъ тѣлесному наказанію въ квартирѣ Мандрыки и при полиціи, при которой они содержались; въ то же время, въ числѣ другихъ, онъ подписалъ вынужденное отъ нихъ сознаніе.

Подполковникъ Громкау, бывшій помощникомъ баталіоннаго командира въ чинѣ маіора, находился въ числѣ другихъ лицъ при наказаніи нижнихъ чиновъ, когда они вынуждаемы были къ сознанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ подписалъ сознаніе, вынужденное отъ нихъ наказаніемъ.

Впрочемъ Врочинскій и Громкау, какъ и первые трое, были только орудіемъ воли главныхъ своихъ начальниковъ, не смѣя не исполнить ихъ приказанія и возражать имъ.

Убѣжденіе генераловъ Тришатнаго и Мандрыки, равно и губернатора Булдакова въ виновности нижнихъ чиновъ, такъ было велико, что они нисколько въ этомъ не сомнѣвались, и потому, относя разнообразныя ихъ показанія объ украденныхъ деньгахъ къ одному упорству и нехотѣнію отдать деньги, считали дозволенною всякую мѣру, только чтобы заставить ихъ возвратить деньги; возраженій же противъ распоряженій своихъ не терпѣли, считая ихъ неумѣстными, и дѣлали это по общему соглашенію, какъ видно изъ нижеслѣдующаго:

а) Статскій совѣтникъ Денисовъ докладывалъ губернатору о незаконныхъ дѣйствіяхъ Тришатнаго и Мандрыки; но губернаторъ запретилъ вмѣшиваться въ распоряженія ихъ, и самъ вынуждалъ нижнихъ чиновъ къ сознанію стѣснительнымъ содержаніемъ и угрозами, требуя, чтобы они возвратили деньги.

б) Коллежскій ассесоръ Горскій*), замѣтивъ, что Рѣзцовъ

ныя и ножныя кандалы, и зная, что отъ нижнихъ чиновъ вынуждаемо было сознаніе недозволенными мѣрами, не остановили этого, какъ бы слѣдовало по закону.

*) Горскій былъ секретаремъ уголовной палаты въ Симбирскѣ.

покушался на самоубійство отъ наказанія, объявилъ объ этомъ прокурору; но вслѣдъ затѣмъ оговоренъ былъ Рѣзцовымъ при новыхъ допросахъ въ участіи въ кражѣ и по приказанію губернатора былъ взятъ безъ всякихъ оправданій и отданъ подъ строжайшій караулъ, какъ дѣйствительный преступникъ.

в) Губернскій прокуроръ, сообщивъ губернатору о подобныхъ жестокостяхъ послѣ покушенія рядоваго Рѣзцова на самоубійство, настаивалъ объ освидѣтельствованіи его; но губернаторъ никакого распоряженія съ своей стороны по этому предмету не сдѣлалъ, а передалъ протестъ прокурора генералъ-лейтенанту Мандрыкѣ, который въ формальномъ отзывѣ губернатору, призналъ это представленіе прокурора нелѣпымъ (?), сообщивъ притомъ губернатору, что какъ нижніе чины, сознавшись въ кражѣ денегъ, не хотятъ отдать ихъ по загрубѣлости чувствъ, то онъ, по порученію корпуснаго командира, прибылъ въ Симбирскъ единственно для того, чтобы содѣйствовать слѣдственной коммисіи къ открытію похищенныхъ денегъ; но къ крайнему сожалѣнію узналъ, что прокуроръ, подъ видомъ строгаго соблюденія законовъ, вооружается (?) противъ дѣйствій къ приведенію преступниковъ въ полное сознаніе и тѣмъ замедляетъ ходъ дѣла.

г) Чрезъ мѣсяцъ послѣ покушенія Рѣзцова на самоубійство, генералъ-лейтенантъ Мандрыка, въ присутствіи статскаго совѣтника Коренева, бывшаго баталіоннаго командира Врочинскаго, помощника его Громкау и другихъ чиновниковъ, освидѣтельствовалъ Рѣзцова; но въ составленномъ объ этомъ актѣ скрылъ бывшіе на Рѣзцовѣ знаки наказанія, назвавъ ихъ слѣдами подсохшей чесотки.

Вслѣдствіе такого злоупотребленія власти, и медицинскіе чиновники, пользовавшіе Рѣзцова и другихъ нижнихъ чиновъ послѣ наказанія, не донесли объ этомъ, и въ актѣ объ освидѣтельствованіи Рѣзцова сказали также, что у него найдены только слѣды бывшей чесотки.

Военный судъ, находя подсудимыхъ: статскихъ совѣтниковъ Денисова и Коренева, надворнаго совѣтника Врочинскаго, подполковника Громкау и штабсъ-капитана Рутковскаго неуличенными въ пристрастныхъ допросахъ при производствѣ слѣдствія, приговорилъ: оставить ихъ по этому предмету въ подозрѣніи.

Сверхъ того судъ признаъ виновными: Денисова — въ несоблюденіи установленныхъ правилъ въ отношеніи арестованія и содержанія привлеченныхъ къ этому дѣлу лицъ; Коренева — въ непринятіи мѣръ къ отклоненію неправильнаго арестованія ихъ, и въ подписаніи неправильнаго акта объ освидѣтельствованіи рядоваго Рѣзцова; Врочинскаго и Рутковскаго — въ ненаблюденіи за продовольствіемъ арестованныхъ по этому дѣлу нижнихъ чиновъ, а Громкау — въ подписаніи неправильнаго акта объ освидѣтельствованіи рядоваго Рѣзцова. За эти вины судъ полагалъ: Денисову и Кореневу сдѣлать строгій выговоръ, а прочихъ арестовать съ содержаніемъ на гауптвахтѣ: Врочинскаго на двѣ недѣли, Громкау на одну недѣлю, а Рутковскаго на три дня, и, не возвращая удержаннаго у нихъ во время суда половиннаго жалованья, а у нѣкоторыхъ пенсіи, взыскать съ нихъ и съ другихъ прикосновенныхъ къ сему дѣлу лицъ судебныя издержки, какъ по дѣлу, надъ ними произведенному, такъ и при производствѣ перваго дѣла о кражѣ денегъ изъ казначейства, всего 3,702 р. $12^3/_4$ к. сер.

Казанскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Баратынскій находилъ, что при производствѣ означеннаго слѣдствія нижніе чины были наказываемы тѣлесно, по распоряженію бывшихъ въ Симбирскѣ корпуснаго и окружнаго начальниковъ внутренней стражи генералъ-лейтенантовъ Трипатнаго и Мандрыки, вмѣшательства которыхъ въ розысканіе кражи, упадавшей на подвѣдомственныхъ имъ нижнихъ чиновъ, слѣдственная коммисія отвратить была не вправѣ тѣмъ болѣе, что бывшій начальникъ симбирской губерніи, главное начальственное лице въ губерніи, не только былъ извѣщенъ о всѣхъ дѣйствіяхъ этихъ генераловъ, но и самъ распоряжался объ особенно строгомъ содержаніи нижнихъ чиновъ, и кромѣ того отдавалъ приказанія не вмѣшиваться въ распоряженія военнаго начальства съ своими подчиненными, чрезъ что дѣйствія слѣдственной коммисіи были подавлены высшею властію. Поэтому генералъ-лейтенантъ Баратынскій полагалъ: всѣхъ подсудимыхъ, по предмету пристрастныхъ допросовъ и стѣснительнаго содержанія нижнихъ чиновъ и другихъ лицъ подъ арестомъ, освободить отъ всякой отвѣтственности; а за прочія вины избавить отъ взысканія по Всемилостивѣйшему манифесту 27 марта 1855 года и, не воз-

вращая удержаннаго у однихъ изъ нихъ половиннаго жалованья, а у другихъ пенсіи, взыскать съ нихъ и съ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ судебныя издержки, согласно приговору военнаго суда.

Генералъ-аудиторіатъ сообразивъ вышеизложенное полагалъ: 1) подсудимыхъ статскихъ совѣтниковъ Денисова и Коренева, и штабсъ-капитана Рутковскаго за то, что они, производя въ 1846 году слѣдствіе о кражѣ изъ кладовой симбирскаго уѣзднаго казначейства денегъ, допустили вмѣшательство въ это дѣло лицъ, не принадлежащихъ къ слѣдственной коммисіи, и не остановили употребленныхъ сими лицами недозволенныхъ мѣръ къ вынужденію отъ нижнихъ чиновъ сознанія въ кражѣ, а бывшихъ командира симбирскаго гарнизоннаго баталіонаВрочинскаго и помощника его подполковника Громкау за приведеніе въ исполненіе распоряженій означенныхъ лицъ о тѣлесномъ наказаніи нижнихъ чиновъ къ вынужденію отъ нихъ сознанія,—на основаніи 374 ст. улож. о наказ. уголовн. и испр., слѣдовало бы наказать арестомъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ, но отъ этого взысканія освобождаются они согласно Высочайшему повелѣнію, объявленному по военному вѣдомству 27 марта 1855 года, и какъ всѣ вообще незаконныя мѣры при производствѣ слѣдствія произошли отъ злоупотребленія главныхъ ихъ начальниковъ: бывшаго симбирскаго гражданскаго губернатора Булдакова, командовавшаго корпусомъ внутренней стражи Тришатнаго и бывшаго начальника 4 округа внутренней стражи Мандрыки, вмѣшательство которыхъ въ розысканіе слѣдователи едва ли отклонить могли, особенно Врочинскій, Громкау и Рутковскій, состоявшіе подъ непосредственнымъ начальствомъ Тришатнаго и Мандрыки,—то, во вниманіе къ этимъ обстоятельствамъ, подвергшимъ подсудимыхъ отвѣтственности, генералъ-аудиторіатъ полагалъ: опредѣленное имъ взысканіе не считать препятствіемъ къ правамъ и преимуществамъ, прежнею службою пріобрѣтеннымъ. 2) Удержанное у подсудимыхъ во время суда: у однихъ половинное жалованье, а у другихъ половинную пенсію, не возвращая имъ, какъ не совершенно оправданнымъ, обратить на пополненіе издержекъ, употребленныхъ при производствѣ надъ ними слѣдствія и суда; а если удержанныхъ у нихъ денегъ будетъ недостаточно, то остальныя взыскать съ нихъ по мѣрѣ жалованья,

какое они получали. 3) При производствѣ первоначальнаго слѣдствія о кражѣ денегъ изъ кладовой симбирскаго уѣзднаго казначейства нижними чинами, издержано было на прогоны и другіе предметы 1,995 р. 71¾ к. сер., которые остаются еще непополненными. Деньги эти, какъ нисколько не относящіяся къ дѣлу о подсудимыхъ, и по неоткрытію виновныхъ въ той кражѣ, кромѣ двухъ нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ одинъ наказанъ, а другой умеръ,—принять на счетъ казны. 4) Обстоятельства о прикосновенныхъ къ дѣлу сему: бывшемъ симбирскомъ гражданскомъ губернаторѣ Булдаковѣ, командовавшемъ отдѣльнымъ корпусомъ внутренней стражи Тришатномъ, и бывшемъ окружномъ генералѣ 4 округа внутренней стражи Мандрыкѣ, за смертію ихъ и потому, что отъ нихъ не было отобрано объясненій, оставить безъ послѣдствій, на основаніи 231 ст. св. учрежд. губерн., въ которой сказано: никакое взысканіе не можетъ быть наложено, безъ истребованія предварительно отъ признаваемыхъ винновыми объясненія. 5) Медицинскихъ чиновниковъ, которые, пользуя нижнихъ чиновъ послѣ незаконнаго наказанія при слѣдствіи, не доносили объ этомъ начальству, равно и другихъ лицъ, обвиняемыхъ въ допущеніи безпорядковъ при производствѣ слѣдствія, оставить безъ дальнѣйшаго преслѣдованія на основаніи 1 ст. Высочайшаго повелѣнія 27 марта 1855 года.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата удостоилось въ 22 день сентября 1856 г. Высочайшаго утвержденія.

О рядовомъ Казимірѣ Липскомъ, учинившемъ покушеніе на самоубійство.

С.-петербургской полиціи брантъ-маіоръ Эртель, 24-го сентября 1848 года донесъ с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру, что рядовой фонарной команды Казиміръ Липскій, 23-го того сентября, за двухдневную отлучку и пьянство по распоряженію брантмейстера Лашкова былъ посаженъ подъ арестъ въ пустопорожній ледникъ, а на другой день, когда по приказанію Лашкова велѣно было привести Липскаго въ кухню для объявленія ему предъ командою за проступки его прощенія, найденъ повѣсившимся, но поданными ему пособіями приведенъ въ чувство.

По медицинскому освидѣтельствованію рядоваго Липскаго, кромѣ значительной величины рубца ниже правой лопатки отъ бывшей какъ видно язвы, двухъ небольшихъ рубцовъ на лѣвой ягодицѣ послѣ пролета пули, и знаковъ на спинѣ и поясницѣ вслѣдствіе приставленія ему рожковъ, ничего болѣе не оказалось, а также и слѣдовъ наказанія и вдавленія на шеѣ отъ наложенія петли не замѣчено.

Подсудимый рядовой *Липскій* при слѣдствіи показалъ, что въ ночи на 20-е сентября 1848 года, по потушеніи на дистанціи своей городскихъ фонарей, выпилъ бывшее при немъ въ посудѣ вино и отправился во дворъ простонародныхъ бань спать, гдѣ и спалъ до прихода рядоваго Кузнецова, которымъ онъ былъ представленъ въ команду. Послѣ сего брантмейстеръ Лашковъ, при раздачѣ фонарщикамъ масла, приказалъ всѣмъ собраться на кухню, не объясняя для чего; онъ Липскій предполагая, что такое приказаніе отдано для наказанія его, ушелъ на задній дворъ, а оттуда на чердакъ, гдѣ спрятался между ларями, накрывшись рогожами, и пробывъ въ такомъ положеніи болѣе сутокъ, 23 сентября рядовымъ Ревягинымъ былъ найденъ и представленъ первоначально къ брантмейстеру, а потомъ къ брантъ-маіору; отъ сего же послѣдняго онъ Липскій отправленъ обратно въ команду и посаженъ въ предверіе ледника подъ арестъ, въ коемъ находясь до 10-го часу утра другаго дня, услышалъ голосъ брантмейстера Лашкова о сборѣ также всей команды. Размысливъ, что предстоитъ ему жестокое наказаніе, *отъ котораго можно лишиться жизни*, онъ замѣтилъ вколоченный въ стѣну ледника гвоздь и рѣшился прекратить себѣ жизнь чрезъ удавленіе; для сего сдѣлавъ изъ бывшихъ при немъ платка и портянки петлю, повѣсился; но лишь только сталъ приходить въ безпамятство, какъ пришедшими за нимъ, брантмейстерскимъ помощникомъ Прокофьевымъ и ефрейторомъ Солоненкою, былъ снятъ и облитъ холодною водою, отъ которой онъ Липскій тогда же очувствовался. Къ сему Липскій добавилъ, что къ покушенію на самоубійство, кромѣ страха подвергнуться жестокому наказанію, никакихъ другихъ причинъ не имѣлъ.

Рядовой Никита *Ревягинъ* показалъ, что вечеромъ 23 сентября 1848 года, при входѣ его на чердакъ для взятія находившихся на ономъ собственныхъ его вещей, нашелъ рядоваго Липскаго

лежавшаго между ларями, покрытаго рогожами, и какъ зналъ, что онъ находится въ отлучкѣ, то и предоставилъ его къ начальству.

Брантмейстерскій помощникъ унтеръ-офицеръ *Прокофьевъ* и ефрейторъ *Солоненко* показали, что они по приказанію брантмейстера Лашкова утромъ 24 сентября были посланы за рядовымъ Липскимъ, находившимся тогда въ ледникѣ подъ арестомъ, для объявленія ему предъ собравшеюся командою за двухдневную его отлучку прощенія, и при входѣ въ ледникъ нашли его повѣсившимся, а когда по снятіи съ петли пришелъ онъ въ чувство, то на вопросы о причинѣ покушенія, отвѣчалъ, что рѣшился лишить себя жизни отъ страха наказанія.

Брантмейстеръ, губернскій секретарь *Лашковъ*, объяснилъ, что рядовой Липскій посаженъ былъ подъ арестъ въ предверіи ледника, какъ пьяный, для вытрезвленія, а болѣе потому, что у нихъ нѣтъ такихъ помѣщеній, гдѣ бы Липскій, вслучаѣ тревоги на пожаръ, оставаясь безъ надзора, не могъ сдѣлать новой отлучки; команду же собиралъ онъ Лашковъ не для наказанія Липскаго, но для объявленія ему при всѣхъ нижнихъ чинахъ испрошеннаго имъ Лашковымъ у брантъ-маіора за проступки его прощенія въ той надеждѣ, что онъ чрезъ снисхожденіе къ нему постарается исправить себя.—Это подтвердилъ и брантъ-маіоръ Эртель.

Въ военномъ же судѣ подсудимый *Липскій*, подтверждая отобранный при слѣдствіи допросъ, объяснилъ, что онъ въ томъ допросѣ хотя и показалъ будтобы отъ предстоявшаго жестокаго наказанія могъ лишиться жизни, но это преувеличеніе сдѣлалъ по наущенію содержавшихся съ нимъ арестантовъ, которые увѣрили, что если онъ такъ покажетъ, то получитъ облегченіе въ наказаніи. Къ сему подсудимый Липскій присовокупилъ, что онъ чувствуетъ себя чрезвычайно слабымъ отъ полученныхъ имъ еще въ крестьянствѣ при возмущеніи польскихъ мятежниковъ ранъ.

Вслѣдствіе сего подсудимый рядовой Липскій, 29 марта 1849 г. въ болѣзни его былъ свидѣтельствованъ въ присутствіи членовъ конторы 2-го военно-сухопутнаго с.-петербургскаго госпиталя, и оказалось, что Липскій дѣйствительно былъ раненъ въ лѣвую сторону таза пулею на вылетъ, а въ правую голень засѣвшею въ икрѣ пулею, которая была вырѣзана; широкій рубецъ на поясо-

лицъ и страданіе лѣваго локтя съ контрактурою лѣваго мизинца. А потому свидѣтельствовавшіе Липскаго медики заключили, что онъ можетъ быть подвергнутъ только умѣренному наказанію розгами, но шпицрутеннаго наказанія, безъ явной опасности на жизнь, перенести не можетъ.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенное, опредѣлилъ: подсудимаго рядоваго Липскаго, за отлучку отъ команды, пьянство и покушеніе на самоубійство, — по лишеніи имѣемой имъ нашивки за безпорочную службу, наказать розгами, давъ сто лозановъ, и за посягательство на свою жизнь предать его церковному покаянію по усмотрѣнію духовнаго начальства.

Убійство арестантами курскаго тюремнаго замка: Самофаловымъ, Струковымъ и Ретинскимъ — смотрителя замка Безика.

10 сентября 1845 года, курской полицiймейстеръ маіоръ Меньшиковъ объявилъ въ присутствіи полиціи, что того числа въ 7 часовъ по полудни содержавшіеся въ тюремномъ замкѣ военные арестанты: Николай Самофаловъ, Иванъ Струковъ и Егоръ Ретинскій зарѣзали смотрителя замка отставнаго прапорщика Безика.

По донесенію объ этомъ происшествіи курскому гражданскому губернатору, послѣдній предписалъ состоящему при немъ чиновнику особыхъ порученій Яновскому: произвести изслѣдованіе при депутатѣ со стороны военной, и офицерѣ корпуса жандармовъ.

Между-тѣмъ, шефъ жандармовъ довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, что 10 сентября 1845 года, въ курскомъ острогѣ во время повѣрки военныхъ арестантовъ смотрителемъ онаго Безикомъ, съ караульнымъ офицеромъ и унтеръ-офицеромъ, трое арестантовъ: Самофаловъ, Струковъ и Егоръ Ретинскій бросились на нихъ, причемъ Самофаловъ ударилъ смотрителя ножемъ въ високъ, и вытолкалъ караульнаго офицера вонъ изъ казармы, а Струковъ и Ретинскій повалили смотрителя на полъ, и первый держалъ, а послѣдній изрѣзалъ его ножемъ. По прибытіи въ острогъ мѣстнаго начальства, нашли смотрителя уже мертвымъ,

и по опросу о семъ преступниковъ, они отвѣчали, что поступили такъ съ смотрителемъ за то, что онъ отпускалъ имъ малыя порціи, и что подучены были къ тому прежнимъ смотрителемъ.

Вслѣдствіе сего, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: командировать въ Курскъ флигель-адъютанта Якимовича для принятія мѣръ къ раскрытію истины сего происшествія, съ наблюденіемъ за ходомъ уже наряженнаго слѣдствія.

По окончаніи сего слѣдствія, генералъ-маіоръ Якимовичъ донесъ военному министру, что первоначальныя показанія преступниковъ: Струкова, Ретинскаго и Самофалова оказались ложны и условленными между ними тотчасъ послѣ преступленія; истинныя же причины къ означенному смертоубійству, какъ они послѣ сознались и слѣдствіемъ подтверждено, были слѣдующія:

1) Прапорщикъ Безикъ, поступивъ въ должность смотрителя, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы арестанты не имѣли сообщенія съ женщинами, тамъ же подъ стражею находящимися, дѣлалъ арестантамъ угрозы, что посадитъ ихъ въ карцеръ, если не будутъ исполнять въ точности его приказаній, и когда предъ происшествіемъ нашелъ означенныхъ трехъ преступниковъ въ отхожемъ мѣстѣ разговаривающими между собою, то ударилъ каждаго изъ нихъ по два раза рукою по лицу, и 2) три арестантки Валобуева, Лебедева и Галкина, имѣвшія до того любовную связь съ арестантами, будучи лишены свиданія съ ними чрезъ означенное распоряженіе прапорщика Безика, упрашивали преступниковъ лишить его жизни, и одна изъ нихъ Волобуева доставила имъ ножъ. Галкина въ участіи къ смертоубійству Безика доведена до сознанія, а другія двѣ признанія не сдѣлали; однакожъ по дѣлу имѣются достаточныя къ обвиненію ихъ улики. Кромѣ ножа, взято было изъ кухни тюремнаго замка для совершенія убійства полѣно, которое никѣмъ изъ караульныхъ замѣчено не было.

По слѣдствію же и суду оказалось слѣдующее:

При осмотрѣ тѣла убитаго прапорщика Безика найдено, что правая бровь у него разсѣчена на $1\frac{1}{2}$ вершка, на правой сторонѣ подбородка сдѣланы ножемъ три поперечныя царапины, изъ коихъ одна длиною въ вершокъ, а двѣ въ $\frac{1}{2}$ вершка; на темени кожа разсѣчена длиною въ два вершка, на передней части шеи

поперечная рана въ 2½ вершка длиною, и нижняя часть гортани, пищепріемный каналъ, сонныя артеріи и шейныя вены перерѣзаны, на лѣвой рукѣ противъ большаго пальца царапина въ ½ вершка, передняя часть правой височной кости, и нижняя часть теменной правой стороны, расколоты и вдавлены во внутрь черепа, нижняя часть лѣвой теменной кости расколота на три большія части.

Подсудимые Самофаловъ, Струковъ и Ретинскій, признаваясь въ убійствѣ прапорщика Безика, показывали сначала, что убійство совершено ими по наущенію бывшаго смотрителя тюремнаго замка Кременецкаго, и что ножъ, которымъ зарѣзанъ Безикъ, доставленъ изъ нихъ Самофалову экономомъ замка Леберомъ; но потомъ при передопросахъ, объявивъ, что оговорили Кременецкаго и Лебера ложно, показали, что рѣшились убить Безика за то, что онъ: во 1-хъ воспретилъ арестантамъ имѣть сообщеніе съ содержащимися въ тюремномъ замкѣ женщинами, изъ коихъ съ Домною Волобуевою и Натальею Галкиною, имѣли любовныя связи, съ первой Самофаловъ, а со второй Струковъ, и во 2-хъ за то, что Безикъ, увидѣвъ ихъ подсудимыхъ въ отхожемъ мѣстѣ и подозрѣвая, что они курятъ тамъ трубки, ударилъ каждаго два раза рукой по лицу, и обѣщался посадить въ карцеръ и наказать. Къ совершенію сего преступленія уговорили ихъ также и означенныя женщины, и изъ нихъ Волобуева тайно передала Самофалову 10 сентября 1845 года ножъ. Въ этотъ же день изъ нихъ Ретинскій, во время прихода въ кухню за пищею, взялъ тамъ изъ дровъ дубовое полѣно. Вещи сіи они спрятали въ отхожемъ мѣстѣ: ножикъ подъ стольчакомъ, и полѣно за дверью, а вечеромъ въ тотъ же день они подсудимые, взойдя всѣ трое въ отхожее мѣсто, тамъ условились убить смотрителя, и изъ нихъ Самофаловъ, спрятавъ подъ шинель полѣно, а Ретинскій ножикъ, пришли въ камеру и потомъ съ этими вещами встали во фронтъ собравшихся арестантовъ для переклички. Во время переклички, когда смотритель въ сопровожденіи караульнаго офицера, подошелъ къ передней шеренгѣ, въ которой съ флангу стояли подсудимые, изъ нихъ Самофаловъ ударилъ смотрителя Безика полѣномъ въ високъ. Отъ этого Безикъ бросился было впередъ по шеренгѣ, но былъ остановленъ Струковымъ и Ретинскимъ, и поваленъ между нарами; тогда изъ нихъ Ретинскій, на-

несъ Безику ножемъ ударъ въ голову и потомъ перерѣзалъ горло. Между тѣмъ въ камерѣ произошло большое смятеніе; конвойные въ то время стояли безъ ружей, а караульный офицеръ и унтеръ-офицеръ бросались чрезъ нары и кричали, чтобы оставили Безика, но они подсудимые, не слушая никакихъ приказаній, не оставили Безика до тѣхъ поръ, пока не изрѣзали ему лица, и не перерѣзали горла. Затѣмъ караульный офицеръ, конвойные и арестанты выбѣжали въ коридоръ, а они подсудимые оставались въ камерѣ, и изъ нихъ Самофаловъ обыскалъ карманы убитаго смотрителя, и найдя четыре гроша, положилъ ихъ въ свой мѣшокъ; потомъ доставъ изъ этого мѣшка ситцевую рубашку, надѣлъ ее вмѣсто той, которая была на немъ во время убійства. Когда же къ дверямъ камеры подошли солдаты съ ружьями, а Струковъ говорилъ, что ему захотѣлось помочиться, Самофаловъ сказалъ съ усмѣшкою, чтобы онъ испустилъ мочу въ картузъ или голенище убитаго Безика. Между-тѣмъ караульный офицеръ съ вооруженными солдатами, войдя въ камеру, взялъ ихъ подсудимыхъ въ карцеръ.

Оговоренныя подсудимыми въ подговорѣ къ убійству арестантки, Настасья Галкина и Домна Волобуева, показали:

Галкина,—что приходя въ кухню для приготовленія арестантамъ пищи, видалась тамъ съ приходившимъ туда арестантомъ Струковымъ, и когда представлялся удобный случай, имѣла съ нимъ любовную связь; когда же по назначеніи въ замокъ смотрителемъ прапорщика Безика, воспрещено было арестанткамъ имѣть свиданіе съ мужчинами, она Галкина, узнавъ при разговорѣ съ Струковымъ чрезъ дырочку въ замкѣ у дверей, что арестанты Самофаловъ и Ретинскій имѣютъ намѣреніе убить смотрителя Безика, точно просила Струкова помогать Самофалову и Ретинскому въ убійствѣ.

Волобуева, — что хотя арестанту Самофалову по просьбѣ его мыла бѣлье, получила отъ него за это три платка, и Самофаловъ при свиданіи съ нею въ оконкѣ и на дворѣ уговаривалъ ее Волобуеву къ блуду, но она на это не согласилась; къ убійству смотрителя не подговаривала, о намѣреніи подсудимаго Самофалова совершить это преступленіе не знала, и ножа Самофалову не передавала. Это показаніе Волобуева подтвердила и на очной ставкѣ съ подсудимымъ Самофаловымъ.

Содержавшіяся въ одной камерѣ съ Волобуевою 15 женщинъ показали, что имѣла ли Волобуева любовную связь съ арестантомъ Самофаловымъ, подговаривала ли его къ убійству смотрителя, и доставила ли ему ножъ,—не знаютъ, но когда совершено было убійство, Волобуева въ сильномъ волненіи сказала «пропала я, военные арестанты зарѣзали ножемъ смотрителя; пусть рѣжутъ мое тѣло, я ничего не открою.»

Содержавшаяся въ той же камерѣ женщина *Наталья Галкина* объявила, что 5 сентября 1845 года видѣла, какъ приходившая къ Волобуевой сестра ея, Прасковья Шевлюкова, бросила въ окошко къ Волобуевой какую то завернутую въ тряпицу вещь, и она Галкина полагаетъ, что это былъ ножъ.—Но Шевлюкова въ доставленіи ножа, а Волобуева въ полученіи онаго, и также въ произнесеніи вышеобъясненныхъ содержавшимися съ нею арестантками словъ,—не сознались.

Находившіеся 5 сентября на часахъ около тюремнаго замка, рядовые курскаго гарнизоннаго баталіона, Никифоръ *Григорьевъ* и Игнатій *Корестылевъ*, показали, что никакихъ женщинъ въ тотъ день къ замку не допускали для разговора въ окошке съ арестантами.

Сверхъ сего подсудимый Струковъ оговорилъ въ подговорѣ его къ убійству смотрителя арестантку Екатерину Лебедеву, но она въ томъ не созналась.

Находящіеся при курскомъ тюремномъ замкѣ въ услуженіи отставные, унтеръ-офицеръ Ларіонъ Щолоковъ и рядовой Степанъ Тимофѣевъ подъ присягою показали:

Унтеръ-офицеръ *Щолоковъ*,—что 10 сентября 1845 года, когда бывшій смотритель замка прапорщикъ Безикъ повѣрялъ арестантовъ съ лѣваго фланга, то въ это время онъ Щолоковъ услышалъ, какъ что-то стукнуло, и потомъ произошло между арестантами большое смятеніе; посему онъ Щолоковъ хотѣлъ было удостовѣриться, отъ чего произошло смятеніе, но узнавъ отъ арестантовъ, что смотритель убитъ, выбѣжалъ на гауптвахту и объявилъ о томъ.

Рядовой *Тимофѣевъ*, — что когда бывшій смотритель Безикъ, при повѣркѣ арестантовъ, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ арестантъ Самофаловъ, сей послѣдній нанесъ Безику полѣномъ ударъ въ голову. Въ это время произошло большое смятеніе, и

всѣ бросились бѣжать въ коридоръ, куда въ толпѣ выбѣжалъ и онъ Тимоѳеевъ; кто же именно рѣзалъ ножемъ Безика, онъ Тимоѳеевъ не видалъ.

Тридцать три человѣка арестантовъ, содержавшихся въ одной камерѣ съ подсудимыми, показали, что о намѣреніи сихъ послѣднихъ совершить убійство не знали; ножа и полѣна, коими совершено это преступленіе, у подсудимыхъ не видали. Когда бывшій смотритель тюремнаго замка Безикъ, съ караульнымъ офицеромъ и унтеръ-офицеромъ, подошли во время переклички къ правому флангу, то они показатели услышали стукъ, какъ что-то шлепнуло; когда же вскорѣ за симъ произошелъ большой шумъ и смятеніе, и арестантъ Мурзинъ, а за нимъ и караульный офицеръ Константиновъ, вскочивъ на нары, закричали, что рѣжутъ и бьютъ, они показатели испугавшись, начали выбѣгать въ коридоръ, а вмѣстѣ съ ними караульный офицеръ и стоявшіе у дверей безъ ружей конвойные. Посему, какъ ударилъ смотрителя Безика арестантъ Самоѳаловъ полѣномъ, и какъ онъ вообще съ арестантами Ретинскимъ и Струковымъ рѣзали Безика ножемъ, и что затѣмъ дѣлали, они, показатели, не видали.—Къ сему арестантъ Мурзинъ присовокупилъ, что когда во время смятенія между арестантами, караульный офицеръ хотѣлъ схватить подсудимаго Самоѳалова, сей послѣдній сказалъ: «ваше благородіе, отойдите отъ меня, а то будетъ и вамъ тоже, что смотрителю Безику».

Бывшій 10 сентября 1845 года въ караулѣ при курскомъ тюремномъ замкѣ, поручикъ курскаго гарнизоннаго батальона Константиновъ отозвался, что при вступленіи въ караулъ, онъ осматривалъ всѣ камеры и ничего противнаго уставамъ не нашелъ, а при вечерней повѣркѣ арестантовъ, поставивъ караулъ въ ружья въ солдатской караульнѣ, пошелъ съ смотрителемъ Безикомъ въ арестантскую камеру, взявъ туда для бо́льшей предосторожности дежурнаго унтеръ-офицера Головко, и для осмотра семь или восемь рядовыхъ безъ ружей. По прибытіи въ камеру, гдѣ арестанты построены были въ двѣ шеренги, онъ Константиновъ съ смотрителемъ началъ повѣрку съ лѣваго фланга. Когда же они дошли къ правому флангу, и смотритель, шедшій впереди, обращаясь къ нему Константинову, сказалъ: «всѣ 36»,—въ это мгновеніе одинъ изъ арестантовъ праваго фланга нанесъ смотрителю

ударъ по головѣ, но чѣмъ и кто именно, онъ Константиновъ не замѣтилъ, потому что не ожидалъ таковаго происшествія; хотя показатель и хотѣлъ тогда броситься для спасенія Безика, но не могъ ничего предпринять потому, что въ то время всѣ арестанты, бросившись изъ камеры въ коридоръ и стѣснивъ въ толпѣ своей его Константинова, увлекли къ дверямъ казармы и вытѣснили невольно въ коридоръ. Тамъ онъ Константиновъ, приказавъ арестантамъ войти въ другой нумеръ, самъ, съ сбѣжавшимися на крикъ караульными, вошелъ въ камеру, гдѣ случилось происшествіе, нашелъ тамъ смотрителя Безика уже зарѣзаннымъ, и увидѣлъ подсудимыхъ Струкова, Самофалова и Ретинскаго, изъ коихъ Самофаловъ подалъ тогда ему Константинову окровавленный ножъ. Послѣ сего онъ, Константиновъ, приставивъ къ преступникамъ караулъ, донесъ о происшествіи начальству. Къ сему поручикъ Константиновъ присовокупилъ, что приноса подсудимымъ Ретинскимъ изъ кухни въ камеру полѣна нельзя было замѣтить, потому что арестанты, съ дозволенія смотрителя, одни безъ конвойныхъ ходили въ кухню за пищею, и Ретинскій, бывши кашеваромъ и находясь тамъ вечеромъ, могъ безъ всякого подозрѣнія принести полѣно подъ шинелью тѣмъ болѣе, что осмотръ арестантовъ дѣлался по окончаніи ихъ повѣрки. Когда арестантъ Самофаловъ нанесъ прапорщику Безику ударъ полѣномъ, показатель хотѣлъ было броситься къ спасенію Безика, но будучи отдѣленъ выбѣжавшими изъ камеры въ испугѣ арестантами, былъ невольно увлеченъ ими въ коридоръ и не видѣлъ, грозилъ ли ему Константинову полѣномъ подсудимый Самофаловъ.

Унтеръ-офицеръ *Головко* показалъ, что вечеромъ 10 сентября онъ, по приказанію бывшаго того числа въ караулѣ при курскомъ тюремномъ замкѣ поручика Константинова, взялъ въ конвой семь человѣкъ рядовыхъ безъ ружей, привелъ ихъ въ камеру, гдѣ содержались военные арестанты, и поставилъ близь дверей, а когда выстроились арестанты между наръ и стѣною въ двѣ шеренги, то въ тоже время, безъ осмотра какъ камеры, такъ и арестантовъ, подошли къ нимъ смотритель Безикъ, а за ними караульный офицеръ, и онъ Головко. Смотритель и караульный офицеръ начали перекличку съ лѣваго фланга и проходили по шеренгѣ къ правому флангу, и лишь только кончилъ смотритель пере-

кличку и поворотился назадъ, то въ тоже время стоявшій лицемъ противъ смотрителя военный арестантъ Самофаловъ полѣномъ нанесъ ударъ по головѣ смотрителю Безику, который отъ сего присѣлъ къ полу и бросился было по шеренгѣ, но тутъ напали на него какъ Самофаловъ, такъ и арестанты Ретинскій и Струковъ, повалили между наръ и начали рѣзать ножемъ. Все это произведено ими съ необыкновенною быстротою и проворствомъ, такъ что пособія смотрителю оказать было вовсе невозможно; по нанесеніи же Самофаловымъ смотрителю по головѣ удара полѣномъ, онъ Головко бросился было къ Самофалову съ намѣреніемъ схватить его и отнять у него полѣно, но Самофаловъ, грозя ему онымъ, кричалъ на него, что ежели онъ подойдетъ къ нему, то и ему тоже будетъ, что̀ и смотрителю Безику; караульный офицеръ въ то время кричалъ, чтобъ взяли Самофалова, Ретинскаго и Струкова, но къ нимъ подойти никто не осмѣлился, и въ камерѣ сдѣлалось великое между арестантами смятеніе. Тогда караульный офицеръ, онъ Головко, и конвойная команда, по неимѣнію у себя ружей, ушли изъ камеры въ караульню, гдѣ взявъ вооруженныхъ солдатъ, пришли съ ними къ камерѣ, и нашли арестантовъ въ коридорѣ, а въ камерѣ, гдѣ былъ убитъ смотритель, только арестантовъ Ретинскаго, Самофалова и Струкова, которые были потомъ отведены въ карцеръ.—Кромѣ подсудимыхъ, никто изъ арестантовъ, во время означеннаго происшествія, буйства и неповиновенія не оказывалъ.

Показаніе унтеръ-офицера Головко подтвердили восемь человѣкъ рядовыхъ, находившихся въ конвоѣ при перекличкѣ арестантовъ.

Послѣ сего изъ подсудимыхъ *Самофаловъ*, бывъ передопрошенъ, показалъ, что когда онъ принесъ въ камеру изъ отхожаго мѣста полѣно, никто замѣтить не могъ, потому что онъ несъ полѣно подъ шинелью, которая была въ накидку, и притомъ полѣно это было такъ плотно взято подъ мышку, что никакой примѣты не было; когда же смотритель зàмка отъ него отворотился, онъ Самофаловъ съ быстротою ударилъ мѣтко въ правой високъ два раза; тогда караульный офицеръ его не схватывалъ, и онъ Самофаловъ ему ничего не говорилъ; караульному же унтеръ-офицеру Головко точно грозилъ тогда полѣномъ.

Собранными о подсудимыхъ свѣдѣніями обнаружено, что Са-

мофаловъ, Ретинскій и Струковъ, до совершенія ими убійства смотрителя курскаго тюремнаго замка, состояли при курскомъ гарнизонномъ баталіонѣ подъ судомъ: Самофаловъ за первый изъ крѣпостной работы побѣгъ, воровство и взведеніе на себя смертоубійства, Струковъ за 4-й побѣгъ, перемѣну имени, и взведеніе на себя двухъ смертоубійствъ; Ретинскій за первый изъ службы побѣгъ, воровство, перемѣну имени, и взведеніе на себя смертоубійства. Изъ нихъ Ретинскій наказанъ уже за означенныя его преступленія по конфирмаціи окружнаго генерала шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ три раза; военно-судное дѣло о рядовомъ Струковѣ пріобщено къ настоящему дѣлу *), а конфирмовано ли дѣло объ арестантѣ Самофаловѣ и гдѣ оно находится не раскрыто.

Въ отношеніи допущенія бывшимъ смотрителемъ курскаго тюремнаго замка, титулярнымъ совѣтникомъ Кременецкимъ, свиданія между арестантами мужескаго и женскаго пола, Кременецкій объяснилъ, что онъ въ продолженіи десяти-мѣсячнаго управленія его тюремнымъ замкомъ, свиданія между арестантами мужескаго и женскаго пола не допускалъ, и безъ караула никому выходить изъ казармъ не дозволялъ. Изъ женщинъ арестантокъ ходило въ кухню утромъ не болѣе двухъ, и то по-очереди для того, чтобъ мѣсить арестантамъ хлѣбъ. Порядокъ этотъ былъ

*) Изъ упомянутаго военно-суднаго дѣла о рядовомъ Струковѣ видно, что онъ сдѣлалъ 4-й побѣгъ изъ екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, и снеся казенныя аммуничныя вещи, ихъ утратилъ, а бывъ пойманъ въ стародубскомъ уѣздѣ, при допросѣ назвался помѣщичьимъ крестьяниномъ Иваномъ Сафроновымъ и объявилъ, что бродяжничая въ дмитровскомъ уѣздѣ, убилъ тамъ въ селѣ Бѣляевѣ неизвѣстнаго двороваго человѣка, вмѣстѣ съ старостою той деревни Иваномъ Петровымъ. Но Петровъ въ томъ не сознался, и Струковъ на очной ставкѣ его не узналъ, а потомъ, объявивъ настоящее свое званіе, показалъ, что взвелъ на себя смертоубійство и оговорилъ въ участіи въ ономъ старосту Петрова ложно, въ намѣреніи получить съ него денегъ за то, чтобъ его Петрова не оговаривалъ. По преданіи за 4-й побѣгъ суду, Струковъ вновь объявилъ, что въ 1832 году, когда находился еще въ гражданскомъ вѣдомствѣ, вмѣстѣ съ крестьянами Панковыми (деревни Данской, щигровскаго уѣзда), задушилъ въ лѣсу той же деревни крестьянина Семена Иванова. Но крестьяне Панковы въ томъ не сознались и по изслѣдованію оказалось, что крестьянинъ Семенъ Ивановъ не въ 1832, а въ 1828 году задавленъ упавшимъ на него возомъ съ гречихою и ржаною мукою, которые онъ самъ везъ.

заведенъ еще до вступленія въ должность его Кременецкаго. Когда же арестанты мужескаго пола приходили въ кухню обѣдать и ужинать, то тамъ женщинъ никогда не было, и если случалось это, то вѣроятно въ отсутствіе показателя.

Но находившійся при тюремномъ замкѣ въ услуженіи отставной унтеръ-офицеръ *Щолоковъ* показалъ, что во время управленія замкомъ титулярнаго совѣтника Кременецкаго, ходили въ кухню свободно арестанты мужескаго и женскаго пола; внутри замка, ворота близь женскихъ помѣщеній были всегда отперты, и арестанты ходили туда свободно. По вступленіи же въ должность смотрителя прапорщика Безика, свободное свиданіе арестантовъ было прекращено и означенные вороты заперты *).

Генералъ-аудиторіатъ, вникая въ причины, побудившія подсудимыхъ: арестанта Самофалова, и рядовыхъ Ретинскаго и Струкова посягнуть на убійство смотрителя курскаго тюремнаго замка прапорщика Безика во время содержанія ихъ въ томъ замкѣ, нашелъ, что главнымъ побужденіемъ ихъ на смертоубійство была, не злоба къ Безику, какъ они показали, за то что онъ строго наблюдая за ними, прекратилъ допущенныя прежде вступленія его въ эту должность сношенія арестантовъ съ арестантками, но желаніе подвергнуться ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу, какъ это ясно доказывается тѣмъ, что они прежде, по поимкѣ изъ побѣговъ, всѣ взводили на себя ложно смертоубійства, очевидно не съ другой цѣлію; когда же по открывшейся лживости ихъ показаній, они не успѣли въ этомъ, то сговорясь сдѣлать смертоубійство, жертвою злодѣйскаго своего замысла избрали прапорщика Безика, озлобившаго ихъ противъ себя строгимъ за ними наблюденіемъ. Въ семъ предположеніи 10 сентября 1845 г., во время вечерней повѣрки Безикомъ и караульнымъ офицеромъ арестантовъ, одинъ изъ подсудимыхъ, Самофаловъ, нанесъ Безику неожиданно ударъ въ голову приготовленнымъ прежде полѣномъ, которое спрятано было этимъ преступникомъ подъ шинелью, и между тѣмъ какъ прочіе арестанты, въ числѣ болѣе 30, въ тревогѣ отъ сего неожиданнаго случая устреми-

*) Титулярный совѣтникъ Кременецкій, за допущеніе по управленію тюремнымъ замкомъ безпорядка, преданъ былъ въ ноябрѣ 1845 года, по распоряженію курскаго гражданскаго губернатора, военному суду при курскомъ гарнизонномъ баталіонѣ.

лись изъ камеры въ коридоръ, стѣснились и увлекли съ собою караульнаго офицера, подсудимые всѣ трое, бросясь на Безика, повалили его и тутъ же зарѣзали имѣвшимся у нихъ ножемъ. Сіе преступленіе подсудимыхъ заслуживаетъ примѣрнаго наказанія, какъ по важности въ отношеніи къ убитому ими лицу, бывшему ихъ начальникомъ, такъ и по предположенной ими цѣли отбывательства отъ службы чрезъ этотъ злодѣйскій поступокъ, и наконецъ по самымъ дѣйствіямъ при совершеніи преступленія, обнаруживающимъ дерзость ихъ въ высшей степени, и совершенное отсутствіе страха наказанія.—А потому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимыхъ Самофалова, Ретинскаго и Струкова наказать шпицрутенами каждаго чрезъ тысячу человѣкъ по шести разъ, и по лишеніи воинскаго званія, вмѣсто ссылки въ Сибирь въ каторжную работу, которой они желали подвергнуться, обратить въ ближайшую крѣпость въ число арестантовъ всегдашняго разряда, а для удержанія ихъ на будущее время отъ покушеній на преступленіе, приковать всѣхъ троихъ къ телѣжкамъ.—Находившійся тогда въ караулѣ въ тюремномъ замкѣ, поручикъ курскаго гарнизоннаго баталіона Константиновъ, оказался виновнымъ по сему дѣлу въ слабомъ наблюденіи за арестантами, чрезъ что они могли имѣть ножъ и полѣно, употребленные при убійствѣ прапорщика Безика. Хотя же орудія эти они приготовили прежде, и скрывали въ отхожемъ мѣстѣ, а оттуда успѣли принести въ камеру предъ происшествіемъ, потому что въ отхожее мѣсто арестанты ходили, по распоряженію Безика, безъ надзора; но караульный офицеръ не долженъ былъ съ своей стороны допускать сего безпорядка, на основаніи свода военныхъ постановленій, части 3, книги 2, ст. 79, которою постановлено, репровождать арестантовъ на дворъ ефрейтору съ особымъ конвойнымъ. Посему поручика Константинова за это упущеніе, равно и за нераспорядительность во время самаго происшествія, обнаруженную тѣмъ, что онъ, видя нападеніе подсудимыхъ на прапорщика Безика, не нашелся тотчасъ, что предпринять слѣдуетъ,—арестовать на двѣ недѣли съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.—Какъ по дѣлу открыты противозаконныя связи арестантовъ съ содержащимися въ томъ замкѣ арестантками, а двѣ изъ нихъ, Галкина и Волобуева, обвиняются и въ знаніи о намѣреніи подсудимыхъ на убійство прапорщика Безика то о поступленіи по законамъ со всѣми прико-

сновенными къ дѣлу сему лицами гражданскаго вѣдомства, слѣдуетъ сообщить гражданскому начальству.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата въ 9 день мая 1846 года удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Убійство арестантами виленскаго тюремнаго замка смотрителя послѣдняго, подпоручика Марамыгина.

20 августа 1844 года, часу въ 10 утра, во время прогулки по двору виленскаго тюремнаго замка, арестанты Гавронскій, Раюнецъ и Піонтковскій сговорились причинить побои смотрителю подпоручику Марамыгину, и для удобнаго исполненія такого намѣренія изъ нихъ Раюнецъ отозвалъ Марамыгина въ кухню, вымышленно объявивъ ему, что кашеваръ не всыпалъ крупъ въ котелъ, въ которомъ варилась для арестантовъ пища, и когда Марамыгинъ отправился туда, то вслѣдъ за нимъ пришли и подсудимые, изъ коихъ Піонтковскій первый ударилъ его кулакомъ по лицу, примѣру его послѣдовалъ и Раюнецъ, нанося также ударъ рукою въ лицо. Гавронскій же, схвативъ уполовникъ, билъ онымъ смотрителя; потомъ, когда уполовникъ сломался, выхвативъ у Марамыгина изъ ноженъ полусаблю, рубилъ его оною по головѣ и по другимъ частямъ тѣла до тѣхъ поръ, пока на крикъ стоявшаго у будки вблизи кухни часоваго, прибѣжалъ караульный офицеръ съ нижними чинами, и обезоруживъ Гавронскаго, взялъ вмѣстѣ съ Піонтковскимъ и Раюнцемъ въ карцеръ; между тѣмъ смотритель чрезъ четверть часа умеръ.

По освидѣтельствованіи тѣла Марамыгина, найдены: на головѣ 9 ранъ, изъ коихъ двѣ большія въ $4^1/_2$ дюйма каждая, на груди двѣ поверхностныя, на правой рукѣ три средніе пальца перерублены, и на обоихъ локтяхъ разрубы по $2^1/_2$ дюйма.

Подсудимые Гавронскій, Раюнецъ и Піонтковскій въ означенномъ преступленіи сознались, объясняя о причинѣ побудившей ихъ къ тому разнообразно, именно: Піонтковскій показалъ, что поутру 20 августа, когда услышали они крикъ въ карцерѣ, гдѣ содержался арестантъ Гречинъ,—Раюнецъ сказавъ, что вѣроятно смотритель бьетъ его, совѣтовался съ Гавронскимъ побить за

это Марамыгина, къ чему склоняли они и его, Піонтковскаго, а Гавронскій говорилъ, что онъ за все отвѣчаетъ.

Раюнецъ показалъ, что онъ побужденъ былъ къ причиненію побоевъ смотрителю тѣмъ, что послѣдній наканунѣ смерти ударилъ его два раза по лицу; Гавронскій же объяснилъ, что онъ бить смотрителя ни съ кѣмъ не уговаривался и никакой злобы къ нему не имѣлъ; а когда услышалъ драку въ кухнѣ и по входѣ туда увидѣлъ, что Піонтковскій и Раюнецъ бьютъ смотрителя, то онъ, Гавронскій, въ намѣреніи оборонить Марамыгина, схвативъ уполовникъ, началъ бить онымъ Раюнца, но попалъ въ смотрителя; а потомъ, когда уполовникъ сломался, онъ Гавронскій, не помня уже себя, выхватилъ у смотрителя полусаблю и убилъ его оною; далѣе Гавронскій съ усмѣшкою сказалъ: «мертвецъ предо мною, саблю взяли изъ моихъ рукъ, дѣло ясное; чего же вы спрашиваете у меня? Я самъ не знаю, что̀ сдѣлалъ!»

Арестантъ Гречинъ показалъ, что смотритель, поутру предъ происшествіемъ, дѣйствительно причинилъ ему побои за нескромный его, Гречина, отвѣтъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній о происхожденіи Гавронскаго и Раюнца оказалось, что они причислены къ дворянскому роду; но герольдіею, по недостаточности доказательствъ, не утверждены еще въ дворянствѣ; подъ арестомъ до настоящаго происшествія содержались они за разныя кражи, а Піонтковскій по подозрѣнію въ грабежѣ.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенное нашелъ: подсудимыхъ арестантовъ Гавронскаго, Раюнца и Піонтковскаго, по суду и собственному ихъ признанію, виновными въ томъ, что они, содержась въ виленскомъ тюремномъ замкѣ за разныя преступленія, 20 августа 1844 года оговорились причинить побои смотрителю замка подпоручику Марамыгину—за нанесеніе одному изъ нихъ, и другому неучаствовавшему въ преступленіи товарищу ихъ, нѣсколькихъ ударовъ рукою,—и для сего вызвали Марамыгина въ кухню, подъ предлогомъ освидѣтельствованія приготовленной арестантамъ негодной, по словамъ ихъ, пищи. Піонтковскій первый ударилъ Марамыгина кулакомъ по лицу, чему послѣдовалъ и Раюнецъ; Гавронскій же, схвативъ уполовникъ, билъ онымъ смотрителя, а когда уполовникъ сломался, то выхвативъ у Марамыгина полусаблю, рубилъ его оною по

головѣ и по другимъ частямъ тѣла, отъ каковыхъ побоевъ чрезъ четверть часа онъ умеръ. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимыхъ Гавронскаго, Ранецкаго и Піонтковскаго, за вышеизъясненное преступленіе, на основаніи 287, 376 и 379 ст. 1 кн. 5 част. свода воен. пост., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, изъ нихъ первыхъ двухъ происходящихъ изъ дворянъ, но не утвержденныхъ въ этомъ званіи по недостатку доказательствъ, за силою примѣчанія къ 60 ст. означенной 1 книги не подвергать тѣлесному наказанію, а послѣдняго Піонтковскаго наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ три раза, и потомъ всѣхъ ихъ сослать въ Сибирь въ каторжную работу.

На представленномъ Государю Императору отъ генералъ-аудиторіата всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому дѣлу, послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему, Николай, Гатчина, 19 октября 1844.»

О покушеніи коллеж. ассес. Петровымъ на убійство жены.

Старшій помощникъ бухгалтера с.-петербургской сохранной казны коллежскій ассесоръ Петровъ состоялъ въ супружествѣ съ дочерью либавскаго купца Матильдою съ 1836 года, имѣлъ сына 12 лѣтъ, который обучался въ коммерческомъ училищѣ, и дочерей, изъ коихъ одной было 10, а другой 6 лѣтъ отъ роду.

20 ноября 1849 г. Петровъ, квартируя въ наемной квартирѣ, въ петербургской части,—съ 12 часовъ утра началъ пить водку, и во время обѣда продолжалъ это, отъ чего сдѣлался нетрезвъ.

Во время обѣда, (какъ жена Петрова объяснила), неудовольствіе его къ ней произошло отъ того, что онъ безъ всякой причины началъ дѣлать взысканіе съ сына, отпущеннаго къ нимъ изъ училища по случаю праздничнаго дня, а жена вступясь за сына уговаривала мужа, чтобы онъ не обижалъ безвинно ребенка.

Послѣ обѣда, (какъ жена подсудимаго показала), онъ продолжалъ дѣлать придирки, однакожъ съ нею и пришедшимъ къ

нему чиновникомъ инспекторскаго департамента военнаго министерства коллежскимъ асессоромъ Матвѣевымъ пилъ чай, а потомъ Петрова занялась работою, вышиваньемъ, въ особой комнатѣ. Часовъ въ 10 вечера она вышла въ залу, а Петровъ и въ это время продолжалъ укорять ее разными словами, потомъ замолчалъ и вдругъ пошелъ въ спальню, а оттуда выбѣжалъ съ кинжаломъ прямо къ ней. Вскрикнувъ, она бросилась въ уголъ комнаты, а мужъ ея, обнаживъ кинжалъ, ударилъ ее онымъ въ лѣвый бокъ. Въ это время подбѣжалъ къ нему чиновникъ Матвѣевъ и вырвалъ у него кинжалъ. Тотчасъ къ раненной приглашенъ былъ медикъ, а вслѣдъ затѣмъ, извѣстясь о семъ происшествіи, прибыли въ картиру Петрова полицейскіе чиновники съ частнымъ врачемъ.

По освидѣтельствованіи въ тоже время Петровой, у ней оказались три раны: на лѣвомъ боку между девятымъ и десятымъ ребрами поперечно-колото разрѣзная рана, простирающаяся внизъ подъ покровами между мускулами и ребрами на три дюйма; другая рана на срединѣ плеча лѣвой руки съ задней ея поверхности, разрѣзная, величиною въ два дюйма, проникающая въ глубь чрезъ мягкія части до кости, и имѣющая косвенное направленіе сверху внизъ; третья рана поперечная, соединяющаяся со второю, въ дюймъ величиною, также до кости проникающая.

Раненая, какъ въ свидѣтельствѣ объяснено, одержима была отъ раны въ лѣвомъ боку сильной болью, простиравшеюся и на брюшную полость, при затруднительномъ дыханіи и слабости всего тѣла, и находилась не въ безопасномъ положеніи.

Пользующій Петрову медикъ въ отзывѣ своемъ отъ 23 ноября объяснилъ, что не взирая на строгія принятыя имъ мѣры, у ней развилось воспаленіе брюшной плевы, и при ея слабомъ чахоточномъ сложеніи, жизнь ея въ настоящее время находится въ опасности *).

По объясненію сего медика и по показанію самой Петровой, ей нанесенъ мужемъ одинъ только ударъ кинжаломъ въ бокъ; раны же на плечѣ произошли отъ того, что она, защищаясь, старалась отклонить кинжалъ плечемъ.

*) 26 ноября тотъ же медикъ увѣдомилъ, что здоровье Петровой находится въ лучшемъ состояніи и подаетъ болѣе надежды на выздоровленіе.

Самъ подсудимый *Петровъ*, по прибытіи полицейскихъ чиновниковъ въ квартиру его послѣ происшествія, найденъ, (какъ въ составленномъ ими актѣ сказано), весьма нетрезвъ, съ потерею самосознанія, и на вопросы отвѣчать не могъ; а на другой день, 21 ноября утромъ, все тѣло его тряслось, въ особенности голова и руки вслѣдствіе непомѣрнаго пьянства, но онъ былъ въ здравомъ разсудкѣ и отозвался, что случившагося съ нимъ ничего не помнитъ.

При слѣдствіи подсудимый подтвердилъ, что онъ въ день происшествія, 20 ноября, и до обѣда и во время онаго пилъ водку, и дѣлалъ взыскавіе съ сына своего, но за что, не помнитъ. Жену свою онъ не бранилъ, но сердился на нее за то, что она воспрещала ему болѣе пить. Вечеромъ, послѣ чая, укорялъ ли онъ чѣмъ жену свою, не помнитъ; взявши кинжалъ, пришелъ съ нимъ въ залу не съ тѣмъ, чтобы заколоть жену, но какъ совершилъ надъ нею преступленіе, не помнитъ.

Предъ военнымъ судомъ подсудимый Петровъ утвердилъ, что онъ никакихъ причинъ къ совершенію преступленія не имѣлъ, и какъ совершилъ оное, не помнитъ, потому что находился тогда совершенно въ нетрезвомъ видѣ.

Жена Петрова показала, что она не подозрѣваетъ мужа своего въ обдуманномъ намѣреніи причинить ей смерть, но онъ вѣроятно нанесъ ей ударъ кинжаломъ отъ нетрезвости.

Коллежскій ассесоръ Матвѣевъ, подтверждая, что подсудимый Петровъ былъ совершенно въ нетрезвомъ видѣ,—объяснилъ, что особаго повода ему къ совершенію преступленія не было. Ссоры съ нимъ никто не имѣлъ и огорченій ему никто не дѣлалъ. Онъ переходилъ изъ веселаго расположенія къ угрюмости; наконецъ ходя съ нимъ Матвѣевымъ по комнатѣ, имѣлъ общій разговоръ, потомъ сѣлъ въ кресла, и посидѣвъ немного, молча вышелъ въ другую комнату, гдѣ находились у него охотничьи оружія. Вслѣдъ затѣмъ вышла и жена его, а чрезъ двѣ или три минуты, онъ Матвѣевъ, ходя по комнатѣ, услышалъ сзади себя въ углу комнаты крикъ Петровой, а обратясь и увидѣвъ подсудимаго въ противоположномъ углу комнаты, наносившаго женѣ своей кинжаломъ ударъ, бросился къ нему и схвативъ руку, въ которой былъ кинжалъ, оттащилъ его и вырвалъ кинжалъ изъ руки. Послѣ того, пославъ за медикомъ, онъ Матвѣевъ оказы-

валъ раненой пособіе; а Петровъ на вопросъ его о причинѣ нанесенія женѣ ранъ, сперва молчалъ, потомъ отозвался незнаніемъ, и во все время, до прибытія полицейскихъ чиновниковъ, то плакалъ, то на колѣняхъ молился Богу, то просилъ у него Матвѣева на колѣняхъ прощенія въ томъ, что сдѣлалъ его свидѣтелемъ такого несчастнаго происшествія, и убѣдясь въ преступленіи, нѣсколько разъ просилъ пустить его къ женѣ для испрошенія прощенія; а когда прибыли полицейскіе чиновники,— Петровъ, на вопросъ частнаго пристава: за что онъ ранилъ жену?—отвѣчалъ, что не знаетъ.

Находившаяся въ услуженіи у Петрова женщина, по объясненію жены его, при происшествіи не была, и потому объ ономъ не спрошена.

Подсудимый Петровъ имѣлъ отъ роду 45 лѣтъ, состоялъ въ службѣ съ 1819 года, а въ вѣдомствѣ опекунскаго совѣта съ ноября 1824 года; въ 1840 году за отлично-усердную и ревностную службу, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Станислава 3 степени, имѣлъ знакъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, къ исправленію должности всегда аттестовался способнымъ, и къ повышенію чина достойнымъ.

Жена подсудимаго Петрова, при спросѣ по настоящему дѣлу, объявила, что мужъ ея имѣлъ склонность къ пьянству, и въ нетрезвомъ видѣ, съ самаго вступленія съ нею въ бракъ, причинялъ ей обиды, но что она, любя его и дѣтей своихъ, никому на него не жаловалась.

Коллежскій асессоръ Матвѣевъ объяснилъ, что онъ будучи знакомъ съ подсудимымъ Петровымъ болѣе 15 лѣтъ, и занимаясь съ нимъ въ свободное время охотою, знаетъ, что Петровъ въ трезвомъ видѣ былъ кротокъ, а въ пьяномъ всегда почти искалъ случая къ ссорѣ, съ дѣтьми обращался безпорядочно, а иногда причинялъ имъ побои, и придирался къ женѣ своей.

Самъ подсудимый отозвался, что онъ предавался напиткамъ, и нерѣдко, но что въ нетрезвомъ видѣ женѣ своей обидъ не причинялъ, и ссоры съ нею не имѣлъ.

Полицейскіе чиновники, при осмотрѣ слѣдовъ преступленія на мѣстѣ онаго, входили въ розысканіе о поведеніи подсудимаго Петрова, и по сему розысканію оказалось, (какъ въ составленномъ ими актѣ изложено), что Петровъ, въ теченіи 10 лѣтъ по

временамъ подвергался неномѣрному употребленію спиртныхъ напитковъ, причемъ почти всегда приходилъ въ азартъ и наносилъ словами обиды жены.

Его Императорское Величество, 24 ноября 1849 г. когда военно-судное дѣло, доставлено уже было на разсмотрѣніе въ аудиторіатскій департаментъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: вмѣнить въ обязанность военно-судной надъ Петровымъ коммисіи, чтобы она обнаружила, не предавался ли онъ пьянству до сдѣланнаго имъ преступленія? Это Высочайшее Его Величества повелѣніе передано было къ исполненію чрезъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора презусу той военно-судной коммисіи генералъ-лейтенанту Дитерику; но онъ къ дополнительному изслѣдованію о преданности подсудимаго Петрова пьянству, не приступилъ, находя предметъ сей достаточно обнаруженнымъ вышеизложенными объясненіями жены Петрова, чиновника Матвѣева и полицейскимъ розысканіемъ.

Генералъ-аудиторіатъ сообразивъ вышеизложенное нашелъ, что подсудимый коллежскій ассесоръ Петровъ, 20 ноября, нанесъ въ квартирѣ женѣ своей въ лѣвый бокъ кинжаломъ опасную для жизни рану, и вмѣстѣ съ тѣмъ причинилъ ей еще двѣ раны въ плечо, когда она, защищаясь, уклонялась отъ удара. Это преступленіе подсудимый сдѣлалъ въ пьяномъ видѣ и въ раздраженіи отъ того, что жена его сперва заступалась за 12-ти лѣтняго сына, съ котораго онъ во время обѣда дѣлалъ незаслуженное взысканіе, а потомъ останавливала его въ пьянствѣ. Въ этомъ раздраженіи Петровъ первоначально упрекалъ только жену свою, а въ 11 часу вечера, когда она оставя работу, которою нѣсколько времени занималась въ особой комнатѣ, пришла въ комнату, въ которой мужъ ея, и бывшій у него чиновникъ инспекторскаго департамента военнаго министерства коллежскій ассесоръ Матвѣевъ, ходя, разговаривали,—онъ Петровъ, возобновивъ упреки, побѣжалъ въ спальню, взялъ тамъ бывшій у него охотничій кинжалъ, бросился на жену и нанесъ ей означенныя раны; отъ дальнѣйшаго же дѣйствія удержанъ Матвѣевымъ. Подсудимый Петровъ, не признаваясь въ умышленномъ причиненіи женѣ своей ранъ, отозвался, что онъ, по бытности тогда въ нетрезвомъ видѣ, вовсе не помнитъ, какъ это случилось. Жена его объявила, что не имѣетъ на него подозрѣнія въ обду-

маннюмъ намѣреніи на лишеніе ея жизни, и по дѣлу къ обвиненію его въ подобномъ противъ нея умыслѣ доказательствъ не открыто; ибо хотя онъ и прежде, какъ самъ показалъ, нерѣдко предавался пьянству, а въ нетрезвомъ видѣ, какъ жена его и чиновникъ Матвѣевъ объяснили, дѣлалъ ей обиды, — но сіи поступки подсудимаго противъ жены своей доказываютъ только сварливость его характера въ нетрезвомъ видѣ, не обнаруживая, чтобы онъ, будучи съ ней въ супружествѣ 13 лѣтъ, имѣлъ къ ней злобу или ненависть. Впрочемъ Петровъ, нанося женѣ ударъ кинжаломъ въ бокъ, могъ понимать, что посягаетъ на жизнь ея, ибо хотя онъ въ то время и былъ пьянъ, но не до безпамятства, какъ это доказывается тѣмъ, что ходя съ чиновникомъ Матвѣевымъ по комнатѣ предъ самымъ происшествіемъ, разговаривалъ съ нимъ, а потомъ, досадуя на жену, побѣжалъ въ другую комнату и взялъ тамъ кинжалъ; послѣ же происшествія, пришедъ въ раскаяніе, изъявлялъ оное плачемъ, мольбою предъ образомъ, прошеніемъ прощенія у Матвѣева, и желаніемъ испросить прощенія у жены своей. Хотя же прибывшіе въ квартиру его послѣ происшествія полицейскіе чиновники, нашли его, какъ объяснили, столь пьянымъ, что онъ не имѣлъ самосознанія, но сіе нисколько не доказываетъ, чтобы онъ въ такомъ положеніи былъ и при совершеніи преступленія, какъ это видно изъ собственныхъ его дѣйствій; полицейскіе же чиновники прибыли въ квартиру его уже чрезъ два часа послѣ происшествія, въ продолженіе которыхъ онъ могъ прійти въ такое положеніе отъ усилившагося въ немъ постепенно опьяненія. А потому генералъ-аудиторіатъ, находя подсудимаго коллежскаго ассесора Петрова виновнымъ въ покушеніи на лишеніе жизни жены своей, приведенномъ въ исполненіе нанесеніемъ ей кинжаломъ въ бокъ опасной раны, хотя безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ раздраженіи и пьянствѣ, однакожъ въ такомъ состояніи, въ которомъ не могъ не понимать, что посягалъ на жизнь ея,—полагалъ: на основаніи свода военныхъ постановленій части V книги 1, ст. 90 и 378, и уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ ст. 1926, лишивъ его чиновъ, ордена св. Станислава 3 степени, знака отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ

правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата въ 29 день ноября 1849 г. Государемъ Императоромъ измѣнено тѣмъ, чтобы Петрова: «вмѣсто каторги отдать на десять лѣтъ въ крѣпостные арестанты въ Свеаборгъ».

О казакѣ Филиппѣ Красноярцевѣ, виновномъ въ отцеубійствѣ.

Казакъ оренбургскаго казачьяго войска Красноярцевъ, проживая въ карагайской станицѣ, 12 мая 1845 года объявилъ станичному правленію, что отецъ его урядникъ Александръ Красноярцевъ, бывъ вмѣстѣ съ нимъ на пашнѣ 10 мая, въ сумерки отправился на двухъ запряженныхъ въ телѣгу лошадяхъ за сѣменами для посѣва въ карагайскую станицу, гдѣ онъ съ семействомъ проживалъ, обѣщаясь возвратиться на пашню вечеромъ другаго дня, но туда не возвращался; а по пріѣздѣ домой показатель узналъ, что отецъ его и домой не пріѣзжалъ. Вслѣдствіе такого объявленія, для отысканія урядника Красноярцева, станичное правленіе командировало судью того правленія съ 20-ю казаками, которыми Красноярцевъ въ тотъ же день найденъ въ 7 верстахъ отъ станицы Карагайской, въ озерѣ Чебачьемъ, близь берега, лежащимъ въ телѣгѣ мертвымъ, а подлѣ него находился топоръ. Изъ принадлежащихъ уряднику Красноярцеву лошадей, на которыхъ онъ, по объявленію сына, отправился съ пашни, одна найдена въ 200 саженяхъ, запряженною въ оглобли съ передками отъ телѣги, бѣгающая въ полѣ, а другая 12 мая безъ узды въ одномъ хомутѣ пришла домой.

При осмотрѣ мертваго тѣла оказалось, что голова выше праваго виска разсѣчена топоромъ въ длину на два вершка, а въ глубину на полвершка, на затылкѣ двѣ раны, нанесенныя топоромъ, длиною каждая въ одинъ вершокъ; маковка головы раздроблена; подбородокъ разсѣченъ на одинъ вершокъ.

При осмотрѣ мѣста, гдѣ найдено мертвое тѣло Красноярцева, замѣченъ былъ слѣдъ колесъ той телѣги, въ которой найдено тѣло. Слѣдъ этотъ велъ по правому берегу озера, потомъ лугами

чрезъ кусты и пашни, и наконецъ вышёлъ на дорогу. Далѣе тотъ же слѣдъ велъ межею между полосъ *до самой* полевой *избы* подсудимаго Красноярцева.

При осмотрѣ сей избы найдено нѣсколько сосновыхъ пластинъ, на которыхъ оказались кровяные брызги разной величины; принадлежащая подсудимому овчинная шуба тоже покрыта была кровяными пятнами, нѣкоторыя изъ нихъ были замыты и вымараны сажею; близь конюшни найдены зарытыми сѣно, солома и щепки, замаранныя кровью.

Станичный судья *Дементьевъ*, который былъ командированъ для отысканія отца подсудимаго, показалъ, что когда онъ приступивъ къ отысканію Красноярцева, разослалъ для того въ разныя мѣста нѣсколько человѣкъ казаковъ, съ нимъ бывшихъ, а самъ поѣхалъ съ остальными къ полевой избѣ Красноярцева,— то бывшій тутъ же подсудимый Красноярцевъ, указывая рукою къ озеру Чебачьему, сказалъ, что отца его нужно искать тамъ. Заключивъ изъ этого, что Красноярцевъ хочетъ сдѣлать отводъ отъ своего дома, онъ Дементьевъ, послалъ къ гранямъ башкирскихъ дачъ съ Красноярцевымъ двухъ казаковъ, а самъ поѣхалъ къ дому Красноярцева, гдѣ при осмотрѣ никакихъ признаковъ смертоубійства по темнотѣ не замѣтилъ. Отправясь оттуда къ озеру Чебачьему и не отыскавъ тамъ урядника Красноярцева, онъ, Дементьевъ, пріѣхалъ въ станицу, гдѣ узналъ, что Красноярцевъ точно найденъ казаками въ озерѣ Чебачьемъ мертвый. Къ сему судья Дементьевъ присовокупилъ, что если бы смертоубійство сдѣлалъ кто-либо изъ постороннихъ, то вѣроятно воспользовался бы чѣмъ нибудь отъ убитаго, а у него всѣ бывшія при немъ вещи цѣлы.

Казаки *Вавиловъ* и *Коробейщиковъ* (которые были посылаемы судьею Дементьевымъ, для отысканія урядника Красноярцева къ озеру Чебачьему) показали, что 12 мая, когда они пошли къ гранямъ башкирскихъ дачъ, то казакъ Красноярцевъ точно сказалъ имъ, чтобы къ гранямъ они не ѣхали, и указавъ рукою къ озеру Чебачьему, сказалъ, что отца его нужно искать тамъ.

Подсудимый *Красноярцевъ* сначала подтвердилъ при допросѣ объявленіе свое, сдѣланное карагайскому станичному правленію. Но по свидѣтельству подъ присягою сосѣдей его служащихъ и отставныхъ казаковъ, въ числѣ 8 человѣкъ, открыто, что Крас-

поярцевъ съ отцемъ своимъ поступалъ дурно (о чемъ жаловался нѣкоторымъ изъ нихъ самъ урядникъ Красноярцевъ), а одному изъ нихъ же говорила о томъ жена подсудимаго, что подсудимый къ отцу своему повиновенія не имѣлъ и одинъ разъ за то, что отецъ ударилъ рукою его за безпорядки и нерадѣніе по хозяйству, онъ, вмѣсто повиновенія, наговорилъ ему грубостей; сверхъ того подсудимый, имѣя жену, свелъ любовную связь съ дочерью казака Кожевникова.

По поводу всѣхъ сихъ обстоятельствъ, подсудимый былъ вновь спрошенъ и показалъ, что 10 мая 1845 года, вечеромъ, отецъ его, имѣя намѣреніе ѣхать домой за сѣменами для посѣва, заложилъ въ телѣгу пару лошадей, а онъ, Красноярцевъ, оставшихся другихъ лошадей началъ заковывать и при этомъ одну лошадь ударилъ; отецъ же его замѣтивъ это, началъ бить его Красноярцева по лицу руками. Терпя и прежде того частые побои отъ отца своего, онъ Красноярцевъ возъимѣлъ намѣреніе убить его, и когда отецъ его началъ садиться въ телѣгу, то онъ, бывъ въ азартѣ отъ побоевъ, ударилъ его сзади два раза по головѣ небольшимъ березовымъ рычагомъ, отъ чего отецъ упалъ въ телѣгу. Видя, что отецъ его умеръ, показатель отвезъ мертвое тѣло къ озеру Чебачьему, гдѣ отложилъ пристяжную лошадь, а коренную съ телѣгою, въ которой лежалъ отецъ, загналъ въ воду. Наносилъ ли онъ отцу топоромъ раны, онъ, Красноярцевъ, бывъ приведенъ преступленіемъ въ страхъ, не помнитъ. Къ сему подсудимый Красноярцевъ присовокупилъ, что при первомъ допросѣ онъ не объявлялъ себя отцеубійцею потому, что казакъ Томилинъ, карауливщій его въ сборной избѣ, сидя съ нимъ на бывшихъ во дворѣ той избы бревнахъ, научилъ его сдѣлать запирательство. Противъ показанія сосѣдей о прелюбодѣйной его связи съ дочерью казака Кожевникова, подсудимый Красноярцевъ отозвался, что онъ точно имѣлъ съ Кожевниковою любовную связь. Это показаніе подсудимый подтвердилъ въ правленіи оренбургскаго казачьяго № 5 полка и въ военномъ судѣ, отзываясь, что онъ убилъ отца своего безъ всякого намѣренія, и что кровь, оказавшаяся на пластинахъ наръ, найденныхъ въ полевой его избѣ, могла быть отъ привозимой изъ дому для продовольствія сырой говядины.

Казакъ Томилинъ ни при допросѣ, ни на очной ставкѣ съ

Красноярцевымъ, въ наущенiи его сдѣлать запирательство въ убiйствѣ отца, не признался, отзываясь впрочемъ, что онъ точно бывъ поставленъ для караула при подсудимомъ, сидѣлъ съ нимъ во дворѣ на бревнахъ.

Равнымъ образомъ и дочь казака Кожевникова Матрена, оговоренная подсудимымъ въ прелюбодѣянiи съ нимъ, въ томъ не призналась, отзываясь, что она хотя и имѣла съ нѣкоторыми казаками любовную связь, но съ Красноярцевымъ не имѣла.

Генералъ-аудиторiатъ, сообразивъ вышеизложенное, нашелъ подсудимаго казака Красноярцева виновнымъ въ томъ, что онъ 10 мая 1845 года, бывъ съ отцемъ своимъ отставнымъ урядникомъ на пашнѣ, изъ злобы на него вознамѣрился его убить, и для того избравъ время, когда отецъ его намѣревался ѣхать съ поля въ домъ за сѣменами, ударилъ его рычагомъ по головѣ два раза, и нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ топоромъ, и лишивъ его такимъ образомъ жизни, свезъ мертвое тѣло въ находящееся въ 7-ми верстахъ отъ карагайской станицы озеро, и тамъ оставилъ его, а самъ, явясь въ станичное правленiе, 12 того мая сдѣлалъ ложное объявленiе, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти; когда же по отысканiи мертваго тѣла обнаружены были слѣдствiемъ обстоятельства, по коимъ подозрѣнiе въ убiйствѣ пало на него Красноярцева, то онъ Красноярцевъ, при новомъ допросѣ по этому случаю, въ убiйствѣ отца своего сдѣлалъ признанiе, объясняя, что онъ рѣшился на убiйство отца своего за наносимые ему частые побои; но такое показанiе его о жестокомъ обращенiи съ нимъ отца, ничѣмъ по дѣлу не подтвердилось. Напротивъ по повальному обыску обнаружено, что самъ подсудимый, при предосудительномъ своемъ поведенiи, былъ непочтителенъ и грубъ предъ отцемъ. А потому генералъ-аудиторiатъ опредѣлилъ: подсудимаго казака Красноярцева за означенное отцеубiйство, на основанiи св. воен. пост. ч. V, кн. 1 ст. 74 и 376, наказать *кнутомъ*, по важности такого преступленiя высшею мѣрою, пятидесятью ударами, и потомъ, постановивъ на лицѣ его указные знаки, сослать въ Сибирь въ каторжную работу.

О мичманѣ Николаѣ Ирецкомъ, сужденномъ за нанесеніе нѣсколькихъ ранъ прапорщику Ивану Петрову съ намѣреніемъ лишить его жизни.

(Опьяненіе).

Въ мартѣ 1866 года поселились въ гостинницѣ купца Киста въ Севастополѣ четыре офицера корвета «Ястребъ»: 1-го черноморскаго своднаго флотскаго экипажа: лейтенантъ Афонасьевъ и мичманъ Ахременко и 2-го черноморскаго своднаго флотскаго экипажа: мичманъ Ирецкій и прапорщикъ корпуса штурмановъ Петровъ; Афонасьевъ вмѣстѣ съ Ирецкимъ въ одномъ номерѣ, а Ахременко съ Петровымъ въ другомъ.

По отзыву купца Киста, номеръ Афонасьева и Ирецкаго часто навѣщалъ лейтенантъ 2-го черноморскаго своднаго флотскаго экипажа Нагаевъ. Ирецкій, Ахременко, Петровъ и Нагаевъ постоянно бывали вмѣстѣ и у нихъ часто происходили маленькія пирушки, сопровождавшіяся, подъ-часъ, игрою на скрипкѣ и пѣніемъ; Афонасьевъ въ этихъ пирушкахъ не принималъ участія, а Петровъ—весьма рѣдко, потому-что часто находился въ гостяхъ у своихъ родственниковъ. Лейтенантъ Нагаевъ, какъ онъ говоритъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Ирецкимъ и питалъ къ нему особенное расположеніе, потому-что тотъ былъ хорошій товарищъ. Лейтенантъ Афонасьевъ показалъ, что Нагаевъ, въ особенности въ послѣднее время, часто ночевалъ у нихъ въ номерѣ.—По объясненію мичмана *Ирецкаго:* между нимъ и Петровымъ не могло установиться дружественныхъ отношеній, такъ-какъ онъ, съ перваго же взгляда, составилъ себѣ о Петровѣ мнѣніе, что это человѣкъ несостоятельныхъ сужденій; это впрочемъ нисколько не мѣшало имъ сходиться въ кругу товарищей и вести подъ-часъ свои расужденія; живя въ гостинницѣ, почти-что въ смежныхъ номерахъ, они, понятно, часто видѣлись, сходясь иногда за обѣдомъ, завтракомъ или чаемъ, нерѣдко занимались игрою на билліардѣ и случалось вмѣстѣ и покутить; не смотря на недостатки Петрова, послѣдній скорѣе производилъ на него пріятное впечатлѣніе и онъ

всегда считалъ его хорошимъ и добрымъ малымъ.—По словамъ прапорщика Петрова, онъ никогда въ короткихъ, а тѣмъ болѣе въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Ирецкимъ не состоялъ и никогда съ нимъ въ какія-либо разсужденія не вдавался; смотрѣлъ на него, какъ на товарища по службѣ, и какъ они жили въ одной гостинницѣ, то, понятно, часто сходились, причемъ случалось и проводить время въ игрѣ на билліардѣ; кутежу съ Ирецкимъ онъ не предавался, а если случалось покутить въ общей компаніи, то не отказывался.—Мичманъ Ахременко отозвался о Петровѣ, что тотъ вообще былъ поведенія безукоризненнаго.

2-го мая, вечеромъ, между 10-мъ и 12-мъ часами, Ирецкій, Ахременко и Нагаевъ вмѣстѣ ужинали и пили пиво въ номерѣ Афонасьева и Ирецкаго. Афонасьева не было дома. За ужиномъ Ирецкій, Ахременко и Нагаевъ, какъ говоритъ послѣдній, втроемъ выпили графинчикъ водки и нѣсколько бутылокъ пива. Ирецкій, по собственному его показанію, выпилъ до ужина рюмки три водки, а потомъ стакана два или три пива. — Около $^1/_2$ 12 часа возвратился къ себѣ въ номеръ Афонасьевъ и засталъ здѣсь упомянутыхъ офицеровъ за пивомъ. Они предложили было и ему выпить пива, но онъ, чувствуя себя утомленнымъ, отказался и пожелалъ имъ спокойной ночи, приготовляясь лечь спать; тогда Ирецкій, Ахременко и Нагаевъ вышли изъ номера, сказавъ, (какъ засвидѣтельствовалъ Афонасьевъ), что пойдутъ гулять.

Изъ номера они, какъ показалъ Нагаевъ, отправились въ садикъ гостинницы и тамъ допивали пиво; когда же допили, Ахременко ушелъ. По объясненію послѣдняго, онъ отправился послѣ этого къ себѣ въ номеръ, и когда пришелъ туда, Петрова не было дома. Тотъ въ этотъ день уходилъ въ гости къ служащему на одномъ съ нимъ суднѣ подпоручику корпуса инженеръ-механиковъ Лапину, оттуда, пробывъ тамъ до 7 или 8 часа вечера, отправился на бульваръ, а отсюда къ себѣ въ гостинницу.—По словамъ Ахременко, Петровъ возвратился домой подкутивши, но вполнѣ сознавалъ себя, и возвратясь, ужиналъ. — Петровъ показалъ, что онъ за ужиномъ пилъ водку и вино. Поужинавъ, онъ легъ спать, какъ въ это время вошли къ нему Ирецкій и Нагаевъ. Эти двое, какъ показалъ изъ нихъ Нагаевъ, послѣ ухода Ахременко пошли въ номеръ, гдѣ спалъ Афонасьевъ, посидѣли здѣсь немного и отсюда уже пошли къ Петрову. При-

дя сюда, они, по объясненію ихъ и Ахременко, предложили Петрову отправиться съ ними (Ирецкимъ и Нагаевымъ) погулять и, какъ прибавляетъ Нагаевъ, — вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть караимскую свадьбу. По объясненію же Петрова (при спросѣ судебнымъ слѣдователемъ), — когда Ирецкій и Нагаевъ пришли къ нему, Ирецкій сталъ приглашать его отправиться съ ними покутить.—Ирецкій въ это время, какъ показалъ Петровъ, былъ порядочно пьянъ; по словамъ же Ирецкаго, Петровъ въ это время былъ кажется немного не въ своемъ видѣ.—Петровъ сначала отказывался идти, но потомъ пошелъ съ ними.

Далѣе изъ показанія Ирецкаго видно, что во время прогулки, онъ и Петровъ, разговаривая другъ съ другомъ, не сошлись во мнѣніяхъ; разговоръ становился запальчивымъ; онъ, Ирецкій, сказалъ Петрову: «вы глупо судите», вслѣдствіе чего тотъ сталъ поносить его неприличными словами; онъ отвѣчалъ тѣмъ-же; тогда Петровъ ударилъ его рукою, скорѣе всего въ затылокъ, такъ-какъ онъ, Ирецкій, былъ немного впереди; навѣрное не можетъ опредѣлить, куда именно ударилъ его Петровъ. Опомнившись немного послѣ этого оскорбленія, онъ Ирецкій предложилъ Петрову дуэль, но Петровъ отъ нея отказался и продолжалъ поносить его, а равно и сдѣланное предложеніе. Оскорбленный этими неблагородными поступками Петрова, онъ пришелъ въ такое раздражительное состояніе, что пообѣщалъ убить его, и съ того момента рѣшался привести намѣреніе свое въ исполненіе. Петровъ, отказавшись отъ дуели, съ бранью удалился по направленію къ гостинницѣ; онъ, Ирецкій, видѣлъ какъ Петровъ входилъ туда и послѣдовалъ за нимъ. — По объясненію же Петрова, Ирецкій сказалъ ему, что онъ «глупо судитъ»; въ отвѣтъ на это онъ, разсердившись за подобное выраженіе, назвалъ Ирецкаго «свиньею»; тогда Ирецкій тотчасъ-же нанесъ ему палкою сильный ударъ по головѣ, немного выше глаза. Не желая связываться съ пьянымъ Ирецкимъ, онъ тотчасъ-же отправился домой. Вызывалъ-ли Ирецкій его на дуель, не слышалъ.

Противу показанія Петрова о нанесеніи ему Ирецкимъ удара палкою, Ирецкій отозвался, что у него палки въ означенное время не было; можетъ, онъ толкнулъ Петрова, когда тотъ подскочивъ къ нему, намѣревался нанести ему еще ударъ.—Нагаевъ

показалъ, что когда разговоръ между Ирецкимъ и Петровымъ началъ обращаться въ перебранку, онъ, не желая быть свидѣтелемъ ссоры, отсталъ отъ нихъ и потому не знаетъ, что между ними послѣ происходило; ночь тогда была темная. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нагаевъ показалъ, что всѣ они были тогда безъ палокъ, и того, чтобы Ирецкій и Петровъ были тогда пьяны, не замѣтилъ, а были они какъ говорится, подкутивши. Упомянутый отзывъ Нагаева, что онъ отсталъ отъ Ирецкаго и Петрова, никѣмъ изъ сихъ двухъ послѣднихъ не опровергнутъ.

По осмотру-же Петрова судебнымъ слѣдователемъ, въ присутствіи депутатовъ и пристава полиціи, 4 мая, найдены на лицѣ Петрова слѣды удара палкою, ибо (какъ сказано въ составленномъ при этомъ актѣ) около лѣваго глаза и немного ниже его, имѣются два довольно сильныхъ синебагровыхъ пятна, какія обыкновенно происходятъ отъ нанесенія побоевъ палкою.

Петровъ возвратился домой безъ фуражки, и стучась въ стеклянныя двери входа въ гостинницу, разбилъ стекло и обрѣзалъ о него себѣ руки. Онъ говоритъ, что онъ бѣжалъ отъ Ирецкаго, не желая подвергнуться вторичному удару, тѣмъ болѣе, что Ирецкій могъ и убить его палкою; что къ гостинницѣ онъ прибѣжалъ какъ сумасшедшій, и что фуражку потерялъ во время бѣгства. — Шумъ, который производилъ Петровъ, стучась въ двери гостинницы, разбудилъ содержателя ея Киста; по словамъ его, когда онъ проснулся, была поздняя ночь, часъ 3-й, впрочемъ навѣрное времени не берется опредѣлить. Кистъ впустилъ Петрова, причемъ находился и служитель гостинницы мѣщанинъ Степаненко. Кистъ и Степаненко показали, что Петровъ, войдя, говорилъ, что его побили и просилъ поискать его фуражку. Тотъ-же Кистъ показалъ, что, видя Петрова пьянымъ и желая поскорѣе спровадить его въ номеръ, онъ Кистъ замкнулъ двери и проводилъ Петрова въ номеръ; что до прихода еще туда, Петровъ показывалъ ему царапины на рукахъ, утверждая, что это послѣдствія нанесенія ему побоевъ; въ сущности же царапины эти, вѣроятно, произошли отъ обрѣза о выбитое въ дверяхъ стекло; что придя въ номеръ, гдѣ находился мичманъ Ахременко, проснувшійся вѣроятно по случаю ихъ прихода, онъ Кистъ сказалъ Петрову: «ложитесь пожалуйста спать; вы постоянно безпокоите меня и гостей; завтра выбирайтесь, я не

хочу отъ васъ даже денегъ.» Петровъ отвѣчалъ на это: «лягу» и сѣлъ на постель; послѣ сего онъ, Кистъ, тотчасъ же вышелъ изъ номера; уходя же увидѣлъ, что у дверей номера нѣтъ ключа, почему спросилъ Ахременко: «гдѣ ключъ?» Ахременко на это отвѣчалъ, что ключъ былъ у дверей; тогда онъ Кистъ, сказалъ, чтобъ поискали ключа и заперли номеръ. Затѣмъ онъ ушелъ къ себѣ и легъ спать.

Ахременко показалъ, что онъ послѣ ухода Петрова съ Ирецкимъ и Нагаевымъ уснулъ, но около 2 или $2^1/_2$ часовъ ночи былъ разбуженъ шумомъ, и увидѣлъ въ номерѣ Петрова и Киста, изъ коихъ послѣдній уговаривалъ перваго не шумѣть; Петровъ же, обращаясь къ нему Ахременко кричалъ, размахивая руками, что его хотѣлъ зарѣзать Ирецкій, который хотѣлъ зарѣзать и его, Ахременко, за то, что онъ не пошелъ съ нимъ гулять; причемъ Петровъ показывалъ на царапины на рукѣ. Успокоился Петровъ по прошествіи минутъ 10 или 15-ти. Кистъ уложилъ его. Петровъ казался ему, Ахременко, пьянѣе прежняго; словамъ его онъ не предавалъ важности, а царапины на рукахъ Петрова приписалъ обрѣзу о стекло, разбитое Петровымъ въ дверяхъ гостинницы. Минутъ чрезъ 10 или 15 послѣ ухода Киста, какъ онъ Ахременко, хорошо замѣтилъ, Петровъ заснулъ. Онъ Ахременко, дремалъ; дверь номера была заперта, но не на ключъ... Вдругъ врывается въ номеръ Ирецкій въ сильно ожесточенномъ видѣ, подходитъ прямо къ нему, Ахременко, и упрашиваетъ его выйдти изъ номера. Онъ Ахременко замѣтилъ Ирецкому, что онъ его безпокоитъ и что Кистъ недоволенъ имъ Ирецкимъ, и Петровымъ. Однако-же смекнулъ, что у Ирецкаго недобрый замыселъ, въ особенности когда вслѣдъ за Ирецкимъ вошелъ Нагаевъ, и когда замѣтилъ у Ирецкаго въ рукахъ, которыя онъ держалъ позади себя, обнаженный кортикъ. Онъ Ахременко испугался, постарался выбѣжать изъ номера, и побѣжалъ будить прислугу на помощь Петрову.

Служитель при номерахъ гостинницы дворянинъ Бржозовскій показалъ, что ночью, въ которомъ именно часу не знаетъ, разбудилъ его мичманъ Ахременко: причемъ онъ Бржозовскій съ просонокъ разслышалъ только, что Ахременко говорилъ ему: «Иди скорѣе въ 7 номеръ» (гдѣ жилъ Петровъ), куда онъ, Бржозовскій тотчасъ и бросился. Изъ показанія этого же служителя,

и другаго вышеупомянутаго мѣщанина Степаненко (который, минутъ чрезъ 10 или 15 послѣ прихода Петрова, впустивъ въ гостинницу Ирецкаго и Нагаева, легъ спать, но всталъ, услышавъ громкій разговоръ) видно, что они подходили тогда къ номеру Петрова, но, не замѣтивъ тамъ ничего особеннаго и видя чрезъ отворенную дверь номера, что въ немъ Ирецкій и Нагаевъ о чемъ-то разговариваютъ между собою обыкновеннымъ голосомъ, а Петрова не слышно, воротились назадъ и легли спать.

Засимъ, судя по объясненію Киста и Бржозовскаго, чрезъ весьма короткое время послѣ того, какъ Бржозовскій и Степаненко возвратились отъ номера Петрова, Кистъ и прислуга гостинницы были подняты шумомъ: Ирецкій съ крикомъ объявлялъ, что онъ *убилъ Петрова* и требовалъ, чтобы шли къ Петрову на помощь, а его арестовали. Кистъ и Бржозовскій въ ту-же минуту кинулись въ номеръ Петрова; туда же поспѣшилъ и лейтенантъ Афонасьевъ, проснувшійся на разсвѣтѣ отъ шума, а до того времени спавшій крѣпкимъ сномъ и не слыхавшій ничего; они нашли Петрова лежащимъ на кровати, израненнымъ, всего въ крови.

Ирецкій (на допросѣ въ полиціи и на первомъ допросѣ у судебнаго слѣдователя) показалъ, что, возвратясь послѣ ссоры съ Петровымъ въ гостинницу, зашелъ въ номеръ Петрова и вновь предложилъ послѣднему дуель, предваряя его, что если не получитъ положительнаго или удовлетворительнаго отвѣта, то убьетъ его; но тотъ, посмотрѣвъ на него, повернулся на бокъ, не удостоивъ отвѣтомъ. Тогда онъ, Ирецкій, пошелъ къ себѣ, схватилъ свой кортикъ и тотчасъ-же бросился къ Петрову и нанесъ ему нѣсколько ударовъ, не разбирая мѣста, такъ-какъ въ то время не сознавалъ себя. Помнитъ, что послѣ перваго удара Петровъ приподнялся немного на постели, послѣ чего онъ, Ирецкій, нанесъ ему еще нѣсколько ударовъ и затѣмъ, оставивъ кортикъ, вышелъ съ поспѣшностію изъ номера.

Нагаевъ показалъ, что по возвращеніи его и Ирецкаго въ гостинницу (послѣдній предъ тѣмъ, во время прогулки, еще до ссоры съ Петровымъ, пригласилъ Нагаева къ себѣ ночевать), они пошли въ номеръ Ирецкаго, гдѣ Ирецкій, закуривъ папиросу, сообщилъ ему, что за нанесеніе оскорбленія Петровымъ (т. е. за нанесеніе удара) онъ дѣлалъ Петрову вызовъ, но тотъ

отказался отъ дуели; затѣмъ, посидѣвъ минутъ пять задумавшись, Ирецкій вскочилъ и, схвативъ кортикъ, сказалъ, что онъ Петрову сдѣлаетъ еще разъ вызовъ, и если тотъ откажется, то онъ его убьетъ, и бросился въ номеръ Петрова. Онъ, Нагаевъ, поспѣшилъ за Ирецкимъ, не желая допустить его къ Петрову съ обнаженнымъ кортикомъ. Когда онъ Нагаевъ вбѣжалъ туда вслѣдъ за Иренкимъ, то послѣдній, находясь возлѣ кровати Петрова, будилъ и расталкивалъ спящаго Петрова, предлагая вызовъ за оскорбленіе. Петровъ дѣйствительно спалъ, будучи мертвецки пьянымъ или притворялся спящимъ, но, повернувшись на бокъ, не отвѣчалъ. Тогда Ирецкій, обратясь къ нему Нагаеву, и Ахременко сказалъ: «выходите изъ номера, чтобъ вамъ не отвѣчать, потому-что я убью его». Ахременко тотчасъ-же выбѣжалъ изъ номера, но онъ Нагаевъ остался, и не желая допустить Ирецкаго до совершенія преступленія, всѣми силами старался подѣйствовать увѣщаніями на Ирецкаго, говоря ему притомъ, что на соннаго или спящаго не слѣдуетъ нападать. Сначала слова его, какъ будто подѣйствовали на Ирецкаго; нѣсколько минутъ онъ оставался совершенно спокойнымъ, не выпуская, впрочемъ, изъ рукъ кортика. Вдругъ онъ бросается къ Петрову. Онъ, Нагаевъ, въ тоже время схватываетъ Ирецкаго за плечи, и не допуская его къ Петрову садится возлѣ того на кровати, и опять начинаетъ увѣщевать Ирецкаго не дѣлать глупостей и старается всѣми силами вывести его изъ номера. Словомъ, онъ Нагаевъ не терялъ надежды предупредить замыселъ Ирецкаго тѣмъ болѣе, что онъ казался ему не совершенно трезвымъ. Въ это самое время Ирецкій садится также на кровати около Петрова позади его, Нагаева, и замахнувшись на него кортикомъ, произноситъ: «ну такъ я убью тебя». Однако онъ успѣлъ уклониться отъ удара, схватилъ Ирецкаго за руки, и повозившись съ нимъ въ комнатѣ нѣсколько минутъ, усадилъ его на стулъ и сѣлъ также самъ, и опять сталъ уговаривать его пойти спать, объясняя, какъ бы въ утѣшеніе, что если онъ непремѣнно желаетъ драться на дуели съ Петровымъ, то объ этомъ можно поговорить утромъ слѣдующаго дня и, присовокупивъ, что соннаго не слѣдуетъ убивать. Ирецкій упокоился по видимому, и заплакалъ, такъ что въ отношеніи Петрова онъ, Нагаевъ, уже болѣе не заботился, предполагая, что Ирецкій будетъ имѣть те-

перь дѣло съ нимъ, а на свое физическое превосходство онъ расчитывалъ. Увѣщевая и уговаривая такимъ образомъ Ирецкаго, онъ, Нагаевъ, сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Ирецкій, продолжая сидѣть, бранилъ его за то, что онъ его удерживалъ; это еще болѣе стало его Нагаева, успокоивать. Вдругъ, когда онъ повернулся къ Ирецкому спиною, тотъ бросается на Петрова и поражаетъ его кортикомъ,—это было дѣломъ одной секунды. Въ испугѣ онъ Нагаевъ подбѣжалъ къ Петрову и вытащилъ изъ раны кортикъ. Вслѣдъ засимъ онъ побѣжалъ изъ номера по корридору въ билліардную дать знать о поступкѣ Ирецкаго. Кортикъ бросилъ въ корридорѣ. Ирецкій, поразивъ Петрова, выбѣжалъ изъ номера съ какимъ-то истерическимъ хохотомъ.

Служитель гостинницы Бржозовскій засвидѣтельствовалъ, что услышавъ о преступленіи, онъ тотчасъ-же бросился въ номеръ Петрова, и что минутъ чрезъ 8 послѣ его прихода туда, вошелъ туда же Ирецкій и обратясь къ иконѣ, произнесъ: «Господи, что я сдѣлалъ!» и въ тотъ же моментъ бросился на Петрова и нанесъ ему еще ударъ кортикомъ; послѣ чего выскочилъ съ кортикомъ въ двери и сталъ въ корридорѣ, опершись возлѣ стѣны. Тогда онъ, Бржозовскій, занялъ мѣсто у дверей, чтобъ не впустить Ирецкаго въ номеръ.

Въ донесеніи, представленномъ приставомъ полиціи начальству о происшествіи, изложено, что по прибытіи пристава немедленно послѣ сдѣланнаго Кистомъ извѣщенія на мѣсто происшествія, приставъ, войдя въ зданіе, занимаемое номерами, въ первомъ отъ входа номерѣ (номеръ Ирецкаго) увидѣлъ мичмана Ирецкаго, ходившаго изъ угла въ уголъ въ весьма встревоженномъ состояніи. На сдѣланный ему приставомъ вопросъ о случившемся, Ирецкій отвѣтилъ отрывисто: «несчастіе». Вслѣдъ за симъ онъ подалъ приставу обнаженный кортикъ, запекшійся кровью почти по самую рукоятку, и сказалъ: «извольте мой кортикъ и арестуйте меня, я преступникъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ перемѣстить его въ отдаленные покои, чтобъ не слышать стоновъ Петрова, сильно видимо, его безпокоившихъ; причемъ сказалъ: «за что я убилъ человѣка». — Кистъ показалъ, что передъ тѣмъ, какъ онъ изъ номера Петрова побѣжалъ распорядиться объ извѣщеніи полиціи, Ирецкій, ожесточенный, съ кортикомъ въ рукѣ, тре-

бовалъ полиціи и говорилъ, что до арестованія его никому не отдастъ своего кортика.—Служитель Бржозовскій засвидѣтельствовалъ, что послѣ того, какъ Ирецкій отдалъ приставу свой кортикъ, онъ Бржозовскій, видя Ирецкаго сильно встревоженнымъ и желая его успокоить, сказалъ ему: «Богъ дастъ, Петровъ выздоровѣетъ»; на что Ирецкій, съ выраженіемъ досады отвѣтилъ: «лучше бы умеръ».—Ирецкій (при новомъ спросѣ, сдѣланномъ послѣ вышеизложенныхъ послѣднихъ объясненій Нагаева и Бржозовскаго) показалъ, что Нагаевъ находясь съ нимъ въ номерѣ Петрова, дѣйствительно всѣми силами старался удержать его Ирецкаго отъ преступленія, довольно долго уговаривая его; что всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ преступленію и сопровождавшихъ оное, не можетъ припомнить, ибо находился въ то время въ взволнованномъ состояніи; помнится ему Ирецкому однако, что въ самомъ началѣ онъ, какъ будто бы, успокоился увѣщаніями Нагаева; но потомъ, воспользовавшись минутою, когда тотъ уже не могъ предупредить намѣренія его, рѣшился исполнить оное. Нагаевъ, находясь въ спокойномъ состояніи, легко могъ припомнить всѣ подробности дѣла, и если онъ что-либо утверждаетъ, то это вѣрно. Показатель не отвергаетъ и показанія Бржозовскаго о нанесеніи имъ Ирецкимъ при немъ Бржозовскомъ, удара Петрову; Бржозовскому нѣтъ надобности говорить неправду; самъ же онъ, Ирецкій, не помнитъ этого обстоятельства.

Петровъ (на допросъ, по выпискѣ изъ госпиталя) отозвался, что возвратясь послѣ ссоры съ Ирецкимъ къ себѣ въ номеръ, легъ спать и заснулъ, и проснулся только тогда, когда Ирецкій нанесъ ему кортикомъ ударъ въ животъ; послѣ сего онъ, Петровъ, тотчасъ же впалъ въ безпамятство. *)

---

*) По дѣлу усматривается, что Петрову была подана немедленно медицинская помощь; лейтенантъ Афонасьевъ, узнавъ о случившемся, тотчасъ же привелъ доктора (лекаря Прусакова), который зашилъ раны Петрову, а вслѣдъ затѣмъ послѣдній былъ отвезенъ въ госпиталь. Въ началѣ, положеніе Петрова казалось безнадежно, но чрезъ два дня онъ сталъ поправляться и 19 мая былъ уже выписанъ изъ госпиталя, какъ совершенно выздоровѣвшій. Въ медицинскомъ актѣ сказано: а) что у Петрова по поступленіи его въ госпиталь оказалось пять ранъ: 1-ая на дюймъ ниже подложечки и на такое же разстояніе вправо отъ бѣлой линіи живота; 2-я немного ниже первой и правѣе на ¼ дюйма; обѣ эти раны ниже 7 ребра,

По медицинскому заключенію, отъ 4 и 10 мая, Ирецкій находился въ здравомъ умѣ и душевнымъ разстройствомъ не страдаетъ. По отзыву городоваго врача, бесѣдовавшаго съ нимъ по приглашенію полиціи, въ самый день происшествія, тотчасъ же по отобраніи отъ него показанія полиціею, Ирецкій во время этой бесѣды находился въ трезвомъ видѣ и разсуждалъ совершенно здраво, горько и со слезами на глазахъ раскаяваясь въ совершенномъ имъ въ горячности преступленіи, и сожалѣя о своей старушкѣ матери. Въ актѣ судебнаго слѣдователя отъ 4 мая, составленномъ вслѣдъ за допросомъ Ирецкаго, значится, что онъ, слѣдователь, относительно умственныхъ способностей Ирецкаго нашелъ, что они въ совершенно-естественномъ состояніи, и съ этимъ мнѣніемъ согласились и медики, присутствовавшіе при допросѣ, и что при медицинскомъ освидѣтельствованіи Ирецкаго, послѣ означеннаго допроса, Ирецкій утверждалъ, что онъ находится въ совершенно-нормальномъ состояніи, и не желаетъ, чтобъ выводили обстоятельства, смягчающія его вину. Сверхъ того, Ирецкій при томъ же допросѣ отозвался, что онъ 2 мая, въ продолженіи цѣлаго дня, былъ въ нормальномъ состояніи, за ужиномъ былъ совершенно спокоенъ, и послѣ ужина чувствовалъ себя совершенно трезвымъ.

длиною въ дюймъ; 3-я почти на дюймъ правѣе второй и выше надъ 7 ребромъ, длиною въ полдюйма; 4-я поверхностная - надъ 6 ребромъ, на дюймъ отъ грудной кости той же стороны, длиною въ $^1/_4$ дюйма, и 5-я поверхностная же рана—на передней поверхности верхней трети праваго предплечія, надъ лучевою костью, ниже локтеваго сгиба на $1^1/_2$ дюйма; б) что, по увѣренію лекаря Прусакова, зашивавшаго раны, глубина первыхъ двухъ ранъ, при сондированіи, была $1^1/_2$ дюйма; слѣдовательно это—раны проникающія въ полость живота; в) что больной поступилъ въ пьяномъ видѣ; г) что у него на квартирѣ, какъ сообщилъ Прусаковъ, была рвота спиртнаго запаха; а въ день прибытія въ госпиталь была четыре раза рвота безъ примѣси крови, и д) что раны, по наружному виду и мѣсту, на первый взглядъ казались важными и смертельными поврежденіями, но отсутствіе воспалительныхъ припадковъ брюшныхъ органовъ, и нормальное ихъ отправленіе положительно указали, что раны не имѣли тѣхъ важныхъ послѣдствій, которыхъ слѣдовало бы ожидать при подобныхъ поврежденіяхъ, а бывшая у Петрова рвота, по всему вѣроятію, зависѣла отъ раздраженія желудка, вслѣдствіе неумѣренно употребленныхъ спиртныхъ напитковъ.

Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, морской генералъ-аудиторіатъ признаъ подсудимаго мичмана Ирецкаго виновнымъ въ нанесеніи прапорщику Петрову кортикомъ нѣсколькихъ ранъ съ намѣреніемъ лишить Петрова жизни. Хотя преступленіе Ирецкаго было слѣдствіемъ ссоры его съ Петровымъ и сильнаго раздраженія, въ которое пришелъ Ирецкій, и хотя подсудимый, нанеся Петрову первые удары, самъ тотчасъ-же огласилъ свою вину въ гостинницѣ, гдѣ совершилось происшествіе, тѣмъ не менѣе преступленіе это не содержитъ въ себѣ признаковъ того дѣянія, которое предусмотрѣно въ 2004 ст. улож. о наказ. (изд. 1857 г.), равно не можетъ быть подведено и подъ 388 ст. I кн. св. морск. угол. пост. Въ первой изъ сихъ статей говорится о случаѣ, когда кто учинитъ убійство хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія или умысла, въ запальчивости или раздраженіи, но однако-жъ и не случайно, а зная что посягаетъ на жизнь другаго; въ послѣдней же указывается случай, когда учинившій убійство самъ собою явится съ повинною. Между тѣмъ изъ дѣла видно: а) что между нанесеніемъ обиды Ирецкому, когда именно онъ, по собственному показанію, и замыслилъ совершить убійство, до дѣйствительнаго покушенія Ирецкаго исполнить этотъ замыселъ прошло довольно продолжительное время; б) что въ теченіи этого времени Ирецкій былъ останавливаемъ отъ исполненія своего намѣренія находившимся съ нимъ въ комнатѣ Петрова лейтенантомъ Нагаевымъ; в) что преступленіе Ирецкаго сопровождали обстоятельства, которыя, если бы онъ и не огласилъ немедленно своей вины, все-же обличали бы его виновность; г) что онъ и послѣ того, какъ преступленіе его сдѣлалось гласнымъ, нанесъ кортикомъ, въ присутствіи свидѣтеля, еще одинъ ударъ раненому Петрову. При такихъ видахъ сего дѣла, преступленіе Ирецкаго не можетъ быть признано совершеннымъ въ запальчивости или раздраженіи, безъ обдуманнаго намѣренія или умысла, о чемъ говорится въ 2004 ст. улож. о наказ., равно нельзя ставить въ повинную объявленіе Ирецкимъ о содѣянномъ имъ преступленіи, ибо подъ повинною законъ разумѣетъ собственное признаніе, учиненное при такихъ обстоятельствахъ и въ такое время, когда еще не возникало подозрѣнія или обвиненія въ преступленіи противъ того лица, которое явилось съ повинною (св. морск.

угол. пост, кн. 1., ст. 104, кн. 2. ст. 312; улож. о наказ. ст. 146 п. 1, 166 п. 1). Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что по силѣ 389 ст. 1 кн. св. морск. угол. пост. «покушеніе къ смертоубійству, приведенное въ исполненіе учиненіемъ нападенія и нанесеніемъ побоевъ или ранъ, хотя и несмертельныхъ, наказывается какъ умышленное смертоубійство», морской генералъ-аудиторіатъ, на основаніи 27 и 387 ст. той же книги св. морск. угол. пост., нашелъ Ирецкаго подлежащимъ наказанію по 2003 ст. улож. о наказ., по силѣ которой виновный въ убійствѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или умысломъ, подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ, на время отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ. Что касается самой мѣры наказанія, то если съ одной стороны продолжительность злаго намѣренія Ирецкаго, и нападеніе имъ на Петрова въ такомъ положеніи, когда тотъ не имѣлъ возможности обороняться, и увеличиваютъ вину его, то съ другой стороны молодость подсудимаго (24 года) и свойственная этому возрасту раздражительность, не вполнѣ трезвое состояніе Ирецкаго предъ совершеніемъ преступленія, и принесенное имъ при производствѣ дѣла раскаяніе, не могутъ, по мнѣнію морскаго генералъ-аудиторіата, не быть приняты во вниманіе къ назначенію Ирецкому означеннаго наказанія въ низшей онаго мѣрѣ. Обратясь затѣмъ къ разсмотрѣнію дѣйствій прикосновеннаго къ сему дѣлу лейтенанта Константина Нагаева, морской генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что Нагаевъ, какъ изъ дѣла видно, не принялъ рѣшительныхъ мѣръ къ удаленію Ирецкаго изъ комнаты Петрова, что ему, Нагаеву, тѣмъ легче было исполнить, что онъ, по собственному показанію, могъ справиться съ Ирецкимъ по превосходству своихъ физическихъ силъ. Принимая во вниманіе, что такимъ образомъ Нагаевъ, по смыслу 2 п. 15 ст. I кн. св. морск. угол. пост., навлекаетъ на себя обвиненіе въ попущеніи преступленія Ирецкаго, за что въ законѣ опредѣлено уголовное наказаніе, и что кромѣ того онъ на первыхъ допросахъ скрывалъ бытность свою вмѣстѣ съ Ирецкимъ въ комнатѣ Петрова, морской генералъ-аудиторіатъ призналъ Нагаева подлежащимъ за сіе, по закону, преданію военному суду. По симъ соображеніямъ морской генералъ-аудиторіатъ, на точномъ основаніи вышеприведенныхъ законовъ, опредѣлилъ: 1) мичмана 2-го

черноморскаго своднаго флотскаго экипажа Николая Ирецкаго, по лишеніи чина и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ, и 2) лейтенанта Нагаева предать военному суду. Опредѣливъ мѣру слѣдующаго подсудимому Ирецкому наказанія по буквѣ существующихъ узаконеній, морской генералъ-аудиторіатъ не могъ не возвратиться къ вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, представляющимся въ семъ дѣлѣ къ ослабленію вины и отвѣтственности подсудимаго, и не замѣтить, что сколь ни тяжко преступленіе Ирецкаго, но въ дѣлѣ нѣтъ указаній на то, чтобы оно было плодомъ нравственной испорченности или закоснѣлости его въ порокахъ; напротивъ слѣдуетъ, по всему, приписать оное крайней раздражительности характера Ирецкаго, которую въ данномъ случаѣ усилило неумѣренное употребленіе имъ, незадолго до происшествія, крѣпкихъ напитковъ. Въ такомъ положеніи дѣла и въ виду обнаруженнаго подсудимымъ на слѣдствіи сожалѣнія о своемъ поступкѣ и чистосердечнаго раскаянія, подающихъ надежду на его исправленіе, тѣмъ болѣе, что онъ еще весьма молодъ, нельзя не признать, что наказаніе, опредѣленное Ирецкому по закону, не вполнѣ соотвѣтствуетъ свойству его преступленія, такъ-какъ осужденные къ каторжной работѣ не предаются церковному покаянію, которому, по роду вины, вполнѣ было бы умѣстно подвергнуть подсудимаго. Съ другой стороны, нельзя не принять во вниманіе, что преступленіе Ирецкаго не повлекло за собою всѣхъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя оно могло причинить, такъ-какъ прапорщикъ Петровъ остался живъ и совершенно выздоровѣлъ отъ нанесенныхъ ему ранъ. Хотя по ходу дѣла обстоятельство это представляется чисто случайнымъ, нисколько не зависѣвшимъ отъ воли Ирецкаго, тѣмъ не менѣе степень матеріальнаго зла, происшедшаго отъ преступнаго дѣянія, не можетъ не быть взвѣшиваема уголовнымъ правосудіемъ, и если различія въ наказаніи между *совершившимся* убійствомъ и *покушеніемъ* на оное, даже когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, подсудимымъ сдѣлано все, что онъ могъ считать нужнымъ для приведенія своего намѣренія въ исполненіе, не установлено, какъ выше замѣчено, въ сводѣ морскихъ уголовныхъ постановленій, то различіе это легло въ основѣ нашихъ новѣйшихъ законовъ (улож. о наказ. изд. 1866 г. ст. 115). На сихъ основаніяхъ и

принимая въ соображеніе Всемилостивѣйшій манифестъ 28 октября 1866 г., облегчившій участь уже осужденныхъ преступниковъ и подъ который не подошелъ Ирецкій за неоконченіемъ объ немъ дѣла, морской генералъ-аудиторіатъ полагалъ справедливымъ: согласно съ мнѣніемъ главнаго командира николаевскаго порта, повергнуть участь подсудимаго Ирецкаго Монаршему милосердію, ходатайствуя: не благоугодно-ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: Ирецкаго, по лишеніи чина и всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ мѣстахъ Сибири, не столь отдаленныхъ, съ преданіемъ его на мѣстѣ ссылки церковному покаянію, по распоряженію мѣстнаго епархіальнаго начальства. — Засимъ, по мнѣнію морскаго генералъ-аудиторіата, возможно было бы смягчить участь и прикосновеннаго къ сему дѣлу лейтенанта Нагаева, подлежащаго, по закону, преданію суду за попущеніе преступленія Ирецкаго и ложныя при слѣдствіи показанія. Если Нагаевъ для удержанія Ирецкаго отъ преступленія и не употребилъ, какъ бы слѣдовало, болѣе дѣйствительныхъ и рѣшительныхъ мѣръ (каковыми, въ данномъ случаѣ, могли быть: или удаленіе Ирецкаго, по сознанному имъ превосходству своихъ тѣлесныхъ силъ, изъ номера Петрова, или призваніе крикомъ стороннихъ людей на помощь), то по дѣлу нѣтъ никакого повода къ подозрѣнію, чтобы Нагаевъ не прибѣгнулъ къ такимъ мѣрамъ по какому-либо умыслу или желанію содѣйствовать Ирецкому въ совершеніи преступленія, а упустилъ сдѣлать сіе единственно по легкомыслію, въ надеждѣ, что на Ирецкаго подѣйствуютъ одни увѣщанія и вразумленія, тѣмъ болѣе, что Ирецкій въ началѣ поддался было на нихъ и успокоился. По симъ уваженіямъ и принимая во вниманіе съ одной стороны, что Нагаевъ не оставался совершенно равнодушнымъ зрителемъ приготовленій Ирецкаго, къ преступленію, но, по показанію самого Ирецкаго продолжительно и усиленно отговаривалъ его отъ исполненія его намѣренія, а съ другой, что въ первоначальныхъ ложныхъ своихъ по сему дѣлу отвѣтахъ Нагаевъ самъ явился къ слѣдователю съ признаніемъ, морской генералъ-аудиторіатъ обязывался повергнуть и участь лейтенанта Нагаева на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, съ тѣмъ, не благоугодно-ли будетъ Высочайше повелѣть: лейте-

нанта Нагаева, не предавая суду, выдержать, согласно съ мнѣніемъ главнаго командира николаевскаго порта, три мѣсяца въ казематѣ.

На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ морскаго генералъ-аудиторіата послѣдовала, въ 21 день ноября 1866 года, Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему».

Убійство въ дракѣ поручика Рерберга, — разжалованнымъ изъ поручиковъ въ рядовые Николаемъ Яковлевымъ.

Николай Яковлевъ, происходя изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, въ службу поступилъ копіистомъ въ тетюшинскій уѣздный судъ и служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ почти 19-ть лѣтъ, причемъ дослужился до чина титулярнаго совѣтника, а въ іюлѣ 1855 года опредѣленъ былъ въ бывшее государственное подвижное ополченіе московской губерніи, въ дружину № 109, съ переименованіемъ въ поручики.

Находясь съ дружиною съ г. Москвѣ, Яковлевъ, 15 мая 1856 г. вечеромъ, въ нетрезвомъ видѣ произвелъ на улицѣ буйство, причемъ нанесъ побои извощику и гнался за нимъ съ обнаженною полусаблею, а когда для усмиренія его присланъ былъ часовымъ изъ будки городской стражъ, то онъ ударилъ и его нѣсколько разъ полусаблею, вслѣдствіе чего нанесъ ему двѣ раны на головѣ и разсѣкъ лѣвое ухо.

За эти преступленія Яковлевъ, по Высочайшей конфирмаціи, послѣдовавшей 28-го декабря того же года, разжалованъ былъ въ рядовые съ выслугою, и въ мартѣ 1857 года опредѣленъ въ черниговскій пѣхотный генералъ-фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго полкъ.

Состоя въ этомъ полку, Яковлевъ въ 1859 году, во время расположенія полка въ г. Радомыслѣ, (кіевской губерніи), подвергся новому обвиненію, а именно 17-го ноября того года поручикъ одного съ нимъ полка *Рерберг*ъ явился вечеромъ къ полковому командиру съ окровавленною головою и объявилъ, что игралъ съ Яковлевымъ въ квартирѣ его въ карты, при

чемъ произошла между ними ссора, и Яковлевъ нанесъ ему подсвѣчникомъ четыре раны на головѣ.

Вслѣдствіе сего Яковлевъ тогда же былъ арестованъ, а на другой день поручикъ Рербергъ подалъ формальный рапортъ, въ которомъ объяснилъ, что наканунѣ Яковлевъ пригласилъ его и прапорщика Слободзинскаго къ себѣ обѣдать; но по приходѣ въ квартиру, обѣдъ еще не былъ готовъ; поэтому онъ Рербергъ, по предложенію Яковлева, сталъ играть съ нимъ въ карты; когда же, по окончаніи игры, потребовалъ отъ Яковлева проигранныя имъ деньги, то Яковлевъ отрекся отъ проигрыша и старался обратить игру въ шутку; затѣмъ видя настоятельное требованіе уплаты долга, Яковлевъ мгновенно измѣнился въ лицѣ, но какъ при этомъ былъ прапорщикъ Слободзинскій, то затаилъ свою злобу. Вскорѣ послѣ того Слободзинскій, во избѣжаніе быть свидѣтелемъ непріятностей, ушелъ домой и лишь только вышелъ изъ квартиры, какъ Яковлевъ схватилъ со стола подсвѣчникъ и нанесъ онымъ ему Рербергу четыре раны въ голову. Вслѣдствіе сего, онъ Рербергъ нѣсколько времени былъ безъ чувствъ, а когда пришелъ въ себя, то Яковлевъ приказалъ находившемуся при немъ для прислуги еврею принести воды и тазъ, причемъ когда еврей вошелъ въ комнату, то Яковлевъ сказалъ ему, что онъ Рербергъ упалъ и самъ ушибся о кровать. Послѣ того онъ Рербергъ умылся и хотѣлъ тотчасъ уйти, но Яковлевъ задержалъ его, и схвативъ за рукавъ, объявилъ, что если онъ пойдетъ на него жаловаться, то онъ его убьетъ. Зная безразсудно-заносчивый и вспыльчивый характеръ Яковлева и опасаясь, чтобы на самомъ дѣлѣ не исполнилъ своего обѣщанія, онъ Рербергъ убѣдилъ его, что идетъ не жаловаться, а домой, послѣ чего Яковлевъ его отпустилъ. Вмѣстѣ съ симъ поручикъ Рербергъ, объясняя, что подсудимый Яковлевъ и прежде дѣлалъ ему разныя оскорбленія, просилъ: о поступкѣ Яковлева произвести формальное слѣдствіе.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи поручика Рерберга, произведенномъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ явился къ полковому командиру съ жалобою, т. е. того же 17-го ноября, оказалось: 1) лице и платье окровавлены, 2) на передней темянной части головы продолговатая разрѣзная рана въ $1^1/_4$ дюймъ длины съ значительно припухшими краями, вдавленіемъ волосъ,

обильнымъ кровотеченіемъ и обнаженіемъ кости; 3) на верхней лѣвой темянной части головы другая продолговатая разрѣзная рана въ 1-нъ дюймъ длины; рана эта имѣла направленіе косвенное спереди назадъ, проникала весь слой мягкихъ частей и была также съ припухшими краями и вдавленіемъ волосъ; 4) на той же лѣвой темянной части головы третья рана, поверхностная, имѣла видъ продолговатый, равнымъ образомъ съ припухшими краями и вдавленіемъ волосъ; и 5) на лѣвомъ плечѣ подтекъ крови, съ незначительною опухолью. При этомъ свидѣтельствѣ медикъ объяснилъ, что, кромѣ означенныхъ ранъ и виннаго запаха изо рта,—у поручика Рерберга другихъ болѣзненныхъ признаковъ, имъ не найдено.

Послѣ того черезъ двѣ недѣли, именно 30-го ноября, медикъ донесъ, что найденныя имъ у поручика Рерберга на головѣ раны, по близости къ онымъ мозга и по поврежденію темянной кости, а также по развившемуся воспаленію мозга—опасны, не только по отношенію къ сохраненію здоровья Рерберга, но и для жизни раненнаго. Затѣмъ 3-го декабря вечеромъ поручикъ *Рербергъ*, вслѣдствіе воспаленія мозга, *умеръ*.

При производствѣ слѣдствія подсудимый рядовой Яковлевъ, не сознаваясь въ нанесеніи ранъ поручику Рербергу, на предложенный ему первый запросъ объяснилъ, что Рербергъ пришелъ къ нему 17-го ноября часа въ три по полудни для того, чтобы обѣдать, причемъ былъ въ нетрезвомъ видѣ; у него выпилъ также еще водки, наконецъ сдѣлался до такой степени пьянъ, что опрокинулъ стоявшій около стола стулъ и упалъ на его ножки. Въ то время, когда былъ у него Яковлева поручикъ Рербергъ, былъ также нѣкоторое время прапорщикъ Слободзинскій, который, видя Рерберга совершенно пьянымъ, ушелъ прежде его; ссоры же между имъ Яковлевымъ и поручикомъ Рербергомъ никакой не было, и въ карты они не играли. Къ сему Яковлевъ присовокупилъ, что поручикъ Рербергъ дѣйствительно предлагалъ играть въ карты и для этого вынулъ ихъ изъ своего кармана, но онъ Яковлевъ отъ игры отказался.

При осмотрѣ, 21-го ноября, слѣдователемъ маіоромъ Кузиковымъ, вмѣстѣ съ депутатомъ съ гражданской стороны, комнаты, въ которой жилъ подсудимый Яковлевъ, полъ оказался немытымъ, кровавыхъ же пятенъ на ономъ, равно и на мебели,

совершенно не было, а замѣтно было только, что возлѣ кровати были какія-то темныя пятна, но какого свойства, различить было нельзя. При этомъ осмотрѣ, бывшій у подсудимаго Яковлева для прислуги еврейскій мальчикъ Хаимъ Козорѣзъ представилъ находившійся въ комнатѣ Яковлева подсвѣчникъ, который, какъ видно изъ составленнаго слѣдователемъ акта, былъ небольшой величины, круглый, вѣсомъ въ $^3/_4$ фунта.

Лекарь *Мрачковскій*, который пользовалъ поручика Рерберга, отозвался, что по о смотру имъ мебели, находящейся въ квартирѣ подсудимаго Яковлева, и представленнаго къ дѣлу подсвѣчника, онъ съ своей стороны положительно утверждаетъ, что ни одна изъ оказавшихся у Рерберга ранъ не могла послѣдовать отъ ушиба о что либо изъ мебели, ибо рана не представляетъ къ тому никакихъ условій; по мнѣнію же его означенныя раны были нанесены рѣжущимъ, хотя и тупымъ орудіемъ; притомъ, судя по мѣсту, на которымъ были эти раны виду и направленію оныхъ, раны нанесены не самимъ Рербергомъ, а рукою злоумышленника.

При передопросѣ послѣ сего, подсудимый рядовой *Яковлевъ*, утверждая по прежнему, что поручикъ Рербергъ упалъ на ножки опрокинувшагося стула, показалъ, что стулъ тотъ стоялъ около кровати, но задѣлъ ли Рербергъ при паденіи своемъ головою о кровать,—онъ Яковлевъ не замѣтилъ, ибо паденія этого онъ не предвидѣлъ.

Прапорщикъ *Слободзинскій* объяснилъ, что 17 ноября 1859 г. утромъ, онъ съ нѣкоторыми товарищами зашелъ въ биліардную, куда около 2-хъ часовъ пришли также поручикъ Рербергъ и рядовой Яковлевъ. Тамъ они выпили водки, послѣ чего Яковлевъ пригласилъ ихъ обоихъ къ себѣ обѣдать. По приходѣ въ квартиру Яковлева, обѣдъ у него не былъ еще готовъ, поэтому Рербергъ предложилъ Яковлеву играть съ нимъ въ карты; Яковлевъ сначала не соглашался играть, но потомъ, по настоятельному требованію Рерберга, сѣлъ съ нимъ играть, въ какую же именно игру объяснить не можетъ; при этомъ пили также водку, которая поставлена была на столѣ. Вскорѣ послѣ того, какъ Яковлевъ и Рербергъ сѣли играть, онъ Слободзинскій пошелъ на свою квартиру за табакомъ и когда возвратился, то засталъ Яковлева и Рерберга споривщими, причемъ Рербергъ требовалъ отъ Яков-

лева какія-то деньги. Вмѣстѣ съ симъ онъ Слободзинскій замѣтилъ, что Рербергъ былъ въ нетрезвомъ видѣ и потому, во избѣжаніе непріятности, тотчасъ опять ушелъ отъ Яковлева, и чѣмъ кончился у нихъ споръ, не знаетъ. *)

Прислуживавшій подсудимому Яковлеву 15-ти лѣтній еврейскій мальчикъ *Хаимъ Козорѣзъ* подъ присягою показалъ, что 17-го ноября Яковлевъ, придя домой съ поручикомъ Рербергомъ и прапорщикомъ Слободзинскимъ, приказалъ приготовить обѣдъ, вслѣдствіе чего онъ Козорѣзъ тогда же отправился для этого на кухню. Спустя послѣ того *полчаса*, Яковлевъ велѣлъ подать воды, причемъ, когда онъ Козорѣзъ вошелъ съ водою въ комнату, то увидѣлъ поручика Рерберга окровавленнымъ; на вопросъ же, что съ нимъ случилось, Рербергъ отвѣтилъ, что онъ нечаянно упалъ и самъ ударился о кровать. Въ то же время онъ Козорѣзъ замѣтилъ, что поручикъ Рербергъ былъ въ нетрезвомъ видѣ, ссоры или драки предъ этимъ между ними не видѣлъ и крупнаго разговора не слыхалъ. Подсудимый Яковлевъ пьянъ тогда не былъ; поручикъ же Рербергъ, послѣ того какъ умылся, тотчасъ ушелъ, но куда не знаетъ, а прапорщикъ Слободзинскій, который пришелъ къ Яковлеву вмѣстѣ съ Рербергомъ, ушелъ прежде его за часъ.

Засимъ былъ спрошенъ хозяинъ дома, въ которомъ нанималъ подсудимый Яковлевъ себѣ комнату, еврей Шлёма *Козорѣзъ*, но онъ отозвался, что въ день происшествія уѣзжалъ по своимъ дѣламъ за городъ, и потому объ этомъ ничего не знаетъ; квартировавшій же въ томъ же домѣ дворянинъ *Ручковскій* удостовѣрилъ, что о ссорѣ подсудимаго Яковлева съ поручикомъ Рербергомъ онъ ничего не знаетъ, а видѣлъ только, что Рербергъ 17-го ноября 1859 г. пришелъ къ Яковлеву въ нетрезвомъ видѣ; Яковлевъ же въ это время пьянъ не былъ.

Бывшій въ день происшествія дежурнымъ по полку подпоручикъ *Ейсманъ*, (которымъ, по приказанію полковаго командира, былъ арестованъ подсудимый Яковлевъ), объяснилъ, что когда онъ пришелъ въ квартиру Яковлева и объявилъ ему, что онъ арестовывается за нанесеніе поручику Рербергу ранъ, то Яков-

*) Прапорщикъ Слободзинскій спрошенъ безъ присяги (?) по отводу отъ оной подсудимымъ Яковлевымъ, который объяснилъ, что Слободзинскій имѣлъ съ нимъ и поручикомъ Рербергомъ хлѣбосольство.

левъ отозвался: «что Рербергъ самъ ушибся о кровать и разбилъ себѣ голову, послѣ чего онъ только его обмывалъ; затѣмъ когда Рербергъ уходилъ домой, то простился съ нимъ, какъ слѣдуетъ, и потому онъ Яковлевъ удивляется, по какому поводу Рербергъ пошелъ жаловаться на него полковому командиру».— Къ сему подпоручикъ Ейсманъ присовокупилъ, что мальчикъ, который прислуживалъ Яковлеву, говорилъ ему, что Рербергъ самъ ушибся о кровать, и что онъ былъ тому свидѣтелемъ.

Въ военномъ судѣ подсудимый *Яковлевъ*, подтверждая прежнія свои показанія, добавилъ, что 17-го ноября 1859 г. по приходѣ съ поручикомъ Рербергомъ и прапорщикомъ Слободзинскимъ въ билліардную, водки съ нимъ не пилъ; затѣмъ, возвратясь домой, за картами не посылалъ; ссоры съ поручикомъ Рербергомъ никакой не имѣлъ; Рербергъ же, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, самъ ушибся, но обо что именно—не замѣтилъ, а если показатель и сказалъ послѣ подпоручику Ейсману, что Рербергъ ушибся о кровать, то это произошло отъ испуга.—Вмѣстѣ съ тѣмъ подсудимый Яковлевъ просилъ военно-судную коммисію: 1) сдѣлать осмотръ представленнаго къ дѣлу подсвѣчника для юридическаго заключенія о томъ, можно ли было этимъ подсвѣчникомъ нанести поручику Рербергу такія раны, которыя у него оказались, и 2) обратить особое вниманіе на то, что Рербергъ ушелъ изъ квартиры его Яковлева вскорѣ послѣ поданія огня и никакъ не позже 3-хъ часовъ, а къ командиру полка явился около 5, или 6-ти часовъ вечера.

Вслѣдствіе сего 8-го февраля 1860 г. вновь сдѣланъ былъ осмотръ въ квартирѣ подсудимаго Яковлева, въ присутствіи его самого, причемъ Яковлевъ объявилъ, что находящаяся въ комнатѣ мебель та самая, которая была въ ней 17-го ноября 1859 г. и стояла въ такомъ же порядкѣ. Въ комнатѣ этой найдено: двѣ кровати, стоявшія у двухъ противоположныхъ стѣнъ; въ пространствѣ, отдѣляющемъ ихъ, на срединѣ комнаты стоялъ столъ, и около него два стула. На одномъ изъ этихъ стульевъ, какъ видно изъ составленнаго объ этомъ акта, по показанію подсудимаго, сидѣлъ поручикъ Рербергъ, и когда хотѣлъ встать, то опрокинулъ оный назадъ и упалъ впередъ между стуломъ и кроватью.

При дальнѣйшемъ разбирательствѣ по дѣлу показали:

Мальчикъ *Хаимъ Козорѣзъ*, что когда онъ подавалъ поручику Рербергу умыватьсн, въ то время были уже сумерки. По приходѣ же въ квартиру Яковлева подпоручика Ейсмана, показатель также былъ въ комнатѣ, но Ейсману о томъ, что Рербергъ упалъ и ушибся при немъ Козорѣзѣ — не говорилъ, а сказалъ только Ейсману, что самъ Рербергъ говорилъ ему Козорѣзу, что онъ упалъ на кровать.

Прапорщикъ *Слободзинскій*, — что въ то время, когда онъ и Рербергъ пришли къ Яковлеву обѣдать, были уже сумерки. Послѣ сего онъ Слободзинскій уходилъ на свою квартиру и когда возвратился опять къ Яковлеву, то засталъ сего послѣдняго и Рерберга соорившимися, причемъ узналъ, что ссора произошла вслѣдствіе требованія Рербергомъ отъ Яковлева *полутора рубли сереб.* которые, какъ говорилъ Рербергъ, Яковлевъ проигралъ ему. При этой ссорѣ Яковлевъ отказался заплатить означенныя деньги, послѣ чего Рербергъ назвалъ его подлецомъ. Вслѣдствіе сего Яковлевъ просилъ его Слободзинскаго быть посредникомъ въ ихъ ссорѣ, но Рербергъ на это не согласился и назвалъ его Слободзинскаго безсловеснымъ. Бывъ этимъ обиженъ и желая избѣгнуть дальнѣйшихъ непріятностей, онъ Слободзинскій ушелъ и, что далѣе происходило, не знаетъ.

На очной ставкѣ, данной прапорщику Слободзинскому съ подсудимымъ Яковлевымъ, оба они остались при своихъ показаніяхъ, причемъ Яковлевъ присовокупилъ, что шума въ то время, когда находились въ квартирѣ его поручикъ Рербергъ и прапорщикъ Слободзинскій, никакого не было, что могутъ подтвердить всѣ живущіе въ домѣ.

На очной ставкѣ, данной еврею Хаиму Козорѣзу съ подпоручикомъ Ейсманомъ, послѣдній уличалъ Козорѣза въ томъ, что 17-го ноября 1859 г. онъ говорилъ ему Ейсману, будто поручикъ Рербергъ, въ присутствіи его, упалъ на кровать и разбилъ себѣ голову; Козорѣзъ же противъ этого объяснилъ, что не помнитъ, говорилъ ли Ейсману означенныя слова. Послѣ того мальчикъ *Хаимъ Козорѣзъ* вновь былъ передопрошенъ въ присутствіи военно-судной коммисіи, причемъ, измѣнивъ прежнія свои показанія, объяснилъ, что 17-го ноября 1859 г. подсудимый Яковлевъ, по приходѣ въ квартиру съ поручикомъ Рербергомъ и прапорщикомъ Слободзинскимъ, велѣлъ приготовить обѣдъ, а

между тѣмъ послалъ за картами; когда карты были принесены, то Яковлевъ и Рербергъ сѣли играть, Слободзинскій же куда-то ушелъ. Спустя нѣсколько времени, онъ Козорѣзъ вошелъ въ комнату, причемъ слышалъ, что Рербергъ требовалъ отъ Яковлева проигранныя имъ деньги, *полтора рубл. сереб.;* когда же Яковлевъ отказался платить, то Рербергъ назвалъ его «подлецомъ» и «мошенникомъ» и сказалъ: «ты солдатъ, а я поручикъ и ты не смѣешь говорить мнѣ дерзости». Послѣ этихъ словъ Яковлевъ разсердился, и подойдя къ Рербергу, началъ бить его рукою по спинѣ. Тогда онъ Козорѣзъ вышелъ изъ комнаты, а черезъ нѣсколько минутъ Яковлевъ вновь позвалъ его въ комнату и велѣлъ *принести огня*. Войдя въ комнату, онъ Козорѣзъ увидѣлъ, что свѣчка лежала на полу. Въ это время поручикъ Рербергъ сидѣлъ на кровати, опустивши голову, изъ которой текла кровь, а Яковлевъ ходилъ по комнатѣ. Вмѣстѣ съ симъ Яковлевъ приказалъ ему Козорѣзу подать воды, послѣ чего Рербергъ умылся, и простившись съ Яковлевымъ, тотчасъ ушелъ; по уходѣ же Рерберга, Яковлевъ приказалъ ему Козорѣзу *перемѣнить подсвѣчникъ*, что онъ и исполнилъ, принеся ему изъ кухни, вмѣсто *большаго* подсвѣчника, другой *маленькій*. Къ сему мальчикъ Козорѣзъ присовокупилъ, что хотя прежде онъ и показалъ, что поручикъ Рербергъ говорилъ ему, будто онъ упалъ и самъ ушибся о кровать, но это несправедливо, ибо объяснилъ такимъ образомъ по наущенію Яковлева, который дѣлалъ ему угрозы убить его, если бы онъ показалъ иначе.

Такое показаніе мальчикъ Козорѣзъ подтвердилъ и на очной ставкѣ съ подсудимымъ Яковлевымъ; Яковлевъ же ни въ чемъ противъ возникшихъ на него обвиненій не сознался, отзываясь, что онъ ничего не можетъ сказать противъ словъ клятвопреступника.*)

На другой день послѣ этой очной ставки, подсудимый Яковлевъ въ военно-судной коммисіи объявилъ, что Козорѣзъ, придя однажды къ нему на гауптвахту, говорилъ, что одинъ изъ ассессоровъ коммисіи прапорщикъ Трусовъ дѣлалъ угрозы высѣчь его Козорѣза, если онъ будетъ держаться прежнихъ своихъ по-

---

*) Мальчикъ Козорѣзъ, какъ выше упомянуто, былъ спрошенъ подъ присягою. *Прим. изд.*

казаній, и что эта угроза сдѣлана была въ присутствіи поручика Коха и подпоручика Жукова; но когда именно говорилъ ему Яковлеву объ этомъ Козорѣзъ,—опредѣлительно объяснить не можетъ, а помнитъ, что назадъ тому около трехъ недѣль; не объявилъ же объ угрозахъ прапорщика Трусова прежде потому, что не предполагалъ лжи со стороны Козорѣза. — Прапорщикъ Трусовъ противъ такого обвиненія не сознался, и какъ мальчикъ Козорѣзъ, такъ и выставленные подсудимымъ Яковлевымъ свидѣтели извѣта его не подтвердили. *)

Командиръ черниговскаго пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго полка, полковникъ Фонъ-Чуди, на запросъ о поведеніи подсудимаго отозвался, что Яковлевъ неоднократно замѣченъ былъ въ нетрезвомъ видѣ, и въ этомъ состояніи обнаруживалъ склонность къ буйству.

Генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что подсудимый Яковлевъ, бывъ разжалованъ въ 1856 г. за буйственные поступки, совершенные въ нетрезвомъ видѣ, изъ поручиковъ бывшаго государственнаго подвижнаго ополченія московской губерніи въ рядовые, и находясь послѣ того въ означенномъ полку, 17-го ноября 1859 года, во время расположенія полка въ г. Радомыслѣ, кіевской губерніи пришелъ съ поручикомъ одного съ нимъ полка Рербергомъ въ трактиръ, гдѣ они пили водку и играли на билліардѣ; затѣмъ Яковлевъ пригласилъ Рерберга и бывшаго въ трактирѣ прапорщика того же полка Слободзинскаго къ себѣ обѣдать, но какъ по приходѣ къ нему, обѣдъ еще не былъ готовъ, то по предложенію Рерберга Яковлевъ сѣлъ играть съ нимъ въ карты, а Слободзинскій на нѣкоторое время пошелъ на свою квартиру. По окончаніи игры, между Яковлевымъ и Рербергомъ произошла ссора изъ за того, что Яковлевъ не хотѣлъ заплатить проигранныхъ имъ денегъ, причемъ Яковлевъ нанесъ Рербергу

---

*) Подсудимый Яковлевъ, 23-го февраля 1860 г. бывъ потребованъ въ военно-судную коммисію для допроса, не явился въ оную подъ предлогомъ болѣзни; при освидѣтельствованіи же его, произведенномъ въ тотъ день, здоровье его, (какъ видно изъ отзыва полковаго штабъ-лекаря), найдено весьма удовлетворительнымъ и не требовавшимъ никакой медицинской помощи, хотя подсудимый и жаловался на кашель, вслѣдствіе котораго не могъ будто-бы говорить. Послѣ этого освидѣтельствованія, на другой день Яковлевъ явился въ военно-судную коммисію.

подсвѣчникомъ три раны на головѣ, отъ которыхъ у Рерберга произошло воспаленіе мозга и онъ черезъ 15-ть дней умеръ.— Подсудимый Яковлевъ въ нанесеніи ранъ поручику Рербергу хотя не сознался, и постороннихъ свидѣтелей тому не было, но онъ совершенно уличается въ означенномъ преступленіи: 1) несправедливымъ показаніемъ своимъ, что онъ въ карты съ поручикомъ Рербергомъ не игралъ и ссоры съ нимъ не имѣлъ, тогда какъ напротивъ прапорщикъ Слободзинскій, приходившій въ квартиру Яковлева вмѣстѣ съ поручикомъ Рербергомъ, удостовѣрилъ, что Яковлевъ и Рербергъ играли въ карты, и что когда онъ Слободзинскій послѣ кратковременной отлучки своей вторично пришелъ къ Яковлеву, то засталъ Рерберга въ нетрезвомъ видѣ, причемъ онъ ссорился съ Яковлевымъ за то, что послѣдній отказывался заплатить проигранныя имъ деньги. То же самое подтвердилъ и прислуживавшій Яковлеву 15-ти лѣтній еврейскій мальчикъ Хаимъ Козорѣзъ, спрошенный подъ присягою, объяснивъ притомъ, что когда Яковлевъ во время означенной ссоры началъ бить Рерберга рукою по спинѣ, то онъ Козорѣзъ вышелъ изъ комнаты, но вскорѣ Яковлевъ позвалъ его, приказавъ подать огня и воды, причемъ, когда онъ Козорѣзъ вошелъ въ комнату, то видѣлъ, что свѣчка лежала на полу, а поручикъ Рербергъ сидѣлъ на кровати, опустивъ голову, изъ которой текла кровь; по уходѣ же Рерберга, подсудимый Яковлевъ приказалъ ему Козорѣзу перемѣнить бывшій въ его комнатѣ подсвѣчникъ; 2) тѣмъ, что поручикъ Рербергъ вскорѣ послѣ происшествія самъ явился къ полковому командиру съ окровавленною головою и объявилъ, что его ранилъ подсудимый Яковлевъ при ссорѣ съ нимъ во время игры въ карты, наконецъ 3) тѣмъ, что показаніе подсудимаго Яковлева, что поручикъ Рербергъ, бывшій въ пьяномъ видѣ, опрокинулъ стоявшій около стола стулъ и самъ ушибся, упавъ на ножки стула, совершенно опровергается медицинскимъ освидѣтельствованіемъ поручика Рерберга, причемъ медикъ, пользовавшій его отъ ранъ, по осмотрѣ мебели, находившейся въ квартирѣ Яковлева, положительно утвердилъ, что ни одна изъ оказавшихся у Рерберга ранъ не могла послѣдовать отъ ушиба о что либо изъ мебели, ибо оная не представляетъ никакихъ къ тому условій, и что означенныя раны нанесены были рѣжущимъ, хотя и тупымъ орудіемъ, и

судя по мѣсту, на которомъ были раны, виду и направленію оныхъ, причинены не самимъ Рербергомъ, а постороннимъ лицомъ.—Сверхъ того подсудимый Яковлевъ по дѣлу сему оказался виновнымъ въ уклоненіи отъ явки въ военно-судную коммисію подъ предлогомъ болѣзни, тогда какъ при освидѣтельствованіи въ тотъ же день, онъ найденъ былъ здоровымъ, и въ несправедливомъ извѣтѣ, будто бы одинъ изъ ассесоровъ военно-судной коммисіи прапорщикъ Трусовъ подговаривалъ еврейскаго мальчика Хаима Козорѣза къ ложному показанію, чего не подтвердили ни самъ Козорѣзъ, ни спрошенные по ссылкѣ Яковлева свидѣтели; мальчикъ же Козорѣзъ объявилъ, что напротивъ самъ Яковлевъ научалъ его показывать при допросѣ, что поручикъ Рербергъ, въ бытность въ его квартирѣ, упалъ со стула и самъ ушибся о кроват, чтó и было показано имъ несправедливо на первомъ допросѣ. — По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ, признавая подсудимаго рядоваго Яковлева виновнымъ въ нанесеніи поручику Рербергу подсвѣчникомъ трехъ ранъ въ голову, вслѣдствіе которыхъ Рербергъ, заболѣвъ воспаленіемъ мозга, черезъ двѣ недѣли умеръ, нашелъ, что хотя преступленіе это совершено Яковлевымъ безъ обдуманнаго умысла на убійство Рерберга, въ запальчивости, при ссорѣ съ нимъ во время картежной игры, но вина подсудимаго усугубляется тѣмъ, что преступленіе совершено имъ въ нарушеніе военной дисциплины и долга подчиненности, такъ какъ по силѣ 93 ст. 1-й книги 3 части свода военныхъ постановленій, нижній чинъ въ лицѣ каждаго вообще офицера, долженъ разумѣть начальника, а на основаніи 236 ст. 1-й кн. воен. уголов. уст. даже простое поднятіе руки подчиненнымъ на начальника, подвергаетъ виновнаго ссылкѣ въ каторжную работу. Имѣя въ виду означенные законы, генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго рядоваго Яковлева, за преступленіе его, лишивъ всѣхъ правъ состоянія и медали въ память войны 1853—1856 г., сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года. Но опредѣливъ подсудимому наказаніе по всей строгости закона, генералъ-аудиторіатъ не могъ не обратить вниманія на то, что важность преступленія подсудимаго, заключающаяся главнымъ образомъ въ нарушеніи военной дисциплины, значительно ослабляется тѣмъ, что поручикъ Рербергъ, которому подсудимый Яковлевъ причинилъ раны, самъ далъ

Яковлеву поводъ къ нарушенію должнаго къ нему уваженія своимъ фамиліарнымъ обращеніемъ съ Яковлевымъ, съ которымъ вмѣстѣ былъ въ трактирѣ, послѣ чего, по приглашенію Яковлева, пришелъ къ нему въ квартиру и бывъ въ пьяномъ видѣ, завелъ съ нимъ картежную игру. Посему: повергнуть участь подсудимаго Яковлева Монаршему милосердію Его Императорскаго Величества и всеподданнѣйше ходатайствовать о томъ, чтобы Яковлева, вмѣсто ссылки въ каторжную работу, согласно съ конфирмаціею главнокомандующаго 1-ю арміею генералъ-адъютанта князя Горчакова, и примѣняясь къ 2033 ст. уложенія о наказ. уголовн. и исправ., лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, а также медали въ память минувшей войны, и сослать на житье въ иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, которое будетъ назначено для его жительства, въ продолженіи двухъ лѣтъ, и потомъ выѣзда въ другія губерніи или области Сибири въ продолженіи восьми лѣтъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата по сему дѣлу послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему, С.-Петербургъ, 16-го марта 1861 года.»

О рядовомъ Викентіѣ Васильевѣ, убившемъ одного крестьянскаго мальчика и ранившемъ другаго.

Сотскій Никита Андреевъ (тверской губерніи, кашинскаго уѣзда, сельца Башвина), донесъ приставу 1 стана, что 5 августа 1842 года пришла къ нему крестьянка Марья Иванова и объявила, что она отпускала малолѣтнихъ сыновей своихъ Егора и Федора Петровыхъ въ лѣсъ за грибами, и по возвращеніи перваго изъ нихъ израненымъ, отправлялась отыскивать другаго сына Федора, котораго и нашла въ лѣсу мертвымъ.

По осмотру временнымъ отдѣленіемъ кашинскаго земскаго суда и уѣзднымъ штабъ-лекаремъ тѣла мальчика *Федора* Петрова, (имѣвшаго отъ роду 7 лѣтъ), оказалось: на шеи семь ранъ,

изъ коихъ первая шириною болѣе полувершка и глубиною около трехъ вершковъ прошла между первымъ шейнымъ позвонкомъ и затылочною костью, повредивъ мозговую становую жилу; вторая шириною менѣе полувершка и глубиною въ вершокъ; третья шириною въ полвершка и глубиною въ вершокъ; четвертая шириною въ полвершка и глубиною болѣе вершка; пятая длиною въ полвершка и глубиною менѣе; шестая таковой же длины и глубины, и седьмая длиною болѣе полувершка, а глубиною менѣе; сверхъ того на тѣлѣ съ правой стороны осьмая рана длиною болѣе полувершка и глубиною до самой кости.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи оставшагося въ живыхъ крестьянскаго мальчика *Егора* Петрова, сдѣланномъ 6 августа, оказалось: на затылкѣ въ покровахъ въ различномъ направленіи и различной длины, примѣрно около четверти вершка и менѣе, девять ранъ, вся шея сзади опухла, съ лѣвой стороны на щекѣ рана длиною около четверти вершка, а глубиною до самой почти кости нижней челюсти, съ опухолью всей щеки; лѣвой глазъ также припухши и нѣсколько посинѣвши; съ правой стороны шеи около уха и ниже три раны длиною менѣе четверти вершка *).

Крестьянка *Марья Иванова* показала при слѣдствіи, что 4 августа она находилась въ полѣ для жатья хлѣба, и съ нею были сыновья ея Егоръ и Ѳедоръ Петровы, которыхъ она послала послѣ половины дня набрать въ ближнемъ лѣсу грибовъ и ягодъ, и какъ по возвращеніи ея въ домъ дѣтей еще не было, то сказала мужу своему Петру Савельеву, чтобъ онъ поискалъ ихъ въ лѣсу, но какъ онъ не нашелъ ихъ, то она на слѣдующій день, шедши на жниво, встрѣтила едва идущаго и въ крови замараннаго сына Егора, который разсказалъ ей, что 4 августа, когда онъ съ братомъ пошли въ лѣсъ, встрѣтился съ ними солдатъ въ сѣрой шинели съ черным воротникомъ, съ ружьемъ, ранцемъ и сумою, и этотъ солдатъ сказалъ имъ, чтобы они шли за нимъ, обѣщаясь показать много ягодъ и грибовъ. Когда они прошли въ лѣсъ шаговъ триста, то солдатъ, взявъ у брата его Ѳе-

*) Изъ отзыва кашинскаго земскаго суда отъ 1 сентября видно, что у мальчика Егора Петрова, имѣющаго отъ роду 9 лѣтъ, раны заживаютъ, и что къ совершенному выздоровленію его безъ остатка увѣчья надежда предвидится.

дора имѣвшійся для ягодъ кувшинчикъ, ударилъ его, Егора, по головѣ, отъ чего онъ упалъ и кувшинъ раскололся, а солдатъ, наступя ему на рубашку, ударилъ остаткомъ кувшина по головѣ Федора, который также упалъ. Послѣ того солдатъ приставилъ ружье къ дереву, и снявъ съ себя суму и ранецъ, сталъ колоть его, Егора, въ шею штыкомъ; и давши нѣсколько ранъ, обратился къ брату, котораго также кололъ въ шею; потомъ взялъ ружье, и надѣвъ ранецъ и суму, ушелъ, неизвѣстно куда, оставя ихъ на мѣстѣ. Чрезъ нѣсколько времени онъ, Егоръ, подползъ къ брату, но увидя его въ крови и мертваго, ушелъ въ рожь, гдѣ хотя и слышалъ, что звали по имени его и брата, но боясь солдата, не откликнулся, и пробылъ во ржи всю ночь, а поутру пошелъ домой. Выслушавъ отъ сына таковое показаніе, она, Иванова отправилась въ лѣсъ и нашла тамъ убитаго сына Федора, о чемъ и объявила сотскому.

Какъ 4 августа, когда совершено убійство, возвращались изъ г. Корчевы конвойные нижніе чины кашинской инвалидной команды, то по сдѣланному земскимъ судомъ распоряженію, начальникъ этой команды поручикъ Малышевъ увѣдомилъ, что 31 іюля командированы были изъ ввѣренной ему команды, при унтеръ-офицерѣ Карпѣ Тимофѣевѣ, шесть рядовыхъ для препровожденія до г. Корчевы арестантовъ. Эти нижніе чины возвратились въ г. Кашинъ 4 августа въ 8 часовъ по полудни, и изъ нихъ рядовой Викентій Васильевъ, во время обратнаго слѣдованія на пути близъ деревни Романцова, самовольно отлучался отъ прочихъ конвойныхъ, которыхъ уже догналъ подъ самымъ г. Кашинымъ.

Нижніе чины кашинской инвалидной команды показали:

Унтеръ-офицеръ *Карпъ Тимофѣевъ*,—что при возвращеніи изъ г. Корчевы въ г. Кашинъ съ командою нижнихъ чиновъ, въ числѣ шести рядовыхъ, одинъ изъ нихъ Викентій Васильевъ 4 августа передъ полднемъ отсталъ отъ команды безъ спроса близъ деревни Романцева, корчевскаго уѣзда, и догналъ уже команду въ г. Кашинѣ, о чемъ онъ, Тимофѣевъ, тогда же доложилъ своему начальнику.

Съ симъ согласно объяснили и прочіе рядовые, бывшіе въ конвоѣ.

Рядовой *Викентій Васильевъ* при изслѣдованіи показалъ, что 31 іюля онъ посланъ былъ въ числѣ шести человѣкъ, при унтеръ-офицерѣ Карпѣ Тимофѣевѣ, для препровожденія въ г. Корчеву арестантовъ, и при возвращеніи оттуда, 4 августа отсталъ отъ команды близь деревни Романцева, въ которой, зайдя въ питейный домъ, выпилъ вина на пять копѣекъ серебромъ, и пошелъ по тракту къ г. Кашину; но, будучи нѣсколько пьянъ, зашелъ въ дер. Опарниковѣ въ одинъ крестьянскій домъ, чтобы напиться, и не видя въ избѣ никого изъ хозяевъ, взялъ лежавшую на лавкѣ бумажную мужскую рубашку, которую и положилъ въ ранецъ; потомъ, желая посмотрѣть рубашку, вынулъ оную изъ ранца. Въ это время вошелъ въ избу хозяинъ дома, и видя у него украденную рубашку, сталъ его бить и потомъ выгналъ вонъ. Послѣ того онъ отправился въ Кашинъ и проходя лѣсомъ, встрѣтилъ близь сельца Башвина часу въ 5 по полудни трехъ крестьянскихъ мальчиковъ; будучи же пьянъ, *и въ азартѣ отъ причиненныхъ ему побоевъ*, рѣшился *отомстить* на нихъ злобу, и поэтому позвалъ ихъ въ лѣсъ, обѣщаясь показать имъ ягоды и грибы. Посему два меньшихъ мальчика послѣдовали за нимъ, а третій *) побольше отказался и ушелъ въ деревню. Онъ же, Васильевъ, отойдя съ двумя мальчиками въ лѣсъ шаговъ триста отъ дороги, взялъ у одного изъ нихъ кувшинчикъ и ударилъ другаго по головѣ, отчего тотъ упалъ, а кувшинчикъ разбился; послѣ того обломкомъ кувшина онъ ударилъ по головѣ же и другаго мальчика, который также упалъ, а онъ, Васильевъ, приставивъ ружье къ дереву и снявъ съ себя ранецъ и суму, сталъ колоть ихъ въ шеи штыкомъ, и давши имъ по нѣскольку ранъ, одного закололъ до смерти, а другаго, раскаявшись, оставилъ раненаго и пошелъ въ Кашинъ, гдѣ и присоединился къ своей командѣ.

Это показаніе *подсудимый* Васильевъ утвердилъ и въ военномъ судѣ, пояснивъ только, что онъ на пути слѣдованія отсталъ отъ команды самовольно и скрытно отъ унтеръ-офицера, а предъ совершеніемъ убійства, и въ самое дѣйствіе онаго, онъ былъ хотя нѣсколько выпивши, но въ здравомъ разсудкѣ, будучи только *ожесточенъ* отъ причиненныхъ ему предъ тѣмъ

*) О третьемъ мальчикѣ розысканія никакого не сдѣлано.

крестьяниномъ побоевъ за кражу рубахи. Почему при встрѣчѣ съ мальчиками имѣлъ намѣреніе умертвить ихъ вовсе, а не нанести только побои, о чемъ никому не объявлялъ до распросовъ его при слѣдствіи.

Деревни Опарникова крестьянинъ *Исай Кондратьевъ* показалъ, что онъ, увидѣвъ пьянаго солдата, шедшаго въ фуражкѣ съ ранцемъ и ружьемъ въ домъ крестьянина Василья Иванова и зная, что въ этомъ домѣ никого тогда не было, пошелъ посмотрѣть за нимъ, и при входѣ въ избу замѣтилъ, что солдатъ клалъ въ ранецъ крестьянскую рубашку; а когда солдатъ требовалъ дать ему обѣдъ, то онъ, Кондратьевъ, позвалъ изъ огорода жену Иванова, Авдотью Павлову, и при ней вынулъ изъ ранца рубашку, которая оказалась принадлежащею мужу ея; потомъ, оборотя солдата, надѣвшаго уже на себя ранецъ, вытолкалъ его изъ избы; солдатъ отправился по дорогѣ къ г. Кашину.—Согласно съ симъ объяснила и крестьянка *Авдотья* Павлова въ относящихся до нея обстоятельствахъ.

Означенная рубашка оцѣнена въ 50 к. сер.

Генералъ-аудиторіатъ, разсмотрѣвъ дѣло сіе, нашелъ подсудимаго рядоваго Васильева виновнымъ въ томъ, что онъ, находясь въ числѣ 5 рядовыхъ подъ командою унтеръ-офицера, въ командировкѣ для препровожденія до г. Корчевы арестантовъ и по сдачѣ ихъ, при возвращеніи къ своей командѣ 4 августа 1842 года, не доходя деревни Романцова, отсталъ на дорогѣ отъ товарищей своихъ, и по прибытіи въ означенную деревню, зашедши въ питейный домъ, выпилъ вина на 5 к. серебромъ; потомъ отправился далѣе, по приходѣ же въ деревню Апарникову, укралъ въ домѣ крестьянина Василья Иванова рубаху и укладывалъ ее въ свой ранецъ; увидѣвъ это, сосѣдъ Иванова крестьянинъ Кондратьевъ отобралъ отъ него Васильева означенную рубаху и самого его вытолкалъ изъ дому. Послѣ того Васильевъ отправился въ г. Кашинъ, и проходя лѣсомъ, увидѣлъ близъ сельца Башвина двухъ крестьянскихъ мальчиковъ, Егора 9—и Федора 7 лѣтъ, шедшихъ за ягодами, и вознамѣрясь отмстить за нанесенную ему крестьяниномъ Кондратьевымъ обиду, онъ, Васильевъ, заманивъ тѣхъ мальчиковъ отъ дороги въ лѣсъ подъ предлогомъ указанія ягодъ, причинилъ имъ сперва глинянымъ кувшиномъ по головамъ ихъ побои, отъ коихъ оба они упали на

землю, а потомъ, ружейнымъ штыкомъ кололъ ихъ въ шею, сдѣлавъ тѣмъ Егору 12, а Федору 8 ранъ, отчего изъ нихъ последній тогда же умеръ, а Егоръ остался живъ, и пробывъ въ изнеможенномъ состояніи всю ночь, поутру ушелъ въ свой домъ и объявилъ о семъ происшествіи. Между-тѣмъ подсудимый Васильевъ, отправясь въ г. Кашинъ, присоединился къ конвойной командѣ и скрывалъ о вышеизложенномъ происшествіи до начатія о семъ изслѣдованія; потомъ признался въ этомъ преступленіи, объявляя, что при встрѣчѣ съ мальчиками имѣлъ онъ намѣреніе умертвить ихъ въ отмщеніе за причиненные ему крестьяниномъ побои при отобраніи отъ него украденной имъ, Васильевымъ, рубахи. Посему генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: подсудимаго рядоваго Васильева за отлучку отъ своей команды, кражу рубахи, причиненіе штыкомъ ранъ двумъ мальчикамъ, отъ коихъ одинъ тогда же умеръ,—на основаніи св. воен. пост. ч. V кн. 1, ст. 376, наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ три раза, и потомъ, выключивъ изъ воинскаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу.

О рядовомъ Михайлѣ Денисовѣ, убившемъ двухлѣтняго мальчика.

Рядовой Денисовъ, состоя на службѣ въ царевской инвалидной командѣ и квартируя въ домѣ государственнаго крестьянина Степана Шишлянникова, 11 апрѣля 1857 года объявилъ командному фельдфебелю Полякову, что онъ того же числа, въ отсутствіе хозяевъ своей квартиры, нанесъ сыну ихъ, 2-хъ лѣтнему мальчику Петру Шишлянникову, ножемъ рану въ животъ.

Мальчикъ Петръ въ тотъ же день умеръ отъ этой раны. По осмотру его найдено: на верхней части живота рана, простирающаяся отъ нижняго конца мочевиднаго отростка, до пупка, длиною въ четыре поперечно-соединенныхъ пальца и шириною въ палецъ, изъ раны вышли наружу кишки и лѣвая часть печени, въ лѣвомъ паху синеватое пятно неправильной формы, величиною въ копѣйку серебромъ, а при соединеніи лѣвой темянной кости съ затылочною находится трещина, идущая отъ маковки къ лѣвому виску и проницающая черепъ. Медикъ, производив-

шій этотъ осмотръ, заключилъ, что смерть ребенку Шишлянникову произошла отъ омертвленія кишекъ и остраго воспаленія брюшины.—Заключеніе медика признано правильнымъ астраханскою врачебною управою.

Подсудимый Денисовъ при слѣдствіи въ царевской градской полиціи показалъ, что за 2 дня до происшествія, 9 апрѣля, около полудня, онъ ходилъ въ питейный домъ, гдѣ напился до опьяненія, и послѣ того не могъ идти на свою квартиру, а ночевалъ на улицѣ; на другой же день, будучи пьянъ и гуляя на берегу Волги, встрѣтилъ крестьянина Милаева, который сталъ просить его убить крестьянку Анну Федосѣеву, съ которою Милаевъ *) былъ въ любовной связи, и за исполненіе просьбы обѣщалъ дать ему Денисову 100 руб. ассигн.; но отказавшись отъ этого, онъ Денисовъ прогулялъ цѣлый день, и вечеромъ въ пьяномъ видѣ пошелъ домой, но найдя квартиру свою запертою, отправился въ домъ уѣзднаго судьи Стародубова, и переночевавъ у него въ кухнѣ съ прислугою, утромъ 11 апрѣля пошелъ снова домой, намѣреваясь отомстить хозяйкѣ дома за то, что когда только ни приходилъ въ квартиру, находилъ ее всегда запертою; придя туда, хозяйки не нашелъ, но увидѣвъ внучатъ ея, спавшихъ въ комнатѣ, схватилъ со стола ножъ, и нанесъ младшему изъ нихъ Петру рану въ животъ; послѣ чего бросивъ тамъ же ножъ, сейчасъ пошелъ къ фельдфебелю Полякову и объявилъ ему о своемъ преступленіи.

Показаніе это подсудимый Денисовъ подтвердилъ и на передопросѣ при слѣдствіи, объяснивъ, что отъ чего произошли у мальчика Петра синеватое пятно въ паху и трещина на головѣ,

*) Крестьянинъ Милаевъ, на допросѣ и очныхъ ставкахъ съ рядовымъ Денисовымъ, не сознаваясь ни въ подговорѣ его къ убійству крестьянки Анны Федосѣевой, ни въ любовной связи съ нею, объяснилъ, что 10 апрѣля, проведя весь день съ дядею своимъ, и крестьянами Виноградовымъ, Зыгинымъ, Гомановымъ, Сабинымъ, Романенкомъ, купеческимъ сыномъ Кузнецовымъ и армяниномъ Пандалузовымъ, съ подсудимымъ Денисовымъ нигдѣ не видѣлся. Поименованныя лица, въ томъ числѣ шестеро подъ присягою, подтвердили, что дѣйствительно крестьянинъ Милаевъ находился съ ними 10 апрѣля, и при этомъ подсудимаго Денисова они не видали. Крестьянка же Федосѣева показала, что въ любовной связи съ крестьяниномъ Милаевымъ она никогда не была.

не знаетъ навѣрное, но полагаетъ, что эти знаки произошли отъ паденія съ кровати послѣ нанесеннаго ему удара.

Теща хозяина квартиры подсудимаго Денисова, крестьянка Ершова, объяснила, что по отъѣздѣ зятя ея крестьянина Шишлянникова съ женою въ посадъ Дубовку, она взялась смотрѣть за дѣтьми ихъ, которыхъ днемъ брала къ себѣ на домъ, а на ночь оставалась въ ихъ домѣ; 11 апрѣля утромъ, погнавъ корову въ стадо, она оставила всѣхъ дѣтей спавшими; по возвращеніи же, увидѣла меньшаго внука Петра на полу съ разрѣзаннымъ животомъ и вывалившеюся внутренностію; кто совершилъ преступленіе, не знаетъ. Подсудимаго Денисова видѣла она всего разъ, за день до происшествія, 10 апрѣля, около полудня, когда онъ приходилъ въ квартиру взять свое ружье; при этомъ повидимому онъ не былъ пьянъ и съ нею, Ершовою, ничего не говорилъ.

Царевскій уѣздный судья Стародубовъ увѣдомилъ, что подсудимый Денисовъ, придя къ нему 10 апрѣля часовъ въ 10 вечера, пробылъ у него на кухнѣ не болѣе четверти часа, послѣ чего ушелъ и болѣе не возвращался.

Въ военномъ судѣ подсудимый Денисовъ показалъ, что утромъ 10 апрѣля онъ ходилъ къ командному цейхаузу для разсчета въ караулъ, и по возвращеніи оттуда домой, найдя квартиру запертою, отправился гулять по городу, заходилъ въ питейный домъ, но пьянымъ не напивался, а вечеромъ, посидѣвъ самое короткое время съ людьми уѣзднаго судьи Стародубова на кухнѣ, пришелъ опять домой, и сѣлъ на завалинѣ дома; въ это время ефрейторъ, подойдя къ нему, спрашивалъ его о здоровьѣ и получивъ отвѣтъ, что здоровъ, ушелъ; теща крестьянина Шишлянникова, крестьянка Ершова, была тогда дома, но видѣла ли его сидѣвшимъ на завалинѣ и слышала ли разговоръ съ ефрейторомъ, не знаетъ. По уходѣ ефрейтора, онъ, Денисовъ, снова ходилъ въ питейный домъ и, напившись до опьяненія, ночевалъ на дворѣ пустаго дома, а поутру возвратился домой въ отсутствіе крестьянки Ершовой, и увидѣлъ одного изъ внучатъ ея, двухлѣтняго-мальчика Петра, съ разрѣзаннымъ животомъ и вывалившеюся внутренностію; испугавшись онъ, Денисовъ, не зналъ что дѣлать; но придя въ себя, пошелъ сейчасъ же къ фельдфебелю Полякову и сказалъ ему, что будто бы онъ, Денисовъ, нанесъ тому мальчику рану, что

подтверждалъ и при слѣдствіи; но на самомъ дѣлѣ раны Петру не наносилъ, и кто сдѣлалъ это преступленіе, не знаетъ, и при этомъ не понимаетъ съ какою цѣлію, находясь въ здравомъ разсудкѣ, взвелъ на себя это убійство; крестьянина Милаева въ подговорѣ къ убійству крестьянки Федосѣевой, онъ Денисовъ оговорилъ при слѣдствіи совершенно несправедливо.

Генералъ-аудиторіатъ нашелъ, что такъ-какъ, на основаніи примѣч. къ 345 ст. 2 кн. военно-угол. уст., признаніе, сдѣланное въ полиціи, почитается равносильнымъ признанію, сдѣланному въ судѣ, а подсудимый не представилъ никакихъ доказательствъ къ подтвержденію послѣдняго своего объясненія, и по дѣлу не обнаружено никакихъ уликъ, по которымъ можно бы предполагать, что убійство малолѣтняго Шишлянникова произведено было кѣмъ либо другимъ, то слѣдуетъ признать Денисова виновнымъ въ убійствѣ Шишлянникова, съ обдуманнымъ намѣреніемъ изъ мести къ хозяевамъ квартиры; мѣра же положеннаго подсудимому по закону наказанія должна быть возвышена какъ въ томъ вниманіи, что онъ избралъ жертвою преступленія невиннаго младенца, такъ и за сдѣланное имъ въ военномъ судѣ отрицательство отъ первоначальнаго сознанія. Потому генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь 384 ст. кн. 1 военно-угол. уст. и 2003 ст. уложенія о наказ. угол и испр. (изд. 1857 г.), опредѣлилъ: рядоваго Денисова наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ восемь разъ и, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

О рядовомъ Алейниковѣ, сужденномъ за убійство церковнаго сторожа, ограбленіе церкви и кражи.

Рядовой охотскаго егерскаго полка Михайло Алейниковъ, во время квартирнаго расположенія полка въ окрестности г. Кіева, 17 августа 1842 года сдѣлалъ первый побѣгъ. Во время нахожденія Алейникова въ побѣгѣ, 21 октября того же года унтеръ-офицеръ Исай Бехметировъ, встрѣтясь съ квартальнымъ надзирателемъ Куреневскаго предмѣстія города Кіева, объявилъ ему,

что обворована куреневская петропавловская церковь, и при ней убитъ церковный сторожъ.

Того же 21 октября приставъ уголовныхъ дѣлъ кіевской градской полиціи, и квартальный надзиратель Куреневскаго предмѣстія, осматривали церковь, причемъ обнаружено слѣдующее: тѣло убитаго сторожа, кіевскаго мѣщанина Якима Пискунова, лежало съ лѣвой стороны церкви. Съ той же стороны сдѣланъ былъ въ церкви подкопъ. Внутри церкви найдено отверстіе, происшедшее отъ подкопа, и на полу лежали: замаранная въ крови колотушка, бывшая при сторожѣ, и большой дубовый колъ. Выходы — ведущіе въ придѣлъ, и изъ него чрезъ боковыя двери на дворъ, — оказались не запертыми. Внѣ церкви за заборомъ лежали замаранные кровью: заступъ и отломленная отъ него деревянная ручка.

Священникъ объявилъ, что похищены изъ церкви: двѣ серебряныя вызолоченныя чаши, два дискоса, двѣ звѣздицы, ложица и сундучекъ съ деньгами до 12 руб. ассигнац. *).

22 октября врачемъ кіевской градской полиціи произведено освидѣтельствованіе мертваго тѣла церковнаго сторожа, причемъ оказалось: на головѣ спереди выше лба была свѣжая рана, величиною въ полтора вершка, съ пробитіемъ покрововъ и костей черепа. За правымъ ухомъ на височной кости,—другая рана длиною около вершка, нанесенная острымъ орудіемъ; на правомъ глазу синебагровая опухоль; ротъ былъ затворенъ, зубы стиснуты и между ними нѣсколько притиснутъ совершенно почернѣвшій языкъ. На шеѣ былъ крѣпко затянутый и вдавленный въ тѣло шерстяной поясъ.

23 того же октября рядовой Алейниковъ былъ задержанъ проживающимъ въ г. Кіевѣ, дворяниномъ Шатковскимъ по подозрѣнію, что Алейниковъ ночью часто проходилъ по той улицѣ, въ которой жилъ Шатковскій. По доставленіи Алейникова къ приставу плоской части, усмотрѣны на шинели, бывшей на немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кровавыя пятна.

При допросѣ частнымъ приставомъ о причинѣ оказавшихся на шинели кровавыхъ пятенъ, Алейниковъ сперва показалъ, что пятна произошли отъ того, что у него шла изъ носа кровь, а по-

*) Сундучекъ, безъ денегъ, съ отбитымъ замкомъ, найденъ возлѣ забора, принадлежащаго къ церкви.

томъ сознаваясь въ учиненномъ преступленіи, объяснилъ, что въ апрѣлѣ 1842 года, когда охотскій егерскій полкъ выступилъ изъ г. Кіева въ Радомыслъ, онъ Алейниковъ находился въ полковомъ лазаретѣ на Куреневкѣ. По выздоровленіи онъ былъ прикомандированъ къ селенгинскому пѣхотному полку, гдѣ пропали у него нѣкоторыя казенныя вещи. По доставленіи въ Кіевъ въ охотскій полкъ, онъ не имѣя къ предназначенному смотру вещей, боялся взысканія, и въ первыхъ числахъ сентября бѣжалъ изъ полка. Во время побѣга, онъ занимался поденными работами на берегу р. Днѣпра, выгружалъ каменья съ байдаковъ, а ночевалъ на оболонскомъ лугу. 17 октября, во время вечерни, зашедъ въ куреневскую петропавловскую церковь помолиться, вознамѣрился обворовать церковь. 20 октября утромъ въ незнакомомъ домѣ укралъ заступъ, и того же дня въ вечеру часу въ 7 пришелъ съ заступомъ къ церкви, перелѣзъ чрезъ заборъ и вошелъ въ цвинтарь. Когда сторожъ, обошедъ церковь, простучалъ въ доску и пошелъ подъ навѣсъ колокольни спать, онъ Алейниковъ на лѣвой сторонѣ церкви дѣлалъ подкопъ. Кончивъ его совершенно, увидѣлъ, что сторожъ всталъ и снова стучалъ въ доску. Боясь быть имъ схваченнымъ, онъ Алейниковъ, скрывшись за дерево, ждалъ, когда сторожъ пройдетъ съ лѣвой стороны церкви. Пропустивъ его мимо, онъ вышелъ изъ-за дерева и ударилъ заступомъ сторожа въ правую сторону головы. Отъ этого удара сторожъ упалъ на землю и захрипѣлъ. Онъ Алейниковъ остріемъ заступа еще два раза ударилъ сторожа по головѣ, и когда у заступа отломилась ручка, онъ перебросилъ заступъ и ручку за заборъ. Потомъ, желая оттащить сторожа въ сторону и скрыть его отъ людей, снялъ съ него поясъ, надѣлъ на шею и сталъ тащить; но по причинѣ тяжести оставилъ убитаго на мѣстѣ. Засимъ онъ пролѣзъ чрезъ сдѣланный подкопъ въ церковь, снялъ со стѣны замѣченный имъ 17 октября ящикъ, прошелъ чрезъ алтарь въ пономарню, и отодвинувъ желѣзную задвижку у двери, вошелъ въ придѣлъ, гдѣ также отодвинулъ у двери задвижку, и вышедъ въ цвинтарь, поставилъ ящикъ около забора. Потомъ, возвратясь чрезъ дворъ въ церковь, онъ взялъ въ алтарѣ съ жертвенника двѣ чаши и прочія церковныя вещи. Замѣтивъ, что въ пономаркѣ боковая дверь была заперта на замокъ, и полагая, что въ той комнатѣ должны быть деньги, взялъ около

ближайшаго дома дубовый колъ, чтобы посредствомъ его оторвать висящій замокъ; но не могши тѣмъ коломъ этого сдѣлать, бросилъ его, и имѣвшимся у него долотомъ, украденнымъ у неизвѣстнаго крестьянина, долбилъ съ полтора часа. Когда запѣли пѣтухи, онъ, боясь быть пойманнымъ, вышелъ изъ церкви, оторвалъ у ящика пробой и, вынувъ изъ него, не знаетъ сколько, денегъ, пошелъ къ клейному заводу. Не доходя до него, зарылъ церковныя вещи и бо̀льшую часть денегъ въ песокъ, а съ собою взялъ только нѣсколько денегъ для покупки хлѣба. Долото бросилъ близь того мѣста, гдѣ зарылъ церковныя вещи.

По указанію подсудимаго Алейникова, частный приставъ плоской части нашелъ на облонскомъ лугу близь клейнаго завода зарытыми въ пескѣ похищенныя изъ церкви вещи, и связанныя въ парчевомъ покрывалѣ, снятомъ въ церкви съ жертвенника, 7 р. 43 к. мѣдью.

Деньги эти и вещи возвращены церкви.

Сверхъ того, еще до похищенія, сдѣланнаго въ петропавловской церкви, — ночью съ 29 на 30 сентября въ г. Кіевѣ изъ питейнаго дома у сидѣльца кантониста Волущука украдены разныя вещи, по объявленію его на 100 р. ассигнац.

При допросѣ рядоваго Алейникова въ кіевской градской полиціи, онъ сознался въ кражѣ у кантониста Волущука вещей и показалъ, что во время побѣга, находясь однажды въ лѣсу у предмѣстья Куреневки, соединился тамъ съ бѣглымъ солдатомъ одесскаго егерскаго полка Константиновымъ, съ которымъ возлѣ кириловскаго богоугоднаго заведенія, въ питейномъ домѣ и выломалъ ночью окно. Затѣмъ они влѣзли въ комнату, и какъ находившіеся въ ней люди спали, то они взяли два штофа водки и сундукъ; сундукъ вынесли чрезъ двери въ огородъ, разбили его въ саду и, выбравъ изъ него показанныя Волущукомъ вещи, зарыли въ землю. Изъ этихъ вещей они, Алейниковъ и Константиновъ, распродали нѣкоторыя какъ завѣдомо краденныя, въ Кіевѣ еврейкѣ Рывкѣ, и евреямъ Шліомѣ и Сорокѣ, а прочія вещи въ лавочкахъ на базарѣ въ плоской части. Какъ рядовой Константиновъ изъ боязни быть пойманнымъ, постоянно скрывался въ лѣсу за Куреневкою, то онъ Алейниковъ, послѣ воровства, сдѣланнаго въ питейномъ домѣ, съ нимъ болѣе не ви-

дался, а слышалъ, что Константиновъ пойманъ съ какимъ-то самоваромъ *).

Впослѣдствіи, по преданіи военному суду рядоваго *Алейникова*, дана послѣднему съ арестантомъ Константиновымъ очная ставка, на которой Алейниковъ, уличая Константинова въ кражѣ съ нимъ вещей у кантониста Волущука, присовокупилъ, что онъ Алейниковъ, и Константиновъ во время побѣга вошли ночью, предмѣстья Куреневки, въ домъ неизвѣстной женщины съ намѣреніемъ сдѣлать воровство. На дворѣ этого дома взломали амбаръ, и украли изъ него самоваръ и холщевую простыню. На другой день послѣ сей кражи, Константиновъ взялъ у показателя самоваръ и понесъ продавать, послѣ чего онъ съ нимъ болѣе не встрѣчался.—Константиновъ въ кражѣ съ Алейниковымъ вещей у Волущука, и самовара у неизвѣстной женщины не сознался **).

При осмотрѣ, произведенномъ кіевскою полиціею въ домахъ тѣхъ лицъ, которыхъ Алейниковъ оговорилъ въ покупкѣ у него вещей, найдены у кіевскихъ мѣщанокъ: Ульяны Данчевской поношенное ситцевое платье, а у Авдотьи Давиденковой два аршина простаго холста. Кантонистъ Волущукъ призналъ холстъ и платье за украденные у него вмѣстѣ съ другими вещами.

Мѣщанки Данчевская и Давиденкова показали, что купили означенныя вещи у Алейникова, не зная что онѣ краденыя. Поведеніе сихъ мѣщанокъ на повальномъ обыскѣ одобрено. У прочихъ лицъ, изъ оговоренныхъ Алейниковымъ, никакихъ краденыхъ вещей не найдено; лица сіи въ покупкѣ этихъ вещей у Алейникова не признались, и поведеніе ихъ на повальномъ обыскѣ одобрено.

---

*) Рядовой одесскаго егерскаго полка *Константиновъ* пойманъ былъ изъ бѣговъ 14 октября въ г. Кіевѣ. Онъ въ кражѣ съ подсудимымъ Алейниковымъ у кантониста Волущука не сознался, и по конфирмаціи командовавшаго 4 корпусомъ генералъ-лейтенанта Өеодаева 5 ноября 1842 года, за 3-й побѣгъ наказанъ шпицрутенами чрезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ, и отправленъ въ арестантскія роты въ г. Кіевъ на три года.

**) По справкѣ оказалось, что у Константинова при поимкѣ отобранъ былъ краденный самоваръ. Константиновъ показалъ, что во время побѣга, встрѣтясь съ подсудимымъ Алейниковымъ, получилъ отъ него для продажи самоваръ, съ которымъ и пойманъ.

Рядовой Алейниковъ ещé признался, что въ первыхъ числахъ сентября, онъ ночью укралъ разныя вещи въ предмѣстьѣ Куреневкѣ изъ комнаты неизвѣстнаго мѣщанина. Вещи сіи имъ проданы еврею Шліомѣ, занимающемуся продажею вина въ предмѣстьѣ Преоркѣ. Кромѣ сего Алейниковъ оговорилъ этого еврея и еще еврейку Рывку въ пристанодержательствѣ его Алейникова, завѣдомо бѣглаго. Кіевскою градскою полиціею обнаружено, что послѣдняя кража сдѣлана Алейниковымъ у солдатки Феодосіи Ефименковой. Еврей Шліома Пекарскій въ покупкѣ вещей, украденныхъ Алейниковымъ у солдатки Ефименковой, не сознался. При обыскѣ въ домѣ сего еврея краденыхъ вещей не найдено, и поведеніе его на повальномъ обыскѣ одобрено.

Генералъ-аудиторіатъ, сообразивъ вышеизложенное, нашелъ Алейникова виновнымъ въ томъ, что онъ, бѣжавъ изъ полка 17-го августа 1842 года и пришедши въ г. Кіевъ, дѣлалъ разныя кражи, а наконецъ рѣшился на святотатство изъ тамошней петропавловской церкви. Въ семъ намѣреніи, онъ 21 октября того года въ ночное время, перелѣзши чрезъ ограду, окружающую церковь, сдѣлалъ подкопъ подъ оную и, опасаясь, чтобы церковный сторожъ, вышедшій въ это время, не воспрепятствовалъ ему,—ударилъ его внезапно заступомъ по головѣ; потомъ, когда сторожъ отъ сего упалъ, нанесъ ему еще два удара тѣмъ же заступомъ въ голову и наконецъ снявъ съ него поясъ, удавилъ его онымъ. Послѣ сего смертоубійства, влезши чрезъ подкопъ въ церковь, вошелъ въ алтарь и похитилъ денегъ до 12 руб. ассигнац. и съ жертвенника одежду и сосуды. Все это по выходѣ изъ церкви Алейниковъ спряталъ въ землю, но черезъ день, бывъ пойманъ и обративъ на себя вниманіе оказавшимися на одеждѣ его кровавыми пятнами, сознался какъ въ кражахъ и святотатствѣ, такъ и въ убійствѣ церковнаго сторожа. Признавая, что подсудимый рядовой Алейниковъ, по важности преступленій своихъ, заслуживаетъ примѣрнаго наказанія' какъ злодѣй необыкновенный, который, рѣшившись на святотатство, не только исполнилъ это хладнокровно, но еще при входѣ въ церковь убилъ церковнаго сторожа для того, чтобы онъ не могъ ему воспрепятствовать, и по совершеніи смертоубійства имѣлъ дерзость войти въ алтарь и коснуться св. жертвенника, съ коего похитилъ одежду и священные сосуды,—генералъ-ауди-

торіатъ полагалъ: 1) подсудимаго Алейникова наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ пять разъ, и лишивъ воинскаго званія, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. 2) Разсмотрѣніе степени прикосновенности къ сему дѣлу лицъ гражданскаго вѣдомства, оговоренныхъ подсудимымъ въ передержательствѣ его и пріемѣ отъ него краденыхъ вещей, — предоставить гражданскому начальству. 3) Какъ подсудимому полагается наказаніе болѣе опредѣленной мѣры, то на основаніи свода военныхъ постановленій военно-уголовнаго устава, книги 2, ст. 425, сіе заключеніе въ отношеніи его, повергнуть на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе.

Это заключеніе генералъ-аудиторіата удостоилось Высочайшаго утвержденія 22 іюля 1843 года.

О рядовыхъ Пермяковѣ и Калининѣ, преданыхъ суду: за убійство, покушеніе на убійство и разбой.

Рядовые Абросимъ Пермяковъ и Федоръ Калининъ, по наказаніи плетьми, сданы были въ рекруты по рѣшенію вятской уголовной палаты за кражу, и опредѣлены въ исправительное отдѣленіе, учрежденное при симбирскомъ гарнизонномъ баталіонѣ, откуда 19 іюля 1846 года учинили побѣгъ.

Послѣ того, ходыревское волостное правленіе, (вятской губерніи, нолинскаго уѣзда), 9 августа 1846 г. донесло приставу 1-го стана, что 8 августа пополудни Пермяковъ и Калининъ зашли въ проѣзжую ограду крестьянина Минея Шумилова, и Пермяковъ находившуюся на той оградѣ 8 лѣтнюю внучку Шумилова Марью бросилъ въ колодезь, а потомъ оба они, войдя въ избу и найдя въ оной одного только Шумилова, напали на него, и Калининъ имѣвшеюся у него въ рукахъ чугунною въ одинъ фунтъ гирею нанесъ ударъ Шумилову въ голову и проломилъ до мозга, отчего Шумиловъ вскорѣ умеръ. Потомъ Пермяковъ и Калининъ взяли изъ чулана денегъ 5 р. 45 к. сер. и, разломавъ два висячіе замка, находившіеся у другаго чулана въ подпольи, забрали оттуда 25 р. с., серебяный небольшой крестъ, и конецъ

черной китайки. Между тѣмъ дѣвочка Марья вылѣзла изъ колодезя, и о случившемся съ нею дала знать одножителю крестьянину Ивану Пермякову, который съ сыновьями своими Христофоромъ и Иваномъ отправились въ домъ Шумилова для поимки преступниковъ, но Пермяковъ и Калининъ вышибли изъ окна раму со стеклами, и выскочили чрезъ оное на лужокъ, причемъ Калининъ подошедшаго къ нему крестьянина Христофора ударилъ по рукѣ желѣзнымъ небольшимъ ломомъ, сдѣланнымъ для выдергиванія гвоздей; отъ сего удара рука крестьянина такъ повреждена, что онъ не можетъ работать. Послѣ сего преступники убѣжали въ яровое поле, гдѣ и были пойманы, и отъ нихъ отобраны: гирька и ломъ длиною въ $2^1/_2$ четверти, украденныя у Шумилова деньги 5 руб. 45 коп. сер., фосфоровыя спички, три восковыя свѣчи, кожанныя ножны и конецъ черной китайки. По поимкѣ ихъ, жена подсудимаго Пермякова Матрена, прибѣжавъ на мѣсто, гдѣ они находились, признала бывшую на мужѣ ея, холщевую рубаху которая хранилась у нея въ клѣти, но объявила, что какимъ образомъ онъ пріобрѣлъ эту рубашку, ей неизвѣстно. Денегъ же 25 р. сер. и креста у преступниковъ ненайдено.

По наружному осмотру тѣла Шумилова, учиненному 11 августа приставомъ 1-го стана при 13 понятыхъ, оказалось: на правой сторонѣ головы, выше уха, въ двухъ мѣстахъ кожа пробита съ проломленіемъ черепа круглообразно; раны величиною въ двѣ копѣйки мѣдью; вокругъ этого пролома черепъ раздробленъ на мелкія части, и при поворачиваніи тѣла выходилъ мозгъ, смѣшанный съ кровью.

По осмотру мѣстности обнаруженъ внутри двора колодезь съ запущенными въ немъ деревянными срубами, глубиною до воды 9 аршинъ, а воды въ немъ 3 аршина, срубы шириною внизу $1^1/_4$ аршинъ съ вытесанными стѣнками, а къ верху 11 вершковъ.

На допросѣ приставомъ 1-го стана, показали:

Пермяковъ,—что по поступленіи въ исправительное отдѣленіе, начальство употребляло сначала его, а потомъ и поступившаго въ это отдѣленіе Калинина, (съ которымъ онъ познакомился еще до поступленія въ военную службу, во время содержанія его съ нимъ въ нолинской тюрьмѣ), въ самыя трудныя работы, заставляя выгружать изъ воды: брусья, бревна, дрова, копать землю

и тому подобное. Будучи этимъ чрезвычайно отягощенъ, и не имѣя хорошей пищи, кромѣ одного сухаго хлѣба, онъ рѣшился учинить побѣгъ съ Калининымъ. Сговорившись съ нимъ, они во время нахожденія на работѣ въ саду у неизвѣстнаго купца, и оставя на мѣстѣ работъ казенныя вещи, бѣжали, съ намѣреніемъ пробраться на родину, убить крестьянина Минея Шумилова и ограбить его за то, что по доносу Шумилова, онъ Пермяковъ отданъ въ рекруты; вмѣстѣ съ тѣмъ показатель полагалъ, что чрезъ преступленіе это избавится отъ военной службы; съ этою цѣлью они съ Калининымъ прибыли 7 августа въ «Пермяковскій починокъ», и пройдя чрезъ задніе лужки во дворъ Шумилова, пробрались на верхъ отхожей избы, въ которой никто не жилъ, и легли на соломѣ, съ тѣмъ чтобы по наступленіи слѣдующаго дня, когда уйдутъ всѣ семейные Шумилова въ поле для работы, убить его, а потомъ ограбить и скрыться. На другой день, когда всѣ домашніе ушли, остались дома только Миней Шумиловъ и малолѣтняя внучка его Марья, которая нерѣдко выходила изъ избы, и, возвращаясь въ оную, запирала за собою двери; послѣ полудня когда Марья снова вышла на дворъ и впустила съ улицы овецъ, они, Пермяковъ и Калининъ, опасаясь, чтобы она по уходѣ въ избу не заперла за собою двери, поспѣшно слѣзли, и Калининъ, схвативъ эту дѣвочку, зажалъ ей ротъ, а потомъ оба они бросили ее въ колодезь, въ который была спущена бадья, и слышали, какъ она Марья упала въ воду; посмотрѣвъ же въ колодезь и не видя ея на поверхности воды, полагали, что она утонула; однакожъ для предосторожности, чтобы не вылѣзла, закрыли колодезь имѣвшеюся приономъ крышкою. Засимъ они вошли въ избу, гдѣ находился Шумиловъ, (который имѣя болѣе 70 лѣтъ, работами не занимался), и нашли его лежащимъ на лавкѣ близь дверей; въ это время Калининъ ударилъ его желѣзнымъ ломомъ по правому виску и пробилъ оный до крови, а онъ Пермяковъ ударилъ по этому же мѣсту желѣзною гирькою и проломилъ кость. Какъ Шумиловъ не учинилъ никакого крику, то они полагали, что онъ убитъ до смерти. Потомъ показатель изломалъ ломомъ висячій у подполья замокъ, а Калининъ вошелъ въ оное для грабежа, оставя его на караулѣ; вскорѣ показатель услышалъ крикъ, и увидѣвъ пришедшихъ нѣсколько крестьянъ, извѣстилъ о томъ товарища; они вышибли съ нимъ изъ окна раму и выско-

чивъ бѣжали въ поле, причемъ Калининъ ударилъ ломомъ крестьянина Христофора Пермякова по рукѣ. Не предвидя однакожъ средствъ укрыться отъ преслѣдовавшихъ крестьянъ, они остановились; ломъ, гирьку, и ножикъ съ ножнами они отдали настигшимъ ихъ крестьянамъ: Андрею, Епифану, Данилѣ и Филиппу Шешеговымъ, Степану Гурьянову и Христофору Пермякову, которые, связавъ ихъ, причинили имъ жестокіе побои, руками, рычагами, кольями и чѣмъ только могли найти. *) Во время поимки ихъ, у Калинина выпалъ изъ пазухи конецъ черной китайки, и платокъ, въ который были завернуты деньги, украденныя имъ изъ подполья. Платокъ этотъ схватилъ крестьянинъ Данила Шешеговъ и убѣжалъ, но, сколько было денегъ, показатель не знаетъ. Во время бытности Калинина въ подпольѣ, онъ Пермяковъ, оставаясь въ избѣ, нашелъ въ стоявшей подъ полкою коробкѣ ключъ отъ чулана, находящагося между печкою и стѣною, отперъ оный и забралъ висѣвшій тамъ кошелекъ съ 5 р. 45 к. сер., который при поимкѣ отъ него отобранъ. Находящаяся на немъ вишневая холщевая рубашка, взята имъ изъ дому, при уходѣ на службу; съ какого же поводу жена его Пермякова, Матрена, сказала, что рубаху эту видѣла въ клѣти на грядкѣ,—не знаетъ, ибо онъ Пермяковъ, въ домъ родныхъ не заходилъ, и никого изъ нихъ до поимки не видѣлъ. Былъ ли товарищемъ его Калининымъ украденъ изъ подполья серебрянный крестъ, не знаетъ и таковаго не видѣлъ; ножикъ съ ножнами и восковыя свѣчи куплены имъ Пермяковымъ въ Симбирскѣ, ломъ купленъ въ желѣзномъ заводѣ называемомъ Сюба, но въ какой губерніи и уѣздѣ, не знаетъ; гирька украдена въ Казани при покупкѣ хлѣба. Изъ казенныхъ вещей снесены ими только по одной парѣ сапоговъ, которые они бросили на дорогѣ въ лѣсу. Азямы украдены ими въ неизвѣстной деревнѣ въ 20 верстахъ отъ Симбирска изъ телѣгъ пріѣхавшихъ въ ту деревню съ сѣнокоса крестьянъ; онучи украдены съ забора въ неизвѣстной деревнѣ, а лапти куплены ими въ Казани **).

*) При освидѣтельствованіи Пермякова и Калинина становымъ приставомъ, на тѣлахъ ихъ дѣйствительно оказались синебагровыя и желтоватыя пятна отъ побоевъ.

**) Кромѣ сего оказалась у Пермякова шапка изъ чернаго сукна съ овчиннымъ черныхъ овчинъ втулкомъ и мерлушчетымъ околышемъ, у коей пришиты были человѣческіе волоса такогожъ цвѣта, какъ у Пермякова на головѣ; всѣ вещи эти оцѣнены въ 20 коп. сер.

Показанiе это подтвердилъ во всемъ согласно и подсудимый Федоръ *Калининъ* съ присовокупленiемъ, что былъ ли въ украденныхъ имъ Калининымъ изъ чулана деньгахъ серебряный крестъ, не знаетъ.

Семейные умершаго крестьянина Минея Шумилова показали:

Сынъ его *Филиппъ Шумиловъ*,—что 8 августа, онъ, жена его и дѣти ихъ, находясь на полѣ, услышали въ деревнѣ крикъ; въ это время прибѣжавшiй къ нему крестьянинъ Александръ Шешеговъ объявилъ ему, что оставшихся дома: отца его убили, а дочь Марью бросили въ колодезь. Показатель немедленно отправился домой верхомъ, и по прибытiи нашелъ отца своего лежащимъ на полу, изъ головы его въ двухъ мѣстахъ сильно истекала кровь; на спросъ его Филиппа, отецъ отвѣтилъ, что кто-то его билъ и при этихъ словахъ велѣлъ осмотрѣть, все ли въ цѣлости. Онъ Филиппъ, исполняя приказанiе отца, нашелъ чуланъ въ избѣ отпертымъ, а у подполья и у находящагося тамъ чулана оторванными висячiе замки; при этомъ украдено: изъ чулана, находящагося въ избѣ, холщевой кошлекъ съ 5 р. 45 коп. сер., а изъ подполья 25 р. сер., серебрянный крестъ, конецъ черной китайки и старая дѣтская рубаха. Засимъ онъ Филиппъ отправился на поле, гдѣ были пойманы преступники Пермяковъ и Калининъ, и въ это время возвращены ему отобранные отъ нихъ кошелекъ съ 5 р. 45 коп, сер., конецъ черной китайки и серебряный крестъ; 22 же руб. серебромъ найдены на другой уже день на лужкѣ сельскаго старшины Степана Валтышева, на бревнахъ подъ соломою, завернутые въ тряпкѣ; кѣмъ же положены тамъ эти деньги и изъ оныхъ утаены недостающiе 3 руб. серебромъ, ему Филиппу Шумилову неизвѣстно.

Жена Филиппа *Василиса*, ихъ дѣти: сынъ *Пимонъ*, и дочь *Аксинья* утвердили вышеупомянутое показанiе, а 8 лѣтняя ихъ же дочь *Марья* объяснила: «что 8 августа пополудни, когда всѣ домашнiе отправились на работу, она осталась въ домѣ и, замѣтивъ прибѣжавшихъ къ оному овецъ, вышла изъ избы, отперла ворота и впустила ихъ, и когда подошла къ хлѣву для впуска ихъ, то выскочили изъ онаго неизвѣстные ей два человѣка, зажали ей ротъ и бросили ее въ колодезь; опомнившись въ ономъ, она увидѣла себя стоявшею въ мокрой одеждѣ, у самой воды на срубахъ, держась руками за пазы; — колодезь

былъ закрытъ крышкою и бадьи въ ономъ не было; засимъ не теряя времени, она; ступая босыми ногами въ пазы и держась за оныя руками, пробралась наверхъ, отодвинула крышку и вылѣзла изъ колодезя, потомъ выбѣжала на улицу къ дому крестьянина Ивана Пермякова, и объявила ему о случившемся съ нею, причемъ добавила, что отъ ушиба при брошеніи ея въ колодезь, она чуствовала боль въ правой рукѣ ниже локтя.

Вновь спрошенные подсудимые *Пермяковъ* и *Калининъ* подтвердили прежнія свои показанія, объяснивъ, что они въ хлѣвѣ, въ который дѣвочка Марья хотѣла впустить овецъ, не были, а находились въ сараѣ, и что во время брошенія Марьи въ колодезь была въ оный спущена бадья.—На очной ставкѣ, данной подсудимымъ Пермякову и Калинину съ дѣвочкою Марьею, всѣ они утвердили свои показанія.

Семейные *подсудимаго* Абросима Пермякова показали:

Отецъ его *Николай Пермяковъ*,—что 8 августа, находясь на полѣ, освѣдомился о смертоубійствѣ крестьянина Шумилова и о поимкѣ преступниковъ. Подойдя къ деревни, онъ увидѣлъ связанныхъ: сына своего Абросима и знакомаго ему прежде Калинина; при семъ крестьянинъ Андрей Шешеговъ причинилъ показателю сильные побои, отъ которыхъ онъ лишился чувствъ. Показаніе это подтвердили: жена Николая, Федосья, дѣти ихъ: сыновья Кондратій, Еремѣй, Емельянъ, Филиппъ, дочь Аграфена, братъ Николая Пермякова, Архипъ, и жена подсудимаго Пермякова, Матрена. Послѣдняя присовокупила, что Абросимъ Пермяковъ въ домѣ ихъ не былъ и его они не укрывали; говорила ли она, что находящаяся на мужѣ ея рубашка хранилась въ клѣти на грядкѣ, не помнитъ потому, что при задержаніи Абросима Пермякова поимщики его причинили ей жестокіе побои.

Крестьяне: Андрей, Данила, Степанъ, и Филиппъ *Шешеговы*, Епифанъ *Шумиловъ*, и Христофоръ *Пермяковъ* пояснили, что они подсудимымъ Пермякову и Калинину при поимкѣ побоевъ не наносили, а ударили ихъ по затылкамъ каждый по одному или два раза, (исключая Христофора Пермякова), денегъ 25 руб. сер. у нихъ не отнимали, и не знаютъ, были ли у нихъ таковыя.

На очной ставкѣ, данной упомянутымъ крестьянамъ съ подсудимыми Пермяковымъ и Калининымъ, всѣ они подтвердили свои показанія, и изъ нихъ присовокупили: Христофоръ Пермяковъ,

что онъ, лишась чувствъ отъ удара, нанесеннаго ему Калининымъ ломомъ по рукѣ, не былъ при поимкѣ ихъ, а послѣдніе двое, что при поимкѣ ихъ Христофоръ Пермяковъ находился, и кромѣ вышеупомянутыхъ прибѣжали туда крестьяне Филиппъ Шешеговъ и Николай Горевъ, изъ коихъ послѣдній сказалъ, что надо ихъ Пермякова и Калинина убить до смерти; китайку же съ деньгами дѣйствительно схватилъ Данила Шешеговъ и убѣжалъ на лужекъ.—Но Филиппъ Шешеговъ и Николай Горевъ въ причиненіи подсудимымъ побоевъ и произнесеніи послѣднимъ словъ, что надо ихъ убить до смерти, не признались.—Крестьянинъ Андрей Шешеговъ въ отобранномъ отъ него показаніи и на очныхъ ставкахъ съ Николаемъ Пермяковымъ въ причиненіи сему послѣднему побоевъ также не сознался.

65 человѣкъ крестьянъ подъ присягою, и 3 безъ присяги показали: что подсудимымъ Пермякову и Калинину при поимкѣ ихъ, кромѣ нѣсколькихъ ударовъ по затылку,*) никто побоевъ не наносилъ, а равно они не видѣли, поднялъ ли и унесъ ли Данила Шешеговъ старую дѣтскую рубаху и китайку съ завернутыми въ оной 25 р. сер. уроненные Калининымъ. На Калининѣ рубаха была потная, а на Пермяковѣ чистая, и жена сего послѣдняго дѣйствительно говорила, что рубаха эта была у нея въ клѣти на грядкѣ, и не знаетъ какимъ образомъ оказалась на мужѣ ея, почему всѣ они имѣютъ подозрѣніе на родныхъ подсудимаго Пермякова въ укрывательствѣ его, тѣмъ болѣе, что отецъ его Николай Пермяковъ поведенія худаго, и за кражу судился вмѣстѣ съ сыномъ Абросимомъ. Родные же подсудимаго Калинина въ поведеніи одобрены, въ передержательствѣ его не заподозрѣны, и сами въ томъ не признались.

Въ военномъ судѣ подсудимые *Пермяковъ* и *Калининъ* подтвердили показанія, отобранныя отъ нихъ приставомъ 1-го стана нолинскаго уѣзда, присовокупивъ, что они выставили причиною побѣга то, что ихъ употребляли въ самыя трудныя работы, — по глупости,—и что это несправедливо.

Сообразивъ вышеизложенное, генералъ-аудиторіатъ нашелъ подсудимыхъ Абросима *Пермякова* и Федора *Калинина*, по соб-

*) Изъ протокола нолинскаго земскаго суда видно, что поступки крестьянъ, по предмету нанесенія подсудимымъ побоевъ предоставлены разсмотрѣнію уѣзднаго суда.

ственному ихъ признанію и по обстоятельствамъ дѣла, виновными въ томъ, что они 19 іюля 1846 года бѣжали изъ исправительнаго отдѣленія при симбирскомъ гарнизонѣ, съ намѣреніемъ — пройти на родину, вятской губерніи въ нолинскій уѣздъ, и лишить жизни жителя Пермяковскаго починка Минея Шумилова за то, что изъ нихъ Пермяковъ отданъ въ военную службу по объявленію его Шумилова объ учиненной у него Пермяковымъ кражѣ. Съ симъ предположеніемъ оба подсудимые прибыли 7 августа въ Пермяковскій починокъ, и войдя въ дворъ Шумилова, скрылись въ нежилой его избѣ, а на другой день поутру, когда всѣ семейные ушли на работу, и остались въ домѣ только Шумиловъ, престарѣлыхъ лѣтъ, и 8 лѣтняя внучка его Марья, то подсудимые, схвативъ эту внучку Марью, вышедшую изъ избы на дворъ, и зажавъ ей ротъ, бросили въ имѣющійся на дворѣ колодезь и закрыли оный крышкою; потомъ войдя въ избу, нанесли лежавшему на лавкѣ крестьянину Шумилову, желѣзнымъ ломомъ и чугунною гирею, въ голову нѣсколько ударовъ, и полагая, что онъ уже умерщвленъ, разломали замки у чулановъ и ограбили денегъ 30 р. 45 к. сер. конецъ черной китайки, серебряный крестъ и дѣтскую рубаху. Между тѣмъ дѣвочка Марья, вылѣзши изъ колодезя, дала знать о происшествіи крестьянину Ивану Пермякову, и когда послѣдній тотчасъ отправился въ домъ Шумилова съ сыновьями своими, то подсудимые, выбивъ изъ окна раму, бросились изъ деревни чрезъ яровое поле, но работавшими на ономъ крестьянами пойманы, и ограбленныя ими вещи и деньги, кромѣ утраченныхъ 3 р. с., возвращены по принадлежности. Крестьянинъ Шумиловъ отъ нанесенныхъ ему по головѣ ударовъ вскорѣ умеръ, а внучка его Марья показала, что она, по выходѣ изъ избы, схвачена была на дворѣ двумя выскочившими изъ хлѣва неизвѣстными солдатами, которые, зажавъ ей ротъ, бросили ее въ колодезь. Опомнившись въ ономъ, увидѣла себя стоявшею въ мокрой одеждѣ, у самой воды на срубахъ, и державшеюся за пазы, и какъ бадьи въ колодезѣ не было, то она, ступая босыми ногами въ пазы и держась за оныя руками, пробралась въ верхъ и, отодвинувъ крышку, вылѣзла изъ колодезя и, выбѣжавъ на улицу, объявила о происшествіи крестьянину Пермякову. По свидѣтельствованію колодезя, оказался оный глубиною въ 12 арш.; воды въ немъ на 3 арш.; срубы съ

вытесанными стѣнками, шириною внизу въ $1\frac{1}{2}$ ар., а къ верху въ 11 вершковъ. По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ опредѣлилъ: подсудимыхъ рядовыхъ Пермякова и Калинина, за побѣгъ изъ службы, нападеніе на домъ крестьянина Шумилова и смертоубійство его съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, ограбленіе у него денегъ и вещей, и за покушеніе на жизнь 8 лѣтней дѣвицы Марьи, которую они бросили въ колодезь съ намѣреніемъ утопить,—наказать шпицрутенами, прогнавъ чрезъ тысячу человѣкъ каждаго по три раза, и исключивъ изъ военнаго вѣдомства, на основаніи 1,923 и 1,924 ст. уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двадцать лѣтъ.

О прапорщикѣ Соболевѣ, убившемъ дворника и мальчика, и пытавшемся убить мѣщанина Попова съ цѣлью ограбить сигарочный магазинъ.

Прапорщикъ Соболевъ въ мартѣ 1843 года, находясь съ полкомъ въ Москвѣ, неоднократно (какъ самъ объяснилъ) ходилъ въ сигарочный магазинъ временнаго московскаго купца Шлезингера, и рѣшился убить сидѣвшаго въ томъ магазинѣ прикащика московскаго мѣщанина Попова съ тою цѣлію, чтобы ограбить изъ магазина деньги.—Въ семъ намѣреніи, 28-го числа того марта, въ 10-мъ часу вечера, Соболевъ вышелъ изъ квартиры своей, которую занималъ въ частномъ домѣ, взявъ съ собою желѣзный молотокъ и крѣпостнаго своего человѣка Павла Дмитріева.

Пришедши въ магазинъ вмѣстѣ съ своимъ человѣкомъ, прапорщикъ Соболевъ курилъ трубку и угощалъ мѣщанина Попова принесеннымъ съ собою ромомъ. Наконецъ, взявши Попова за руку, ударилъ его другою рукою молоткомъ въ високъ, отъ сего Поповъ упалъ, но въ то же время вскочивъ, выбѣжалъ изъ магазина и заперши оный, началъ кричать.—Между тѣмъ прапорщикъ Соболевъ съ человѣкомъ своимъ бросился чрезъ смежную съ магазиномъ комнату бѣжать на дворъ, и встрѣтивъ въ магазинѣ 14 лѣтняго мальчика Архипова, который намѣревался

удержать его, нанесъ ему тѣмъ же молоткомъ нѣсколько ранъ въ голову, а потомъ выбѣжавъ на дворъ, нанесъ также нѣсколько ранъ въ голову попавшемуся ему на встрѣчу дворнику, крестьянину Ивану Егорову, и освободившись такимъ образомъ отъ преслѣдованія, возвратился вмѣстѣ съ человѣкомъ въ свою квартиру, оставя въ магазинѣ фуражку, перчатки и галоши.

Вслѣдъ затѣмъ вошли въ магазинъ прибѣжавшіе по крику мѣщанина Попова полицейскіе служители и другія лица, но Соболева уже тамъ не нашли.

По медицинскому освидѣтельствованію признано, что ударъ, мѣщанину Попову нанесенный, не представлялъ опасности, а мальчикъ Архиповъ и дворникъ Егоровъ отправлены были для излеченія въ больницу и тамъ умерли: Архиповъ 1-го, а Егоровъ 3-го апрѣля, то-есть: первый чрезъ два дни, а послѣдній чрезъ четыре дни послѣ нанесенныхъ имъ ранъ.

Мѣщанинъ Поповъ прапорщика Соболева не зналъ, и потому (въ то время) никому извѣстно не было, что именно Соболевъ убійца; но Соболевъ, пришедши на свою квартиру и не могши заснуть (какъ показалъ) отъ мученія совѣсти, обратился къ квартировавшему вмѣстѣ съ нимъ полковому священнику и просилъ исповѣдать его Соболева; но священникъ, замѣтивши въ немъ сильное безпокойство и волненіе духа, не рѣшился исповѣдать его, но употребивъ увѣщаніе, убѣдилъ открыть сдѣланное имъ преступленіе.—Послѣ того священникъ въ ту же ночь представилъ Соболева полковому командиру, предъ которымъ Соболевъ также сознался въ преступленіи.

По производствѣ слѣдствія и суда, прапорщикъ *Соболевъ* подтвердивъ означенное сознаніе свое въ семъ преступленіи, объяснилъ, что мысль убить сидѣвшаго въ сигарномъ магазинѣ прикащика Попова и воспользоваться изъ магазина деньгами, поселилась въ немъ Соболевѣ дня за два прежде происшествія, и онъ рѣшился на это вслѣдствіе крайней нужды и заблужденія молодости, а прочимъ нанесъ удары молоткомъ, желая избавиться отъ поимки.

Крѣпостной человѣкъ прапорщика Соболева *Павелъ Дмитріевъ*, показывая согласно съ нимъ все вышеизложенное относительно того, какъ онъ былъ вмѣстѣ съ Соболевымъ въ магазинѣ и какъ Соболевъ, нанеся Попову и прочимъ удары, скрылся,—объ-

яснилъ, что Соболевъ былъ тогда въ нетрезвомъ видѣ, и что онъ Дмитріевъ не зналъ о намѣреніи помѣщика своего на грабежъ и убійство, а шелъ туда по его приказанію, и въ нанесеніи побоевъ съ нимъ не участвовалъ.

Прапорщикъ *Соболевъ* *) утверждая также, что Дмитріевъ не зналъ о такомъ намѣреніи его, присовокупилъ, что взялъ его съ собою не для сообщества въ преступленіи, а для того, чтобы при возвращеніи изъ магазина въ позднее время, не могъ кто либо обидѣть его.

Мѣщанинъ *Поповъ* показалъ, что когда онъ, послѣ нанесеннаго ему Соболевымъ удара, бѣжалъ изъ магазина, то Дмитріевъ старался удержать его.—При осмотрѣ на одеждѣ Дмитріева оказались кровавыя пятна.

Изъ формулярнаго списка подсудимаго видно, что онъ 23 лѣтъ, отъ роду, въ службу поступилъ изъ дворянъ орловской губерніи въ 1837 году, въ настоящемъ чинѣ состоитъ съ 1840 года, въ походахъ и штрафахъ не бывалъ; въ слабомъ отправленіи обязанностей службы, равно какъ и въ неприличномъ поведеніи оглашаемъ и изобличаемъ не былъ.

Генералъ-аудиторіатъ, по соображеніи сихъ обстоятельствъ, нашелъ подсудимаго прапорщика Соболева виновнымъ въ томъ, что онъ въ мартѣ 1843 года, состоя на службѣ въ углицкомъ егерскомъ полку и квартируя съ онымъ въ Москвѣ, рѣшился на убійство мѣщанина Попова, (торговавшаго въ сигарномъ магазинѣ), съ намѣреніемъ ограбить его. Для исполненія сего умысла, Соболевъ 28 числа того мѣсяца, въ 10 часу вечера, пришедши въ магазинъ съ крѣпостнымъ своимъ человѣкомъ, и найдя тамъ Попова съ 14-ти лѣтнимъ мальчикомъ, сперва угощалъ перваго изъ нихъ принесеннымъ съ собою ромомъ, а потомъ внезапно ударилъ его по головѣ желѣзнымъ молоткомъ, также

*) Прапорщикъ Соболевъ, вмѣстѣ съ преданіемъ военному суду по Высочайшему повелѣнію, исключенъ изъ службы съ тѣмъ, чтобы судебный объ немъ приговоръ приведенъ былъ въ исполненіе не въ воинскомъ уже его званіи, въ присутствіи углицкаго егерскаго полка, и чтобы преступникъ сей выведенъ былъ къ обряду въ сюртукѣ безъ эполетъ, а по снятіи съ него сюртука и по переломленіи надъ нимъ шпаги по правиламъ, въ 502 ст. 2 кн. воинс-уголовнаго устава предписаннымъ, надѣта была на него тамъ же одежда ссыльнаго.

принесеннымъ съ собою, а когда Поповъ, послѣ сего удара, успѣлъ уйти изъ магазина и началъ кричать,—то Соболевъ бросился бѣжать чрезъ сосѣднюю комнату на дворъ, и встрѣтивъ мальчика, хотѣвшаго удержать его, нанесъ ему тѣмъ же молоткомъ въ голову нѣсколько жестокихъ ранъ, а потомъ, выбѣжавъ на дворъ, причинилъ такія же раны попавшемуся ему дворнику, и избавившись такимъ образомъ отъ поимки, вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ человѣкомъ скрылся; но пришедши на квартиру, почувствовалъ угрызеніе совѣсти и тогда же открылъ сіе преступленіе свое квартировавшему съ нимъ полковому священнику, а потомъ сіе сознаніе свое подтвердилъ какъ предъ полковымъ командиромъ, къ коему тогда же былъ священникомъ представленъ, такъ при слѣдствіи и въ судѣ, объяснивъ, что рѣшился убить и ограбить мѣщанина Попова за два дня до происшествія, а мальчику и дворнику нанесъ раны, избѣгая поимки. Ударъ, мѣщанину Попову нанесенный, вредныхъ послѣдствій не имѣлъ, — мальчикъ же чрезъ два дни, а дворникъ чрезъ четыре дня, отъ причиненныхъ имъ ранъ умерли. Посему генералъ-аудиторіатъ полагалъ: подсудимаго прапорщика Соболева за означенныя смертоубійства и покушеніе на грабежъ, на основаніи свода военныхъ постановленій, военно-уголовнаго устава, книги 1-й, ст. 376, лишивъ чина и дворянскаго достоинства, съ переломленіемъ надъ нимъ, по важности сдѣланнаго имъ преступленія, предъ фронтомъ шпаги, сослать въ Сибирь въ каторжную работу.—Конфирмацію сію исполнить, согласно послѣдовавшему по первому донесенію о семъ происшествіи Высочайшему повелѣнію, предъ углицкимъ егерскимъ полкомъ, выведя его Соболева въ сюртукѣ, но, какъ исключеннаго уже изъ военной службы, безъ эполетъ, а по снятіи съ него сюртука, и по переломленіи надъ нимъ шпаги по правиламъ, предписаннымъ въ 502 статьѣ, 2 книги военно-уголовнаго устава, надѣть на него тамъ же одежду ссыльнаго. Крѣпостнаго же человѣка подсудимаго, Павла Дмитріева, бывшаго съ нимъ при совершеніи преступленія, предать уголовному суду, для чего настоящее дѣло вмѣстѣ съ нимъ Дмитріевымъ передать въ распоряженіе гражданскаго начальства.

На подлинномъ докладѣ генералъ-аудиторіата послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація:

«Быть по сему, но крѣпостнаго человѣка въ военную службу отдать, не предавая суду. Николай. С.-Петербургъ. 28 мая 1843 года».

Убійство юнкеромъ Александромъ Баранцевымъ татарина Гибетъуллина и его работника, (сопровождаемое ограбленіемъ у перваго изъ нихъ шкатулки съ деньгами.)

При изложеніи этого процесса, заслуживающаго вниманія по жестокости, съ которою совершено было преступленіе, и по его необычайности, (такъ-какъ случаи, чтобы лице, происходящее изъ дворянъ, рѣшилось на убійство съ цѣлью грабежа, представляютъ явленіе сравнительно рѣдкое), — мы отступимъ отъ подлиннаго производства лишь на столько, на сколько это необходимо для краткости и вразумительности разсказа. *)

Юнкеръ Александръ Баранцевъ, происходящій изъ дворянъ, въ началѣ октября 1838 года, былъ посланъ эскадроннымъ командиромъ ротмистромъ Левашевымъ въ белебейскій уѣздъ (оренбургской губ.) для покупки фуража. Находясь по этому поводу въ селѣ Ерлыковѣ, Баранцевъ встрѣтился тамъ 25 декабря съ знакомымъ ему татариномъ Хуснутдиномъ Гибетъуллиномъ, ѣздившимъ по разнымъ деревнямъ для торговли товарами, по довѣренности купеческаго сына Ишмуратова.

На слѣдующій день, поутру, они выѣхали въ одно время изъ села Ерлыкова, Баранцевъ въ деревню Шатманъ-Тамакову съ цѣлью закупки фуража, а Гибетъуллинъ въ ближайшія деревни, и прибыли вмѣстѣ въ полдень въ башкирскую деревню Сатыеву. Здѣсь Баранцевъ, замѣтя у Гибетъуллина въ шкатулкѣ много

*) По этому дѣлу слѣдователи ограничились приведеніемъ въ извѣстность лишь внѣшней стороны его, состоящей въ раскрытіи объективныхъ признаковъ преступленія, и совершенно упустили изъ виду психологическую сторону дѣла,—приведеніе въ извѣстность обстоятельствъ, побудившихъ Баранцева къ совершенію преступленія, изученіе личности преступника и его предшествовавшей жизни.

денегъ, и будучи довольно уже пьянъ, возъимѣлъ намѣреніе при удобномъ случаѣ убить какъ его, такъ и бывшаго съ нимъ работника Мрата и чрезъ то воспользоваться тѣми деньгами; посему, отказавшись отъ предполагаемой поѣздки въ деревню Тамакову, Баранцевъ выѣхалъ того же дня вечеромъ вмѣстѣ съ упомянутыми татарами въ деревню Баязитову. Дорогой Баранцевъ подъ предлогомъ усталости своей лошади, привязавъ ее сзади саней Гибетьуллина, самъ сѣлъ съ нимъ въ одни сани и, проѣхавъ такимъ образомъ нѣкоторое разстояніе, выстрѣлилъ вдругъ изъ пистолета въ Гибетьуллина, который, бывъ раненъ, упалъ; а Баранцевъ въ ту же минуту съ имѣвшимся при немъ кинжаломъ, бросясь на работника его, лишилъ его жизни, нанеся ему нѣсколько ранъ, изъ коихъ послѣднюю въ шею противъ горла, и, *повернувъ кинжаломъ*, отломилъ конецъ онаго; какъ-же Гибетьуллинъ еще былъ живъ, то Баранцевъ нанесъ и ему отломкомъ того кинжала нѣсколько ранъ, чѣмъ совершенно прекратилъ его жизнь.—Засимъ, отвезя сани убитыхъ съ бывшимъ на нихъ товаромъ съ дороги въ сторону, а тѣла оставивъ на мѣстѣ преступленія, Баранцевъ взялъ изъ воза упомянутую шкатулку и нѣкоторыя вещи, и возвратился на своей лошади въ д. Сатыеву, а оттуда на взятой подводѣ въ тотъ же день вечеромъ прибылъ въ село Ерлыково, гдѣ скрытно отъ всѣхъ замылъ кровь, бывшую у него на шубѣ, и, разломавъ у шкатулки замки, вынулъ изъ нея денегъ по показанію его 667 р. золотомъ и серебромъ.*)

Засимъ 28 декабря Баранцевъ отправился въ эскадронъ въ д. Кровкову (стерлитамацкаго уѣзда), взявъ съ собою и упомянутую шкатулку, но опасаясь, чтобы при внезапномъ обыскѣ въ его квартирѣ не могла быть она отыскана, бросилъ ее въ колодезь, находящійся на дворѣ его квартиры, гдѣ она впослѣдствіи найдена и вмѣстѣ съ оказавшимися въ квартирѣ Баранцева вещами и товарами, принадлежавшими убитому татарину, возвращена купеческому сыну Ишмуратову. Изъ ограбленныхъ же де-

*) Купеческій сынъ Ишмуратовъ объявилъ, что убитому Гибетьуллину дано было имъ для торговли и другихъ купеческихъ оборотовъ болѣе 3 т. р. на ассигнаціи. Была ли у Гибетьуллина въ шкатулкѣ такая сумма или не болѣе той, сколько показываетъ Баранцевъ, слѣдователями не приведено въ извѣстность.

негъ Баранцевъ отдалъ эскадронному командиру ротмистру Левашеву 387 руб., сказавъ ему, что эти деньги остались у него въ экономіи отъ выданныхъ ему на покупку фуража 700 руб., и затѣмъ уволенъ былъ для свиданія съ матерью въ г. Уфу, однако вскорѣ по возникшему на него подозрѣнію въ убійствѣ означенныхъ татаръ, тѣла коихъ на другой день были найдены, отправленъ въ эскадронъ. При семъ оставшіеся у Баранцева изъ числа ограбленныхъ денегъ 280 руб., отобраны у него его братомъ.

Въ самомъ преступленіи Баранцевъ учинилъ сознаніе при первомъ же допросѣ; но относительно причинъ, побудившихъ его къ совершенію убійства, показывалъ различно, именно: при слѣдствіи,—что въ проѣздъ его съ упомянутыми татарами онъ, сидя съ Гибетьуллинымъ въ однихъ саняхъ, захотѣлъ покурить трубку. Въ намѣреніи высѣчь огня изъ пистолета, онъ натеръ трутъ порохомъ, имѣвшимся на полкѣ бывшаго съ нимъ заряженнаго пистолета, и положилъ оный на полку, не полагая, что пистолетъ выстрѣлитъ; но при спускѣ курка онъ выстрѣлилъ и попалъ прямо въ Гибетьуллина, который отъ того упалъ, а онъ Баранцевъ испугавшись сего, пришелъ внѣ себя и въ изступленіи зарѣзалъ работника Мрата кинжаломъ, думая, что тѣмъ скроются слѣды преступленія.

Въ военномъ же судѣ Баранцевъ объяснилъ, что Гибетьуллинъ дорогой неоднократно спрашивалъ его, заряженъ ли у него пистолетъ, наконецъ просилъ показать ему оный, но онъ Баранцевъ изъ осторожности его не далъ.—Послѣ того Гибетьуллинъ вынулъ изъ своихъ саней цѣпь, и закричавъ работнику что-то по татарски, бросился вмѣстѣ съ нимъ на него Баранцева, почему показатель защищаясь выстрѣлилъ въ Гибетьуллина изъ пистолета, а потомъ заколол҄ъ кинжаломъ работника, и видя Гибетьуллина еще живымъ, дабы онъ отъ нанесенной ему раны не мучился, ударилъ его нѣсколько разъ пистолетною ложею въ голову, чѣмъ и причинилъ ему смерть.

Наконецъ Баранцевъ учинилъ полное сознаніе, и потому объ убійствѣ и ограбленіи татаръ разсказалъ то, что нами изложено выше,—присовокупивъ, что онъ рѣшился на убійство единственно съ намѣреніемъ воспользоваться деньгами, которыя онъ замѣ-

тилъ у Гибетъуллина, и что кромѣ его участниковъ въ семъ злодѣяніи никого не было.

Впослѣдствіи Баранцевъ, опровергая это сознаніе, показалъ, что онъ участникомъ въ убійствѣ не былъ, а сознался въ томъ какъ при слѣдствіи, такъ и въ судѣ—несправедливо, единственно по принужденію присутствующихъ, которые, обѣщая ему смягчить наказаніе за раскаяніе его въ преступленіи, вынуждали сдѣлать во всемъ сознаніе, что̀ и заставило его принять на себя убійство; затѣмъ Баранцевъ, настаивая о переслѣдованіи дѣла, изъяснялъ, что убійство вѣроятно было совершено тремя неизвѣстными ему иновѣрцами, которые (будто бы) обогнали дорогою Гибетъуллина и его работника, и когда онъ Баранцевъ оставя ихъ, воротился въ свое мѣсто, то ему видно было, какъ тѣ иновѣрцы ѣхали съ ними вмѣстѣ.—Въ отношеніи же найденной въ колодцѣ квартиры его Баранцева шкатулки, принадлежавшей убитымъ, онъ показалъ, что шкатулку эту подбросилъ ему какой-то неизвѣстный татаринъ, котораго онъ отъ испуга не задержалъ.

По содержанію сего показанія Баранцева, слѣдователи привели въ извѣстность: 1) что предъ совершеніемъ преступленія, Баранцевъ ѣхалъ вмѣстѣ съ убитыми, что̀ видѣли многіе жители; 2) что нѣкоторыя изъ собственныхъ вещей Баранцева оказались при тѣлахъ убитыхъ, а сани, на коихъ онъ тогда ѣздилъ, найдены забрызганными въ крови; 3) что шкатулка, одному изъ убитыхъ принадлежавшая, найдена въ колодезѣ того дома, гдѣ жилъ Баранцевъ, а въ самой квартирѣ его оказались разныя вещи, тоже принадлежавшія убитымъ; 4) что Баранцевъ, во избѣжаніе наказанія, замышлялъ ложно объявить въ судѣ, будто убійство учинено имъ въ припадкѣ умоизступленія, и съ этой цѣлью собственноручными записками просилъ родственниковъ своихъ, чтобы они, въ случаѣ спроса ихъ, показали, что съ нимъ бывали припадки въ родѣ сумасшествія. — Но замысла сего Баранцевъ исполнить не успѣлъ, потому, что оный былъ въ свое время обнаруженъ.

Сверхъ вышеизложенныхъ преступленій, Баранцевъ обвиненъ еще въ томъ, что онъ во время содержанія подъ стражею въ оренбургскомъ тюремномъ замкѣ имѣлъ переписку съ арестантомъ, рядовымъ 1-го линейнаго оренбургскаго баталіона Иваномъ

Уланомъ, судившимся за преступный замыслъ составить въ Оренбургѣ шайку разбойниковъ.—Изъ переписки этой видно, что заговорщики имѣли умыселъ отравить караульныхъ дурманомъ и воспользоваться чрезъ то случаемъ къ побѣгу.

Кромѣ того Баранцевъ навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ составленіи найденной у него въ квартирѣ фальшивой подорожной на имя поручика Баранцева, выданной 27 декабря 1838 г. (будто бы) для проѣзда по оренбургской губерніи за покупкою фуража; но подсудимый отозвался, что подорожная писана не имъ; по сличеніи почерка пятью секретарями, подорожная признана писанною почеркомъ, сходнымъ съ почеркомъ Баранцева.

По симъ обстоятельствамъ генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго юнкера Баранцева виновнымъ въ томъ, что онъ во время бытности въ белебейскомъ уѣздѣ для покупки въ эскадронъ фуража, 26 декабря 1838 года въ д. Сатыевой, замѣтивъ у встрѣтившагося съ нимъ торговца разными товарами татарина Гибетъуллина много денегъ въ шкатулкѣ, принялъ намѣреніе воспользоваться ими чрезъ убійство его и бывшаго съ нимъ работника, и потому дорогою, подъ предлогомъ усталости своей лошади, сѣлъ къ нимъ въ сани, и улучивъ время, выстрѣлилъ изъ пистолета въ Гибетъуллина, а когда послѣдній, бывъ раненъ этимъ выстрѣломъ, упалъ, то Баранцевъ въ то же мгновеніе бросился на работника и, нанеся ему нѣсколько ранъ кинжаломъ, лишилъ его жизни, и какъ Гибетъуллинъ былъ еще живъ, то нанесъ и ему нѣсколько ранъ тѣмъ же кинжаломъ, чѣмъ совершенно прекратилъ его жизнь; засимъ отвезя сани убитыхъ съ бывшимъ на нихъ товаромъ отъ дороги въ сторону, а тѣла оставивъ на мѣстѣ, взялъ съ собою нѣсколько вещей, принадлежавшихъ Гибетъуллину, вмѣстѣ съ шкатулкою, въ которой по показанію его нашелъ денегъ 667 руб. и отправился на родину; но вскорѣ по обнаружившемуся на него подозрѣнію былъ взятъ, и при производствѣ дѣла самъ въ означенномъ злодѣяніи сознался; впослѣдствіи же хотя онъ и началъ отъ того отрекаться, показывая, что будто преступленіе это взвелъ на себя по принужденію присутствующихъ, но такое показаніе его не заслуживаетъ уваженія и опровергается открытыми по дѣлу обстоятельствами. Потому генералъ-аудиторіатъ полагалъ: 1)

подсудимаго юнкера Баранцева, за убійство двухъ татаръ и ограбленіе ихъ, равно за обнаруженное намѣреніе его отравить обще съ другимъ арестантомъ караульныхъ нижнихъ чиновъ, дабы чрезъ то воспользоваться случаемъ къ побѣгу, лишивъ юнкерскаго званія и дворянскаго достоинства, сослать въ Сибирь *въ каторжную работу*. 2) На удовлетвореніе претензіи, простираемой купеческимъ сыномъ Ишмуратовымъ, у коего убитый Гибетьуллинъ находился приказчикомъ, всего вещами и деньгами на 5,050 руб. обратить описанное и хранящееся въ оренбургскомъ ордонансъ-гаузѣ имущество подсудимаго. Сверхъ того на пополненіе той же претензіи взыскать: а) съ эскадроннаго командира ротмистра Левашева 387 руб., отданные ему Баранцевымъ изъ числа ограбленныхъ у убитыхъ татаръ, подъ предлогомъ оставшихся отъ покупки фуража, и b) Съ брата подсудимаго подпоручика Баранцева 280 руб., отобранныхъ имъ при отправленіи его изъ г. Уфы въ эскадронъ.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ генералъ-аудиторіата послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: «Быть по сему. Николай. Царское село. 12 сентября 1840 г.».

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРОЦЕССОВЪ.

Стр.

Стр.

